Новое Слово

Журналъ

научно-литературный
и
политическій

Годъ II. Кн. 7.

Апрѣль 1897.

Издатель Г.

1897 г.—Апрѣль. № 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА. Романъ. I—IV. В. Свѣтлова. . . . 1— 24
2. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. К. Т—на. . . . . 25— 50
3. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXX—XXXIV. К. Ельцовой. 51— 82
4. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ И ОТНОШЕНІЙ ВЪ ГЕРМАНІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. С. Т. Р. . 84— 96
5. «ХЛѢБЪ ВЕЗУТЪ». (Въ лѣтопись голоднаго года). Очеркъ Евгенія Чирикова. . . . . 97—111
6. ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ. *(Окончаніе)*. М. Кроля. . . . . 112—141
7. ЦЫГАНЕ. Разсказъ Ивана Франко. (Переводъ съ галицкаго). 142—151
8. КРОКОДИЛЪ. Разсказъ Клеменса Юнòша. (Переводъ съ польскаго В. Кемница). . . . . 152—156
9. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Кн. IV и V. Генриха Понтопидана. (Съ датскаго) . . . . . 157—188

10. ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАПИТАЛА ВЪ РАЗВИТІИ НАШЕЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. М. Туганъ-Барановскаго. . . . . 1— 33
11. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. II. Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому. Novus. . . . . 34— 62
12. СУДЬБЫ РУССКОЙ КРИТИКИ. (А. Л. Волынскій. Русскіе критики.). Статья I-я. Н. Каменскаго. . . . . 63— 92
13. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика.** Гюи-де-Мопасанъ. Чудный другъ и другіе разсказы. Пер. съ франц. Л. Н. Никифорова. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—Ив. А. Бунинъ. На край свѣта и другіе разсказы. — II. **Политическая экономія. Соціологія. Антропологія.** Гергартъ фонъ-Шульце-Геверницъ. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Перев. съ нѣм. Л. Б. Красина, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве. Съ приложеніемъ лекціи проф. Е. Филипповича: Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры.—

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 7.

АПРѢЛЬ

1897.

Под. Ин-т им. Герцена
Журнальный
фонд
56269

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1897 г.—Апрѣль. № 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА. Романъ. I—IV. В. Свѣтлова. . . . 1— 24
2. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. К. Т—на. . . . . 25— 50
3. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXX—XXXIV. К. Ельцовой. 51— 82
4. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ И ОТНОШЕНІЙ ВЪ ГЕРМАНІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. С. Т. Р. . 84— 96
5. «ХЛѢБЪ ВЕЗУТЪ». (Въ лѣтопись голоднаго года). Очеркъ Евгенія Чирикова. . . . . 97—111
6. ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ. *(Окончаніе)*. М. Кроля. . . . . 112—141
7. ЦЫГАНЕ. Разсказъ Ивана Франко. (Переводъ съ галицкаго). 142—151
8. КРОКОДИЛЪ. Разсказъ Клеменса Юнòша. (Переводъ съ польскаго В. Кемница). . . . . 152—156
9. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Кн. IV и V. Генриха Понтопидана. (Съ датскаго) . . . . . 157—188

---

10. ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАПИТАЛА ВЪ РАЗВИТІИ НАШЕЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. М. Туганъ-Барановскаго. . . . . 1— 33
11. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. П. Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому. Novus. . . . . 34— 62
12. СУДЬБЫ РУССКОЙ КРИТИКИ. (А. Л. Волынскій. Русскіе критики.). Статья I-я. Н. Каменскаго. . . . . 63— 92
13. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика.** Гюи-де-Мопасанъ. Чудный другъ и другіе разсказы. Пер. съ франц. Л. Н. Никифорова. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—Ив. А. Бунинъ. На край свѣта и другіе разсказы. — II. **Политическая экономія. Соціологія. Антропологія.** Гергартъ фонъ-Шульце-Геверницъ. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Перев. съ нѣм. Л. Б. Красина, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве. Съ приложеніемъ лекціи проф. Е. Филипповича: Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры.—

Исторія религій. А. Мензиса. Перев. съ англ. М. Чепинской.—Антропологія. Л. Кржившцкаго. Перев. съ польск. С. Д. Романовскаго-Романько, подъ ред. Р. И. Сементковскаго . . . . . 93—115

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. ЛИЧНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ. **Н. Дружинина.** . . . . . 116—143

II. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ КАРТИНКИ. (Изъ наблюденій счетчиковъ). **С. Г—ина.** . . . . . 143—168

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Чернигова. (Къ характеристикѣ экономической дѣятельности черниговскаго земства). **Петра Черепанина.**—Изъ Ряжска, Рязанской губерніи. (На земскомъ собраніи). **Отставного учителя.**—Псковъ. (Вопросъ о народномъ образованіи въ псковскомъ губернскомъ земствѣ). **Б—вой.** . . . . . 169—194

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Война между Вассосомъ и Европой.—Протестъ Вассоса.—Греко-турецкій конфликтъ съ точки зрѣнія международнаго права.—Проектъ бомбардировки аѳинскаго парламента и голоданіе русскихъ офицеровъ.—Новыя избіенія армянъ.—Желтая книга.—Морскія пренія въ рейхстагѣ.—Юбилей Вильгельма «Великаго».—«Нѣмецкая душа».—Мрачное настроеніе Бисмарка.—Покровители рабочихъ.—Французскіе соціалисты.—Возобновленіе «Панамы».—Прусскіе комментаріи къ французскому военному законопроекту.—Положеніе нетитулованнаго русскаго за границей.—Составъ новаго рейхсрата.—Затруднительное положеніе графа Бадени.—Помолвка младочеховъ съ правительствомъ.—Составъ новой итальянской палаты.—Полное пораженіе Криспи.—Рѣчь Цанарделли. **В. П.** . . . . . 195—216

Политическіе выборы въ Галиціи. (Впечатлѣнія туриста). **В. Водовозова.** . . . . . 217—228

16. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Законность и ея отношеніе къ содержанію закона.—Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ.—Нѣсколько фактовъ въ лѣтопись періодической печати и современное ея юридическое положеніе.—Историческая справка по этому вопросу.—Пересмотръ акціонернаго законодательства. Характеристика нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Цитовича.—Расширеніе полномочій главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ.—«Дворянскій вопросъ» и отношеніе реакціонной печати къ дворянству. Статья г. Чичерина. **П. Б.** . . . . . 229—243

17. А. Н. МАЙКОВЪ. (Некрологъ). 244

18. И. А. КЕЙССЛЕРЪ. (Некрологъ). 245

19. ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ СТУДЕНТАМЪ ИМП. С.-ПЕТЕРБ. УНИВ. 246

20. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ мартѣ.

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

22. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана.** . . . . . 257—288

При этой книжкѣ разсылается отдѣльное объявленіе «Баваръ марокъ».

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.

ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА.

I.

Тоскливое, сѣрое утро. Чуть забрежжилъ разсвѣтъ. Низко надъ городомъ ползутъ сплошныя, бѣловатыя тучи; вотъ пойдетъ снѣгъ—не смотря на то, что въ скоромъ времени должна наступить весна,—и цѣлый день въ промозгломъ, сыромъ воздухѣ будутъ мелькать мотыльки и пушинки; улицы примутъ еще болѣе грязный, еще болѣе унылый видъ. На улицахъ пусто; кое-гдѣ у скользкихъ тротуаровъ стоятъ въ одиночку ночные извозчики и тяжело дремлютъ на своихъ неудобныхъ козлахъ въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ.

Городъ спитъ; усталые и разбитые жизнью въ столицѣ люди набираются силъ, чтобы при свѣтѣ лампъ и фонарей проснуться въ это утро, похожее на вечеръ, и начать снова борьбу за существованіе съ его обидами, разочарованіями и паденіями.

Тихо спятъ и „сестры“ въ обширномъ дортуарѣ общины. Трудовой день прошелъ, и короткая для нихъ ночь близится къ концу. Онѣ встаютъ рано, ложатся поздно, потому что ихъ жизнь, ихъ умъ, ихъ сердце отданы на служеніе страждущему человѣчеству.

Разбитыя физически онѣ въ изнеможеніи добираются до постелей и засыпаютъ сразу, какъ подъ новомоднымъ наркозомъ, введеннымъ въ ихъ лѣчебницѣ любимымъ профессоромъ. Тяжелые сны витаютъ надъ ними, организуясь изъ впечатлѣній минувшаго дня и пріобрѣтая силу реальности. Но усталое тѣло побѣждаетъ усталый умъ, и сны эти недолго мучаютъ ихъ. Плохо было бы, если бы онѣ лишились благодѣтельнаго сна! Что стали бы дѣлать тогда эти больные, порученные имъ, эти страдальцы, для которыхъ бодрыя, ласковыя лица „сестеръ“ составляютъ теперь единственное утѣшеніе въ обездоленной жизни?

Ровно дышатъ подъ одинаковыми сѣрыми одѣялами усталыя дѣвичьи груди. Кое-гдѣ лишь раздается короткій стонъ, отрывистый вздохъ: больной сонъ тревожитъ ту или другую сестру. Печально и тускло мигаетъ синеватый огонекъ въ двухъ концахъ дортуара; приспущенные газовые рожки еле освѣщаютъ комнату,

бросая въ нее какія-то странныя, колеблющіяся волны тѣней. Чудится присутствіе невидимаго духа жизни, осѣняющаго таинственнымъ крыломъ этихъ молодыхъ подвижницъ.

Медленно, гулко пробили стѣнные часы. Шесть ударовъ; утро, похожее на безпросвѣтно-унылую ночь, началось. На улицахъ мигаютъ фонари; далеко надъ домами свинцовыя тучи съ свѣтлыми краями затянули бѣлесоватую полосу, гдѣ только очень опытный глазъ могъ бы разобрать отдаленныя зачатки сѣвернаго зимняго разсвѣта. За окнами густая сѣтка снѣга казалась безконечной занавѣсью, спускавшейся съ неба, какъ будто невѣдомый властитель міра рѣшился навсегда отдѣлить этотъ печальный городъ несокрушимой стѣною тумановъ и непогодъ отъ другихъ веселыхъ и счастливыхъ странъ, гдѣ высоко на голубомъ небѣ сіяетъ золотое солнце, гдѣ растетъ изумрудная зелень, гдѣ жизнь бьетъ ключомъ и гдѣ люди не такъ испуганы жизнью, какъ въ этой обреченной каменной гробницѣ.

Гдѣ-то вдали загрохотали колеса извозчичьихъ дрожекъ. Глухой, дробный звукъ родился и исчезъ, какъ будто растаявъ за бѣлой занавѣсью снѣга.

Въ дортуарѣ началась жизнь.

II.

Старшая сестра Ниманъ-Гольде, свѣжая старушка, проснулась первая. Старческій сонъ ея былъ чутокъ; ложилась она позже всѣхъ, вставала раньше всѣхъ. Она не ухаживала за больными, но каждому больному она была нужна: кому требовался чистый халатъ, кому мягче подушка, кому лишняя рюмка вина. Гремя ключами, цѣлый день сновала она изъ бѣльевой въ буфетную, изъ буфетной въ общія комнаты и оттуда къ начальницѣ съ докладомъ. Подъ ея же наблюденіемъ были и сестры, обращавшіяся къ ней съ разными вопросами и за всевозможными разрѣшеніями. Много было у нея дѣла, но она была неутомима. Въ своемъ коричневомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, на которомъ нашитъ былъ широкій красный крестъ, носилась она по коридорамъ общины, какъ добрый духъ этой обители. Металлическій крестъ на алой лентѣ и медаль украшали ея грудь. Всѣ ее звали „бабушкой“, и она охотно отзывалась на это прозвище, которое ей очень самой нравилось.

Сквозь утреннюю дрему разслышала она стукъ колесъ на улицѣ, еще неуспѣвшей покрыться снѣгомъ, и гулкій бой часовъ. Она не считала ударовъ: она и безъ нихъ знала, что настало

время вставанія и, приподнявшись на кровати, устремила свои все еще молодые глаза на образъ Богоматери.

Бабушка перекрестилась.

— „Отъ сна возставъ“, начала она молиться, шопотомъ произнося слова, давно заученныя ею и тысячу разъ повторенныя: „благодарю тя, Христе, Боже нашъ, яко многія ради твоея благости и долготерпѣнія, не прогнѣвался еси на мя лѣнивую и грѣшную рабу свою“...

Она не знала, правильно ли она произносила молитвенныя слова и такова ли именно должна быть утренняя молитва, но она такъ ужъ сложилась въ ея головѣ, и переучивать ее ей не приходило на умъ. Послѣ этой молитвы она еще читала „Отче нашъ“ и произносила нѣсколько словъ „собственнаго сочиненія“ о „недугующихъ и болящихъ“, испрашивая имъ отъ Всевышняго исцѣленіе и отпущеніе грѣховъ.

Сестра Петренко, немолодая дѣвушка съ томной грустью въ усталыхъ глазахъ и съ жаждой христіанскаго подвига въ сердцѣ, читавшая въ церкви апостола и считавшая себя компетентною въ религіозныхъ дѣлахъ, въ рѣдкія минуты интимнаго разговора съ бабушкой, пробовала внушить ей, что она молится неправильно. Проснувшись отъ сна, слѣдуетъ сосредоточиться, помолчать, прогнать отъ себя послѣдніе слѣды дремоты; потомъ стать на молитву, истово произносить *точныя* слова молитвы, указанныя въ „краткомъ молитвословѣ“, и отнюдь не допускать себя до сочиненія собственныхъ молитвъ, потому что такимъ образомъ легко впасть въ невольный грѣхъ. Обыкновенные люди не могутъ знать, какія слова угодны Богу, и надъ сочиненіемъ молитвъ думало много умнѣйшихъ отцовъ церкви и занималось составленіемъ ихъ немало церковныхъ соборовъ.

— Все это пустое,—возражала бабушка:—тѣ слова угодны Богу, которыя идутъ отъ самаго сердца. И безъ словъ Господь читаетъ въ нашей душѣ. Это ужъ такъ, по привычкѣ говорятся слова... А стоять на молитвѣ я не могу. Ужъ я не молоденькая, да и ноги у меня ноютъ что-то. Силы мои нужны больнымъ, а больные-то вѣдь всѣ подъ Его покровительствомъ...

Бабушка встала, медленно одѣлась и подошла къ окну.

— Снѣгъ-то, снѣгъ повалилъ какой!—проговорила она, задумчиво глядя на медленно опускавшуюся за окномъ бѣлую занавѣсь.

Повернувъ отъ окна, она пошла въ умывальню. Она нарочно продѣлывала всѣ свои утреннія дѣла въ полной тишинѣ дортуа-

ра. Ей не хотѣлось будить сестеръ и отымать отъ ихъ нѣсколько лишнихъ минутъ сна. Пусть спятъ; онѣ еще молоды, сонъ ихъ крѣпокъ, и, можетъ быть, въ жизни много выпадетъ еще на ихъ долю безсонныхъ часовъ.

Но когда она уже окончательно была готова, медлить больше было невозможно. Она подошла къ газовымъ рожкамъ, отвернула ихъ, ярко освѣтивъ спальню и хлопнувъ въ ладоши, своимъ еще свѣжимъ голосомъ крикнула:

— Вставайте, сестрицы, вставайте!..

Кое-кто вздохнулъ, просыпаясь; кое-кто зѣвнулъ, сладко потягиваясь. Кому охота была просыпаться такую рань и изъ-подъ теплаго одѣяла вылѣзать на холодъ? А въ комнатѣ къ утру становилось свѣжо. Но дѣлать было нечего; всѣ знали бабушку за добрую женщину, но неумолимую при исполненіи служебныхъ обязанностей. Она все равно будетъ подходить къ каждой кровати и будить спящую на ней, пока та не встанетъ.

Въ дортуарѣ дѣлалось шумно. Сестры вставали. Вяло начинались разговоры; неохотно спрашивали, еще неохотнѣе, сквозь зѣвки и потягиванья, отвѣчали; но по мѣрѣ того, какъ шло время, разговоры становились оживленнѣе; раздавались шутки и смѣхъ.

Сестра Бакланова, быстро вскочивъ на постели и вытянувъ изъ подъ одѣяла свои полныя, красивыя ноги, стала натягивать на нихъ черныя чулки; круглое, нѣсколько мясистое, но красивое лицо ея улыбалось во весь ротъ; веселые, чуть прищуренные темно-каріе глаза быстро оглядывали спальню. Низкимъ грудным голосомъ она окрикнула своихъ подругъ:

— Сестры! Вставать—не валяться!

Потомъ она замурлыкала что-то себѣ подъ носъ и надѣла черезъ голову юбку.

— Лба не перекрестила, а ужъ поетъ!—проговорила, шутливо грозя ей пальцемъ, проходившая мимо бабушка.

— На то она и „птичка пѣвчая“!—откликнулась ея сосѣдка по кровати, сестра Васильева.

— Какъ „птичка пѣвчая?“—не поняла бабушка.

— Перикола, Перикола! — закричали со всѣхъ сторонъ сестры:—Ее такъ профессоръ прозвалъ вчера... Она шла по коридору и пѣла: „Онъ будетъ смѣлъ, онъ будетъ смѣлъ, на то испанецъ онъ!“ А профессоръ шелъ все время сзади и, когда она кончила, расхохотался: „ну-ка, птичка пѣвчая, пойдите, пожалуйста, узнайте у Теодора, дома ли Ольга Васильевна“... Теперь она — Перикола...

— Хорошо, хорошо,—улыбаясь проговорила бабушка:—только не кричите такъ. Ольга Васильевна и то жалуется, что очень шумно у насъ...

— Ну, ужъ Ольга Васильевнѣ только бы намъ замѣчанія дѣлать! — недовольнымъ тономъ замѣтила хорошенькая, худощавая блондинка, только теперь принимаясь за одѣванье чулокъ.

— Катишь!—мягко остановила ее бабушка.

— Ну да, всегда скажу! Точно монастырь какой, право!

— И что жъ, Ольга Васильевна права. Она къ вамъ строга немного, да вы сами виноваты.

— Это почему? Что я не могу ходить весь день съ постной физіономіей и не переношу, когда отъ меня пахнетъ карболкой? Кому я мѣшаю, спрашивается? „Сестра Фремонъ, отъ васъ всегда пахнетъ духами и у васъ всегда завита чолка“. Ну, пахнетъ и завита. Кому это мѣшаетъ?

— Больно ужъ видъ у тебя... аристократическій—засмѣялась Бакланова:—Настоящая француженка!..

— Это ее профессоръ такъ назвалъ?—освѣдомилась бабушка.

— Онъ.

— Ужъ этотъ Петръ Петровичъ,—качая головой проговорила она:—всѣмъ надавалъ прозвища! Вотъ и меня окрестилъ бабушкой, такъ и пошло!.. У насъ былъ служитель прямо изъ деревни... ну, онъ меня и сталъ величать по-деревенски: „слушаю, бабушка“, „изволь, бабушка“. Петръ Петровичъ и подхвати...

Между „француженкой“ и „Периколой“ завязался споръ:

— Ну, что жъ — „француженка?“ — говорила Фремонъ. — Я свое дѣло дѣлаю, а пахнетъ отъ меня духами или нѣтъ...

— Больные могутъ не переносить запаха духовъ,— наставительно сказала старшая сестра Рузанова, худая, истощенная блондинка съ плоско-прилизанными волосами и съ крестомъ на алой лентѣ, какъ у бабушки.

Фремонъ прыснула.

— Ну да!— сказала она,— а у нашего офицера сколько банокъ духовъ въ столикѣ и какъ отъ него пахнетъ!

— Такъ онъ въ отдѣльной комнатѣ, дѣлаетъ, что хочетъ.... А больныя на дамскомъ отдѣленіи...

Темные, дугообразныя брови Фремонъ сдвинулись, и хорошенькое личико ея приняло суровое выраженіе.

— Ну, ужъ эти дамы—онѣ вѣчно чѣмъ-нибудь недовольны. Такой народъ! То ли дѣло въ мужскомъ отдѣленіи: лежатъ себѣ смирненько, смотрятъ покорно, за все благодарятъ, всѣмъ довольны,

попусту не тревожатъ... А больныя дамы вѣчно ворчатъ: то не такъ, это не такъ и сейчасъ начальницѣ: — сестра Фремонъ недостаточно почтительно подала мнѣ термометръ... Отъ сестры Фремонъ пахнетъ духами, и отъ этого у меня голова разболѣлась... Сестра Фремонъ стучитъ, когда ходитъ по коридору... Добрѣйшая Ольга Васильевна, сдѣлайте ей замѣчаніе... А, да ну ихъ!— досадливо окончила она.

Всѣ засмѣялись, такъ она комично передавала голосомъ тонъ привередливыхъ больныхъ дамъ. Это ее подзадорило, и она, не прекращая одѣваться и прилаживая довольно элегантный черный корсетъ съ голубыми цвѣточками на свою тоненькую, какъ у осы, талью, продолжала:

— Вчера... эта генеральша, что въ запасной комнатѣ лежитъ, говоритъ своему сыну, пришедшему ее навѣстить: „терпѣть не могу этихъ сестеръ—онѣ все такіе мужелюбки!“ Слыхали—„мужелюбки“?! Каково? Ей бы хотѣлось, чтобы за ней не сестры милосердія ухаживали, а братья милосердія—вотъ тѣ ей бы понравились!

Опять всѣ засмѣялись; даже на строгомъ лицѣ бабушки и на постной физіономіи Рузановой промелькнула улыбка—у первой откровенная и добрая, у второй сдержанная и тотчасъ исчезнувшая. Обѣ, какъ и всѣ, впрочемъ, сестры, не долюбливали больныхъ дамъ, которыя были и капризнѣе, и требовательнѣе больныхъ мужчинъ.

— Я ужъ и не знаю, что имъ, дѣйствительно, нужно?—какъ бы вскользь проговорила бабушка, ни къ кому не обращаясь. Она была „себѣ на умѣ“ и умѣла во время поддакнуть сестрамъ, не выдавая себя. Она знала, что этой легкой поддержкой покупала свою популярность.

„Подыгрывается“, подумала про себя сестра Рузанова и плотно сжала свои безкровныя губы.

Фремонъ была возмущена.

— Я шумлю, когда хожу по коридору! Смотри, Перпкола, развѣ эти ботинки могутъ шумѣть?

Она выставила свою изящную, дѣйствительно аристократическую ножку, обутую въ открытую черную туфельку на очень низкомъ англійскомъ каблукѣ съ шелковымъ „помпономъ“ посерединѣ.

— У меня такія же, — похвасталась Бакланова, показывая свою полную и подъемистую ногу:—Ты гдѣ покупала?

— Въ гостиномъ.

— И я.

— Франтихи!—сказала сестра Васильева и быстро прошла въ умывальную.

Фремонъ подмигнула Баклановой и проговорила:

— „Подвижница“! Ради брата поступила въ сестры милосердія и кичится... Просто ломается! Подвернись женихъ—небось бросила бы общину.

— Куда ей!.. Стара...

— Потому и пошла въ сестры.

Въ умывальной стоялъ гамъ. Сестры толпились у крановъ и быстро начинали и оканчивали свой туалетъ. Одна лишь Фремонъ медлила: она всегда выжидала, когда умывальня опустѣетъ, чтобы ей было просторнѣе умываться. Тогда она шла туда, приносила съ собой длинную коробку изъ-подъ конфектъ съ портретомъ тенора императорской оперы на крышкѣ, вынимала оттуда зубную и ногтяную щетки, душистое мыло, элексиръ, пасту, баночку съ порошкомъ, флаконичкъ одеколону и принималась за мытье. Потомъ она снимала свои папильотки, расчесывала свою вьющуюся чолку и всегда запаздывала къ утреннему чаю. За это ей доставалось и отъ двухъ старшихъ сестеръ—Нинанъ-Гольде и Рузановой, а въ особенности отъ начальницы Ольги Васильевны. Но она мало обращала вниманія и продолжала дѣлать по своему, въ несокрушимомъ убѣжденіи, что это никому не мѣшаетъ и прямому дѣлу нисколько не вредитъ. Все свое маленькое жалованье она ежемѣсячно относила въ гостиный дворъ и оставляла его тамъ въ парфюмерныхъ и башмачныхъ магазинахъ или въ перинной линіи.

Иногда Ольга Васильевна приходила въ умывальню и, потянувъ носомъ воздухъ, убѣжденно произносила: „ну да, конечно... здѣсь только что умывалась mademoiselle Frémont“. Она нарочно произносила ея фамилію на французскій ладъ,—ей казалось, что такъ язвительнѣе.

III.

Въ длинной столовой сестры стали по своимъ мѣстамъ; передъ каждой стояла кружка съ чаемъ, и лежалъ кусокъ ситнаго хлѣба. Сестра Петренко, съ своего мѣста громко и отчетливо, своимъ привыкшимъ къ церковнымъ интонаціямъ голосомъ прочитала краткую молитву передъ принятіемъ пищи, и всѣ сѣли. Черезъ широкія квадраты оконъ заглядывало хмурое утро; бѣлая занавѣсь снѣга все еще медленно опускалось; на улицахъ нача-

лось движеніе; газовые рожки въ фонаряхъ тухли, и блѣдный, немощный день зарождался.

За столами шелъ разговоръ. Сегодня — операціонный день. Профессоръ пріѣдетъ рано, и нужно все приготовить въ операціонной и въ перевязочной; скоро придутъ „ночныя“, то есть дежурившія ночью сестры; ихъ нужно смѣнить, напоить чаемъ, уложить спать. Бабушка должна всѣмъ этимъ заняться, и вотъ почему она торопливѣе всѣхъ оканчиваетъ свой чай.

Фремонъ продолжаетъ „буянить“ и „возмущаться“; Бакланова пьетъ чай, шумно прихлебывая его изъ кружки, съ очевиднымъ, здоровымъ апетитомъ, который такъ идетъ къ ея жизнерадостной, пышущей здоровьемъ фигурѣ и къ ея свѣжему, полному и румяному лицу. Она смѣется надъ „француженкой“, которая, обжигаясь, пьетъ изъ кружки, приподнимая ее отъ стола двумя пальчиками и оттопыривая мизинецъ; она ни за что не соглашается налить чай на широкое блюдечко, потому что это неизящно, а она славится благовоспитанностью и хорошими манерами. Сестра Черникова, молоденькая дѣвушка семнадцати лѣтъ, поступившая въ общину съ куклой, а теперь ставшая непомѣрно серьезной и задумчивой, пьетъ чай какъ бы по обязанности, относится къ чаепитію, какъ къ неизбѣжному злу и, очевидно, о чемъ-то мечтаетъ. Сестра Васильева имѣетъ дѣловой и самоотверженный видъ. Весь ея внѣшній обликъ говоритъ о подвигѣ, и на лицѣ ея разъ навсегда запечатлѣлось выраженіе: „смотрите и удивляйтесь“. Ее за это недолюбливаютъ, надъ ней подшучиваютъ и втайнѣ опасаются, потому что подозрѣваютъ въ интимныхъ сношеніяхъ съ начальницей, которая къ ней благоволитъ. Сестры Урковичъ, Рубцова и Цертель сидятъ рядомъ, молча и сосредоточенно. Первая — „ученая“, завѣдуетъ аптекой общины, не любитъ пустой болтовни; профессоръ называетъ ее „soeur distinguée“ за ея выдержанныя, хорошія манеры; вторая — добрая, шутливая, но очень серьезная дѣвушка, а третью профессоръ называетъ просто „славной“. И, дѣйствительно, въ ея миловидномъ лицѣ есть что-то такое, что подсказываетъ каждому именно это, а не иное слово. „Какая славная дѣвушка!“ хочется воскликнуть при взглядѣ на ея привѣтливую улыбку и добродушно-ласковые глаза.

— Ты знаешь, Перикола,—говорила Фремонъ Баклановой, наклонясь къ ней:—сегодня будутъ рѣзать этого франтика...

— Офицера?—прожевывая булку, промычала та.

— Его. У него была дуэль изъ-за какой-то свѣтской барышни: ему прострѣлили руку и раздробили кость. Профессоръ

говоритъ, что образовалось нагноеніе, и необходимо „почистить“. Значитъ, ему будутъ дѣлать операцію подъ наркозомъ.

— А кто дежурная при запасной?

— Бабушка говорила--я.

Бакланова засмѣялась и чуть не поперхнулась чаемъ.

— Тебѣ везетъ,—проговорила она, откашлявшись:—ты должна будешь ему мѣшать спать послѣ хлороформа и занимать разговорами. Постарайся изгнать изъ его сердца свѣтскую барышню и занять въ немъ ея мѣсто. Профессоръ будетъ ему дѣлать операцію руки, а ты сдѣлай операцію сердца. А? Ну-ка, попробуй. Петръ Петровичъ вытащитъ изъ его руки осколки кости, а ты извлеки изъ его сердца--его предметъ. Молодецъ будешь! Да... гдѣ тебѣ!—подзадорила она:—ты только на словахъ воякa, а на дѣлѣ-то—пасъ!

— Полно болтать глупости!—остановила ее Фремонъ, и густая краска залила ея хорошенькое личико. Въ коричневомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, съ бѣлоснѣжнымъ платочкомъ на вьющихся волосахъ золотистаго цвѣта она была премиленькой и походила на дорогую и изящную статуетку. Небольшой ротикъ ея съ румяными губами, чудные голубые глаза, свѣтившіеся лукавствомъ и насильно сдерживаемой веселостью — все это дышало молодой прелестью, и всѣмъ ясно становилось при взглядѣ на нее, что подъ этимъ суровымъ, полумонашескимъ одѣяніемъ бьется женское сердце, созданное для любви и нѣги. Подбородокъ ея былъ нѣсколько крупенъ и носъ не очень правильной формы, и строгій цѣнитель женской красоты не нашелъ бы ее безукоризненной. Но въ ней было что-то бо́льшее, чѣмъ обыкновенная правильная красота, и это что-то производило чарующее впечатлѣніе: средняго роста, пропорціонально сложенная, съ плосковатой, неразвитой грудью, обтянутой бѣлымъ передникомъ съ краснымъ крестомъ, она походила на мальчика, хотя и задорнаго, но прекрасно воспитаннаго.

— Ничего, ничего,—продолжала Бакланова.—Ты не будешь больше ѣсть булку?—прервала она себя и потянула къ себѣ недоѣденный подругой кусокъ, уловивъ ея отрицательный жестъ головой.—Ты вѣдь у насъ—первый сортъ! И нечего тебѣ прикидываться святошей: ты вѣдь не ханжа Петренко и не добродѣтельная Васильева... Мужчины льнутъ къ такимъ, какъ ты; тѣхъ они боготворятъ, цѣнятъ, благодарятъ, а въ такихъ, какъ ты, влюбляются. Вотъ попомни мое слово,—продолжала она, запивая чаемъ съѣденный хлѣбъ:—ты скоро плѣнишь какого-нибудь больного и выйдешь замужъ, француженка!..

— Чтобы сдѣлаться сидѣлкой у калѣки-мужа? Мегсі. Я на это не пойду.

— Зачѣмъ у калѣки? Вовсе нѣтъ! Мало ли у насъ какіе больные? Что жъ такое! Петръ Петровичъ зачинитъ твоему офицеру руку, и вся недолга. Хоть на войну иди. Вотъ видишь, ты краснѣешь... Ужъ нѣтъ ли у васъ чего?

— Полно, Перикола. Что ты ко мнѣ пристала? Я тебѣ говорю, онъ раненъ на дуэли.

— Ну?

— Ну, такъ стало быть влюбленъ въ свою барышню, если рисковалъ ради нея жизнью.

— Катишь!—остановила ее Бакланова:—Ну, что ты со мной-то хитришь? Ты не знаешь мужчинъ? Довольно одной дуэли, чтобы исцѣлиться отъ всякой любви. Вотъ увидишь—онъ влюбится въ тебя...

Фремонъ какъ-то неопредѣленно засмѣялась.

Всѣ встали. Вошла начальница, высокая, худая, дама, въ простомъ черномъ платьѣ, гладко причесанная, на лѣвой сторонѣ ея лифа красовался небольшой серебряный значекъ съ эмалевымъ краснымъ крестомъ посерединѣ. Она привѣтливо здоровалась со всѣми, обходя столы, и разговаривала съ сестрами.

Она была вдова генерала, убитаго на войнѣ и не оставившаго ничего въ наслѣдство своей женѣ, кромѣ честнаго имени и пенсіи. На эту пенсію она жила, посвятивъ себя дѣлу милосердія и отдавъ всѣ свои силы на служеніе ближнему. Все свое время съ утра до глубокой ночи и съ ночи до утра она отдавала общинѣ, занимая въ верхнемъ этажѣ зданія небольшую квартирку въ двѣ комнаты, одѣваясь скромно и подавая сестрамъ примѣръ трудолюбія и самоотверженія. Всегда серьезная, суховатая, почти педантка, она требовала отъ своихъ подчиненныхъ безусловнаго исполненія обязанностей. Ея боялись, но и любили. Любили въ особенности за то, что она была справедлива и никогда не позволяла личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ брать верхъ надъ тѣмъ, что подсказывало ей чувство долга и совѣсти. Чуткія молодыя сердца нѣкоторыхъ сестеръ угадывали подъ этой непоколебимой добродѣтелью нѣкоторую дозу тщеславія, подмѣчали любовь начальницы къ похваламъ высшаго начальства, которыя доставляли удовлетвореніе ея самолюбію. Но эти небольшія слабости не могли уменьшить уваженія къ ней сестеръ.

— Mademoiselle Frémont,—подходя къ дѣвушкѣ, спросила начальница:—скажите, какими духами вы душитесь?

— Опопонаксомъ,—вся вспыхнувъ, отвѣтила та.

— Это прелестные духи, но они очень сильны. Если вы не можете обходиться совершенно безъ всякихъ духовъ, я вамъ подарю послабѣе,—серьезно проговорила начальница и оглядѣла дѣвушку съ ногъ до головы, остановивъ свой холодный, какъ сталь, взглядъ на ея завитой чолкѣ. Но больше она ничего не прибавила.

— Mercі, Ольга Васильевна,—смущенно пробормотала сестра Фремонъ, не зная, какъ принять ея слова—серьезно или въ шутку.

Остальныя „хихикали". Всѣ взоры обратились на сконфуженную дѣвушку. Бабушка качала головой, Бакланова еле удерживалась, чтобъ не прыснуть, Рузанова высоко подняла тѣ мѣста, на которыхъ должны быть брови, совершенно отсутствовавшія у нея, и еще больше сжала свои безкровныя губы. Безстрастное лицо ея не измѣнило ни въ чемъ обычнаго ему выраженія какой-то тупой покорности судьбѣ. Но сестра Васильева вся расцвѣла. Лицо ея пошло пятнами, губы раздвинулись въ улыбку, глаза заискивающе смотрѣли на Ольгу Васильевну и тщетно ловили ея взглядъ.

— Подвижница-то радуется...—проворчала Фремонъ, подталкивая локтемъ Бакланову.

Сестра Урковичъ медленнымъ шагомъ подошла къ Ольгѣ Васильевнѣ и степеннымъ голосомъ стала докладывать ей о недостающихъ лѣкарствахъ въ завѣдуемой ею аптекѣ.

— Я не могу такъ припомнить, милая, вы мнѣ запишете это на бумажкѣ.

— Слушаю-съ, Ольга Васильевна.

Начальница поговорила еще кое съ кѣмъ и, наконецъ, обратилась къ Васильевой:

— Ну что, сестра, какъ здоровье брата?

Васильева впилась въ нее глазами. Наконецъ, на нее обратили вниманіе. Она уже начинала опасаться, что Ольга Васильевна уйдетъ изъ столовой, не предложивъ ей обычнаго вопроса. Это ее очень огорчило бы. Что сказали бы сестры, которыхъ она недолюбливала и которыя платили ей тѣмъ же.

Лицо ея приняло немедленно плаксиво-печальное выраженіе. Потупивъ глаза и дрожащимъ голосомъ, она начала говорить:

— Ахъ, бѣдный, бѣдный братъ... Четыре года такихъ мученій! Ужъ лучше бы я заболѣла вмѣсто него!..

— Не сокрушайтесь,—сочувственно прервала ее начальница:— вы и такъ принесли ему большую жертву... Вамъ не въ чемъ обвинять себя, и у васъ есть великое утѣшеніе—сознаніе исполненаго долга.

— Я все-таки иногда себя упрекаю,—медоточивымъ голосомъ

продолжала Васильева:—можетъ быть, я недостаточно хорошо за нимъ ухаживаю... или мало молюсь...

— О!—вырвалось у Баклановой, которая поспѣшила закашляться, чтобы замаскировать свое восклицаніе. Она встрѣтила строгій взглядъ начальницы. Въ глазахъ Васильевой мелькнула недобрая искра и тотчасъ потухла.

— Я по нѣскольку разъ въ ночь встаю, чтобы навѣстить его,—продолжала она, смущенно теребя край своего передника:—вотъ и нынѣшнюю ночь... я не могла спать спокойно...

— Вретъ, спала какъ сурокъ,—прошептала Фремонъ.

— Молитесь, дитя мое,—опять прервала ее Ольга Васильевна:—не унывайте и не ропщите, все въ рукахъ Всевышняго. Съ помощью Божьей, вашъ братъ поправится.

Она милостиво кивнула головой своей собесѣдницѣ и медленно, въ сопровожденіи Нимань-Гольде вышла изъ столовой.

— Дежурныя сестры—внизъ!—на порогѣ, обернувшись къ столовой, сказала бабушка.

Дежурныя отправились внизъ, въ палаты лѣчебницы, остальныя имѣли еще два часа свободнаго времени и вернулись въ дортуаръ. Нужно было еще прибрать постели, кое-чѣмъ позаняться, а къ десяти часамъ всѣ уже должны были быть въ операціонной и въ перевязочной.

Всѣ сестры должны были присутствовать при операціяхъ, послѣ чего, кромѣ дежурныхъ, уходили въ свое помѣщеніе, кто работать, кто читать, а кто подготавливаться къ экзаменамъ для полученія званія сестры милосердія или краснаго креста на грудь бѣлаго передника. Онѣ могли уходить и со двора съ разрѣшенія одной изъ старшихъ сестеръ или начальницы. Но Ольга Васильевна всегда морщилась при подобныхъ просьбахъ и неохотно отпускала сестеръ въ городъ, хотя бы онѣ просились къ роднымъ или въ гостиный дворъ. Такія просьбы она допускала еще по воскресеньямъ и праздникамъ и рѣдко удовлетворяла ихъ въ будни, если просительница не представляла ей какихъ-либо особо важныхъ мотивовъ.

IV.

Въ довольно большомъ квадратномъ вестибюлѣ, внизу, ярко топившійся каминъ бросалъ на штучный мраморный полъ, сложенный изъ бѣлыхъ и синихъ плитъ, красные, колеблющіеся блики; самый каминъ изъ пестраго мрамора очень украшалъ вестибюль, въ особенности, когда былъ наполненъ разгорѣвшимся кок-

сомъ. Нѣсколько мраморныхъ же ступеней вело къ широкимъ стекляннымъ дверямъ, отворявшимся въ длинный коридоръ, ведшій во внутреннее помѣщеніе лѣчебницы.

Старикъ швейцаръ изъ отставныхъ военныхъ съ георгіевскимъ крестомъ на груди, со щеткой и тряпкой въ рукахъ стиралъ пыль со скамеекъ и подоконниковъ обширныхъ оконъ, выходившихъ на чисто прибранный дворъ. Посреди коридора онъ остановился, бросилъ тряпку на скамейку съ высокой рѣзной спинкой, прислонилъ къ ней щетку и, обернувшись лицомъ къ красивой церкви, двери которой выходили въ коридоръ, принялся истово молиться. Мимо него изъ столовой, находившейся въ концѣ коридора, вышла дежурная сестра милосердія и, быстро перекрестившись, прошла мимо. Это была молодая дѣвушка, безукоризненно чисто и даже щеголевато одѣтая, въ бѣломъ платкѣ и передникѣ. Не смотря на ночное дежурство, лицо ея было свѣжее, нисколько не усталое; только очень внимательный глазъ усмотрѣлъ бы слѣды утомленія въ ея томномъ взглядѣ, въ ея медленныхъ движеніяхъ и нетвердой походкѣ. Она поздоровалась съ швейцаромъ и прошла наверхъ, въ помѣщеніе сестеръ, такъ какъ дежурство ея кончилось.

Внизу, у парадныхъ дверей, позвонили.

Старикъ неторопливо окончилъ молитву, забралъ щетку и тряпку и спустился въ вестибюль.

Онъ отворилъ двери. У подъѣзда стояла карета и изъ нея кучеръ и еще какой-то человѣкъ вынесли женщину. Это была больная, которую требовалось немедленно оперировать. Лицо ея было мертвенно блѣдно, и изъ запекшихся губъ вырывались стоны, при малѣйшемъ толчкѣ, при малѣйшемъ неудобномъ движеніи несшихъ ее людей.

Одинъ изъ нихъ передалъ швейцару карточку профессора. Тотъ привычнымъ окомъ взглянулъ на карточку и на больную и тотчасъ поставилъ свой діагнозъ.

— Сурьезная,—пробормоталъ онъ и остановилъ проходившую мимо сестру:—сестрица,—сказалъ онъ, — потрудитесь передать карточку Ольгѣ Васильевнѣ.

Затѣмъ онъ быстро взбѣжалъ по ступенямъ, еще быстрѣе прошелъ коридоръ и вызвалъ служителей. Два ражихъ парня принесли носилки, покрытыя бѣлымъ холстомъ, осторожно положили больную и, осторожно ступая, понесли ее.

Явилась сестра Нимантъ-Гольде, отобрала паспортъ больной у

сопровождавшаго ее человѣка, получила деньги и отправилась къ начальницѣ.

Въ изящномъ коридорѣ, окрашенномъ въ блѣдно-лиловую краску и украшенномъ лѣпнымъ орнаментомъ, собирались амбулаторные больные, въ ожиданіи пріѣзда профессора. Коридоръ принялъ оживленный видъ; больные сидѣли и лежали на скамьяхъ какъ кому удобнѣе, съ испугомъ прислушивались къ шагамъ проходившихъ сестеръ, стараясь измученнымъ взоромъ прочесть въ ихъ потупленныхъ глазахъ тайны общины. Родственники и сопровождавшіе больныхъ съ надеждой и мольбой поглядывали на церковь, въ серединѣ которой узкое и высокое окно, составленное изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, бросало причудливый узоръ на мозаичный полъ; красный цвѣтъ преобладалъ въ этомъ узорѣ и казалось, что на полу была пролита кровь. Безшумно и безмолвно прошелъ мимо больныхъ Павелъ Александровичъ, ассистентъ профессора, полный молодой человѣкъ, съ улыбающимся загадочно лицомъ. Многіе кинулись къ нему, но онъ, ни слова не говоря, отрицательно помоталъ головой и невозмутимо прошелъ въ глубь коридора. Всѣ поняли, что это не профессоръ. Мучительная боль, смутный страхъ и безспльное отчаяніе лежали на лицахъ больныхъ, ожидавшихъ пріѣзда профессора.

Сѣро и уныло было въ широкомъ и высокомъ коридорѣ, еще сѣрѣе и унылѣе было на душѣ всѣхъ этихъ обиженныхъ судьбою людей, давно переставшихъ роптать и усиліемъ воли заставлявшихъ себя надѣяться. Мрачное, тяжелое молчаніе царило у вратъ этой обители, прерываемое слабымъ стономъ, вырвавшимся изъ наболѣвшей, настрадавшейся груди. Полупотухшіе взоры, искаженныя болью лица, скрюченныя болѣзнью тѣла.

Профессоръ подъѣхалъ въ собственной одиночкѣ къ подъѣзду лѣчебницы. Швейцаръ открылъ двери въ коридоръ и вполголоса крикнулъ:

— Ѣдутъ!

Потомъ онъ направился къ наружнымъ дверямъ.

Профессоръ уже выставилъ ногу изъ экипажа, не дожидаясь его остановки; онъ выпрыгнулъ, отдавъ приказаніе заѣхать за нимъ къ двумъ часамъ.

Коридоръ принялъ другой видъ. Какъ только швейцаръ возвѣстилъ пріѣздъ профессора, всѣ лица оживились, глаза загорѣлись надеждой, тихая, скорбная улыбка легла на изможденныя лица: сейчасъ они услышатъ свой приговоръ, и имъ сразу ста-

нетъ легче. Самая ужасная правда легче мучительной и долгой неизвѣстности.

Профессоръ быстро взбѣжалъ по ступенямъ.

— Bonjour, Theodor!—кинулъ онъ на ходу швейцару, стараясь освободиться отъ стѣснявшаго его военнаго пальто.

— Здравія желаю, ваше происходительство!—гаркнулъ старый служивый.

— Много? — спросилъ профессоръ, поправляя привычнымъ движеніемъ руки орденъ на шеѣ.

— И-п!—отвѣтилъ старикъ.

— Всѣхъ перерѣжемъ!—шутилъ профессоръ.

Онъ поглядѣлся въ зеркало, высморкался, обтянулъ сюртукъ и направился къ дверямъ коридора.

Это былъ не старый человѣкъ, но въ русой его бородкѣ подстриженной à la Henry IV, уже виднѣлась просѣдь; круглая голова была острижена подъ гребенку. Умные быстрые глаза зорко выглядывали изъ-подъ круглыхъ очковъ въ роговой оправѣ. Движенія его, походка и разговоръ были отрывисты, быстры, оживленны. Онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, который непстово торопится,—да онъ и дѣйствительно вѣчно торопился. Сегодня утромъ у него нѣсколько операцій въ общинѣ, въ два часа операція въ „Красномъ Крестѣ“, въ три часа онъ долженъ быть на дому у одной пацієнтки, которой нужно дѣлать перевязку. Это продлится до четырехъ. Въ пять нужно же пообѣдать, а съ шести у него пріемъ на дому, который продлится до двѣнадцати.

— Сколько ни рѣжь—всѣхъ не перерѣжешь!—обыкновенно говорилъ онъ, задумчиво ухмыляясь и стараясь такъ или иначе выгадать время.

Онъ вошелъ въ корридоръ.

Родственники и провожатые больныхъ кинулись къ нему и обступили его.

— Не всѣ сразу, пожалуйста!—сказалъ онъ:—по порядку. У васъ что?—подошелъ онъ къ первому больному сидѣвшему на скамейкѣ съ вытянутой ногой, обутой въ толстую валенку.

— Видите ли профессоръ; недѣли двѣ тому назадъ,—началъ больной, по обычной манерѣ всѣхъ больныхъ, стараясь разсказать про свою болѣзнь съ самаго начала,—я почувствовалъ легкую боль въ большомъ пальцѣ...

— Да. Потомъ что? Впрочемъ, снимите съ него валенку.

Къ больному подскочилъ его родственникъ, чтобъ исполнить приказаніе.

— Развяжите тряпки.

И это было сдѣлано.

Палецъ на ногѣ имѣлъ видъ груши; онъ былъ синебагроваго цвѣта, и вся ступня ноги воспалена.

— А!—сказалъ профессоръ, ощупывая палецъ и не обращая, повидимому, никакого вниманія на стоны больного: — Вросшій ноготь. Что? Ага! Нужно вырвать! Вырвать нужно. Что? Пустое. Ничуть не больно. Мы вамъ пустимъ туда кокаину. Что? Ага! Кокаину, А-а! Бабушка! — обернулся онъ къ сестрѣ Нинанъ-Гольде, очутившейся около него: — прикажите-ка отвести его въ перевязочную да хорошенько обмыть ему ногу. Что? Ага, да... да...

И онъ уже накидывался на другого больного.

— Нужно осмотрѣть, такъ нельзя. Нарывъ нарыву рознь. И въ такомъ мѣстѣ! Очистимъ. Что? Да, можетъ быть, и лечь. А у васъ что?—обращался онъ къ третьему: — Ничего не могу сказать. Полежите у насъ, ванну, тамъ видно будетъ. Рѣзать? Можетъ быть, можетъ быть. Зря не будемъ. Зачѣмъ? А нужно—разрѣжемъ. А, что,—обратился онъ къ бабушкѣ,—привезли больную сегодня? Съ моей карточкой?

— Какъ же, Петръ Петровичъ.

— Ее въ запасную. Что? Да, да... операція серьезная, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Эхинококкъ въ печени. Откромсать печень. Ванну. Да вы, бабушка, Теодору скажите—не допускать къ ней зря. Покой. Она изъ простыхъ... всякія кумушки... смущать будутъ. Правду я говорю?—и, не дожидаясь отвѣта сестры, самъ себѣ отвѣтилъ:—конечно, правду.

Осмотръ кончился. Часть больныхъ увезли, часть повели и понесли въ перевязочную. Профессоръ, какъ добрый духъ, леталъ теперь уже по палатамъ.

Это были небольшія, уютныя комнаты, рѣшительно неподходившіе подъ обычное представленіе о больницѣ. Красивыя печи изъ финляндскаго кафеля, кисейныя занавѣски на окнахъ, всюду цвѣты, превосходныя мягкія постели съ бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ, полированная мебель, обыкновенная и спеціальная, приспособленная ко всевозможнымъ положеніямъ оперированныхъ больныхъ, которыхъ приходится перекладывать и переворачивать, какъ грудныхъ дѣтей, и даже кормить отъ руки—вотъ что составляло убранство этихъ комнатъ. Въ нихъ было много свѣта и воздуха и чего-то такого, что говорило скорѣе о домашнемъ комфортѣ, чѣмъ объ устрашающей больничной обстановкѣ. Было что-то успокоитель-

ное и радостное въ этихъ небольшихъ помѣщеніяхъ съ лѣпными потолками и свѣтло-зелеными стѣнами, выкрашенными масляной краской. Чистота царила сказочная—ни пылинки, ни порошинки невозможно было бы замѣтить ни на полу, ни на мебели; запаха никакого; ничто не напоминаетъ ни о болѣзни, ни о смерти, напротивъ, все дышитъ выздоровленіемъ и жизнью. Ни у одной изъ кроватей не видно этихъ унылыхъ и неизбѣжныхъ длинныхъ желѣзныхъ шестовъ съ латинскими надписями на круглыхъ или квадратныхъ дощечкахъ, исписанныхъ мѣломъ. Если бы не сами больные, перевязанные и забинтованные, вытянувшіеся на кроватяхъ или скорченные, прислонившись у стѣны, то рѣшительно ничто не напоминало бы посѣтителю лѣчебницу, да еще такую страшную, въ которой два-три раза въ недѣлю проливается кровь человѣческая.

Профессоръ быстрой походкой прошелъ столовую. У дверей первой комнаты его встрѣтила сестра Фремонъ.

— А! Катишь! „У вратъ эдема ангелъ нѣжный“...—продекламировалъ профессоръ.—Здравствуйте. Что? Начальница пробирала? Ну, не бѣда. Это отъ добраго сердца. Что?

И онъ, не дожидаясь отвѣта, юркнулъ въ дверь.

— Птичка пѣвчая! Здравствуйте. Что? — привѣтствовалъ онъ сестру Бакланову.

Лица больныхъ приняли радостное выраженіе. Профессора всѣ любили, кто только съ нимъ имѣлъ случай поговорить хоть разъ; тѣ же, кого онъ имѣлъ случай порѣзать, питали къ нему какую-то особую, благоговѣйную преданность. И онъ любилъ каждаго своего больного, кровь котораго проливалъ. Это было видно во всей его юркой фигурѣ, въ его ласковомъ взглядѣ, въ мягкихъ нотахъ голоса, когда онъ разговаривалъ съ ними. И они жадно ждали его короткаго посѣщенія. Нѣкоторые употребляли хитрость, чтобы его дольше задержать у своей постели. Они раскладывали на столикѣ какую-нибудь иллюстрацію, картинку, литографію. Профессоръ страстно любилъ рисованіе и живопись, самъ занимался ею усленно въ часы лѣтняго досуга въ деревнѣ и жадно набрасывался на всякій рисунокъ. Онъ бралъ журналъ, подымалъ очки на лобъ и погружался въ созерцаніе картинки; но онъ въ это время не переставалъ шутить и балагурить съ больнымъ, лицо котораго расцвѣтало все больше и больше.

Первымъ у дверей лежалъ молодой человѣкъ, блѣдный и истощенный, и тихо стоналъ. Лицо его имѣло какой-то землистый оттѣ-

нокъ, губы его были судорожно сжаты, и только въ глазахъ замелькали какія-то искры при видѣ профессора.

— Что, мой другъ?—сказалъ, тронувъ его за руку профессоръ.—Сестра говоритъ, всю ночь мучились?

Больной помоталъ головой, при чемъ обнажилъ свою до невѣроятности худую шею.

— И не говорите! Силъ моихъ нѣтъ. Это не жизнь—адъ. Которая ночь!

И вдругъ съ ужаснымъ озлобленіемъ, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ и съ сверкающими глазами онъ хрипло заговорилъ:

— Къ утру не стало силъ. Я умолялъ сестру дать опіума, чтобы уснуть, или кодеину. Развѣ здѣсь умолишь! Я послалъ за Павломъ Александровичемъ. Онъ пришелъ, постоялъ надо мной, ничего не сказалъ. Только все улыбается. Опіуму и кодеину не далъ.

— Нельзя, другъ! Надо потерпѣть. Вотъ сегодня сдѣлаемъ операцію. Что? Мигомъ снимемъ—какъ рукой.

— Не могу терпѣть! — гнѣвно крикнулъ больной: — не могу! Что хотите, дѣлайте! Это варварство... Я себѣ голову размозжу объ стѣну.

— Сегодня, голубчикъ, сегодня все сдѣлаемъ. Нельзя было раньше. Неужели бы я не сдѣлалъ операціи, если бы было можно? Дайте ему брома,—обратился онъ къ сестрѣ, и та пошла исполнять приказаніе.

— Что мнѣ вашъ бромъ!—волновался больной.—Ничего, все равно, не помогаетъ...

— Ну, какъ не помогаетъ!—отозвался профессоръ:—мы вамъ такъ дадимъ, что поможетъ.

И онъ обратился къ другому больному.

— Это что? Послѣдній номеръ?—проговорилъ онъ, схватывая журналъ, лежавшій на столикѣ, и подымая на лобъ очки:—Я не видалъ еще. Ага...—И онъ погрузился въ разсматриваніе рисунковъ, одновременно выслушивая больного и отвѣчая на его вопросы.

Больной улыбался привѣтливо. Онъ былъ тоже худъ, но лицо у него было свѣжее, спокойное.

— Пробовалъ вставать,—говорилъ онъ. — Голова кружится, руки трясутся, ноги еще не дѣйствуютъ.

— Экъ, захотѣлъ!—сказалъ профессоръ.—Такую рань!

Больной засмѣялся.

— Четыре года! Вѣдь четыре года лежу.

— Что же дѣлать! Придется еще одинъ суставчикъ устроить.

— Опять долбить?

— Да. Это ужъ такая штука!—отвѣтилъ профессоръ, разглядывая журналъ.—„Послѣдній пиръ Валтасара“,—гм! Композиція недурна... И гравюра тоже. Что? Да, да, мы вамъ посвятимъ денекъ. Да вамъ что!—шутилъ онъ:—если бы совсѣмъ вылѣчить, скучать бы стали. За четыре года сродпились съ лѣчебницей. Ну, и сестра тутъ! Не скучно.

Онъ положилъ журналъ и пошелъ дѣлать обходъ дальше.

— А гдѣ же „гусаръ на саблю опирался“? — спросилъ онъ сопровождавшую его сестру. Онъ такъ называлъ офицера, раненаго на дуэли, хотя тотъ вовсе не былъ гусаромъ.

— Онъ въ отдѣльной комнатѣ, Петръ Петровичъ.

— А-а! Ну, ладно, къ нему потомъ. Сегодня рѣзнемъ лихого гусара.

И онъ подошелъ къ мальчику, лежавшему на кровати, съ сложенными худыми руками. У него эксудатъ, и, чтобы его выпустить, придется вынимать два ребра. Профессоръ поднялъ его рубашечку и обнажилъ грудь, изможденную, костистую и облѣпленную пластырями и мазями. Глаза мальчика потухающе смотрѣли на профессора, и весь онъ походилъ на живой скелетъ, врядъ ли понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлаютъ.

— Гдѣ наша „мечта“?—спросилъ профессоръ про сестру Рузанову, свою неизмѣнную помощницу при операціяхъ. Бакланова побѣжала позвать „мечту“, которая вскорѣ и явилась.

— Ему,—указывая на мальчика, говорилъ онъ: — нужно будетъ обмыть бокъ: мы сегодня только попробуемъ троакаромъ. Операцію на слѣдующей недѣлѣ...

Рузанова молча выслушала его и, ни слова не сказавъ, вышла изъ комнаты.

Слѣдующимъ больнымъ оказался тоже мальчикъ, немного постарше, съ туберкулезомъ костей ноги, которую ему скоблили острой ложкой. Затѣмъ профессоръ подошелъ къ высокому, тощему субъекту, прохаживавшемуся по комнатѣ, въ длинномъ бѣломъ халатѣ; голова его была обмотана марлей, за ушами торчала вата, и повязка проходила подъ подбородкомъ, что ему придавало чрезвычайно странный видъ. Сзади, на затылкѣ торчала смѣшная жиденькая косица. Это былъ дьяконъ, которому дѣлали трепанацію черепа. Въ настоящее время ему уже сдѣлали и вторую операцію—пластическую, для закрытія выдолбленнаго отверстія, и теперь онъ былъ уже на пути къ выздоровленію.

— Ну, что, отче?—встрѣтилъ его профессоръ.—Какъ живемъ?

— Вашими молитвами, господинъ профессоръ,—пробасилъ тотъ.

Профессоръ засмѣялся.

— Ну, отче, отъ моихъ молитвъ вамъ бы не поздоровилось... очень ужъ рѣдко молюсь, некогда. А вотъ отъ моихъ ножей—это точно. Что? Ну, конечно, шучу. Значитъ, все хорошо?

— Превосходно, господинъ профессоръ.

— Ну, и слава Богу. Скоро, скоро выпишемъ. Когда? На будущей недѣлѣ. Придется вамъ, отче, все-таки показываться раза два въ недѣлю.

Онъ выбѣжалъ въ коридоръ, перешелъ на женскую половину. Здѣсь больныхъ было немного.

Генеральша Левенсонъ, страдавшая ракомъ груди, крайне раздраженная и нервная — еще бы! ей рѣзали грудь одиннадцатый разъ—осыпала профессора жалобами. Она готова платить сколько угодно, только чтобы имѣть покой и чтобы за ней ухаживали какъ слѣдуетъ...

— Чѣмъ вы недовольны?—ласково спросилъ профессоръ.

Она жаловалась на сестеръ. Не дозвониться. Никто не идетъ; полъ дрожитъ подъ ихъ ногами; отъ нихъ пахнетъ лѣкарствами; онѣ не выслушиваютъ приказаній; въ комнатѣ очень жарко...

Профессоръ кивалъ головой. Онъ уже разъ десять слышалъ эти жалобы и находилъ ихъ неосновательными; но спорить и раздражать больную не хотѣлъ. Онъ зналъ, что ея устами говоритъ не она сама, а ея лютая болѣзнь.

— Да, да... Я скажу. Онѣ славныя дѣвочки... Что? Ну да, бываетъ, конечно, мы это устроимъ. Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ говорить начальницѣ, я самъ имъ все растолкую. Ну, а здоровье? Лучше? Вотъ это главное. Сыновья посѣщаютъ? Славные молодые люди!

— Не правда ли, Петръ Петровичъ?—обрадовалась генеральша.

— Да, да... Всегда ими любуюсь. Ну, до свиданья. Я устрою. Мы вамъ дадимъ пожилую сестру. Тихую, спокойную.

Больная благодарно взглянула на него, совершенно успокоенная.

По дорогѣ въ другую комнату сестра Бакланова въ свою очередь жаловалась ему на генеральшу.

— Сама не знаетъ, чего хочетъ! Скулитъ, скулитъ цѣлый день. И то не такъ, и это не такъ. Супъ горячъ—ѣсть нельзя; жаркое пережарено, компота она не переноситъ. Мы не умѣемъ ходить тихо...

— Ну, „птичка пѣвчая", вѣдь она больная. Ничего, обойдется! А вы дѣлайте свое дѣло. Пущай себѣ скулитъ. Мы ей посадимъ сестру Петренко.

— Вотъ-вотъ, ей ханжу эту и надо.

— Ахъ, какой у васъ языкъ?—взглянулъ на нее профессоръ:— Ишь вѣдь какая здоровая! Кровь съ молокомъ—вотъ и не понимаете, что значитъ быть больной... Все уладится... А гдѣ же „жрица Терпсихоры“?

— Ее перевели въ слѣдующую комнату.

Профессоръ вошелъ туда. Тамъ лежала хорошенькая, худенькая, похожая на куколку брюнетка съ огромными черными глазами на матовомъ лицѣ. Въ комнатѣ пахло ирисомъ. Это была „балетная“; въ одномъ изъ спектаклей она такъ неудачно упала, что получила сложный переломъ ноги ниже колѣна. Теперь она уже была на пути къ выздоровленію.

Эта балетная была веселая и непривередливая больная. Ее очень скоро всѣ полюбили, и сестры, съ которыми она обращалась очень мило, относились къ ней сочувственно. Ее посѣщали подруги, приносили ей конфекты и всякія другія лакомства. Она дѣлилась ими съ сестрами и вмѣстѣ съ ними „кумила“ о старой брюзжащей генеральшѣ и о начальницѣ. Профессоръ очень любилъ съ ней болтать и постоянно балагурилъ.

— Ну, что,—сказалъ онъ, входя къ ней:—живемъ?

— И преотлично. Какъ у васъ здѣсь хорошо — прелесть! И сестры какія милыя!

— Такъ что можно и второй разъ попасть сюда?

— Ахъ, что вы! Тьфу, тьфу, тьфу...—И она сдѣлала изъ указательнаго пальца и мизинца „джеташуру“ и обвела ею вокругъ себя.—Вотъ какой вы! Развѣ можно такъ шутить?

— Ну, не буду, не буду... Такъ хорошо? Антраша-six сдѣлаемъ? Нѣтъ? Ну, не бѣда, еще немножко полежимъ и пуанты будемъ дѣлать... А какъ же „снѣжки“ и „леденцы“?

Она разсердилась.

— Никогда я ни въ „леденцахъ“, ни въ „снѣжкахъ“ не танцовала. Я танцую „въ четырехъ“, много „въ шести“.

— Экъ, вѣдь я всегда невпопадъ! Вотъ только выздоровѣете—пойду смотрѣть васъ. Балетоманомъ сдѣлаюсь.

Они оба смѣялись, и сестра милосердія вмѣстѣ съ ними.

— Вотъ бы вамъ, сестрица,—обратился онъ къ Баклановой,—въ балетъ поступить? Что? Пари держу—не прочь бы? А?

— Да что вы, Петръ Петровичъ,—звонко расхохотавшись, отвѣтила та.

— Право, кого-нибудь бы тамъ изобразить. Раковинку или тюльпанъ что ли...

Въ это время по коридору прошла высокая фигура началь-

ницы, заглянула въ комнату и сдѣлала строгое лицо, поклонившись больной.

Профессоръ, наскоро пожавъ руку „жрицѣ Терпсихоры“, вышелъ еще поспѣшнѣе, чѣмъ обыкновенно, въ коридоръ. Онъ поздоровался съ начальницей.

— Ольга Васильевна,—сказалъ онъ,—я обѣщалъ генеральшѣ Левенсонъ назначить къ ней сестру Петренко. Что? Это можно? Конечно, можно,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ.

— А что, вѣрно она недовольна сестрами?—строго спросила начальница.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вступился за сестеръ профессоръ: — чѣмъ же она можетъ быть недовольна? Наши сестры образцовыя.

— Въ особенности онѣ образцово хохочутъ,—сказала начальница, и взглядъ ея скользнулъ по лицу Баклановой, которая сильно смутилась: — Я не говорю, отчего не посмѣяться; но зачѣмъ же такъ громко? И потомъ на все есть время и мѣсто.

— Такъ можно, да?—старался замять разговоръ профессоръ.— Ну, и чудесно. Пущай сегодня же займетъ при ней дежурство, хотя на ночь.

„Пущай“ было любимымъ словечкомъ профессора, и этого слова очень не одобряла начальница. Она покривила губы и согласилась, молча кивнувъ головой.

— Сестра,—сказала она, обращаясь къ Баклановой:—сходите, пожалуйста, къ старшей сестрѣ и передайте распоряженіе профессора.

Они остались вдвоемъ.

— Да ходите по коридорамъ тише!—крикнула она въ догонку Баклановой.—Знаете что, милѣйшій Петръ Петровичъ,—начала она, дотронувшись до его руки.

— Что?—произнесъ онъ и вскинулъ на нее глазами.

— Вы мнѣ портите сестеръ,—мягко заявила она.

— Я!—удивился Петръ Петровичъ.

— Да. Вы вѣчно съ ними балагурите, берете ихъ сторону. Вѣдь это большею частью простыя дѣвушки. Можетъ быть, онѣ не понимаютъ шутокъ и распускаются.

Профессоръ энергично помоталъ головой.

— Извините, Ольга Васильевна, я не могу съ вами согласиться. Я съ ними, дѣйствительно, шучу и всегда беру ихъ сторону; но что изъ этого? Я ихъ всѣхъ люблю! Славныя дѣвушки! Что?

— Ничего, продолжайте, я слушаю.

— Вѣдь онѣ труженицы. Вѣдь сколько тратится имъ здѣсь

красоты, здоровья, силы, словомъ, молодости, и все это отдается другимъ, а? Что? Развѣ это не подвигъ, не самоотверженіе? Здѣсь, въ обители человѣческаго страданія, онѣ проводятъ жизнь и отдаютъ свое сердце на борьбу со смертью, на то, чтобы вырвались изъ ея когтей нѣсколько человѣческихъ жизней... Что? Вы не согласны? Увѣряю васъ, что *онѣ* отдаютъ родителямъ дѣтей, дѣтямъ—родителей, мужьямъ—женъ и vice-versa. А сами старѣются, хирѣютъ, сохнутъ. Это подвигъ, и подвигъ огромный и не легкій. Какъ же мнѣ не любить, не защищать и не жалѣть ихъ?.. А?..

— Не ожидала отъ васъ такой горячности!—улыбаясь, отвѣтила начальница:—Очень-то ужъ не жалѣйте! Здѣсь не монастырь, и обѣтовъ у насъ нѣтъ. Сестры вольные люди: онѣ могутъ и уйти изъ общины при желаніи. И замужъ могутъ выйти, и это случается часто. Я развѣ препятствую этому? Нисколько. Пожалуйста, сколько угодно. А если онѣ остаются въ общинѣ, такъ, значитъ, имъ такъ нравится. И потомъ, развѣ это шутка, послѣ пятнадцати лѣтъ работы получить пожизненную пенсію?

— Какой работы!—воскликнулъ профессоръ.

— Тяжелой, не спорю. Но вѣдь и пенсія—пожизненная. Ахъ, вы всѣ думаете, я не люблю ихъ!—сказала вдругъ она, и голосъ ея сталъ удивительно мягокъ. — Не меньше, а больше вашего люблю... Въ васъ, во всѣхъ мужчинахъ, что тамъ ни говорите, будь вы профессора или священники, всегда говоритъ инстинктивно мужское чувство. У меня его нѣтъ, конечно, и я люблю ихъ, какъ сестеръ. Это чувство выше. Но мнѣ нисколько не жаль ихъ. Чего жалѣть? Здѣсь онѣ имѣютъ хорошее помѣщеніе, отличный столъ, пріучаются къ чистотѣ, образцовому порядку, къ хорошимъ манерамъ. Здѣсь онѣ закаляютъ свои нервы, и сердце ихъ начинаетъ биться любовью—не къ мужчинѣ, а къ *человѣку*... Ахъ, если бы вы знали, какъ это много значитъ для женскаго сердца умѣть любить общей, широкой любовью. Это нисколько не мѣшаетъ и другой, чисто-женской любви, нисколько. Но это ее возвышаетъ и очищаетъ.

Профессоръ посматривалъ на часы и скороговоркой говорилъ: „да, да... конечно... что? само собой“.

— Простите, Петръ Петровичъ,—спохватилась начальница:—въ умѣ ли я? Я васъ задержала! Но я неистощима, когда приходится говорить на эту тему. Сегодня много операцій?

— Да, есть-таки. До свиданья.

Они дошли до перевязочной, гдѣ профессора ждали для болѣе

подробнаго осмотра амбулаторные больные и много сестеръ, всегда присутствовавшихъ при этомъ.

Профессоръ быстро оглядѣлъ всѣхъ. Онъ подозвалъ къ себѣ сестру Рузанову и отдалъ приказаніе: сегодня онъ будетъ „рѣзать“ офицера и ту больную, которую привезли утромъ. Онъ ей вкратцѣ разсказалъ, что нужно приготовить, и она жадно ловила его слова. Прислуживать ему при операціи было настоящею ея страстью, которой она всецѣло посвятила себя и отдалась ей всей душой. Даже ея мѣщанское лицо съ блѣдной улыбкой расцвѣтилось, и она сдѣлалась моложе, хотя всегда казалась преждевременно состарившеюся. Ей всегда давали больше ея тридцати двухъ лѣтъ, но только не тогда, когда она служила профессору при операціи и ловко подавала и принимала нужные инструменты. Еще ни разу за время своей практики она не ошиблась и не смутила профессора, и онъ себя чувствовалъ положительно не по себѣ, когда около него не было его „мечты“, сестры Рузановой. Внѣ операціонной, она дѣлалась незамѣтной, старалась не обращать на себя вниманія, не выдаваться впередъ, не занимать лишняго мѣста. Отъ ея худого и блѣднаго лица, гладко причесанныхъ бѣлокурыхъ волосъ грязно-сѣраго цвѣта, отъ ея темнаго платья и невыразительныхъ глазъ вѣяло глубокимъ одиночествомъ, тоской унылаго существованія. Казалось, ничто въ мірѣ не интересовало ее. Ея царствомъ была операціонная, а въ ней два зеркальныхъ шкафа съ блестящими пинцетами, троакарами, зондами, ножницами, щипцами, иглами и всѣхъ сортовъ ножами. Ихъ она знала по виду, по именамъ и по назначенію, ихъ она любовно перетирала и дезинфицировала, и, казалось, весь міръ для нея воплотился въ этомъ арсеналѣ орудій благодѣтельныхъ и цѣлительныхъ пытокъ.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА.

Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.

Швейцарскій экономистъ Сисмонди (S. C. L. Simonde de Sismondi), писавшій въ началѣ текущаго столѣтія, представляетъ особенный интересъ для разрѣшенія тѣхъ общихъ экономическихъ вопросовъ, которые съ особенной силой выступаютъ теперь въ Россіи. Если прибавить къ этому, что въ исторіи политической экономіи Сисмонди занимаетъ особое мѣсто, стоя въ сторонѣ отъ главныхъ теченій, что онъ горячій сторонникъ мелкаго производства, выступающій съ протестомъ противъ защитниковъ и идеологовъ крупнаго предпринимательства (точно такъ же, какъ выступаютъ противъ нихъ и современные русскіе народники), то читатель пойметъ наше намѣреніе дать очеркъ ученія Сисмонди въ главныхъ его чертахъ и въ отношеніи его къ другимъ—одновременнымъ и послѣдующимъ—направленіямъ экономической науки. Интересъ изученія Сисмонди усиливается какъ разъ въ настоящую минуту тѣмъ, что въ журналѣ «Р. Богатство» за прошлый годъ мы находимъ статью, посвященную тоже изложенію ученія Сисмонди (*Б. Эфруси*: «Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди». «Р. Б.» 1896 г. № 7 и 8) [1]).

Сотрудникъ «Рус. Богатства» заявляетъ съ самаго начала, что нѣтъ писателя, который «подвергся бы столь неправильной оцѣнкѣ», какъ Сисмонди, котораго, дескать, «несправедливо» выставляли то реакціонеромъ, то утопистомъ.—Какъ разъ наоборотъ. Именно *такая* оцѣнка Сисмонди вполнѣ правильна. Статья же «Рус. Богатства», представляя изъ себя подробный и аккуратный пересказъ Сисмонди, характеризуетъ его теорію совершенно невѣрно [2]), идеализируя Сисмонди именно въ тѣхъ пунктахъ его ученія, въ которыхъ онъ всего ближе подходитъ къ народникамъ, игнорируя и неправильно освѣщая отношеніе его къ послѣдующимъ теченіямъ экономической науки. Поэтому наше изложеніе и разборъ ученія Сисмонди будетъ въ то же время критикой статьи г. Эфруси.

Отличительной особенностью теоріи Сисмонди является его ученіе

---

[1]) Съ сожалѣніемъ отмѣчаемъ смерть этого молодого и трудолюбиваго экономиста. Некрологъ его напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Русск. Богатства». *Ред.*

[2]) Вполнѣ справедливо, что Сисмонди — не соціалистъ, на что указываетъ г. Эфруси въ началѣ статьи, повторяя сказанное Липпертомъ (см. Handwörterbuch der Staatswisenschaften, V Band, Artikel «Sismondi», von Lippert, Seite 678).

о доходѣ, объ отношеніи дохода къ производству и къ населенію. Главное произведеніе Сисмонди и озаглавлено такъ: Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population» (seconde édition. Paris 1827, 2 vol. Первое изданіе было въ 1819 г.)—«Новыя начала политической экономіи, или о богатствѣ въ его отношеніяхъ къ населенію». Тема эта почти тождественна съ тѣмъ вопросомъ, который въ русской народнической литературѣ извѣстенъ подъ названіемъ «вопроса о внутреннемъ рынкѣ для капитализма». Сисмонди утверждалъ именно, что развитіе крупнаго предпринимательства и наемнаго труда въ промышленности и земледѣліи ведетъ къ тому, что производство необходимо обгоняетъ потребленіе и становится передъ неразрѣшимой задачей: найти потребителей; что внутри страны потребителей оно найти не можетъ, ибо превращаетъ массу населенія въ поденщиковъ, простыхъ рабочихъ и создаетъ незанятое населеніе, а искать внѣшняго рынка становится все труднѣе съ выступленіемъ на міровую арену новыхъ капиталистическихъ странъ. Читатель видитъ, что это совершенно тѣ же самые вопросы, которые занимаютъ экономистовъ-народниковъ, съ гг. В. В. и Н.—ономъ во главѣ. Посмотримъ же поближе на отдѣльные моменты аргументаціи Сисмонди и на ея научное значеніе.

Въ противоположность экономистамъ-классикамъ, которые имѣли въ виду при своихъ построеніяхъ уже сложившійся капиталистическій строй и наличность класса рабочихъ брали за нѣчто данное и подразумѣвающееся само собой, Сисмонди подчеркиваетъ именно процессъ разоренія мелкаго производителя,—процессъ, ведшій къ образованію этого класса. Что указаніе этого противорѣчія въ капиталистическомъ строѣ составляетъ заслугу Сисмонди—это неоспоримо, но дѣло въ томъ, что, какъ экономистъ, Сисмонди не сумѣлъ *понять* этого явленія и свою неспособность къ послѣдовательному анализу прикрывалъ «благими пожеланіями». Разореніе мелкаго производителя доказываетъ, по мнѣнію Сисмонди, сокращеніе внутренняго рынка.

«Если фабрикантъ будетъ продавать дешевле,—говоритъ Сисмонди въ главѣ о томъ, «какъ продавецъ расширяетъ свой рынокъ?» (Ch. III, livre IV, t. I, p. 342 et suiv. [1]),—то онъ продастъ больше, ибо другіе продадутъ меньше. Поэтому усилія фабриканта направлены всегда на то, чтобы сдѣлать какое-нибудь сбереженіе на трудѣ или на сырыхъ матерьялахъ, которое дало бы ему возможность продавать дешевле его товарищей. Такъ какъ матерьялы сами представляютъ изъ себя продуктъ прошлаго труда, то его сбереженіе сводится всегда, въ концѣ концовъ, къ употребленію меньшаго количества труда на производство того же продукта». «Правда, отдѣльный фабрикантъ старается

[1]) Всѣ дальнѣйшія цитаты, безъ особыхъ указаній, относятся къ указанному выше изданію «Nouveaux Principes».

не сокращать количества рабочихъ, а увеличивать производство. Допустимъ, что это ему удастся, что онъ перебьетъ покупателей у своихъ конкурентовъ, понизивъ цѣну товара. Каковъ же будетъ «національный результатъ» этого? «Другіе фабриканты введутъ у себя его пріемы производства. Тогда тѣмъ или другимъ изъ нихъ придется, разумѣется, отпустить часть рабочихъ, соотвѣтственно тому, насколько новая машина усиливаетъ производительную силу труда. Если потребленіе осталось неизмѣннымъ, и если то же количество труда исполняется числомъ рукъ вдесятеро меньшимъ, то девять десятыхъ доходовъ этой части рабочаго класса будутъ у него отняты, и его потребленіе во всѣхъ видахъ уменьшится на столько же... Результатомъ изобрѣтенія—если нація не имѣетъ внѣшней торговли и если потребленіе остается неизмѣннымъ—будетъ, слѣдовательно, потеря для всѣхъ, уменьшеніе національнаго дохода, которое въ слѣдующемъ году поведетъ къ уменьшенію общаго потребленія» (I, 344). «И это такъ и должно было быть: трудъ самъ по себѣ составляетъ важную часть дохода (Сисмонди имѣетъ въ виду заработную плату), и потому нельзя уменьшать спросъ на трудъ безъ того, чтобы не сдѣлать націи болѣе бѣдной. Поэтому-то выгода, ожидаемая отъ изобрѣтенія новыхъ способовъ производства, относится почти всегда на счетъ иностранной торговли» (I, 345).

Читатель видитъ, что уже въ этихъ словахъ передъ нами вся столь знакомая намъ «теорія» «сокращенія внутренняго рынка» вслѣдствіе развитія капитализма и необходимости въ виду этого внѣшняго рынка. Сисмонди возвращается къ этой мысли чрезвычайно часто, связывая съ ней и свою теорію кризисовъ, и «теорію» населенія; въ его ученіи это такой же доминирующій пунктъ, какъ и въ ученіи русскихъ народниковъ.

Сисмонди не забылъ, разумѣется, что разореніе и безработица при новыхъ отношеніяхъ сопровождаются увеличеніемъ «торговаго богатства», что рѣчь должна идти о развитіи крупнаго производства, капитализма. Онъ прекрасно понималъ это и утверждалъ именно, что ростъ капитализма уменьшаетъ внутренній рынокъ: «Точно такъ же, какъ для блага гражданъ небезразлично, будетъ ли довольство и потребленіе всѣхъ приближаться къ равенству, или небольшое меньшинство будетъ имѣть во всемъ избытокъ, а масса будетъ сведена къ строго необходимому, точно такъ же эти два вида распредѣленія дохода небезразличны и для развитія *торговаго богатства* (richesse commerciale; курсивъ вездѣ нашъ). Равенство потребленія должно всегда вести въ результатѣ къ расширенію рынка производителей, неравенство—къ *сокращенію рынка*» (de le (le marché) resserrer toujours davantage) (I, 357).

Итакъ Сисмонди утверждаетъ, что внутренній рынокъ сокращается свойственнымъ капитализму неравенствомъ распредѣленія, что рынокъ долженъ создаваться равномѣрнымъ распредѣленіемъ. Но какимъ же образомъ можетъ происходить это при *богатствѣ торговомъ*, къ кото-

рому незамѣтно перешелъ Сисмонди (и къ которому не могъ не перейти, ибо иначе не могъ бы говорить о *рынкѣ*)? Этого онъ не изслѣдуетъ. Чѣмъ доказываетъ онъ возможность сохраненія равенства производителей при торговомъ богатствѣ, *т.-е.* при конкуренціи между отдѣльными производителями? Абсолютно ничѣмъ не доказываетъ. Онъ просто декретируетъ, что такъ *должно быть*. Вмѣсто дальнѣйшаго анализа того противорѣчія, которое онъ справедливо указалъ, онъ принимается толковать о нежелательности противорѣчій вообще. «Возможно, что съ замѣной мелкаго земледѣлія крупнымъ въ землю вложено больше капиталовъ, что между всей массой земледѣльцевъ распредѣлено больше богатства, чѣмъ прежде»... (т.-е. «возможно», что внутренній рынокъ, опредѣляемый вѣдь именно абсолютно количествомъ *торговаго* богатства, возросъ?—возросъ рядомъ съ развитіемъ капитализма?)... «Но для націи потребленіе одной семьи богатыхъ фермеровъ плюсъ 50 семей нищихъ поденщиковъ неравносильно потребленію 50-ти семей крестьянъ, изъ которыхъ ни одна не богата, но зато ни одна не лишена (умѣреннаго) приличнаго довольства» (une honnête aisance) (I, 358). Другими словами: можетъ быть, развитіе фермерства и создаетъ внутренній рынокъ для капитализма. Сисмонди былъ слишкомъ образованный и добросовѣстный экономистъ, чтобы отрицать этотъ фактъ, но... но здѣсь авторъ покидаетъ свое изслѣдованіе и вмѣсто «націи» торговаго богатства подставляетъ прямо «націю» крестьянъ. Отбояриваясь отъ непріятнаго факта, опровергающаго его мелкобуржуазную точку зрѣнія, онъ забываетъ даже о томъ, что самъ же говорилъ нѣсколько раньше, именно: что «фермеры» и развились изъ «крестьянъ», благодаря развитію торговаго богатства. «Первые фермеры,—говорилъ Сисмонди,—были простыми пахарями... Они не переставали быть крестьянами... Они не употребляли почти никогда для совмѣстной работы поденныхъ работниковъ, а только слугъ (батраковъ—des domestiques), избираемыхъ всегда среди ихъ равныхъ, съ которыми и обращались, какъ съ равными, ѣли за однимъ столомъ... составляли одинъ классъ крестьянъ» (I, 221). Все дѣло сводится, значитъ, къ тому, что эти патріархальные мужички съ своими патріархальными батраками гораздо болѣе по душѣ автору, и онъ просто отворачивается отъ тѣхъ измѣненій, которыя произвелъ въ этихъ патріархальныхъ отношеніяхъ ростъ «торговаго богатства».

Но Сисмонди нисколько не намѣренъ признаться въ этомъ. Онъ продолжаетъ думать, что изслѣдуетъ законы торговаго богатства, и, позабывъ свои оговорки, утверждаетъ прямо:

«Итакъ, вслѣдствіе концентраціи имуществъ у небольшого числа собственниковъ, *внутренній рынокъ все болѣе и болѣе сокращается* (!), и промышленности все болѣе и болѣе приходится искать сбыта на внѣшнихъ рынкахъ, гдѣ ей угрожаютъ великія сотрясенія» (des grandes revolutions) (I, 361). «Итакъ внутренній рынокъ не можетъ расширяться иначе, какъ при расширеніи національнаго благосостоянія»

(I, 362). Сисмонди имѣетъ въ виду народное благосостояніе (примѣняясь къ терминологіи народниковъ), ибо онъ сейчасъ только признавалъ возможность «національнаго» благосостоянія при фермерствѣ.

Какъ видно, читатель, наши экономисты-народники говорятъ слово въ слово то же самое.

Сисмонди возвращается къ этому вопросу еще разъ въ концѣ сочиненія, въ VII-ой книгѣ: «О населеніи», въ главѣ VII-ой: «о населеніи, которое сдѣлалось излишнимъ вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ».

«Въ деревнѣ введеніе системы крупныхъ фермъ повело въ Великобританіи къ исчезновенію класса арендаторовъ-крестьянъ (fermiers-paysans), которые сами работали и пользовались тѣмъ не менѣе умѣреннымъ довольствомъ; населеніе значительно уменьшилось; но его потребленіе уменьшилось еще больше, чѣмъ его число. Поденщики, исполняющіе всѣ полевыя работы, получая лишь самое необходимое, далеко не даютъ такого поощренія (encouragement) городской индустріи, какое давали раньше богатые крестьяне» (II, 327). «Аналогичное измѣненіе произошло и въ городскомъ населеніи... Мелкіе торговцы, мелкіе промышленники исчезаютъ, и сотни ихъ замѣняетъ одинъ крупный предприниматель; можетъ быть, они всѣ вмѣстѣ не были такъ богаты какъ онъ. Тѣмъ не менѣе они, вмѣстѣ взятые, были лучшими потребителями, чѣмъ онъ. Его роскошь даетъ гораздо меньшее поощреніе индустріи, чѣмъ умѣренное довольство тѣхъ ста хозяйствъ, которыя онъ замѣнилъ» (ib).

Къ чему же сводится, спрашивается, эта теорія Сисмонди о сокращеніи внутренняго рынка при развитіи капитализма? Къ тому, что авторъ ея, едва попытавшись взглянуть на дѣло прямо, увернулся отъ анализа условій, соотвѣтствующихъ капитализму («торговое богатство» плюсъ крупное предпринимательство въ промышленности и земледѣліи, ибо Сисмонди слова «капитализмъ» не знаетъ. Тождество понятій дѣлаетъ это словоупотребленіе вполнѣ правильнымъ, и мы будемъ впредь говорить просто: «капитализмъ»), и подставилъ на мѣсто анализа свою мелкобуржуазную точку зрѣнія и мелкобуржуазную утопію. Развитіе торговаго богатства и, слѣд., конкуренціи должно оставить неприкосновеннымъ ровное, среднее крестьянство съ его «умѣреннымъ довольствомъ», и его патріархальными отношеніями къ батракамъ.

Понятно, что это невинное пожеланіе осталось исключительнымъ достояніемъ Сисмонди и другихъ романтиковъ изъ «интеллигенціи», что оно съ каждымъ днемъ приходило все въ большее столкновеніе съ дѣйствительностью, развивавшей тѣ противорѣчія, глубины которыхъ не умѣлъ еще оцѣнить Сисмонди.

Понятно, что теоретическая политическая экономія, примкнувъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ классикамъ, установила съ точностью именно то, что хотѣлъ отрицать Сисмонди, именно: что развитіе капитализма вообще и фермерства въ частности не сокращаетъ, а *соз-*

даетъ внутренній рынокъ. Развитіе капитализма идетъ вмѣстѣ съ развитіемъ товарнаго хозяйства, и по мѣрѣ того, какъ домашнее производство уступаетъ мѣсто производству на продажу, а кустарь уступаетъ мѣсто фабрикѣ,—идетъ образованіе рынка для *капитала*. «Поденщики», выталкиваемые изъ земледѣлія превращеніемъ «крестьянъ» въ «фермеровъ», поставляютъ, рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктовъ индустріи и притомъ не только покупателями предметовъ потребленія (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудій производства, которыя не могли уже оставаться прежними при замѣнѣ мелкаго земледѣлія крупнымъ [1]). Послѣднее обстоятельство стоитъ подчеркнуть, ибо его-то и игнорировалъ особенно Сисмонди, говорившій въ цитированномъ нами мѣстѣ о «потребленіи» крестьянъ и фермеровъ такъ, какъ будто бы существовало одно только *личное* потребленіе (потребленіе хлѣба, одежды и т. п.), какъ будто бы покупка машинъ, орудій и т. п., постройка зданій, складовъ, фабрикъ и т. п. не были тоже потребленіемъ, только другого рода, именно: *потребленіемъ производительнымъ*, потребленіемъ не людей, а капитала. И опять-таки приходится отмѣтить, что именно эту ошибку, которую Сисмонди, какъ мы сейчасъ увидимъ, заимствовалъ у Ад. Смита, въ полной неприкосновенности переняли и наши народники-экономисты [2]).

Аргументація Сисмонди противъ возможности капитализма и его развитія не ограничивается только этимъ. Онъ дѣлалъ такіе же выводы и изъ своего ученія о доходѣ. Надо сказать, что Сисмонди вполнѣ перенялъ отъ Ад. Смита теорію трудовой стоимости и трехъ видовъ дохода: ренты, прибыли и заработной платы. Онъ дѣлаетъ даже кое-гдѣ попытку обобщить два первые вида дохода въ противоположность третьему: такъ, иногда онъ соединяетъ ихъ, противополагая заработной платѣ (I, 104—105); у него попадается даже слово: mieux-value (сверхстоимость) по отношенію къ нимъ (I, 103). Не надо однако преувеличивать значенія такого словоупотребленія, какъ это дѣлаетъ, кажется, г. Эфруси, говоря, «что теорія Сисмонди близка къ теоріи прибавочной цѣнности» (Р. Б. № 8, с. 41). Сисмонди, собственно, не сдѣлалъ ни одного шага впередъ противъ Ад. Смита, который тоже говорилъ, что рента и прибыль суть «вычетъ изъ труда», дань той цѣнности, которую работникъ прибавляетъ къ продукту. (См. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства», рус. пер. Бибикова, т. I, гл.

---

[1]) Такимъ образомъ создаются одновременно элементы и перемѣннаго капитала («свободный» рабочій) и постояннаго; къ послѣднему относятся тѣ средства производства, отъ которыхъ освобождается мелкій производитель.

[2]) Г. Эфруси объ этой части доктрины Сисмонди—о сокращеніи внутренняго рынка вслѣдствіе развитія капитализма—не говоритъ ничего. Мы еще увидимъ много разъ, что онъ опустилъ именно то, что наиболѣе рельефно характеризуетъ *точку зрѣнія* Сисмонди и отношенія народничества къ его ученію.

VIII: «О заработной платѣ» и гл. VI: «О частяхъ, входящихъ въ составъ цѣны товаровъ»). Дальше этого не пошелъ и Сисмонди. Но онъ пытался связать это дѣленіе вновь создаваемаго продукта на сверхстоимость и заработную плату съ теоріей общественнаго дохода, внутренняго рынка и реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ. Попытки эти чрезвычайно важны для оцѣнки научнаго значенія Сисмонди, и для уясненія связи между его доктриной и доктриной русскихъ народниковъ. Поэтому стоитъ разобрать ихъ подробнѣе.

Выдвигая повсюду на первый планъ вопросъ о доходѣ, объ отношеніи его къ производству, къ потребленію, къ населенію, Сисмонди, естественно, долженъ былъ разобрать и теоретическія основанія понятія «доходъ». И мы находимъ у него, въ самомъ началѣ сочиненія, три главы, посвященныя вопросу о доходѣ (l. II, ch. IV—VI). Глава IV: «Какъ доходъ происходитъ изъ капитала» трактуетъ о различіи капитала и дохода. Сисмонди прямо начинаетъ излагать этотъ предметъ по отношенію ко всему обществу. «Такъ какъ каждый работаетъ для всѣхъ,—говоритъ онъ,—то производство всѣхъ должно быть потреблено всѣми... Различіе между капиталами и доходами существенно для общества» (I, 83). Но Сисмонди чувствуетъ, что это «существенное» различіе *для общества* не такъ просто, какъ для отдѣльнаго предпринимателя. «Мы подходимъ, — оговаривается онъ,—къ самому абстрактному и самому трудному вопросу политической экономіи. Природа капитала и дохода постоянно переплетаются въ нашемъ представленіи: мы видимъ, что *доходъ для одного становится капиталомъ для другого*, и одинъ и тотъ же предметъ, переходя изъ рукъ въ руки, пріобрѣтаетъ послѣдовательно различныя наименованія» (I, 84), т.-е. то наименованіе «капитала», то «наименованіе» дохода. «Но смѣшивать ихъ — утверждаетъ Сисмонди — ошибка (leur confusion est ruineuse, p. 477). «Насколько трудно различить капиталъ и доходъ общества, настолько же важно это различіе» (I, 84).

Читатель замѣтилъ, вѣроятно, въ чемъ состоитъ трудность, о которой говоритъ Сисмонди: если для отдѣльнаго предпринимателя доходомъ является его прибыль, расходуемая на тѣ или иные предметы потребленія [1]), если для отдѣльнаго рабочаго доходомъ является его заработная плата, то можно ли суммировать эти доходы для полученія «дохода общества»? Какъ быть тогда съ тѣми капиталистами и рабочими, которые производятъ, напр., машины? Ихъ продуктъ существуетъ въ такомъ видѣ, что въ потребленіе войти не можетъ (т.-е. въ личное потребленіе). Его нельзя сложить съ предметами потребленія. Назначеніе этихъ продуктовъ—служить капиталомъ. Значитъ, они, будучи *доходомъ* для своихъ производителей (именно въ той своей части, которая возмѣщаетъ прибыль и заработную плату), становятся

[1]) Точнѣе: та *часть* прибыли, которая не идетъ на накопленіе.

капиталомъ для покупателей. Какъ же разобраться въ этой путаницѣ, мѣшающей установить понятіе общественнаго дохода?

Сисмонди, какъ мы видѣли, только подошелъ къ вопросу, и сейчасъ же уклоняется отъ него, ограничившись указаніемъ на «трудность». Онъ заявляетъ прямо, что «обыкновенно признаютъ три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату» (I, 85) и приходитъ къ пересказу ученія А. Смита о каждомъ изъ нихъ. Поставленный вопросъ о различіи капитала и дохода общества—остался безъ отвѣта. Изложеніе идетъ уже теперь безъ строгаго раздѣленія общественнаго дохода отъ индивидуальнаго. Но къ покинутому имъ вопросу Сисмонди подходитъ еще разъ. Онъ говоритъ, что, подобно различнымъ видамъ дохода, существуютъ также «различные виды богатства» (I, 93), именно: *основной капиталъ*—машины, орудія и т. п., *оборотный капиталъ*—потребляемый въ отличіе отъ перваго быстро, и мѣняющій свою форму (сѣмена, сырые матерьялы, заработная плата), и, наконецъ *доходъ съ капитала*, потребляемый безъ воспроизводства. Намъ неважно здѣсь то обстоятельство, что Сисмонди повторяетъ всѣ ошибки Смита въ ученіи объ основномъ и оборотномъ капиталѣ, смѣшивая эти категоріи, принадлежащія къ процессу обращенія, съ категоріями, вытекающими изъ процесса производства (постоянный и перемѣнный капиталъ). Насъ интересуетъ ученіе Сисмонди о доходѣ. И по этому вопросу онъ выводитъ изъ приведеннаго сейчасъ раздѣленія трехъ видовъ богатствъ слѣдующее:

«Важно замѣтить, что эти три вида богатствъ одинаково идутъ на потребленіе; ибо все, что было произведено, имѣетъ стоимость для человѣка лишь постольку, поскольку служитъ его потребностямъ, а эти потребности удовлетворяются только потребленіемъ. Но основной капиталъ служитъ этому косвеннымъ образомъ (d'une maniere indiecte); онъ потребляется медленно, помогая человѣку въ воспроизведеніи того, что служитъ его потребленію» (I, 94—95), между тѣмъ какъ оборотный капиталъ (Сисмонди отождествляетъ его уже съ перемѣннымъ) обращается въ «*потребительный фондъ рабочаго*» (I, 95). Выходитъ, слѣд., что *общественное потребленіе* бываетъ, въ противоположность индивидуальному, двухъ родовъ. Эти два рода отличаются другъ отъ друга весьма существенно. Дѣло, конечно, не въ томъ, что основной капиталъ потребляется медленно, а въ томъ, что онъ потребляется, не образуя ни для одного класса общества *дохода* (потребительнаго фонда), что онъ потребляется не лично, а производительно. Но Сисмонди не видитъ этого, и, чувствуя, что опять-таки сбился съ пути [1]) въ по-

[1]) Именно: Сисмонди сейчасъ только выдѣлилъ *капиталъ* отъ *дохода*. Первый идетъ на производство. Второй—потребленіе. Но вѣдь рѣчь идетъ объ обществѣ. А общество «потребляетъ» и основной капиталъ. Приведенное различіе падаетъ, и общественно-хозяйственный процессъ, превращающій «капиталъ для одного» въ «доходъ для другого», остается невыясненнымъ.

искахъ за различіемъ между общественнымъ капиталомъ и доходомъ, онъ безпомощно заявляетъ: «Это движеніе богатства такъ абстрактно, оно требуетъ такой силы вниманія, чтобы отчетливо схватить его (pour le bien saisir), что мы считаемъ полезнымъ взять самый простой примѣръ» (I, 95). Примѣръ берется, дѣйствительно, «самый простой»: фермеръ, живущій одиноко (un fermer solitaire) собралъ 100 мѣшковъ пшеницы; часть онъ потребляетъ самъ, часть идетъ на посѣвъ, часть на потребленіе нанятыхъ рабочихъ. Слѣдующій годъ получается уже 200 мѣшковъ. Кто ихъ потребитъ? Семья фермера не можетъ возрасти такъ быстро. Показывая на этомъ (до послѣдней степени неудачномъ) примѣрѣ различіе между капиталомъ основнымъ (сѣмена), оборотнымъ (зар. плата) и потребительнымъ фондомъ фермера, Сисмонди говоритъ:

«Мы различили три вида богатствъ въ отдѣльной семьѣ; разсмотримъ теперь каждый видъ по отношенію къ цѣлой націи и разберемъ, какъ изъ этого распредѣленія можетъ произойти національный доходъ» (I, 97). Но дальше говорится только, что и въ обществѣ необходимо воспроизвести тѣ же три вида богатствъ: основной капиталъ (при чемъ Сисмонди подчеркиваетъ, что на него придется затратить извѣстное количество труда, но не объясняетъ, какимъ образомъ основной капиталъ обмѣнится на предметы потребленія, необходимые для капиталистовъ и рабочихъ, занятыхъ этимъ производствомъ); затѣмъ сырой матерьялъ (здѣсь Сисмонди выдѣляетъ его особо); потомъ содержаніе рабочихъ и прибыль капиталистовъ. Вотъ все, что даетъ намъ IV-ая глава. Очевидно, что вопросъ о національномъ доходѣ остался открытымъ, и Сисмонди не разобралъ не только распредѣленія, но даже и *понятія* дохода. Крайне важное въ теоретическомъ отношеніи указаніе на необходимость воспроизвести и основной капиталъ общества онъ сейчасъ же забываетъ и въ слѣдующей главѣ; говоря о «распредѣленіи національнаго дохода между различными классами гражданъ» (Ch. V), онъ прямо говоритъ о трехъ видахъ дохода и, объединяя ренту и прибыль вмѣстѣ, заявляетъ, что національный доходъ состоитъ изъ двухъ частей: прибыль отъ богатства (т.-е. рента и прибыль въ собственномъ смыслѣ) и средства существованія рабочихъ (I, 104—5). Мало того, онъ заявляетъ:

«Точно также годичное производство или результатъ всѣхъ работъ, исполненныхъ націей въ теченіе года, слагается изъ двухъ частей: одна... это—прибыль, проистекающая изъ богатства; другая—способность трудиться (la puissance de travailler), которая предполагается равной той части богатства, на которую она обмѣнивается, или средствамъ существованія трудящихся классовъ». «Итакъ, національный доходъ и годовое производство взаимно уравновѣшиваются и представляются величинами равными. Все годовое производство потребляется въ теченіе года, но отчасти рабочими, которые, давая въ

обмѣнъ свой трудъ, превращаютъ его въ капиталъ и воспроизводятъ его; отчасти капиталистами, которые, давая въ обмѣнъ свой доходъ, уничтожаютъ его» (I, 105).

Такимъ образомъ этотъ вопросъ о различеніи національнаго капитала и дохода, который самъ Сисмонди съ такой опредѣленностью призналъ крайне важнымъ и труднымъ,—онъ просто-на-просто отбросилъ, совершенно позабывъ сказанное нѣсколькими страницами раньше! И Сисмонди уже не замѣчаетъ, что, отбросивъ этотъ вопросъ, онъ пришелъ къ положенію совершенно безсмысленному: какимъ же образомъ годовое производство можетъ все цѣликомъ входить въ потребленіе рабочихъ и капиталистовъ въ видѣ дохода, когда для производства нуженъ капиталъ, нужны—точнѣе выражаясь — средства и орудія производства. Надо ихъ произвести, и они каждогодно производятся (какъ это и самъ Сисмонди сейчасъ же признавалъ). И вотъ всѣ орудія производства, сырые матерьялы и т. д. вдругъ выкидывается, и «трудный» вопросъ о различіи капитала и дохода разрѣшается ни съ чѣмъ несообразнымъ утвержденіемъ, что годовое производство равняется національному доходу.

Эта теорія, что все производство капиталистическаго общества состоитъ изъ двухъ частей—части рабочихъ (заработная плата, или перемѣнный капиталъ, по современной терминологіи) и части капиталистовъ (сверхстоимость), не составляетъ особенности Сисмонди. Она не составляетъ его достоянія. Онъ цѣликомъ перенялъ ее у Ад. Смита, сдѣлавъ даже нѣкоторый шагъ назадъ. Вся послѣдующая политическая экономія (Рикардо, Милль, Прудонъ, Родбертусъ) повторяла эту ошибку, раскрытую только авторомъ «Капитала» въ Ш-мъ отдѣлѣ II-го тома. Мы изложимъ основаніе его воззрѣній ниже. А теперь замѣтимъ, что повторяютъ эту ошибку и наши народники-экономисты. Сопоставленіе ихъ съ Сисмонди пріобрѣтаетъ особый интересъ потому, что они дѣлаютъ изъ этой ошибочной теоріи *тѣ же выводы, которые сдѣлалъ прямо и Сисмонди* [1]), именно: выводъ о невозможности реализаціи сверхстоимости въ капиталистическомъ обществѣ; о невозможности развитія общественнаго богатства; о необходимости прибѣгать къ внѣшнему рынку *вслѣдствіе того*, что внутри страны сверхстоимость не можетъ быть реализована; наконецъ, о кризисахъ, вызываемыхъ будто бы именно этой невозможностью реализовать продуктъ въ потребленіи рабочихъ и капиталистовъ.

Чтобы читатель могъ представить себѣ доктрину Сисмонди въ ея цѣломъ, мы дадимъ сначала изложеніе главнѣйшихъ выводовъ его изъ этой теоріи, а потомъ перейдемъ къ тому исправленію основной его ошибки, которое дано въ вышеуказанномъ трактатѣ.

---

[1]) И отъ которыхъ благоразумно воздержались другіе экономисты, повторявшіе ошибку Ад. Смита.

Прежде всего Сисмонди дѣлаетъ изъ этой ошибочной теоріи Ад. Смита тотъ выводъ, что производство должно соотвѣтствовать потребленію, что производство опредѣляется доходомъ. Подробному разжевыванію этой «истины» (свидѣтельствующей о совершенномъ непониманіи характера капиталистическаго производства) посвящена вся слѣдующая глава, IV: «Взаимное опредѣленіе производства потребленіемъ и расхода—доходомъ». Сисмонди прямо переноситъ на капиталистическое общество мораль экономнаго крестьянина и думаетъ серьезно, что онъ внесъ этимъ исправленіе въ ученіе Смита. Въ самомъ началѣ сочиненія, говоря во вступительной части (кн. I, исторія науки) объ Ад. Смитѣ, онъ заявляетъ, что «дополняетъ» Смита положеніемъ, что «потребленіе есть единственная цѣль накопленія» (I, 54). «Потребленіе,—говоритъ онъ,—опредѣляетъ воспроизводство» (I, 119—120), «національный расходъ долженъ регулировать національный доходъ» (I, 113), и тому подобныя положенія пестрятъ все сочиненіе. Въ непосредственной связи съ этимъ стоятъ еще двѣ характерныя черты доктрины Сисмонди: во-1-хъ, недовѣріе къ развитію капитализма, непониманіе того, какъ онъ создаетъ все большій и большій ростъ производительныхъ силъ, отрицаніе возможности этого роста,—совершенно такъ же, какъ и русскіе романтики «учатъ», что капитализмъ ведетъ къ растратѣ труда и т. п.

«Ошибаются тѣ, кто подстрекаетъ къ безграничному производству» говоритъ Сисмонди (I, 121). Избытокъ производства надъ доходомъ вызываетъ перепроизводство (I, 106). Ростъ богатства выгоденъ лишь тогда, «когда онъ постепененъ, когда онъ пропорціоналенъ самому себѣ, когда ни одна изъ его частей не развивается непомѣрно быстро» (I, 309). Добрый Сисмонди думаетъ, что «непропорціональное» развитіе не есть развитіе (какъ думаютъ и наши народники), что эта непропорціональность — не законъ даннаго строя общественнаго хозяйства и его движенія, а «ошибка» законодателя и т. п., что это искусственное подражаніе европейскихъ правительствъ Англіи, которая пошла по ложному пути [1]). Сисмонди совершенно отрицаетъ то положеніе, которое выдвинули классики и которое вполнѣ приняла новѣйшая теорія, именно что капитализмъ развиваетъ производительныя силы. Мало этого,—онъ приходитъ къ тому, что всякое накопленіе считаетъ осуществимымъ лишь «понемногу», будучи совершенно не въ состояніи объяснить процессъ накопленія. Это вторая въ высшей степени характерная черта его. Онъ разсуждаетъ о накопленіи до послѣдней степени забавно:

«Въ концѣ концовъ сумма производства даннаго года только обмѣ-

[1]) См. напр., II, 456—7 и мн. др. мѣста. Ниже мы приведемъ ихъ образчики, и читатель увидитъ, что даже способъ выраженія нашихъ романтиковъ, въ родѣ г. Н. —она, не отличается ни въ чемъ отъ Сисмонди.

нивается всегда на сумму производства прошлаго года» (I, 121). Тутъ уже накопленіе совершенно отрицается: выходитъ, что ростъ общественнаго богатства невозможенъ при капитализмѣ. Русскаго читателя это положеніе не очень удивитъ, ибо онъ слышалъ то же и отъ г. В. В. и отъ г. Н. —она. Но Сисмонди былъ все-таки ученикомъ Смита. Онъ чувствуетъ, что говоритъ нѣчто уже совершенно несообразное, и хочетъ поправиться:

«Если производство возрастаетъ постепенно,—продолжаетъ онъ,—то обмѣнъ каждаго года причиняетъ лишь небольшую потерю каждаго года (une petite perte), улучшая въ то же время условія для будущаго (en même temps qu'elle bénifice la condition future). Если эта потеря легка и хорошо распредѣлена, то каждый перенесетъ ее не жалуясь... Если же несоотвѣтствіе между новымъ производствомъ и предшествующимъ велико, то капиталы гибнутъ (sont entames), получается страданіе, и нація идетъ назадъ вмѣсто того, чтобы прогрессировать» (I, 121). Трудно рельефнѣе и прямѣе высказать основное положеніе романтизма и мелкобуржуазнаго воззрѣнія на капитализмъ, чѣмъ это сдѣлано въ данной тирадѣ. Чѣмъ быстрѣе идетъ накопленіе, *т.-е.* превышеніе производства надъ потребленіемъ,—тѣмъ лучше, учили классики, которые, хотя и не умѣли разобраться въ процессѣ общественнаго производства капитала, хотя и не умѣли освободиться отъ ошибки Смита, будто общественный продуктъ состоитъ изъ двухъ частей, но выставляли все же вполнѣ справедливое положеніе, что производство само создаетъ себѣ рынокъ, само опредѣляетъ потребленіе. И мы знаемъ, что такое воззрѣніе на накопленіе приняла отъ классиковъ и новѣйшая теорія, признавъ, что чѣмъ быстрѣе ростъ богатства, тѣмъ полнѣе развиваются производительныя силы труда и обобществленіе его, *тѣмъ лучше положеніе рабочаго*, насколько оно можетъ быть лучше въ данной системѣ общественнаго хозяйства. Романтики утверждаютъ прямо обратное и возлагаютъ всѣ свои надежды именно на слабое развитіе капитализма, взываютъ къ его *задержкѣ*.

Далѣе, изъ непониманія того, какъ производство создаетъ себѣ рынокъ, вытекаетъ ученіе о невозможности реализовать сверхстоимость. «Изъ воспроизводства проистекаетъ доходъ, но «*производство само по себѣ не есть еще доходъ*»: оно получаетъ такое названіе (ce nom! Итакъ, различіе производства, т.-е. продукта, отъ дохода лишь въ словѣ!), оно является въ качествѣ такового (elle n'opère comme tel) лишь послѣ того, какъ оно реализовано, послѣ того какъ каждая произведенная вещь нашла себѣ потребителя, имѣющаго въ ней нужду или находящаго въ ней наслажденіе» (qui en avait le besoin on le desir, I, 121). Такимъ образомъ изъ отождествленія дохода съ «производствомъ» (т.-е. всѣмъ тѣмъ, что произведено) вытекаетъ отождествленіе реализаціи съ потребленіемъ *личнымъ*. О томъ, что реализація та-

кихъ, напр., продуктовъ, какъ желѣзо, уголь, машины и т. п., вообще средствъ производства, происходитъ особымъ путемъ,—Сисмонди уже забылъ, хотя раньше вплотную подошелъ къ этому. Изъ отождествленія реализаціи съ потребленіемъ *личнымъ* естественно вытекаетъ ученіе, что капиталисты не могутъ реализовать именно *сверхстоимость*, ибо изъ двухъ частей общественнаго продукта заработную плату реализуютъ своимъ потребленіемъ рабочіе. И Сисмонди дѣйствительно пришелъ къ этому выводу (впослѣдствіи развитому болѣе подробно Прудономъ и постоянно повторяемому нашими народниками). Въ полемикѣ съ Макъ-Куллохомъ Сисмонди указываетъ именно на то, будто послѣдній (излагая Рикардо) не объясняетъ реализаціи прибыли. Макъ-Куллохъ говорилъ, что при раздѣленіи общественнаго труда одно производство есть рынокъ для другого: производители хлѣба реализируютъ товары въ продуктѣ производителей одежды, и наоборотъ [1]). «Авторъ предполагаетъ,—говоритъ Сисмонди,—трудъ безъ прибыли (le travail sans bénéfice), воспроизводство, которое возмѣщаетъ только потребленіе *рабочихъ*» (II, 384, курсивъ Сисмонди)... «онъ не оставляетъ ничего на долю хозяина»... «мы изслѣдуемъ, чѣмъ становится излишекъ производства рабочихъ надъ ихъ потребленіемъ» (ib.). Такимъ образомъ у этого перваго романтика мы находимъ уже вполнѣ опредѣленное указаніе, что капиталисты не могутъ реализовать именно *сверхстоимости*. Изъ этого положенія Сисмонди дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ—опять-таки именно тотъ, который дѣлаютъ и народники,—что по *самымъ условіямъ реализаціи* необходимъ *внѣшній рынокъ для капитализма*. «Такъ какъ трудъ самъ по себѣ составляетъ важную часть дохода, то нельзя уменьшить спросъ на трудъ, не дѣлая націю болѣе бѣдной. Поэтому, выгода, ожидаемая отъ открытія новыхъ пріемовъ производства, почти всегда относится къ *иностранной торговлѣ*». (I, 345). «Нація, совершающая впервые какое-либо открытіе, въ теченіе долгаго времени успѣваетъ расширять свой рынокъ соотвѣтственно числу рукъ, освобождаемыхъ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ. Она употребляетъ ихъ тотчасъ же на увеличеніе количества продуктовъ, которые ея изобрѣтеніе позволяетъ производить дешевле. Но наступаетъ наконецъ эпоха, когда весь цивилизованный міръ образуетъ одинъ рынокъ и когда нельзя уже будетъ въ какой-либо новой націи пріобрѣтать новыхъ покупателей. Спросъ на міровомъ рынкѣ будетъ тогда величиной неизмѣнной (précise), которую будутъ оспаривать другъ у друга различныя промышленныя націи. Если одна поставитъ больше продуктовъ, то это въ ущербъ другой. Общая

[1]) См. добавленіе къ «Nouveaux Principes» 2-е изданіе, т. II: «Eclaircissements relatifs à la balance des consommations avec les productions», гдѣ Сисмонди переводитъ и оспариваетъ статью ученика Рикардо (Макъ-Куллоха), напечатанную въ «Edinburgh Review» подъ названіемъ: «Изслѣдованіе вопроса, возрастаетъ ли всегда способность потребленія въ обществѣ вмѣстѣ съ способностью производства».

продажа не можетъ быть увеличена иначе, какъ увеличеніемъ общаго благосостоянія или переходомъ товаровъ, бывшихъ въ исключительномъ владѣніи богатыхъ, — въ потребленіе бѣдныхъ» (II, 316). Читатель видитъ, что Сисмонди представляетъ именно ту доктрину, которую такъ хорошо усвоили наши романтики, будто внѣшній рынокъ есть *выходъ изъ затрудненія* по реализаціи продукта вообще и сверхстоимости въ частности.

Наконецъ, изъ этой же доктрины о тождествѣ національнаго дохода съ національнымъ производствомъ вытекло ученіе Сисмонди о кризисахъ. Послѣ всего вышеизложеннаго намъ едва-ли есть надобность приводить выписки изъ многочисленныхъ мѣстъ сочиненія Сисмонди, посвященныхъ этому вопросу. Изъ ученія его о необходимости соразмѣрять производство съ доходомъ вытекло само собой воззрѣніе, что кризисъ и есть разультатъ нарушенія такого соотвѣтствія, результатъ чрезмѣрнаго производства, обогнавшаго потребленіе. Изъ приведенной сейчасъ цитаты ясно, что Сисмонди именно это несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ считалъ основной причиной кризисовъ, при чемъ на первое мѣсто выдвигалъ недостаточное потребленіе массъ народа, рабочихъ. Поэтому теорія кризисовъ Сисмонди (перенятая и Родбертусомъ) и извѣстна въ экономической наукѣ, какъ образчикъ теорій, выводящихъ кризисы изъ недостаточнаго потребленія (Unterkonsumtion).

Въ чемъ же состоитъ основная ошибка Сисмонди, поведшая ко всѣмъ этимъ выводамъ?

Свое ученіе о національномъ доходѣ и о распредѣленіи его на двѣ части (часть рабочихъ и часть капиталистовъ) Сисмонди перенялъ цѣликомъ у Ад. Смита. Сисмонди не только не добавилъ ничего къ его положеніямъ, но даже, сдѣлавъ шагъ назадъ, опустилъ хотя и неудачную попытку Адама Смита доказать теоретически это представленіе. Сисмонди не замѣчаетъ какъ будто того противорѣчія, въ которомъ оказалась эта теорія къ ученію о производствѣ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ стоимость отдѣльнаго продукта, по теоріи, выводящей стоимость изъ труда, входятъ три составныя части: часть, возмѣщающая сырой матерьялъ и орудія труда (постоянный капиталъ), часть, возмѣщающая заработную плату или содержаніе рабочихъ (перемѣнный капиталъ) и «сверхстоимость» (mieux-value у Сисмонди). Таковъ анализъ единичнаго продукта по его стоимости у А. Смита, повторенный и Сисмонди. Спрашивается, какимъ же образомъ *общественный* продуктъ, состоящій изъ суммы *единичныхъ* продуктовъ, состоитъ только изъ двухъ послѣднихъ частей? Куда же дѣвалась первая часть — постоянный капиталъ? Сисмонди, какъ мы видѣли, только ходилъ кругомъ да около этого вопроса, но А. Смитъ далъ на него отвѣтъ. Онъ утверждалъ, что эта часть существуетъ самостоятельно лишь въ единичномъ продуктѣ. Если

же разсматривать весь общественный продуктъ, то она разлагается, въ свою очередь на заработную плату и сверхстоимость—именно тѣхъ капиталистовъ, которые производятъ этотъ постоянный капиталъ.

Давая такой отвѣтъ, А. Смитъ не объяснилъ однако, на какомъ основаніи въ этомъ разложеніи стоимости постояннаго капитала, ну, хоть машинъ, отброшенъ опять-таки постоянный капиталъ, т.-е. въ нашемъ примѣрѣ желѣзо, изъ котораго сдѣланы машины, орудія, употребленныя при этомъ, и т. п.? Если стоимость каждаго продукта включаетъ въ себѣ часть, возмѣщающую постоянный капиталъ (а это признаютъ всѣ экономисты), то исключеніе ея изъ какой бы то ни было области общественнаго производства является совершенно произвольнымъ. Когда А. Смитъ говоритъ, что орудія труда сами разлагаются на заработную плату и прибыль, то онъ забываетъ прибавить (говоритъ авторъ «Капитала»): *и на тотъ постоянный капиталъ*, который употребленъ на ихъ производство. А. Смитъ просто отсылаетъ насъ отъ Понтія къ Пилату, отъ одного продукта ссылается на другой, отъ другого на третій», не замѣчая, что вопросъ отъ этого отодвиганія нисколько не измѣняется. Этотъ отвѣтъ Смита (принятый всей послѣдующей политической экономіей до Маркса)—простое уклоненіе отъ задачи, увертка отъ затрудненія. А затрудненіе тутъ дѣйствительно есть. Оно состоитъ въ томъ, что понятіе капитала и дохода нельзя перенести прямо съ индивидуальнаго продукта на общественный. Экономисты признаютъ это, говоря, что, съ общественной точки зрѣнія, «капиталъ для одного становится доходомъ для другого» (см. выше у Сисмонди). Но эта фраза только *формулируетъ* затрудненіе и не разрѣшаетъ его [1]).

Разрѣшеніе состоитъ въ томъ, что при разсмотрѣніи этого вопроса съ общественной точки зрѣнія нельзя уже говорить о продуктахъ вообще, безъ отношенія къ ихъ матеріальной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ объ общественномъ доходѣ, т.-е. о продуктѣ, поступающемъ на потребленіе. Но вѣдь не всякій продуктъ можетъ быть потребленъ въ смыслѣ *личнаго потребленія:* машины, уголь, желѣзо и т. п. предметы «потребляются не лично, а производительно. Съ точки зрѣнія отдѣльнаго предпринимателя это различіе было сильнѣе: если мы говорили, что рабочіе потребятъ перемѣнный капиталъ,—мы принимали, что они вымѣняютъ на рынкѣ предметы потребленія за тѣ деньги, которыя получены капиталистами за произведенныя рабочими машины и уплачены этимъ рабочимъ. Тутъ насъ не интересуетъ этотъ обмѣнъ машинъ на хлѣбъ. Но съ общественной точки зрѣнія этотъ обмѣнъ уже нельзя *подразумѣвать:* нельзя сказать, что весь классъ капита-

[1]) Мы приводимъ здѣсь только *суть* новой теоріи, давшей это разрѣшеніе, предоставляя себѣ въ другомъ мѣстѣ изложить ее подробнѣе. См. Das Kapital, II Band, III Abschnitt. Она изложена у Туганъ-Барановскаго въ «Промышленныхъ кризисахъ», ч. II.

листовъ, производящихъ машины, желѣзо и т. п., продаетъ ихъ и этимъ реализируетъ. Вопросъ здѣсь именно въ томъ, *какъ* происходитъ реализація, *то-есть* возмѣщеніе всѣхъ частей общественнаго продукта. Поэтому исходнымъ пунктомъ въ разсужденіи объ общественномъ капиталѣ и доходѣ—или, что то же, о реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ—должно быть раздѣленіе двухъ совершенно различныхъ видовъ общественнаго продукта: *средствъ производства* и *предметовъ потребленія*. Первыя могутъ быть потреблены только производительно, вторые—только лично. Первыя могутъ служить *только* капиталомъ, вторые должны стать доходомъ, т.-е. уничтожиться въ потребленіи рабочихъ и капиталистовъ. Первыя достаются цѣликомъ капиталистамъ, вторые — распредѣляются между рабочими и капиталистами.

Разъ усвоено это раздѣленіе и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшаго изъ общественнаго продукта постоянную его часть (т.-е. часть, возмѣщающую постоянный капиталъ), — вопросъ о реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ становится уже яснымъ. Очевидно, нельзя говорить о реализаціи заработной платы потребленіемъ рабочихъ, а сверхстоимости — потребленіемъ капиталистовъ *и только* [1]). Рабочіе могутъ потребить заработную плату, а капиталисты—сверхстоимость лишь тогда, когда продуктъ состоитъ изъ предметовъ потребленія, т.-е. лишь въ одномъ подраздѣленіи общественнаго производства. «Потребить» же продуктъ, состоящій изъ средствъ производства, они не могутъ: его *надо обмѣнять на предметы потребленія*. Но на какую же часть (по стоимости) предметовъ потребленія могутъ они обмѣнять свой продуктъ? Очевидно, только на *постоянную часть* (постоянный капиталъ), ибо остальныя двѣ части составляютъ фондъ потребленія рабочихъ и капиталистовъ, производящихъ предметы потребленія. Этотъ обмѣнъ, реализуя сверхстоимость и заработную плату въ производствахъ, изготовляющихъ средства производства, тѣмъ самымъ реализуетъ постоянный капиталъ въ производствахъ, изготовляющихъ предметы потребленія. Въ самомъ дѣлѣ, у капиталиста, производящаго, скажемъ, сахаръ, та часть продукта, которая должна возмѣстить постоянный капиталъ (т.-е. сырье, вспомогательные матерьялы, машины, зданія и т. п.), существуетъ въ видѣ

---

[1]) А именно такъ разсуждаютъ наши народники-экономисты, гг. В. В. и Н.—онъ. Мы намѣренно остановились выше съ особенной подробностью на блужданіяхъ Сисмонди около вопроса о производительномъ и личномъ потребленіи, о предметахъ потребленія и средствахъ производства. (А. Смитъ подходилъ къ различенію ихъ еще ближе, чѣмъ Сисмонди). Мы хотѣли показать читателю, что *классическіе* представители ошибочной теоріи *чувствовали* неудовлетворительность ея, видѣли противорѣчіе и дѣлали попытки выбраться изъ него. Наши же «самобытные» теоретики не только ничего не видятъ и не чувствуютъ, но даже не знаютъ ни теоріи, ни исторіи вопроса, о которомъ такъ усердно разглагольствуютъ.

сахара. Чтобы реализовать эту часть, надо получить вмѣсто этого предмета потребленія соотвѣтствующія *средства производства.* Реализація этой части будетъ, слѣдовательно, состоять изъ обмѣна *предмета потребленія* на продукты, служащіе *средствами производства.* Теперь остается необъясненной реализація одной только части общественнаго продукта, именно: постояннаго капитала въ подраздѣленіи, изготовляющемъ средства производства. Она реализируется отчасти тѣмъ, что часть продукта, въ своемъ натуральномъ видѣ, входитъ опять въ производство (напр., часть угля, добываемаго каменноугольнымъ предпріятіемъ, идетъ опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идетъ опять на посѣвъ и т. п.); отчасти же она реализируется обмѣномъ между отдѣльными капиталистами этого же предпріятія: напр., въ производствѣ желѣза необходимъ каменный уголь, и въ производствѣ каменнаго угля необходимо желѣзо. Капиталисты, производящіе оба продукта, и реализируютъ взаимнымъ обмѣномъ ту часть этихъ продуктовъ, которая возмѣщаетъ ихъ постоянный капиталъ.

Этотъ анализъ (который мы изложили, повторяемъ, въ самомъ сжатомъ видѣ, по причинѣ, указанной выше) разрѣшилъ то затрудненіе, которое сознавали всѣ экономисты, выражая его фразой: «капиталъ для одного—доходъ для другого». Этотъ анализъ показалъ всю ошибочность сведенія общественнаго производства къ одному личному потребленію.

Теперь мы можемъ перейти къ разбору тѣхъ выводовъ, которые дѣлалъ Сисмонди (и другіе романтики) изъ своей ошибочной теоріи. Но сначала приведемъ отзывъ, сдѣланный о Сисмонди авторомъ указаннаго анализа, послѣ подробнѣйшаго и всесторонняго разбора теоріи А. Смита, къ которой Сисмонди не сдѣлалъ ни малѣйшаго дополненія, опустивъ только попытку Смита оправдать свое противорѣчіе:

«Сисмонди, бившійся надъ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ отношенія капитала къ доходу и на самомъ дѣлѣ обратившій особую формулировку этого отношенія въ differentia specifica своихъ «Nouveaux Principes», не сказалъ *ни одного* (курсивъ автора) научнаго слова, не внесъ ни атома въ разрѣшеніе проблемы» (Das Kapital, II, S. 335, 1—6 Auflage).

Первый ошибочный выводъ изъ ошибочной теоріи относится къ накопленію. Сисмонди абсолютно не понялъ капиталистическаго накопленія, и въ горячемъ спорѣ, который онъ велъ по этому вопросу съ Рикардо, правда оказалась, въ сущности, на сторонѣ послѣдняго. Рикардо утверждалъ, что производство само создаетъ себѣ рынокъ, тогда какъ Сисмонди отрицалъ это, созидая на такомъ отрицаніи свою теорію кризисовъ. Правда, и Рикардо не сумѣлъ исправить вышеуказанной основной ошибки Смита и не сумѣлъ поэтому разрѣшить вопроса объ отношеніи

общественнаго капитала къ доходу и о реализаціи продукта (Рикардо и не ставилъ себѣ этихъ вопросовъ),—но онъ инстинктивно характеризовалъ самую суть буржуазнаго способа производства, отмѣчалъ совершенно безспорный фактъ, что накопленіе есть превышеніе производства надъ доходомъ. Съ точки зрѣнія новѣйшаго анализа это такъ и оказывается. Производство дѣйствительно само создаетъ себѣ рынокъ: для производства необходимы средства производства—и они составляютъ особую область общественной продукціи, занимающую извѣстную долю рабочихъ, дающую особый продуктъ, реализуемый частью внутри самой этой области, частью въ обмѣнѣ съ другой областью—производствомъ предметовъ потребленія. Накопленіе дѣйствительно есть превышеніе производства надъ доходомъ (предметами потребленія). Чтобы расширять производство («накоплять» въ категорическомъ значеніи термина), необходимо произвести сначала средства производства [1]), а для этого нужно, слѣдовательно, расширеніе того отдѣла общественной продукціи, который изготовляетъ средства производства, нужно *отвлеченіе къ нему* рабочихъ, которые уже *предъявляютъ спросъ и на предметы потребленія*. Слѣдовательно, «потребленіе» развивается *вслѣдъ за* «накопленіемъ» или *вслѣдъ за* «производствомъ»,—какъ ни кажется это страннымъ, но иначе и быть не можетъ въ капиталистическомъ обществѣ. Въ развитіи этихъ двухъ отдѣловъ капиталистической продукціи не только не обязательна, слѣдовательно, равномѣрность, а, напротивъ, неизбѣжна неравномѣрность. Извѣстно, что законъ развитія капитала состоитъ въ томъ, что постоянный капиталъ возрастаетъ быстрѣе перемѣннаго, т.-е. все бо́льшая и бо́льшая часть вновь образуемыхъ капиталовъ обращается къ тому отдѣлу общественнаго хозяйства, который изготовляетъ средства производства. Слѣдовательно, этотъ отдѣлъ необходимо растетъ быстрѣе того отдѣла, который изготовляетъ предметы потребленія, т.-е. происходитъ именно то, что объявлялъ «невозможнымъ», «опаснымъ» и т. д. Сисмонди. Слѣдовательно, продукты личнаго потребленія въ общей массѣ капиталистическаго производства занимаютъ все меньшее и меньшее мѣсто. И это вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической «миссіи» капитализма и его специфической соціальной структурѣ: первая состоитъ именно въ развитіи производительныхъ силъ общества (производство для производства); вторая исключаетъ утилизацію ихъ массой населенія.

Мы можемъ теперь вполнѣ оцѣнить точку зрѣнія Сисмонди на накопленіе. Его утвержденія, что *быстрое* накопленіе ведетъ къ бѣдствіямъ, совершенно ошибочны и проистекаютъ лишь изъ непониманія накопленія, точно такъ же, какъ многократныя заявленія и требо-

[1]) Напоминаемъ читателю, какъ подходилъ къ этому Сисмонди, выдѣляя отчетливо эти средства производства для отдѣльной семьи и покушаясь сдѣлать это выдѣленіе и для общества. Собственно говоря, «подходилъ» Смитъ, а не Сисмонди, только пересказывающій его.

вания, чтобы производство не перегоняло потребленія, ибо потребленіе опредѣляетъ производство. На дѣлѣ происходитъ именно обратное, и Сисмонди просто-на-просто отворачивается отъ дѣйствительности въ ея особой исторически-опредѣленной формѣ, подставляя на мѣсто анализа мелкобуржуазную мораль. Особенно забавное впечатлѣніе производятъ попытки Сисмонди прикрыть эту мораль «научной» формулой. «Гг. Сей и Рикардо,—говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію «Nouveaux Principes»,—пришли къ той доктринѣ... что потребленіе не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ предѣловъ производства, тогда какъ оно ограничено доходомъ... Они должны были бы предупредить производителей, что они должны разсчитывать только на потребителей, имѣющихъ доходъ» (I, XIII) [1]). Такая наивность вызываетъ въ настоящее время только улыбку. Но не подобными ли вещами переполнены писанія современныхъ нашихъ романтиковъ въ родѣ гг. В. В. и Н. —она? «Пусть предприниматели банковъ подумаютъ хорошенько»... найдется ли рынокъ для товаровъ? (II, 101—102). «Когда принимаютъ ростъ богатства за цѣль общества,—всегда жертвуютъ цѣлью средствамъ» (II, 140). «Если, вмѣсто того, чтобы ожидать импульса отъ запроса труда (т.-е. импульса производству отъ спроса рабочихъ на продукты), мы будемъ думать, что его дастъ предшествующее производство,—то мы сдѣлаемъ почти то же, что сдѣлали бы съ часами, если бы вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ колесо съ цѣпочкой (la roue qui porte la chainette), отодвинули бы назадъ другое колесо,—мы сломали бы тогда и остановили всю машину» (II, 454). Это говоритъ Сисмонди. Теперь послушаемъ Николая —она. «Мы упустили изъ виду, на счетъ чего такое развитіе (т.-е. развитіе капитализма) происходитъ, мы забыли о цѣли какого бы то ни было производства... заблужденіе крайне гибельное...» (Н. —онъ, Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства, 298). Оба эти писателя говорятъ о капитализмѣ, о капиталистическихъ странахъ; оба выказываютъ полное непониманіе сущности капиталистическаго накопленія. Но можно ли подумать, что послѣдній пишетъ 70 лѣтъ спустя послѣ перваго?

Какимъ образомъ непониманіе капиталистическаго накопленія связывается съ ошибочнымъ сведеніемъ всего производства къ производству предметовъ потребленія»,—это показываетъ наглядно одинъ примѣръ, приводимый Сисмонди въ главѣ VIII: «Результаты борьбы за удешевленіе производства» (книга IV: «О коммерческомъ богатствѣ»).

Положимъ, — говоритъ Сисмонди, — что владѣлецъ мануфактуры имѣетъ оборотный капиталъ въ 100.000 франковъ, приносящій ему 15.000, изъ коихъ 6.000 составляютъ процентъ на капиталъ и отдаются

[1]) Какъ извѣстно, по этому вопросу (создаетъ ли производство само себѣ рынокъ?) повѣйшая теорія вполнѣ примкнула къ классикамъ, отвѣчавшимъ на него утвердительно, *противъ* романтизма, отвѣчавшаго отрицательно. «*Настоящій предѣлъ* капиталистическаго производства это—*самъ капиталъ*» (III, 1, 231).

капиталисту, а 9.000 составляютъ предпринимательскій барышъ фабриканта. Положимъ, что онъ употребляетъ трудъ 700 рабочихъ, заработная плата коихъ составляетъ 30.000 франковъ. Далѣе, пусть произойдетъ увеличеніе капитала, расширеніе производства («накопленіе»). Вмѣсто 100.000 фр. капиталъ будетъ = 200.000 фр., вложенныхъ въ основной капиталъ, и 200.000—въ оборотный, всего 400.000 фр.; прибыль и процентъ = 32.000+16.000 фр., ибо процентъ понизился съ 6% до 4%. Число рабочихъ возросло вдвое, но заработная плата понизилась съ 300 фр. до 200 фр.—всего, слѣдовательно, 40.000 фр. Производство возросло, такимъ образомъ, вчетверо [1]). И Сисмонди подсчитываетъ результаты: «доходъ» или «потребленіе» были сначала 45.000 фр. (30.000—заработная плата + 6.000 процентъ + 9.000 прибыль), а теперь 80.000 фр. (40.000—заработная плата + 16.000 процентъ + 32.000 прибыль). «Производство учетверилось», говоритъ Сисмонди, «а потребленіе даже не удвоилось. *Не нужно считать потребленіе тѣхъ рабочихъ, которые изготовили машины. Оно покрыто 200.000 франковъ*, употребленныхъ на это; оно составляетъ уже часть расчета другой мануфактуры, гдѣ окажутся тѣ же факты» (I,408—6. Курсивъ нашъ).

Расчетъ Сисмонди доказываетъ уменьшеніе дохода при ростѣ производства. Фактъ безспорный. Но Сисмонди не замѣчаетъ, что своимъ примѣромъ онъ побиваетъ свою теорію реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ. Курьезно его замѣчаніе, что потребленіе рабочихъ, произведшихъ машины, «не нужно считать». Почему же? Потому, во-1-хъ, что оно *покрыто* 200.000 фр. Значитъ, капиталъ перенесенъ въ область, изготовляющую *средства производства*, — этого Сисмонди не замѣчаетъ. Значитъ, «внутренній рынокъ», о «сокращеніи» котораго Сисмонди говорилъ, не исчерпывается предметами потребленія, а состоитъ также въ *средствахъ производства*. Эти средства производства составляютъ вѣдь особый продуктъ, «реализація» коего состоитъ *не въ личномъ потребленіи*, и чѣмъ быстрѣе идетъ накопленіе, тѣмъ сильнѣе развивается, слѣд., та область капиталистической продукціи, которая даетъ продукты не для личнаго, а для производительнаго потребленія. Во-2-хъ,—отвѣчаетъ Сисмонди,—это рабочіе другой мануфактуры, гдѣ факты окажутся тѣ же самые (où les mêmes

[1]) «Первый результатъ конкуренціи», говоритъ Сисмонди, «пониженіе заработной платы и увеличеніе числа рабочихъ въ то же время» (I, 403). Мы не останавливаемся здѣсь на неправильностяхъ расчета у Сисмонди: онъ считаетъ, напр., что прибыль будетъ 8 процентовъ на основной капиталъ и 8% на оборотный, что число рабочихъ поднимется пропорціонально увеличенію оборотнаго капитала (который онъ не умѣетъ какъ слѣдуетъ отдѣлить отъ перемѣннаго), что основной капиталъ цѣликомъ входитъ въ цѣну продукта. Въ данномъ случаѣ все это неважно, ибо выводъ получается правильный: уменьшеніе доли перемѣннаго капитала въ общемъ составѣ капитала, какъ необходимый результатъ накопленія.

faits pourront se représenter). Какъ видите, это повтореніе смитовскаго отсыланія читателя «отъ Понтія къ Пилату». Но вѣдь въ этой «другой мануфактурѣ» тоже употребляется *постоянный капиталъ*, и производство его тоже даетъ рынокъ тому подраздѣленію капиталистической продукціи, которое изготовляетъ средства производства! Сколько бы мы ни отодвигали вопросъ отъ одного капиталиста къ другому, отъ другого къ третьему,—отъ этого указанное подраздѣленіе не исчезнетъ, и «внутренній рынокъ» не сведется къ однимъ предметамъ потребленія. Поэтому, когда Сисмонди говоритъ, что «этотъ расчетъ опровергаетъ... одну изъ аксіомъ, на которой всего болѣе настаивали въ политической экономіи, именно, что наиболѣе свободная конкуренція опредѣляетъ наиболѣе выгодное развитіе индустріи» (I, 407), то онъ не замѣчаетъ, что «этотъ расчетъ» опровергаетъ также и его самого. Безспоренъ фактъ, что введеніе машинъ, вытѣсняя рабочихъ, ухудшаетъ ихъ положеніе, и безспорна заслуга Сисмонди, который былъ однимъ изъ первыхъ, указавшихъ на это. Но это нисколько не мѣшаетъ его теоріи накопленія и внутренняго рынка быть сплошной ошибкой. Его же расчетъ показываетъ наглядно какъ разъ то явленіе, которое Сисмонди не только отрицалъ, но превращалъ даже въ доводъ противъ капитализма, говоря, что накопленіе и производство должны соотвѣтствовать потребленію, иначе будетъ кризисъ. Расчетъ показываетъ именно, что накопленіе и производство *обгоняютъ* потребленіе, и что иначе и дѣло идти не можетъ, ибо накопленіе совершается, главнымъ образомъ, на счетъ средствъ производства, которыя въ «потребленіе» не входятъ. То, что казалось Сисмонди простой ошибкой, противорѣчіемъ доктрины Рикардо—именно, что накопленіе есть превышеніе производства надъ доходомъ,—это на самомъ дѣлѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, выражая противорѣчіе, присущее капитализму. Это превышеніе *необходимо* при всякомъ накопленіи, открывающемъ новый рынокъ *для средствъ производства, безъ соотвѣтственнаго увеличенія рынка на предметы потребленія, и даже при уменьшеніи этого рынка* [1]). Затѣмъ, отбрасывая ученіе о преимуществахъ свободной конкуренціи, Сисмонди не замѣчаетъ, что вмѣстѣ съ пустымъ оптимизмомъ онъ выбрасываетъ за бортъ несомнѣнную истину, именно, что свободная конкуренція *развиваетъ производительныя силы общества*, какъ это явствуетъ опять-таки изъ его же расчета. (Собственно, это лишь другое выраженіе того же факта созданія особаго подраздѣленія промышленности, изготовляющаго средства производства, и особенно быстраго развитія его). Это развитіе производительныхъ силъ общества безъ соотвѣтственнаго развитія

[1]) Изъ вышеприведеннаго анализа слѣдуетъ само собою, что возможенъ и такой случай, въ зависимости оттого, въ какой мѣрѣ распредѣляется новый капиталъ на постоянную и перемѣнную часть и въ какой мѣрѣ уменьшеніе относительной доли перемѣннаго капитала охватываетъ старыя производства.

потребленія есть, конечно, противорѣчіе, но именно такое противорѣчіе, которое имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, которое вытекаетъ изъ самой сущности капитализма, и отъ котораго нельзя отговариваться чувствительными фразами.

А именно такъ отговариваются романтики. И чтобы читатель не заподозрилъ насъ въ голословномъ обвиненіи современныхъ экономистовъ по поводу ошибокъ столь «устарѣвшаго» писателя, какъ Сисмонди, приведемъ маленькій образчикъ «новѣйшаго» писателя, г. Н. —она. На стр. 242-й своихъ «Очерковъ» онъ разсуждаетъ о развитіи капитализма въ русскомъ мукомольномъ дѣлѣ. Приводя указаніе на появленіе крупныхъ паровыхъ мельницъ съ усовершенствованными орудіями производства (на переустройство мельницъ затрачено съ 70-хъ гг. около 100 мильоновъ) и съ производительностью труда, повысившейся болѣе чѣмъ вдвое, авторъ характеризуетъ описываемое явленіе такъ: «мукомольное дѣло не развивалось, а только сосредоточивалось въ крупныя предпріятія»; затѣмъ распространяетъ эту характеристику на *всѣ* отрасли промышленности (с. 243) и дѣлаетъ выводъ, что «во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ мало работниковъ освобождается, не находитъ занятія» (243) и что «капиталистическое производство развивалось на счетъ народнаго потребленія» (241). Мы спрашиваемъ читателя, отличается ли такое разсужденіе хоть чѣмъ-нибудь отъ приведеннаго сейчасъ разсужденія Сисмонди? Этотъ «новѣйшій» писатель констатируетъ два факта, тѣ же самые, которые мы видѣли и на примѣрѣ Сисмонди, и отдѣлывается отъ обоихъ этихъ фактовъ такой же чувствительной фразой. Во-1-хъ, его примѣръ говоритъ, что развитіе капитализма идетъ именно на счетъ средствъ производства. Это значитъ, что капитализмъ развиваетъ производительныя силы общества. Во-2-хъ, его примѣръ говоритъ, что это развитіе идетъ тѣмъ именно специфическимъ путемъ противорѣчій, который присущъ капитализму: развивается производство (затрата 100 мильоновъ рублей—внутренній рынокъ на продукты, реализуемые неличнымъ потребленіемъ) безъ соотвѣтствующаго развитія потребленія (народное питаніе ухудшается), т.-е. происходитъ именно производство ради производства. И г. Н. —онъ думаетъ, что это противорѣчіе въ жизни исчезнетъ, если онъ, съ наивностью старичка Сисмонди, представитъ его только противорѣчіемъ доктрины, только «гибельнымъ заблужденіемъ»: «мы забыли о цѣли производства»!! Что можетъ быть характернѣе такой фразы: «не развивалось, а *только* сосредоточивалось»? Очевидно, г-ну Н. —ону извѣстенъ такой капитализмъ, въ которомъ бы развитіе *могло идти иначе*, какъ путемъ *сосредоточенія*. Какъ жаль, что онъ не познакомилъ насъ съ такимъ «самобытнымъ», невѣдомымъ для всей предшествовавшей ему политической экономіи капитализмомъ!

Далѣе. Слѣдующая ошибка Сисмонди, вытекающая изъ ошибочной

теоріи объ общественномъ доходѣ и продуктѣ въ капиталистическомъ обществѣ, это—ученіе о невозможности реализовать продуктъ вообще и сверхстоимость въ частности, и, какъ слѣдствіе этой невозможности, необходимость внѣшняго рынка. Что касается до реализаціи продукта вообще, то вышеприведенный анализъ показываетъ, что «невозможность» исчерпывается ошибочнымъ исключеніемъ постояннаго капитала и средствъ производства. Разъ исправлена эта ошибка,—исчезаетъ и «невозможность». Но то же самое приходится сказать и въ частности о сверхстоимости: этотъ анализъ разъясняетъ и ея реализацію. Нѣтъ рѣшительно никакихъ разумныхъ основаній выдѣлять сверхстоимость изъ всего продукта по отношенію къ ея реализаціи. Обратное утвержденіе Сисмонди (и нашихъ народниковъ)—просто результатъ непониманія основныхъ законовъ реализаціи вообще, неумѣнія раздѣлить три (а не двѣ) части продукта по стоимости и два вида продуктовъ по матеріальной формѣ (средства производства и предметы потребленія). Положеніе, что капиталисты не могутъ потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повтореніе недоумѣній Смита насчетъ реализаціи вообще. Только *часть* сверхстоимости состоитъ изъ предметовъ потребленія; другая же—изъ средствъ производства (напр., сверхстоимость желѣзозаводчика). «Потребленіе» *этой послѣдней* сверхстоимости совершается *обращеніемъ ея на производство*; капиталисты же, производящіе продуктъ въ формѣ средствъ производства, потребляютъ сами не сверхстоимость, а вымѣненный у другихъ капиталистовъ *постоянный капиталъ*. Поэтому и народники, толкуя о невозможности реализовать сверхстоимость, логически должны придти къ признанію невозможности реализовать и постоянный *капиталъ*,—и, такимъ образомъ, они преблагополучно вернулись бы къ Адаму... Разумѣется, такое возвращеніе къ «отцу политической экономіи» было бы гигантскимъ прогрессомъ для писателей, преподносящихъ намъ старыя ошибки подъ видомъ истинъ, до которыхъ они «своимъ умомъ дошли»...

А внѣшній рынокъ? Не отрицаемъ ли мы необходимость внѣшняго рынка для капитализма? Конечно, нѣтъ. Но только вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не имѣетъ *абсолютно ничего общаго съ вопросомъ о реализаціи*, и попытка связать ихъ въ одно цѣлое характеризуетъ лишь романтическія пожеланія «задержать» капитализмъ и романтическую неспособность къ логикѣ. Теорія, разъяснившая вопросъ о реализаціи, показала это съ полной точностью. Романтикъ говоритъ: капиталисты не могутъ потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даромъ ли уже отдаютъ капиталисты свои продукты иностранцамъ или не бросаютъ ли они ихъ въ море? Продаютъ—значитъ получаютъ эквивалентъ; вывозятъ одни продукты—значитъ ввозятъ другіе. Если мы говоримъ о реализаціи общественнаго продукта, то мы этимъ самымъ устраняемъ уже денежное обра-

щеніе и предполагаемъ лишь обмѣнъ продуктовъ на продукты, ибо вопросъ о реализаціи въ томъ и состоитъ, чтобы анализировать *возмѣщеніе* всѣхъ частей общественнаго продукта по стоимости и по матеріальной формѣ. Поэтому, начать разсужденіе о реализаціи и кончить его тѣмъ, что «сбудутъ де продуктъ за деньги»,—такъ же смѣшно, какъ если бы на вопросъ о реализаціи постояннаго капитала въ предметахъ потребленія былъ данъ отвѣтъ: «продадутъ». Это просто грубый логическій промахъ: люди сбиваются съ вопроса о реализаціи всего общественнаго продукта на точку зрѣнія единичнаго предпринимателя, котораго, кромѣ «продажи иностранцу», ничто дальше не интересуетъ. Припутывать внѣшнюю торговлю, вывозъ къ вопросу о реализаціи—это значитъ увертываться отъ вопроса, *отодвигая* его лишь на болѣе широкое поле, *но нисколько не выясняя его* [1]). Вопросъ о реализаціи ни на іоту не подвинется впередъ, если мы вмѣсто рынка одной страны возьмемъ рынокъ извѣстнаго комплекса странъ. Когда народники увѣряютъ, что внѣшній рынокъ есть «выходъ изъ затрудненія» [2]), которое ставитъ себѣ капитализмъ по реализаціи продукта, то они прикрываютъ этой фразой лишь то печальное обстоятельство, что для нихъ «внѣшній рынокъ» есть «выходъ изъ затрудненія», въ которое они попадаютъ, благодаря непониманію теоріи... Мало этого. Теорія, связывающая внѣшній рынокъ съ вопросомъ о реализаціи всего общественнаго продукта, не только показываетъ непониманіе этой реализаціи, но еще содержитъ въ себѣ къ тому же *крайне поверхностное пониманіе противорѣчій, свойственныхъ этой реализаціи*. «Рабочіе потребятъ заработную плату, а капиталисты не могутъ потребить сверхстоимости». Вдумайтесь въ эту «теорію» съ точки зрѣнія внѣшняго рынка. Откуда знаемъ мы, что «рабочіе потребятъ заработную плату»? На какомъ основаніи можно думать, что продукты, предназначенные всѣмъ классомъ капиталистовъ данной страны на потребленіе всѣхъ рабочихъ данной страны, окажутся дѣйствительно *равными по стоимости ихъ заработной платѣ* и возмѣстятъ ее, что для *этихъ* продуктовъ не будетъ необходимости во внѣшнемъ рынкѣ? Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній такъ думать, и на дѣлѣ это вовсе не такъ. Не только продукты (или части продуктовъ), возмѣщающіе сверхстоимость, но и продукты, возмѣщающіе перемѣнный капиталъ; не только продукты, возмѣщающіе перемѣнный капиталъ, но и продукты,

---

[1]) Это настолько ясно, что даже Сисмонди сознавалъ необходимость абстрагировать отъ внѣшней торговли при анализѣ реализаціи. «Чтобы прослѣдить точнѣе эти расчеты—говоритъ онъ о соотвѣтствіи производства съ потребленіемъ—и упростить вопросъ, мы до сихъ поръ совершенно абстрагировали отъ внѣшней торговли; мы предполагали изолированную націю; человѣческое общество само есть такая же изолированная нація, и все, что относится къ націи безъ внѣшней торговли, относится точно также и ко всему человѣческому роду» (I, 115).

[2]) Н. —онъ, с. 205.

возмѣщающіе постоянный капиталъ (о которомъ забываютъ наши «экономисты», непомнящіе родства... съ Адамомъ); не только продукты, существующіе въ формѣ предметовъ потребленія, но и продукты, существующіе въ формѣ средствъ производства,—всѣ одинаково реализуются лишь среди «затрудненій», среди постоянныхъ колебаній, которыя становятся все сильнѣе по мѣрѣ роста капитализма, среди бѣшеной конкуренціи, которая *принуждаетъ* каждаго предпринимателя стремиться къ безграничному расширенію производства, выходя за предѣлы даннаго государства, отправляясь на поиски новыхъ рынковъ въ странахъ, еще не втянутыхъ въ капиталистическое обращеніе товаровъ. Мы подошли теперь и къ вопросу о томъ, почему необходимъ внѣшній рынокъ для капиталистической страны? Совсѣмъ не потому, что продуктъ вообще не можетъ быть реализованъ въ капиталистическомъ строѣ. Это—вздоръ. Внѣшній рынокъ необходимъ потому, что капиталистическому производству *присуще* стремленіе къ *безграничному* расширенію—въ противоположность всѣмъ старымъ способамъ производства, ограниченнымъ предѣлами общины, вотчины, племени, территоріальнаго округа или государства. Между тѣмъ, какъ при всѣхъ старыхъ хозяйственныхъ режимахъ производство возобновлялось каждый разъ въ томъ же видѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ шло раньше,—въ капиталистическомъ строѣ это возобновленіе въ томъ же видѣ становится *невозможнымъ*, и закономъ производства становится *безграничное* расширеніе, вѣчное движеніе впередъ [1]).

Такимъ образомъ, различное пониманіе реализаціи (вѣрнѣе, пониманіе ея съ одной стороны и полное непониманіе съ другой, романтиками) ведетъ къ двумъ діаметрально противоположнымъ воззрѣніямъ на значеніе внѣшняго рынка. Для однихъ (романтиковъ)—внѣшній рынокъ есть показатель того «затрудненія», которое *ставитъ* капитализмъ общественному развитію. Для другихъ, наоборотъ, внѣшній рынокъ показываетъ, какъ капитализмъ *устраняетъ* тѣ затрудненія общественному развитію, которыя поставила исторія въ видѣ разныхъ перегородокъ, общинныхъ, племенныхъ, территоріальныхъ, національныхъ [2]).

Какъ видите, разница только въ «точкѣ зрѣнія»... Да, «только»! Отличіе романтическихъ судей капитализма отъ другихъ состоитъ вообще «только» въ «точкѣ зрѣнія», «только» въ томъ, что одни судятъ сзади, а другіе—спереди, одни—съ точки зрѣнія того строя, который капитализмомъ разрушается, другіе—съ точки зрѣнія того, который капитализмомъ создается [3]).

---

[1]) Ср. *Зиберъ*, Дав. Рикардо и т. д. Спб. 1885, стр. 466, примѣчаніе.

[2]) Ср. ниже: «Rede über die Frage des Freihandels».

[3]) Я говорю, здѣсь лишь объ оцѣнкѣ капитализма, а не о пониманіи его. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи романтики стоятъ, какъ мы видѣли, не выше классиковъ.

Неправильное пониманіе внѣшняго рынка соединяется обыкновенно у романтиковъ съ указаніями на «особенности» международнаго положенія капитализма въ данной странѣ, на невозможность найти рынокъ и т. п.; всѣ эти аргументы стремятся «отклонить» капиталистовъ отъ поисковъ внѣшняго рынка. Говоря «указанія», мы выражаемся, впрочемъ, неточно, ибо фактическаго анализа внѣшней торговли страны, ея поступательнаго движенія въ области новыхъ рынковъ, ея колонизаціи и т. п. романтикъ не даетъ. Его вовсе не интересуетъ изученіе дѣйствительнаго процесса и выясненіе его; ему нужна лишь *мораль противъ этого процесса*. Чтобы читатель могъ убѣдиться въ полной тождественности этой морали у современныхъ русскихъ романтиковъ и у французскаго романтика, приведемъ образчики разсужденій послѣдняго. Какъ Сисмонди грозилъ капиталистамъ, что они не найдутъ рынка, это мы уже видѣли. Но онъ утверждалъ не только это. Онъ утверждалъ, что «міровой рынокъ уже достаточно снабженъ» (II, 328), доказывая невозможность идти путемъ капитализма и необходимость избрать иной путь... Онъ увѣрялъ англійскихъ предпринимателей, что капитализмъ не сможетъ занять всѣхъ рабочихъ, освобождаемыхъ фермерскимъ хозяйствомъ въ земледѣліи (I, 255—256). «Тѣ, кому приносятъ въ жертву земледѣльцевъ, найдутъ ли сами какую-либо выгоду въ этомъ? Вѣдь земледѣльцы—самые близкіе и самые надежные потребители англійскихъ мануфактуръ. Прекращеніе ихъ потребленія нанесло бы индустріи ударъ, болѣе гибельный, чѣмъ закрытіе одного изъ самыхъ крупныхъ внѣшнихъ рынковъ» (I, 256). Онъ увѣрялъ англійскихъ фермеровъ, что имъ не выдержать конкуренціи бѣднаго польскаго крестьянина, которому хлѣбъ почти ничего не стоитъ (II, 257), что имъ грозитъ еще болѣе страшная конкуренція русскаго хлѣба изъ портовъ Чернаго моря. Онъ восклицалъ: «Американцы послѣдовали новому принципу: производить, не взвѣшивая вопроса о рынкѣ (produire sans calculer le marché), и производить какъ можно больше», и вотъ «характеристическая черта торговли Соед. Штатовъ, съ одного края страны до другого,—избытокъ товаровъ всякаго рода надъ нуждами потребленія... постоянныя банкротства суть результатъ этого излишества торговыхъ капиталовъ, которые не могутъ быть обмѣнены на доходъ». (I, 455—456). Добрый Сисмонди! Что сказалъ бы онъ объ Америкѣ современной, — объ Америкѣ, развившейся такъ колоссально на счетъ того самаго «внутренняго рынка», который, по теоріи романтиковъ, долженъ былъ «сокращаться»!

К. Т—пъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ.

Романъ.

XXX.

На дворѣ ольховской усадьбы, подъ косыми лучами вечерняго солнца, замѣтно было то особенное, тревожно-веселое оживленіе, какое обыкновенно предшествуетъ отъѣзду большихъ компаній.

Съ тѣхъ поръ, какъ Зина лежала въ своей комнатѣ, а Марѳа Андреевна укрывала ее пледомъ, прошло всего четыре дня, но жизнь въ Ольховкѣ совершенно измѣнилась. Измѣнилась и погода, и вечеръ давно не былъ такъ удивительно хорошъ, какъ сегодня. Наступила пора вполнѣ созрѣвшаго лѣта, которая послѣ продолжительныхъ и обильныхъ дождей бываетъ особенно прекрасна. Солнце жгло днемъ, но обиліе влаги, которою напоена была земля и дышали сочная зелень, листья, трава и желтѣвшія поля, придавало даже полдню что-то бодрое и свѣжее, а небо было такъ сине и воздухъ такъ чистъ, что казалось, будто сдернули съ яркой дали какое-то легкое и прозрачное покрывало.

Ольховскій домъ былъ полонъ гостей, и все шло по другому. Гости внесли совершенно особое настроеніе, при которомъ люди на время перестаютъ быть сами собой и принуждены, часто безсознательно, играть какую-то роль. Непріятности и безпокойства, угнетавшія хозяевъ, поневолѣ отодвинулись на задній планъ, и о нихъ никто не говорилъ. Въ буфетѣ и кухнѣ гремѣла посуда; Архипычъ сталъ озабоченъ и строгъ, но спокоенъ; между прислугою на дворѣ появилась незнакомая фигура старичка кучера въ безрукавкѣ, привезшаго сюда княгиню Наталью Алексѣевну Пронскую, а Марѳа Андреевна поила чаемъ и развлекала разговорами ея элегантную, смазливую и развязную горничную, внушавшую старой нянюшкѣ полное уваженіе своею образованностью, разсказами о заграничной жизни и дамскою шляпкой съ вуалью.

Княгиня Пронская пріѣхала въ Ольховку неожиданно, въ

первый же ясный день. Она собиралась давно, но не была ни разу за два года жизни въ двадцати верстахъ на дачѣ и выбрала время, когда тамъ еще оставалась, вопреки обыкновенію, ея любимица Зина Чернова. Всѣ нашли это вполнѣ естественнымъ и всѣ занялись ею. Появленіе ея испугало и смутило только Зину, но она была такъ нервна и странна все время, что никто не обратилъ вниманія. Генералъ забылъ тотчасъ о сѣнѣ, о неудачахъ по харьковскому имѣнію и предстоящемъ взносѣ въ банкъ. Въ немъ проснулся немедленно блестящій, благовоспитанный гвардеецъ, поклонникъ женскаго пола, извѣстный своимъ успѣхомъ у него, и онъ помолодѣлъ до неузнаваемости. Павелъ Петровичъ, имѣвшій въ этотъ пріѣздъ особенно солидный и сдержанный видъ и почти не говорившій съ Зиной, вѣроятно вслѣдствіе ея страннаго состоянія, не отходилъ отъ Пронской и вполнѣ оцѣнилъ ея умъ и образованность. Карсовъ въ первый же вечеръ поспорилъ съ ней о какой-то картинѣ религіознаго содержанія, выставленной весной и надѣлавшей много шума, и смѣялся ея разсказамъ, съ почтительнымъ восхищеніемъ глядя въ ея доброе, красивое и веселое лицо; а Ольга Петровна ночью доказывала Зинѣ, раздѣваясь около своей постели, какъ „эти люди сильны чѣмъ-то“, и какъ „въ нихъ положительно есть что-то, что къ нимъ притягиваетъ“.

Володя не замедлилъ явиться въ Ольховку, какъ только узналъ о намѣреніи княгини пріѣхать туда, и привезъ съ собой Ваню Милецкаго, жившаго все время въ Москвѣ, и даже не столько въ Москвѣ, сколько на скаковомъ ипподромѣ Ходынскаго поля. Лицеистъ за это время замѣтно измѣнился, загорѣлъ и какъ-то огрубѣлъ; панталоны его черезчуръ узко обтягивали растолстѣвшія ноги, и Зину удивила плотность его выстриженнаго затылка, набѣгавшаго на воротникъ кителя. Она замѣтила также, что послѣ перваго же стакана вина глаза его дѣлались совсѣмъ стеклянные, голосъ его былъ какъ-то особенно сиповатъ, и онъ, вообще, черезчуръ много смѣялся.

Обычная компанія была почти въ сборѣ. Недоставало одного графа Торжицкаго, и было извѣстно, что онъ не пріѣдетъ и что, можетъ быть, его уже нѣтъ въ Москвѣ.

Пронская, какъ только пріѣхала, сообщила, что онъ ускоряетъ свой отъѣздъ вслѣдствіе какого-то извѣстія, полученнаго отъ управляющаго его дѣлами, а Володя передалъ его извиненіе и опасеніе не успѣть проститься съ Черновыми и поблагодарить за гостепріимство.

— Я, впрочемъ, увѣренъ, что еще въ Москвѣ его захвачу какъ-нибудь, и что мы его проводимъ,—переглядываясь съ Милецкимъ и смѣясь, говорилъ Володя:—Не уѣдетъ же онъ такъ, послѣ всего?

— А я даже представить себѣ не могу, что мы его не увидимъ,—подтвердилъ Милецкій.

— Еще бы. Такъ опустѣетъ Москва...

Но счастливые, возбужденные глаза молодого офицера показывали, какъ мало встревоженъ онъ такою перемѣною обстоятельствъ. И онъ, и Милецкій остались въ Ольховкѣ, рѣшивъ махнуть на Торжицкаго рукой и не отыскивать его.

Уже два дня, какъ все время проходило въ катаньяхъ и прогулкахъ, въ разговорахъ на террасѣ и въ паркѣ. Жизнь шла безтолково и праздно, но шумно и, повидимому, весело.

Нынче былъ послѣдній день этого сплошного гулянья. На завтра княгиня уѣзжала домой и звала съ собой Зину, которая отказывалась, жалуясь на нездоровье. Лидія Васильевна ее поддерживала, и всѣ видѣли, что она очень измѣнилась и похудѣла. До завтра же отложили свой отъѣздъ и Зарубины, которымъ давно пора была домой. Вечеромъ устраивался послѣдній и самый грандіозный пикникъ. Всѣ, кромѣ мужа и жены Черновыхъ, „старыхъ господъ“, какъ называли ихъ запрягавшіе лошадей кучера и рабочіе,—ѣхали въ деревню, гдѣ расквартированъ былъ эскадронъ Володи, къ нему въ гости, провести вечеръ въ незнакомой обстановкѣ кавалерійской стоянки и послушать солдатское пѣніе.

Володя уѣхалъ съ утра домой и дожидался ихъ.

Зина давно была въ своей комнатѣ и ходила изъ угла въ уголъ. Она ушла вдругъ, раньше, чѣмъ всѣ стали собираться, потому что ей казалось, что она сейчасъ задохнется отъ острой душевной боли, которая все время мучила ее. Уже третій день, съ той минуты почти, какъ пріѣхала Пронская, она испытывала какое-то страшное ощущеніе совсѣмъ физической тоски и отсутствія воздуха. Сердце у нея сжималось то и дѣло такъ сильно, что ей хотѣлось кричать, и она все думала: „вотъ-вотъ сейчасъ пройдетъ, разрѣшится какъ-нибудь и кончится...“ Но ничего не проходило, и она не могла даже плакать. Изъ своей комнаты, куда она уходила, она возвращалась вновь на террасу или въ паркъ, что-то слушала и что-то говорила...

Зина все время думала о томъ, что надо было бы уйти совсѣмъ отъ нихъ, запереться въ свою комнату и сказаться больной.

И что-то, она сама не понимала что, ее удерживало. Непрерывное состояніе тревоги, отъ которой она тяжело дышала и пересыхали ея губы, какъ будто не давало ей опомниться, оглядѣться и сообразить, что дѣлать? Потомъ ей было страшно, что всѣ *они*, эта толпа людей, съ которыми у нея не было ничего общаго, поймутъ, что она переживаетъ, догадаются о ея горѣ, объ унизительности ея безвыходнаго положенія. Она все смотрѣла вокругъ себя, старалась понять, что они думаютъ? И улыбалась своими пересохшими губами, съ выраженіемъ все той же боли и испуганнаго удивленія въ глазахъ. Вообще она жила всѣ эти дни, какъ будто во снѣ, и терпѣливо ждала, когда, наконецъ, всѣ они уѣдутъ и оставятъ ее? Повидимому, минута эта приближалась, и, расхаживая по своей комнатѣ, она думала о томъ, какъ бы ей дотянуть послѣдніе часы, все вынести, не показать *имъ*, а тамъ она что-нибудь придумаетъ...

Перспектива сдѣлать верхомъ по восемнадцати верстъ въ конецъ привлекала ее, и ей казалось, что дорогой, по крайней мѣрѣ, она останется одна, и будетъ легче. Она пришла къ себѣ послѣ непріятной сцены съ теткой, заставлявшей ее ѣхать въ экипажѣ, спрашивавшей ее о причинахъ ея непонятнаго ни для кого состоянія и дѣлавшей какіе-то намеки на ея поведеніе, на то, что она и безъ того порядочно измучила ее здѣсь, въ Ольховкѣ... Зина вспоминала теперь то чувство негодованія, почти бѣшенства, которое захватило ей дыханіе, и тѣ рѣзкія, и кажется, глупыя, почти безсвязныя фразы и выраженія, которыя она наговорила ей. Уходя, она нарочно громко приказала въ залѣ Архипычу:

— Вели Шкаликову сѣдлать мою лошадь, я поѣду... Поскорѣе... Слышишь? — задыхаясь, говорила она, и ей дѣлалось досадно, что голосъ ея такъ глухъ и такъ выдаетъ ея волненіе.

Теперь Зинѣ хотѣлось плакать отъ чувства обиды, злости и страданія. Ей казалось, что она обидѣла тетку такъ, какъ еще никогда не обижала, что никогда покраснѣвшее лицо Лидіи Васильевны не выражало столько раздраженія, и что все между ними теперь кончено. И ей еще сильнѣе хотѣлось уѣхать верхомъ какъ можно дальше. Въ головѣ ея неопредѣленно мелькали мысли о рѣкѣ, которую надо будетъ переѣзжать на паромѣ, о револьверѣ, который она отыщетъ у Володи... По спинѣ у нея пробѣгалъ холодъ, и ей дѣлалось такъ жалко себя, что на глаза выступали слезы, но мысль о томъ, что она уже не вернется ни въ эту комнату, ни въ этотъ паркъ, который она не могла видѣть, дико и страстно утѣшала и облегчала ее.

Большое итальянское окно ея было раскрыто настежь, и до нея долетали возгласы, смѣхъ, стукъ колесъ и не то подвыванье, не то радостный лай взволнованныхъ собакъ. Должно-быть, уже вечерѣло, потому что къ запаху розъ и сѣна стала примѣшиваться острая сырость, и пахло навозомъ. Въ широкихъ полосахъ косыхъ лучей передъ окномъ, надъ акаціей, желтымъ пологомъ толкались мошки. По дорогѣ съ мягкимъ грохотомъ новой долгуши стучали все время колеса.

Зина не имѣла никакого представленія о томъ, который часъ и долго ли она проходила по своей комнатѣ, и одѣваться она начала только, когда Ольга, пришедшая въ диванную, гдѣ она спала, за шляпой, напомнила ей объ этомъ.

— А сѣдлаютъ, не знаешь? — глухимъ голосомъ спросила Зина.

— Да, кажется ужъ осѣдлали.

— А. Ну, отлично.

Между ними были все время очень странныя отношенія. Онѣ жили рядомъ, были вмѣстѣ, но почти не говорили. Ольга все смотрѣла на нее, но ни о чемъ не разспрашивала. Впрочемъ, все, что дѣлалось кругомъ, Зина сознавала смутно, точно во снѣ, и почти ничего не замѣчала.

Когда она застегивала лифъ своей амазонки, вошла Марѳа Андреевна. Благообразное лицо ея, обрамленное скромнымъ, темнымъ платочкомъ, которымъ она всегда повязывалась, глянуло на Зину серьезно и нѣсколько неодобрительно. И Зина отвѣтила ей молча, вопросительнымъ взглядомъ.

Марѳа Андреевна осторожно улыбнулась.

— Что жъ тетю-то огорчать, матушка, нехорошо...—ласково замѣтила она.

Зина продолжала одѣваться.

— Что жъ не въ долгушѣ-то? Чѣмъ же плохо?—не громко и осторожно, что-то оправляя на постели Зины, спрашивала Марѳа Андреевна:—и княгиня, и барышня въ долгушкѣ поѣдутъ. Еще какъ весело-то... Не ѣздите, матушка!—уже рѣшительнѣе произнесла она.

— Оставь меня, — коротко выговорила Зина, надѣвая свою мужскую шляпу и окутывая шею длиннымъ газовымъ вуалемъ. Но и шляпа, и вуаль, и, главное, запахъ лошади, которымъ давно все пропахло,—напомнили ей совсѣмъ другіе вечера, такіе же душистые и розовые,—и на глаза ея опять навернулись слезы.

— Да что отстань,—не разслышавъ, горячо и сердито воз-

разила Марѳа Андреевна:— ну, куда вы такая поѣдете? Вы посмотрите на себя?

— Какая же я? — спросила Зина со смѣхомъ, въ которомъ звенѣли слезы, и губы ея стали подергиваться гримасой.

— Извѣстно какая: нездоровы. Сами говорите. Ну, чего тетю-то огорчать будете? Она ужъ не въ себѣ. Вѣдь двадцать верстъ туда, да назадъ двадцать. Вы думаете шутка? Подите, Андрей вонъ ѣздитъ, сказывалъ: далеко. Къ ночи же дѣло. Нешто хорошо дамѣ такую даль на лошади скакать; ужъ это я не знаю, что такое... И кто такой песъ, прости Ты, Господи, мое согрѣшеніе, ѣзду эту дурацкую выдумалъ?—продолжала съ озлобленіемъ Марѳа Андреевна, видя, какъ Зина, повернувшись къ ней спиной и нагнувъ голову, упорно надѣваетъ перчатки: — ничего и хорошаго-то нѣтъ. Ужъ нашли тоже каппанію... Кательщика-то своего... Говорить-то только не хочется...

Марѳа Андреевна видѣла, какъ щеки Зины поблѣднѣли. Она ждала, не обернется ли она къ ней; но Зина не шевелилась, только еще ниже нагнула голову.

— Ужъ баринъ какой, нечего сказать,—взволнованнымъ голосомъ, краснѣя и не глядя на Зину, а опять что-то передвигая, продолжала Марѳа Андреевна:—подите вонъ, княгинина горничная-то что разсказываетъ. Ей и то проходу не давалъ; сколько лѣтъ деньги ей по спчасъ выплачиваетъ... Куды какъ хорошо.

Марѳа Андреевна хотѣла уйти, но оглянулась и увидѣла, что Зина сидитъ въ креслѣ, опустивъ голову на спинку его и закрывъ лицо руками; она сѣла очень тихо и такъ же тихо продолжала сидѣть теперь, даже плечи ея не вздрагивали. У Марѳы Андреевны вдругъ перевернулось сердце, и ей стало ясно, что подозрѣнія ея не обманываютъ ее. До спхъ поръ она бранила себя „проклятой“ и „старой дурой“ за то, что такія скверныя мысли приходятъ ей въ голову.

Зина все сидѣла въ своей узкой, суконной амазонкѣ, въ которой фигура ея казалась совсѣмъ не сложившеюся и дѣтски тонкою, и, не отрывая рукъ, плакала, не стѣсняясь и не удерживаясь, такъ что въ комнатѣ все было слышно. Марѳа Андреевна всплеснула руками, и лицо ея поблѣднѣло.

— Царица небесная! Матушка... Что жъ это? — заговорила она:—Матушка, барышня, да что жъ вы это? Да неужели...

Но она такъ и не могла выговорить того, что́ было у нея на умѣ,—слишкомъ это было дико, обидно и больно.

И опять ей показалось, не вздоръ ли все это.

„Богъ ее знаетъ, что у нея въ душѣ-то дѣлается? Нешто мы что понимаемъ?— думала она, все глядя на Зину и вспоминая совершенно ясно, какъ она была маленькою дѣвочкою и плакала въ темной гостиной города N. Она подошла, нагнулась и поцѣловала у Зины руку. Зина обняла ее, прижалась къ ней мокрымъ лицомъ совсѣмъ такъ, какъ дѣлала это въ дѣтствѣ, и заплакала сильнѣе.

— Всѣ они... измучили меня... измучили... я больше не могу...—говорила она:—я никуда... не могу ѣхать... не хочу... я устала... Ты ничего не понимаешь, няня,—убѣждала она Марѳу Андреевну, передохнувъ, немного успокоившись и вытирая платкомъ глаза:—ты все вздоръ говоришь, это не то... А просто—я не могу жить больше. Не могу...

Марѳа Андреевна уже улыбалась. Настроеніе ея барышни, слезливое и ласковое, и особенно эти настойчивыя фразы: „ты ничего не понимаешь“, и увѣренія, что она совершенно не можетъ больше жить, были ей давно и хорошо знакомы. И на душѣ ея стало спокойнѣе и легче, какъ будто передъ ней не было всѣ эти дни блѣднаго и больного, такъ безпокоившаго ее лица. Она вспомнила, что непріятный гость, проживавшій у нихъ неизвѣстно зачѣмъ, что-то не ѣдетъ и, говорятъ, уѣхалъ изъ Москвы, и совсѣмъ повеселѣла.

— Да полно, матушка, кто васъ мучаетъ-то? Да нешто мы дадимъ нашу барышню обижать?—цѣлуя ее и улыбаясь, какъ съ ребенкомъ, говорила Марѳа Андреевна и не поняла хорошо, засмѣялась или снова заплакала Зина.

XXXI.

Когда Зина, опоздавъ, съ припухшими вѣками и пятнами раскраснѣвшимся лицомъ, опустивъ голову и ни на кого не глядя, вышла наконецъ на длинную галлерею ольховскаго дома, на дворѣ только что произошло обстоятельство, всѣхъ взволновавшее и служившее темою общаго разговора. Рослый вороной конь, недавно пріобрѣтенный у мельника въ уплату невнесенной аренды, извѣстный всѣмъ на усадьбѣ подъ именемъ „Быстраго“ и пугавшій всѣхъ своимъ слишкомъ независимымъ характеромъ, былъ только что запряженъ и выведенъ подъ узцы. Карсовъ и Милецкій сѣли въ телѣжку и подобрали возжи, ободряемые совѣтами и наставленіями цѣлой группы зрителей; но не успѣли они еще освоиться, какъ слѣдуетъ, съ своимъ рискованнымъ положеніемъ, какъ упрямая лошадь, заложивъ уши и оглядываясь, начала пя-

титься, поддала со всей силы задними ногами, взмахнула головой,—и телѣжка, подпрыгивая и дребезжа на всю усадьбу, скрылась за деревьями проспекта. Оставшіеся зрители могли видѣть только спины молодыхъ людей, завалившихся назадъ въ отчаянномъ стараніи удержать Быстраго, фуражку съ голубымъ околышемъ, оставшуюся на дорогѣ, и подушку сидѣнья, какимъ-то образомъ вертѣвшуюся на воздухѣ и отброшенную далеко въ сторону. Рабочій въ красной рубашкѣ, тотъ самый Ѳедька, который ужъ, по словамъ генерала, однажды летѣлъ отъ своего искусства съ горы кувыркомъ на этой лошади, съ крикомъ: „тпру, дьяволъ тебя заѣшь“, побѣжалъ въ догонку. Баба съ ребенкомъ и мальчишки, визгливо и испуганно смѣясь, кинулись кто куда съ дороги. Старичокъ въ безрукавкѣ горячился и что-то объяснялъ. Генералъ шелъ своею твердой, щегольской походкой черезъ дворъ, а Лидія Васильевна почти плакала.

— Обойдется,—утѣшалъ Гаврила, качая головой и затворяя дверцы сарая.

Около ступенекъ крыльца уже стояла повенькая долгуша, и Архипычъ, не развлекаясь, укладывалъ свертки, корзинки и пледы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тройки дожидались двѣ верховыя лошади — Фаворитка, вычищенная, съ расчесанными гривой и хвостомъ, мотавшая головой, гремѣвшая мундштукомъ и губами ловившая руку берейтора, и старый бѣлый, съ длинной шеей, сѣдлиной и широкими боками, донской конь, на которомъ когда-то объѣзжалъ свои владѣнія генералъ.

Лидія Васильевна настояла, чтобъ Зину провожалъ берейторъ, и Шкаликовъ надѣлъ свой сюртучокъ, бумажную крахмальную сорочку съ галстукомъ и высокіе сапоги сверхъ подбитыхъ кожей панталонъ. Держа лошадей въ поводу и привычнымъ движеніемъ сдерживая ихъ и изрѣдка останавливая, онъ, щурясь, смотрѣлъ туда же, куда и всѣ, и глупое, бѣлокурое лицо его съ тонкими усами и длиннымъ, загорѣлымъ носомъ выражало явное презрѣніе и обычное самодовольство.

— Что же ты... развѣ не слышишь? Коль скоро я тебѣ говорилъ, не тяни!—съ обычнымъ напряженнымъ стараніемъ придать какъ можно больше витіеватости своей рѣчи, говорилъ онъ подходившему Гаврилѣ: — тянешь, напримѣръ, изо всѣхъ силъ... и тому подобное!

Но Гаврила не обращалъ на него никакого вниманія.

— Что ты говорилъ-то?—спрашивалъ кучеръ съ козелъ долгуши.

— Что? Во всякомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ пріемъ долженъ быть... Совсѣмъ разница, ежели лошадь этого не любитъ.

— Пріемъ. Шелъ бы самъ. Тоже намедни отскочилъ-то...

— Купили чорта... Поди съ нимъ сообразись...—смѣясь, замѣчалъ Гаврила.

Телѣжка однако вернулась, и Карсовъ, сидѣвшій въ ней уже не съ Милецкимъ, который вылетѣлъ около каменныхъ столбовъ и пришелъ пѣшкомъ, блѣдный и сконфуженный, за фуражкой, а съ Ѳедькой, сіяя отъ удовольствія минувшей опасности и сознанія своей смѣлости, уговаривалъ всѣхъ, что лошадь смирная, и надо только умѣть съ ней обращаться... Не смотря на то, что Лидія Васильевна находила это „безуміемъ“, лицеистъ взобрался на прежнее мѣсто, но на козлы посадили Ѳедьку, наскоро натянувшаго сермяжную поддевку; княгиня, Зарубины и Коля сѣли въ долгошу, берейторъ, оправивъ на Зинѣ амазонку и покрикивая на заволновавшуюся бѣлую лошадь, не хотѣвшую отставать, вскочилъ въ сѣдло, и все общество съ грохотомъ, восклицаніями и поклонами, при громкомъ лаѣ и визгѣ собакъ, тронулось къ каменнымъ столбамъ усадьбы. Боковое окно дома открылось, и Марѳа Андреевна, съ чайникомъ въ рукѣ, морщась отъ лучей солнца и выраженія неодобренія, смотрѣла вслѣдъ...

Зина, которую обыкновенно, отпуская, крестила Лидія Васильевна, не подошла къ ней на этотъ разъ и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ ее. Поднявшись на сѣдло, заложивъ ногу за луку, и всунувъ другую въ стремя уже тогда, когда лошадь вертѣлась, обезпокоенная проѣхавшею полною рысью тройкой, она круто повернула ее и сейчасъ же освободила натянутые поводья. Фаворитка, словно удивляясь на то, что ее посылаютъ, когда она такъ горячится, и даже разсердившись, вся осѣла на заднія ноги, нетерпѣливо храпнула раза два и, врѣзываясь въ поводья, полнымъ и крутымъ, толкающимъ галопомъ, почти карьеромъ, пошла за остальными, тотчасъ догнала и обогнала ихъ. Сзади съ порывистымъ топотомъ и сопѣньемъ рысилъ бѣлый конь.

На проспектѣ, въ тѣни березъ, было свѣжо и душисто, вода ярко сверкала изъ-за стволовъ деревьевъ, и воздухъ казался сырымъ. Зинѣ было пріятно, правя едва замѣтнымъ движеніемъ пальцевъ, по боковой, мягкой тропинкѣ обогнать долгушу и телѣжку и скакать по плохо наѣзжанной, поросшей травой, еще не просохшей дорогѣ, вплоть до поля, и она вздохнула свободно. Она видѣла, какъ княгиня, сидѣвшая съ ея стороны, съ улыбкой и даже легкой тревогой проводила ее глазами; какъ у всѣхъ, отъ Коли

до Ѳедьки, что-то отвѣчавшаго Милецкому, были добрыя и веселыя, смѣющіяся лица, и ей показалось, что все это хорошо, красиво и весело, и очень захотѣлось, чтобъ было дѣйствительно весело... Но тотчасъ она вспомнила все, что случилось за это время, вспомнила, что его нѣтъ, и, если это не сонъ, то уже никогда не повторятся поѣздки съ нимъ вдвоемъ по этому самому проспекту и по этимъ узкимъ, далеко вьющимся, утопающимъ въ назрѣвающихъ поляхъ дорогамъ, и острая душевная боль, какъ что-то чисто-физическое, какъ боль зуба, тотчасъ опять овладѣла ею совершенно и уже не проходила. Она только чувствовала все это время, что *все* кончено, что *его* нѣтъ, и не самое обстоятельство это, въ его логическомъ цѣломъ, а это чувство само по себѣ, сознаніе горя, больше чѣмъ самое горе, не давало ей никакого покоя.

И такъ было всю дорогу. У нея иногда являлось сильное желаніе присоединиться къ нимъ, сбросить съ себя хоть на минуту это странное, тягостное ощущеніе, которое, ей казалось, должно привести ее къ чему-то страшному. Но тоска, какъ боль, не выпускала ее изъ рукъ, не давала ей опомниться и успокоиться. Уже на третьей верстѣ она такъ устала, что дала бы дорого, чтобъ вернуться. Все удовольствіе ѣзды куда-то пропало. Она давно не ѣздила далеко и, кажется, никогда еще не была принуждена слѣдовать, не отставая, за экипажемъ. Раза три ей удалось ускакать далеко впередъ галопомъ, который не утомлялъ, какъ рысь, и давалъ возможность пройтись шагомъ. Но стукъ и мягкій грохотъ долгуши начиналъ долетать до слуха поразительно быстро тогда, когда она не успѣвала еще перевести, какъ слѣдуетъ, дыханія, и поразительно скоро догоняли ихъ караковая тройка и угомонившійся, солидно бѣжавшій Быстрый. Зина, сквозь легкое облако пыли, подымавшейся подъ колесами на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно сильно за день припекало солнце, видѣла тѣ же веселыя, смѣющіяся, глупо-праздныя лица, различала голоса, говорившіе, къ ея удивленію, о вещахъ, совершенно до нея не касавшихся, слышала смѣхъ и шутки.

— Не устали?—раза два спрашивала Пронская, улыбаясь и показывая бѣлые зубы и десны.

И опять надо было ѣхать рысью или галопомъ.

Солнце жгло Зинѣ одну щеку, и вычищенная, гладкая и сытая шея Фаворитки потемнѣла отъ пота; лошадь мотала головой, фыркала, уже не рвалась за тройкой и, когда Зина старалась поставить ее на галопъ, упорно бѣжала неспосной, мучительной рысью.

Зинѣ было жарко всей, отъ тряски у нея болѣлъ бокъ, и усталость, которую она чувствовала все время, слѣдствіе безсонныхъ ночей и того, что она почти не ѣла третій день, качала ее. У нея начала болѣть голова, и иногда ее тошнило.

Ей хотѣлось отдать лошадь берейтору и сѣсть въ долгушу, но чувство раздраженія и ненависти къ Пронской, которое она испытывала все время съ тѣхъ поръ, какъ Торжицкій поѣхалъ къ ней, удерживало ее... Она даже сказала ей что-то нетерпѣливо и грубо, когда замѣтила, что, по желанію княгини, кучеръ остановилъ лошадей и ждетъ ее.

Отъ парома, гдѣ долго провозились съ Быстрымъ, рѣшительно отказывавшимся ступить на него, было уже недалеко. Когда за бугромъ показались причудливыя вѣшки изъ соломы, что-то въ родѣ развѣвающихся хоругвей надъ крышами избъ, и кучеръ, возившій сюда Володю, сказалъ, что они пріѣхали, Зинѣ стало страшно, и показалось, что она уже не чувствуетъ усталости; ей было жалко, что ѣзда съ болью въ боку, острымъ запахомъ лошади и тряскою кончилась, что надо слѣзать, разговаривать и что-то дѣлать...

Признаки военной стоянки начались задолго до самой деревни. Офицеръ объѣзжалъ съ денщикомъ лошадь въ шарабанѣ, проѣхалъ вѣстовой съ сумкой въ штабъ, и встрѣтилась обозная телѣга съ лежащимъ на животѣ солдатомъ, въ насквозь пропитанномъ пылью темно-сѣромъ китель. Потомъ пошли по обѣ стороны широкой улицы, съ нѣсколькими, параллельно идущими дорогами, избы, дневальные, принимавшіе въ первую минуту Милецкаго за офицера, часовой съ ружьемъ и хмурымъ лицомъ около ящика, вывѣшенныя шинели и солдаты всякаго вида,—босые и въ сапогахъ, въ форменныхъ рубахахъ съ ремнемъ и ситцевыхъ рубашкахъ, запрятанныхъ въ синіе брюки, съ остриженными головами и въ фуражкахъ, ухарски сбитыхъ на бекрень, качающіе воду, сидящіе по заваленкамъ, съ любопытствомъ вглядывающіеся въ новыя и особенно женскія лица. Пахло лошадьми, навозомъ и махоркой. Солнце сѣло, и въ воздухѣ струилась сырая, острая свѣжесть. За деревней и скошеннымъ лугомъ вставалъ туманъ.

Зина издали узнала Кузнецова, денщика, державшаго въ поводу засѣданную лошадь Володи, который только что собрался ѣхать на встрѣчу гостямъ.

Къ остановившейся долгушѣ выбѣжали Барминскій, Володя, съ сіяющимъ, взволнованнымъ и смущеннымъ лицомъ, и Андрей, со всѣми здоровавшійся, высаживавшій дамъ и принимавшій пледы и вещи.

— Устали?—спрашивалъ Барминскій, смотря въ блѣдное лицо Зины, которая, ступивъ на землю, закачалась:—Да, я думаю, это и намъ, привычнымъ, чувствительно, такой конецъ. Пожалуйте.

Передъ избой и ея палисадникомъ въ одну минуту набралась толпа ребятъ и двѣ-три бабы съ дѣтьми, которыя вѣроятно простояли бы очень долго, если бъ ихъ не спровадилъ франтоватый ефрейторъ съ закрученными усами, тоже полюбопытствовавшій взглянуть на господъ.

— Вы, которые!—сказалъ онъ рѣшительно, начальническимъ жестомъ приглашая зрителей удалиться:—смотрѣть тутъ нечего... Ужъ рады... Тетка, уйди...

Когда Зина вошла въ самый палисадникъ, обсаженный чахлой рябиной и липками, съ накрытымъ скатертью и уставленнымъ фруктами, конфектами и чашками столомъ посрединѣ, въ толпѣ людей, наполнявшихъ его и безтолково говорившихъ, она сразу увидѣла толстую фигуру адъютанта Кроткова, узнала его голосъ и испугалась. Но кромѣ него, новыхъ лицъ не было. Онъ стоялъ спиной къ ней и говорилъ съ княгиней Пронской.

— Обѣдали со всѣми родственниками. Un vrai diner de famille... И ваше здоровье пили, — слегка кланяясь и щелкая шпорами, говорилъ Кротковъ.

— Что же, женихъ сіяетъ?—спрашивала, со своей всегдашней улыбкой, Пронская.

— Вполнѣ. Да всѣ, кажется, сіяютъ, кромѣ меня... потому что, благодаря всей этой исторіи, я долженъ ѣхать завтра въ Подольскъ... Сколько хотите, отступнаго далъ бы...

Онъ громко и дробно разсмѣялся своимъ свободнымъ смѣхомъ свѣтски развязнаго и притомъ толстаго человѣка и, оглянувшись на Зину, только что увидѣвъ ее, поклонился ей низко и вѣжливо.

Онъ пріѣхалъ изъ Москвы, на извозчикѣ, съ обѣда, на которомъ братъ его Аркадій былъ объявленъ женихомъ Минской. Лицо его было очень оживлено и такъ красно, что страшно дѣлалось смотрѣть на него; здороваясь, Зина ощущала неопредѣленно непріятный запахъ, который напоминалъ ей Володю въ минуты его возвращенія съ обѣдовъ и ужиновъ.

Она молча, безпокойно блестящими и умоляющими глазами смотрѣла на него.

— Привезъ вамъ поклонъ, княгиня,—поворачиваясь снова къ столу, продолжалъ Борисъ Алексѣевичъ: — всѣмъ, кажется, — запнувшись и осторожно избѣгая Зину взглядомъ, говорилъ онъ:— отъ моего безпутнаго друга и родственника.

— Графъ еще не уѣхалъ?—спрашивала Пронская, садясь на скамейку, покрытую попоной и уже заваленную пледами.

— Вы знаете, я вѣдь всегда избѣгаю говорить о его намѣреніяхъ, чтобъ не попасть въ глупое положеніе. Но, кажется, на этотъ разъ онъ рѣшительно уѣзжаетъ съ утреннимъ поѣздомъ, завтра... По крайней мѣрѣ мы простились по всѣмъ правиламъ...

— Отчего же онъ не пріѣхалъ сюда? Ты показывалъ мою телеграмму?—немного измѣнившимся отъ волненія и радости голосомъ спрашивалъ Володя, стоявшій подлѣ княгини съ ея накидкой на рукѣ. Онъ спросилъ это съ довольно естественнымъ сожалѣніемъ и удивленіемъ, но безпокойно счастливое лицо его и голосъ показывали опять, что, хотя извѣстіе о близкомъ отъѣздѣ его друга очень успокаивало его, онъ все же сильно желалъ, чтобъ другъ этотъ вовсе не появлялся больше, и боялся его пріѣзда. По крайней мѣрѣ Зинѣ казалось такъ.

Она стояла спиной ко всѣмъ, схватившись за тонкую слегу забора, которымъ былъ обнесенъ палисадникъ, и глядѣла молча на улицу. Она только теперь, въ эту минуту поняла, что всю ночь, которую она провела безъ сна, весь длинный, оставившій ей впечатлѣніе какого-то кошмара день, и всю дорогу, отъ которой ныли ея члены, на лошади и на паромѣ, она ждала только этого вечера и была увѣрена, что здѣсь встрѣтитъ его. Это была ни на чемъ не основанная и скрытая почти отъ нея самой, страстная надежда, которою она жила. Надежда эта была отнята, и Зину охватила не тоска, а острое ощущеніе страха, чувства, что теперь уже въ самомъ дѣлѣ что-то случилось ужасное, съ чѣмъ она ни за что не сладитъ.

— Я звалъ его,—отказался,—говорилъ Кротковъ про Торжицкаго сзади нея:—занимаетъ разговоромъ будущую родственницу, и физіономія до невозможности благонамѣренная...

Въ воздухѣ только что пронеслись и замерли однообразные, рѣзкіе и возбуждающіе звуки кавалерійскихъ сигналовъ, и слышались команды и крики. По деревнѣ длинной вереницей, загибая мимо послѣдней избы къ пруду, на водопой, тянулся эскадронъ на незасѣдланныхъ, игравшихъ и топавшихъ, обгонявшихъ другъ друга и сбивавшихся въ кучу лошадяхъ.

Мимо Зины смѣнялись крѣпкія, молодцоватыя фигуры, загорѣлыя лица съ сверкающими зубами, гримасами и улыбками; до нея долетали окрики, остроты и бранныя слова. Одна лошадь вырвалась и, пугая ребятъ, съ возбуждающе-тревожнымъ топотомъ, махая хвостомъ, понеслась по деревнѣ. Солдатъ

уже бѣжалъ ей на перерѣзъ, поощряемый солидно спокойными и громкими, непонятными Зинѣ замѣчаніями усатаго вахмистра.

— Надо жить... ничего... это пройдетъ... Вѣдь вотъ они же живутъ... Что со мной случилось?—дрожа отъ тоски и страха, думала Зина, тотчасъ припоминая свою комнату съ открытымъ итальянскимъ окномъ и то, что ей невозможно, не хватитъ силъ туда вернуться. Вспомнила она также, что Лидія Васильевна не перекрестила ее, и какъ Марѳа Андреевна улыбалась и мягко цѣловала ея руку,—и вздрогнула, чувствуя, что кто-то взялъ ее за плечо.

— Пьютъ здоровье жениха и невѣсты,—протягивая ей бокалъ и глядя на нее безпокойными и разсѣянными глазами, говорилъ ей Володя.—Что ты стоишь? Слушать не совѣтую, — счастливо улыбаясь, прежнимъ милымъ тономъ, какимъ говорилъ всегда въ дѣтствѣ, прибавилъ онъ.

XXXII.

Вечеромъ, когда на холодѣющемъ небѣ вспыхивали одна за другой рѣдкія и блѣдныя, крупныя звѣзды, и надъ лозинами, въ сторонѣ пруда, всталъ серпъ мѣсяца, въ палисадникѣ, освѣщенномъ свѣчами и нѣсколькими цвѣтными фонариками, повѣшенными на деревцахъ и заборѣ, былъ сильный безпорядокъ. Стулья и столы сдвинули, тарелки и чашки, не убранныя прислугой, виднѣлись даже на скамьяхъ, бокалы шампанскаго пополняли то и дѣло. Народу набралось много, было тѣсно, и стоялъ гулъ голосовъ. Къ столу уже давно пришло нѣсколько человѣкъ офицеровъ, въ необычайно узкихъ рейтузахъ и чистенькихъ кителяхъ, съ скучающими, обрадованными неожиданнымъ развлеченіемъ лицами. Они скоро освоились, пили, поздравляли Кроткова и старались занимать дамъ. Одинъ, въ pince-nez, бѣлокурый и съ утрированно пустымъ лицомъ, считавшійся даже между своими безпутнымъ и ограниченнымъ малымъ, не отходилъ отъ Ольги Петровны, которая разливала чай, вся раскраснѣлась и уже давно не казалась такою оживленной.

Онъ кричалъ громче другихъ, съ непріятно-визгливыми нотами голоса, и уже увѣрялъ ее, что она клевещетъ на себя и совсѣмъ не похожа на „серьезную барышню“...

Передъ самымъ палисадникомъ, на вытоптанной травѣ выгона стояла кружкомъ партія солдатъ-пѣсенниковъ, приведенныхъ веселить господъ. Кругомъ набралась толпа мужиковъ, бабъ и ребятъ; на крыльцѣ, около ведра съ водкой, распоряжался вахмистръ,

и, улыбаясь, помогалъ Андрей. Мужики, съ завистью поглядывая на нихъ, острили и хохотали другъ надъ другомъ. По воздуху, на далекомъ пространствѣ, разлитъ былъ запахъ сивухи.

Въ палисадникѣ то и дѣло стихали самоувѣренно-развязные голоса, русскій и французскій говоръ и смѣхъ, и изъ наступившей тишины выступалъ витіевато-спокойный, своеобразный мотивъ солдатской пѣсни, выводимый груднымъ, негромкимъ теноромъ запѣвалы, подхватываемый и покрываемый совершенно плотнымъ и и дружнымъ аккордомъ сипло-грубоватыхъ, но свѣжихъ, вѣрныхъ и могучихъ голосовъ, которые далеко и гулко разносились по селу. Солдатамъ поднесли уже по второму стаканчику, и они только что стали по мѣстамъ, вытирая руками губы и ловко и далеко, по-солдатски, сплевывая. Они всѣ знали, что удовольствіе далеко не исчерпывается этимъ стаканчикомъ, что оно еще предстоитъ, что какъ только уѣдутъ барыни, такъ господа офицера разойдутся во всю, и тутъ ужъ дай Богъ, чтобъ къ восходу солнца угомонились. Эскадронный былъ здѣсь самъ налицо и ничего не пилъ, а солидно разсуждалъ только потому, что если онъ выпьетъ хоть рюмку, такъ не остановится, а въ хмѣлю онъ былъ буенъ и поэтому ждалъ отъѣзда дамъ... Въ виду всего этого солдаты пѣли дружно и съ возраставшимъ одушевленіемъ, одну за другою, то протяжныя, суровыя и строгія, старинныя пѣсни, то типично-солдатскія, въ тактъ которыхъ легче идется въ строю, то плясовыя, съ рѣзкимъ свистомъ и гулкимъ завываньемъ бубенъ, съ безсмысленными и часто совершенно неприличными, и оттого выпускаемыми, словами. Вечеръ удался вполнѣ, и Володя былъ взволнованъ и счастливъ.

Въ одномъ изъ угловъ палисадника, за отдѣльнымъ небольшимъ столикомъ, который вынесъ сюда по просьбѣ барышни Андрей, сидѣла Зина, облокотясь и придерживая рукою голову. Всего какихъ-нибудь десять минутъ назадъ, Карсовъ подошелъ къ общему столу, гдѣ она была, и, наклоняясь, сказалъ:

— А вамъ, должно быть, дѣйствительно очень нездоровится, Зинаида Николаевна. Вамъ бы полежать пойти къ Владиміру Александрычу, что ли...

Зина точно очнулась. Опять, какъ у себя въ комнатѣ, по которой она ходила изъ угла въ уголъ до отъѣзда, она не могла сообразить, который былъ часъ, и давно ли они всѣ сидятъ въ этомъ маленькомъ палисадникѣ, биткомъ набитомъ полунезнакомымъ обществомъ, среди запаха папиросъ, шампанскаго, гама и пѣнія. Но ей казалось, что что-то давно. По крайней мѣрѣ она

передумала страшно много, вся ушла въ свои мысли и ничего не замѣчала. Когда Михаилъ Ивановичъ подошелъ къ ней, она вспомнила, что на нее давно смотрятъ то тотъ, то другой, что княгиня не разъ спрашивала ее, не устала ли она, и что должно быть она имѣетъ странный видъ.

Она быстро встала со скамейки, на которой въ самомъ дѣлѣ было неудобно и утомительно сидѣть, и испуганно взглянула на Карсова. На нее глянуло изъ-подъ полей измятой и потертой шляпы раскраснѣвшееся, отчасти отъ вина, отчасти отъ усталости и общаго веселья, знакомое, некрасивое и добродушное лицо студента, два милые, серьезные даже во время развлеченія, сѣрые глаза.

— Нездоровится вамъ, должно быть, совсѣмъ, — повторилъ онъ: — да? Сказать Владиміру Александровичу?

Зина хотѣла что-то отвѣтить, но сердце у нея билось тяжело и часто, и дыханіе ей захватило.

Она торопливо вышла изъ-за стола.

— Нѣтъ, я устала, — невнятно выговорила она, умоляюще глядя на Карсова: — отойдемте отсюда. У меня отъ этого шума звенитъ въ ушахъ. „Что со мной? Должно быть, со мной будетъ какой-то припадокъ“, подумала она.

— Да еще бы. Здорово орутъ, — все глядя на нее, сказалъ Карсовъ. — Пойдемте лучше сюда...

Онъ отыскивалъ глазами стулъ, но его не оказалось.

— Виноватъ, — сказалъ онъ рѣшительно, подойдя къ офицеру въ pince-nez, бравшаго изъ рукъ Ольги чашку чая и съ нахальнымъ смѣхомъ смотрѣвшаго ей въ глаза: — я полагаю, вамъ все равно сюда пересѣсть, на скамейку... Стула для дамы нѣтъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — оглядываясь и вставая, отозвался офицеръ.

— Вотъ садитесь сюда, чудесно, — говорилъ Михаилъ Иванычъ, отходя въ сторонку, къ самой загородкѣ садика: — сейчасъ я себѣ добуду... мы и столикъ принесемъ...

И онъ побѣжалъ хлопотать.

Зина сѣла и прислонилась къ спинкѣ.

„Конечно, все кончено. Я не могу больше жить. Оттого мнѣ такъ страшно. Такъ всегда бываетъ, — думала она. — Отчего такая тоска? Вѣрно, я умру скоро“. — Это ничего, — сказала она улыбнувшись, когда Карсовъ сѣлъ черезъ столикъ напротивъ нея: — я просто устала, — безпокойно глядя на него, прибавила она.

— Да, конечно, пустяки все, — возразилъ Карсовъ: — вотъ чаю

выпейте еще. Слушайте, вы шампанскаго не хотите ли? Принести вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я ужъ пила. Я думаю, оттого-то у меня и голова болитъ.

Зина, точно, пробовала пить шампанское, и послѣ него чувство тоски усилилось.

— Ну, ладно.

Онъ принесъ чаю ей и себѣ и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Что же вы ушли отъ всѣхъ?—спросила Зина, мѣшая ложечкой, улыбаясь и закусывая вдругъ задрожавшія губы.

— Ну вотъ, слушьте, глупости какія!—возразилъ Карсовъ.— Не все равно, гдѣ мнѣ сидѣть. Эти пошлости слушать-то надоѣло... А поютъ хорошо, правда? Только слушать не даютъ, очень ужъ тутъ-то разошлись всѣ. Что жъ, лучше голова?

Зина хотѣла отвѣтить, но опять губы у нея задрожали, она странно засмѣялась, нагнулась и стала съ ложечки пить чай.

«Ка-акъ во городѣ во Моршѣ»...

затянулъ спокойно и мягко запѣвало, и голоса въ палисадникѣ затихли раньше, чѣмъ хоръ стройно грянулъ:

«Читали указъ»...

Пѣсня была старинная, о двѣнадцатомъ годѣ, суровая и серьезная.

Подголоски и вторы зазвенѣли и разсыпались въ строгихъ аккордахъ, густо наполнившихъ воздухъ.

Зина облокотилась и, глядя на Михаила Ивановича, который, шумно попивая чай, черезъ заборъ серьезно смотрѣлъ на бѣлую кучку драгунъ-пѣсенниковъ въ кителяхъ,—думала о томъ, зачѣмъ она тутъ сидитъ и передъ кѣмъ притворяется? „Мнѣ бы уйти сейчасъ же... Я знаю, что это даромъ не пройдетъ, что съ этой тоской я не могу сладить, и не слажу, и не для чего мнѣ бороться... А вотъ сижу и гляжу на эту безобразную шляпу, и на этого офицера, и на все... Я навѣрное умру... Только какъ? Кажется, я просто совсѣмъ больна“.

Аккорды пѣсни были удивительно своеобразны, строги и величественны, и, какъ всегда, звуки пѣнія начали куда-то уносить ее, и множество забытыхъ картинъ, не то прошлаго, не то просто воображаемаго, проходили передъ ея глазами смутными, но безпокойными образами. И опять ей хотѣлось, чтобъ можно было присоединиться къ нимъ, къ этимъ людямъ, среди которыхъ она была совершенно одинока; но она чувствовала, что это стало невозможнымъ для нея.

*

„Я не могу вернуться домой, не могу жить... Мнѣ теперь нечѣмъ жить,—вотъ что самое страшное,—думала она.—А папа", вдругъ съ ужасомъ вспомнила она опять, и опять у нея съ сильною болью сжалось сердце.

— Ну, ужъ это они что-то затянули... Съ насъ довольно, можно бы было и кончить,—замѣтилъ офицеръ въ pince-nez.

Карсовъ мрачно посмотрѣлъ на него, потомъ на Зину и покачалъ головой..

— Михаилъ Ивановичъ,—сказала Зина, все улыбаясь и переводя дыханіе отъ слезъ, мѣшавшихъ ей говорить:—вы знаете это чувство... Вотъ, когда чувствуешь, что жить невозможно. Вы не удивляйтесь. Вы, я думаю, видите, что я... что мнѣ очень нехорошо... Я не знаю, отчего это, но вы понимаете, это бываетъ...—путаясь въ словахъ, говорила она.

Студентъ утвердительно качнулъ головой.

— Бываетъ, это вѣрно,—сказалъ онъ.—Если я васъ понялъ,—продолжалъ онъ, сдѣлавъ совершенно серьезное лицо и напряженно нахмуривъ брови:—то вы... какъ бы сказать... вы находитесь въ періодѣ, когда то основаніе, изъ котораго исходитъ вся постановка вашего нравственнаго міра, его цѣльность... спокойствіе вашего я, словомъ, исходная точка всего,—подверглась какому-то измѣненію, такъ сказать, ведетъ къ сомнѣнію въ ея правильной постановкѣ... Это очень часто бываетъ. И мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ необходимо произвести нѣкоторый внутренній, добросовѣстный анализъ. Я дѣлалъ это много разъ. Тутъ весь вопросъ въ томъ, справедливо ли ваше отношеніе къ этой исходной точкѣ, правильный ли вы взяли критерій вашихъ требованій...

Но Зина не слушала его.

— Не понимаю, — говорила она, глядя на толпу около главнаго стола и на Павла, говорившаго съ княгиней и мелькомъ оглянувшагося на Зину:—что это за люди все. Вотъ и Павелъ Петровичъ. Такая все мелочь... — съ отвращеніемъ вдругъ сказала она.

— Личность мельчаетъ, это вѣрно, — задумавшись и глядя въ ея блѣдное лицо, сказалъ Карсовъ, немножко недовольный тѣмъ, что его перебили: —но исключенія есть и изъ нашего поколѣнія.

— Кто же это?—думая о чемъ-то, спросила Зина, которую опять, среди всѣхъ разнообразныхъ ощущеній, переживаемыхъ ею, охватило такое желаніе видѣть Торжицкаго, что она все забыла. Ей хотѣлось видѣть его хоть издали, хоть на одну минуту.

Множество отдѣльныхъ, яркихъ воспоминаній мгновенно мучительно взволновали ее, и ей показалось, что она счастлива, не смотря на все, только потому, что она знаетъ его, любитъ его и такъ мучается, что не можетъ жить. И тотчасъ опять тоска страшная, болѣзненная охватила ее.

Карсовъ что-то объяснялъ ей. Онъ говорилъ про какого-то студента, котораго называли личностью вполнѣ энергичною, отправляющуюся, вдобавокъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ отъ общественныхъ идеаловъ.

— Вы его знаете, навѣрное. Онъ и у Павла Петровича бывалъ,—пощипывая свою жиденькую бородку, серьезно говорилъ Карсовъ:—Штремъ нѣкто. Очень жаль, что вы съ нимъ не говорили. Это прямо крупная личность. Онъ въ университетѣ восьмой годъ, три раза выгоняли... И теперь едва ли кончитъ, потому что онъ составляетъ самую видную единицу въ мѣстной организаціи. Да если его и выключатъ, онъ дѣла не броситъ, во всякомъ случаѣ ..

«И расплакалися и разрыдалися,
Наши се-на-то́ры».

пѣли солдаты, и своеобразные переходы и переливы аккордовъ на повторяющихся послѣднихъ словахъ покрывали и уносили куда-то сдержанный говоръ, продолжавшійся въ саду.

«Охъ, и вы не плачьте, не рыда-ай-те,
Да авось Богъ поможетъ...»

— О чемъ это плакали сенаторы?—спросилъ кто-то.

— О томъ, что французы на Москву пошли,—отвѣчалъ Володя, музыкальный отъ природы и любившій солдатское пѣнье.

Карсовъ вдругъ всталъ, задѣвъ за ножку стола, и высунулся за плетень палисадника.

— Вотъ, ей-Богу, чудакъ-то...—со смѣхомъ сказалъ онъ.

— Кто такой?—тоже смѣясь, спросилъ Володя, но вдругъ ахнулъ.

— Графъ! Вотъ это славно!..—раздался голосъ Барминскаго, и поднявшійся въ садикѣ смѣхъ, восклицанія и говоръ заглушили совершенно слова солдатскаго хора.

XXXIII.

Когда Зина увидѣла его, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, въ смѣшанномъ свѣтѣ лѣтней ночи, свѣчей и разноцвѣтныхъ фонариковъ, разглядѣла его блѣдное, усталое и строгое лицо, она не выдержала, встала и пошла, почти побѣжала изъ палисадника. Это лицо вдругъ испугало ее, и она почувствовала, что оставаться

съ нимъ не можетъ... Онъ показался ей немного другимъ,—блѣднѣе, худѣе, какъ будто меньше... но ей бросался въ глаза его характерный, выразительный ротъ, по которому она видѣла, что онъ былъ сильно взволнованъ, его упрямый, возбужденный и твердый взглядъ, складъ бровей, все то, что всегда запоминалось ей, что составляло сущность его лица. И тотчасъ все, что такъ притягивало и такъ измучило ее, что возбуждалъ онъ въ ней, и чего нельзя было выразить словами, встало въ ней и охватило ее непобѣдимымъ и безсмысленнымъ страхомъ. Думая о томъ, что вотъ всегда такъ, когда кажется, что все кончено, тутъ-то вдругъ и случается, чего хочешь, о томъ, что она рада, очень рада, только не можетъ этого скрыть, она искала выхода изъ палисадника съ другой стороны. Выходъ этотъ былъ, но пройти оказалось невозможнымъ. Задыхаясь и видя передъ собой знакомыя и полузнакомыя лица и какіе-то оторопѣлыя взгляды и уже слыша знакомые звуки голоса, она остановилась и растерянно оглянулась.

„А если я сейчасъ упаду“, подумала она, чувствуя, какъ ноги ея слабѣютъ и дрожатъ: „что же это?..“

Онъ былъ передъ ней и кланялся молча, не поднимая глазъ. Лицо его было блѣдно, и онъ дышалъ тоже коротко и скоро. Онъ пріѣхалъ сюда верхомъ, но былъ не въ своемъ обычномъ костюмѣ, а въ пиджакѣ, шляпѣ и высокихъ сапогахъ.

Ощущеніе пожатія его руки воскресило въ ея памяти и разбудило все, что она считала конченнымъ, и страшное волненіе охватило ее. Мысли ея спутались, и она потеряла всякое самообладаніе.

— Княгиня, пожалуйста, поѣдемте... Тетя... поздно. Я устала... Поѣдемте пожалуйста,—заговорила она невѣрно звучавшимъ, совсѣмъ не своимъ голосомъ, заставившимъ всѣхъ обернуться въ ея сторону.

Она не слышала и не разобрала, что ей отвѣчали, только послѣ припоминала удивленные взгляды и странныя улыбки, которые, впрочемъ, нисколько ее не обижали. Она помнила, что загудѣли голоса, возраженія и просьбы остаться, и что княгиня Пропская, говоря, что поздно, велѣла запрягать.

Зина вернулась на прежнее мѣсто и сѣла. На душѣ ея было жутко, и она совершенно не знала, что теперь произойдетъ. Ощущенія, мысли и логическіе доводы сбились и вертѣлись въ ея головѣ, какъ предметы передъ ея усталыми глазами.

Она видѣла однако все время Торжицкаго. Онъ сидѣлъ около княгини и, смотря ей въ лицо тѣми же тяжелыми и возбужденными, но совершенно смущенными глазами, говорилъ:

— Вы, конечно, удивляетесь. Но согласитесь, что мнѣ нельзя отказать въ послѣдовательности. Я всегда вѣренъ самому себѣ...

Пронская смотрѣла на него молча, она тоже была взволнована, и Зина не понимала, что это значитъ.

Когда, полчаса спустя, палисадникъ со сдвинутыми столами и стульями опустѣлъ, Зина не пошла со всѣми. Она слышала сквозь удары бубенъ и непрекращавшееся пѣніе, на которое уже никто не обращалъ вниманія,—голоса и стукъ колесъ за загородкой и деревцами, но сидѣла попрежнему на стулѣ, около пустого столика, не двигаясь. Она чувствовала, какъ нервы ея, возбужденные и измученные, упали, какъ пуста и слаба была ея голова, и ей казалось, что совершенно все равно, что съ ней случится, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ и увидитъ ли она его еще когда-нибудь? Она устала думать объ этомъ.

Почувствовавъ вдругъ что-то совсѣмъ особенное, знакомое, острое и жуткое, она вздрогнула и обернулась. Графъ Торжицкій шелъ къ ней по пустому садику, гдѣ они очутились вдвоемъ.

— Ну вотъ, вы здѣсь...—подойдя и вглядываясь въ ея лицо, сказалъ онъ:—я долженъ былъ васъ видѣть...

Звуки знакомаго голоса сразу подняли ея нервы. Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и облокотясь, почти улегшись локтями на маленькій столикъ, близко смотрѣлъ на нее. На дворѣ уже свѣтало, и блѣдный свѣтъ лѣтняго утра, заглушая и побѣждая совсѣмъ оставшіеся фонари и свѣчи, двойственно и странно освѣщалъ красивыя черты его упрямаго, усталаго и счастливаго лица.

— Да... Вотъ видите, вдругъ что-то сдѣлалось со мной,— продолжалъ онъ, и губы его дрогнули улыбкой, такъ неожиданно и прекрасно мѣнявшей его лицо:—Я совсѣмъ было думалъ, что сломаю себя... Должно быть, такой ужъ день. Такое желаніе видѣть васъ... сейчасъ, сію минуту взглянуть на ваше лицо... Вы знаете это?—негромко сказалъ онъ и вдругъ замолчалъ, задумавшись.

Зина сидѣла все попрежнему, словно боясь сдѣлать какое-нибудь движеніе, нарушить то, что охватило ее, и чего, кажется, она сама не понимала. Черты лица ея измѣнились и осунулись въ выраженіи полнаго безволія, и глаза смотрѣли на него устало и строго, но какъ будто совсѣмъ спокойно.

— Что жъ теперь дѣлать?—скорѣе самаго себя, чѣмъ ее, спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?—проговорила она, какъ во снѣ, коротко и испуганно и откинула назадъ голову.

Она все время продолжала бояться обморока, и ей казалось, что сейчасъ она потеряетъ сознаніе. Его лицо было близко передъ ней, а она чувствовала, что не можетъ его видѣть. Она не могла видѣть его, потому что то, что́ возбуждали въ ней знакомыя черты, было черезъ чуръ мучительно.

Ей начинало казаться, что это сильное, безсмысленное чувство любви, котораго она ни на миниту не могла побѣдить въ себѣ, потрясаетъ ея душу и можетъ лишить ее разсудка, совершенно спутать его.

Онъ осторожно и быстро, оглянувшись, опустился на землю, на колѣна передъ ней, и взялъ ее за руки.

— Вѣдь ты... хотѣла меня видѣть? Да?—чуть слышно сказалъ онъ, и губы его снова улыбнулись слабою улыбкою, которую она такъ любила въ немъ.

— Да, — сказала она и засмѣялась. И тотчасъ смѣхъ этотъ перешелъ въ давно подступавшія и подавляемыя слезы, которыя мелкими, частыми каплями побѣжали изъ ея глазъ.

Она ихъ не удерживала, и сердце у нея дрогнуло знакомымъ чувствомъ ощущенія его губъ на своихъ мокрыхъ и холодныхъ рукахъ.

— Неужели же ты не понимаешь, что я... до чего я люблю тебя?.. Я не любилъ такъ никогда... только оттого я такъ измучилъ тебя... Такъ больше нельзя,—говорилъ онъ съ убѣжденіемъ и нѣжностью, которой дрожалъ его голосъ. И въ глазахъ его было столько любви и жалости, что у Зины кружилась голова отъ сладкой, разбивавшей ее и путавшей ея разсудокъ боли.

— Да, нельзя,—выговорила она ослабѣвшимъ голосомъ, падая лицомъ къ нему на грудь и совершенно забывъ, гдѣ она, и что происходитъ...

Торжицкій крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сталъ покрывать поцѣлуями все лицо ея.

— Зина... послушай... счастье мое... — началъ онъ задыхающимся голосомъ, и вдругъ оттолкнулъ ее рѣзкимъ движеніемъ и мгновенно вскочилъ на ноги.

Движеніе его было такъ неловко, что тяжелые золотые часы на короткой цѣпочкѣ съ горстью брелоковъ выпали изъ кармана его панталонъ и тяжело хлопнулись на песокъ. Онъ поднялъ ихъ засмѣявшись.

— Тута... княжескій пледъ,—сказалъ голосъ Андрея, и темная, показавшаяся въ палисадникѣ фигура его снова скрылась.

Только тутъ Зина опомнилась. Она встала, качаясь, и попра-

вила мужскую шляпу и волосы. Ее охватывало слабое ощущеніе холода, она чувствовала на всемъ лицѣ своемъ его поцѣлуи и глубоко вздохнула.

Онъ подошелъ къ ней, не спуская глазъ съ ея лица.

— Ахъ, Боже мой,—сказала она, проводя рукой по лицу:—зачѣмъ, правда, вы здѣсь? Лучше бы васъ не было... совсѣмъ... никогда бы не было.

Онъ снова хотѣлъ обнять ее, но она отстранилась и отошла отъ него.

— Что ты на меня такъ смотришь?—спросилъ онъ съ слабой улыбкой, тихонько подходя къ ней. Она опять отошла отъ него.

— Я хочу видѣть ваше лицо,—неподвижно смотря на него, сказала Зина:—я не знала, что одинъ человѣкъ можетъ столько заставлять переносить другого. Впрочемъ, это все равно... Только, правда, лучше бы, чтобъ я васъ не знала...

Онъ подошелъ, удержалъ ее и обнялъ.

— Ну, полно, куда ты уходишь?.. Все равно, я поѣду за тобой теперь... Я не могу... Я ничего не хотѣлъ дурного... Съ самой встрѣчи тогда... Помнишь? Я встрѣтилъ тебя весной, когда ты сидѣла... Зина... слушай... ты вѣдь видишь... Ты понимаешь сама, что такъ нельзя... Смотри, ты едва стоишь... Я все-таки не думалъ, что ты такъ измучена... Ты слишкомъ понимаешь все, чтобъ не понять этого. Къ чему это ведетъ? Вѣдь ты измучаешь и меня, и себя...

— Гдѣ же Зинаида Николаевна?—послышался гдѣ-то за садикомъ голосъ княгини.

— Пустите меня...

Но Торжицкій съ досадой удержалъ ее.

Зина чувствовала, какъ рука, обнимавшая ее, начинала дрожать, а лицо его и глаза, близко смотрѣвшіе на нее, приняли выраженіе грубаго физическаго страданія.

— Я умоляю... скажи мнѣ,—съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Чего вы хотите?—поднявъ голову, съ неожиданнымъ изумленіемъ, просто и коротко спросила она.

Онъ смотрѣлъ на нее молча, упорно, и лицо его поблѣднѣло еще больше.

— Докажи мнѣ, если ты увѣрена, что любишь меня,—помолчавъ и запнувшись, почти со злостью выговорилъ онъ, какъ будто ему совѣстно и больно было выговорить ей эту фразу. И тотчасъ языкъ его развязался. Кровь бросилась ему въ голову, и онъ заговорилъ задыхаясь:—Этимъ не шутятъ. Вы это знаете. Нынче...

Завтра... я одинъ весь день. Пріѣзжайте ко мнѣ. Я долженъ васъ видѣть... одну... Ты знаешь, гдѣ я живу? Пріѣзжай... Да это все равно... Я увезу тебя...

Она вырвалась съ такою силою, что онъ не сталъ удерживать ее и пошелъ за ней. Онъ видѣлъ, какъ все лицо ея залила краска смущенія и испуга, какъ покраснѣли даже ея уши подъ бортомъ мужской шляпы съ вуалью.

Но изъ садика она не пошла и въ смущеніи искала чего-то, оглядываясь... Онъ остановился и молча, восхищаясь и чувствуя все то, что всегда, съ первой встрѣчи съ ней, охватывало его вблизи этой дѣвушки, смотрѣлъ на нее и не понималъ, какъ могъ до сихъ поръ бороться съ собой и разсуждать? И опять онъ думалъ о томъ, что она будетъ счастлива, хоть на мгновеніе, да будетъ, и что все остальное вздоръ.

— Что же? сказалъ онъ, идя за ней, когда она пошла изъ садика, и кусая съ гримасою губы. Мысль, что сейчасъ она уѣдетъ, пугала его, и онъ не зналъ, что дѣлать.

— Зинаида Николаевна! Мы ѣдемъ,—говорила княгиня, идя отъ долгуши къ ней на встрѣчу, испуганно глядя на нее. Но выраженіе серьезнаго спокойствія, которое уже легло на лицо Зины, удивило и успокоило ее, и она пошла садиться въ экипажъ.

— Такъ нашъ сослуживецъ съ осени?—кричалъ офицеръ въ pince-nez, пожимая руку Павлу Зарубину.

Фаворитка вертѣлась, и берейторъ, покрикивая, подтягивалъ послѣднюю подпругу.

Зина прислонилась къ плетню, потому что ноги ее не держали.

— Неужели вы не видите, что такъ больше, въ самомъ дѣлѣ, нельзя?—говорилъ ей Торжицкій, увѣренный, что она слышитъ его сквозь общій шумъ.

Она посмотрѣла на него и усмѣхнулась.

Кровь опять бросилась ему въ голову.

— Мнѣ не до смѣху, Зинаида Николаевна, если вы не хотите понять этого...—сказалъ онъ ей.

— О, и мнѣ совсѣмъ не до смѣху, вы можете быть увѣрены,— спокойно возразила она.

— Такъ, ради Бога, скажите мнѣ...

— Что вамъ сказать?

— Пріѣзжайте завтра... вечеромъ ко мнѣ... въ восемь часовъ. Да или нѣтъ?

Зина обернулась къ нему и въ первый разъ въ жизни увидѣла на лицѣ его такое трусливо-просящее, почти жалкое выраженіе.

Ей стало больно, и она чувствовала его такимъ близкимъ, какимъ еще никогда онъ не былъ. Какъ будто они уже были связаны на всю жизнь, и какъ будто не было никакой возможности сдѣлать такъ, чтобъ этого никогда не было.

— Да,—сказала она спокойно, не глядя на него, словно не понимая значенія этого отвѣта, и пошла къ лошади.

Когда Торжицкій, не сдвинувшійся съ мѣста въ первую минуту, подошелъ снова къ ней, чтобъ посадить ее на лошадь, и она оглянулась на него, ей показалось, что и глаза его, и улыбка, которую онъ сдерживалъ, и все лицо, красивое и блѣдное, дрожало какимъ-то дикимъ, несдержаннымъ порывомъ счастья.

Зина взялась было за луку, но опустила руку.

— Я не могу ѣхать,—сказала она Шкаликову, державшему Фаворитку за поводъ:—доведите лошадь. Я устала.

И она пошла къ долгушѣ.

Лошади такъ и рванули отъ крыльца.

Офицеры, цѣлою кавалькадой, поѣхали провожать до парома. Графъ Торжицкій объявилъ, что поѣдетъ до самой Ольховки и ужъ оттуда вернется въ Москву.

Какъ только Зина сѣла, ей захотѣлось спать. Она прислонилась къ козламъ и закрыла глаза.

Движеніе лошади подъ сѣдломъ, опьяняющее покачиваніе и тряска не переставали ей чувствоваться и теперь въ ея дремотѣ и возбуждали въ ней вмѣстѣ съ толчками и раскачиваніемъ линейки головокруженіе. Всѣ члены ея еще болѣли тупою, разламывающею болью, а на лицѣ она чувствовала его поцѣлуи. Открывая глаза, она видѣла убѣгающую изъ-подъ ногъ землю, блѣдную дорогу и лицо Торжицкаго, который верхомъ на Вандикѣ ѣхалъ рядомъ съ ними. Онъ изрѣдка переговаривался съ Пронской, но то, что они говорили, совершенно не интересовало ее...

Она очнулась, когда мимо линейки бѣжали кусты и деревья проспекта, облитые росой, а на усадьбѣ лаяли собаки. Было свѣжо, и сильно пахло березой. Въ домѣ открылось, рядомъ съ галлереей, окно, и, кутаясь въ темный платочекъ и зѣвая, высунулась Марѳа Андреевна.

Подымаясь на ступеньки крыльца, съ страннымъ лицемъ человѣка, еще не опомнившагося отъ долгаго и тяжелаго сна, Зина замѣтила, что Торжицкій, сверху внизъ смотрѣвшій на нее, былъ серьезенъ и грустенъ.

— Это не правда? — спросила Зина, глазами показывая на Пронскую, извинившуюся за позднее возвращеніе.

— Что, моя дорогая?—нѣжно и тихо спросилъ онъ.

— Вы не любите ее?

Онъ пожалъ плечами.

XXXIV.

„Какъ однакоже странно, что все устраивается въ пользу моего плана“,—думала Зина, отъѣзжая утромъ отъ длинной галлереи ольховскаго дома, въ коляскѣ, которая должна была вернуться сюда завтра.

Все случилось, какъ нельзя удобнѣе. Они ѣхали вчетверомъ: она, генералъ, у котораго было въ городѣ какое-то дѣло, и Зарубина. Послѣ короткаго разговора съ Лидіей Васильевной, холодно объявившей, что она не желаетъ стѣснять ея дѣйствій, Зину посадили даже на переднее мѣсто. По мнѣнію всѣхъ, она имѣла больной видъ и должна была устать.

Утро дышало какою-то особенною свѣжестью. Безоблачное, глубокое небо синѣло надъ головой густою краской, по песку парка и дорогамъ пролегали твердыя, голубыя полосы.

— Не было бы грозы,—замѣтилъ генералъ, когда они выѣхали изъ сквозной тѣни проспекта.

Но хотя солнце жгло и припекало, косые лучи его, казалось, были не въ силахъ побѣдить бодрящей и душистой прохлады.

Зина и эту ночь почти не спала, и качка экипажа, блестящія рожью поля, стукъ колесъ, запахъ лошадей и видъ синяго, яркаго неба, все вмѣстѣ утомляло ее и наводило дремоту. Сердце у нея, не переставая, тревожно ныло, и однообразная, тупая боль эта туманила разсудокъ. На нее нахлынули воспоминанія вчерашняго разговора съ нимъ, ночи и чахлаго палисадника и совершенно овладѣли ею.

Она смотрѣла изрѣдка то на сгорбленную спину Архипыча въ пальто, на козлахъ, то на серьезное, здоровое, полное достоинства и благоразумія лицо Павла Петровича подъ сѣрой, мягкой шляпой. Онъ сидѣлъ напротивъ нея и говорилъ съ генераломъ что-то о деревенскомъ хозяйствѣ. Зинѣ приходило въ голову, что только теперь она начинаетъ понимать его,—Пашу Зарубина, котораго съ такихъ раннихъ лѣтъ всѣ хвалили за умъ, способности и основательность,—съ его дрянною и слабою душой, съ большимъ запасомъ самолюбія и практическаго смысла.

„Въ самой его убѣжденности, въ этомъ желаніи справлять воинскую повинность, въ его пятеркахъ, сколько похвальнаго благоразумія“, думалось ей.

А впрочемъ теперь это нисколько не занимало ее.

Александръ Григорьевичъ въ Москвѣ тотчасъ пересѣлъ на извозчика и поѣхалъ браниться въ магазинъ сельско-хозяйственныхъ орудій за какую-то неисправность, а Зина проводила Зарубиныхъ на вокзалъ.

Изъ всѣхъ курсистокъ, Зина только про одну знала навѣрное, что она въ Москвѣ. Поэтому, когда генералъ, встрѣтившій ее въ передней пустого дома, спросилъ, какъ они проведутъ день, Зина сказала, что у нея много дѣлъ, и упомянула фамилію Краюхиной...

— Такъ, стало быть, до свиданія... Тутъ Маланья что-то намъ ужъ готовитъ, но меня во всякомъ случаѣ не жди.

На этомъ они разошлись.

До вечера было еще много времени, а въ домѣ съ занавѣшенными люстрами и картинами и въ запыленномъ, грубо заросшемъ саду ей было жутко.

Она одѣлась и пошла, не зная, куда. Ее мучила ложь, въ которой она съ успѣхомъ упражнялась съ утра, и явилось желаніе придать ей нѣкоторую правдоподобность. Вслѣдствіе этого она поѣхала сначала въ книжный магазинъ, а потомъ на квартиру къ Краюхиной, у которой была однажды весной. Но Краюхину она не застала: она была на службѣ.

Было уже поздно, когда она, порядочно усталая, добралась опять до дома. Маланья Григорьевна, старуха, у которой начиналъ расти горбъ, со строгимъ лицомъ и сердитыми глазами, встрѣтила ее докладомъ, что обѣдъ готовъ.

Зина сказала, что завтракала, и ѣсть не хочетъ, но приказала подать самоваръ.

Чай приготовили на террасѣ, гдѣ между знакомою мебелью еще стояла мягкая, старая кушетка, которую чинили безъ господъ и забыли внести въ домъ. Зина легла на нее. Архипыча, который сопровождалъ изъ Ольховки генерала, куда-то послали, и ей прислуживала дочь Маланьи, Аннушка, здоровая, плотная дѣвка, веселая, добродушная и глупая.

Ей хотѣлось поговорить, и она начала разспрашивать о здоровьѣ своихъ сослуживцевъ.

— Ну, а у васъ тутъ что?—спросила Зина, разглядывая ея розовое лицо, и думая объ ея успѣхѣ у мужскаго пола, за который она терпѣла гоненія и отъ матери, и отъ барыни.

— У насъ ничего, барышня,— чуть-чуть сюсюкая и удерживаясь отъ смѣха, сказала Аннушка:—только скука большая. Со скуки, того гляди, на стѣну полѣзешь.

— Отчего же? —сдерживая внутреннюю дрожь, которая изрѣдка начинала колотить ее, спросила Зина.

— Мамаша сердится... даже со двора не пущаетъ. Если въ лавочку, и то непріятность выходитъ. Что ужъ веселаго.

— Да вѣдь васъ тутъ, кажется, не мало?

— Ну, что жъ это... со Степаномъ, что ли разговаривать?

Предположеніе это рѣшительно разсмѣшило ее. Она фыркнула и ушла съ подносомъ въ дверь.

Зина отодвинула чашку и закрыла глаза. О вечерѣ она попрежнему не думала, какъ будто до него осталось недѣли двѣ, но попрежнему чувствовала, что увидитъ Торжицкаго, и ей было страшно.

Она лежала долго и задремала, но какъ только забылась, ей показалось, что часъ, который назначенъ имъ, пропущенъ, и все кончено.

Она вскочила и взглянула на часы. Было восемь безъ двадцати минутъ, и гдѣ-то далеко, вѣроятно, по случаю какого-нибудь храмового праздника, звонили въ колокола.

Аннушка, уже будучи не въ силахъ сдерживать смѣхъ, разсказала ей нѣсколько разъ сряду, какъ она вошла было на террасу, да назадъ, чтобъ не разбудить...

Въ восемь часовъ онъ ждалъ ее. Но когда Зина думала объ этомъ, лихорадка начинала трясти ее, и она ничего не рѣшала.

Около часа она ходила по пустому дому. Въ комнатахъ было не темно, а хмуро и уныло отъ надвигавшагося, облачнаго вечера, и Зинѣ становилось нестерпимо тяжело. Она уже хотѣла теперь, чтобъ вернулся дядя, чтобъ, догадавшись о ея пріѣздѣ, зашла Краюхина; но никого не было, и то, что она чувствовала и переживала, было похоже на дурной сонъ. Ея пустая комната съ жесткимъ и узенькимъ матрасомъ, на которомъ Марѳа Андреевна заставила ее ночевать послѣднюю передъ отъѣздомъ ночь, и пустымъ письменнымъ столомъ, почему-то напомнила ей отца, который жилъ въ пустой квартирѣ, и она убѣжала внизъ. Но въ сумрачной залѣ съ замазанными окнами и укутанною люстрой она вспомнила, какъ давно, вернувшись съ курсовъ, остановилась у окна, какъ онъ подошелъ къ ней, возбуждая въ ней предчувствіе всего, что было теперь, и подумала, какъ близокъ онъ ей... И мысль, что человѣкъ этотъ одинъ изъ всѣхъ людей зналъ, что теперь переживаетъ она, и ждалъ ее, вдругъ, какъ что-то неожиданное, блеснула въ ея умѣ и освѣтила ея мутившійся разсудокъ. Было около девяти часовъ, когда, перекрестившись, она вышла черезъ

черное крыльцо мимо Аннушки, вѣроятно, получившей нагоняй и съ грустнымъ лицомъ мывшей посуду. „Господи, спаси и помилуй“, одними словами думала Зина, чувствуя, какъ передъ мысленнымъ взоромъ ея открывается цѣлая бездонная пропасть непонятныхъ, но страшныхъ вопросовъ и недоумѣній, и стараясь ни о чемъ не думать.

Черезъ пять минутъ она уже ѣхала на извозчикѣ, убѣдившись, что онъ совсѣмъ не знаетъ ея. Было ли дѣйствительно холодно, или это казалось ей, но она все время дрожала.

Москва въ это время была страшно пуста, а центръ ея, съ запертыми магазинами, пустынными тротуарами и молчаливою мостовою казался вымершимъ. И то же чувство дѣтскаго страха, который испытывала она въ пустомъ домѣ, охватывало ее среди этихъ знакомыхъ, но измѣнившихся улицъ. Кое-гдѣ въ окнахъ и открытыхъ магазинахъ и лавкахъ зажгли огни, тусклыми пятнами тонувшіе въ пыльной и сумрачной дали. Изъ-за облаковъ надъ крышами поднялась неполная луна.

Когда-то давно, проѣзжая съ ней весной, Володя показывалъ ей квартиру Торжицкаго, но она не была увѣрена, что найдетъ ее.

Она вспомнила слугу Торжицкаго съ воровскими глазами и наглыми пріемами, и мысль, что онъ увидитъ его, наполнила ее гадливымъ ужасомъ. Ей захотѣлось вернуться сейчасъ же, подъ вліяніемъ остраго чувства стыда и обиды, но домъ былъ передъ нею, и она узнала его.

Она крикнула извозчику, чтобъ онъ подъѣхалъ, потомъ, чтобъ остановился, и, уже соскакивая на ходу, отдавала ему дрожащею рукою деньги.

— Да вамъ къ подъѣзду, что ли? — начиная грубить и не понимая, чего отъ него хочетъ эта молоденькая, блѣдная барышня съ испуганными глазами, спрашивалъ извозчикъ.

Она безпокоилась напрасно, потому что прежде, чѣмъ успѣла разглядѣть звонокъ, графъ Торжицкій встрѣтилъ ее.

Входя, она быстро взглянула на него, замѣтила, что онъ былъ въ ея любимой, наглухо застегнутой курткѣ съ завязаннымъ подъ самымъ воротникомъ галстухомъ, и что онъ былъ страшно блѣденъ, почти испуганъ. Она подумала, что представляла его себѣ все время другимъ, и поспѣшно, не здороваясь, прошла мимо него, куда-то въ незнакомую комнату, освѣщенную лампой.

Когда, войдя, она окинула взглядомъ эту комнату, всю утопавшую въ дорогихъ коврахъ, которые были вездѣ подъ ногами,

на тахтѣ и диванахъ, завѣшивали каминъ и двери, ей вдругъ показалось, что она попала въ какую-то мягкую, превосходно устроенную ловушку, изъ которой ей не выбраться, вспомнила почему-то даже тѣ обитыя до верху комнаты для умалишенныхъ, о которыхъ гдѣ-то читала, и нестерпимый страхъ охватилъ ее. Она бы бросилась бѣжать, если бы не чувствовала его сзади себя, близко около, и не боялась больше всего на свѣтѣ увидѣть его лицо. И чтобъ только уйти отъ него, не заговорить съ нимъ, она шла дальше, къ окну, но ноги ея ослабѣли и почти не держали ее, и она задыхалась отъ тоски и ужаса.

Одно изъ оконъ, около котораго она очутилась, было не совсѣмъ закрыто тяжелою занавѣской, тоже въ родѣ ковра, и въ него видно было блѣдное, лѣтнее небо, домъ и часть церкви вдали, бѣлой, съ куполами. Она вспомнила, что нынче страшный, самый важный день въ ея жизни, и быстро перекрестилась.

Торжицкій подошелъ къ ней и осторожно, чуть-чуть обнявъ ее, повернулъ лицомъ къ себѣ.

— Здравствуй!—сказалъ онъ.

Зина взглянула на него, въ его блѣдное, смущенное и нѣжное лицо; но ей было не до него. Она боялась, что еще секунда,— и грудь ея разорвется, потому что дышать она не можетъ, и потому что съ сердцемъ ея дѣлается что-то страшное.

Она поблѣднѣла совсѣмъ, въ глазахъ у нея потемнѣло. Она чувствовала, какъ кровь невидимыми струями убѣгала изъ ея головы, и на лбу выступалъ холодный потъ.

— Что это? Зина... милая... Отчего ты такъ блѣдна?—говорилъ испуганно Торжицкій и хотѣлъ ее обнять.

— Нѣтъ, это невозможно!—освобождаясь, заговорила она:— это, Богъ знаетъ, что такое... Этого нельзя. Помогите... Выпустите меня отсюда сейчасъ... Ради Бога...

Голосъ ея былъ слабъ, и говорила она, точно во снѣ. Оглядываясь кругомъ и отступая отъ него, она начала не снимать, а срывать съ себя кофточку дрожащими руками.

Онъ взялъ ее за руки.

— Ну, перестань. Это пройдетъ. Успокойся... Чего ты боишься? Ты устала... погоди... Сядь сюда,—слышала она его голосъ и, какъ въ туманѣ, видѣла его ласковое, все взволнованное, красивое лицо. Онъ хотѣлъ посадить ее, но она сама, испугавшись, что сейчасъ тутъ же упадетъ, и теряя равновѣсіе, почти бросилась на низенькую тахту, надъ которой дорогимъ наборомъ блестѣло всевозможное оружіе.

Вся эта комната, оружіе, ковры и рыцарь на шкафу, и окно, заходили, задвигались и завертѣлись передъ ней, куда-то падая; и она падала и въ смертельной, чѣмъ-то долженствовавшей разрѣшиться тоскѣ подумала, что она умираетъ, что вотъ къ чему вело ее все, и вотъ отчего такъ невыносимо тяжелъ былъ этотъ день... Она перестала срывать все неснимавшуюся кофточку и заметалась на тахтѣ, ища лица Торжицкаго, который, стаскивая перчатки, цѣловалъ ея руки.

— Я умираю,—сказала она тихо:—не уходите... ради Бога... Я боюсь... да, да... ахъ, какъ страшно.

Въ глазахъ ея темнѣло, и въ надвигавшейся, холодной пустотѣ она не видѣла, а больше чувствовала Торжицкаго около и медленно падала къ нему на руки.

— Я умру... Это смѣшно, правда... если я умру здѣсь?—пробуя засмѣяться и чувствуя его поцѣлуи на своемъ холодномъ лицѣ, сказала она.—Что же это, Господи...

Въ ушахъ ея вдругъ рѣзко зазвенѣло, какая-то черная завѣса накрыла ей глаза, она окунулась въ совсѣмъ холодную, бездонную глубину и на мгновеніе потеряла сознаніе.

Въ первомъ часу ночи онъ провожалъ ее. Въ той же гостиной, освѣщенной лампой подъ плотнымъ китайскимъ абажуромъ, Зина сидѣла сбоку тахты на валикѣ, устало прислонясь головой къ текинскому ковру, блестѣвшему цѣлой витриной оружія. Торжицкій стоялъ близко передъ ней и не спѣша, наклонясь и глядя глубоко въ ея глаза, застегивалъ на ней кофточку. Она тоже смотрѣла на него и говорила ему медленно и негромко:

— Смотри, пріѣзжай ко мнѣ скорѣе. Помни, что теперь я не могу безъ тебя... Ты меня не будешь больше мучить? Да?

Она взяла въ руку его волосы, коротко подстриженные и надушенные, стоявшіе надъ ровнымъ, блѣднымъ лбомъ, и притянувъ, поцѣловала его медленнымъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ. Онъ сѣлъ подлѣ.

— Будь только здорова. Ты меня испугала...

— Ничего, это такъ. Это такіе дни. Я очень устала, ужасъ. Но теперь не до болѣзни, я счастлива и хочу... любить тебя, да. Стало быть—жить. Дай мнѣ шляпу, мнѣ такъ давно пора...

— Погоди минутку,—говорилъ онъ, обнявъ ее и разглядывая черты ея лица, мягкія и тонкія при слабомъ свѣтѣ, и нѣжный блескъ ея кожи.

— Нѣтъ, пора... Пожалуйста. Вѣдь увидимся, да? Скоро?

Онъ всталъ, забралъ съ тахты шляпку, перчатки и вуаль, и подошелъ къ ней. Она сидѣла молча, опустивъ голову. Онъ поднялъ ея лицо и увидѣлъ, что оно залито слезами. Слезы текли разбѣгающимися, дробными струями и по ея кофточкѣ, подымавшейся подъ судорожнымъ дыханіемъ, и у Торжицкаго въ умѣ блеснуло воспоминаніе, что именно такъ плачутъ дѣти.

— Ну, Зина, счастье мое, зачѣмъ ты меня мучаешь?.. — съ непринужденнымъ выраженіемъ тоски и испуга заговорилъ онъ.

Она заставила его сѣсть около, бросилась къ нему на грудь и зарыдала громко и отчаянно. Плакала она долго, вздрагивая и прижимаясь къ нему, но когда подняла голову, губы ея улыбались.

— Это... такъ...—заговорила она:—Я... очень счастлива... только устала. Только скажи мнѣ, я не понимаю, что это. Это всегда?.. Отчего мнѣ... такъ *страшно* грустно... И она опять спрятала голову къ нему на грудь и опять зарыдала.

Онъ не отвѣчалъ ей, но губы его дергались и дрожали. Онъ молча ласкалъ ее и цѣловалъ ея волосы и глаза. Наконецъ, она встала.

— Дай воды,—выговорила она, вытирая лицо платкомъ.

Онъ бросился къ столику, налилъ воды въ граненый стаканчикъ и подалъ ей, но рука ея сильно дрожала, и зубы не попадали на стекло.

Онъ хотѣлъ ѣхать съ ней, но она не согласилась, и они пѣшкомъ дошли только до угла улицы. Онъ говорилъ ей, что теперь жизнь ихъ связана, что они не могутъ разойтись, что нужно рѣшить, какъ дѣйствовать; но ему казалось, что она не слышитъ его...

К. Ельцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи общественныхъ идей и отношеній въ Германіи въ XIX в.

I.

Германія 30-хъ и 40-хъ годовъ нашего столѣтія во многихъ отношеніяхъ мало походила на современную. Тогда это была страна съ слабо развитой промышленностью, преимущественно земледѣльческая, вывозившая хлѣбъ. Но уже въ 30-ые и 40-ые годы Германія шагъ за шагомъ развивала тѣ силы, благодаря которымъ она объединилась и стала могущественнымъ государствомъ—силы капитализма. Будучи въ то время экономически и политически отсталой страной, она уже располагала большимъ запасомъ умственныхъ силъ, блистательно заявившихъ себя въ философской и художественной литературѣ—она была das Land der Dichter und Denker. Уже въ XVIII вѣкѣ создалась подъ дѣйствіемъ вліяній, шедшихъ изъ опередившихъ Германію странъ, идеологія, имѣвшая опредѣленный общественный смыслъ. Гейне, разсказывая о скитаніяхъ Фихте старшаго, говоритъ: «политическія условія того времени (конца XVIII вѣка) представляли весьма печальное сходство съ современными условіями Германіи; разница только въ томъ, что тогда духъ свободы процвѣталъ больше среди ученыхъ, поэтовъ и прочихъ представителей литературы, нынѣ же онъ проявляется среди этихъ людей гораздо слабѣе, зато онъ сказывается гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, въ большой активной массѣ, среди ремесленниковъ и промышленниковъ» [1]).

Центръ тяжести извѣстныхъ общественныхъ стремленій перемѣстился, такимъ образомъ, по свидѣтельству великаго поэта, изъ такъ называемой интеллигенціи въ широкую массу лицъ, занимавшихся промышленнымъ трудомъ. Чѣмъ объясняется эта перемѣна? Очевидно, въ условіяхъ существованія общественныхъ классовъ произошли измѣненія, сдѣлавшія нѣкоторые классы способными къ воспріятію извѣстнаго рода идеаловъ. Гейне вовсе не говоритъ о томъ, что интеллиген-

---

[1]) Heinrich Heine. Sämmtliche Werke. Hamburg, 1889. B. VII, Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland. S. 97.

ція совсѣмъ забыла эти идеалы, онъ устанавливаетъ лишь тотъ фактъ, что они появились въ слояхъ населенія, дотолѣ имъ чуждыхъ, и *относительно* сильнѣе заявляютъ себя въ этихъ слояхъ, чѣмъ въ интеллигенціи. Интеллигенція никогда и нигдѣ не была и не можетъ быть цѣльной общественной группой съ очень опредѣленными и непротиворѣчивыми интересами. Дѣло въ томъ, что интеллигенція мыслима только въ обществѣ, расчлененномъ на классы съ различными и антагонистическими интересами. И чѣмъ больше единства и цѣльности въ интеллигенціи, тѣмъ слабѣе и тѣмъ малочисленнѣе она. Послѣ только что сказаннаго не трудно найти объясненіе этой слабости. Единство взглядовъ интеллигенціи отражаетъ собой слабую общественную дифференціацію, которая до сихъ поръ исторически всегда была связана съ культурнымъ убожествомъ. Экономическій и культурный прогрессъ раскалываетъ общество на различные классы съ различными, рѣзко выраженными интересами, и это расчлененіе отражается на слоѣ образованныхъ par excellence людей, на интеллигенціи, которая всегда воспроизводитъ собой общество такимъ, какимъ оно является въ дѣйствительности. И вотъ почему, по мѣрѣ экономическаго и культурнаго прогресса страны, исчезаетъ почва для единства интеллигенціи. Процессъ исчезновенія понятія интеллигенціи—въ россійскомъ смыслѣ какой-то единой прогрессивной и народолюбивой группы—и самой реальной основы этого понятія на Западѣ всего легче прослѣдить въ Германіи.

Правда, наши русскія понятія объ интеллигенціи сложились на почвѣ еще болѣе примитивныхъ отношеній, еще менѣе расчлененной общественной среды, чѣмъ общественная среда Германіи начала XIX вѣка. Въ Германіи и въ ту пору, когда ея интеллигенты предавались мечтамъ о своемъ великомъ общественномъ призваніи, и гораздо раньше, когда они были еще чужды всякихъ «фанаберій», представителемъ нѣмецкой образованности былъ «бюргеръ». Нѣмецкая классическая литература—бюргерская литература. «Бюргерами» были Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Гегель—такъ же, какъ наши классики почти всѣ были дворянами, принадлежали въ крѣпостное право къ душевладѣльцамъ. Разница только та между нѣмецкой бюргерской и русской дворянской интеллигенціей, что надъ бюргерствомъ въ Германіи стоялъ другой привилегированный общественный классъ—дворянство, а русское дворянство составляло верхушку соціальной лѣстницы. Отсюда болѣе ярко выраженный классовый характеръ нѣмецкой національной литературы сравнительно съ русской. Съ другой стороны, подъ нѣмецкимъ бюргерствомъ еще очень слабо чувствовался, даже въ первой половинѣ XIX вѣка, другой общественный слой, тогда какъ русское дворянство въ лицѣ своихъ образованныхъ представителей, очень хорошо сознавало, что въ его подчиненіи находится, буквально подъ нимъ лежитъ огромный по своей численности классъ земледѣльцевъ.

Извѣстныя формы общественнаго господства—когда онѣ приходятъ въ столкновеніе съ развивающимися производительными силами общества—могутъ оказываться неудобными и для господствующаго класса. Вотъ—независимо отъ человѣколюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ личностей—соціальная основа освободительныхъ тенденцій въ средѣ господствующихъ общественныхъ классовъ. Бюргерской классической литературѣ нѣмцевъ приходилось защищать и выражать интересы бюргерства, которое въ общемъ совпадало съ народомъ, въ ея лицѣ бюргерство отстаивало *себя* и народъ; русская дворянская литература говорила въ защиту того класса, на счетъ незамаскированной эксплоатаціи котораго жило дворянство. Вотъ почему освободительныя тенденціи бюргерской литературы носили—выражаясь избитымъ, но общепонятнымъ терминомъ—*эгоистическій* характеръ, освободительныя тенденціи, красной нитью проходящія черезъ всю нашу классическую литературу, были запечатлѣны *альтруизмомъ*. Задача историка раскрыть общественные корни этихъ, повидимому, первичныхъ *этическихъ* чертъ, а не наоборотъ—изъ этихъ этическихъ чертъ объяснять общественныя явленія и общественную идеологію.

Когда феодально-цеховой строй Германіи сталъ разлагаться подъ напоромъ капитализма, бюргеръ и бюргерская интеллигенція не сразу перестали представлять освободительныя тенденціи, объемлющія *весь* народъ. Отчасти тутъ сказывалась сила идеологической традиціи, отчасти фикція народа поддерживалась устарѣлымъ политическимъ строемъ, который могъ пасть только при соединенныхъ усиліяхъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Съ одной стороны, жизнь ставила передъ бюргерской интеллигенціей новыя соціальныя задачи, новыя освободительныя цѣли, въ осуществленіи которыхъ бюргерство отнюдь не было заинтересовано, съ другой стороны—старыя цѣли оставались недостигнутыми и требовали напряженія всѣхъ общественныхъ силъ. Хозяйственныя измѣненія, выдвигавшія новыя задачи, обозначились еще очень недостаточно, ихъ конечный соціальный результатъ разъяснялся лишь экономической жизнью и соціально-политической литературой болѣе передовыхъ странъ.

Неизрасходованная еще бюргерская освободительная энергія сливалась въ одинъ неясный, но сильный потокъ съ энергіей, источникъ которой лежалъ въ интересахъ совсѣмъ другого общественнаго класса. Съ той части образованнаго общества, которую несъ этотъ идейный потокъ, онъ какъ бы смывалъ буржуазныя черты; въ то же время другой общественный классъ, во имя котораго выдвигались новыя освободительныя задачи, былъ еще слишкомъ слабъ и мало развитъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы наложить свою печать на эту интеллигенцію. Получалась иллюзія интеллигенціи, какъ независимой отъ общественныхъ классовъ силы. Такимъ образомъ, германская народолюби-

вая интеллигенція была въ своей идеологіи въ извѣстномъ смыслѣ независима отъ буржуазіи: абстрактныя построенія первой отнюдь не совпадали съ интересами послѣдней и не укладывались въ ея поле зрѣнія. Съ другой стороны, осуществленіе широкихъ идеаловъ интеллигенціи вовсе не признавалось исторической задачей того общественнаго слоя, который одинъ только и можетъ бороться за ихъ проведеніе въ жизнь, какъ за свое кровное дѣло. Въ этомъ смыслѣ интеллигенція въ своихъ построеніяхъ была независима и отъ антипода буржуазіи. Но въ этой двойной независимости и заключалось ея безсиліе. Лишь тогда, когда народолюбивая интеллигенція *измѣняла* своему внѣклассовому характеру, она пріобщалась къ живымъ силамъ того или другого общественнаго класса.

Во всякомъ случаѣ сколько-нибудь ясно очерченные классовые идеалы были у представителей нѣмецкаго народничества утоплены въ цѣломъ морѣ крайне туманныхъ и отвлеченныхъ общихъ разсужденій. Чѣмъ объясняется такой характеръ нѣмецкой народнической идеологіи? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо посмотрѣть, изъ какого матеріала могла строиться и въ дѣйствительности строилась прогрессивная общественная идеологія того времени.

Такая идеологія, если она не носитъ совершенно отвлеченнаго отъ дѣйствительности утопическаго характера, если она не конструируетъ просто вполнѣ произвольную картину будущаго, должна всегда сводиться къ идеализаціи тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ въ исторической жизни силъ, должна представлять эти силы, какъ призванныя осуществить ея общественные идеалы. Поэтому всякая, даже самая, какъ говорятъ, отрицательная идеологія, если только она имѣетъ подъ собой теоретическую основу, заключаетъ въ себѣ не только отрицаніе дѣйствительности, но и ея идеализацію — въ томъ смыслѣ, о которомъ мы только что говорили. Теперь мы уже знаемъ, что чѣмъ больше въ прогрессивной и «отрицательной» идеологіи такой идеализаціи, тѣмъ больше значитъ въ ней связи съ реальными интересами того или другого общественнаго класса. И если этому классу, въ силу основныхъ тенденцій экономическаго развитія принадлежитъ будущее, то построенный на его идеализаціи общественный идеалъ и является научнымъ, т.-е. совпадающимъ съ объективными тенденціями хозяйственнаго развитія страны. Отсутствіе въ общественномъ идеалѣ представленія о какой-нибудь реальной исторической силѣ, являющейся носителемъ этого идеала, есть зловѣщій признакъ ея утопичности, которая и заключается въ томъ, что идеалъ лишенъ живой положительной связи съ реальнымъ міромъ исторической дѣйствительности.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ эта дѣйствительность могла представлять и на самомъ дѣлѣ представляла матеріалъ для идеализаціи со стороны прогрессивныхъ идеологовъ нѣмецкой интеллигенціи.

Бытъ нѣмецкаго крестьянства въ ту пору, да и теперь въ общемъ даетъ мало матеріала для общественной идеализаціи. Время съ XIV-го по XV-ый вѣкъ представляетъ эпоху экономическаго и умственнаго пониженія нѣмецкаго крестьянства. Крестьянинъ становится «паріей соціальнаго развитія» (Лампрехтъ). Взрывъ крестьянскихъ возстаній въ первой половинѣ XVI вѣка, потушенный въ цѣломъ морѣ крови, конечно, не поднялъ крестьянства. Эпоха «княжескаго» абсолютизма была въ соціальномъ отношеніи временемъ болѣе или менѣе регулированнаго господства дворянъ надъ земледѣльцами, въ формѣ крѣпостнымъ отношеній. Крестьянство въ эту эпоху скорѣе упало, чѣмъ поднялось. Этотъ безправный, забитый—въ особенности на востокѣ Германіи—классъ, «вьючное животное человѣческаго общества», по выраженію знаменитаго публициста Шлецера, не могъ подвергнуться идеализаціи со стороны прогрессивныхъ идеологовъ. Гораздо естественнѣе ожидать идеализаціи крестьянства, какъ необходимаго члена феодальнаго хозяйства, со стороны представителей реакціонной идеологіи. У нихъ мы находимъ дѣйствительно такую идеализацію: еще въ XVIII вѣкѣ блестящимъ выразителемъ ея былъ Юстусъ Мезеръ.

Точно также и городская жизнь не представляла явленій, которыя могли бы стать предметомъ идеализаціи со стороны прогрессивныхъ элементовъ. Цехи уже давно и безповоротно выродились. Ремесленный классъ въ большихъ городахъ окончательно раскололся на два слоя — мастеровъ и подмастерьевъ; въ маленькихъ городахъ онъ влачилъ жалкое существованіе. Внутреннее вырожденіе цеховъ, выражавшееся въ томъ, что цехи лишь эгоистически заботились о сохраненіи привилегій своихъ наслѣдственныхъ членовъ, шло параллельно съ растущей силой абсолютизма. Абсолютизмъ, какъ извѣстно, явился въ то же время, самымъ злѣйшимъ врагомъ средневѣковыхъ рабочихъ организацій — союзовъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Введя выродившіеся цехи въ систему полицейскаго государства и отнявъ у нихъ самостоятельность, задушивъ организаціи ремесленныхъ подмастерьевъ, абсолютизмъ отнялъ у цеховаго строя всѣ тѣ черты, которыя напоминали о славномъ историческомъ прошломъ ремесла. Мелкобуржуазная исключительность мастеровъ, крѣпко державшихся за свои привилегіи, мѣшала прогрессивнымъ идеологамъ смотрѣть на цеховой строй, какъ на выраженіе общественной справедливости. Ремесленное движеніе 1848 года, ясно показало, что въ ремесленной средѣ нѣтъ и слѣда идиллической гармоніи интересовъ, а, наоборотъ, господствуетъ антагонизмъ.

Поэтому, если мы гдѣ и находимъ идеализацію цеховаго строя и попытки принять цехи за исходный пунктъ соціальной реформы, то только у реакціонеровъ разныхъ оттѣнковъ (къ числу реакціонеровъ относимъ мы и извѣстнаго соціалиста Марло Винкельблеха). Дѣйствительно прогрессивные писатели отворачиваются отъ цехового строя,

хотя и прекрасно видятъ, что свобода промышленности несетъ съ собой торжество капитализма. «Самое ремесленное сословіе есть созданіе среднихъ вѣковъ, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближается къ гибели по мѣрѣ распространенія машиннаго и мануфактурнаго труда. Ремесленникъ стоитъ между буржуа и пролетаріемъ, не будучи ни тѣмъ, ни другимъ, и этому промежуточному положенію соотвѣтствуетъ по большей части его умственное развитіе. Органъ, который спеціально посвященъ этому классу, долженъ былъ бы, если онъ хочетъ быть ему хотя чѣмъ-нибудь полезенъ, стремиться къ тому, чтобы дополнить это половинчатое развитіе, разсматривать самый классъ, какъ разлагающійся, а не какъ подлежащій сохраненію, и ту противоположность по отношенію къ буржуазіи, въ которую пролетарія вгоняетъ дѣйствительная жизнь, практика, у ремесленника возбудить по крайней мѣрѣ теоретически». Такъ писалъ I. Weydemeyer въ «Westphälisches Dampfboot» 1846 (409—410), въ своей рецензіи на спеціально предназначенный для ремесленниковъ органъ Ширгеса «Die Werkstatt»—Monatschrift für Handwerker. Это—точка зрѣнія, для того времени совершенно новая, и не всѣ представители нѣмецкой прогрессивной идеологіи 40-хъ гг. доработались до нея. Но всѣ они относились отрицательно къ цеховому строю. Вотъ какъ мотивировали такое отношеніе менѣе передовые выразители того же направленія. «Въ основѣ цеховъ такъ же, какъ и въ основѣ свободной конкуренціи, лежитъ принципъ эгоизма. Они имѣли право на существованіе, пока значеніе въ государствѣ имѣло сословіе, пока не личность сама по себѣ, а личность, какъ членъ того или другого сословія, исполняла обязанности и заявляла права. Цехи были союзами эгоистовъ съ цѣлью охраненія своихъ эгоистическихъ частныхъ интересовъ противъ враждебныхъ или частныхъ интересовъ другихъ эгоистовъ» (Lüning въ «Westphälisches Dampfboot» 1845, 208). Эта мотивировка отрицательнаго отношенія къ цехамъ съ эгоистическимъ характеромъ послѣднихъ стоитъ въ связи съ тѣмъ «гуманизмомъ», который составлялъ главное теоретическое содержаніе соціально-реформаторскихъ теченій того времени—о немъ рѣчь у насъ будетъ позже.

При такомъ положеніи вещей прогрессивнымъ идеологамъ оставалось идеализировать себя, интеллигенцію и ея идеологію. И дѣйствительно, если чѣмъ нѣмцы могли въ то время гордиться, такъ это своей идеологіей. Нѣмецкая поэзія могла уже выставить такія имена, какъ Гёте и Шиллера, нѣмецкая философія господствовала надъ умами. Блестящее развитіе нѣмецкой философской мысли представляло въ особенности рѣзкій контрастъ съ политическимъ убожествомъ и экономической отсталостью страны. Естественно, что отъ идеологіи, отъ философіи представители прогрессивныхъ направленій ждали спасенія своей страны. Ихъ пониманіе исторіи еще было всецѣло идеалистическимъ. «Если бы

все развитіе Германіи,—писалъ въ 1844 г. [1]) основатель экономическаго пониманія исторіи, тогда еще не оставившій идеалистической точки зрѣнія,—ограничивалось сферой политической, то нѣмцы могли бы принимать участіе въ задачахъ современности въ той же мѣрѣ, въ какой это возможно для русскихъ [2]). Но если отдѣльный индивидуумъ не связанъ рамками, въ которыя поставлена нація, то еще менѣе цѣлая нація можетъ стать свободной, благодаря освобожденію одного индивидуума. Скиѳы не приблизились ни на одинъ шагъ къ греческой культурѣ оттого, что Грецію въ числѣ своихъ философовъ можетъ назвать одного скиѳа. Къ счастью мы, нѣмцы, не скиѳы. Какъ древніе народы переживали свою первобытную исторію въ воображеніи, въ миѳологіи, такъ мы, нѣмцы, пережили нашу послѣдующую исторію въ мысляхъ, въ философіи. Мы философскіе современники нашего времени, не будучи ея историческими современниками. Нѣмецкая философія есть идеальное продолженіе нѣмецкой исторіи»

Извѣстно, съ какой силой охарактеризовалъ значеніе нѣмецкой философіи Гейне въ своей геніальной, хотя мѣстами впадающей въ шаржъ статьѣ «Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи». Здѣсь проводится гегелевская идея о параллелизмѣ общественно-политической революціи во Франціи и умственной, философской революціи въ Германіи. «Въ кантовской, фихтевской и шеллинговской философіи революція воплощена и высказана въ той формѣ мысли, до которой за послѣднее время дошла Германія; послѣдовательность этихъ философій объемлетъ поступательный ходъ мышленія. Въ этой великой эпохѣ всемірной исторіи, самое глубочайшее существо которой усвояется въ философіи исторіи, принимали участіе лишь два народа: нѣмецкій и фран-

---

[1]) Deutsch-Französische Jahrbücher. Paris, 1744. «Kritik der Hegelschen Rechts Philosophie». Сохранилось любопытное свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ на Бѣлинскаго этимъ изданіемъ, котораго вышелъ всего одинъ двойной №. Вотъ отрывокъ изъ его письма, приведенный г. Пыпинымъ («Бѣлинскій, его жизнь и переписка», т. II, стр. 242—243):

«N. писалъ тебѣ о парижск. Ярбюхерѣ, и что будто я отъ него воскресъ и переродился. Вздоръ! Я не такой человѣкъ, котораго тетрадка можетъ удовлетворить. Два дня я отъ нея былъ бодръ и веселъ,—и все тутъ. Истину я взялъ себѣ... (рѣзкія выраженія противъ «тьмы, мрака, цѣпей и пр.)... Все это такъ, но вѣдь я, попрежнему, не могу печатно сказать все, что я думаю и какъ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ея нельзя популяризировать и обнародывать? — мертвый капиталъ!»

Изъ этого въ высшей степени характернаго (для Бѣлинскаго) отзыва видно, что онъ *не уловилъ* самаго важнаго и новаго въ «Jahrbücher», это—мѣстами чрезвычайно ярко пробивающихся реалистическихъ нотъ въ пониманіи общественнаго развитія. Это тѣмъ удивительнѣе, что общественно-политическій реализмъ—какъ показываютъ *письма* Бѣлинскаго — отнюдь не былъ ему совершенно чуждъ—по крайней мѣрѣ въ самые послѣдніе годы его жизни.

[2]) Не слѣдуетъ забывать, что рѣчь идетъ о 40-хъ гг.

цузскій, не смотря на свою противоположность или какъ разъ вслѣдствіе нея. Другія націи не принимали никакого внутренняго участія въ этомъ событіи, но политически участвовали въ немъ, какъ въ лицѣ правительствъ, такъ и въ лицѣ народовъ. Въ Германіи этотъ принципъ (революція) является мыслью, духомъ, понятіемъ, во Франціи онъ устремился въ область дѣйствительности, тогда какъ нѣмецкая дѣйствительность того времени представляетъ лишь насильственность внѣшнихъ обстоятельствъ и реакціи противъ нихъ». (Hegel. Vorlesungen über die Geschichte d. Philosophie, Berlin 1844. III Theil, S. 485).

Мысль объ общественномъ значеніи философіи весьма рѣзко формулирована однимъ изъ двухъ вымышленныхъ корреспондентовъ, изъ писемъ которыхъ составлена знаменитая въ исторіи идеи нѣмецкаго единства книга вюртембергскаго патріота П. А. Пфицера «Briefwechsel zweier Deutschen» (Stuttgart 1831). «Философія является первымъ основаніемъ нашей гордости, и ни одна нація въ свѣтѣ не обладаетъ такой органической, расчлененной совокупностью героевъ философіи, которые объемлютъ всѣ направленія высшей науки на пространствѣ немногихъ десятилѣтій: Кантъ воздвигъ основные устои всякаго мышленія и познанія, Фихте раскрылъ идеализмъ, Оконъ—реализмъ въ ихъ чистѣйшей и возвышеннѣйшей формѣ, а божественный Шеллингъ понималъ тождество (schwebende Identität) въ такой полнотѣ и совершенствѣ, о которыхъ до него и не подозрѣвали; наконецъ, въ Гегелѣ наука стала сама себѣ объектомъ, Гегель представитель самосознанія философіи. Она безъ всякаго спора въ настоящее время духовный жизненный пульсъ нѣмецкой націи; въ ней та точка, изъ которой мы должны исходить для того, чтобы во второй разъ подчинить себѣ міръ; она можетъ процвѣтать независимо отъ политическихъ условій; болѣе того—политическая раздробленность благопріятствуетъ ей, благодаря тому, что не весь свѣтъ собирается въ одной точкѣ или поглощается ею для потребностей жизни и политической дѣятельности; она проникаетъ постепенно всякую науку, всю жизнь и политику; она въ концѣ-концовъ вернетъ также нѣмецкой націи потерянное отечество» (l. c. 6—7). Другой корреспондентъ, напротивъ, выражаетъ разочарованіе въ философіи и весьма реалистическое пониманіе какъ политической, такъ и соціально-экономической стороны вопроса объ объединеніи Германіи. Мы увидимъ дальше, что и въ наиболѣе радикальномъ направленіи общественной мысли, которое началось съ возвеличенія нѣмецкой идеологіи, впослѣдствіи обнаруживается теченіе, критически и прямо отрицательно относящееся къ общественному значенію нѣмецкой философіи и къ добытымъ ею результатамъ. Это теченіе связано съ именемъ автора «Капитала». Но въ 1844 г. онъ еще въ полной мѣрѣ раздѣлялъ идеализацію философіи: на ней строилась его вѣра въ особые пути развитія Германіи.

«Вы требуете,—говорилъ онъ тогда,—чтобы дѣятельность имѣла

связь съ дѣйствительными жизненными зародышами, но вы забываете, что дѣйствительный жизненный зародышъ нѣмецкаго народа прозябалъ лишь подъ черепомъ. Словомъ, вы не можете уничтожить философіи, не осуществивъ ея (77).

«Нѣмцы въ политикѣ думали то, что другіе народы дѣлали. Германія была ихъ теоретической совѣстью...

«Спрашивается, можетъ ли Германія дойти до практики à la hauteur des principes, т.-е. до такой перемѣны, которая подыметъ ее (т.-е. Германію) не только на офиціальный уровень современныхъ народовъ, но и на ту человѣческую высоту, которая явится ближайшимъ будущимъ этихъ народовъ.

«Оружіе критики, правда, не можетъ замѣнить критики оружіемъ, матеріальная сила должна быть побѣждена матеріальной же силой, но и теорія становится матеріальной силой, когда она охватываетъ массы.

«Теорія способна охватить массы, когда она демонстрируетъ adhominem, когда она становится радикальной. Быть радикальнымъ значитъ брать вещи въ корнѣ. Корнемъ же для человѣка является онъ самъ. «Даже съ исторической точки зрѣнія теоретическая эмансипація имѣетъ для Германіи специфически практическое значеніе. Дѣло въ томъ, что радикальное прошлое Германіи имѣетъ характеръ теоретическій, а именно оно было реформаціей...

«И если протестантизмъ не былъ истиннымъ рѣшеніемъ, то онъ былъ истинной постановкой задачи».

Но у самого автора цитируемыхъ строкъ закрадывается сомнѣніе въ возможности путемъ «духовнаго переживанія» перескочить черезъ опредѣленную ступень общественнаго развитія. Онъ самъ замѣчаетъ: «недостаточно, чтобы мысль стремилась къ осуществленію, сама дѣйствительность должна стремиться къ мысли». Дѣйствительность же—увы!—была очень далека отъ этого. Нашему автору однако очень хотѣлось выйти изъ дилеммы: или повѣрить въ историческое чудо, или же признать, что Германія никакимъ salto mortale не можетъ выскочить изъ границъ, указуемыхъ общимъ историческимъ развитіемъ современныхъ народовъ. Но der Wunsch ist der Vater der Gedankens, и вотъ нашъ авторъ конструируетъ для своего отечества особый радикальный путь развитія. Съ одной стороны, Германія шла вмѣстѣ съ передовыми народами не только «въ абстрактной дѣятельности мышленія», она вмѣстѣ съ ними страдала. Съ другой—въ Германіи нѣтъ того класса, который могъ бы во имя *общенародныхъ* интересовъ бороться за свое *частичное* освобожденіе. Въ этомъ отношеніи огромное различіе между Германіей и Франціей. Нашъ авторъ развиваетъ блестящую историческую антитезу этихъ двухъ странъ.

На чемъ основывается частичное только политическое освобожденіе? спрашиваетъ онъ. «На томъ, что одна какая-нибудь часть граж-

данскаго общества эмансипируется и достигаетъ общаго господства; на томъ, что опредѣленный классъ предпринимаетъ всеобщую эмансипацію общества, исходя изъ своего особеннаго положенія. Этотъ классъ освобождаетъ все общество, но только при условіи, что все общество находится въ положеніи этого класса, т.-е., напр., обладаетъ деньгами и образованіемъ или можетъ, по желанію, пріобрѣсти ихъ. Ни одинъ классъ гражданскаго общества [1]) не можетъ играть такой роли, не вызывая на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ это время онъ братается со всѣмъ обществомъ, сливается съ нимъ, его смѣшиваютъ со всѣмъ обществомъ, въ немъ признаютъ представителя всего общества въ его цѣломъ; въ это время права и требованія этого класса являются поистинѣ правами и требованіями общества, а самъ онъ—головой этого общества и его сердцемъ...

«Для завоеванія такой освободительной роли и вмѣстѣ съ тѣмъ для политической эксплоатаціи всѣхъ сферъ обществъ въ интересахъ своей собственной сферы недостаточно радикальной энергіи и радикальной самоувѣренности. Для того, чтобы общественный переворотъ и освобожденіе одного класса совпали бы, для того, чтобы одно сословіе представляло собой все общество,—для этого, наоборотъ, всѣ недуги общества должны быть сосредоточены въ какомъ-нибудь другомъ классѣ, для этого опредѣленное сословіе должно вызывать всеобщее отвращеніе, являться воплощеніемъ преградъ, стѣсняющихъ все общество, ...такъ чтобы освобожденіе отъ этой сферы представлялось освобожденіемъ всего общества отъ тяготѣющаго на немъ ига...

«Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и французскаго духовенства обусловило положительно-универсальное значеніе непосредственно слѣдующаго за ними и противостоявшаго имъ класса буржуазіи.

«Но въ Германіи ни одинъ отдѣльный классъ не обладаетъ ни той послѣдовательностью, ни той рѣзкостью, ни тѣмъ мужествомъ и безпощадностью, которыя могли бы сдѣлать изъ него представителя отрицательныхъ сторонъ общества. Равнымъ образомъ ни одному сословію въ Германіи недостаетъ той душевной широты, благодаря которой отдѣльный классъ можетъ хотя бы только на время, отождествить себя съ народнымъ духомъ; недостаетъ той геніальности, которая одухотворяетъ матеріальную силу и дѣлаетъ изъ нея политическое могущество; недостаетъ той смѣлости, которая позволяетъ бросить въ лицо противнику дерзкія слова: я ничего не составляю, а долженъ бы быть

---

[1]) «Терминъ и понятіе, заимствованные изъ философіи права Гегеля. Это понятіе соотвѣтствуетъ до извѣстной степени современному научному понятію общества въ противоположность государству, но и у Гегеля, и у цитируемаго автора имѣетъ *историческій* оттѣнокъ, сближающій «гражданское общество» съ «буржуазнымъ обществомъ».

всѣмъ [1]). Даже моральная самоувѣренность нѣмецкаго средняго сословія покоится только на сознаніи, что оно есть общій представитель филистерской посредственности всѣхъ прочихъ классовъ. Во Франціи частичное освобожденіе есть основа всеобщаго. Въ Германіи всеобщее освобожденіе есть conditio sine qua non всякаго частичнаго. Во Франціи дѣйствительность, въ Германіи невозможность постепеннаго развитія должна родить всю свободу. Во Франціи каждый классъ является политическимъ идеалистомъ: онъ чувствуетъ себя непосредственно не особеннымъ классомъ, а представителемъ соціальныхъ потребностей вообще. Роль освободителя такимъ образомъ въ драматическомъ движеніи переходитъ по очереди къ различнымъ классамъ французкаго народа, пока очередь, наконецъ, не дойдетъ до класса, который... всѣ условія человѣческаго существованія организуетъ на основѣ соціальной свободы. Въ Германіи же, наоборотъ, гдѣ практическая жизнь столь же мало одухотворена, какъ духовная жизнь мало практична, ни одинъ классъ гражданскаго общества не будетъ имѣть потребности и способности къ всеобщему освобожденію, пока онъ своимъ непосредственнымъ положеніемъ, матеріальной необходимостью не будетъ къ тому вынужденъ.

«Въ чемъ же заключается положительная возможность нѣмецкаго освобожденія?» спрашиваетъ нашъ авторъ и отвѣчаетъ: въ образованіи *предѣльнаго*, такъ сказать, класса—пролетаріата.

Другое условіе «освобожденія» мы уже знаемъ: это философія.

«Подобно тому какъ философія найдетъ въ пролетаріатѣ свое матеріальное оружіе, такъ же пролетаріатъ найдетъ въ философіи свое духовное оружіе, и когда молнія мысли основательно ударитъ (grundlich) въ эту наивную народную почву, тогда совершится освобожденіе нѣмцевъ, и они станутъ людьми (85). Единственно практически-возможное освобожденіе Германіи есть освобожденіе съ точки зрѣнія теоріи, которая человѣка объявляетъ высшимъ существомъ для человѣка [2]). Въ Германіи эмансипація отъ среднихъ вѣковъ возможна только вмѣстѣ съ эмансипаціей и отъ частичныхъ побѣдъ надъ средними вѣками Въ Германіи нельзя сломить ни одного рода рабства, не сломивъ всякое рабство. Основательная Германія не можетъ произвести крупныхъ перемѣнъ, не измѣняя положенія вещей до основанія. Освобожденіе нѣмца есть освобожденіе человѣка. Головой этого освобожденія является философія, сердцемъ—пролетаріатъ. Философія не можетъ осуществиться безъ уничтоженія пролетаріата, пролетаріатъ не можетъ уничтожить себя, не осуществивъ философіи».

---

[1]) Авторъ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду знаменитое заглавіе брошюры аббата Сіэса (1789): Qu'est ce que le Tiers-Etat? Tout. Qu'a-t-il été jusqu'ici? Rien. Que de mande-t-il? Devenir quelque chose».

[2]) Фейербаховская формула: homo homini deus.

Дальше было трудно идти въ идеализаціи и возвеличеніи философіи. Мы видимъ, что въ 1844 г. авторъ «Капитала» еще не выработалъ цѣликомъ тѣхъ взглядовъ, которые впослѣдствіи составили главное содержаніе его ученія. Онъ еще идеалистъ, хотя уже и понимаетъ, что идеи въ общественномъ развитіи получаютъ свое воплощеніе въ классовыхъ интересахъ и что исторія общества сводится къ исторіи классовой борьбы. Въ томъ «особенномъ пути развитія», который онъ конструировалъ тогда для своего отечества, на долю по крайней мѣрѣ одного общественнаго класса выпадаетъ вполнѣ опредѣленная роль—это развитіе для нашего автора не совершается въ чистой сферѣ идей и идеаловъ, внѣ той земной юдоли, въ которой копошатся антагонистическіе общественные классы. Въ его построеніи элементы реалистическіе даже уже преобладаютъ надъ утопическими, и великому мыслителю понадобилось меньше чѣмъ 2 года, чтобы окончательно очистить свое общественное міровоззрѣніе отъ утопизма, отдѣлаться отъ вѣры, что его отечеству суждено совершить историческое salto-mortale изъ убожества германскаго союза въ царство «реальнаго гуманизма».

Бывшій редакторъ «Rheinische Zeitung», газеты, которая по словамъ одной изъ ея литературныхъ противницъ, была «вѣрной ученицей» Гегеля, въ своей вѣрѣ въ общественную миссію нѣмецкой философіи не стоитъ одиноко. Идеализація философіи и ея общественной роли, выражавшаяся въ томъ, что на философіи основывались надежды на лучшее общественное будущее страны, проходитъ красной нитью черезъ всю германскую прогрессивную идеологію того времени. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, вліятельный въ то время писатель Карлъ Грюнъ: «Для Германіи идея истиннаго обобществленія возникла изъ философіи; общественная наука, необходимость свободнаго человѣческаго соединенія, является у насъ въ извѣстной степени послѣднимъ плодомъ древа познанія, которое наши мудрецы, начиная съ XVI вѣка, такъ старательно и заботливо ростили, конечно, не подозрѣвая нисколько современнаго его порожденія. Нѣмецкая философія еще принадлежитъ нѣмецкому народу, она есть его общее достояніе, какъ бы ни мало ему приходило въ голову заявлять претензіи на это достояніе. Быть можетъ, однако вскорѣ обнаружится, что тотъ же самый нѣмецкій народъ, капиталъ котораго до сихъ поръ находился въ завѣдываніи философовъ, начнетъ вдругъ интересоваться процентами; что онъ ощутитъ потребность въ зрѣломъ плодѣ, послѣ того какъ онъ дерево такъ долго предоставлялъ заботѣ своихъ садовниковъ. Да, это должно необходимо случиться. Нѣмецъ человѣкъ внутренній, философскій, или, что то же, человѣкъ внутренняго чувства (Der Deutsche ist ein *innerlicher* Mensch, ein *philosophischer*, oder war ganz dasselbe ist, ein *gemütlicher* Mensch). Не даромъ нѣмецкая философія пришла къ общественной наукѣ, не даромъ именно идея, а не внѣшняя потребность, какъ въ другихъ странахъ, привела нѣмцевъ къ убѣжденію въ томъ, какъ дурно и совершенно превратно было до сихъ поръ

устроено наше общество, какъ человѣка давили и задавляли условія жизни, вмѣсто того, чтобы подымать и возвышать. Это убѣжденіе, которое непосредственно оставляетъ царство голой и мертвой мысли, которое выводитъ философа изъ кабинета и ставитъ его посреди «убожества жизни», снова соединяетъ народъ съ его мыслителями, даетъ народу разомъ понять, какой прокъ вообще былъ въ философіи, и ведетъ народъ и философовъ, которые не противостоятъ больше другъ другу, по одному и тому же пути дальше» [1]). Здѣсь та же мысль, которая у автора «Критики философіи права» Гегеля была выражена съ такимъ блескомъ, выступаетъ передъ нами въ сѣромъ костюмѣ посредственной философской болтовни фельетоннаго характера. Идеалистическая гордость успѣхами нѣмецкой философской мысли и такая же идеалистическая вѣра въ ея великое общественное призваніе редактора «Deutsch-Französische Jahrücher» переходитъ у Грюна въ наивную похвальбу тѣмъ, что нѣмцевъ къ признанію неудовлетворительности даннаго общественнаго строя привела чистая «идея», а не «внѣшняя потребность», не рѣзко опредѣлившіеся интересы извѣстныхъ общественныхъ классовъ. Какъ *эта* похвальба происхожденіемъ извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ изъ чистой «идеи» напоминаетъ постоянныя указанія русскихъ идеологовъ народничества на идеализмъ и безкорыстіе неклассовой россійской передовой интеллигенціи! Не доказываетъ ли это сходство еще разъ, что на извѣстной ступени общественнаго развитія народолюбивая интеллигенція всегда обречена видѣть свою силу въ своей слабости?

Еще одно характерное мѣсто изъ литературы того времени, которое ярко иллюстрируетъ идеализацію философіи, какъ общественной силы. «Единственное респектабельное, что произвела Германія, это ея философія; что сверхъ нея, то отъ лукаваго. Такъ какъ новыя общественныя идеи за послѣднее время проявились также и въ Германіи, то ихъ слѣдуетъ или отнести къ области прочаго нѣмецкаго убожества, или же онѣ должны стоять въ необходимой связи съ философіей. Настоящей нашею задачею является не только на отдѣльныхъ нитяхъ обнаружить эту связь, но также показать, что вся нѣмецкая философія въ послѣдовательномъ своемъ развитіи необходимо приводитъ къ извѣстнымъ общественнымъ выводамъ», — такими словами нѣкто Францъ Шмидтъ начинаетъ свою статью «Die deutsche Philosophie in ihrer Entwiklung zum Sozialismus» (Püttmanns Deutsches Bürgerbuch, 1846, S. 57).

Итакъ мы видимъ, что мысль о возможности и необходимости для Германіи путемъ духовнаго переживанія перескочить стадіи политическаго и соціальнаго развитія, пройденныя другими странами,—мысль, впер-

---

[1]) Статья: «Feuerbach u. die Sozialisten» въ Püttmanns Deutsches Bürgerbuch. I. 1845.

вые вполнѣ опредѣленно высказанная авторомъ «Капитала» въ 1844 г., когда онъ еще не освободился отъ нѣкотораго утопизма,—повторяется многими другими прогрессивными идеологами. Эта мысль, или, вѣрнѣе, вѣра въ практическомъ отношеніи представлялась чрезвычайно опасной. Направляя все вниманіе на весьма абстрактно построенные конечные идеалы, она избавляла отъ необходимости и потребности разбираться въ условіяхъ дѣйствительности и легко приводила къ полному непониманію реальныхъ общественныхъ силъ и ихъ соотношенія и, въ связи съ этимъ, къ прямо преступному игнорированію самыхъ вопіющихъ жизненныхъ нуждъ тѣхъ группъ населенія, въ интересахъ которыхъ и строился конечный идеалъ.

С. Т. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«ХЛѢБЪ ВЕЗУТЪ».

(Въ лѣтопись голоднаго года).

ОЧЕРКЪ.

I.

Стоялъ жаркій іюльскій полдень. Небеса были чисты, безоблачны, и солнце жгло, какъ огнемъ. Земля дышала зноемъ, сохла въ камень и трескалась. Растительность умирала отъ жажды... Луга желтѣли поженной травою. Остатки ярового гибли подъ раскаленными лучами солнца, а по́лосы озимаго пестрѣли рѣденькимъ жалкимъ колосомъ.

Тамъ и сямъ на ржаномъ полѣ краснѣли бабьи платочки и синѣли пестрединныя рубахи мужиковъ: то жители деревушки Безводной собирали скудную жатву...

Рожь была настолько плоха, что жать ее не было возможности. Рѣдкій и низенькій колосъ дергали руками, какъ ленъ, и только мѣстами, гдѣ она родилась погуще и повыше, косили... На межѣ скучилось малолѣтнее населеніе деревушки: въ маленькихъ телѣжкахъ и прямо на травѣ барахтались грудные ребята. Они отчаянно брыкались ноженками, отбиваясь отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ и „увакали“... А около нихъ копошились подростки, тщетно унимавшіе отъ слезъ своихъ сестренокъ и братишекъ, угощая ихъ жевкою ихъ ржаныхъ зеренъ...

Петруха, свернувъ съ дороги, пошелъ по межѣ. Онъ велъ за руку пятилѣтнюю дѣвченку и шагалъ тихо, о чемъ-то размышляя... На желтомъ изборожденномъ морщинами лицѣ его застыла грустная мина, отпечаталось выраженіе полной безнадежности. Петрухѣ не хотѣлось идти въ деревню, въ свою избу. Онъ былъ бы радъ совсѣмъ не являться туда, но такъ какъ это было невозможно, то онъ старался протянуть время.

Тяжело было на душѣ у Петрухи. Тоска сосала ему сердце, и некуда было уйти отъ нея... Не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій—тошно!... Руки опускаются, кости болятъ, брюхо ноетъ... Повалился бы наземь да такъ и не всталъ бы, на все плюнулъ бы...

Либо ушелъ бы куда-нибудь на край свѣта, въ чужую сторону, все бы изъ башки выкинулъ, всѣ думы, всѣ заботы, все, что не даетъ покоя... Всѣхъ бы бросилъ: и избу, и коровенку, и мертваго Митьку... Пусть, какъ хотятъ... Какъ-нибудь тутъ сдѣлаются, а онъ... Все равно, хуже этого не будетъ... Жена?.. Вмѣстѣ не суждено жить. Кто знаетъ, что будетъ? Живетъ она въ городу, въ чужихъ людяхъ, далеко... Да и что проку? Теперь ужъ не оправишься... Лошаденки нѣтъ—ни пахать, ни боронить, засѣять нечѣмъ, да и силушки не хватаетъ... Жрать нечего... Прійдетъ осень—холода наступятъ... Одежонки нѣтъ... Ребятенки ревутъ, жрать просятъ. Они, глупые, не понимаютъ, имъ давай! А гдѣ возьмешь?..

Долго плелся Петруха до околицы, а какъ увидѣлъ ее,—вздрогнулъ, словно чего-то испугался: онъ думалъ, что идти еще далеко, а тутъ вдругъ прямо передъ глазами и ворота, и прясла, и сторожка...

Печально выглядѣла деревушка. Единственная улица ея была пустынна и заброшена. Нѣкоторыя избенки были покинуты и какъ-то задумчиво смотрѣли своими наглухо забитыми окнами... Кругомъ было тихо и сонно... Казалось, деревушка вымерла... Не скрипятъ ворота, не слышно мычанія коровъ, визга поросятъ, по дорогѣ не бѣгаютъ взапуски бѣлоголовые ребятишки... Изрѣдка только черезъ улицу перебѣжитъ тощій поджарый кобель, да неунывающіе воробьи пронесутся стайкой съ оживленнымъ чириканьемъ съ прясла на крышу...

Петруха съ Агашкой дошли до дому и вошли въ избу... На лавкѣ у окна лежалъ Митька въ полинявшей кумачевой рубашкѣ. Его худое мертвое личико смотрѣло полураскрытыми глазами серьезно и озабоченно... Русая головка растрепалась. Животъ раздуло... Изъ-подъ рубашенки торчали тонкія, какъ лутошки, ноженки... Руки были сложены на груди... Множество мухъ облѣпило мертваго ребенка, разгуливая по его лицу и ручепкамъ. Слабый вѣтерокъ, врываясь въ разбитое окно, игралъ русыми локонами Митьки, а пучокъ солнечныхъ лучей скользилъ по его губамъ и подбородку...

Въ избѣ было душно, смрадно... Пахло трупомъ. Изъ клѣти доносился отчаянный ревъ больной Акульки.

— Дочка! Подь, дай Окулькѣ испить! — слабымъ больнымъ голосомъ сказалъ Петруха, присѣвъ на конпикъ, гдѣ стоялъ новенькій наскоро сбитый гробикъ для Митьки.

Петруха посмотрѣлъ на этотъ бѣлый ящикъ и вздохнулъ. „Малъ,

низокъ... животъ-отъ вздулся... новый надо сдѣлать“, — подумалъ Петруха. Онъ пошелъ было на дворъ—поискать подходящихъ досокъ для новаго гробика, да вернулся и подошелъ къ Митькѣ! „Прикинуть надо,—брюхо-то большое“.

Отецъ подошелъ къ Митькѣ и задумался...

Долго и пристально смотрѣлъ онъ въ мертвое лицо своего сына... О чемъ онъ думалъ? Думалъ ли онъ о томъ, гдѣ взять подходящихъ досокъ для гроба и тридцать копѣекъ на отпѣваніе Митьки? Жалѣлъ ли онъ Митьку или радовался за него, радовался, что Митька не хочетъ и никогда болѣе не захочетъ уже ѣсть?..

Долго Петруха стоялъ передъ трупомъ ребенка и тупо, сосредоточенно смотрѣлъ въ личико страдальца... Смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока въ избу не вошла Агашка и гнусаво не затянула:

— Тять! А тять!.. Окулька жрать проситъ!..

Тогда Петруха оторвалъ глаза отъ Митьки.

— Гдѣ я вамъ возьму?!—сказалъ онъ и тихо заплакалъ...

Заплакала, глядя на отца, и Агашка.

Солнышко привѣтливо заглядывало черезъ оконницу и цѣловало мертваго Митьку въ губы, а вѣтерокъ игралъ его русыми волосенками...

Вечеромъ пришла Акулина и принесла для Митьки новую рубаху изъ бѣлаго холста. Она же обмыла грязнаго мальчугана и обрядила его...

Петруха уволокъ отъ забора Николая Епифановича большую доску и сдѣлалъ новый гробикъ для сына. Въ гробикъ постлали соломки, уложили Митьку и поставили на столъ въ передній уголъ... Помолились передъ образомъ и поклонились Митькѣ въ ноги... Въ шабрахъ дали два огарка желтыхъ восковыхъ свѣчъ. Зажгли ихъ и поставили одинъ передъ Николаемъ Угодникомъ, другой въ головахъ Митьки...

Солнышко сѣло. Изъ поля народъ пошелъ, заходить въ избу стали... И всѣ молились за упокой „новопреставленнаго младенца Митрія“, всѣ желали ему царства небеснаго и всѣ кланялись Митькѣ въ ноги...

А отецъ стоялъ въ сторонкѣ и угрюмо исподлобья смотрѣлъ въ передній уголъ...

— Когда понесешь хоронить?—спрашивали Петруху.

— Не знай... Гроша мѣднаго нѣтъ...

— Ты сходилъ бы къ Миколаю Епифановичу!..

— Не даетъ... Коровенку бы продалъ, да некому...

— Сходи къ нему... У Косого борова взялъ...

На другой день утромъ Петруха пошелъ къ Николаю Епифанычу.

— Что нужно? Поди, опять клянчить? Нѣтъ ничего!

— Нѣтъ, нашто клянчить... Коровенку не купишь ли?.. Стельна!

— Куда мнѣ?..

— Прасолу продашь... Мнѣ деньги больно нужны,—ждать-то несподручно...

— Тощая?

— Тоща-то тоща, только все-таки хорошая корова... Покормишь—оправится... Ежели ее теперь кормить по-божески, она, знашь, какая корова!.. Задешево отдамъ...

— А сколько?

— За шестерку возьми...

— Еще сдохнетъ... Трешну хошь!

Николай Епифанычъ махнулъ рукой и пошелъ прочь.

— Возьми за пятерку!..

— Трешна!

— Стельна вѣдь!.. Накинь рублевку!

— Ну, чатыре цалковыхъ... Тебѣ хлѣба надо?

— Какъ же безъ хлѣба?!.

— Такъ вотъ: три пуда ржаной хошь?

— Мнѣ бы деньжатъ маленько...

— Ну, два пуда и цалковый, несъ съ тобой!.. Веди на дворъ,—я погляжу... Можетъ, хворая, сдохнетъ...

— Какъ можно!.. Тоща только. Покормишь,—оправится...

Петруха вышелъ.

Два пуда муки и еще въ придачу цѣлковый,—это показалось теперь Петрухѣ такимъ богатствомъ, что онъ разомъ повеселѣлъ и бодро зашагалъ къ дому.

Бурена стояла подъ повѣтью и апатично смотрѣла въ пустую колоду, задумчиво похлестывая грязнымъ усаженнымъ рѣпьями хвостомъ по впалымъ бокамъ... Петруха подошелъ къ ней, похлопалъ ее по спинѣ рукой и накинулъ на шею веревку. Агашка подала мѣшокъ для муки. Петруха взялъ его подъ мышку и повелъ со двора остальную животину...

Агашкѣ было жалко Бурену. Дѣвченка вышла за ворота—провожать и долго, пока Петруха съ Буреной не скрылись подъ горкой,—смотрѣла, закусивъ палецъ...

Петруха благополучно сдалъ корову и вернулся съ мукой и деньгами...

Петруха помолился, потомъ пошелъ въ клѣть къ Акулькѣ. На Петруху вдругъ нахлынула какая-то нѣжность къ ребятамъ, чего давно уже не бывало... Войдя въ клѣть, онъ подсѣлъ на полъ къ больной дѣвчонкѣ и сталъ ее гладить своей мозолистой рукой по головѣ.

— Не плачь, дочка! Завтра хлѣба испечемъ—Митьку поминать будемъ...

— А ты седни испеки! Я ѣсть хочу!..

— Погодь маленько!.. Вотъ завтра... Пораньше вставай! Я тѣ вотъ какой ломоть, во весь коровай, отрѣжу... да посолю!.. Акулька перестала ревѣть. Она только пожелала, чтобы Агашка сейчасъ же пришла въ клѣть и легла спать съ ней рядомъ...

— Пущай лягитъ вотъ тута... Гдѣ она?

— Погодь, придетъ... Завтра, чуть свѣтъ, печь затопимъ... я тебѣ вотъ какой ломоть отхвачу, во весь коровай!..—приговаривалъ Петруха и утиралъ своей рукой грязный носъ Акулькѣ...

Пришла „съ гороховъ“ Агашка и принесла стручковъ.

— Хошь, тятька?

— Окулькѣ дай!

Агашка отсыпала кучу стручковъ отцу и пошла къ сестренкѣ.

— Ложись, Агашка!.. Чаво ты убѣгла?..—встрѣтила ее Акулька.

— Хошь?

— Хочу...

— Стручки... А вотъ ягоды... Кра-а-сны!.. Сла-а-а-дки!..

— Давай!..

И Агашка накормила Акульку „волчьими ягодами“...

На другой день, не взошло еще солнце, пришла Акулина и стала возиться около печки.

Петруха надергалъ у сосѣдей изъ прясла кольевъ и затопилъ печь, потомъ сталъ собираться въ село — Митьку „хоронить“. Онъ обулся въ новые лапти, расчесалъ голову, надѣлъ чистую рубаху.

Когда солнце взошло, Петруха разбудилъ Агашку:

— Дочка! вставай! Подь, простись съ Митькой! Поцѣлуй его!

Агашка торопливо встала и пошла въ избу.

— Помолись, дочка!

Агашка перекрестилась и, вставъ на лавку, поцѣловала Митьку въ лобъ.

— Вотъ умница!.. Еще поцѣлуй!... Три раза!..

Агашка поцѣловала Митьку еще два раза, а Петруха пошелъ въ клѣть, взялъ на руки сонную Акульку и принесъ ее въ избу,

тоже „прощаться“... Онъ ткулъ ее лицомъ въ Митькины губы и сказалъ за нее:

— Прощай, братецъ Митенька!..

Акулька заплакала.

— Не плачь, дочка! Ужо хлѣбъ испечемъ... Я тебѣ, знаешь ли, какой ломоть отворочу?! Посолю-ю!.. Не плачь!..

Петруха отнесъ Акульку въ клѣть и положилъ, а самъ вернулся въ избу.

Помолившись предъ божницей, онъ трижды бухнулся Митькѣ въ ноги, перекрестилъ его и нѣсколько разъ поцѣловалъ, приговаривая:

— Прости насъ! Царство тебѣ небесное, сердечный!..

Потомъ простилась Акулина. Она всплакнула и, когда Петруха забивалъ крышку гробика, стояла у косяка чулана и утирала рукавомъ слезы...

— Ну, съ Богомъ!.. Господи, благословили!.—произнесъ Петруха, взялъ гробикъ и пошелъ изъ избы...

Петруха возвращался съ кладбища сосѣдняго села. Онъ схоронилъ Митьку и за всѣми расходами имѣлъ еще гривенъ шесть денегъ.

День былъ воскресный. Только что отошла обѣдня. Около трактира, на площади, толпились мужики; парень съ гармоникой сидѣлъ на лавочкѣ у трактира и грызъ сѣмечки. Петрухѣ хотѣлось ѣсть, но, когда онъ примѣтилъ кабакъ, ноги самовольно заворотили къ нему... „Выпью стаканчикъ, Митьку помяну...“ подумалъ Петруха, засунулъ руку въ карманъ и позвенѣлъ мѣдяками...

Выпитый стаканчикъ водки за семь копѣекъ ожегъ пустой желудокъ Петрухи, и хмель сразу бросился ему въ голову... Повеселѣй маленько стало на душѣ, и, поразмысливъ, Петруха рѣшилъ выпить еще одинъ стаканчикъ „за пять“... Выпилъ, поспдѣлъ, съ мужиками поговорилъ. Пожаловался на свое житье-бытье, разсказалъ, что у него Митька померъ, а жена—въ городу и не знаетъ ничего... Послушалъ и чужихъ рѣчей... Узналъ, что въ село недавно пріѣхалъ земскій начальникъ и что онъ самолично бесѣдовалъ съ народомъ на площади... Не велѣлъ пьянствовать, а работать, приказалъ шапку передъ всѣми господами скидавать, а главное, скверными словами не ругаться на улицахъ... Здѣсь же, въ трактирѣ, Петруха узналъ и радостную новость, что къ становому въ слободу Отрадную отъ исправника хлѣбъ привезли—

тысячу пудовъ муки—и что муку эту раздавать народу будутъ... Совсѣмъ повеселѣлъ Петруха. „Можетъ, какъ-нибудь поправимся“, подумалъ онъ и выпилъ еще стаканчикъ за пять...

Цѣлый часъ терся Петруха въ трактирѣ—все говорилъ да слушалъ... Когда онъ вышелъ оттуда, чтобы двинуться домой, время близилось уже къ полудню.

— Ну, прощай! Богъ съ тобой!—сказалъ Петруха, обернувшись къ кладбищу, перекрестился на церковь и зашагалъ...

При выходѣ изъ села Петрухѣ вдругъ пѣть захотѣлось, и онъ затянулъ:

Эхъ, ты, Ваня, разудала твоя голова!..

Да затянулъ такъ громко, что пѣсню услыхали въ барскомъ домѣ, что стоялъ на пригоркѣ, весь въ садахъ...

— Не ори!—крикнулъ выбѣжавшій изъ воротъ мужикъ съ жестяной бляхою на груди.

— А что мнѣ не орать-то?—отвѣтилъ Петруха и опять залился:

Разз-удала-яяя, головушка твоя-я-я!.

Десятскій подбѣжалъ и далъ Петрухѣ тычокъ въ спину. Петруха тоже ударилъ десятскаго. Выбѣжали еще мужики. Петруха сталъ скверно ругаться. Его сгребли въ охапку и притащили къ полисаднику...

За столикомъ, въ тѣни акацій, какой-то баринъ въ халатѣ сидѣлъ и газету читалъ. Передъ бариномъ стоялъ самоваръ... Баринъ всталъ и началъ кричать на Петруху. Петруха обидѣлся.

— А позвольте спросить,—сказалъ онъ:—кто такой вы будете?

Но баринъ не сказалъ Петрухѣ, кто онъ такой, и только въ кутузкѣ Петруха узналъ, что это и есть пріѣхавшій недавно земскій начальникъ...

Продержали Петруху долго, но онъ не скучалъ и не просился. „Некуда торопиться, поспѣю“... Нашлись сотоварищи, и въ кутузкѣ было весело, тѣмъ болѣе, что здѣсь нашелся мужичокъ, который божился, что „своими глазаньками“ видѣлъ, какъ на двадцати подводахъ къ становому хлѣбъ провезли... Обсуждали „хлѣбный вопросъ“, спорили, горячились и не замѣтили, какъ за разговорами время прошло... Только жрать больно захотѣли, а то хоть бы еще столько же просидѣть!..

Часовъ въ пять нѣкоторыхъ выпустили: однихъ такъ, другимъ „острастку дали“. Петруха попалъ въ число послѣднихъ. Но онъ такъ былъ занятъ мыслью о привезенномъ къ становому хлѣбѣ, что легъ подъ розги съ самоотверженностью Муція Сцеволы, крик-

нувъ „валяй!..“ А когда экзекуція была окончена, онъ проворно оправилъ свой незатѣйливый костюмъ и переспросилъ поровшаго его десятника:

— Тысячу пудовъ, говоришь? Не больше?

— Тысячу,—отвѣтилъ тотъ, складывая прутья.

— На всю волость?

— Не знай... Можетъ, и на уѣздъ.

— Мотри, на волость? На уѣздъ чего тутъ!.. По кусочку не достанется...

И съ надеждою, что привезенная къ становому мука предназначена именно для той волости, гдѣ проживаютъ *они*, Петруха помолился Господу и пошелъ домой...

Чѣмъ ближе Петруха подходилъ къ родной деревушкѣ, тѣмъ настойчивѣе убѣждалъ себя, что мука привезена для нихъ.

— Безпримѣнно намъ... Мы давно мякину да отруби жремъ... разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Такъ что, когда Петруха вошелъ въ околицу, онъ безповоротно рѣшилъ уже, что мука—для нихъ, а потому и не стерпѣлъ, чтобы не подѣлиться этою радостью со своими однодеревенцами:

— Эй! Кто дома?—крикнулъ Петруха подъ окнами первой же избенки, постукивая надожкомъ въ ставень.

— Кого надо? Что еще?—отвѣтилъ чей-то недовольный, озлобленный голосъ.

— Скажи: „слава Богу!“ Хлѣбъ намъ везутъ! Даровую мучку!..

— Ну? что ты?

— Вѣрно!.. Отъ казны... способіе... тысяча пудовъ!

— Не врёшь?

— Вотъ тѣ и „врешь!“ Самъ лучше соври!—отвѣтилъ Петруха и началъ дѣйствительно уже подвирать, будучи не въ силахъ остановить необузданную фантазію голоднаго брюха:

— Субсидія! По тысячѣ пудовъ на волость... Можетъ, потомъ прибавка будетъ, потому чаво тутъ на всю волость? А покудова—тысяча... Мука хоррошая!.. Сух-хая!!..

Изъ окна уже торчали нѣсколько головъ, одна надъ другою... Всѣ обитатели избенки старались какъ можно болѣе высунуться изъ окна, чтобы посмотрѣть на принесшаго столь радостное извѣстіе человѣка.

— Да ты что долго ходилъ?

— Земскій пымалъ... Поролся...

— Въ какой плепорціи?

— Чаво?

— Да хлѣбъ-отъ?

— Говорю, тысяча пудовъ! Оглохъ, что ли?..

— Вѣрно ли?—допытывались бабы.

— Самъ земскій сказывалъ... врать не будетъ... Ну, идтить надо домой... Взопрѣлъ...

— Испить не хошь ли?—предложила баба.

— Давай! Да махонькій кусочекъ хлѣбца прихвати!.. Чаво-то въ горлѣ сухо... Съ хлѣбомъ-то лучше продеретъ...

— Бабы! хлѣбъ-отъ есть?.. Прихватите маленько!

Скоро изъ окна выставился ковшъ воды, а на немъ—посоленый ломоть чернаго хлѣба.

— На-ка, родимый!

Петруха быстро съѣлъ весь хлѣбъ, отпилъ маленько воды, вытеръ усы и, выплеснувъ изъ ковша оставшуюся воду, сказалъ: „спасибо“, перекрестился и пошелъ далѣе.

По дорогѣ онъ порадовалъ еще одну избенку, въ окно которой смотрѣла баба!

— Матрена!

— Ась?

— Скажи: „слава Богу!“

— Нашто?

— Хлѣбъ везутъ... Субсидія... Раздавать намъ будутъ... Тысяча пудовъ!—прокричалъ Петруха, не останавливаясь.

— Что ты?! Погодь-ка! Подойди къ окну!

— Неколь... Вѣрно ужъ! Самъ земскій сказывалъ...

— А ты постой! Я мужику скажу...

— Неколь! домой надо! Въ глоткѣ саднитъ...

Прійдя домой, Петруха бросилъ картузъ на лавку и легъ на конникъ. Онъ сильно усталъ.

— Ты что, тятька, долго? Окулька совсѣмъ помиратъ... Рветъ её,—сказала Агашка.

— Ничаво, протерпитъ... Скоро муку привезутъ... А хлѣбъ испекли?

— Испекли... Нешто, не слышишь духъ-то?

— Гдѣ онъ?

— Въ чуланѣ... Я принесу...

— Принесь, дочка!

Агашка принесла коровай. Петруха распоясался, сѣлъ къ столу, перекрестился, отрѣзалъ большой ломоть, круто посолилъ и сталъ съ жадностью уничтожать его.

— А Окулькѣ давала?

— Давала... Не жретъ... Рвётъ ее...

— Оправится... Недолго... — говорилъ Петруха, уписывая за обѣ щеки...

Радостная вѣсть, принесенная поротымъ Петрухою въ деревушку, распространилась съ быстротой молніи.

Никогда еще здѣсь не было такой радости, такого подъема духа, такого оживленія, какъ на другое утро послѣ прихода домой Петрухи.

На улицѣ бѣгали рысцей бабенки съ грудными ребятишками. Подъ окнами шла оживленная бесѣда: здѣсь всесторонне обсуждался „хлѣбный вопросъ“... Мужики ходили быстро, проворно и перестали охать и накидываться на бабъ. Радостное извѣстіе подняло упавшій духъ безводнинскаго населенія. Всѣ ожили, пріободрились, сбросили гнетъ мучившей мысли о голодѣ... Тамъ и сямъ, у завалинъ, собирались кучки крестьянъ и спорили о тысячѣ пудахъ муки...

— Васянька! бѣги на поле, скажи тамъ, чтобы шли... Сходъ, молъ, сбивать будемъ... Хлѣбъ скоро привезутъ!..

— Робята! Надо самого Петруху спросить... Все самимъ-то услыхать безопаснѣй... Больно по-разному народъ-то болтаетъ...

— Извѣстно, самъ-отъ вѣрнѣй разскажетъ... Позвать надо Петруху.

— Зовите самого!

Изъ поля торопливо бѣжали въ деревню, словно боялись, что безъ нихъ тутъ съѣдятъ всю тысячу пудовъ... Народъ сбился въ кругъ. Привели Петруху, поставили въ средину и стали внимательно слушать, что онъ скажетъ.

А Петруха путался: по его разсказу, который онъ повторилъ уже нѣсколько разъ, можно было принять съ достовѣрностью только два положенія: что Петруху выдрали—это во-первыхъ, и что къ становому привезена мука для раздачи народу—это во-вторыхъ... А кому мука именно предназначена и „въ какой плепорціи“ — этого понять было совершенно невозможно.

— Сперва въ трахтерѣ болтали, а потомъ, какъ я, значитъ, въ каталажкѣ сидѣлъ, доподлинно узналъ, что тысяча пудовъ... А опосля, какъ, значитъ, выдрали, я и спрашиваю: зачѣмъ мука? На какой предметъ?—пояснялъ Петруха, жестикулируя лѣвой рукою...

— Ты говорилъ,—прибавка будетъ?

— Это дѣйствительно... Народу, говоритъ, велѣно раздавать... Ну, я подвязалъ гашникъ и пошелъ...

— Самъ земскій сказывалъ?

— Самъ... Только, значитъ, не мнѣ... Я самъ-отъ не посмѣлъ его спросить... Отрадинскій десятникъ говорилъ... Тысяча пудовъ... Къ становому, а отъ него въ правленье, по волостямъ...

— На всю волость, али намъ только?

— И намъ, стало быть... Какъ меня выдрали, я и спрашиваю...

Такъ ничего и не поняли. По словамъ Петрухи выходило, что муку прислали имъ, а кому именно—совсѣмъ не выходило... Сперва Петруха говорилъ, что вся мука должна достаться имъ, а потомъ такъ, что она прислана на всю волость; сперва говорилъ, что будетъ прибавка, а потомъ—что всего, съ прибавкой, тысяча пудовъ.

Одинъ изъ слушателей, тщетно старавшійся разобраться въ этой путаницѣ, вышелъ изъ терпѣнія, плюнулъ и со злостью сказалъ:

— Мало тебя тамъ драли, вотъ что! Не всю дурь-то выколотили...

— Какого лѣшаго! Ничего не разберешь...

— Говори толкомъ!

— Я и говорю тебѣ: еще допрежде того, какъ мнѣ пороться...

— А ну, тебя!.. Нарочнаго надо послать! Хорошенько узнать...

— Нарочнаго!

— Нарочнаго!

Порѣшили отправить нарочнаго прямо къ становому, чтобы на мѣстѣ разузнать все доподлинно...

— Пущай Петруха и ѣдетъ! Онъ тамъ знатъ...

— Нашто, Петруха? Вишь, онъ спутался... Кого-нибудь посмѣлѣе!

— Митрія Косого!

— Митрій! Гдѣ Митрій?..

— На чемъ я поѣду?..—отвѣтилъ голосъ изъ толпы.—Жену, что ли осѣдлаю?..

— На моемъ жеребчикѣ смахашь!..

— Чаво тутъ... Надо прямо подводы наряжать... Коли што, пускай везутъ прямо... Кому же?.. Не становой же съѣстъ ее, тысячу-то пудовъ?..

Поднялось галдѣніе. Стали считать сколько въ деревнѣ лошадей. Оказалось,—только восемь головъ.

Какъ ни трепали „хлѣбный вопросъ“, а въ концѣ концовъ все-таки пришли къ необходимости послать къ становому нарочнаго. Митрій Косой, расторопный и юркій мужичокъ съ кудрявой головой и съ косымъ глазомъ, былъ избранъ посломъ къ становому.

Привели сиваго жеребчика.

— Повремените, я поѣмъ маленько...—заговорилъ было Митрій Косой, но кто-то ужъ догадался: принесъ Митрію ломоть хлѣба.

— Садись и махай!

— Счастливо!

— Пораспрошай хорошенько! Похлопочи, чтобы всю тысячу!..

— Пухнемъ, молъ!..

Митрій Косой вскочилъ на жеребенка, хлыстнулъ кнутомъ лошадку и поскакалъ галопомъ вдоль улицы. Его босыя ноги свѣсились низко и хлопали лошаденку по животу; руки прыгали въ локтяхъ, какъ бы подсобляя лошаденкѣ скакать галопомъ...

— Проворнѣй, кульеръ!..—напутствовалъ Митрія голосъ изъ толпы.

Митрій Косой ускакалъ, скрылся... А мужики не расходились, продолжая обсуждать „хлѣбный вопросъ“...

Долго не спали въ этотъ памятный день въ деревнѣ Безводной. Долго по завалинамъ сидѣли мужики и бабы, и все говорили о субсидіи. На улицѣ было шумно, слышался говоръ, смѣхъ, а гдѣ-то, на другомъ концѣ, даже пискнула въ этотъ вечеръ и вятская гармоника...

А Петрухѣ и совсѣмъ не привелось уснуть въ эту ночь: Акулька совсѣмъ расхворалась: билась въ жару, стонала... Ее мучила неутолимая жажда и одолѣвала рвота. Отецъ поилъ ее водой, залѣзалъ ей въ ротъ своимъ грязнымъ, закорузлымъ пальцемъ, бралъ на руки, качалъ, предлагалъ ломоть хлѣба и сулилъ завтра напоить молокомъ... Акулька ничего не понимала...

Зато Агашка спала въ свое удовольствіе... Она туго набила сегодня брюхо свѣжимъ хлѣбомъ и свистѣла носомъ на всю избу...

Только на свѣту Акулька успокоилась и уснула.

Тогда Петруха осторожно положилъ ее на конникъ, а самъ брякнулся на полу, рядомъ, и заснулъ, какъ мертвый.

Прошла ночь, прошелъ еще день,—и все рушилось.

Всѣ надежды Петрухи и всѣхъ голодныхъ брюхъ разбились въ дребезги... Пріѣхалъ отъ станового Митрій Косой, сердитый, озлобленный, и съ руганью и проклятіями объявилъ, что Петруха „нагородилъ“.

Муку дѣйствительно прислали, но вовсе не тысячу, а всего сто пудовъ и предназначалась она вовсе не для нихъ...

И разсѣялись, какъ дымъ, мечты и фантазіи голодныхъ брюхъ... Своего „запасу“ у Петрухи осталось мало: роздалъ взаймы по фунтамъ съ условіемъ, „чтобы не задарживать“... Акулька помирала, а Агашка маялась брюхомъ...

А къ окну безпрестанно подходили однодеревенцы и ругали Петруху за то, что онъ зря народъ смутилъ и вздоры нагородилъ...

— Словно махонькій!.. Нагородилъ...

— Тысячу пудовъ!.. Дуракъ!..

Петруха молчалъ и не оправдывался. Онъ такъ былъ пришибленъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, такъ упалъ духомъ и тѣломъ послѣ кратковременнаго нервнаго возбужденія подъ вліяніемъ „тысячи пудовъ“,—что не могъ теперь даже и говорить, не хотѣлось, языкъ не ворочался...

И опять у Петрухи засосало подъ сердцемъ, опять заболѣли кости, заныло брюхо и опять стало тошно смотрѣть на свѣтъ Божій... А тутъ еще пристаютъ и попрекаютъ... До того дошло, что даже и Акулина, которой Петруха отдалъ почти половину своего „запаса“ до получки способія, пришла и стала скулить надъ ухомъ:

— Налилъ зенки-то, вотъ тебѣ и померещилась тысяча пудовъ... Сынъ померъ, а онъ прямо въ кабакъ!.. Бога въ васъ нѣтъ...

— Отвяжитесь!—закричалъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія Петруха и ушелъ изъ избы.

Онъ прошелъ задами на огородъ и легъ здѣсь подъ таломъ. Петрухѣ никого не хотѣлось видѣть и ничего не хотѣлось слышать: ни Акулиныхъ попрековъ и брани, ни стона умиравшей Акульки, ни плача больной Агашки... Петруха лежалъ на брюхѣ и пряталъ свою физіономію въ травѣ... Онъ думалъ... Думалъ о томъ, куда уйти, что дѣлать и какъ теперь быть? „Плюнулъ бы на все и ушелъ въ городъ... Жену повѣдалъ бы... Если бы не ребята, сейчасъ всталъ и ушелъ бы... А съ ними куда? Ежели Окулька помретъ,—возьму Агашку и уйду“, думалъ Петруха. „Пойдемъ въ городъ, къ женѣ... Какъ-нибудь перебьемся. А избенку продать... Кому только ее нужно?.. Что въ ней, въ избѣ-то, если жрать нечего?...“

И тутъ въ его головѣ блеснула счастливая мысль: сжечь избу и получить за нее отъ земства вознагражденіе... „Сожгу избу, выдадутъ деньги,—возьму Агашку и уйду... Окулька помретъ, чуть жива...“

Долго пролежалъ Петруха на огородѣ и все думалъ. А чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ подробнѣе развивалъ свой планъ... Голодное брюхо снова пустилось фантазировать, и впереди рисовалась заманчивая картинка:

Петруха служитъ дворникомъ или кучеромъ, а жена въ томъ же домѣ куфаркой... Живутъ они вмѣстѣ, на кухнѣ. Съ ними и Агашка... Живутъ хорошо, дай Богъ всякому такъ пожить!.. Каждый день варево... Всѣмъ довольны, ничѣмъ не обижены, нечего Бога гнѣвить... А Акулька помретъ...

Акулька дѣйствительно не заставила себя долго ждать: на огородъ пришла хворая Агашка и съ плачемъ сообщила, что Акулька, вѣрно, померла: „холодная и не дышитъ...“

— Богъ съ ней!—сказалъ Петруха, поднялся на ноги, взялъ за руку Агашку и пошелъ въ избу.

Акулька померла.

Опять пришла изъ шабровъ Акулина и опять началось обряжаніе. Петруха смастерилъ еще гробикъ. Теперь онъ не вздыхалъ и не жалѣлъ ребенка, а ходилъ молчаливый, задумчивый и все о чемъ-то размышлялъ...

— Ты что, Петруха?—спросила какъ-то Акулина.

— Ничаво...

— Что ты все молчишь?

— А чаво мнѣ болтать-то?..

И больше ни словечка... Ушелъ въ сѣни, а оттуда на огородъ. Акулина испугалась—пошла присмотрѣть, куда пошелъ Петруха и зачѣмъ... Заглянула въ щель подъ повѣтью, смотритъ: Петруха лежитъ подъ таломъ... Успокоилась Акулина, однако, на всякій случай сообщила въ сосѣдяхъ, что съ Петрухой что-то неладно: нелюдимый сталъ, не говоритъ, бурчитъ только себѣ въ бороду и все на огородъ ходитъ, подъ таломъ валяется...

Какъ бы грѣха не вышло... Руки на себя не наложилъ бы...—замѣтила Акулина, и всѣ рѣшили, что за Петрухой надо присматривать...

Была глухая полночь. Ноченька выдалась темная - темная, хоть глазъ выколи!.. Въ деревнѣ всѣ спали. На улицѣ не было ни души...

Только Петруха не спалъ... Онъ валялся на конникѣ и чесался, все ждалъ чего-то... Агашка спала съ нимъ рядомъ, а Акулька давно уже покоилась въ сырой землѣ...

Тихо, осторожно Петруха спустилъ ноги на полъ и прислу-

шался: кругомъ такая тишь, что слышно, какъ жужжитъ спугнутая Петрухой муха и какъ дышитъ больная Агашка...

Петруха всталъ и пошелъ. Приблизившись къ печкѣ, онъ сталъ что-то нащупывать, шарить... Потомъ опять прислушался и пошелъ... Выйдя на дворъ, Петруха посмотрѣлъ на небо и направился на зады... Пролѣзъ на огородъ и, крадучись, поползъ туда, гдѣ на крышѣ повѣти осталась еще солома...

Только Петруха зажегъ спичку, какъ рядомъ на дворѣ хрипло залаяла собака...

Петруха мигомъ задулъ спичку и припалъ къ землѣ... Оправившись отъ испуга, онъ осмотрѣлся вокругъ и прислушался: все тихо... Опять приподнялся Петруха и вздулъ спичку...

— Чаво дѣлашь, мошенникъ!—раздался вдругъ надъ ухомъ Петрухи хриплый сердитый голосъ, и кто-то навалился на него всѣмъ тѣломъ.

— Васька! Сюда! Поджигатель!

Петруха не сопротивлялся. Навалившійся парень ударилъ его по лицу. Прибѣжалъ Васька и тоже ударилъ. Взбулгачили народъ.

— Ахъ ты, окаянный... — приговаривалъ парень, стягивая руки Петрухи веревкою:—Кабы я не спалъ на огородѣ, что бы было? Спалилъ бы?..

— Кого пымали?

— Поджигателя... Петруха...

— Ну?!.

— Окаянный попуталъ, сгубилъ лукавый...—слабо бормоталъ Петруха и даже не просилъ отпустить:—Вяжите, братцы, вяжите... Крѣпче, братцы...—шепталъ онъ и всхлипывалъ...

На другой день поутру Петруху повезли къ становому. Собравшійся народъ провожалъ его руганью и насмѣшками. Припомнили и „тысячу пудовъ“.

— Вотъ тѣ и тысяча пудовъ!.. Поди-ка вотъ теперь къ становому-то, поговори съ нимъ...

Петруха сидѣлъ, опустивъ низко голову, на телѣгѣ и упорно отмалчивался. Агашка плакала и просилась къ отцу:

— Тять!.. а тять!.. И я съ тобо-й...—выкликала она сквозь слезы, но Акулина крѣпко держала Агашку за руку и не пускала:

— Куда, дура, рвешься?.. Не реви!.. Съ нимъ нельзя: его къ становому...

— И меня къ становo-о-му-у-у...

А Петруха смотрѣлъ въ землю, не оборачивался...

Евгеній Чириковъ.

ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ.

Оставивъ Харгу, я повернулъ назадъ. Я рѣшилъ посѣтить тайшу А., проживавшаго временно въ Поперечинскомъ дапанѣ, а затѣмъ пуститься въ глушь бурятскихъ улусовъ, разбросанныхъ по Чесанѣ, верховьямъ Хилка, Хилкосону и пр.

Мы опять въ Погроминскомъ селеніи. Хозяинъ, у котораго мы уже разъ останаливались, встрѣтилъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Онъ развязно вступаетъ съ нами въ бесѣду и, придравшись къ какому-то ничтожному поводу, начинаетъ «разносить» бурятъ.

— Ты мнѣ скажи, пошто вы въ солдаты идти не хотите? — обращается онъ къ Маланычу.—Тяжеленько, а? Погодите, скоро и васъ брить зачнутъ, безпремѣнно зачнутъ.

Маланычу эта тема положительно не нравится, но, въ высшей степени сдержанный и тактичный, онъ весьма ловко парируетъ нападки старика-хозяина.

— Ты что, дѣдушка, пугаешь? Прикажутъ пойти—и пойдемъ, мы не хуже другихъ.

— То-то,—продолжалъ язвить его старикъ,—вамъ все льготы подавай. Земли лучшія захватили; куда ни сунешься, вездѣ земля-то ваша. Вотъ мы въ Эравнинскомъ озерѣ рыбу промышляли, изъ года въ годъ неводили; вдругъ тайшѣ вашему вздумалось наложить оброкъ по 10 р. съ невода—и ходу не даютъ, хоть бросай неводить. Большую волю вы себѣ берете!

Я съ большимъ любопытствомъ прислушивался къ удивительнымъ разсужденіямъ старика. Буряты, живущіе на своихъ земляхъ, захватили ихъ, не у него ли? Интересно было бы посмотрѣть, какъ старикъ обошелся бы съ посторонней публикой, если бы она вздумала позабавиться неводьбой въ принадлежащемъ ему озерѣ; его вопли о нарушеніи священнаго права собственности вѣрно достигли бы до небесъ; во всякомъ случаѣ послѣднія слова старика мнѣ открыли источникъ его высокаго патріотизма и объяснили желаніе его отдать всѣхъ бурятъ въ солдаты.

Жители Погроминскаго селенія ведутъ очень оригинальное хозяйство. Хлѣбопашество у нихъ чуть ли не третьестепенное занятіе: ранніе морозы большею частью побиваютъ хлѣбъ, и у погроминцевъ нѣтъ никакой охоты напрасно надрываться надъ сохой, когда есть гораздо болѣе легкіе способы добывать средства къ существованію. Въ этомъ

году въ ночь на Петровъ день палъ сильнѣйшій иней; весь хлѣбъ побѣлѣлъ, хотя потомъ нѣсколько отошелъ, а впереди еще весь іюль и половина августа съ ихъ холодными ночами и морозами (теперь 11-е іюля). Надежда на то, что хлѣбъ «уйдетъ», самая гадательная. Понятно, что при такихъ суровыхъ климатическихъ условіяхъ, когда хлѣбъ дозрѣваетъ всего разъ въ 4—5 лѣтъ, органическая привязанность къ земледѣльческому хозяйству не можетъ выработаться, — люди волей-неволей будутъ искать другихъ, болѣе обезпечивающихъ существованіе занятій. И погроминскіе крестьяне держатъ скота не меньше многихъ бурятъ. У нашего хозяина пасется въ степи табунъ лошадей въ 100 головъ, 80 головъ рогатаго скота и больше 100 барановъ. Такимъ образомъ основу его хозяйства составляетъ скотъ. Но, кромѣ того, Погроминское селеніе—трактовое селеніе, и жители его умѣютъ изъ всего извлекать выгоду, добывать деньги. Сегодня они бьютъ скотину и продаютъ проѣзжающимъ мясо, завтра они везутъ золотопріискателей на лихихъ тройкахъ, послѣ завтра наловятъ рыбы и повезутъ ее въ семейскія селенія, гдѣ мѣняютъ ее на хлѣбъ. Въ общемъ благосостояніе ихъ настолько удовлетворительно, что многіе брезгаютъ такимъ тяжелымъ и неважнымъ заработкомъ, какъ ямщина.

— Отчего вы не занимаетесь ямщиной, когда у васъ такъ много лошадей?—спросилъ я нашего погроминскаго хозяина.

— Ужъ очень «чижало» ямщику приходится,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—а плата самая ни на есть послѣдняя.

Тайша меня встрѣтилъ съ большимъ любопытствомъ. Въ свой наслѣдственный архивъ онъ ужъ давно не заглядывалъ и втайнѣ льстилъ себя надеждой, что я таки выкопаю у него что-нибудь интересное. Показалъ я ему увезенныя мною тетради, и мы оба рѣшили, что ихъ стоитъ внимательно просмотрѣть.

Такъ какъ и на этотъ разъ у насъ обоихъ было достаточно свободнаго времени, то между нами естественно завязался разговоръ о положеніи хоринцевъ. Какъ и всѣхъ бурятъ, и тайшу удручаетъ поземельный вопросъ. Неопредѣленность ихъ права на землю, хотя и признаннаго, но недостаточно санкціонированнаго прежними государями, ввергаетъ его порой просто въ отчаяніе. Три раза онъ ѣздилъ въ Петербургъ депутатомъ, чтобы добиться законнаго укрѣпленія за хоринскими бурятами занимаемыхъ ими земель, и все безъ успѣха. Приходилось ему въ Петербургѣ оставаться по нѣскольку мѣсяцевъ, и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого «громаднаго города», весьма характерны. Сначала онъ набросился съ весьма понятнымъ любопытствомъ на все: осматривалъ всякія достопримѣчательности, посѣщалъ театры, концерты, бывалъ всюду, гдѣ безплатно или за деньги можно ознакомиться съ чудесами современной цивилизаціи; но вскорѣ онъ остылъ и, когда ему пришлось въ послѣднюю свою поѣздку прожить мѣсяцевъ 6 въ Петербургѣ, онъ почти не выходилъ изъ своей квартиры. Шумъ столицы, эта кипучая, требующая

полнаго напряженія нервовъ, жизнь ему не пришлась по вкусу. Апатія взяла верхъ, и, не смотря на его нѣкоторую начитанность и развитіе, его потянуло въ дымную юрту. Нынѣ онъ живетъ при поперечинскомъ дацанѣ съ единственнымъ своимъ 11-ти-лѣтнимъ сыномъ, жалуется на тягости тайшинской службы и охотно пошелъ бы на покой.

А. безпрестанно вращаетъ ручное «хурдэ», и я нисколько не удивился бы, если бы услышалъ, что онъ, страстно когда-то стремившійся къ высшему образованію, оставилъ службу, принялъ какой-нибудь обѣтъ, отрекся отъ міра и окончательно пріобщился къ дацанской жизни.

А. относится весьма сочувственно къ просвѣщенію бурятъ, но сознается, что русское просвѣщеніе далеко не популярно среди его единоплеменниковъ. Этой непопулярности русскаго просвѣщенія среди послѣднихъ будто много содѣйствовали сами учащіеся бурятскіе юноши, убившіе у своихъ родовичей вѣру въ то, что русская наука можетъ имъ принести какую-нибудь пользу.

— Пробовали нѣкоторые посылать своихъ дѣтей учиться въ Петербургъ, но изъ этого ничего не выходило. У одного бурята двое сыновей учились въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ; дошли они до 7-го класса, поѣхали на каникулы домой и остались совсѣмъ; теперь ихъ не отличишь отъ прочихъ бурятъ. Другіе два брата учились даже въ университетѣ, но, не кончивъ курса, вернулись въ улусъ и также ничѣмъ себя не проявляютъ. Одинъ бурятъ успѣлъ даже въ Петербургѣ занять очень видное общественное положеніе, но его родовичи отъ него добра мало видѣли.

Все это, по его словамъ, заставляетъ бурятъ смотрѣть скептически на цѣлесообразность высшаго образованія для ихъ дѣтей. По-моему, приведенные А. факты имѣютъ очень сложныя причины, и одной изъ главныхъ является несомнѣнно искусственный характеръ образованія молодыхъ бурятъ. Учащійся, напримѣръ, въ гимназіи бурятскій юноша растетъ какъ бы безъ корней—дома онъ не встрѣчаетъ никакого сочувствія, никакого поощренія; родовичи его даже не понимаютъ, и онъ самъ не совсѣмъ отдаетъ себѣ отчетъ, зачѣмъ онъ собственно учится въ гимназіи, зачѣмъ ему тѣ или иныя знанія; поэтому наука для него не можетъ имѣть того обаянія, какое она представляетъ для европейскаго пытливаго юноши. Но печальнѣе всего то, что буряты стараго поколѣнія не только не сочувствуютъ, но и не могутъ сочувствовать распространенію русскаго просвѣщенія среди нихъ, такъ какъ послѣднее идетъ въ разрѣзъ со всѣми ихъ вѣрованіями и знаніями. Справедливость моего заключенія подтверждается тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что въ то время, какъ по-монгольски учатся 50% бурятскихъ дѣтей школьнаго возраста, охотниковъ отдавать своихъ дѣтей въ русскія училища очень немного. Въ послѣднее время, правда, нѣкоторые буряты стали посылать по своей волѣ своихъ дѣтей въ русскія учи-

лища, но среди большинства бурятъ господствуетъ убѣжденіе, что, отправляя своихъ мальчиковъ въ русскія училища, они исполняютъ чуть ли не такую же повинность, какъ внося ясакъ. Русское начальство требуетъ, чтобы было много учащихся по-русски, и ихъ добываютъ разными путями: у однихъ родителей выпрашиваютъ дѣтей, другихъ прельщаютъ всякими обѣщаніями и т. п. Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ вопроса о начальномъ образованіи у бурятъ не можетъ быть и рѣчи о готовности со стороны родителей на жертвы ради того, чтобы образовать своихъ дѣтей. «Если мы ради начальства должны отдавать дѣтей въ училища, то пусть ихъ содержатъ на общественный счетъ», говорятъ отцы отправляемыхъ въ школу мальчиковъ. И учащіеся въ бурятскихъ школахъ дѣйствительно содержатся на общественный счетъ. Такимъ образомъ, всѣ почти бурятскія дѣти, воспитывающіяся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не больше, какъ народные стипендіаты, и такъ какъ вопросъ о стипендіи рѣшается цугланомъ «почетныхъ родовичей», то на общественный счетъ учатся не самые способные, а дѣти наиболѣе вліятельныхъ лицъ. Благодѣтели бурятскіе—головы, старосты и пр.—со свойственнымъ имъ тонкимъ чутьемъ и въ этомъ вопросѣ перетягиваютъ вѣсы на свою сторону. Такъ, напримѣръ, въ читинской гимназіи учился одно время на общественный счетъ сынъ одного ноёна, который не только богатъ скотомъ, но обладаетъ также громаднымъ капиталомъ. Этотъ ноёнъ крупный, извѣстный на все хоринское вѣдомство міроѣдъ, у котораго находятся въ законной кабалѣ сотни бурятъ. Такой господинъ могъ бы воспитывать цѣлую дюжину дѣтей на свой счетъ, а между тѣмъ онъ устроилъ такъ, что его сынъ учится въ гимназіи на общественныя средства, а масса замѣчательно способныхъ, но бѣдныхъ бурятскихъ дѣтей сидитъ безъ всякаго образованія.

Все это показываетъ, насколько ненормально поставленъ у бурятъ весь вопросъ о народномъ образованіи.

Но рядомъ съ этими грустными явленіями въ жизни бурятъ замѣчаются и отрадныя теченія: здѣсь и тамъ можно уже встрѣтить бурятскихъ юношей, готовыхъ со всѣмъ пыломъ отдаться наукѣ, идти наперекоръ препятствіямъ, выдержать борьбу съ «отцами», борьбу, какъ извѣстно, очень мучительную. И тутъ-то, въ этой скрытой еще отъ постороннихъ глазъ борьбѣ, сказывается во всей наготѣ истинное отношеніе «отцовъ» бурятъ къ европейской наукѣ. Мнѣ извѣстенъ такой фактъ. Одинъ бурятскій юноша кончилъ читинскую гимназію. Серьезный, сосредоточенный, вѣчно углубленный въ книгу, онъ тѣмъ не менѣе сумѣлъ снискать себѣ уваженіе и любовь товарищей своею добротой, своимъ истинно человѣчнымъ взглядомъ на жизнь. Передъ его умственнымъ взоромъ рисовались уже картины будущаго: наука съ ея чудесами, осмысленная жизнь... какъ вдругъ его сородичи ему

объявляютъ, что они не намѣрены ему выдать увольнительнаго свидѣтельства. Юноша былъ потрясенъ, такъ какъ безъ увольнительнаго приговора отъ общества въ университетъ не принимаютъ. Тщетно протестовалъ юноша, тщетно онъ требовалъ объясненія отъ своихъ родовичей. Послѣдніе приводили какіе-то нелѣпые и безсмысленные мотивы и стояли твердо на своемъ. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что буряты не выдавали молодому человѣку увольнительнаго приговора съ единственнымъ намѣреніемъ преградить ему дорогу въ университетъ. И оно, навѣрное, такъ бы и было, если бы въ положеніе юноши не вошелъ забайкальскій губернаторъ, который вытребовалъ для него увольненіе отъ общества, и такимъ образомъ открылъ ему путь къ лучшему будущему. Юноша этотъ бѣдный человѣкъ, но отсутствіе средствъ его не пугало, онъ былъ готовъ на всевозможныя лишенія. Поддержали его также нравственно нѣкоторые буряты молодого поколѣнія, и, напутствуемый ихъ сочувственными рѣчами, онъ уѣхалъ, полный надеждъ, въ университетъ.

Описанный эпизодъ уже не случайный фактъ, это уже не Дорджи Банзаровъ, по начальственному велѣнію оторванный отъ родныхъ и увезенный въ Россію въ гимназію еще ребенкомъ,—это уже продуктъ глубоко охватившаго юношу сознанія потребности въ высшихъ формахъ жизни. Этотъ юноша уже органическій піонеръ новаго движенія среди бурятъ. Преемники его пока еще учатся въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ, но вотъ онъ покажетъ имъ примѣръ возможности высшаго образованія для бурятъ, за нимъ послѣдуетъ другой, третій, а тамъ просвѣтительное движеніе охватитъ такую массу молодыхъ людей, что буряты не поймутъ, не почувствуютъ, какъ они будутъ вовлечены въ общій потокъ высоко-культурнаго прогресса...

Дацанъ я оставилъ рано утромъ. Проѣхавъ Поперечинскую степь и рѣчку Угэтэй, мы повернули налѣво отъ тракта. Намъ предстоялъ небольшой переѣздъ верстъ въ 17 до Булаганэ Эбыра. Перебродивъ рѣчку Марату и переваливъ небольшой мысъ, мы снова увидѣли старую знакомую Уду, которая здѣсь имѣетъ не больше двухъ футовъ глубины. Скоро мы нашли юрту бывшаго головы Аб., къ которому посовѣтовалъ намъ заѣхать тайша. Встрѣчать насъ вышла высокая, немолодая бурятка въ дѣвичьемъ тэрлыкѣ. Это оказалась дочь Аб. Сообщила она намъ, что отца нѣтъ дома,—онъ на свадьбѣ, но, вѣроятно, скоро вернется.

Не успѣли мы еще снести наши вещи въ горницу (русскій домикъ), какъ намъ подали чай. Маланычъ изнемогалъ отъ жажды, а потому чайникъ съ кирпичнымъ чаемъ опорожнялся имъ съ удивительной быстротой. Вообще умѣренный очень человѣкъ, удовлетворяющійся небольшимъ количествомъ пищи, Маланычъ обладалъ способностью пить невѣроятное количество чаю. Онъ неоднократно увѣрялъ меня со свой-

ственною ему серьезностью, что при желаніи онъ въ состояніи выпить 2 большихъ чайника чаю, т.-е. стакановъ 20—25. Покуда мы утоляли свою жажду, дочь Аб., усѣвшись на одно колѣно у порога, вела весьма непринужденную бесѣду съ Маланычемъ. Я слушалъ ее и диву дабался: ея манера говорить была совершенно необычная для бурятки. Рѣчь ея, полная энергіи и огня, лилась свободно, гладко, при чемъ лицо ея, обыкновенно даже безобразное, во время бесѣды разгоралось, и на немъ свѣтилась масса ума и жизни. Маланычъ, какъ я замѣтилъ, слушалъ ее весьма внимательно, что также говорило въ ея пользу, такъ какъ онъ вздора слушать не любилъ. Когда дѣвушка вышла ненадолго, я тотчасъ же съ изумленіемъ спросилъ Маланыча, какъ это такая умная и энергичная женщина осталась дома, замужъ не пошла?

— Старикъ не отпускаетъ отъ себя. Ее многіе сватали, а отецъ все оставляетъ ее дома. «Безъ тебя я не могу обойтись», твердитъ онъ ей и начинаетъ ее упрашивать не покидать его на старости лѣтъ. И дочь, нѣжно привязанная къ отцу, остается! Ее всѣ знаютъ по хоринскому вѣдомству, спросите кого хотите. Она ведетъ все стариковское хозяйство, а когда онъ былъ головой, то рѣшалъ въ сущности дѣла не онъ, а дочь его, «Мухуръ-Хунъ». Такъ ее нѣжно прозвали не чающіе въ ней души родители и такъ ее зовутъ всѣ буряты.

«Мухуръ-Хунъ» грамотна по-монгольски, краснорѣчива и пользуется большимъ вѣсомъ среди бурятъ. Но для всей ея энергіи, какъ видно, выхода нѣтъ; родительскій эгоизмъ лишаетъ ее семейнаго счастія, и она часто рвется изъ дома. Другая дочь Аб., лѣтъ 29-ти (первой 31 годъ), тоже осталась дома потому, что нужна коровница. Сыновей у Аб. нѣтъ, значитъ пріобрѣсть молодыхъ работницъ надежды нѣтъ, и старикъ предпочитаетъ держать при себѣ дочерей, нежели нанимать за деньги чужихъ работницъ. Такимъ образомъ и среди бурятъ можно встрѣтить институтъ «старыхъ дѣвъ». Но бурятскія «старыя дѣвы» далеко не такъ несчастны, какъ наши, во-первыхъ, потому, что обычай не мѣшаетъ имъ наслаждаться любовью, и онѣ всегда могутъ найти нормальный выходъ чувству любви и привязанности; во-вторыхъ, женщины-работницы бурятамъ очень нужны, и даже 40-лѣтняя дѣва имѣетъ не мало шансовъ выйти замужъ, т.-е., вѣрнѣе, поступить къ какому-нибудь старику въ работницы. Не все ли равно, гдѣ доить коровъ и взбалтывать айрекъ? Не понравится ей, она можетъ уйти. Словомъ, положеніе бурятскихъ старыхъ дѣвъ не мучительное и не безвыходное.

Спускался чудный лѣтній вечеръ; небо немного хмурилось, дневной жаръ сталъ спадать, и всѣ высыпали на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Дворъ чистенькій, весь, какъ ковромъ, покрытый молодой еще, но густой травкой; на западѣ угасали послѣдніе лучи солнца. Небо переливало пурпуровымъ и розовымъ цвѣтами и наконецъ приняло сѣрый тонъ. Лѣсъ засыпалъ, и кругомъ стояла такая тишина, что

не хотѣлось даже говорить—хотѣлось только дышать полной грудью, молчать и наслаждаться природой...

Усѣлась и Мухуръ-Хунъ посреди двора, и дѣти изъ сосѣднихъ юртъ обступили ее, какъ птенцы. Она удивительно умѣло ихъ развлекала: одного нѣжно обойметъ, другому шепнетъ на ухо что-нибудь, и тотъ расхохочется хорошимъ, веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, третій пойдетъ скакать вокругъ нея, а она его ловитъ. Дѣти въ восторгѣ, ихъ маленькія сердца усиленно бьются, ихъ глазки свѣтятся радостнымъ блескомъ. Жизнь празднуетъ свой праздникъ... Но достаточно было нѣсколькихъ словъ Мухуръ-Хунъ, чтобы не въ мѣру расшалившіяся дѣти моментально притихли и разошлись по юртамъ. Такъ она умѣетъ сочетать нѣжность съ серьезностью. Наблюдая все это, я мысленно рѣшилъ, что вижу передъ собою не дюжинную личность. Какъ-то невольно чуялось, что въ этой женщинѣ скрывается громадный запасъ энергіи, что въ ней кипятъ сильныя страсти, но какъ имъ проявиться при обыденной обстановкѣ? И потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, въ какой-нибудь экстраординарной нервной работѣ принимаетъ у Мухуръ-Хунъ спеціальныя формы: она страшно много куритъ и съ безумной горячностью предается карточной игрѣ. Нѣтъ такого игрока въ хоринскомъ вѣдомствѣ (а среди бурятъ неестественно развиты азартныя карточныя игры), съ которымъ дочь Аб. побоялась бы сѣсть играть. Такая женщина при иныхъ условіяхъ могла бы быть вожакомъ племени или поборницей какой-нибудь высокой идеи, или выдающейся писательницей, или ораторомъ. Она руководила бы толпой, вдохновляла бы ее на подвигъ, вела бы ее впередъ... она, можетъ быть, причинила бы ей массу страданій, но доставляла бы ей также минуты высокаго наслажденія... А тутъ ея жизнь проходитъ безцвѣтно, силы слабѣютъ, энергія съ годами гаснетъ, и настанетъ день, когда эта необыкновенная, столь богато одаренная женщина сойдетъ съ жизненной сцены, не оставивъ по себѣ никакого прочнаго слѣда...

Самъ старикъ Аб. лишенъ всякаго интереса. Онъ долго служилъ головой, но отсутствіе житейской проницательности и достаточная степень тупоумія помѣшали ему вынести что-нибудь цѣльное изъ своего многолѣтняго жизненнаго опыта. Въ его устахъ сѣдая старина блѣдна и безцвѣтна. Зато искусство эксплуатаціи онъ изучилъ довольно основательно, и его можно съ полнымъ правомъ причислить къ большой кликѣ бурятскихъ міроѣдовъ. Закупая хлѣбъ по 35—40 коп. за пудъ и то большею частью въ обмѣнъ на шерсть, Аб. продаетъ его не ниже 1 р. 20 коп. за пудъ, т.-е. съ прибылью въ 200—250%. Онъ потому назначилъ по 1 р. 20 коп. за пудъ, а не больше, что близкій сосѣдъ его З. продаетъ хлѣбъ именно по такой же цѣнѣ. Слова Мухуръ-Хунъ въ данномъ случаѣ не дѣйствуютъ, и на всѣ ея увѣренія, что и 80 коп. достаточно высокая цѣна, дающая 100% барыша, старикъ отвѣчаетъ

неизмѣнно: «Имъ нужнѣе мой хлѣбъ, чѣмъ мнѣ ихъ деньги. Теперь время сѣнокоса, и буряты заплатятъ столько, сколько я захочу».

Явился къ Аб. лама на ночевку. Толстый, дородный, онъ насилу слѣзъ съ коня. Его, конечно, встрѣтили, какъ дорогого гостя. Тотчасъ же ему былъ поданъ чай, а передъ сномъ его накормили прекраснымъ ужиномъ. Лама очень мало говорилъ, и только отъ времени до времени довольно косо посматривалъ на меня. Очевидно, я его стѣснялъ. Сытный ужинъ окончательно лишилъ его слова, и онъ вскорѣ, пыхтя и кряхтя, улегся спать. Я съ своей стороны даже не пытался вовлечь ламу въ бесѣду, такъ какъ заплывшее жиромъ и тупое лицо его не обѣщало ничего интереснаго. Любопытно, что среди простыхъ бурятъ рѣдко можно встрѣтить дородныхъ людей, между тѣмъ какъ среди ламъ дородство преобладаетъ. Это можно объяснить ихъ сравнительно неподвижнымъ образомъ жизни и полнымъ довольствомъ. Громадное большинство ламъ далеко не аскеты. Они весьма усердно угождаютъ своему чреву, не отказываются отъ радостей жизни и мало стѣсняются передъ нашей 7-ой заповѣдью. Мнѣ говорили нѣкоторые буряты, что во время «хураловъ» (богослуженій) за оградой дацана совершаются иногда очень предосудительныя вещи. Пріѣзжія молодыя женщины и дѣвушки позволяютъ себѣ съ хувараками la joie de vivre чуть ли не около «маныйнъ хурдэ»[1]). Такіе ламы, какъ недавно умершій въ аннискомъ дацанѣ Галданъ Аюшіевъ, чрезвычайная рѣдкость. Онъ былъ настоящій «даянчи» (аскетъ - созерцатель) и поддерживалъ дисциплину среди хувараковъ иногда очень строгими мѣрами. Его проповѣдь (гочай) слушалась тысячами народа съ благоговѣніемъ, и это, въ значительной степени благодаря его пропагандѣ въ приходахъ аннскаго, ацагатскаго и поперечинскаго дацановъ, прекратило выкуриваніе «араки». Фактъ въ высшей степени замѣчательный, если принять въ соображеніе, какъ приверженъ инородецъ къ опьяняющимъ напиткамъ и какъ бурятъ страстно любитъ «араку» со всѣми ея аксессуарами. Громадно должно было быть впечатлѣніе проповѣди Аюшіева, если она заставила бурятъ рѣшиться на такую жертву.

Чтобы устранить безобразія около самаго дацана, знаменитый лама рѣшилъ обнести его въ нѣкоторомъ разстояніи второй оградой — заборомъ, входъ въ которую послѣ заката солнца долженъ былъ быть запрещенъ постороннимъ.

Когда я проѣзжалъ (1-го іюля) мимо дацана, заборъ достраивался, но лама умеръ; въ дацанѣ пошли раздоры, никто никого не хотѣлъ слушаться, и навряд ли заборъ окажется дѣйствительнымъ средствомъ противъ распущенныхъ нравовъ хувараковъ и прихожанъ.

---

[1]) Цилиндры съ молитвами, вращающіеся на оси. Они устанавливаются обыкновенно недалеко отъ монастырской ограды.

Хуваракъ—это самая низшая степень ламства, но въ просторѣчьѣ хувараками называютъ всѣхъ учащихся при дацанѣ, а этихъ учащихся очень много. Надо помнить, что дацаны это почти единственные разсадники монгольской грамоты и монголо-тибетскаго знанія среди бурятъ. Тамъ получаются основы знанія, а кто хочетъ, можетъ продолжать и по оставленіи дацана свое самообразованіе чтеніемъ различныхъ доступныхъ для него сочиненій на монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ. Это теоретически. На практикѣ же замѣчается такое явленіе. Почти всякій бурятъ старается отдать хоть одного своего сына въ обученіе въ дацанъ. Для болѣе состоятельныхъ бурятъ это не представляетъ ничего труднаго, но даже бѣдные не упускаютъ перваго удобнаго случая, чтобы послать сына въ храмъ науки. Разъ мальчикъ опредѣленъ въ дацанъ, онъ принимаетъ обѣтъ и поступаетъ подъ руководство какого-нибудь ламы. Видимымъ признакомъ принадлежности мальчика къ цеху хувараковъ являются коротко стриженные волосы и отсутствіе косы. Любопытно, что мальчики прежде всего начинаютъ учиться тибетскому языку, святому языку, на которомъ написаны всѣ священныя книги буддистовъ, на которомъ цѣлый рядъ бодисатвъ и хубилгановъ [2]) поучали просвѣщаемые ими народы. Система обученія весьма первобытна: не успѣетъ еще мальчикъ хорошо усвоить склады, какъ его заставляютъ учить на память разныя тибетскія молитвы, смысла которыхъ онъ, конечно, не понимаетъ. Пока онъ не выучилъ основательно всего круга основныхъ молитвъ, онъ дальше идти не можетъ. Но вотъ онъ знаетъ все, что отъ него требуется: читаетъ нараспѣвъ положенныя молитвы, подхватываетъ во время богослуженія главнаго чтеца и пр., тогда его двигаютъ дальше. Его учитель лама начинаетъ съ нимъ переводить молитвы, объяснять сокровенный ихъ смыслъ. При такой совершенно нелѣпой системѣ обученія даже самые способные мальчики должны употреблять годы на то, чтобы понять и усвоить читанное и заученное наизусть. Въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ умъ учащихся мальчиковъ лишенъ всякой сознательной работы. Изъ-подъ палки готовятся уроки, противъ воли заучиваются на память молитвы, и больше ничего. Въ мальчикахъ развивается апатія къ ученію, лѣнь, а строгая монастырская дисциплина превращаетъ обыкновенныя дѣтскія желанія въ глубоко затаенныя страсти, ищущія выхода при первомъ удобномъ случаѣ. Въ свободное отъ ученія время хувараки исполняютъ всякаго рода работы, замѣняя ламамъ прислугу, стряпокъ, лакеевъ и пр. Хувараковъ посылаютъ за покупками, сборомъ милостыни, отправляютъ, куда надо, съ разными порученіями. Отдыха для нихъ не полагается, ибо по ламской педагогикѣ мальчикъ, пришедшій учиться въ дацанъ, заранѣе отрекся отъ всѣхъ дѣтскихъ прихо-

[2]) Живыя воплощенія буддъ, бурхановъ и лицъ, достигшихъ высокой степени святости.

тей и даже отъ обыкновенныхъ человѣческихъ желаній и потребностей. Тѣмъ не менѣе у хувараковъ иногда находится свободное время, которое они такъ или иначе стараются убить, и они его наполняютъ празднословіемъ, придумываніемъ разныхъ шалостей, упражненіемъ въ борьбѣ и мечтаніемъ объ ожидаемыхъ увеселеніяхъ (хуралахъ, свадьбахъ, обонахъ), на которыхъ они стараются себя вознаградить съ избыткомъ за долгій плѣнъ, за вынужденное воздержаніе, за мѣсяцы мучительной, безсмысленной школьной дацанской жизни.

Простой народъ смотритъ на хувараковъ съ большимъ почтеніемъ, какъ на людей иного образа жизни, людей, стоящихъ близко къ великому источнику свѣта, представляющему, по его понятіямъ, начало и конецъ всего. И хуваракамъ уступаются первыя мѣста, имъ дается лучшій кусокъ при угощеніяхъ. Неудивительно послѣ этого, что многіе бурятскіе юноши идутъ въ хувараки, исключительно имѣя въ виду ту сравнительно полную довольства обстановку, при которой живутъ ламы и ихъ ученики.

Большинство учащихся при дацанѣ хувараковъ остается раньше или позже не только за штатомъ (штатныхъ хувараковъ вообще полагается очень мало при дацанахъ), но и за бортомъ. Послѣ долгихъ лѣтъ ученія, ничего имъ почти не давшаго, они возвращаются по домамъ и заживаютъ обыкновенными мірянами. Само собою разумѣется, что усвоенныя ими знанія весьма скоро улетучиваются изъ ихъ головы, и лишь коротко остриженные волосы иной разъ свидѣтельствуютъ, что обладатель ихъ нѣкогда вкушалъ духовную пищу изъ священнаго дацанскаго сосуда.

Только рѣдкіе любознательные, энергичные юноши оказываются способными перенести пытку первоначальнаго ламскаго обученія и пойти дальше. Такіе молодые люди обыкновенно учатся весьма усердно и скоро обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ ламъ. Они начинаютъ открывать смыслъ въ сложенныхъ безчисленными слоями тибетскихъ книгахъ, затѣмъ увлекаются даже фантастической наукой и ламской мистикой и часто съ жадностью углубляются въ полный иллюзій міръ буддійской метафизики. Они съ успѣхомъ держатъ экзаменъ на штатную степень, принимаютъ обѣтъ баньди или гэцыла, и имъ отводится мѣсто среди избранныхъ. Дорога передъ ними открылась, и съ этого момента ихъ будущность зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ энергіи и усидчивости. Принявшему обѣтъ гэцыла штатному ламѣ ничто уже не мѣшаетъ въ часы отдыха мечтать о креслѣ и олбокахъ Хамболамы.

Но нерѣдки также случаи, когда неудачники хувараки въ такой степени затягиваются дацанской сутолокой, такъ прельщаются сытымъ житьемъ тамошнимъ, что предпочитаютъ остаться въ роли парієвъ при дацанѣ и обрекаютъ себя на всю жизнь на прислуживанье ламамъ и всему клиру. Такіе обитатели дацановъ производятъ въ высшей сте-

пени удручающее впечатлѣніе. Тупое, лишенное всякаго выраженія лицо, приниженный видъ, какое-то нравственное вырожденіе составляютъ характерные признаки этого сорта хувараковъ; они блуждаютъ, какъ тѣни, между дацанскими строеніями, точно для нихъ нѣтъ постояннаго мѣста, и вы, встрѣчая ихъ, сразу какъ-то чутьемъ отгадываете, что передъ вами отверженныя существа. Ихъ ученіе кончилось давно, надежды на будущее давно разбиты, въ міръ вернуться нѣтъ ни силъ, ни охоты, и влачатъ они какое-то нелѣпое существованіе безъ радостей, безъ острой даже печали до тѣхъ поръ, пока Эрликъ-Ханъ [1]) не призываетъ ихъ къ отвѣту.

Въ высшей степени знаменательно, что среди самихъ бурятъ замѣчается теченіе, враждебное современному институту хувараковъ; многіе изъ нихъ начинаютъ протестовать противъ обилія тунеядствующихъ хувараковъ и главнымъ образомъ противъ долголѣтняго, почти совершенно безплоднаго пребыванія дѣтей въ дацанахъ. Я знаю одного старика-бурята, у котораго многочисленная семья и всего одинъ взрослый сынъ 18 лѣтъ; когда-то самъ старикъ захотѣлъ отдать сына въ обученіе въ дацанъ, но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ (7—8). Старикъ одряхлѣлъ, и единственнымъ работникомъ въ семьѣ является теперь сынъ. Но послѣднему понравилась жизнь въ дацанѣ, и его тянетъ совсѣмъ отречься отъ міра. Отецъ положительно противъ этого.

— Я самъ теперь никуда почти не гожусь, а онъ хочетъ семью оставить безъ хлѣба,—жаловался мнѣ старикъ.—Умру я, и помочь моимъ вовсе некому будетъ. А чему мой сынъ учился въ дацанѣ, я и не знаю. Учился онъ долго, а проку я отъ него немного вижу, да и мудрости особенной въ немъ незамѣтно.

На Чесану мы пріѣхали въ очень неудобное время, какъ разъ въ сѣнокосъ, который здѣсь отличается нѣкоторыми спеціальными чертами.

Дѣло въ томъ, что обитатели Чесаны на зиму переходятъ почти всѣ на Хилокъ, а потому въ началѣ іюля все взрослое рабочее населеніе со всѣми смирными и годными для работы и переѣздовъ лошадьми перекочевываетъ на покосныя мѣста. Такъ какъ трава по Хилку, Сулхарѣ и другимъ горнымъ рѣчкамъ растетъ на болотахъ, то она очень рано скашивается; косцы торопятся убирать траву, чтобы дать ей просохнуть и самимъ откоситься по теплу, а въ хребтахъ въ началѣ августа наступаютъ уже сильные холода, особенно по утрамъ и вечерамъ. Такимъ образомъ на Чесанѣ къ моему пріѣзду остались или совершенно дикія лошади, или лошади, пущенныя на степь для поправки, или такія, которыхъ хозяева не имѣли ни малѣйшаго желанія отдавать въ пользованіе. Такое же затрудненіе мы встрѣтили, отыскивая про-

---

[1]) Эрликъ-Ханъ блюститель ламайскаго ада, производящій судъ надъ душами человѣческими, попадающими въ его царство.

водника. Затруднительность нашего положенія увеличивалась еще тѣмъ, что не всегда буряты, обладавшіе лошадьми, могли быть проводниками; проводники же часто не имѣли лошадей, а между тѣмъ—никто изъ состоятельныхъ бурятъ не соглашался довѣрить своихъ лошадей такому безлошадному проводнику. Двое сутокъ прошли въ напрасныхъ поискахъ. На третій день, наконецъ, нашелся проводникъ съ лошадьми, и мы стали собираться въ путь. Хлопотъ было не мало. Но прежде, чѣмъ углубиться въ хребты, я заѣхалъ на ночлегъ къ гремѣвшему когда-то тайшѣ Г. Оч.

Старикъ Оч., бодрый, живой и очень предупредительный, произвелъ на меня впечатлѣніе бывалаго и довольно хитраго человѣка. Когда-то онъ былъ довѣреннымъ хоринскихъ бурятъ по дѣлу объ укрѣпленіи за ними правъ на земли. Много денегъ было имъ собрано для веденія этого дѣла и не мало издержано. Само собою разумѣется, что Оч. былъ хорошо знакомъ съ исторіей поземельныхъ отношеній бурятъ и въ свое время обладалъ весьма цѣнными документами по этому вопросу. Копаясь въ архивахъ степныхъ думъ и въ матерьялахъ по исторіи занимавшаго его предмета, онъ попутно вычитывалъ и узнавалъ много другихъ вещей изъ прошлаго бурятъ и являлся въ своемъ родѣ знатокомъ бурятской исторіи.

Имѣя все это въ виду, я попросилъ Оч. подѣлиться со мною хоть частью обширныхъ своихъ познаній.

— Такъ вы собираете свѣдѣнія о старинѣ бурятской? — переспросилъ онъ меня.

— Да, и интересуюсь очень старыми документами.

— Какими, напримѣръ?

Я сказалъ, какими. Тогда старикъ безъ всякой церемоніи сталъ меня экзаменовать. Подъ видомъ случайныхъ вопросовъ, онъ шагъ за шагомъ прослѣдилъ мои познанія по исторіи монголо-бурятъ, какъ она изложена въ нѣсколькихъ распространенныхъ среди хоринцевъ лѣтописяхъ. Убѣдившись, что я не обманывалъ его и что я довольно хорошо знакомъ съ прошлымъ бурятъ, старикъ Оч. охотно пустился разсказывать мнѣ о деталяхъ бурятской старины, о томъ, какія произошли перемѣны даже на его глазахъ въ жизни его единоплеменниковъ. Болѣе всего скорбѣлъ онъ душой, что власть родоначальниковъ и почетныхъ людей надъ родовичами пала. Прежде родоначальники служили наслѣдственно, и родовичи ихъ слушались и уважали, а теперь—чуть что не по нимъ, сородичи сейчасъ подаютъ жалобу русскому начальству.

— А хорошаго въ томъ очень мало,—все больше воодушевлялся старикъ,—что бѣдняки стали насъ задирать. Ничего путнаго изъ этого не выйдетъ. Бѣднякъ—человѣкъ подневольный, его всегда гнететъ нужда, и онъ нравственность свою никакъ не убережетъ. Глядя на отцовъ, и дѣти бѣдныхъ выходятъ мошенниками и ворами. Вотъ вду-

мали бѣдныхъ дѣтей отдавать въ училища; по-моему, это большая ошибка. Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ; сколько ни учи бѣдняка, онъ все будетъ думать только о себѣ и, вооруженный знаніемъ, еще больше будетъ дѣлать пакостей. Нехорошія времена пошли, а все молодые родоначальники виноваты, не умѣютъ себя держать строго и большую волю даютъ простому народу.

Старикъ враждебно посмотрѣлъ на своего сына, родоваго голову. Маланычъ сидѣлъ, какъ на угольяхъ. Рѣчь старика его страшно оскорбляла, такъ какъ онъ самъ бѣднякъ; кромѣ того, онъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія, чѣмъ Оч., о своихъ собратьяхъ-бѣднякахъ. Онъ пылко сталъ возражать Оч. По его словамъ, рѣдко можно найти честнаго человѣка среди состоятельныхъ бурятъ. Они только и норовятъ ограбить кого-нибудь, воспользоваться нуждою собрата, чтобы его окончательно доконать. Вотъ ужъ который годъ онъ, Маланычъ, хлопочетъ, чтобы его сына приняли въ бурятское училище на общественный счетъ, и все получаетъ отказы, а дѣти состоятельныхъ родителей все поступаютъ да поступаютъ въ школы; между тѣмъ, въ приговорахъ общественныхъ ясно говорится, что въ бурятскія училища должно принимать на общественный счетъ только бѣдныхъ дѣтей.

— Развѣ это справедливо?—заключилъ взволновано Маланычъ:—бѣдный ничѣмъ не уступитъ богатому, а иной бѣднякъ постоитъ за свою честь и имя получше богача.

Я присоединился къ мнѣнію Маланыча и сталъ приводить примѣры высокихъ нравственныхъ качествъ многихъ извѣстныхъ людей, вышедшихъ изъ бѣднаго сословія. Оч. стоялъ на своемъ, хотя съ восточнымъ раболѣпіемъ заявилъ мнѣ:

— Вы, конечно, больше меня знаете и понимаете,—я улусный человѣкъ, но мой опытъ привелъ меня къ высказанному мною мнѣнію.

Такимъ образомъ, я совершенно неожиданно встрѣтился въ глухомъ улусѣ съ чистокровнымъ аристократомъ, третирующимъ en canaille всякаго бѣдняка,—съ человѣкомъ, глубоко увѣреннымъ, что у бѣдныхъ людей не только «черная кость» (хара ясу), но и черная душа.

На другой день утромъ мы пустились въ хребты. Намъ предстоялъ громадный переходъ въ 45 верстъ по таежной тропѣ. Не успѣли мы отъѣхать 5 верстъ, какъ пошелъ мелкій дождь, который насъ мочилъ послѣ этого почти весь день. Пересталъ онъ лишь къ вечеру, когда мы подъѣзжали уже къ балагану сѣнокосчиковъ, гдѣ намъ необходимо было заночевать, такъ какъ кругомъ на десятки верстъ другого жилья не было.

Балаганъ величиной въ 1 куб. сажень, на половину только покрытый драньемъ, былъ полонъ дыма. Косцы-буряты только что кончили работу и были удивлены и обрадованы нашимъ пріѣздомъ. Угостивъ ихъ табакомъ и сухарями, я занялъ одинъ уголъ балагана и улегся. Буряты, сопровождавшіе меня, моментально, конечно, перезнакомились

съ косцами, и черезъ 5 минутъ у нихъ уже шла въ высшей степени оживленная бесѣда. Я удивлялся ихъ говорливости. Одни сдѣлали большой утомительный переѣздъ, другіе цѣлый день косили болотную траву, стоя въ водѣ, и никто изъ нихъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ усталости,—рѣчь у нихъ лилась плавно, легко, точно они съѣхались на праздникъ.

На слѣдующее утро мы продолжали свой путь. Чѣмъ дальше мы забирались въ хребты, тѣмъ дорога становилась хуже. Мы поднимались на этотъ разъ въ гору. Узенькая таежная тропа была вся изрыта выбоинами, и вездѣ стояли лужи воды, коварныя лужи, глубину которыхъ никакъ нельзя было заранѣе опредѣлить. Все чаще съ хребтовъ сбѣгали горные ключи, затопляя болѣе или менѣе ровныя, плоскія мѣста, напитывая ихъ влагой и образуя стоячія озера. Нерѣдко кони проваливались по брюхо и, что всего хуже, совершенно неожиданно.

Гдѣ было сухо, тропу то и дѣло преграждали колоды, поваленныя бурей деревья, валежникъ, словомъ, ѣзда становилась очень тяжелой. Въ теченіе 5 часовъ мы поднимались на Шараталинскій хребетъ, выбираясь изъ одной лужи и попадая въ другую—и такъ до самой вершины. Не лучше оказался спускъ, продолжавшійся 2 часа по ужасной дорогѣ, гдѣ мы ежеминутно рисковали слетѣть съ коня и расшибиться о громадные камни, торчавшіе по тропинкѣ.

Мѣста по верховьямъ Хилка и Хилкосону оказались далеко не такими дикими, какъ я себѣ ихъ представлялъ. Я ожидалъ тамъ встрѣтить непроходимую тайгу съ гигантскимъ кедровникомъ, а на самомъ дѣлѣ дорога часто шла чистымъ, безтравнымъ лѣсомъ. Болота, правда, насъ нерѣдко приводили въ отчаяніе, но въ общемъ тамошній ландшафтъ не имѣлъ въ себѣ ничего мрачнаго. Мягкій свѣтъ, падавшій на землю сквозь рѣдкія вершины огромныхъ сосенъ и лиственицъ, придавалъ очень нѣжный колоритъ пейзажу. Кони беззвучно ступали по мягкой, рыхлой отъ выпавшихъ недавно дождей землѣ, и часто мнѣ казалось, что мы не ѣдемъ, а скользимъ по лѣсу. Ароматный воздухъ, удивительная тишина, только изрѣдка прерываемая болтовней никуда негоднаго нашего проводника изъ Чесаны, дѣйствовали на настроеніе особенно успокоительнымъ образомъ. Жара не донимала, и я совершалъ переходы по Хилоцкимъ хребтамъ и лугамъ съ истиннымъ удовольствіемъ.

Главное занятіе на Хилкосонѣ и верховьяхъ Хилка—звѣроловство. Всѣ взрослые мужчины занимаются тамъ охотой. Въ хребтахъ водятся: бѣлка, изюбрь, сохатый (лось), лисица, медвѣдь, хорекъ, рысь, горностай, коза и пр. Занимаются также здѣшніе буряты и рыболовствомъ, такъ какъ Хилокъ и Хилкосонъ рыбныя рѣки. Только добываемую рыбу они мало ѣдятъ сами, а большею частью обмѣниваютъ на муку. Печенаго хлѣба буряты тамъ не употребляютъ въ пищу, а дѣлаютъ изъ муки лепешки, которыя пекутъ въ золѣ. Ря-

домъ съ звѣринымъ промысломъ, мѣстными бурятами поддерживается также въ значительныхъ размѣрахъ скотоводство. Корма избытокъ, но, потому ли, что снѣга здѣсь большіе, потому ли, что холода здѣсь сильные и зимы долгія, буряты заготовляютъ на зиму массу сѣна. Пади въ этихъ мѣстахъ узкія, горныхъ ключей множество, и покосы, какъ я уже писалъ, представляютъ болота, покрытыя осоковидной травой. Сухія площади, поросшія пыреемъ, визилемъ и т. п. травами, попадаются очень рѣдко. Такія мѣста оставляются на ветошь,—косятъ же преимущественно болотную траву, которую здѣшній скотъ якобы ѣстъ охотнѣе, чѣмъ траву, растущую на сухихъ буграхъ.

Жителей на верховьяхъ Хилка и Хилкосона очень мало въ сравненіи съ необъятными пространствами, которыя они занимаютъ. Сообщаются здѣшніе буряты съ другими лѣтомъ исключительно верхомъ, и только зимою, когда выпадаютъ снѣга, между ними и культурными центрами устанавливается санное сообщеніе. Лѣтомъ почти никто и не выѣзжаетъ изъ этихъ мѣстъ, развѣ въ случаѣ крайней необходимости; зато зимою жители тамошніе вступаютъ въ усиленныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ: они или сбываютъ припасенныя кожи, шерсть, откормленныхъ быковъ, пушнину и т. п. наѣзжающимъ купцамъ, или сами отвозятъ все это на ярмарки, въ Читу и другія мѣста.

Травы здѣсь такое изобиліе, что Хилокъ и Хилкосонъ служатъ гигантскимъ резервомъ для всѣхъ почти бурятъ хоринскаго вѣдомства. По наведеннымъ мною справкамъ, въ этомъ году косить по Хилку и Хилкосону до 300 человѣкъ съ Аны, Чесаны, Кижинги и другихъ мѣстъ. Заготовивъ лѣтомъ массу сѣна, эти буряты пригоняютъ сюда на зиму почти весь свой скотъ, кромѣ самаго нужнаго (дойныхъ коровъ, рабочихъ лошадей), и держатъ его здѣсь до тѣхъ поръ, пока у нихъ дома не покажется молодая трава въ достаточномъ количествѣ.

Здѣсь нѣтъ никакихъ участковъ, никакихъ межъ. Jus primae occupationis дѣйствуетъ во всей своей силѣ. Кто первый занялъ мѣсто, тотъ и коситъ и тутъ же ставитъ зимникъ. Въ виду такой неопредѣленности зимняго мѣстопребыванія бурятъ, населяющихъ пади по верховьямъ Хилка и Хилкосону, ихъ зимники поражаютъ своимъ убогимъ видомъ, ветхостью, отсутствіемъ хозяйственныхъ построекъ и удобствъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ покосы расположены въ дѣвственномъ лѣсу. Здѣшніе буряты такъ безпечны и такъ мало склонны поработать, чтобы внести какія-либо улучшенія въ свое хозяйство, что даже не стараются оградить въ достаточной степени свой скотъ отъ зимней стужи. Во дворѣ зимника растутъ гигантскія сосны, а стаекъ для скота нѣтъ, и скотъ мерзнетъ всю долгую зиму подъ какими-то легкими навѣсами, нисколько не защищающими его отъ холода. Лѣтомъ здѣшній скотъ имѣетъ ужасный видъ; масса комаровъ, оводовъ и пр. насѣкомыхъ отравляетъ ему существованіе, не даетъ

ему отдыха, не даетъ ему даже ѣсть. Но, какъ только оводъ пропадаетъ, скотъ начинаетъ быстро поправляться и въ какихъ-нибудь 2—3 мѣсяца становится неузнаваемымъ, такъ что торговцы мясомъ охотно скупаютъ осенью и зимою откормленныхъ, жирныхъ верхнехилоцкихъ быковъ.

Въ нравахъ здѣшнихъ бурятъ замѣчается еще грубость полудикарей. Ихъ вкусы, отношенія къ окружающимъ сразу показываютъ, что они значительно отстали отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ по Удѣ, по Тугную и нижнему теченію Хилка. Я успѣлъ даже замѣтить, что способъ выраженія здѣшнихъ бурятъ въ высшей степени циниченъ и грубъ. Маланычъ также не разъ негодовалъ на бесѣды, которыя велись въ нашемъ присутствіи съ удивительною непринужденностью часто собиравшимся въ нашу юрту обществомъ женщинъ и мужчинъ.

— У насъ мужчины никогда не стали бы говорить такихъ вещей въ присутствіи женщинъ,—говорилъ мнѣ нѣсколько разъ возмущенный Маланычъ.

Не только многія неудобоназываемыя вещи назывались своими именами, но къ нимъ дѣлались самые непозволительные комментаріи. Предметомъ шутокъ служилъ весьма часто мой достопочтенный проводникъ съ Чесаны. Онъ себя замѣчательно не умѣлъ держать и составлялъ въ этомъ отношеніи полнѣйшую противоположность Маланычу. Интереснѣе всего то, что шараталинская публика отгадала его сразу. Когда мы пріѣхали въ Шараталинскій улусъ, первый послѣ Чесаны, мы рѣшили остановиться у одного ламы, бывшаго родового старосты, и направились къ его юртѣ. Вошли мы въ юрту ламы почти всѣ одновременно; и вотъ Маланыча тотчасъ попросили подвинуться «выше», какъ почетнаго гостя, а когда онъ заговорилъ, его выслушали съ величайшимъ вниманіемъ; чесановскаго же нашего Санчо-Панса оставили сидѣть у дверей, и чай ему былъ поданъ безъ «ширэ» (столикъ), что уже прямо показывало пренебреженіе къ нему. Онъ сразу какъ-то отталкивалъ отъ себя: вѣчно слезящіеся его глаза, слюнявый ротъ, вся его фигура, грязная и нескладная, просто были противны, а его манеры меня выводили изъ себя. Подъѣдемъ, бывало, къ балагану и не успѣемъ оглянуться, а Цампыловъ уже снялъ съ себя рубашку неопредѣленнаго цвѣта (когда-то она была синяго цвѣта) и бьетъ безъ церемоніи насѣкомыхъ, которыхъ у него была такая масса, что онъ, кажется, могъ бы снабдить ими всѣ энтомологическіе музеи всего свѣта. На мое требованіе прекратить такое милое занятіе во время чаепитія онъ сначала не обращалъ никакого вниманія, и мнѣ, наконецъ, пришлось пригрозить ему осязательными послѣдствіями, если онъ не пойдетъ на компромисъ и не согласится заниматься этимъ времяпровожденіемъ въ сторонѣ отъ насъ.

Суевѣріе Цампылова также вызывало омерзѣніе. Онъ не дѣлалъ глотка чаю, не принимался за мясо, масло, творогъ прежде, чѣмъ не

брызгалъ или не бросалъ во всѣ 77 странъ свѣта нѣсколько кусочковъ того и другого. При малѣйшей неожиданности онъ ругался самой крупной бурятской площадной бранью, и, когда мы бродили по болотамъ, всѣ окрестные лѣса и горы были полны эхомъ отъ его ругани. Узнавъ объ его пугливости и его привычкѣ при этомъ ругаться самымъ нецензурнымъ образомъ, жена и дочь ламы то и дѣло кричали у него надъ ухомъ, толкали внезапно, падали якобы на него, и Цампыловъ неизмѣнно оглашалъ юрту возгласами, отъ которыхъ краснѣли бурханы въ своихъ шкапахъ.

Закончился день небольшимъ эпизодомъ минорнаго характера. Старуха-хозяйка предложила сыну, пріемышу лѣтъ 17, помочь ей въ чемъ-то; тотъ не захотѣлъ исполнить ея приказанія, а когда мать его выругала за ослушаніе, онъ подскочилъ къ ней и нанесъ ей оскорбленіе дѣйствіемъ. Старуха сначала оторопѣла, а затѣмъ прибѣжала къ ламѣ жаловаться. Но лама, очевидно, призналъ себя безсильнымъ передъ совершимся фактомъ. Старухѣ остался тогда одинъ выходъ изъ затруднительнаго положенія—ругаться, и она ругалась нѣсколько часовъ подъ рядъ, систематически возвращаясь къ однимъ и тѣмъ же періодамъ, пересыпая часто свою брань словами «Ихэ шалмусъ» (дьяволъ), «читхуръ» (чортъ).

— Такой шалма,—голоситъ она:—никогда не поможетъ ни въ чемъ, за все лѣто ни одного полѣна не накололъ, ни одного воза дровъ не нарубилъ,—только и знаетъ, что въ карты играть и по вечеркамъ шляться... Читхуръ! Я его прошу: поддержи барана, а онъ меня хвать по рукѣ...

Возмущенный наравнѣ съ Маланычемъ дерзостью сына, я въ то же время мысленно удивлялся неутомимой энергіи старухи, повторявшей на всевозможные лады и тоны свою однообразную жалобу.

Начавши ее въ 7 часовъ вечера, она ея еще не кончила въ 11 ч.

— Тыймэ читхуръ!—слышу я въ полудремотѣ и засыпаю крѣпкимъ сномъ.

Съ Шараталы мы повернули на Баду; но прежде, чѣмъ добраться до бадинскихъ бурятъ, намъ пришлось перевалить цѣлую массу хребтовъ, перерѣзать десятки падей, перебродить множество горныхъ рѣчекъ, а также Хилокъ раза 2—3,—словомъ, намъ пришлось совершить два тяжелѣйшихъ переѣзда, потребовавшихъ минимумъ часовъ 30—35 и измучившихъ окончательно и нашихъ лошадей, и насъ самихъ. Особенно тяжело было бродить по болотамъ, гдѣ мы рисковали не разъ потерять своихъ лошадей. Понятно, что мы съ радостью встрѣтили широкую, красивую Бадинскую степь.

Главныя занятія бадинскихъ бурятъ—скотоводство и звѣриный промыселъ. Самый богатый человѣкъ здѣсь держитъ до 2.000 головъ скота—800 головъ рогатаго скота, 1.000 барановъ и 200 лошадей. Средній бурятъ имѣетъ до 350 барановъ, 200 головъ рогатаго скота и 70—80 ло-

падей. Продукты скотоводства—шерсть, масло, мясо, кожи—бадинскіе буряты продаютъ въ Петровскій заводъ или мѣняютъ на хлѣбъ. Хорошій охотникъ бьетъ на Бадѣ отъ 200—500 бѣлокъ въ сезонъ и до 10—20 козъ и 10 лисицъ въ годъ. Ставятъ звѣровщики ловушки и самострѣлы; стрѣляютъ также звѣрей изъ винтовокъ. Рыбу здѣсь ловятъ заѣздками,—ни сѣтей, ни неводовъ бадинскіе буряты не употребляютъ. Немалымъ подспорьемъ служитъ также для здѣшнихъ бурятъ сборъ орѣховъ въ урожайные годы. Хлѣбопашество на Бадѣ мало распространено. Когда-то бадинскіе буряты пробовали распахивать значительныя площади земли, но вынуждены были сократить земледѣльческое хозяйство, такъ какъ вслѣдствіе суровости климатическихъ условій хлѣбъ на Бадѣ [1]) почти всегда вымерзаетъ. Зато въ смыслѣ орошенія Бада находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ибо всѣ рѣчки, впадающія въ Хилокъ, благодаря особенному геологическому строенію поверхности Бады (конусамъ отложенія), текутъ по гребнямъ бугровъ и являются естественными питательными бассейнами для боковыхъ канавъ.

Замѣчательно, что покосы здѣсь точно размежеваны. Раньше косили, гдѣ кто хотѣлъ, но вслѣдствіе неурядицъ болѣе сильные тѣснили слабѣйшихъ; кто много накашивалъ, а кто и ничего не успѣвалъ накосить. Возникали безчисленные тяжбы и споры, и вотъ хоринская степная дума посовѣтовала бадинскимъ бурятамъ раздѣлить покосы на участки. 4 года тому назадъ всѣ бадинскія сѣнокосныя земли были размежеваны на паи, по числу наличныхъ рабочихъ душъ. Всякій родившійся получаетъ на свою долю участокъ въ $4^1/_2$ десятины.

На Бадѣ я пробылъ недолго; я торопился въ Кижингинскій дацанъ, а потому я на другой же день повернулъ снова въ хребты. Поѣхали мы Зугултаевской падью. Здѣсь дорога пошла опять прескверная—болотами. До Кижингинской степи не было никакой надежды добраться въ одинъ переѣздъ, и мы заночевали въ балаганѣ сѣнокосчика, у самой подошвы Хангатскаго хребта. Такъ какъ балаганъ могъ вмѣстить только одного человѣка, то онъ былъ уступленъ мнѣ. Балаганъ изображали собою разставленныя неправильной пирамидой жерди, просвѣты между которыми были покрыты корьемъ. Спереди открытый, онъ имѣлъ также громадное отверстіе сзади, не знаю ужъ, для какой надобности. Такой балаганъ могъ лишь защищать отъ дождя и жары, противъ же холода онъ былъ безсиленъ, а ночь наступала очень холодная. Чай мы всѣ пили вокругъ костра и все-таки должны были надѣть теплую одежду, кто какую имѣлъ. Спали всѣ, кромѣ меня, около костра, поддерживая въ немъ огонь въ теченіе всей короткой лѣтней ночи, тѣмъ не менѣе они всѣ сильно продрогли. Не только палъ иней, но былъ настоящій морозъ (23-го іюля).

---

[1]) Бада лежитъ на высотѣ 360—370 саж. надъ уровнемъ моря.

Въ 4 часа утра мы всѣ напились чаю и стали сѣдлать лошадей, а черезъ полчаса мы уже поднимались на крутой и очень высокій Хангатскій хребетъ. Въ 11 час. утра мы выѣхали на открытую Кижингинскую степь, а въ 4 час. дня мы уже подъѣзжали къ кижингинскому дацану.

IV.

Кижингинскій дацанъ.—Лама Д.—Какъ онъ понимаетъ нирвану.—Односторонность мышленія Д.—Какую форму имѣетъ земля по мнѣнію Д. и какимъ образомъ она держится въ міровомъ пространствѣ.—Характеристика одного бурятскаго училища со словъ учителя.—Его восторженные отзывы о способностяхъ бурятскихъ мальчиковъ.—Положеніе «бакши» среди бурятъ.—Почему такъ мало бурятскихъ мальчиковъ учится въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ.—Какъ понимаютъ буряты ученость.—Ламская терапія.—Распространенность сифилиса среди хоринскихъ бурятъ.—Необычайный діалогъ.—Лама Д. резюмируетъ сущность нашихъ бесѣдъ и излагаетъ свое религіозное profession de foi.

Въ Кижингинскомъ дацанѣ я остановился у ламы Д., который давно уже былъ предупрежденъ о предстоящемъ моемъ пріѣздѣ однимъ нашимъ общимъ хорошимъ знакомымъ. Гостепріимство и радушіе, которое проявилъ Д. по отношенію ко мнѣ, трудно описать. Достаточно сказать, что черезъ часъ послѣ моего пріѣзда въ дацанъ я себя чувствовалъ съ Д., какъ со старымъ хорошимъ знакомымъ.

Я очень много слышалъ о Д. раньше, слышалъ, что онъ одинъ изъ ученѣйшихъ ламъ хоринскаго вѣдомства, очень пытливый и любознательный человѣкъ и при всемъ этомъ еще философскій умъ. Среди простыхъ бурятъ о немъ шла молва, какъ о строжайшемъ, неприступномъ и молчаливомъ ламѣ, передъ которымъ всѣ дрожатъ. Велико же было мое удивленіе, когда я въ Д. нашелъ очень говорливаго, деликатнаго и мягкаго человѣка. Я понялъ, что люди видѣли только одну сторону сути. Дѣйствительно, съ приходившими къ нему бурятами Д. почти не говорилъ. Подойдетъ посѣтитель подъ благословеніе, Д. приложитъ къ его головѣ завернутое въ платокъ священное писаніе, и тотъ отойдетъ; иной посидитъ въ благоговѣйномъ молчаніи нѣсколько минутъ у порога юрты и со всевозможною осторожностью, не производя шума, удалится. Такъ поставилъ себя Д. со своими прихожанами, но мой пріѣздъ, очевидно, былъ для него необыкновеннымъ событіемъ, которое его вывело изъ обычнаго настроенія.

— Я радъ, очень радъ, что вы пріѣхали ко мнѣ. Мнѣ хочется о многомъ васъ разспросить,—скороговоркой заявляетъ мнѣ Д., сверкая глазами, какъ юноша, не смотря на свои 54 года. И лишь только я почувствовалъ себя лучше послѣ утомительнаго переѣзда, какъ онъ меня буквально засыпалъ вопросами:

— Какую вѣру вы считаете лучшей? Какъ вы представляете себѣ рай и адъ? Что, по вашему, дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти? и пр., и пр. — все вопросы, о которыхъ въ Европѣ интеллигентные

люди забываютъ цѣлыми годами и думать. Я сначала удерживался отъ отвѣтовъ, но Д. настаивалъ, просилъ меня высказаться,—и, извинившись заранѣе, что нѣкоторыя мои воззрѣнія покажутся, можетъ быть, оскорбительными для него, какъ буддиста, я далъ ему въ общихъ чертахъ отвѣты на его вопросы. Въ свою очередь я поинтересовался узнать, какъ онъ понимаетъ буддизмъ.

— Какъ вы смотрите на сотвореніе міра? — спрашиваю я Д.:— и какое отношеніе бурхана къ этому міру?

— Въ писаніи не сказано, что бурханъ сотворилъ міръ, но бурханъ существовалъ раньше его. Бурханъ сильнѣе міра, *но не можетъ сдѣлать сразу все, чего пожелаетъ*. Только медленно распространяетъ онъ свѣтъ истиннаго знанія и медленно подготовляетъ вселенную къ Нирванѣ.

Показался мнѣ очень оригинальнымъ взглядъ Д. на основателей міровыхъ религіи. Моисей, Христосъ и Магометъ, по его мнѣнію, бодисатвы, приближавшіе и приближающіе человѣчество къ Нирванѣ. И не только они, но всякій выдающійся въ нравственномъ и умственномъ отношеніи человѣкъ, распространяющій среди людей свѣтъ правды и истины, содѣйствуетъ болѣе скорому наступленію Нирваны. Эта мысль станетъ понятной, если вспомнить, что Нирванѣ предшествуетъ состояніе «боди», т. е., что лишь достигшая мудрости и нравственнаго просвѣтленія личность погружается послѣ смерти въ Нирвану.

Но насколько Д. поражалъ меня подчасъ своимъ глубокомысліемъ при обсужденіи отвлеченныхъ вопросовъ нравственности и религіи, настолько онъ возбуждалъ мое удивленіе своей наивностью, когда рѣчь у насъ заходила объ естественныхъ наукахъ.

— По нашему, — обратился ко мнѣ Д.,—міръ состоитъ изъ пяти элементовъ: воды, земли, огня, дерева и желѣза. Вы не признаете этого нашего дѣленія; на какомъ основаніи?

— А на томъ, что наша наука умѣетъ разлагать ваши элементы на составныя части и доказала, что все существующее въ мірѣ состоитъ не изъ 5, а изъ 65 и, можетъ быть, еще большаго количества элементовъ. Вашу воду, напр. наша химія разложила на 2 элемента: кислородъ и водородъ, изъ которыхъ каждый невидимый, не имѣющій вкуса и запаха газъ.

— Какъ же вы узнаете объ ихъ существованіи, если ихъ не видно и не слышно?

— Я сначала уклонился было отъ отвѣта напослѣдній вопросъ, ссылаясь на то, что ему навряд ли покажется понятнымъ мое объясненіе, но онъ съ какой-то страстностью настаивалъ, требовалъ, чтобы я ему растолковалъ все, и мнѣ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣлать экскурсіи чуть ли не во всѣ области естественныхъ наукъ; Д. удивлялся моимъ словамъ, отказывался вѣрить многимъ

моимъ доводамъ и все же просилъ новыхъ объясненій. Тогда я убѣдился, что развитой способный ученикъ 3-го класса гимназіи имѣетъ гораздо болѣе положительныхъ научныхъ знаній, чѣмъ этотъ ученѣйшій изъ ламъ. Д., напр., никакъ не могъ усвоить разницу между умозрѣніемъ и опытомъ. Иногда онъ мнѣ возражалъ аргументами, заимствованными имъ изъ тибетской науки. И всего интереснѣе было то, что эти свои аргументы онъ приводилъ съ удивительной убѣжденностью, не смотря на ихъ нелѣпость; напротивъ того, самыя, кажется, ясныя, неопровержимыя мои доказательства казались ему иногда не только не убѣдительными, но даже смѣшными...

Обо всемъ этомъ не стоило бы писать, если бы рѣчь шла объ обыкновенномъ бурятѣ; но предо мною стоялъ исключительный человѣкъ, серьезный, вдумчивый, настолько пытливый, что онъ не остановился передъ трудомъ самому воспроизвести земной шаръ, нарисовать на немъ всѣ части свѣта, градусную сѣть и пр., человѣкъ, много размышлявшій и хватавшійся за малѣйшій поводъ, чтобы проникнуть въ суть вещей. Но безъ помощи точныхъ знаній самый глубокій и острый умъ можетъ впасть въ невѣроятныя заблужденія.

Телеграфъ Д. понималъ совершенно по-дѣтски.

— Это пустое, это можетъ всякій дарханъ (кузнецъ-ремесленникъ) сдѣлать. Дайте мнѣ длинную проволоку, я ее протяну, буду стучать по одному концу ея, и вы, конечно, на другомъ концѣ услышите мой стукъ.

Онъ зналъ, что тамъ играетъ какую-то роль электричество, но причемъ оно—онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и 2 часа битыхъ мнѣ пришлось объяснять ему, въ чемъ заключается сущность телеграфа. Просто становилось жаль и обидно за человѣка, столь одареннаго отъ природы, но безсильнаго передъ простымъ физическимъ явленіемъ потому, что ни разу въ жизни ни единый почти лучъ положительнаго знанія не освѣтилъ его даровитую, жаждавшую истины голову.

Квартира Д.—ветхій, неуютный домъ, и намъ было довольно тѣсно. Въ виду этого онъ подыскалъ мнѣ квартиру у другого ламы, молодого эмчи С. Новое помѣщеніе мнѣ очень понравилось. Просторный, свѣтлый, безукоризненно чистый, хорошо обставленный русскій домъ, съ громадными окнами, форточками и занавѣсками производилъ самое лучшее впечатлѣніе, и работа моя тамъ шла очень успѣшно.

Д. меня навѣщалъ каждый день, а то и по нѣскольку разъ въ день, при чемъ у насъ всякій разъ обязательно завязывались самыя горячія бесѣды.

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ я открылъ снова Америку. Я понялъ, перечувствовалъ, ясно себѣ представилъ, какъ раньше сжигали людей за то, что они защищали теорію вращенія и шарообразности земли.

Д. категорически мнѣ заявилъ, что однимъ изъ крупнѣйшихъ заблужденій нашей науки онъ считаетъ теорію шарообразности земли.

— Ваши доводы не выдерживаютъ никакой критики.

Я вознегодовалъ.

— Какъ не выдерживаютъ критики?! А имѣете ли вы настоящее понятіе о нашихъ доводахъ? Знаете ли вы законъ всемірнаго тятотѣнія?

— Нѣтъ,—признался Д.

Я изложилъ ему сущность ньютоновскаго закона.

— Это выдумки!—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, не выдумки, а геніальное открытіе, давшее намъ возможность высчитать съ величайшею точностью пути вращенія земли, луны и прочихъ планетъ, размѣры ихъ, скорость движенія, вѣсъ и еще много, много другого.

— Какъ можно вычислить объемъ луны или вѣсъ ея, когда она такъ далеко отъ насъ? Видите, какъ вы наивны. Вѣдь это немыслимая вещь! Такъ же грубо вы ошибаетесь, утверждая, что земля похожа на шаръ. Васъ ослѣпляетъ компасъ. Компасъ всегда показываетъ сѣверъ потому, что тамъ есть большой камень - магнитъ. Вы блуждаете по плоской поверхности и, руководимые компасомъ, описываете по ней круги, а думаете, что земля кругла; у васъ головокруженіе.

Напрасно я ему возражалъ, что онъ не понимаетъ значенія компаса, что мы вовсе не ѣдемъ туда, куда показываетъ компасъ, а куда хотимъ; что компасъ даетъ намъ только возможность опредѣлить въ каждый данный моментъ, въ какомъ пунктѣ земнаго шара мы находимся. Если бы мы вращались постоянно на одномъ мѣстѣ, мы бы не могли открывать новыхъ странъ и народовъ, новыхъ путей и пр.

Лама стоялъ на своемъ.

— Вѣдь вы сѣвернаго и южнаго полюса не перешли, какъ же вы знаете, что тамъ дѣлается? Тамъ и лежитъ магнитный камень.

Всѣ мои доводы оказывались безсильными передъ упорствомъ Д.

— Теперь я понимаю, — воскликнулъ я:—почему встарину такъ трудно было убѣдить людей, что земля кругла, и почему ученыхъ, доказывавшихъ вращеніе земли, сжигали.

— Ихъ, этихъ сумасшедшихъ, и слѣдовало сжигать,—пылко отвѣтилъ Д.

Не знаю, шутилъ ли онъ, или, если бы это отъ него зависѣло, онъ бы также послалъ Бруно на костеръ, но я не могъ полушутливо не возблагодарить судьбу, что въ нынѣшнія времена за такія теоріи не сжигаютъ.

— Но какъ вы, послѣдователь всемилостиваго и всепрощающаго Будды, можете такъ нетерпимо относиться къ чужимъ мнѣніямъ?—спросилъ я Д. съ укоризной.

Д. засмѣялся.

— Какова же, по вашему мнѣнію, земля?

— Плоская, немного выпуклая «пупкомъ».

— И держится она на трехъ китахъ?

— Нѣтъ, это басни, она виситъ въ міровомъ пространствѣ.

— Что же ее держитъ въ этомъ пространствѣ?

— Сквозь землю проходитъ нѣчто въ родѣ трубы. Въ этой трубѣ существуетъ постоянная тяга отъ «хи» (воздуха). Этотъ-то «хи» и держитъ землю.

Вчера, когда я бесѣдовалъ съ Д. о химіи, онъ нѣсколько разъ допытывался, играютъ ли, по-нашему, въ химическихъ процессахъ какую-нибудь роль «хуйтунъ», «халунъ» и «хи» (холодъ, тепло и движеніе воздуха). Сегодня онъ снова выдвинулъ на сцену «хи». Если бы онъ зналъ, что европейская наука во всей вселенной находитъ только два основные элемента, силу и матерію, что живая энергія, по ея ученію, опредѣляется количествомъ тепла въ матеріи, что состояніе тѣлъ обусловливается температурой и давленіемъ, т.-е. тѣми же хуйтунъ, халунъ и хи, что тепло, свѣтъ и звукъ объясняются волнообразнымъ движеніемъ воздуха, эѳира и пр., т.-е. тѣмъ же хи,—онъ бы, конечно, торжествовалъ побѣду надъ нашей легковѣсной наукой. Онъ, конечно, никогда бы не могъ постигнуть, что между его понятіями и понятіями нашей науки лежитъ промежутокъ въ тысячи лѣтъ, въ теченіе которыхъ тысячи и тысячи великихъ и обыкновенныхъ умовъ трудились надъ выясненіемъ законовъ природы; что за этотъ промежутокъ времени записаны милліоны фактовъ и что только на основаніи стольких фактовъ могли быть построены поражающія своей глубиной и геніальностью теоріи...

Д. простился со мной, обѣщавшись еще завернуть, чтобы продолжать наши бесѣды, представляющія для него глубокій интересъ.

Сгущались сумерки. Въ головѣ у меня роемъ толпились самыя разнообразныя мысли. Я все думалъ о Д., моихъ бесѣдахъ съ нимъ, столь неожиданныхъ и оригинальныхъ. Свѣчъ я еще не зажегъ.

— Добрый вечеръ!—привѣтствуетъ меня незнакомый голосъ по-русски.

Я всматриваюсь во вновь пришедшаго, а онъ рекомендуется: учитель т—скаго бурятскаго училища, такой-то.

Я его встрѣчаю съ радостью. Отъ 11-го іюля вплоть до настоящаго дня (26 іюля) я не видѣлъ ни одного русскаго человѣка.

Учитель, очевидно, также пришелъ побесѣдовать съ проѣзжимъ «ученымъ» и сталъ распространяться о жизни на Кижингѣ, о томъ, что теперь каникулы и онъ отдыхаетъ, а отъ нечего дѣлать помогаетъ торговать брату своему, имѣющему лавочку при дацанѣ.

— Ну, какъ у васъ дѣла идутъ въ училищѣ?—перевожу я разговоръ на болѣе интересную тему. И учитель тотчасъ же охотно пустился разсказывать объ ихъ училищныхъ дѣлахъ.

— Когда я былъ назначенъ въ т—ское училище, я засталъ его въ самомъ ужасномъ состояніи; бывшій раньше тамъ учителемъ крещеный инородецъ N.N. сначала хорошо было повелъ дѣла, но впослѣдствіи онъ сильно предался пьянству. Тогда его перевели въ другое мѣсто, а обя-

занности учителя сталъ исполнять молодой бурятъ. При послѣднемъ училище окончательно пало. Бурятъ, вмѣсто того, чтобы учить дѣтей, по цѣлымъ днямъ пилъ и игралъ въ карты. Родители негодовали на такое поведеніе учителя и брали своихъ дѣтей изъ школы.

Когда онъ, мой собесѣдникъ, прибылъ въ т—ское училище, онъ нашелъ въ немъ всего 2-хъ учениковъ. Жалованье ему высылалось страшно неаккуратно, деньги на содержаніе бурятскихъ дѣтей также задерживались, такой порядокъ (или лучше безпорядокъ) уже издавна былъ заведенъ. Само собою понятно, что учителя, все люди бѣдные, не въ состояніи были дожидаться этого жалованья, и, чтобы не помереть съ голоду, они обыкновенно влѣзали въ долги, платя при этомъ 20—30% за 1 или 2 мѣсяца. Онъ самъ на себѣ испыталъ, насколько не обезпечено было существованіе учителя т—скаго училища. Цѣлыхъ полгода онъ требовалъ отъ бурятскаго общества жалованья, но ему денегъ не давали, отговариваясь тѣмъ, что онѣ еще не собраны (жалованье отпускалось изъ внутреннихъ повинностей). Такимъ образомъ понятно, что и онъ вынужденъ былъ обратиться къ извѣстному ростовщику-буряту З. за деньгами. Тотъ ссудилъ ему нужную сумму, содравъ съ него за 2 мѣсяца 20%. Тогда онъ послалъ жалобу на бурятскихъ родоначальниковъ прямо генералъ-губернатору, и только послѣ его жалобы жалованье учителю и стипендіи ученикамъ стали поступать аккуратно черезъ верхнеудинское казначейство.

Теперь онъ успѣлъ обставить училище очень удовлетворительно. Въ немъ числится 50 учениковъ—45 бурятъ и 5 русскихъ. Буряты очень способны и прилежны, и онъ, учитель, охотнѣе училъ бы 10 бурятскихъ мальчиковъ, нежели 2-хъ русскихъ. Такое сужденіе о способностяхъ бурятскихъ дѣтей я слышалъ уже не въ первый разъ. Мнѣ приходилось отъ очень многихъ учителей выслушивать точно такіе же отзывы о способностяхъ бурятскихъ мальчиковъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ училищахъ Забайкальской области, гдѣ учатся буряты, они считаются въ числѣ лучшихъ и прилежнѣйшихъ учениковъ. Ихъ трудолюбіе, воспріимчивость, сообразительность и особенныя способности къ математикѣ всегда ставятся учителями на видъ русскимъ ученикамъ. Георги [1]), а за нимъ Словцовъ, впали въ грубую ошибку, утверждая, что буряты «мало способны къ ученію» и тупоумны. Современные факты совершенно опровергаютъ ихъ взглядъ. У бурятскихъ дѣтей есть еще черта, уже привитая, которая приводитъ въ восторгъ ихъ русскихъ учителей: они глубоко почтительны съ послѣдними. По традиціи, «бакши» (учитель, наставникъ) считается очень уважаемой личностью. Потому ли, что обязанности «бакши» брали на себя съ давнихъ поръ ламы, или это просто результатъ благоговѣйнаго ува-

[1]) Риттеръ, стр. 144 т. V.; Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, стр. 15, часть IV.

женія простого міряпина къ человѣку, владѣющему «святой» наукой, но буряты питаютъ къ учителямъ особенное почтеніе; дѣти съ самаго ранняго возраста усвоиваютъ такое же отношеніе къ «бакши», и порядку и тишинѣ, царствующимъ въ бурятскихъ училищахъ во время уроковъ, позавидовали бы многіе педагоги.

— Одно только плохо,—сокрушенно обратился ко мнѣ мой собесѣдникъ:—уже слишкомъ большую силу имѣютъ у бурятъ богачи. Приговоры составляются въ пользу дѣтей бѣдныхъ бурятъ, а всѣ почти вакансіи занимаютъ дѣти богатыхъ. Я, конечно, борюсь съ богачами, заступаюсь за бѣдныхъ, но тяжела эта борьба, и нерѣдко они побѣждаютъ.

— А часто буряты посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ высшія училища—уѣздныя и гимназіи?

— Очень рѣдко! Буряты не желаютъ учить своихъ дѣтей подолгу; если они ихъ отдаютъ въ училища, то для того, чтобы они научились мало-мало говорить и писать по-русски. Это теперь необходимо: незнающаго по-русски не утвердятъ ни въ должности старосты, ни въ должности головы. Ну, а давать дѣтямъ настоящее образованіе мало охотниковъ. Вотъ теперь въ читинской гимназіи открылась вакантная бурятская стипендія. И повѣрите? Я весь Хилокъ объѣхалъ, просилъ родителей моихъ способнѣйшихъ учениковъ отпустить дѣтей въ Читу—ни одного не нашлось желающаго! А между тѣмъ буряты очень скоро забываютъ въ улусѣ то, чему научились въ школѣ. Кончитъ мальчикъ даже уѣздное училище, уѣдетъ къ себѣ домой, и черезъ 2—3 года большая часть его знаній уже испарилась изъ его головы.

Возможно, что г. учитель при описаніи нѣкоторыхъ вещей клалъ слишкомъ густыя краски, но въ общемъ его характеристика бурятскихъ школъ и отношеній самихъ бурятъ къ нимъ сходится, какъ съ тѣмъ, что мнѣ говорили другіе учителя, такъ и съ тѣмъ, что я самъ наблюдалъ и слышалъ отъ бурятъ.

Покуда учитель держался на почвѣ своей спеціальности, онъ представлялъ значительный интересъ, но лишь только дѣло коснулось житейскихъ вопросовъ, я долженъ былъ самъ себѣ признаться, что т—скому Песталоцци многаго недостаетъ.

— Съ ламами,—докладываетъ онъ мнѣ,—живу я хорошо, дружно,—а самъ тутъ же говоритъ имъ въ лицо массу оскорбительныхъ вещей, не сознавая даже этого. Но еще болѣе грустное впечатлѣніе производилъ на меня его разговоръ о торговлѣ. Онъ его велъ съ такимъ одушевленіемъ, что я мысленно удивлялся, отчего это онъ не бросаетъ училища и не принимается за аршинъ и гири.

Нечаянно, негаданно попалъ въ профессора анатоміи. Разговорившись съ моимъ хозяиномъ-ламой, не очень ученымъ, но чрезвычайно добродушнымъ и деликатнымъ человѣкомъ, я какъ-то на вопросъ его, чему я учился, вскользь отвѣтилъ, что когда-то проходилъ нѣкоторыя

медицинскія науки. Признаюсь, я это сообщилъ ему съ цѣлью завлечь его въ бесѣду о ламской или тибетской медицинѣ, но моя случайная фраза дала совершенно неожиданный оборотъ нашему разговору. Лама С.—эмчи и «цзурухайчи» (врачъ и астрологъ)—настойчиво сталъ меня просить познакомить его съ анатоміей человѣческаго тѣла, какъ она излагается въ нашей наукѣ. Я долго отказывался отъ чести занять кафедру анатоміи въ кижингинскомъ дацанѣ, хотя бы на 2 часа, но просьбы хозяина были такъ настоятельны, что, по долгу обязаннаго ему гостя, я согласился на самопожертвованіе и, сдѣлавъ страшное усиліе, вызвалъ въ своей памяти незабытыя еще страницы Гиртля и Лесгафта и пустился въ объясненія, иногда довольно-таки рискованнаго характера. Само собою разумѣется, что С. счелъ меня чуть ли не спеціалистомъ по анатоміи. Удивительно наивное представленіе имѣютъ буряты о наукѣ! Знаніе языковъ считается у нихъ основнымъ признакомъ учености, и меня часто осаждали вопросами, сколько языковъ я изучилъ въ университетѣ. Большинство даже ученыхъ бурятъ увѣрены, что въ нашихъ университетахъ на первомъ планѣ стоитъ лингвистика, и многіе изъ нихъ искренно удивлялись, какъ это я, «ученый человѣкъ», не знаю тибетскаго и санскритскаго языковъ.

Мои лекціи по анатоміи повторялись нѣсколько разъ. Въ свою очередь и я поинтересовался тибетской терапіей и при первомъ удобномъ случаѣ задалъ своему хозяину цѣлый рядъ вопросовъ.

— Какъ вы лѣчите такую-то болѣзнь?

— Есть такія «задачки» [1]); выпьетъ больной, и ему легче станетъ.

— А такую-то болѣзнь?

— Тоже есть такія задачки.

— А какъ вы сифилисъ лѣчите?

— И противъ этой болѣзни есть задачки. Если болѣзнь еще свѣжа, то отъ нихъ скоро больному становится «гэмъ-угэй»—ничего себѣ, а если болѣзнь застарѣлая, то ее очень трудно лѣчить.

Тогда, я слышалъ, ламы даютъ своимъ больнымъ меркуріальные препараты въ громадныхъ дозахъ. А надо замѣтить, что среди хоринскихъ бурятъ сифилисъ очень распространенъ. Худунъ, Кижинга, Ульдурга и многія другія мѣста заражены сифилисомъ. При отсутствіи предосторожностей, при обычаѣ бурятъ пользоваться всегда чужой посудой, рѣдко или никогда непромываемой, при сравнительной свободѣ половыхъ сношеній у нихъ, сифилисъ въ улусахъ находитъ въ высшей степени благопріятныя условія для своего распространенія. Я просто поражался, какъ часто въ весьма приличныхъ бурятскихъ семьяхъ встрѣчались мужчины и женщины безъ носовъ или съ очень подозрительною хрипотой, жалующіеся на постоянную болѣзнь гортани и пр.

---

[1]) Ламы свои лѣкарства почти всегда приготовляютъ въ видѣ порошковъ, и эти-то порошки мѣстное русское населеніе называетъ «задачками».

Ламы нерѣдко излѣчиваютъ сифилисъ, но они, конечно, безсильны передъ печальными санитарными условіями бурятскаго улуса; русскіе же врачи и фельдшера почти никогда не заглядываютъ въ бурятскія кочевья; да они также оказались бы тамъ безпомощными. Нужно было бы кореннымъ образомъ преобразовать санитарное состояніе улусовъ, чтобы начать болѣе или менѣе успѣшную борьбу со страшною болѣзнью. А это дѣло очень нелегкое, потому что теперешнее состояніе улуса всецѣло вытекаетъ изъ самой сущности кочевого быта.

Д. пригласилъ меня къ себѣ, и я охотно пошелъ къ нему. Бесѣды съ этимъ ламой мнѣ доставляли громадное удовольствіе и даже нравственное наслажденіе. Для человѣка нѣтъ, кажется, ничего болѣе пріятнаго, какъ возможность высказывать передъ нетронутымъ сомнѣніями, лицемѣріемъ и ложью слушателемъ свои самыя дорогія убѣжденія. А Д. былъ именно такимъ слушателемъ. Онъ внималъ моимъ рѣчамъ, которыя показались бы, пожалуй, иному жителю большого города избитыми, съ такимъ нескрываемымъ интересомъ и даже увлеченіемъ, точно онъ слушалъ высокую пророческую проповѣдь.

На этотъ разъ наша бесѣда приняла совершенно оригинальное направленіе.

Въ комнатѣ стоялъ полумракъ. На дворѣ былъ вечеръ. Одна стеариновая свѣча тускло освѣщала фантастическія фигуры бурхановъ и обыкновенную обстановку ламскаго жилища.

— Вы давно вѣрно не слыхали музыки?—спросилъ меня Д.

— Да, очень давно, мѣсяца три.

Онъ подошелъ къ какому-то ящику, стоявшему въ углу и завелъ его. Раздались мелодичные звуки, и вскорѣ я, къ великому своему изумленію, услышалъ вальсъ изъ «Корневильскихъ колоколовъ». Трудно передать, какое впечатлѣніе производили звуки вальса въ юртѣ ламы. Д. сидѣлъ противъ меня въ своей желтой мантіи съ «оркижми» черезъ плечо, на полу у дверей темнѣли силуэты Маланыча и хуварака Д. Всѣ молчали, а звуки лились и лились.... мотивы мѣнялись...

Вскорѣ музыка сдѣлала свое. Звуки минорнаго анданте меня отвлекли отъ окружающаго. Я задумался—и тысячи мыслей и воспоминаній, то цѣльныхъ и жгучихъ, то отрывочныхъ и едва уловимыхъ, закипѣли въ головѣ.

— Не о любви ли вы задумались?—раздается голосъ Д.

— Нѣтъ, совсѣмъ о другомъ.

— А развѣ вы не скучаете по молоденькихъ дѣвушкахъ?

Этотъ рѣзкій вопросъ меня и изумилъ, и покоробилъ.

— Нѣтъ, мнѣ теперь некогда думать о нихъ.

— А я полагалъ, что вы сильно скучаете по дѣвушкахъ; «ноёны» любятъ ихъ очень.

— Ну, далеко не всѣ ноёны такъ тоскуютъ о нихъ, какъ вы думаете.

— Отчего же не тосковать? Вѣдь вы не тойнъ (монахъ)? Вы молоды, вамъ бы и наслаждаться.

— Я хотя и не тойнъ, а меня могутъ удерживать другія мысли, напр., что не хорошо поддаваться всякому желанію.

— А зачѣмъ удерживаться! У насъ только ламамъ запрещается имѣть дѣло съ женщинами.

— А у насъ многіе хорошіе люди говорятъ, что надо по возможности удерживаться отъ такихъ вещей. Женись, а вести распутную жизнь не хорошо.

— Что же, это имъ вѣрно очень тяжело исполнять?

— Нѣтъ, не тяжело. У нихъ много другого дѣла, и они рѣдко думаютъ о женщинахъ, а подумаютъ, такъ не всякой же мысли надо волю давать.

— Удивительныя вещи вы мнѣ разсказываете! А много такихъ людей у васъ?

— Нѣтъ, пока не много, но ихъ съ каждымъ днемъ становится все больше. У насъ объ этомъ самомъ пишутъ въ газетахъ, разсуждаютъ, какъ сойдутся вмѣстѣ; кому по душѣ это ученіе, тотъ его принимаетъ и старается жить согласно ему.

Лама глубоко призадумался. Было 12 часовъ ночи. Мнѣ надо было на другой день посѣтить кое-какихъ кижингинскихъ мірянъ, и я простился съ Д., пригласивъ его къ себѣ на завтрашній вечеръ.

Пришелъ ко мнѣ Д. Мнѣ показалось, что онъ собирается мнѣ сказать нѣчто очень серьезное. И дѣйствительно, какъ только стемнѣло, и хувараки моего хозяина удалились въ свои юрты (въ присутствіи хувараковъ Д. воздерживался отъ отвлеченныхъ бесѣдъ и все вращался около обыденныхъ вещей), Д. обратился ко мнѣ съ такой рѣчью:

— За эти дни я наговорилъ вамъ много твердыхъ (рѣзкихъ) словъ, но я говорилъ ихъ лишь затѣмъ, чтобы побольше услышать отъ васъ новыхъ рѣчей. Я обыкновенно очень молчаливъ, но, замѣтивъ, что имѣю дѣло съ образованнымъ человѣкомъ, я захотѣлъ узнать, какъ можно больше о вашей наукѣ. Быть можетъ, я васъ огорчалъ, но я не желалъ васъ огорчить.

И онъ сталъ резюмировать всѣ наши разговоры съ удивительной послѣдовательностью. Я слушалъ его, слушалъ своего переводчика и убѣждался все болѣе, что имѣю дѣло съ замѣчательною личностью, хотя не лишенною странностей. Маланычъ въ этотъ вечеръ превзошелъ самого себя: такъ умно, умѣло и точно онъ передавалъ часто весьма отвлеченныя выраженія Д.

— Вѣрно я передалъ ваши слова? — спросилъ меня Д., закончивъ свое длинное резюмѣ.

— Вѣрно.

— Ну, теперь я могу вамъ сказать еще нѣсколько словъ о буддизмѣ.

Многаго я не знаю, но кое-что читалъ. У насъ масса книгъ написана о вѣрѣ, и въ этихъ книгахъ вы найдете самыя разнообразныя толкованія о Богѣ. Въ одномъ мѣстѣ вы прочтете, что Богъ не имѣетъ имени, что его грѣшно изображать въ какомъ бы то ни было видѣ; въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, ему приписываютъ десятки различныхъ видовъ. Одно ученіе запрещаетъ кланяться и молиться бурхану, другое предписываетъ множество молитвъ и объясняетъ подробно, какъ надо молиться, когда стоя, когда на колѣняхъ и т. д. Кто какъ можетъ, такъ и понимаетъ и вѣритъ. Мнѣ лично пришлись по сердцу ваши слова, что «вѣра безъ дѣлъ мертва», что человѣку нужно совершать какъ можно больше хорошихъ дѣлъ, и я подумалъ, что вы очень ученый человѣкъ, а когда я услышалъ о вашей новой вѣрѣ, то рѣшилъ, что вы изъ высочайшихъ людей, потому что ваша вѣра очень, очень высокая вѣра.

Я сказалъ Д., что моя вѣра далеко не такъ нова, что она давно имѣетъ названіе и очень многихъ послѣдователей, особенно въ образованныхъ странахъ, и всѣ, кто ее исповѣдываетъ, ставятъ задачей своей жизни сдѣлать какъ можно больше хорошихъ дѣлъ.

Д. слушалъ меня, широко раскрывъ глаза.

— Кто же ее исповѣдываетъ? Вѣрно все ученые люди?

— Нѣтъ, не одни ученые, а всякій, кто желаетъ своимъ ближнимъ добра. Часто даже бываетъ такъ, что ученые живутъ очень не хорошо, безнравственно, а какіе-нибудь простые люди обнаруживаютъ высокую братскую любовь другъ къ другу. Главное, чтобы сердце было чистое и совѣсть спокойная...

Мы совершенно примирились съ Д. Его рѣзкія, иногда даже грубыя выходки, его желчные нападки, не разъ огорчавшіе меня во время нашихъ споровъ, оказались съ его стороны простымъ полемическимъ пріемомъ, чтобы услышать отъ меня больше вѣскихъ и неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу моихъ взглядовъ. Я не могъ не замѣтить ему, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, такъ какъ его рѣзкости вынуждали меня неоднократно прекращать споръ въ самомъ началѣ.

Было 4 часа утра, когда я окончательно простился съ Д. На дворѣ свѣтало. Я остался одинъ и долго не могъ уснуть. Я не ожидалъ, что въ сибирской глуши, гдѣ-то въ бурятскомъ дацанѣ мнѣ придется ночи проводить въ защиту самыхъ дорогихъ для меня воззрѣній... Какъ богата человѣческая натура! Вездѣ она пытливо вопрошаетъ жизнь, вездѣ она старается разгадать тайну этой жизни, и если жаждущему познанія человѣку выпадаетъ благопріятный случай, со дна его души поднимаются годами и десятилѣтіями накопившіеся вопросы и сомнѣнія и требуютъ властно отвѣта, разрѣшенія ихъ. Такъ было и съ Д. Кто знаетъ, сколько лѣтъ таились въ немъ вопросы, которыми онъ меня засыпалъ съ перваго же момента нашей встрѣчи? Удовлетворилъ ли

я его, или нѣтъ—я не знаю, но многія сомнѣнія такъ или иначе, были разрѣшены, и, что важнѣе всего, Д. познакомился съ міросозерцаніемъ, совершенно ему чуждымъ, о существованіи котораго онъ не имѣлъ даже самаго смутнаго представленія... Снова онъ замкнется въ себя, снова онъ будетъ однимъ жестомъ руки удалять всякаго непрошеннаго посѣтителя изъ своей аскетической кельи; но въ головѣ у него запечатлѣлось такъ много новаго, что на переработку всего имъ слышаннаго онъ, пожалуй, употребитъ весь остатокъ дней своихъ, въ промежуткахъ между чтеніемъ своихъ тибетскихъ книгъ и исправленіемъ обязанностей ламы. Передастъ ли онъ кому-нибудь хоть часть своихъ глубокихъ и страстныхъ думъ, или онъ унесетъ тайну своихъ душевныхъ мукъ и наслажденій съ собою въ могилу?...

М. Кроль.

Конецъ.

ЦЫГАНЕ.

Разсказъ **Ивана Франко**. (Переводъ съ галицкаго).

I.

Горное село Ластовки расположилось на рѣкѣ Стрыѣ, тамъ, гдѣ онъ, послѣ своего большого поворота подъ Турку, загибаетъ къ Синеводску, извиваясь между горами и лѣсами. Это небольшое заброшенное село скрываетъ между лѣсами и дебрями свои разбросанныя, убогія хатки бойковъ. Ниже села, за лѣсомъ, который тянется до самаго берега рѣки, надъ Стрыемъ торчитъ высокая скала. Обрывистою стѣною громоздится она надъ самымъ поворотомъ рѣки, а своею вершиною, зеленою отъ мха и папоротника, царитъ надъ сосѣдними горами. Стрый лѣтомъ ласково плещется объ ея подошву, а осенью грозно реветъ и пѣнится, заливая узкую тропинку, которая вьется подъ скалою вдоль его берега. Со всѣхъ сторонъ вокругъ высятся горы, покрытыя чернымъ лѣсомъ; только кое-гдѣ верхушки ихъ обозначаются безлѣсными полянами, которыя кажутся сѣро-зелеными пятнами на темномъ фонѣ. Пусто и жутко въ осенній день около скалы; только волны Стрыя ревутъ и разбиваются объ острые камни.

Пусто и жутко въ душѣ полицейскаго стражника, который въ дождливый осенній день идетъ тропинкою надъ рѣкой въ плащѣ и шапкѣ съ пѣтушьимъ перомъ, съ перевѣшеннымъ черезъ плечо ружьемъ. Онъ внимательно озирается по сторонамъ. Нигдѣ ни живой души, и если бы не утоптанная тропинка подлѣ рѣки, то можно было бы подумать, что сюда, въ эту дикую лѣсную котловину, еще отъ сотворенія міра не ступала нога человѣческая.

— Плюнулъ бы я на такую собачью службу!—ворчалъ стражникъ, обтирая платкомъ усы, съ которыхъ капала дождевая вода:—Лазь и лазь, какъ заклятый, по этимъ проклятымъ вертепамъ, и все даромъ. Эти поганые бойки боятся стражника больше, чѣмъ чорта. Каждый обходитъ его на тысячу шаговъ, какъ только гдѣ увидитъ. Такъ и кажется, что каждый изъ нихъ только что укралъ что-нибудь или убилъ кого-нибудь. А если и попадешь на какого изъ нихъ, то скорѣе отъ этой скалы допросился бы чего-нибудь, чѣмъ отъ него. Чортъ бы побралъ этотъ поганый, безмысленный народъ!

Такъ ворчалъ стражникъ, приближаясь къ скалѣ и поминутно погля-

дывая на Стрый, который сердито разбивалъ свои волны о камни, какъ будто и самъ злился на этихъ дикихъ, безсмысленныхъ бойковъ.

— Ишь какъ много воды!—ворчалъ дальше стражникъ.—Какъ бы только она не залила тропинки да не снесла кладки, а то до ночи не добраться сегодня до тѣхъ чортовыхъ Ластовокъ, хоть онѣ уже и близко. Совсѣмъ мнѣ въ этихъ горахъ нѣтъ счастья, хоть сядь да плачь! Вотъ уже четвертый разъ я обхожу эти вертепы, и еще ни разу мнѣ не посчастливилось поймать какого-нибудь вора или разбойника. А между тѣмъ довольно только взглянуть, чтобы увидать, что воровъ и разбойниковъ тутъ полно. И что хуже всего, даже какого-нибудь оборванаго бродяги, какого-нибудь старика-нищаго не пришлось арестовать. Какъ будто сговорились, чтобы не попадаться мнѣ на глаза. А другіе стражники каждый разъ тѣхъ бродягъ, нищихъ да цыганъ гонятъ передъ собой цѣлую ораву, полную тюрьму набьютъ. А я... хоть бы тебѣ одного! Плюнулъ бы на такое счастье, да и только!..

И стражникъ гнѣвно взглянулъ впередъ. Онъ стоялъ уже предъ самою скалою. Тропинка здѣсь подымалась немного въ гору и шла какъ будто по каменному карнизу, то подходя къ отвѣсной стѣнѣ, то снова опускаясь чуть не до самой воды. Уже издали стражникъ увидѣлъ, что сейчасъ же, на первой такой впадинѣ, тропинка была залита мутною, вспѣненною водою.

— Вотъ тебѣ и на! — крикнулъ онъ со злостью: — опять неудача! Прійдется обходить вокругъ этого препятствія, царапаться полчаса по кустамъ и разсѣлинамъ, а за это время я могъ бы быть уже въ Ластовкахъ. А, чтобъ тебя громъ небесный побилъ съ такими порядками!

И скользя въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ по мокрому мху, стражникъ свернулъ направо между корчевинами, подъ гору, чтобы обойти скалу. Нечаянно онъ какъ-то взглянулъ въ сторону и остановился. Что за чортъ! Ему показалось, какъ будто бы изъ скалы легкими клубами выползалъ дымъ, который, точно въ испугѣ, все больше расползался и исчезалъ въ воздухѣ. Стражникъ сразу самъ не повѣрилъ своимъ глазамъ. Однако, когда онъ остановился и внимательнѣе присмотрѣлся, то увидѣлъ, что дѣйствительно изъ-за острыхъ зазубринъ скалы, какъ будто изъ самой средины главной ея массы подымался дымъ. Можетъ ли это быть? Стражникъ былъ не изъ боязливыхъ, однако у него за плечами пробѣжалъ морозъ; онъ никакъ не могъ понять, что бы это такое могло быть. Наконецъ, онъ бросилъ размышлять.

— Навѣрное дровосѣки разложили огонь. А можетъ быть, какіе-нибудь воры? Дѣйствительно, что бы здѣсь дровосѣки дѣлали? Пойду, развѣдаю.

И онъ съ трудомъ началъ взбираться по скользкимъ скаламъ туда, гдѣ выше ихъ, какъ великанъ, торчала высокая каменная стѣна. Сразу онъ не могъ ничего разглядѣть. Уже начались сумерки; тѣнь отъ скалы густымъ мракомъ прикрывала какъ разъ то мѣсто,

откуда выходилъ дымъ. Напрасно стражникъ напрягалъ зрѣніе и слухъ—ничего нельзя было ни увидѣть, ни услышать, кромѣ бѣшенаго клокотанія разливающейся рѣки подъ скалою да осенняго, протяжнаго стона лѣса.

— Гей, кто тамъ? Отзывайтесь!—крикнулъ стражникъ, но только голосъ его уныло зазвучалъ между скалами, да противоположная гора повторила конецъ его оклика «айтесь!». Тогда стражникъ началъ пробираться дальше. На небольшой площадкѣ между камнями онъ увидѣлъ поломанныя сухія вѣтки, какія-то свѣжія еще кости и наполовину изгнившіе куски тряпья. «Ну, безъ сомнѣнія, слѣды человѣка!» подумалъ стражникъ. Присмотрѣвшись ближе, онъ увидѣлъ еле замѣтную тропинку, которая змѣей вилась между камнями, тянулась поперекъ площадки и терялась въ тѣни, подъ отвѣсною стѣною, какъ разъ тамъ, откуда выходилъ дымъ. И только приблизившись на два шага, стражникъ увидѣлъ выдолбленную въ стѣнѣ небольшую дыру, заваленную обгорѣлымъ пнемъ. Онъ самъ не зналъ, отчего вдругъ сердце какъ-то неспокойно забилось въ груди. Схвативъ обѣими руками ружье, какъ бы готовясь къ штурму, онъ осторожно началъ подходить. Тишина внутри темной пещеры еще больше его безпокоила, а въ душѣ онъ начиналъ сердиться самъ на себя за то, что передъ тѣмъ такъ громко крикнулъ и выдалъ свое приближеніе. Кто знаетъ, можетъ быть, неизвѣстный врагъ, предупрежденный его крикомъ, слѣдитъ уже за нимъ изъ какой-нибудь скрытой и надежной засады? Однако возвращаться было, можетъ быть, еще опаснѣе, и потому онъ пошелъ дальше. Наконецъ онъ остановился передъ самою пещерой, осмотрѣлъ саблю и патронташъ, а потомъ сразу толкнулъ пень ногою и открылъ входъ въ пещеру. Дымъ клубами пахнулъ ему въ лицо, но за дымомъ ничего не было видно. Чтобъ заглянуть внутрь пещеры, онъ долженъ былъ наклониться. Когда дымъ немного разсѣялся, стражникъ увидѣлъ внутренность высѣченной въ скалѣ пещеры. Сѣрыя каменныя стѣны сходились вверху, какъ склепъ. Внизу, въ каменномъ полу, посреди пещеры была вырыта небольшая ямка, въ которой тлѣлъ огонь, прикрытый наполовину изгнившей колодой, сильно дымившей. Вокругъ огня сидѣло нѣсколько человѣкъ, дѣтей и взрослыхъ, едва прикрытыхъ грязнымъ тряпьемъ. Лицъ стражникъ разсмотрѣть не могъ, а только видѣлъ, какъ нѣсколько паръ, черныхъ, испуганныхъ глазъ со страхомъ уставились на него.

— Кто вы такіе?—крикнулъ онъ грозно.

— Цыгане, паночку!—отвѣтилъ грубый, но смирный голосъ.

— А что вы здѣсь дѣлаете?

— Живемъ, паночку!

Стражникъ еле-еле пробрался до средины пещеры и началъ осматривать жилище и людей. Въ одномъ углу пещеры лежали на маленькой повозкѣ кузнечныя принадлежности: мѣхъ, наковальня и молоты;

въ другомъ—куча сухихъ вѣтокъ для топлива. На вѣткахъ было развѣшено грязное бѣлье. Близъ огня, на срединѣ пещеры находилась постель всей семьи—вязка полусгнившей соломы, брошенная на камни, да куча сухого мха и листьевъ. Только на одномъ концѣ этой постели, на самомъ почетномъ мѣстѣ, лежала невыдѣланная конская шкура, которою на ночь укрывался старый ромъ [1]).

— А сколько васъ здѣсь?—спросилъ снова грозно стражникъ, оборачиваясь къ огню.

— Пятеро, паночку, пятеро,—отвѣчалъ цыганъ и всталъ на ноги, весь дрожа отъ холода. Остальные цыгане тоже встали. Кромѣ стараго цыгана, здѣсь была еще цыганка, парень и двое маленькихъ совсѣмъ голыхъ цыганятъ. Всѣ они даже посинѣли отъ холода и казались какъ будто опухшими—вѣроятно, отъ голода.

— Чѣмъ же вы здѣсь живете, бродяги? — допрашивалъ дальше стражникъ.

— Божьей милостью, паночку, Божьей милостью. Вотъ лошаденка у насъ недавно издохла, такъ у насъ еще было мясо.

— А давно вы здѣсь?

— Двѣ недѣли, паночку.

Кто его знаетъ, отчего стражника злили эти слишкомъ покорные отвѣты стараго цыгана. Въ этомъ плаксивомъ голосѣ, въ этомъ ежеминутно повторяемомъ «паночку» стражникъ видѣлъ скрытую насмѣшку надъ своей властью.

— А много вы крадете по селамъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, паночку, мы ничего не крадемъ. Ромъ Пайкушъ не крадетъ! Ромъ Пайкушъ, пока можетъ, живетъ трудами своихъ рукъ. Только теперь, когда пропала наша лошаденка, мы не можемъ тронуться съ мѣста. Приходится посидѣть здѣсь, пока немного распогодится.

— Пока не украдете новаго коня!—издѣвался стражникъ.—А ну, собирайтесь, маршъ со мною!

— Куда, паночку?—спросилъ старый цыганъ дрожащимъ голосомъ.

— Не спрашивай! Собирайся со своимъ поганымъ родомъ и приплодомъ, пойдемъ въ село. А тамъ ужъ посмотримъ, что съ вами дѣлать.

Старый цыганъ стоялъ, какъ окаменѣлый; старая же цыганка, словно камень съ неба, упала къ ногамъ стражника и закричала, какъ будто ее хотѣли рѣзать.

— Паночку, паночку! Голубчикъ нашъ! Что тебѣ сдѣлалъ старый Пайкушъ, что тебѣ сдѣлали бѣдные ромы, что хочешь насъ въ такой холодъ выгонять на дворъ? Ты погляди, мои дѣти совсѣмъ голыя, да и мы сами не перенесемъ такой стужи. Смилуйся, паночку, смилуйся,

---

[1]) Такъ сами себя называютъ цыгане.

не гони насъ никуда! Пусть бѣдные ромы поживутъ еще на бѣломъ свѣтѣ!

— Ты не будешь молчать, ты, пугало воронье!—крикнулъ на нее стражникъ и оттолкнулъ старую цыганку. — Сейчасъ же всѣ собирайтесь.

Но тутъ вся семья, большіе и маленькіе, съ визгомъ и плачемъ бросились стражнику въ ноги и начали просить и умолять его, чтобы онъ оставилъ ихъ въ каменной хатѣ. Да и самъ стражникъ задумался, что ему дѣлать? Село еще не близко, дорога неровная и безлюдная, наступаетъ ночь, трудно будетъ ему одному довести до села цѣлую эту ораву. И онъ перемѣнилъ свой планъ.

— Ну, чего вы ревете, глупые цыгане?—сказалъ онъ.—Не бойтесь, вѣдь я васъ живыми не съѣмъ. Пусть будетъ по-вашему, оставайтесь здѣсь. Только слушай, старикъ, пока я не вернусь, не смѣй отсюда трогаться.

Старый цыганъ стоялъ, какъ столбъ. Удивленными, испуганными глазами глядѣлъ онъ на стражника, предчувствуя въ его словахъ какую-то новую бѣду.

— Ну, что же ты уставилъ на меня свои бѣльма, чего хлопаешь глазами, какъ недорѣзанный баранъ?—крикнулъ стражникъ.—Слышишь или нѣтъ, что я тебѣ говорю? Не смѣй мнѣ трогаться отсюда, пока я на обратномъ пути не зайду сюда, а то бѣда тебѣ.

Старый цыганъ все еще стоялъ, какъ окаменѣлый. Только цыганка, низко кланяясь, сказала стражнику:

— Хорошо, паночку, хорошо!

Стражникъ еще разъ оглядѣлъ пещеру, плюнулъ отъ омерзѣнія и вышелъ.

— Бродяги проклятые!—ворчалъ онъ, съ трудомъ сходя со скалы.— Вотъ куда они забрались! Однако, я ихъ нашелъ. Ну, хоть теперь какой-нибудь «белобунгъ» [1]) будетъ.

II.

Ластовскій войтъ, какъ и каждый бойко, былъ неграмотенъ; съ властями онъ былъ покоренъ и сговорчивъ, а съ подчиненными упрямъ тѣмъ безсмысленнымъ упрямствомъ, которымъ отличаются люди съ ограниченнымъ умомъ. Стражники рѣдко заходили въ это сельцо, и потому каждое появленіе стражника вызывало въ селѣ настоящее волненіе. Эти люди, выросшіе въ горахъ и лѣсахъ, считали должность войта тяжелымъ бременемъ главнымъ образомъ потому, что войтъ каждый разъ обязанъ былъ являться передъ разными «панами», пріѣзжающими въ село, долженъ былъ отвѣчать на ихъ разспросы и

[1]) Нѣмецк. Belobung—похвала, награда.

исполнять ихъ приказанія. Кто изъ громады былъ насильно «посаженъ на войта», тотъ обыкновенно оставался въ этой должности много лѣтъ, пока только могъ двигаться, ибо другой никто не рѣшался безъ крайней необходимости взять на себя эту страшную повинность.

Нашъ войтъ былъ еще недавно выбранъ и потому еще не привыкъ къ панамъ. Онъ сильно испугался, когда поздно вечеромъ стражникъ вошелъ къ нему въ хату. Но еще больше онъ испугался, когда прибывшій «панъ» разсказалъ ему о цыганахъ. Правда, войтъ зналъ, что цыгане живутъ въ скалахъ; значитъ, не самихъ цыганъ онъ испугался. Испугался онъ того, что стражникъ ихъ нашелъ и что теперь, вѣроятно, и его вмѣстѣ съ цыганами потащатъ въ Подбужъ.

— Ну, а вы знаете объ этихъ цыганахъ?—спросилъ стражникъ войта

— Да, будто знаю.

— Что жъ они, крадутъ?

— Да, вѣроятно, не безъ того, чтобъ и не крали. Гдѣ жъ бы таки цыганъ выдержалъ безъ этого. Только старикъ иногда что-то куетъ, какъ будто бы работаетъ. Только эта его цыганская работа!..

— Я такъ и зналъ,—проворчалъ стражникъ.—Ну, войтъ, на васъ лежитъ отвѣтственность за нихъ.

— На мнѣ!—вскрикнулъ испуганный войтъ.—Если они что-нибудь уворуютъ, то я долженъ за нихъ отвѣчать?

— Ну, да, вы отвѣчаете за все, что случится въ чертѣ вашего села. У васъ долженъ быть порядокъ. Такъ цыганской голи нельзя оставлять безъ призора...

— Ну, а что жъ я могу съ ними сдѣлать? Взять ихъ на поводъ, что ли?

— Какъ только попадетъ въ село, сейчасъ арестовывать и отдавать въ руки стражниковъ.

— Э, паночку, вѣдь вельможные паны къ намъ такъ рѣдко заходятъ. А тутъ, если бъ я одного арестовалъ, такъ другіе возьмутъ да и подожгутъ меня.

— Подожгутъ!—крикнулъ стражникъ.—Такъ они такіе? Постойте, мы ихъ прикрутимъ. Войтъ, поберегите мнѣ тѣхъ цыганъ, пока я не вернусь изъ обхода. Я ихъ заберу съ собой въ Подбужъ.

— А когда жъ панъ вернется?

— Завтра, самое позднее—послѣзавтра.

— Хорошо, я велю ихъ стеречь,—отвѣчалъ войтъ, низко кланяясь стражнику.

Напившись молока и «будза» (свѣжаго овечьяго сыра), стражникъ улегся на скамьѣ, закутался въ плащъ и уснулъ. А войтъ не спалъ, хотя и лежалъ въ постели.

— И что за нелегкая понесла этого стражника, что онъ высмотрѣлъ цыганъ въ такомъ тайникѣ, гдѣ ихъ до сихъ поръ никакое начальство не замѣчало? И что теперь съ ними дѣлать? Что изъ того, что стражникъ заберетъ ихъ въ Подбужъ? Посидятъ подъ арестомъ дня

два, а потомъ выйдутъ на волю и навѣрное опять направятся въ Ластовки. Имъ нетрудно меня и обокрасть, и поджечь. Цыгану что? Стражникъ далеко, а цыганъ шляется много: стоитъ одну шайку затронуть, тогда всѣхъ сдѣлаешь своими врагами. Охъ, доля моя несчастная! Тьфу на твою голову! А развѣ вотъ что сдѣлаю! Это будетъ лучше всего! Если цыгане убѣгутъ, то что мнѣ стражникъ сдѣлаетъ! Вѣдь они же могутъ убѣжать въ эту же ночь, когда я только узналъ отъ стражника, что ихъ нужно арестовать. Это будетъ лучше всего, положительно-таки, лучше всего!..

И съ этой мыслью войтъ уснулъ уже около полуночи.

А стражникъ въ это время, не смотря на то, что спалъ на жесткой скамьѣ, видѣлъ веселые сны. Ему снились «белобунгъ», денежная награда и переводъ на лучшее мѣсто, въ Подолъ, на русскую границу, гдѣ легко можно было открыть крупную контрабанду: и выслужиться, и разжиться. Этотъ сонъ придалъ ему увѣренности. На другой день онъ рано всталъ, собрался и, еще разъ строго приказавши войту слѣдить за цыганами, поспѣшно отправился дальше, чтобы еще сегодня дойти до границы своего обхода, а завтра вернуться въ Ластовки.

Сейчасъ послѣ его ухода войтъ намоталъ на ноги онучи, обулся въ кожаные постолы, надѣлъ на себя кожухъ, насунулъ на голову шапку, перевѣсилъ черезъ плечо сумку съ «цесарскимъ орломъ» и положилъ въ нее пару овсяныхъ хлѣбовъ и кусокъ овечьяго сыра. Приготовившись такимъ образомъ, онъ, не говоря никому ни слова, отправился въ дорогу къ скалѣ.

— Добрый день, Пайкушъ!—сказалъ онъ, входя въ пещеру.

— Добраго здоровьечка, пане начальнику,—отвѣчалъ старый цыганъ.

— А что здѣсь у васъ слышно новаго?—спросилъ войтъ, по бойковскому обычаю не приступая прямо къ дѣлу.

— Худыя вѣсти, пане начальнику. Былъ здѣсь у насъ вчера «кокорудза» [1]), хотѣлъ насъ вести въ село.

— Въ село? Э, онъ васъ, голубчики, хотѣлъ вести въ Подбужъ, въ судъ.

— За что?

— А развѣ я знаю, за что. Должно быть, ему въ другихъ селахъ что-то очень много наговорили о васъ. Вѣдь не даромъ же онъ васъ такъ разыскивалъ, что и здѣсь пронюхалъ.

— Ой, ой, ой, Боже нашъ, Боже,—разомъ застонали цыгане:—что жъ намъ теперь дѣлать?

— Что жъ я вамъ, бѣдняжки, посовѣтую?—сказалъ войтъ:—Онъ мнѣ велѣлъ слѣдить за вами, пока самъ не вернется, а тогда отдать васъ ему въ руки.

— И вы хотите теперь насъ арестовать?—сказалъ спокойно, но сокрытою въ голосѣ угрозою старый цыганъ.

---

[1]) «Кокорудзою» на воровскомъ жаргонѣ называютъ стражниковъ.

— Богъ съ вами, Пайкушъ!—сказалъ войтъ:—развѣ я васъ съ сегодняшняго днят олько знаю, что ли? Я сказалъ сейчасъ тому стражнику, что цыганъ — это вѣтеръ въ полѣ: вотъ онъ есть, а вотъ и нѣтъ его. Кто его на привязь возьметъ? А знаете ли, что я вамъ скажу: здѣсь есть немного хлѣба и сыра, возьмите это отъ меня и идите себѣ, куда хотите, чтобъ я о васъ ничего и не слышалъ. Не хочу вамъ дѣлать зла, но и самъ не хочу изъ-за васъ попасть въ бѣду. Понимаете?

— Понимаемъ, пане начальнику, понимаемъ! Пусть вамъ Богъ святой заплатитъ!—сказалъ цыганъ, кланяясь, а за нимъ начала кланяться вся его семья. Положивъ на каменномъ полу хлѣбъ и сыръ, войтъ поспѣшно отправился назадъ въ село, остерегаясь, чтобъ кто-нибудь его не замѣтилъ. А въ душѣ онъ смѣялся надъ тѣмъ, какъ будетъ злиться стражникъ, когда придетъ завтра, а цыганъ уже и слѣда не найдетъ.

III.

Правду говорятъ, что осень въ горахъ стоитъ хорошей зимы въ долинахъ. Едва нашъ стражникъ вышелъ за противоположную границу Ластовокъ, едва войтъ, совершивши свою политическую миссію, воротился назадъ въ село, какъ вершина Парашки, которая поднимается въ видѣ трезубца, покрылась густою мглою, или, какъ говорятъ, «задымилась». Огромными клубами катилась эта мгла внизъ, гонимая сильнымъ завывающимъ вѣтромъ. Въ теченіе получаса уже все исчезло въ вихряхъ и клубахъ снѣжнаго урагана, который со всѣхъ сторонъ билъ въ глаза и слѣпилъ путника, заметая у него подъ ногами тропинку.

Бранясь и поминутно отплевываясь, стражникъ боролся съ метелью и храбро шелъ впередъ. Уже недалеко было село, до котораго онъ хотѣлъ добраться до ночи,—крайній пунктъ его обхода. Еще только нужно было по кладкѣ перейти на другой берегъ рѣки. Но это была далеко не безопасно. Рѣка шумѣла подъ кладкою, какъ бѣшеная, а вверху бушевалъ вѣтеръ, точно руками срывая одежду. Кладка была скользкою отъ снѣга, а вѣтеръ слѣпилъ глаза. Уже у самаго берега стражникъ поскользнулся и упалъ въ воду. Вода была неглубока, но бѣжала съ страшною быстротою. Въ одну минуту теченіе сорвало у стражника съ плечъ карабинъ, а съ головы шапку съ пѣтушьимъ перомъ. Большой круглый камень, который вода катила по дну, ударился объ его ноги и свалилъ его. Только послѣ большихъ усилій стражникъ вырвался на берегъ. Онъ промокъ до послѣдней нитки, промерзъ и перепугался. Думая отогрѣться, бѣдняга изо всѣхъ силъ пустился бѣжать въ село, къ знакомому священнику. Однако, какъ ни близко это было, а пока онъ добѣжалъ до хаты, мокрая одежда на немъ смерзлась, какъ кость, и голосъ какъ будто застылъ въ его груди

Правда, у священника принялись его растирать, отогрѣвать. Эта помощь и желѣзное здоровье сдѣлали то, что онъ не схватилъ никакой серьезной болѣзни, но все-таки долженъ былъ цѣлую недѣлю пролежать въ постели въ сильной горячкѣ. Всю эту недѣлю шелъ снѣгъ, дулъ вѣтеръ, стоялъ морозъ, такъ что въ горахъ даже здоровому не слѣдовало пускаться въ дорогу изъ одного села въ другое. Только черезъ недѣлю вѣтеръ утихъ, установилась хорошая погода, и только морозъ пріударилъ еще сильнѣе. Стражникъ не хотѣлъ дольше ждать, хотя священникъ и не рѣшался пускать его отъ себя пѣшкомъ еще полубольного. Онъ велѣлъ запречь сани и отвезти его въ Подбужъ, куда еще раньше далъ знать о случившемся.

Проѣзжая черезъ Ластовки, стражникъ вспомнилъ о цыганахъ, о которыхъ совсѣмъ было забылъ въ своей бѣдѣ. Онъ велѣлъ кучеру остановиться противъ хаты войта, позвалъ его къ себѣ и спросилъ:

— А что вы сдѣлали съ тѣми цыганами?

— Да что жъ мы могли съ ними сдѣлать, прошу пана,—отвѣчалъ войтъ, почесывая свою волосатую голову:—когда мы ихъ уже не застали?

— Какъ такъ не застали?

— А такъ. Какъ только панъ отъ меня ушелъ, я сейчасъ же собрался и пошелъ, чтобы ихъ арестовать и забрать въ село. Но въ пещерѣ я не засталъ никого. Очевидно, они испугались пана и убѣжали въ ту же ночь.

— Вотъ бестіи!—крикнулъ стражникъ—Ну, подождите, я васъ еще гдѣ-нибудь накрою!

Войтъ поклонился и только посмѣялся про себя, что ему такъ ловко удалось отдѣлаться отъ бѣды. А стражникъ, злой и раздраженный, завернулся въ свой плащъ и въ теплую баранью шубу, которую ему далъ священникъ на дорогу, и велѣлъ ѣхать дальше.

IV.

Стрый отъ мороза утихъ. Внизу, подъ скалою, переѣздъ былъ свободенъ, и такъ какъ этотъ путь былъ самый короткій, то стражникъ велѣлъ везти себя въ ту сторону. Едва выѣхали за лѣсъ, который черной стѣной отдѣляетъ Ластовки отъ остального міра, какъ глаза стражника съ какой-то тревогой уставились на огромной скалѣ, невдалекѣ вынырнувшей передъ нимъ. Верхушка скалы не была покрыта снѣгомъ: вѣтеръ посметалъ этотъ зимній пухъ на нижніе уступы. Что-то заныло въ сердцѣ у стражника, когда онъ увидѣлъ, что вся вершина скалы покрыта воронами, галками и другими хищными птицами, которыя то сидѣли, то носились вокругъ цѣлыми тучами, и своимъ зловѣщимъ крикомъ и карканьемъ наполняли воздухъ.

Но что это? Изъ темной разсѣлины въ горѣ, сильно засыпан-

ной снѣгомъ, такъ же, какъ и восемь дней тому назадъ, поднимаются еле замѣтные клубы блѣдно-синяго дыма. Нѣсколько минутъ стражникъ сомнѣвался, въ самомъ ли дѣлѣ это такъ, или это только кажется ему послѣ горячки; но бойко, его кучеръ, увѣрилъ его, что въ самомъ дѣлѣ дымъ выходитъ изъ скалы. Неужели тамъ еще есть кто-нибудь? Стражникъ даже задрожалъ отъ нетерпѣнія узнать, что это значитъ. Они уже приблизились къ скалѣ. Тропинка, которая вела въ гору, была засыпана снѣгомъ, и ни одного слѣда человѣческой ноги не видно было на его бѣлой пеленѣ. Только галки и вороны при ихъ приближеніи подняли еще большій крикъ.

— Это какой-то недобрый знакъ, что этихъ птицъ столько сюда налетѣло,—замѣтилъ возница,—Не случилось ли здѣсь какого-нибудь несчастья? Эта проклятая птица сейчасъ это почуетъ.

Стражникъ, ничего не говоря, сбросилъ съ себя шубу и даже плащъ, чтобы легче было вскарабкаться на скалу; возница выломалъ двѣ палки для того, чтобы опираться, и такимъ образомъ, помогая одинъ другому, съ большимъ трудомъ они взобрались на верхнюю площадку. Галки съ крикомъ носились надъ ихъ головами, какъ будто хотѣли отвоевать принадлежащую имъ добычу.

Входъ въ пещеру былъ, какъ и прежде, заваленъ пнемъ и заткнутъ мхомъ, и только сквозь маленькую трещину въ скалѣ выползалъ дымъ. Оттолкнули колоду и вошли. Въ пещерѣ было тихо и темно. Только спустя нѣкоторое время глаза ихъ настолько привыкли къ сумраку, что могли различить какую-то черную, безформенную массу на срединѣ пещеры. То были цыгане, сбившіеся въ кучу, укрытые мхомъ и листьями и умершіе, какъ казалось, уже нѣсколько дней назадъ. На кострѣ дымилось еще тлѣющее послѣднее бревно.

Что было причиною ихъ смерти? Голодъ? Холодъ? Или, можетъ быть, угаръ отъ спертаго дыма? Тѣла ихъ были синія, закостенѣлыя, смерзшіяся. Но, разрывая кучу, стражникъ увидѣлъ, что подъ старымъ цыганомъ не было уже невыдѣланной конской шкуры, на которой онъ спалъ; недогрызенные кусочки этой шкуры оказались... въ рукахъ дѣтей.

Долго стояли стражникъ и его возница надъ этими покойниками, нѣмые, потрясенные, объятые ужасомъ. Можетъ быть, въ ихъ умѣ проходили долгіе дни и ночи ужаснаго страданія этихъ несчастныхъ, плачъ и стоны дѣтей, безпомощность и безсиліе стариковъ, цѣлое море нужды, горя и терпѣнія, отъ которыхъ теперь осталась только вотъ эта неподвижная, въ одинъ комокъ спутавшаяся кучка труповъ.

Безъ словъ, нѣмые, пригнетенные вышли, наконецъ, стражникъ и кучеръ изъ пещеры на свѣжій воздухъ, завалили входъ въ пещеру, чтобы не допустить птицъ до труповъ, и когда затѣмъ снова сѣли въ сани, кучеръ перекрестился и, повернувши лицо къ скалѣ, началъ шептать молитву. Стражникъ же тѣмъ временемъ началъ составлять въ умѣ рапортъ о случившемся.

КРОКОДИЛЪ.

РАЗСКАЗЪ **Клеменса Юпо̀ша.**

(Переводъ съ польскаго **В. Кеминца**).

Встрѣтились мы неожиданно послѣ тридцати лѣтъ разлуки. Отъ школьной скамьи дороги наши разошлись; судьба бросила его въ одно мѣсто, меня — въ другое; на переписку не было времени, мы совершенно ничего не знали одинъ о другомъ.

Встрѣтились мы въ деревнѣ, въ концѣ сентября, въ старинномъ домѣ, укрывшемся въ зелени тѣнистаго сада.

Осень уже положила на растительность свою печать; листья, недавно еще свѣжіе и зеленые, начали принимать различные цвѣта отъ мѣднокраснаго до блѣдножелтаго; поминутно отрывался какой-нибудь отъ вѣтки, трепеталъ въ воздухѣ и потихоньку опускался на землю, на траву, мхи, папоротники, корни деревьевъ.

Лѣтніе цвѣты уже покончили свое краткосрочное существованіе, повяли и засохли, побитые морозомъ въ холодныя ночи. Клумбы и аллеи все болѣе и болѣе устилались опавшими листьями, природа постепенно и не спѣша приготовлялась къ зимнему сну.

Мы оба вышли въ садъ, чтобы поговорить на свободѣ, перенестись мыслями въ тѣ давно минувшія, но счастливыя минуты дѣтства, надолго оставляющія пріятныя воспоминанія.

Нашъ маленькій школьный мірокъ живо воскресъ въ нашей памяти, и намъ казалось, что у насъ передъ глазами снова большія классныя комнаты, скамейки, всѣ забрызганныя чернилами и изрѣзанныя перочинными ножами, длинные коридоры, дворъ и все зданіе, въ которомъ проходили учебные годы, и все то общество мальчиковъ, къ которому мы нѣкогда принадлежали, его радости и печали, успѣхи и неудачи, труды и веселье — все, все какъ бы вновь воскресло передъ нами.

Мы перебирали свои воспоминанія, прохаживаясь по обширному парку; осеннее солнце заливало землю своимъ свѣтомъ, золотило воды пруда, бросало свѣтлые лучи на деревья, отражалось въ окнахъ стараго дома. Въ воздухѣ носилась паутинка, тонкая, мелкая, какъ шелкъ, и цѣплялась то на деревьяхъ, то на насъ...

Мы сѣли на скамейку, въ домѣ раздались звуки фортепьяно.

Мой товарищъ вздрогнулъ.

— Тебѣ холодно?—спросилъ я.

— Видишь, какое солнце. Теперь, по крайней мѣрѣ, восемнадцать градусовъ тепла.

— А мнѣ показалось, что ты дрожишь...

— Дѣйствительно... немного, но только это ничего.

— Ты нездоровъ?

— Съ чего бы?

— Такъ что же съ тобой?

— Право, не знаю, нервы что ли, или, быть можетъ, воспоминанія...

— А меня такъ они разогрѣли.

— Такъ... но видишь ли... можетъ быть, ты будешь смѣяться, это... фортепьяно.

— Фортепьяно?!

— Да, фортепьяно... Впрочемъ, не знаю, можетъ быть, нервы... Теперь все сваливаютъ на нервы... Есть люди, боящіеся пространства; есть такіе, которые не выносятъ низкихъ сводовъ, а я боюсь фортепьяно. Это, конечно, большая глупость, и силой воли я могу одолѣть этотъ предразсудокъ. Слыша прекрасную игру, я подчасъ забываю о моемъ—не знаю, какъ это назвать—предразсудкѣ или суевѣріи что ли; но въ первый моментъ всегда пугаюсь совершенно невольно, безсознательно.

— Почему же?

— Давнишній случай. Я былъ еще ребенкомъ лѣтъ семи. Родители мои тогда уже скончались; пріютила меня у себя тетка, бездѣтная вдова, у которой былъ хорошенькій домикъ съ садомъ въ маленькомъ мѣстечкѣ. Почтенная женщина не только дала мнѣ убѣжище, не жалѣла для меня пищи, но хотѣла дать мнѣ и воспитаніе, а въ то время его не понимали безъ музыки и французскаго языка. Я заучивалъ слова и разговоры, а около полудня садился за старыя клавикорды, и тетушка учила меня разбирать ноты.

Меня очень заинтересовалъ этотъ инструментъ; я по цѣлымъ днямъ размышлялъ о томъ, какъ бы посмотрѣть, что тамъ внутри его, узнать отчего, если придавишь клавишу, получается звукъ.

Я обратился съ вопросами къ теткѣ. Къ несчастію, она была въ дурномъ расположеніи духа и сказала, что мое любопытство не имѣетъ смысла, что жизнь человѣческая велика и что я со временемъ непремѣнно найду возможность узнать, что́ заключается въ фортепьяно, и при этомъ прибавила, въ видѣ предостереженія, чтобы я не вздумалъ подымать деку, такъ какъ она очень тяжела и можетъ придавить мнѣ пальцы. Разумѣется, я ждалъ только случая и, когда тетка ушла изъ дому, я сейчасъ же поднялъ деку, чтобы посмотрѣть на таинственную внутренность... Сдѣлалъ я все это очень осторожно, безъ всякаго по-

врежденія пальцевъ, и овладѣлъ великимъ секретомъ: внутри фортепьяно находились... струны.

Это открытіе дало ходъ моимъ намѣреніямъ: я рѣшилъ, что, какъ только позволятъ обстоятельства, буду далѣе изслѣдовать внутренность фортепьяно. Пришло мнѣ также на мысль устроить внутри его складъ запрещенныхъ предметовъ, которыми не позволяютъ играть, потому что они пачкаютъ руки или же, какъ, напр., сломанный ножикъ, могутъ быть причиною несчастнаго случая.

Тетка очень благородно понимала обязанности опекунства и не разъ мнѣ говорила: «Если бы ты былъ моимъ сыномъ, то пусть бы хоть голову себѣ сломалъ; но ты сирота, и я должна беречь тебя, какъ зѣницу ока».

Уроки музыки были ежедневно, я разучивалъ съ нотъ, барабанилъ гаммы и небольшія упражненія, но, къ несчастью, какой-то злой духъ постоянно нашептывалъ мнѣ дикія мысли. Мнѣ представлялось, напримѣръ, что ноты вообще не имѣютъ смысла и было бы гораздо лучше, если бы вмѣсто нихъ класть на пюпитръ книжку и играть... сказки. Такъ мнѣ казалось. Точки и линіи нотъ не имѣли въ моихъ глазахъ никакого значенія, между тѣмъ, какъ книжка говорила словами, какъ человѣкъ: я ее понималъ. Однажды я осмѣлился высказать свою мысль теткѣ и прямо спросилъ ее, нельзя ли вмѣсто нотъ употреблять сказки. Она взглянула на меня съ удивленіемъ, шепнула два слова служанкѣ, и черезъ полчаса пришелъ старичокъ докторъ, высокій и сухой, котораго я, не знаю почему, боялся, какъ огня. Мнѣ сказали, что у меня легкая горячка, велѣли лечь въ постель и выпить два стакана липоваго цвѣта съ медомъ. Лѣкарство помогло, и я ужъ больше не приставалъ къ теткѣ съ вопросомъ, изъ опасенія, чтобы меня снова не стали пичкать какими-нибудь травами или микстурами.

Съ покорностью исполнялъ я приказаніе тетки и просиживалъ по два часа за клавіатурой, играя гаммы, повторяя каждую сто, двѣсти, даже до трехъ сотъ разъ, смотря по приказу. Надоѣло мнѣ это страшно, а вопросъ объ отношеніи книжки съ фортепьяно не переставалъ меня мучить. Я былъ ребенокъ слабый, болѣзненный, товарищей у меня не было; частенько, усѣвшись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, думалъ я по цѣлымъ часамъ о разныхъ предметахъ, даже до головокруженія... Тетка часто меня хвалила, говоря, что я мальчикъ вѣжливый и веду себя хорошо, а старый докторъ твердилъ, что, выросши, я буду человѣкомъ почтеннымъ, съ флегматичнымъ темпераментомъ, если тому не помѣшаетъ дурной нравъ...

Однажды послѣ полудня тетка куда-то ушла, служанка работала въ саду, а я остался одинъ въ цѣломъ домѣ. Отъ скуки я взялъ книжку и наткнулся на описаніе въ стихахъ бури въ лѣсу. Въ минуту книжка очутилась на пюпитрѣ, а я за фортепьяно. Наконецъ-то, подумалъ я, я узнаю и убѣждусь, возможно ли осуществленіе моей идеи.

Не можетъ быть, чтобы инструментъ, могущій издавать столько разнообразныхъ звуковъ, не былъ въ состояніи изобразить бурю. А я видѣлъ настоящую бурю и въ настоящемъ лѣсу, когда послѣ смерти родителей меня отвозили къ теткѣ, видѣлъ и отлично запомнилъ всѣ ея моменты. Сперва я сталъ читать стихи, потомъ пѣть ихъ, въ то же время старался, ударяя по клавишамъ, передать шумъ вѣтра, журчаніе дождя и отдаленный грохотъ грома. Это нравилось мнѣ до чрезвычайности, и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что изображаю настоящую бурю. Шумъ увеличивается, дождь уже не журчитъ, падаетъ не каплями, а льется цѣлымъ потокомъ, бьетъ по крѣпкимъ дубовымъ листьямъ, громъ гремитъ все сильнѣе и сильнѣе, молнія сверкаетъ, разбитый дубъ съ трескомъ валится на землю и ломаетъ сосѣднія деревья, безпрерывно раздаются удары грома—одинъ, другой, десятый... и какіе удары! Изо всей силы я упирался ногами въ педали, изо всей силы билъ кулаками по клавишамъ, вдругъ... Мнѣ показалось, что меня самого поразило громомъ.

Въ дверяхъ стояла тетка со шляпой на головѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. На минуту она какъ бы окаменѣла, не могла произнести ни слова, потомъ подбѣжала ко мнѣ, начала таскать меня за волосы и за уши, приговаривая: «Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! А теперь стань на колѣни въ уголъ и дожидайся, пока не вернусь!»

Обливаясь слезами, сталъ я на колѣни у печки, въ ожиданіи строгаго наказанія. Я слышалъ, какъ въ другой комнатѣ тетка отворила шкафъ, конечно, чтобы спрятать зонтикъ, вуаль и шляпу; слышалъ какъ она бранила служанку за то, что та позволила мнѣ учинить въ домѣ такой содомъ. Былъ разговоръ и о томъ, чтобы запереть меня въ погребъ, гдѣ много крысъ, о хлѣбѣ и водѣ, о розгахъ... Меня пробирала дрожь... Наконецъ, по прошествіи получаса, моя опекунша вошла, чтобы объявить мнѣ свой приговоръ... Сверхъ всякаго ожиданія, онъ былъ очень снисходительный.

— Ты долженъ сѣсть за фортепьяно и играть до самаго вечера гаммы въ тонѣ С. Былъ только четвертый часъ пополудни, а день лѣтній. Я пустилъ въ ходъ пальцы и, заливаясь слезами, дѣлалъ, что мнѣ было приказано... Сначала я игралъ гаммы, потомъ самъ не знаю что, потомъ мною овладѣло спазматическое рыданіе, котораго я не могъ вынести, а затѣмъ я ужъ не помню, что было...

Я лежалъ въ постели; надо мной наклонился старый докторъ и смотрѣлъ на меня сквозь огромныя, круглыя очки... Мнѣ хотѣлось ему сказать, чтобы онъ отошелъ, чтобы не пугалъ меня, что я его боюсь, но слова застряли у меня въ горлѣ... я не могъ. Припоминаю, что это было ночью... Передъ образомъ горѣла лампадка, на лежанкѣ догорала свѣча, тетка дремала въ креслѣ, служанка Мартыновна приготовляла лѣкарство.

Когда на гаснувшей свѣчкѣ вспыхнулъ огонекъ, то тѣнь сидящей

въ креслѣ тетки, казалось, пошевелилась на стѣнѣ,—грозная, страшная... Я ждалъ, что вотъ-вотъ она заговоритъ и велитъ мнѣ повторить тысячу разъ гамму въ тонѣ С.

Я закрылъ глаза... но это не принесло мнѣ облегченія... Страшная тяжесть давила мою слабую грудь; я былъ убѣжденъ, что на нее навалили цѣлыя груды фортепіанъ, цѣлыя тысячи ихъ, и всѣ они играютъ: одни гаммы въ тонѣ С, другія «бурю въ лѣсу»; что со страницъ разбросанныхъ нотъ вдругъ сорвались всѣ линейки и точки и, превратившись въ злыхъ осъ, нападаютъ на меня огромными роями, колютъ жалами, сверлятъ лобъ, лѣзутъ въ глаза, въ ротъ, въ уши, тычутъ, калѣчатъ, терзаютъ...

Я закричалъ съ перепуга и боли... Все исчезло; у моей кровати стоптъ Мартыновна и старается влить мнѣ въ ротъ ложку лѣкарства...

Чрезъ минуту новыя мученія... Огромная книга съ картинками, изображающими разныхъ животныхъ, выходитъ изъ шкафа... и, какъ бы подталкиваемая невидимой силой, приближается къ моей кровати. Изъ ея картинъ выдвигается противный и страшный крокодилъ, прищуриваетъ одинъ глазъ, наклоняетъ голову на одинъ бокъ и раскрываетъ передо мною свою пасть, представляющую собою двѣ неслыханно-огромныя клавіатуры... Страшный гадъ велитъ мнѣ играть на нихъ гаммы въ тонѣ С. Я не хочу, защищаюсь, убѣгаю, но онъ вдругъ хватаетъ меня своими острыми клавишами и пожираетъ...

Цѣлыхъ нѣсколько недѣль тянулась моя болѣзнь, но старый докторъ все-таки вылѣчилъ меня. Я всталъ съ постели, блѣдный, какъ мѣлъ, слабый, похудѣвшій и еще болѣе грустный и задумчивый, чѣмъ былъ раньше.

Тетка окружила меня самою строгой заботливостью, фортепьяно было продано, а объ обученіи музыкѣ даже не было и рѣчи. Впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ глубоко и прочно врѣзываются въ памяти и оставляютъ слѣдъ на всю жизнь.

Вотъ тебѣ разрѣшеніе загадки, отчего я вздрогнулъ, услышавъ звуки фортепіано. Это невольное движеніе, рефлексъ; я вѣдь знаю, откуда идетъ звукъ, а все же не могу забыть того страшнаго крокодила съ двумя клавіатурами въ пасти.

Мы съ нимъ заговорились, хозяинъ дома отыскалъ насъ въ саду и пригласилъ въ гостиную.

Барышни играли въ четыре руки; мой пріятель слушалъ спокойно, но по временамъ бросалъ взгляды въ одинъ уголъ комнаты...

Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ тамъ это чудовище?..

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

Генриха Понтоппидана. (Съ датскаго).

КНИГА IV.

I.

Жатва началась дождемъ и повидимому грозила и окончиться въ дождь. Каждое утро солнце вставало ясно и коварно предвѣщало вёдро. Но, лишь только крестьяне успѣвали выѣхать съ телѣгами въ поле и нагрузить первый возъ, надъ горизонтомъ показывались темныя тучи и по нѣскольку разъ въ день налетала гроза, и громъ гремѣлъ, не переставая, то съ той, то съ другой стороны.

Въ одинъ изъ такихъ дней Нильсъ, конюхъ пастората, лежалъ на своей постели, подложивъ руку подъ голову. Это было послѣ обѣда и Нильсъ провелъ такимъ образомъ около двухъ часовъ, наполнивъ комнату клубами табачнаго дыма. Не смотря на поздній часъ, онъ и не думалъ вставать, предаваясь своему любимому занятію—строить воздушные замки. Ему чудилась большая комната, уставленная сверху донизу хорошо переплетенными книгами, комната съ двумя высокими окнами и мягкимъ ковромъ на полу, точь-въ-точь какъ у ученаго священника въ Киндлёзе, къ которому онъ какъ-то ходилъ за своимъ метрическимъ свидѣтельствомъ. Посрединѣ стоялъ большой четырехугольный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и заваленный фоліантами; въ углу большой глобусъ, величиной съ телѣжное колесо. Занавѣски были спущены, на столѣ горѣла лампа; за столомъ онъ видѣлъ самого себя въ халатѣ и вышитыхъ туфляхъ за старинной греческой книгой. Это все происходило въ полночь и вокругъ было тихо; только сова по временамъ гукала надъ домомъ. На полкахъ ему видѣлись собственныя его сочиненія въ красивыхъ переплетахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были духовнаго содержанія, въ черныхъ съ золотомъ переплетахъ, другія были ученыя сочиненія, остальныя—великія, соціальныя драмы и повѣсти, бичующія современное общество, такія, какъ пишутъ норвежскіе писатели...

Размышленія его были прерваны стукомъ деревянныхъ башмаковъ во дворѣ; затѣмъ послышался протяжный скрипучій звукъ. Это Абелона накачивала воду у насоса.

Онъ не шевелился, улыбаясь молча... Онъ чувствовалъ себя покойнымъ и радовался, что Абелона перестала быть соблазномъ для него. Хотя она была очень бѣдна, ему трудно было отказаться отъ этой красивой дѣвушки. Но онъ видѣлъ ясно, что поддавшись этой слабости, ему никогда не подняться изъ своего позорнаго званія «Нильса-конюха». Чтобы достигнуть высокой задачи, которую онъ себѣ поставилъ—сдѣлать имя Нильса Дамчарда извѣстнымъ по всей Даніи—онъ долженъ оставаться свободнымъ и независимымъ, или по крайней мѣрѣ жениться совершенно иначе. У него и безъ того было достаточно затрудненій. Если бъ, напримѣръ, его имя было Фритьёфъ или Арнэ, или Бьёрнстернъ, люди бы легче запомнили его.

Ему становилось страшно подумать, какъ близокъ онъ былъ къ роковой ошибкѣ. Но теперь онъ уже вполнѣ овладѣлъ собой. Ласковые взгляды Абелоны больше не трогаютъ его, и онъ можетъ спокойно лежать здѣсь и слушать стукъ ея башмаковъ во дворѣ. Ея могучая фигура, красныя щеки и волнующаяся грудь ярко рисовались передъ нимъ; закрывъ глаза, онъ почти чувствовалъ ея поцѣлуи и жаркія объятія.

Онъ быстро всталъ и оправилъ одежду. Во дворѣ снова послышались шаги, на этотъ разъ болѣе тяжелые... Эммануила.

Онъ подкрался къ окну и видѣлъ изъ-за занавѣски, какъ Эммануилъ быстро шелъ по двору. Уши его загорѣлись яркимъ румянцемъ стыда; брошенная посреди двора сбруя свидѣтельствовала о томъ, что онъ еще не выѣзжалъ въ поле... Послѣднее время Эммануилъ сталъ такой странный. По счастью, онъ не смотрѣлъ вокругъ и прямо прошелъ въ домъ.

Нильсъ съ облегченіемъ улыбнулся, потянулся, зѣвнулъ во весь ротъ и отправился въ конюшню.

II.

Когда Эммануилъ, снявъ башмаки въ передней и войдя въ жилую комнату въ однихъ чулкахъ, увидалъ Ганзенэ съ блюдомъ гороха на колѣняхъ, который она шелушила, сидя по обыкновенію въ своемъ креслѣ, возбужденное выраженіе его лица мгновенно исчезло.

— А, вотъ гдѣ ты, голубушка моя,—сказалъ онъ кивнувъ ей съ улыбкой и проходя въ спальню.

Вскорѣ онъ снова показался въ дверяхъ, одѣтый въ сѣрый сюртукъ и кожанные сапоги, завязывая вокругъ шеи красный платокъ, который онъ неизмѣнно носилъ вмѣсто крахмальнаго воротника.

— Ты уходишь,—спросила жена.

— Да, приходится идти въ дальній конецъ деревни, тамъ опять непріятности съ народомъ; не хотятъ браться за работу. А теперь какъ разъ жатва, этого нельзя допустить.

Онъ уже выходилъ изъ дверей, когда Ганзенэ остановила его.

— Кстати я должна тебѣ сказать, пока не забыла, здѣсь былъ молодой Размусъ Іёргенъ, пока ты былъ въ полѣ. Онъ просилъ передать, чтобы ты ему отдалъ возъ яровой соломы, которую мы занимали у него прошлой зимой. Говоритъ, ему она очень нужна теперь.

Эммануилъ стоялъ у дверей и краснѣлъ все больше и больше.

— Возъ яровой соломы, ты говоришь?

— Да. Ты какъ будто обѣщалъ ему отдать весной, — продолжала Ганзенэ:—но ему она понадобилась и придется покупать.

— Но гдѣ мнѣ достать яровой соломы въ такое время года! Ты, вѣроятно, сказала ему объ этомъ.

— Нѣтъ, я только обѣщала передать тебѣ его слова.

— Я не понимаю какъ это такъ! — вскричалъ Эммануилъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Это не похоже на Іёргена. Ты вѣрно обидѣла его чѣмъ-нибудь, Ганзенэ. Онъ сказалъ это сгоряча?.. Странно, что ты никакъ не можешь научиться быть любезной съ людьми. Это становится у тебя болѣзненной эксцентричностью. Ты обижаешь то одного, то другого, а мнѣ приходится заглаживать. Мнѣ это ужъ надоѣло! Богъ знаетъ какъ...

Онъ вдругъ остановился, увидя Зигриду, сидящую у окна на одномъ изъ стульевъ, съ шитьемъ въ рукахъ.

— Ну, не стоитъ объ этомъ говорить, — заключилъ онъ тихимъ голосомъ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся и положилъ руку на голову жены.

— Прости меня!—сказалъ онъ. — Я не думалъ, что говорилъ. Не сердись на меня, обѣщаешь?.. У меня сегодня столько непріятностей,— продолжалъ онъ, снова ходя по комнатѣ.—Подумай! Сегодня, когда я пошелъ въ нижнее поле, ячмень все еще не былъ сложенъ въ груды, хотя я особенно наказывалъ Нильсу сегодня утромъ сдѣлать это немедленно. Теперь, конечно, онъ промокъ насквозь отъ дождя — тамъ все плаваетъ въ водѣ! Это просто ужасно, не правда ли? Съ лѣностью Нильса положительно ничего не подѣлаешь! Я долженъ поговорить съ нимъ серьезно при первой возможности. Я думаю, это бумагомаранье совсѣмъ его спутало. Слышалъ я еще, что онъ началъ ходить на моленья къ этой Маренъ Смедъ. Маренъ послѣднее время вошла въ моду. Только и слышишь о разныхъ ея послѣдователяхъ. Я полагаю, это дѣло рукъ ткача. Я не понимаю его интригъ, но увѣренъ въ томъ, что это онъ распустилъ слухъ о предсѣдателѣ приходскаго совѣта, о которомъ я тебѣ говорилъ на дняхъ. Я теперь припоминаю, онъ весной еще намекалъ на какія-то безправственныя отношенія между нимъ и Сидзэ. Надо положить конецъ этимъ безпорядкамъ, а то потонемъ въ разныхъ ссорахъ... Ну, я долженъ идти.

Онъ снова кивнулъ Ганзенэ и Зигридѣ и вышелъ. Ни одинъ мускулъ

не дрогнулъ на угрюмомъ лицѣ Ганзенэ. Она похудѣла за послѣднее время. Но начинала привыкать къ внезапнымъ гнѣвнымъ выходкамъ Эммануила и столь же быстрому раскаянію... она думала, что понимаетъ причину его раздражительности.

Долгое время послѣ ухода Эммануила въ комнатѣ царило мертвое молчаніе. Маленькій Дагни спалъ въ своей разрисованной колыбелькѣ около матери, а Зигрида была погружена въ свою работу. Въ сущности она была наказана за то, что вернулась съ деревенскаго пруда въ испачканномъ платьѣ; когда Ганзенэ бранила ее, она отвѣтила нехорошимъ словомъ, которому научилась, по ея словамъ, у сына колесника. Эммануилъ самъ велѣлъ не выпускать ее сегодня весь день и прибавилъ, что въ будущемъ надо больше наблюдать за ея товарищами.

Внезапно дѣвочка опустила работу на колѣни, склонила головку на сторону и задумалась. Потомъ подошла къ матери.

— Мама,—сказала она тихо,—помнишь ты ту нарядную даму, которая была у насъ недавно... помнишь, она играла со мной въ саду?

— Да, еще бы не помнить! Ты только о ней и говоришь съ тѣхъ поръ.

— Да; но помнишь ли, что она говорила, что я пріѣду къ ней въ Копенгагенъ, и тогда она мнѣ отдастъ большую куклу. Я могла бы всегда съ ней жить... и куклинъ домъ былъ бы тоже мой, она сказала.

— Не думаю, чтобы она это сказала. Ты говоришь правду, Зигрида?— сказала Ганзенэ, смотря на дѣвочку строго.

Ребенокъ покраснѣлъ и смутился.

— Но уѣхать ненадолго было бы не худо для тебя,—продолжала Ганзенэ:—ты бы тамъ не училась говорить глупости и должна бы была заботиться о своемъ платьѣ.

Эти слова снова напомнили дѣвочкѣ о наказаніи и, краснѣя больше, чѣмъ когда либо, она въ смущеніи снова сѣла на свое мѣсто у окна.

Молчаніе воцарилось въ большой комнатѣ. Лишь жужжаніе мухъ въ окнѣ и звукъ щетки, которой Абелона мыла кухню, прерывали его.

— Мама,—послышался наконецъ тихій голосъ Зигриды:—если я не буду больше пачкать платья и не буду говорить гадкихъ словъ, ты пустишь меня въ Копенгагенъ?

Ганзенэ не могла удержать улыбки.

— А тебѣ такъ хочется ѣхать къ этой дамѣ въ Копенгагенъ?

— Очень хочется. Она такая хорошенькая. Не правда ли, мама?

— Да. Но подумай, какъ можешь ты ѣхать въ такія мѣста? Ты видѣла, какія онѣ нарядныя? Въ Копенгагенѣ всѣ такія... даже дѣти, повѣрь мнѣ. Ты сначала должна сдѣлаться сама такою же, а то онѣ не захотятъ съ тобой возиться.

— Развѣ, когда я выросту, я не могу сдѣлаться нарядной дамой, мама?—спросила Зигрида.

Ганзенэ не сразу отвѣтила на этотъ вопросъ и снова погрузилась въ свои мысли.

III.

Тѣмъ временемъ Эммануилъ шелъ по дорогѣ въ поселокъ Фенъ. За послѣднее время онъ полюбилъ уединеніе и скоро свернулъ съ большой дороги и пошелъ по межевой тропѣ, стараясь избѣгать даже жнецовъ. Встрѣчи были не особенно пріятны именно теперь. Послѣ распаденія лиги, которая связывала людей однимъ общимъ интересомъ, старая вражда между крестьянами Скиберунъ и Вельби снова вспыхнула съ удвоенной силой, и Эммануилъ не въ силахъ былъ примирить ихъ. Придирчивые скиберунцы негодовали на то, что Вельби слишкомъ много забирало вліянія во всѣхъ дѣлахъ прихода; они же первые набросились на предсѣдателя приходскаго совѣта, стараясь выжить его изъ должности.

Къ тому же у Эммануила было еще и другое основаніе избѣгать большой дороги. Онъ не хотѣлъ подвергаться риску встрѣчи съ фрёкенъ Рагнгильдой. Онъ боялся, что зашелъ уже слишкомъ далеко въ сношеніяхъ съ ней и ея друзьями; ему казалось, что она все еще гостила у Гассинга. Ее надняхъ видѣли разъѣзжающей съ докторомъ по окрестностямъ.

Черезъ полчаса ходьбы онъ дошелъ до такъ называемыхъ Лисьихъ горъ, группы маленькихъ холмовъ, съ которыхъ дорога спускалась къ Фенъ. Здѣсь онъ остановился на минуту полюбоваться идиллическимъ лѣскомъ и разбросанными домиками Вестерби; сегодня на фонѣ темнаго, дождливаго неба они казались вдвое чище и бѣлѣе. Издали виднѣлась большая деревня Киндлёзе съ своей старинной, круглой церковью и высокими тополями... видна была и извилистая дорога, по которой онъ шелъ съ фрёкенъ Рагнгильдой въ памятный вечеръ, и крутая гора, съ которой онъ показывалъ ей окружающій ландшафтъ въ пламенѣющемъ солнечномъ закатѣ... Ему казалось даже, что онъ могъ видѣть отсюда виллу доктора Гассинга, среди барскаго, большого сада. Онъ вдругъ отвернулся и началъ быстро спускаться къ болоту.

Какъ разъ подъ нимъ, по обоимъ берегамъ полувысохшей рѣчонки, былъ поселокъ Фенъ—цѣлая коллекція несчастныхъ земляныхъ лачугъ, которыя жались другъ къ другу, какъ бы страшась своей будущей судьбы. Вокругъ этихъ лачугъ валялись кучи старой соломы, черепковъ, картофельной шелухи; среди этого мусора бѣгали и играли оборванные, босоногіе ребятишки.

Видъ этой страшной нужды всегда ввергалъ Эммануила въ самое печальное настроеніе духа. Не смотря на все, что было сдѣлано для этихъ бѣдняковъ и имъ самимъ, и приходомъ, не было дома безъ разбитыхъ оконъ или безъ большихъ дыръ въ крышѣ. И, что всего хуже, послѣ семи лѣтъ его самопожертвованія и труда, ни одинъ изъ обитателей этихъ земляпокъ не выказалъ ни малѣйшаго симптома исправленія. Напротивъ того, сосѣди постоянно жаловались на ночное воров-

ство картофеля и бѣлья, и часто ни хорошая заработная плата, ни уговоры не въ состояніи были заставить ихъ взяться за работу. Эммануилъ направился къ ближайшей хатѣ. Мохомъ крытая крыша и слѣпыя, маленькія окна довершали общую неприглядность. Высокій, сутуловатый старикъ рубилъ дрова у самаго входа. Маленькая, жирная дворняжка встрѣтила Эммануила съ страшнымъ лаемъ. Она казалась внѣ себя отъ гнѣва, прыгала вокругъ него, скалила зубы и лаяла такимъ глухимъ, хриплымъ голосомъ, что Эммануилъ, никогда не рѣшавшійся бить животныхъ, не могъ сдѣлать ни шага дальше.

Старикъ прекрасно видѣлъ все это, но не отозвалъ собаки и не оставлялъ своей работы.

— Это твоя собака, Оле Сёренъ,—спросилъ, наконецъ, Эммануилъ довольно сердитымъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ старикъ, не разгибаясь:—я самъ собака.

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась беременная женщина; но не успѣла она узнать гостя, какъ бросилась назадъ. Послышалась страшная суматоха, громкій шопотъ и стукъ посуды. Испуганныя лица и нечесаныя головы показались у другой двери.

Избавившись, наконецъ, отъ собаки, Эммануилъ послѣдовалъ за женщиной.

Внутри хаты пахло водкой и кофе. Приходилось согнуться вдвое, чтобы не удариться головой о потолокъ, покрытый паутиной. Онъ постучалъ въ полуоткрытую дверь и вошелъ въ полутемную комнату, въ родѣ подвала, съ двумя широкими соломенными постелями, раскиднымъ столомъ, залавкомъ и двумя ярко-красными стульями.

Это было жилище Бири Свенда и Бранди Пера.

Хотя Свендъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, а Перъ холостъ, эти два неразлучные друга жили много лѣтъ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, за однимъ столомъ... больше того, многіе утверждали, что дружба ихъ шла гораздо дальше и отразилась на многихъ отпрыскахъ четы Свендъ. Уродливый человѣкъ, съ короткими, толстыми ногами и громадной шишкой надъ глазомъ, съ трудомъ поднялся съ залавка при входѣ Эммануила. Онъ съ улыбкой встрѣтилъ гостя и, наклонивъ голову на бокъ, прижалъ правую руку къ груди. Женщина, какъ бы стыдясь своего положенія, выскользнула вонъ.

— Какой пріятный сюрпризъ!—говорилъ Свендъ, протягивая грязную руку.—Мы никакъ не думали, что пасторъ...Эммануилъ,—хотѣлъ я сказать,—посѣтитъ насъ сегодня. Но это очень кстати; мы всѣ нуждаемся въ словѣ утѣшенія именно теперь, когда Богъ послалъ намъ лишенія всякаго рода.

Здѣсь его круто прервалъ Эммануилъ, садясь на одинъ изъ стульевъ и скрестивъ ноги.

— Поговоримъ серьезно, Свендъ! Что это я слышу о тебѣ и Перѣ? Говорятъ, вы не хотите идти на работу!.. Что это за штуки? Неужели

вы не хотите показать намъ, что вы порядочные люди, а только добиваетесь ссоръ и непріятностей. Мы дѣлали для васъ все, что могли... пора бы, кажется, хоть разъ отплатить добромъ. Не правда ли?

Бири Свендъ снова сѣлъ на залавокъ, сдѣлалъ грустное лицо и смотрѣлъ въ землю.

— Богъ мнѣ свидѣтель,—сказалъ онъ, потирая правую руку лѣвой и держа ее такъ, какъ будто она находилась въ невидимой петлѣ:—ужъ какъ охотно бы я трудился и убивался на работѣ! Но что бѣдному калѣкѣ дѣлать, когда ревматизмъ одолѣлъ его! Повѣрьте слову, плохо приходится человѣку, у котораго жена и дѣти на рукахъ.

— Перестань, Свендъ, ужъ не такъ все плохо, какъ ты говоришь,—прервалъ его опять Эммануилъ:—ты былъ достаточно здоровъ надняхъ, во время драки въ кабакѣ Вельби... Да, я слышалъ обо всемъ этомъ, Перъ также тамъ былъ. Гдѣ онъ теперь?

Бири Свендъ, смущенный необычнымъ, строгимъ тономъ Эммануила, взглянулъ на одну изъ постелей, стоявшихъ рядомъ у стѣны.

Подъ грязнымъ одѣяломъ на постели спалъ Бранди Перъ. Видны были лишь густые, всклокоченные волосы и блѣдное лицо съ краснымъ, блестящимъ носомъ, какъ переспѣлая слива.

— Что это значитъ?—спросилъ Эммануилъ, чувствуя себя не особенно хорошо въ темнотѣ и спертомъ воздухѣ.—Развѣ и Перъ боленъ?

— Да, у него сильная головная боль... и лихорадка. Это на него находитъ вдругъ. Сидитъ себѣ совсѣмъ здоровый, и вдругъ зубы начнутъ стучать и весь затрясется, всѣмъ тѣломъ... страсть смотрѣть.

Но Эммануилъ не повѣрилъ. Онъ сталъ остороженъ и даже подозрителенъ въ послѣднее время и скоро убѣдился въ томъ, что передъ нимъ не больной въ лихорадкѣ, а мертвецки-пьяный человѣкъ, который старался всѣми силами продрать глаза и не могъ.

Ему вдругъ стало такъ противно это униженіе, вся эта ложь и обманъ, вся грязь и вонь, что онъ не могъ больше сдерживаться.

Онъ всталъ и ударилъ стулъ объ полъ.

— Послушай-ка, любезный, я тебѣ скажу кое-что! Остерегайтесь! Даже и мое терпѣніе можетъ лопнуть, и если вы будете продолжать злоупотреблять нашей добротой и снисходительностью,—все между нами кончено. Тогда вы можете обращаться въ домъ призрѣнія .. къ намъ не ходите тогда. Слышите?

Раболѣпное выраженіе исчезло на лицѣ Свенда; въ первый разъ Эммануилъ говорилъ съ нимъ такимъ авторитетнымъ тономъ. Большая, красная шишка сползла еще ниже на глазъ, и толстыя губы сложились въ злую улыбку.

— Ну, пожалуй, до этого и не дойдетъ,—сказалъ онъ, все еще потирая руку.—Вы сами хорошо знаете, что и мы, бѣдняки, вамъ нужны.

— Что ты такое говоришь?—спросилъ Эммануилъ, вздрогнувъ.

— Что говорю? Я не такой дуракъ, какъ вы думаете, и очень хо-

рошо знаю, что бываетъ съ призрѣваемыми. Они теряютъ право голоса, я слышалъ... не правда ли?

— Да, это такъ... но при чемъ тутъ право голоса?

— Я думаю, что, вѣроятно, вы не захотите лишиться нашихъ шаровъ... а то не стали бы вы такъ стараться для насъ, думается мнѣ. Вы хорошо знаете, что на выборахъ голосъ бѣдняка стоитъ столько же, сколько и голосъ дворянина. О, да! вы это знаете.

Эммануилъ стоялъ, какъ громомъ пораженный.

Такъ вотъ каково было мнѣніе народа о благотворительности прихода. Вотъ на кого онъ потратилъ трудъ, вотъ ради кого онъ пожертвовалъ своими средствами и ради кого онъ самъ часто нуждался.

Онъ былъ блѣденъ отъ гнѣва и не могъ говорить. У него захватило дыханіе отъ волненія.

Онъ схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ дома. Вонъ отсюда, вонъ! вонъ!—что-то кричало въ немъ. Онъ не въ состояніи больше выносить вида этихъ несчастныхъ человѣческихъ созданій, онъ долженъ бѣжать отъ этого свинства и грязи, въ которой онъ задыхался.

IV.

Пройдя немного, Эммануилъ одумался и пошелъ тише; у конца тропинки, ведущей изъ поселка Фенъ къ болѣе высокой мѣстности, онъ остановился, снялъ шляпу и приложилъ руку къ горячему лбу.

— Не судите, да не судимы будете,—прошепталъ онъ.—Ты видишь сучокъ въ глазу брата, а не видишь бревна въ своемъ собственномъ. Не надо забывать этихъ словъ Христа,—говорилъ онъ себѣ, медленно продолжая свой путь и держа шляпу въ рукѣ. Не вернуться ли? Онъ поступилъ не такъ, какъ долженъ бы поступить тотъ, кто смиренно слѣдуетъ примѣру Учителя. Не пора ли взяться руками за этого демона гордости, который преслѣдовалъ его послѣднее время, пускалъ ему пыль въ глаза, такъ что онъ не видѣлъ вокругъ себя ничего, кромѣ отчаянія и тьмы?

За послѣднія недѣли, онъ сдѣлался такимъ нервнымъ, что, когда передъ нимъ вдругъ появился на тропинкѣ человѣкъ, онъ вздрогнулъ, и смущеніе его ни мало не разсѣялось, когда въ короткошеей фигурѣ съ длинными ногами онъ узналъ Ганзена-ткача.

Эммануилъ надѣлъ шляпу и пошелъ быстрѣе. Онъ всегда чувствовалъ нѣкоторое недовѣріе къ Ганзену, сдержанность котораго такъ рѣзко отличалась отъ его собственной открытой и прямой натуры. Ему казалось, что человѣкъ этотъ присматривалъ за нимъ и не могъ объяснить себѣ его намѣреній.

Они молча пожали другъ другу руки и остановились каждый на своей сторонѣ дороги.

— Какъ живете-можете? Ничего новаго, неправда ли? — спросилъ Эммануилъ разсѣянно.

— Что-нибудь новое всегда бываетъ,—отвѣчалъ ткачъ; онъ стоялъ, сложивъ свои большія, красныя руки на груди, засунувъ концы пальцевъ за черные, клеенчатые нарукавники:—къ сожалѣнію, это новое не всегда бываетъ хорошо.

Эммануилъ понялъ по голосу, что у ткача дурныя вѣсти.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я могу пройти часть дороги съ вами, если хотите,—сказалъ Ганзенъ:—я сегодня свободенъ.

— Хорошо, пойдемте.

— Я не ожидалъ встрѣтить васъ такъ далеко отъ дома, Эммануилъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ экипажъ доктора по дорогѣ въ Вельби... а, насколько я знаю, тамъ никто не болѣнъ.

Эммануилъ не отвѣчалъ. Уже не въ первый разъ приходилось ему выслушивать остроты по поводу посѣщенія имъ доктора Гассинга. Слова ткача обезпокоили его. Неужели докторъ и его гости дѣйствительно были у него съ визитомъ!

Ткачъ говорилъ о плохомъ урожаѣ, о ржи, которая уже почернѣла на низкихъ мѣстахъ, и о тяжелыхъ убыткахъ, которые понесутъ крестьяне, если Богу не угодно будетъ послать восточный вѣтеръ.

Эммануилъ не слушалъ; онъ зналъ окольные пути ткача и приготовился къ терпѣнію. Мысли его тѣмъ временемъ пошли другой дорогой. Ткачъ напомнилъ ему впечатлѣнія, только что испытанныя имъ часъ тому назадъ, когда съ Лисьихъ холмовъ онъ смотрѣлъ на убогія хаты Фена .. Какъ разъ около него былъ теперь человѣкъ, который выбрался изъ болота и униженія. Ткачъ родился въ одной изъ этихъ хатъ; его отецъ былъ пастухомъ свиней въ ближайшемъ помѣстьѣ Триггерлёзе; ребенкомъ и онъ пасъ овецъ на унылыхъ вересковыхъ выгонахъ. Ткачъ рѣдко говорилъ о своемъ дѣтствѣ, но всѣ знали о томъ, что еще мальчикомъ ему пришлось присутствовать при томъ, какъ сѣкли его отца, и говорили, что это обстоятельство окрасило всю его послѣдующую жизнь и развитіе. У Эммануила сжалось сердце, когда онъ подумалъ, что толчкомъ къ его нравственному возрожденію послужила не любовь, а насиліе. Его мысли прерваны были ткачомъ, который вдругъ остановился.

— Я полагаю, вы знаете, Эммануилъ, что онъ сознался въ своемъ тяжеломъ грѣхѣ,—спросилъ онъ.

— Что вы говорите? Кто сознался?

— Конечно, предсѣдатель приходскаго совѣта. Кто же больше?

— Въ чемъ же онъ сознался?.. Я ничего не понимаю.

— Онъ смирился и покаялся въ томъ, что жилъ въ грѣхѣ. Люди давно подозрѣвали его, но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы человѣкъ, стоящій такъ высоко въ приходѣ и руководящій другими, могъ бы забыть, что говорится въ священномъ писаніи о прелюбодѣяхъ и нечистыхъ... Вчера кое-кто изъ прихожанъ отправились къ нему и по-

христіански предупредили, что такъ продолжаться не можетъ... что онъ долженъ очиститься отъ ужаснаго обвиненія. Оказались разныя разности, говорящія не въ его пользу, и когда, наконецъ, онъ убѣдился, что Сидзэ многое разболтала, ему пришлось покаяться.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Эммануилъ, опираясь на палку, какъ будто земля уходила изъ-подъ его ногъ.

— Да, да, надъ этимъ стоитъ призадуматься!—сказалъ ткачъ, смотря на окрестныя поля.

Послѣ долгаго молчанія, ткачъ началъ разсуждать о томъ, что хорошо было бы собрать митингъ и разобрать дѣло окончательно. Ясно, что человѣкъ, такъ глубоко согрѣшившій, не могъ быть терпимъ, какъ высшее довѣренное лицо друзей, и что слѣдуетъ немедленно стереть это пятно цѣлаго прихода.

Эммануилъ, замѣтивъ въ тонѣ ткача нѣкоторое злорадство по поводу низверженія предсѣдателя, не могъ промолчать.

— Странно, Ганзенъ, что вы такъ торопитесь съ этимъ дѣломъ, когда вы же сами все время проталкивали Ганса Іенсена впередъ. Я помню, какъ вначалѣ многіе изъ насъ сомнѣвались въ немъ... его прежняя жизнь далеко не безупречна; но вы всегда настаивали на томъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на эти обстоятельства. Онъ именно такой человѣкъ, какой намъ нуженъ, говорили вы; и мы успокоились. Если дѣйствительно произошла ошибка,—вы въ ней кругомъ виноваты.

Кривая улыбка ткача расползлась до самыхъ ушей.

— Я не отрицаю, что поддерживалъ Ганса Іенсена, и продолжаю утверждать, что для того политическаго строя, въ которомъ онъ игралъ роль, онъ былъ совершенно подходящимъ человѣкомъ. Любой возница годится на то, чтобы опрокинуть телѣгу въ канаву... Но теперь другое дѣло! По моему, теперь пришло время вылѣзать изъ канавы.

Говоря такимъ образомъ, они вышли на большую дорогу. Эммануилъ вздрогнулъ. По дорогѣ катился экипажъ. Парой рыжихъ правилъ кучеръ въ ливреѣ. Онъ сейчасъ же узналъ коляску доктора Гассинга; ему казалось даже, что онъ видѣлъ бѣлокурую голову фрёкенъ Рагнильды изъ-за спины кучера.

Стараясь всѣми силами скрыть свое волненіе отъ ткача, онъ продолжалъ разсуждать наугадъ о «митингѣ, который непремѣнно надо устроить... Въ этомъ вы совершенно правы: собраніе приходскаго совѣта при настоящихъ условіяхъ неизбѣжно».

Когда экипажъ поровнялся, онъ увидѣлъ свою ошибку. Докторъ, закутанный въ макинтошъ и съ сигарой во рту, одинъ занималъ широкое сидѣнье въ коляскѣ.

Увидя Эммануила, докторъ остановилъ лошадей.

— Здравствуйте, пасторъ Ганстедъ, какъ живете-можете!—сказалъ онъ, протягивая руку въ перчаткѣ.—Давно не имѣлъ удовольствія видѣть васъ... вѣроятно, по/уши ушли въ жнитво?

— Да, да, плохая уборка,—проговорилъ Эммануилъ не глядя.—Вы вѣрно по больнымъ ѣдете, докторъ?

— Да, у васъ тутъ по сосѣдству есть сломанная нога. Рабочій на фермѣ запутался въ веревкѣ, которой привязана была корова... неважное дѣло! Однако, чтобы не забыть самое серьезное! Фрёкенъ Тённесенъ просила передать вамъ ея самый искренній привѣтъ. Она уѣхала недѣлю тому назадъ

— Какъ! развѣ фрёкенъ Тённесенъ уже уѣхала?—воскликнулъ Эммануилъ удивленно.

— Да, она намѣревалась погостить подольше, но, мнѣ кажется, она соскучилась о городѣ. Вы знаете, она не охотница до «травы». Она пробыла у насъ до формальнаго обрученія моего племянника и Герды.... Молодёньки они, правду сказать. Но, Боже мой, еще успѣютъ состариться, неправда ли?

— Да, да, совершенно справедливо,—проговорилъ Эммануилъ въ полной разсѣянности.

Докторъ кивнулъ головой, и экипажъ покатился.

Ткачъ внимательно наблюдалъ за обоими своими хитрыми, красными глазами; по отъѣздѣ доктора, онъ нѣкоторое время шелъ молча, откашливаясь и улыбаясь.

— Онъ ловкій человѣкъ, этотъ Гассингъ,—проговорилъ ткачъ.— Странно, что у него такія дикія понятія о политикѣ. Очень странно!

— Я не думаю, чтобы докторъ Гассингъ безпокоился о политическихъ вопросахъ.

— Именно такъ. Говорятъ, что онъ живетъ исключительно въ свое удовольствіе. Я слыхалъ о томъ, что дѣлается у него въ домѣ, о его роскоши и развлеченіяхъ самаго пикантнаго свойства. Говорятъ, ихъ разговоры въ семьѣ самые безбожные.

Онъ пріостановился, замѣтивъ, что Эммануилъ его не слушаетъ. Черезъ минуту онъ простился и пошелъ назадъ ускореннымъ шагомъ. День склонялся уже къ вечеру, а у него было много дѣла. Необходимо было подготовить народъ прежде, чѣмъ соберется приходскій совѣтъ.

Все остальное его не безпокоило. Послѣ встрѣчи съ Эммануиломъ его подозрѣнія перешли въ увѣренность: онъ не сомнѣвался болѣе въ томъ, что въ этомъ приходѣ по крайней мѣрѣ униженіе народнаго вопроса пришло къ концу.

V.

Эммануилъ медленно возвращался домой.

Небо заволокло тучами. Накрапывалъ дождь, но онъ не замѣчалъ его. Дойдя до дому и услышавъ голоса Ганзенэ и дѣтей, онъ остановился въ нерѣшимости. Потомъ повернулся и тихонько прошелъ въ свою полупустую комнату. Онъ тяжело опустился на пыльный диванъ

и закрылъ лицо руками, пораженный и встревоженный тѣмъ, что происходило въ его душѣ.

Онъ былъ такъ увѣренъ въ томъ, что борьба, которая совершалась въ немъ эти послѣднія недѣли, прекратится сама собою въ тотъ день, когда онъ услышитъ, что фрёкенъ Рагнгильда уѣхала... не потому, чтобы онъ чувствовалъ, что она имѣетъ малѣйшую власть надъ нимъ, но сознаніе ея присутствія наполняло его душу постоянной тревогой, доходящей до боли. Онъ никогда не зналъ, когда и гдѣ она появится и увлечетъ его въ ту одуряющую атмосферу, которая усыпила его уже разъ или два.

Теперь, когда онъ убѣдился въ ея отъѣздѣ, имъ овладѣло чувство пустоты и непреодолимаго отчаянія.

Такъ сидѣлъ онъ долго, не замѣчая, что мракъ заволакивалъ его болѣе и болѣе. Онъ такъ погруженъ былъ въ самого себя, прислушиваясь къ тяжелому, тревожному біенію сердца, что не слыхалъ, какъ отворилась дверь и вошла Ганзенэ.

— Ты здѣсь?—спросила она, стоя у порога и вглядываясь въ его согнутую фигуру.

Онъ вскочилъ въ испугѣ.

— Что такое?.. Это ты, Ганзенэ?

Она не вдругъ отвѣтила.

— Сёренъ сказалъ мнѣ, что ты вернулся,—наконецъ проговорила она.—Мы тебя всюду искали. Отчего ты не идешь ужинать?

Глаза Эммануила старались проникнуть сквозь мракъ и прочесть выраженіе ея лица. Въ первый разъ въ жизни онъ услышалъ, какъ голосъ ея задрожалъ.

— Я сейчасъ приду,—сказалъ онъ глухо.

Она медлила у двери, какъ бы ожидая, что онъ скажетъ ей еще что-нибудь. Потомъ нерѣшительно отворила дверь и медленно вышла.

На полдорогѣ она проговорила, не оборачиваясь:

— Не видалъ ли ты доктора. Онъ, кажется, былъ здѣсь въ деревнѣ.

— Доктора?.. Да, я встрѣтилъ его. Почемъ ты знаешь?

— Такъ, сама догадалась,—сказала она и тихо закрыла дверь.

Эммануилъ не сказалъ ни слова. Лицо его было страшно блѣдно.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильной тревогѣ, потомъ подошелъ къ окну и сталъ вглядываться въ темный садъ.

Онъ видѣлъ, что Ганзенэ все знаетъ. и сердце его обливалось кровью при мыслѣ о тѣхъ страданіяхъ, которыя она должна была вынести. Но теперь все кончено, должно быть кончено! Онъ чувствовалъ, что это окончательная борьба съ несчастнымъ наслѣдіемъ его крови, послѣднее доказательство его освобожденія. Онъ, конечно, восторжествуетъ.

VI.

На утро одинъ изъ крестьянъ Скиберупа вернулся изъ Сандинжа

съ печальнымъ извѣстіемъ, что старикъ директоръ высшей школы опасно заболѣлъ. Боялись, что онъ не перенесетъ этого приступа болѣзни, мучившей его уже нѣсколько лѣтъ. Нѣсколько часовъ спустя пришло извѣстіе о его смерти. Докторъ былъ одинъ изъ первыхъ борцевъ за просвѣщеніе крестьянъ, въ дѣйствительности онъ былъ основателемъ «народнаго» движенія въ этой мѣстности. Болѣе тридцати лѣтъ «пробудившіеся» смотрѣли на него съ благоговѣніемъ, и хотя, за послѣднее время, онъ не всегда одобрялъ направленіе младшихъ членовъ общества, отвлекавшее ихъ отъ единственной насущной потребности, именно «духовнаго совершенствованія», тѣмъ не менѣе ни разу не произошло ни малѣйшаго недоразумѣнія между нимъ и «друзьями». Напротивъ, чѣмъ старѣе онъ становился, чѣмъ больше серебрилась его большая борода и длинные локоны, тѣмъ сильнѣе становилось благоговѣніе къ нему. Когда онъ, бывало, разсказывалъ молодежи о мрачныхъ дняхъ въ началѣ народнаго движенія, когда на борцовъ его смотрѣли, какъ на совратителей молодости, достойныхъ висѣлицы, слова его звучали, какъ старинная сага. Когда полушутя онъ разсказывалъ о своихъ хожденіяхъ изъ города въ городъ и проповѣдяхъ въ сараяхъ и людскихъ, о преслѣдованіяхъ священниками и учителями, о презрѣніи со стороны самихъ крестьянъ, не разъ травившихъ его собаками,—слушателямъ казалось, что они слышатъ повѣствованіе изъ временъ христіанскихъ мучениковъ.

Поэтому извѣстіе о его смерти возбудило не только обычное горе друзей; это было глубокое, торжественное горе, какое ощущается людьми, когда ихъ постигаетъ общее несчастіе. Они всѣ теряли вождя, но въ память его и какъ бы боясь распасться, всѣ лагери соединились. Ткачъ отказался отъ своей тайной пропаганды, собраніе приходскаго совѣта отложено, и на нѣкоторое время проступокъ его предсѣдателя былъ преданъ забвенію. Старикъ-директоръ сдѣлался единственной темой разговоровъ; снимались старыя фотографіи, висѣвшія годами надъ старымъ комодомъ, чтобы поближе разсмотрѣть дорогія черты и два черныя пятнышка, долженствовавшія изображать его моложавые, сверкающіе, каріе глаза. Повторялись его старые разсказы, перечитывались старыя письма, короткіе, спѣшные отрывки, полные восклицаній и восторга и дружеской горячности, по вечерамъ люди садились у дома и пѣли его любимыя пѣсни.

Извѣстіе о его смерти произвело глубокое впечатлѣніе и въ пасторатѣ. Хотя Ганзенэ давно уже предчувствовала, что ея знакомство съ высшей школой въ Сандинжѣ обойдется ей дорого, и еще недавно пришлось ясно увидѣть тщету своихъ дѣвическихъ ожиданій, возбужденныхъ въ ней энтузіазмомъ стараго друга, она никогда не питала къ нему горькаго чувства. Напротивъ, когда будущее представлялось ей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, она думала о своемъ старомъ учителѣ, какъ о человѣкѣ, который можетъ поддержать и утѣшить ее

среди самыхъ тяжелыхъ испытаній. Теперь, когда его не стало, она съ благодарностью вспоминала все, чему научилась отъ него, въ особенности его увѣщанія жить по правдѣ и въ самоотреченіи. Подъ вліяніемъ этой смерти и постояннаго молчанія Эммануила, которое служило ей яснымъ указаніемъ на то, куда направлены всѣ его мысли, въ ней созрѣвало рѣшеніе, наполнявшее ее днемъ и ночью съ самаго дня посѣщенія фрёкенъ Рагнгильды и Герды. Она говорила себѣ, что незачѣмъ питаться несбыточной надеждой и что лучше будетъ и для нея и для Эммануэла и въ особенности для будущности дѣтей, если она теперь же рѣшится безповоротно измѣнить всю ихъ семейную жизнь. Она обсудитъ вмѣстѣ съ Эммануиломъ ихъ взаимныя отношенія, спокойно и осторожно скажетъ ему свое рѣшеніе, какъ единственное средство для новой и болѣе счастливой жизни.

КНИГА V.

I.

Случилось, что однажды утромъ Эммануилъ зашелъ на конюшню позже обыкновеннаго и, къ удивленію своему, нашелъ Нильса еще въ постели; это было послѣдней каплей для долго сдерживаемаго недовольства. Послѣдовала крупная ссора, послѣ которой Эммануилъ велѣлъ Нильсу собрать вещи и оставить пасторатъ. Нильсъ исполнилъ это приказаніе немедленно; но на другой день, когда Эммануилъ хотѣлъ нанять другого конюха, онъ нашелъ очень враждебное настроеніе среди извѣстнаго слоя крестьянъ. Нильсъ всегда былъ любимцемъ цѣлаго прихода, и многіе говорили, что Эммануилъ отказалъ Нильсу изъ зависти къ успѣху его газетныхъ статей. Нильсъ выросъ въ героя дня, въ особенности въ «братствѣ» Маренъ Смедъ.

Жизнь въ пасторатѣ, казалось, шла попрежнему, но внутреннія тревоги сдѣлали Эммануила неузнаваемымъ. Лицо его осунулось и приняло сѣроватый оттѣнокъ, точно было покрыто пепломъ; щеки ввалились. Онъ совсѣмъ не говорилъ съ женой, развѣ только по поводу обыденныхъ случаевъ домашней жизни. Въ ней онъ замѣчалъ что-то совершенно новое и непонятное. Она какъ бы искала его довѣрія и въ то же время уклонялась отъ сближенія; поэтому онъ не находилъ случая объясниться и сказать ей все то, что могло послужить къ ея успокоенію.

Въ день похоронъ директора школы онъ былъ взволнованъ съ самаго утра. Ему предстояло пробыть цѣлый день среди множества чужихъ и дурно расположенныхъ къ нему людей, хотя и считавшихся его друзьями, и, что всего хуже, онъ зналъ, что его будутъ просить говорить рѣчь, произносить слова утѣшенія въ минуту самаго безотрад-

наго отчаянія; все это приводило его въ такую тревогу, что онъ не могъ заснуть всю ночь напролетъ.

Онъ и Ганзенэ были уже готовы ѣхать въ Сандинжъ, какъ явился спѣшный гонецъ съ извѣстіемъ, что фру Аггербёлле умираетъ и его звали къ ней для причащенія святыхъ тайнъ.

— Тебѣ придется ѣхать одной,—сказалъ онъ Ганзенэ: — я пріѣду попозже. Можетъ быть, тебѣ попадется по дорогѣ попутчикъ. Скажи Іёргену на перевозѣ, чтобы оставилъ мнѣ лодку, я доѣду одинъ.

Это былъ сѣрый день, нагонявшій на душу пасмурное, гнетущее настроеніе. Утромъ солнце, по обыкновенію, взошло ясно, но дождевыя тучи уже нависли надъ полускошенными лугами. По всей деревнѣ и на окружныхъ фермахъ подняты были до половины флаги, а по сѣрому фіорду разсыпалась цѣлая флотилія двухъ и четырехъ-весельныхъ лодокъ; всѣ онѣ были наполнены людьми въ траурѣ съ вѣнками цвѣтовъ въ рукахъ и направлялись къ противоположному берегу.

Черезъ четверть часа Эммануилъ—уже въ одеждѣ пастора—подходилъ къ полуразрушенной хатѣ Аггербёлле среди унылаго, плохо обработаннаго огорода; онъ перешелъ черезъ обвалившійся заборъ и ряды гніющихъ капустныхъ кочерыжекъ и вошелъ въ сѣни. Здѣсь его встрѣтила горбатая старушка, которая выбѣжала къ нему въ сѣни. «Она только что скончалась!» вопила горбунья.

Эммануилъ снялъ шляпу и тихо прошелъ въ спальню черезъ полупустую комнату съ заштопаннымъ ковромъ. Онъ нашелъ Аггербёлле на колѣняхъ у постели; его руки все еще держали маленькое, высохшее тѣло жены; онъ плакалъ и звалъ ее по имени. У окна стояли и сидѣли четверо бѣлокурыхъ, необыкновенно красивыхъ, но блѣдныхъ дѣтей.

Они молча и неподвижно смотрѣли на все происходившее грустными глазами, какъ будто всѣ, не исключая шестилѣтняго малыша, сидѣвшаго на низкой скамейкѣ, подпершись рукой, понимали свою судьбу.

Эммануилъ подошелъ къ постели, склонилъ голову и молча молился. Потомъ онъ подошелъ къ Аггербёлле и тихонько дотронулся до него.

— Бернгардъ,—позвалъ онъ.

Аггербёлле не отвѣчалъ. Онъ продолжалъ звать жену, цѣловалъ ея руки и прижималъ ихъ, рыдая, къ своей груди.

Эммануилъ сѣлъ и рѣшился ждать того времени, когда вдовецъ успокоится и будетъ въ состояніи понять утѣшительныя слова. Онъ облокотился на дождевой зонтикъ и, подпершись щеку рукой, смотрѣлъ вокругъ, на постель, на дѣтей и сосѣднюю комнату, дверь которой была отворена, и сердце его сжалось глубокимъ состраданіемъ къ той нуждѣ, которая царствовала повсюду.

Онъ зналъ, что Аггербёлле и его жена переселились сюда, оставивъ шумъ и соблазны столицы, чтобы жить въ простотѣ и счастьи. Онъ не разъ слыхалъ, какъ эти молодые, счастливые, здоровые люди гу-

ляли при лунномъ свѣтѣ на берегу моря, рука объ руку, прижавшись другъ къ другу, полные бодрости и вѣры, съ честнымъ и опредѣленнымъ намѣреніемъ построить свое будущее на твердомъ фундаментѣ постоянства. Изъ года въ годъ почва, казалось, ускользала изъ-подъ ихъ ногъ; надежды разбивались въ дребезги, и отъ всего ихъ зданія счастья и вѣры остался лишь этотъ островъ дома, въ который загляпула, наконецъ, все разбивающая смерть.

Черезъ нѣсколько времени Аггербёлле поднялъ голову и сѣлъ на край постели. Сложивъ руки на колѣняхъ, онъ казался олицетворенной безпомощностью.

— Да, все кончено, Эммануилъ,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ. Слезы текли по опухшимъ щекамъ.—Господь взялъ у меня Софи. Теперь я одинъ на свѣтѣ съ нашими невинными малютками!.. Дай Богъ тебѣ радость на томъ свѣтѣ, моя Сонечка! Ты была доброй и вѣрной женой. А какъ счастливы мы были когда-то!.. Но въ тяжелыя годины ты не покидала меня, и я благодарю тебя за это, благодарю.

Слезы снова полились неудержимо; онъ закрылъ лицо руками.

Эммануилъ снова всталъ и положилъ руку на его плечо.

— Бернгардъ, послушай...

Но Аггербёлле не далъ ему говорить.

Закрывъ лицо руками, онъ продолжалъ восхвалять жену, разсказывая о счастьѣ первыхъ лѣтъ, о ея красотѣ и жизнерадостности, о ея самоотреченіи и терпѣніи.

Вдругъ онъ поднялъ голову; внезапная ярость точно охватила его душу, когда онъ обратился къ Эммануилу со слѣдующими словами:

— Я всегда говорилъ это... здѣсь, въ этомъ деревенскомъ углу какія-то чары... что то такое, что похищаетъ силы у тѣхъ, кто родился и живетъ здѣсь. Я ощущалъ это самъ... и Софи также... онѣ сушатъ нашу душу, кровь и мозги, Эммануилъ... Мы прокляты, прокляты!

Эммануилъ поблѣднѣлъ. Аггербёлле почти прокричалъ эти послѣднія слова; потомъ бросился снова къ тѣлу жены, взялъ въ руки маленькую голову въ чепцѣ, который былъ непомѣрно великъ и снова принялся цѣловать лобъ и впалыя глаза покойницы. Эммануилъ увидалъ, что несчастный былъ такъ поглощенъ своимъ горемъ, что безполезно было и пытаться говорить съ нимъ, и рѣшился уйти.

— До свиданія, Бернгардтъ,—сказалъ онъ:—я снова навѣщу васъ.

Онъ пожалъ руки дѣтямъ, погладилъ ихъ красивыя головки и, взявъ меньшого на руки, крѣпко поцѣловалъ его.

— Богъ да благословитъ васъ,—прошепталъ онъ и вышелъ.

Въ сосѣдней комнатѣ его встрѣтила маленькая горбунья и съ жаромъ начала разсказывать ему о послѣднихъ часахъ фру Аггербёлле.

— Да, кончились ея страданія... И слава Богу; жалко смотрѣть на нее было послѣднее время. Тяжелая это была ночь, Эммануилъ. Я была

тамъ сама, когда Господь освободилъ ее. Она долго лежала безъ движенія, потомъ глубоко вздохнула и умерла.

Эммануилъ не слушалъ ея разсказа и старался отдѣлаться отъ нея. Но женщина преслѣдовала его сначала въ сѣняхъ, а потомъ и въ огородѣ, полная своихъ недавнихъ впечатлѣній.

Она шла съ нимъ до самой дороги и вернулась домой съ облегченнымъ сердцемъ. Эммануилъ направился къ берегу. Онъ держалъ за спиной свой большой синій зонтикъ и смотрѣлъ въ землю; его глаза были полны слезъ.

— Зачѣмъ быть слѣпымъ, когда есть глаза, чтобы видѣть?—думалъ онъ.—Зачѣмъ лгать передъ самимъ собой... и передъ другими?

Точно завѣса спала съ его глазъ, и онъ ужаснулся тому, что увидѣлъ. Да, Бернгардъ правъ. Въ этомъ воздухѣ есть чары; онъ самъ былъ подъ ихъ вліяніемъ. Теперь ему стало все понятно. Ему казалось, что онъ пробуждается послѣ долгаго сна... Какъ тотъ плѣнный горецъ, который послѣ восьми лѣтъ жизни въ нѣдрахъ земли и гномовъ вдругъ очнулся, услышавъ колокола своего родного города.

II.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, онъ добрался до Сандинжа, похоронный обрядъ уже былъ оконченъ. Старика директора высшей школы похоронили на деревенскомъ кладбищѣ; его провожали болѣе двухъ тысячъ людей, между которыми было по крайней мѣрѣ 50 священниковъ въ облаченіи. Произносились рѣчи, и въ большой залѣ школы, украшенной еловыми вѣтками и знаменами, и въ комнатѣ, гдѣ лежало тѣло, и въ церкви, и надъ могилой. Теперь всѣ занялись ѣдой, которую привезли съ собой въ корзинахъ. Такъ какъ школьное зданіе не могли вмѣстить всѣхъ провожавшихъ, люди, не смотря на мелкій дождь, расположились въ саду и поляхъ, стараясь укрыться подъ деревьями и зонтиками. Многіе промокли уже по дорогѣ къ кладбищу, и башмаки ихъ облипли глиной. Женщины подоткнули свои черныя юбки или, не стѣсняясь, подняли ихъ на голову. Кое-гдѣ слышалось грустное пѣніе.

Въ этой толпѣ были представители самыхъ разнообразныхъ народныхъ партій, начиная съ двухъ копенгагенскихъ либеральныхъ лидеровъ—адвоката въ золотыхъ очкахъ и сахарнаго торговца въ pince-nez, пріѣхавшихъ съ женами и дочерьми въ ландо, и кончая промокшими насквозь полевыми рабочими, прошедшими много миль и пожертвовавшихъ денной заработокъ, чтобы проводить до могилы своего вѣрнаго друга. Тутъ были учители, семинаристы и директоры высшихъ школъ стараго типа, съ большими бородами и блаженными улыбками, и новаго, современнаго типа, съ свѣтскими манерами и въ модной одеждѣ. Иногда попадался молодой пасторъ подъ руку съ своей невѣстой, напѣвая какой-нибудь гимнъ и нѣжно поглядывая другъ на друга—онъ

въ широкополой, мягкой шляпѣ и съ засученными панталонами, она въ большихъ галошахъ и съ подколотой юбкой. Здѣсь были члены парламента изъ крестьянъ, которые даже здѣсь сходились вмѣстѣ и перешептывались, какъ будто находились въ парламентѣ. Здѣсь были делегаты съ дальнихъ концовъ страны, пріѣхавшіе съ вѣнками отъ друзей покойнаго; здѣсь даже былъ великій норвежскій писатель, пріѣхавшій въ Данію на туръ лекцій—великанъ съ цѣлой шапкой курчавыхъ волосъ, орлинымъ взглядомъ, въ очкахъ и бѣломъ галстухѣ. Его присутствіе и громкій голосъ доставили всѣмъ громадное удовольствіе. Гдѣ бы онъ ни показался, его опережала громадная толпа; въ особенности настойчиво слѣдовалъ за нимъ Нильсъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей; каждому хотѣлось быть тѣмъ избранникомъ, на плечо котораго опустится рука великаго писатели во время рѣчи.

— А! это отлично!—говорилъ онъ своимъ пѣвучимъ діалектомъ.— Вы здѣсь очень плодовиты, какъ я вижу. Вы коренная почва для духовной жизни сѣвера, не забывайте этого. А мы въ нашихъ мѣстахъ лишь колонизаторы.

Въ подобномъ собраніи и въ присутствіи столькихъ извѣстностей пріѣздъ Эммануила не могъ обратить на себя особеннаго вниманія: точно также и его отсутствіе во время похороннаго обряда прошло незамѣченнымъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ каверзныхъ замѣчаній кое-кого изъ его собственныхъ прихожанъ.

Эммануилъ стоялъ въ толпѣ подъ верандой, или «галлереей», какъ ее называли, отыскивая глазами Ганзенэ, какъ вдругъ на него налетѣлъ какой-то размашистый господинъ въ очкахъ и темносинемъ pince-nez.

— Наконецъ-то я васъ встрѣтилъ, Ганстэдъ,—воскликнулъ онъ, кладя обѣ руки на плечи Эммануила.—Ну, какъ вы поживаете? Вы узнаете меня, не правда ли? Мы васъ всюду искали... Я хочу васъ представить Линѣ Гиллингъ. Она спрашивала о васъ все время; ей такъ хочется познакомиться съ вами.

Не успѣлъ Эммануилъ сообразить, что передъ нимъ одинъ изъ его университетскихъ товарищей, какъ онъ уже былъ увлеченъ вверхъ по лѣстницѣ въ наполненную народомъ аудиторію, гдѣ сильно пахло елью и стономъ стоялъ говоръ сотни голосовъ. Онъ былъ представленъ пожилой, изящной и красивой дамѣ въ своеобразной бархатной шапочкѣ, отдѣланной кружевами; даму окружали нѣсколько очень болтливыхъ и незнакомыхъ Эммануилу женщинъ. Это была очень извѣстная и богатая вдова, фру Гиллингъ; ея домъ былъ центромъ демократической партіи—нѣчто въ родѣ маленькаго двора. Она привѣтствовала его съ дѣвической застѣнчивостью и въ то же время съ материнской теплотой.

— Наконецъ-то я васъ вижу! Я горѣла нетерпѣніемъ познакомиться съ вами, какъ вы легко можете себѣ представить. Вы запи-

раетесь въ своемъ раю и не даете намъ возможности пользоваться вашимъ обществомъ. Право, вы должны показываться въ городѣ. Намъ тоже нужна свѣжая струя, увѣряю васъ. Я имѣла удовольствіе говорить съ вашей женой нѣсколько минутъ тому назадъ. Она мнѣ почти обѣщала, что уговоритъ васъ пріѣхать къ намъ и сказать рѣчь въ нашей общинѣ! Я надѣюсь, что она имѣетъ достаточно вліянія на васъ... Пожалуйста, кланяйтесь ей отъ меня. Мнѣ было такъ пріятно смотрѣть на нее и говорить съ ней.

Эммануилъ едва слушалъ ее, ему хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ нея. Но то тотъ, то другой изъ присутствовавшихъ приходили пожать ему руку или похлопать его по плечу съ громкими привѣтствіями.

— Это Эммануилъ Ганстэдъ? Какъ пріятно! Вы точь-въ-точь такой, какъ мы ожидали.

Онъ не зналъ, что отвѣчать, и чувствовалъ себя очень неловко среди всѣхъ этихъ чужихъ людей. По счастью, норвежскій писатель возвращался въ эту минуту изъ сада; всеобщее вниманіе обратилось на него.

Эммануилъ воспользовался случаемъ и ускользнулъ.

III.

Онъ нашелъ Ганзенэ около куста дикаго шиповника съ другой крестьянкой, высокой и статной, на которой былъ головной уборъ, завязанный назади большимъ свободнымъ бантомъ и отличавшійся отъ обычнаго убора, который носили въ этой мѣстности.

Еще издали Эммануилъ, къ удивленію своему, увидалъ, что крестьянка эта держитъ руку Ганзенэ въ своей, и, когда подошелъ ближе, замѣтилъ, что обѣ очень взволнованы, а глаза крестьянки заплаканы.

Когда онъ подошелъ къ нимъ, крестьянка встала, протянула ему руку и въ то же время такъ сильно покраснѣла, что веснушки на ея лицѣ казались блѣдными.

Только теперь Эммануилъ узналъ подругу Ганзенэ, рыжую Анэ, которую постигла особенная судьба—она вышла замужъ за сколлинга.

Нужно сказать, что сколлингами называютъ рыбаковъ, поселившихся на мысу, выдающемся далеко въ открытое море, откуда они на гребныхъ лодкахъ разъѣзжаютъ по ближнимъ и дальнимъ фіордамъ, продавая рыбу. Они еще совершенно не тронуты новымъ интеллектуальнымъ движеніемъ въ народѣ; береговое населеніе сторонится отъ нихъ за ихъ дикіе, безшабашные нравы.

Семь или восемь лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы Ганзенэ, Анэ встрѣтила въ городѣ красиваго, молодаго, черноволосаго рыбака и, къ великому своему ужасу, безумно влюбилась въ него. Она долго боролась съ своимъ чувствомъ, въ которомъ стыдилась признаться даже Ганзенэ. Но, въ концѣ концовъ, она не могла противиться смѣлому ухаживанью рыбака, и въ одинъ бурный день онъ увезъ ее въ

своей лодкѣ, а вскорѣ послѣ того перевезъ и ея старыхъ пріемныхъ родителей въ свою хату, покрытую водорослями. Это событіе произвело большую сенсацію въ деревняхъ Скиберупъ и Вельби; никто не ожидалъ, чтобы Анэ позволила себя провести парѣ красивыхъ глазъ, и ее отъ души жалѣли, боясь, что жизнь ея среди дикихъ людей будетъ очень тяжела. Нѣсколько времени послѣ разлуки она и Ганзенэ обмѣнивались письмами, которыя со стороны Анэ дѣлались все короче и короче, и наконецъ совершенно прекратились. Ганзенэ поняла очень хорошо, что подруга ея боялась признаться въ томъ, что она счастлива; мысль объ этой подругѣ дѣтства тамъ, у открытаго моря, дѣлала ея собственную участь еще тяжелѣе и ея безпокойную жизнь въ пасторатѣ еще болѣе унылой.

Эммануилъ нѣсколько встревожился, увидя Анэ снова въ обществѣ жены. Онъ уже привыкъ къ тому, что Ганзенэ не имѣла друзей, кромѣ него; теперь онъ сразу замѣтилъ, что эти двѣ женщины открыли сердца другъ другу.

Онъ сѣлъ на пень рядомъ съ ними и спросилъ Анэ съ участіемъ въ голосѣ, какъ она поживаетъ. Она разсказывала ему, что у нея пять человѣкъ дѣтей и три овцы и что прошлымъ лѣтомъ она и Матіасъ построили себѣ новый домъ и что это Матіасъ самъ придумалъ привезти ее на похороны старика-директора, такъ какъ кстати у него по близости были разставлены сѣти для селедокъ, которыя онъ могъ въ то же время осмотрѣть.

Она говорила спокойно съ нѣкоторой застѣнчивостью и не глядя на Эммануила, но продолжала крѣпко держать руку Ганзенэ въ своей. Не смотря на стараніе скрыть это, въ ея тонѣ ясно сказывалось, что встрѣча съ старыми друзьями по школѣ не оправдала ея ожиданій и что ей хотѣлось поскорѣе вернуться къ своей жизни на берегу — къ своимъ овцамъ, къ своимъ дѣтямъ и къ своему Матіасу. Эммануилъ слушалъ невнимательно и скоро вернулся къ своимъ собственнымъ мыслямъ. Онъ сидѣлъ, опершись щекой на руку—привычка, которую онъ пріобрѣлъ за послѣднее время,—и продолжалъ глядѣть въ землю.

— Кстати, Ганзенэ,—сказалъ онъ, поднимая глаза,—фру Гиллингъ изъ Копенгагена только что говорила мнѣ, что вы познакомились. Какъ она тебѣ нравится?

— Ничего, такъ себѣ.

— О чемъ вы говорили?—спросилъ онъ черезъ нѣсколько времени.

— Это трудно передать. Многіе заговаривали со мною; но мнѣ казалось, что больше говорилось о пустякахъ.

— Нельзя сказать, что ты энтузіастка, во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ съ натянутой улыбкой.

— Нѣтъ, я не энтузіастка.

Эммануилу не было новостью это нѣсколько холодное отношеніе жены къ народному дѣлу и его дѣятелямъ. Это часто поражало и огор-

чало его. Онъ не понималъ ея въ этомъ отношеніи и не могъ себѣ представить, что именно разочаровало ее; въ эту минуту онъ ярко почувствовалъ, какъ далеко они разошлись за послѣднее время и какъ давно довѣрчиво не разговаривали другъ съ другомъ.

Онъ далъ себѣ слово съ этого дня не оставлять болѣе ничего недоговореннымъ. Теперь, когда всѣ другіе связи порвались, они должны снова придти къ взаимному пониманію, и въ этой внутренней жизни съ нею и съ дѣтьми его душа найдетъ удовлетвореніе и миръ...

Между тѣмъ погода разгулялась. Облака разсѣялись, проглянуло голубое небо; толпы народа направились изъ сада въ поле къ кургану, съ котораго въ былое время старый директоръ говорилъ свои рѣчи въ дни національныхъ празднествъ.

— Не посмотрѣть ли намъ, что тамъ дѣлается?—предложилъ Эммануилъ.

— Я думаю, намъ пора домой,—сказалъ Ганзенэ.

— Да, и я такъ же думаю.

Какъ разъ въ эту минуту три бравые молодца прошли мимо нихъ скорымъ маршемъ, въ тактъ размахивая руками.

— А вы остаетесь здѣсь,—прокричали они на ходу:—развѣ вы не хотите слышать?

Эммануилъ съ женой пошли за ними.

IV.

Толпа, собравшаяся вокругъ камня на курганѣ, состояла большею частію изъ крестьянъ Вельби и Скиберупа. Пріѣзжіе изъ Копенгагена и норвежскій писатель уѣхали съ часъ тому назадъ, чтобы поспѣть на поѣздъ. Другіе изъ дальнихъ деревень также разъѣхались, одни за другими.

Но въ толпѣ попадались еще незнакомыя лица и въ особенности одно, молодое, толстое, блѣдное, съ недовѣрчивымъ взглядомъ и оттопыренными толстыми губами. Оно принадлежало очень извѣстному Оль Мадсену, крестьянину по происхожденію, который былъ теперь викаріемъ въ западной Ютландіи и на которомъ сосредоточивались за послѣднее время надежды народной партіи. Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, и говорилъ съ Гансеномъ-ткачемъ; его черный, длинный сертукъ и плоская черная шляпа придавали ему нѣкоторое сходство съ католическимъ священникомъ.

Приходъ Эммануила былъ замѣченъ многими, и онъ чувствовалъ, что отъ него ждутъ слова. Да и самъ онъ, при видѣ своихъ прихожанъ, чувствовалъ необходимость поговорить съ ними, открыто высказать имъ свои сомнѣнія и избѣжать такимъ образомъ ложныхъ толкованій его поведенія. Развѣ это не было его естественной обязанностью? Развѣ не было бы трусостью откладывать хоть на одинъ день выраженіе его новыхъ взглядовъ на народное дѣло и его будущее?

Онъ протолкался сквозь толпу и взошелъ на платформу при общемъ

глубокомъ молчаніи. Онъ началъ съ того, что вспомнилъ о другѣ, у могилы котораго они всѣ собрались.

— Мы всѣ должны быть благодарны Творцу,—говорилъ онъ,—за такого человѣка, жизнь котораго была вся проникнута чистой любовью, безкорыстіемъ и преданностью. Но не былъ ли онъ разочарованъ въ своихъ надеждахъ? Не потерпѣлъ ли онъ крушенія? Мнѣ казалось, — добавилъ Эммануилъ,—что старикъ-директоръ былъ нѣсколько угнетенъ послѣдніе года и не питалъ болѣе тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, которыя когда-то помогали ему нести легко и бодро всѣ невзгоды. Нельзя не видѣть и того, что народный вопросъ находится въ критическомъ положеніи. Его друзья потерпѣли громадное пораженіе, великія ожиданія рухнули, и, какъ всегда бываетъ, неудача посѣяла подозрѣнія и расколъ въ рядахъ побѣжденныхъ. Вмѣсто того, чтобы скрывать отъ себя истину, затемнять ее разными лживыми мотивами, жаловаться другъ на друга, разберите самихъ себя и постарайтесь узнать, въ чемъ вы согрѣшили, въ чемъ ошиблись и что надо сдѣлать, чтобы избѣжать ошибки въ будущемъ.

Въ толпѣ зашевелились; нѣсколько разъ его прерывали шумными возгласами.

Эммануилъ продолжалъ говорить, не обращая на это вниманія.

— Я не стану говорить о той ошибкѣ въ «тактикѣ», которую мы совершили, умаляя силу нашихъ противниковъ и не принимая въ расчетъ, что порядокъ, который мы хотимъ измѣнить, покоится на фундаментѣ, сохранившемся отъ стараго времени. Не буду упоминать и о томъ, что, быть можетъ, мы слишкомъ легкомысленно обвиняли въ эгоизмѣ тѣхъ, кто слѣпо не раздѣлялъ нашихъ взглядовъ. Между ними, вѣроятно, нашлось бы не мало такихъ людей, которые искренно желали выработать истинное благо и въ терпимости которыхъ мы могли бы видѣть хорошій примѣръ.

— Докторъ Гассингъ!—раздался голосъ изъ толпы. Намекъ былъ понятъ и возбудилъ всеобщій смѣхъ.

Эммануилъ поблѣднѣлъ. Онъ узналъ своего бывшаго конюха Нильса и принужденъ былъ пріостановиться, чтобы успокоиться и сдержаться.

— Но я желаю обратить особенное вниманіе,—продолжалъ онъ,— на тотъ внутренній разладъ въ народной партіи,—я говорю именно о крестьянахъ,—который овладѣлъ ею за послѣднее время и имѣлъ роковое вліяніе на ходъ дѣлъ. Мы были слишкомъ обольщены сами собой. Мы слишкомъ увѣрены были въ своей правотѣ... и мы не поняли, почему Богъ не даровалъ намъ немедленно того, чего мы желали. Позвольте мнѣ называть вещи настоящими именами... Мы были слишкомъ самонадѣянны; послѣднее время мы занимались лишь тѣмъ, что выметали соръ изъ чужой избы, рылись въ чужомъ домѣ и чужомъ сердцѣ и забывали о собственныхъ дѣлахъ.

Онъ продолжалъ говорить спокойно и сдержанно, хотя шумъ становился сильнѣе. Наконецъ, перерывы окончательно мѣшали что-нибудь

слышать, и Эммануилъ закончилъ свою рѣчь, выразивъ надежду, что всѣ друзья справедливости и правды среди побѣжденныхъ признаютъ, что побѣдятъ не самонадѣянность, а самоуваженіе, не дерзость, а терпимость.

По взглядамъ, которые встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ, и по тому, какъ толпа отшатнулась отъ него, когда онъ сходилъ съ эстрады, онъ понялъ, что слова его порвали послѣднюю связь между нимъ и его прихожанами...

Вдругъ раздались громкіе крики одобренія. На эстраду всходилъ Ганзенъ-ткачъ съ своей обычной осмотрительной манерой. Видъ стараго бойца, столько лѣтъ не говорившаго въ собраніяхъ, подѣйствовалъ на толпу, какъ электрическая искра; народъ возбужденно толпился вокругъ него и старался не проронить ни одного слова, ни одного жеста.

Онъ долго стоялъ молча, точь-въ-точь какъ въ былыя времена, заложивъ одну руку за спину, держа подбородокъ въ другой, съ улыбкой посматривая на толпу вокругъ.

— Странную рѣчь мы сейчасъ слышали отъ Эммануила,—сказалъ онъ наконецъ своимъ невиннымъ голоскомъ.—Я тутъ стоялъ и дергалъ себя за уши, думая, что мнѣ послышалось. Ты спишь, Іенсъ! — сказалъ я себѣ,—тебѣ снится, что ты слышишь нашего стараго пріятеля архидьякона Тённисена.

— Браво! слушайте, слушайте!—загремѣло вокругъ.

— Вотъ оно въ чемъ дѣло, друзья; мнѣ невольно вспоминается другая рѣчь Эммануила, которую онъ держалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ... Это была его первая рѣчь въ нашемъ старомъ домѣ собранія. Онъ тогда совсѣмъ другую пѣсенку пѣлъ, тогда крестьяне были самыми лучшими людьми въ свѣтѣ... Ахъ, мы тогда были ужъ такіе хорошіе, да такіе честные, что хоть отбавляй! Да что! Я думаю, многіе изъ васъ помнятъ эту рѣчь. Тогда она очень понравилась. Скажу про себя, я тогда не очень былъ прельщенъ; и потому его слова сегодня не особенно меня удивляютъ. Это всегда бываетъ съ людьми, которые заберутъ въ ротъ слишкомъ много: приходится потомъ кое-что выплюнуть! Да, насчетъ того, что Эммануилъ говорилъ о нашемъ самообольщеніи, изъ-за котораго будто бы все пошло худо. Мы должны учиться у горожанъ, онъ сказалъ, и тогда Господь дастъ намъ все, что мы попросимъ. Э, нѣтъ, я не вѣрю въ это. По моему разумѣнію, мы, напротивъ, слишкомъ долго позволяли водить себя за носъ этимъ копенгагенцамъ, которые стали тутъ появляться за послѣдніе года, называя себя друзьями народа и безъ церемоніи дѣлая себя нашими лидерами... вотъ поэтому-то и пошло все худо, я такъ полагаю. У горожанъ это вошло какъ бы въ моду, и, мнѣ думается, мы, деревенскіе, были польщены тѣмъ, что такъ много умныхъ людей занимается нами; мы готовы были вывернуться наизнанку, чтобы понравиться имъ. Намъ казалось очень пріятнымъ и лестнымъ, когда адвокаты въ золотыхъ очкахъ или ихъ жены трепали насъ по спинѣ и называли своими «ми-

лыми друзьями». Когда же, сверхъ того, они селились здѣсь между нами и брали нашихъ дочерей себѣ въ жены... тогда мы были такъ польщены, что не знали, на какую ногу стать. Но это было нѣчто въ родѣ болѣзни, и я всегда думалъ, что, если переждать, она сама собой пройдетъ. За послѣднее время, мнѣ кажется, я видѣлъ симптомы того, что пришелъ конецъ этому фарсу, которымъ мы позволили себя одурачить. А теперь, мнѣ думается, мы можемъ мало-по-малу снова приняться за нашу борьбу противъ тиранніи этихъ ученыхъ честолюбцевъ. Не правда ли, друзья?

— Да, да, слушайте, слушайте!—снова раздалось въ толпѣ.

Эммануилъ сильно покраснѣлъ. Оскорбленіе ткача и одобрительные возгласы его прежнихъ друзей полосовали его, какъ хлыстомъ; онъ съ трудомъ сдерживался.

Въ то же время внутренній голосъ говорилъ ему: «На что ты сердишься? Не результатъ ли это твоей собственной работы? Ты жнешь, что посѣялъ. Не жалуйся, уйди спокойно... Уйди и стыдись самого себя».

— Пойдемъ домой,—просила Ганзенэ.

— Еще говорилъ Эммануилъ о терпимости,—продолжалъ ткачъ.—Что же! Терпимость хороша. Но не нужно позволять садиться себѣ на голову. Не очень давно крестьяне одной общины, отрѣшась отъ вѣры своихъ отцовъ, выбрали свободнаго мыслителя, настоящаго атеиста. Потомъ, когда нѣкоторые начали думать, что дѣло зашло слишкомъ далеко, что случилось? Наши милые пасторы и ученые джентльмены изъ университета говорили: «Къ чорту все! Нечего приставать къ людямъ съ разспросами объ религіи. Это невѣжливо и грубо! Что подумаютъ объ насъ наши противники... Вотъ новомодное ученіе, которое мы такъ часто слышимъ изъ Копенгагена. Настоящій матеріализмъ...» Но это не согласуется съ моими взглядами. Я повторю только то, что шепталъ мнѣ пасторъ Олэ Мадсенъ во время рѣчи Эммануила. «Берегитесь лжепророковъ»,—говорилъ онъ. А я съ своей стороны прибавлю: «Берегитесь всѣхъ, слишкомъ много разсуждающихъ о терпимости... У нихъ не чиста совѣсть. Зарубите это себѣ на носу».

Хотя улыбка не оставляла его лица ни на одну минуту, можно было видѣть, съ какой сдержанной страстью онъ говорилъ, и по голосу, и по тому, какъ онъ указывалъ на небо каждый разъ, когда упоминалъ имя Бога, а толпа стояла, разинувъ ротъ, точно прикованная къ мѣсту.

Эммануилъ и Ганзенэ ушли и направлялись къ школѣ. По дорогѣ они встрѣтили Анэ, которая шла, чтобы съ ними проститься. Эммануилъ разсѣянно пожелалъ ей счастливаго пути и пошелъ дальше. Ему хотѣлось домой. Но Ганзенэ долго держала руку Анэ въ своей и спросила съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ:

— Такъ это рѣшено? Я напишу тебѣ.

— Неужели ты говоришь серьезно?—воскликнула Анэ, обрадованная, но смущенная.—Мнѣ не вѣрится.

— Да, я рѣшилась, если ты примешь меня.

— Приму ли я, голубушка моя! Да я съ радостью, а что скажетъ Эммануилъ.

— Не знаю. Но я тебѣ напишу. До свиданія, пока.

Между тѣмъ Эммануилъ, ушедшій впередъ по дорогѣ, обернулся, поджидая Ганзенэ. Онъ видѣлъ темную массу народа, стоявшую вокругъ подмостковъ и силуэтъ ткача, рѣзко выдѣлявшійся на горизонтѣ. Глубокая грусть охватила его. Онъ вспоминалъ время, когда онъ впервые пріѣхалъ сюда съ увѣренностью, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ найдетъ человѣческое сердце въ его первобытной чистотѣ и простодушіи, и вотъ теперь передъ нимъ стоитъ торжествующій интриганъ и клеветникъ! Взамѣнъ проповѣди любви, явился апостолъ ненависти, воздѣвающій руки къ небу, призывая къ борьбѣ и насилію.

Эммануилъ и Ганзенэ шли, не разговаривая другъ съ другомъ всю дорогу отъ школы къ берегу. Только, когда они сѣли въ лодку и очутились въ фіордѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, Ганзенэ тихо спросила:

— Тебѣ нечего сказать мнѣ, Эммануилъ?

Онъ поднялъ весла и оперся на нихъ, задумчиво глядя въ море.

— Да, другого исхода нѣтъ... Мы должны уѣхать,—отвѣтилъ онъ на свои собственныя мысли.

— Что ты хочешь дѣлать?—спросила она.

— Право, не знаю. Я долженъ постараться найти какой-нибудь другой заработокъ и какое нибудь маленькое мѣстечко, гдѣ-нибудь въ Ютландіи между верескомъ или дюнами. Я полагаю, въ этомъ-то мнѣ не откажутъ.

— Ты не долженъ этого дѣлать, Эммануилъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать? Почему нѣтъ.

— Потому что тамъ ты найдешь то же самое, что и здѣсь. Ты скоро разочаруешься и опять захочешь уѣхать.

Онъ посмотрѣлъ на нее испытующимъ взглядомъ. Въ ея словахъ выражались его собственныя, гнетущія его мысли, которыхъ онъ не имѣлъ мужества высказать. Начать новую жизнь въ новой молчаливой пустынѣ,—одна мысль объ этомъ заставляла его содрогаться.

— Что же ты хочешь, чтобы я дѣлалъ?

— Я думаю, ты долженъ идти туда, куда стремится душа твоя... Незачѣмъ скрываться намъ другъ отъ друга, лучше будемъ откровенны, Эммануилъ... Ты стремишься назадъ, въ свою семью, въ ту жизнь, въ которой ты чувствуешь себя дома, и это естественно. Я думаю, незачѣмъ бороться дольше. Это будетъ безполезно. Я думаю, ты найдешь работу или въ Копенгагенѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ большомъ городѣ, такъ чтобы имѣть возможность быть въ кругу прежнихъ друзей. Я вполнѣ понимаю, что это тебѣ необходимо.

Эммануилъ поднялъ голову и взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Но хочешь ли ты этого, Ганзенэ?

— Я?—спросила она, низко наклонясь надъ бахромой своего платка, которую она разглаживала все это время:—я сдѣлаю то, что лучше для всѣхъ насъ.

V.

На другой же день Эммануилъ отправился въ городъ къ епископу, чтобы просить объ увольненіи. Ганзенэ, закутанная въ платокъ, какъ будто ей было холодно, ходила взадъ и впередъ по аллеямъ пастората, ожидая его возвращенія. Она поминутно поднималась на земляной валъ, откуда видна была дорога, по которой долженъ былъ вернуться Эммануилъ.

Наконецъ, передъ самымъ заходомъ солнца онъ пріѣхалъ, и черезъ полчаса они вдвоемъ направились къ каштановой аллеѣ, чтобы перетолковать обо всемъ основательно.

Ганзенэ сѣла на затѣйливую скамью, оставшуюся еще отъ прежнихъ временъ; Эммануилъ, полный впечатлѣній поѣздки, ходилъ взадъ и впередъ передъ ней и разсказывалъ свои новости.

Епископъ сначала разгнѣвался, говорилъ, что Эммануилъ неблагодарный и даже измѣнникъ, и что онъ не можетъ уволить его. Потомъ обошелся мало-по-малу и хотя съ грустью, но согласился на все.

— Итакъ мы свободны, Ганзенэ!—заключилъ Эммануилъ, останавливаясь передъ женой.—Мы можемъ выѣхать, какъ только получится разрѣшеніе.

Она наклонилась впередъ, сложивъ руки на колѣняхъ и разглядывая носокъ башмака, которымъ она чертила что-то по мокрому песку.

— Вотъ... что мнѣ хотѣлось бы сказать тебѣ, Эммануилъ, —начала она; ей очевидно трудно было выговаривать слова:—я не могу ѣхать съ тобой въ Копенгагенъ.

— Что? Я тебя не понимаю! Что ты хочешь сказать?

— Не могу ѣхать... теперь,—поправилась она, видя, что Эммануилъ не догадывался о ея намѣреніяхъ:—тамъ все мнѣ будетъ дико; я буду тебѣ въ тягость тамъ, пока ты не устроишь свои дѣла и свое положеніе... Я не въ состояніи помочь тебѣ въ этомъ. Кромѣ того, мнѣ и самой надо побыть въ тишинѣ. Послѣднее время было очень тревожно.

— Пожалуй, ты и права,—сказалъ Эммануилъ, снова ходя по аллеѣ и заложивъ руки за спину.—Но, я долженъ тебѣ сказать, что здѣсь тебѣ не будетъ пріятно жить. Я убѣдился въ этомъ сегодня, проѣзжая по Скиберупу: насъ окружаютъ не друзья, какъ прежде, а жестокіе враги.

— Да, я подумала и объ этомъ. Я хочу пожить нѣкоторое время у Анэ. Мы говорили уже съ ней объ этомъ; у ней есть двѣ комнаты въ ихъ новомъ домѣ, въ которомъ они не живутъ, и она охотно отдастъ ихъ мнѣ.

— У Анэ? Въ Скöллингландѣ? Среди этихъ дикарей. Что ты это выдумала, Ганзенэ?

— Я не думаю, чтобы эти люди были такими дурными, какъ о нихъ говорятъ... нѣтъ, далеко нѣтъ... Анэ говорила мнѣ... и ей хорошо живется.

— Но это не годится, Ганзенэ... хотя бы въ виду дѣтей. Развѣ мы оба не рѣшали, что дѣти должны быть удалены отъ тѣхъ вліяній, которыми они до сихъ поръ были окружены... въ особенности въ возрастѣ Зигриды. Она славная дѣвочка, но легко усвоиваетъ гадкія привычки, какъ я замѣчаю.

— Я давно тебѣ объ этомъ говорила, Эммануилъ.

— Да, но въ такомъ случаѣ, я не понимаю, почему ты хочешь...

— Я думаю, тебѣ лучше ихъ взять съ собой въ Копенгагенъ. Тебѣ надо тамъ устроиться, и я думаю для дѣтей будетъ лучше, если я не буду съ ними на нѣкоторое время. Ты знаешь, я не въ состояніи дать имъ другое направленіе и буду только мѣшать въ воспитаніи и образованіи, которыя мы считаемъ для нихъ необходимыми, и буду невольно становиться между ними и ихъ новыми друзьями. Я думала, что твоя сестра... поможетъ тебѣ въ ихъ воспитаніи; ты знаешь, она потеряла своего единственнаго ребенка недавно; я думаю, она будетъ имъ хорошей пріемной матерью.

Она говорила спокойно и сдержанно, но страшно поблѣднѣла и сидѣла все время съ опущенными глазами.

Эммануилъ молчалъ. Она снова высказала тѣ самыя мысли, которыя занимали его, но которыя онъ не имѣлъ мужества обнаружить. Онъ хорошо видѣлъ, что Ганзенэ трудно было бы вести домъ и дѣтей при новыхъ, непривычныхъ условіяхъ, въ особенности вначалѣ. Онъ видѣлъ, что Ганзенэ своей своеобразной, непонятной и часто отталкивающей манерой создаетъ множество затрудненій и себѣ, и ему; кромѣ того, онъ все время думалъ о томъ, какъ ее примутъ его друзья и вообще, какъ отнесутся къ его возвращенію. Онъ взглянулъ на нее и нѣжно прижалъ ея голову къ своей груди.

— Выбрось эти мысли изъ головы, дорогая моя. Не будемъ поддаваться этимъ заботамъ. Теперь именно намъ надо стать тѣснѣе другъ къ другу. Мы должны дѣлить все, и хорошее, и дурное... Можетъ быть, это покажется труднымъ иногда; но если мы будемъ держаться другъ друга, то преодолѣемъ всѣ затрудненія, ты увидишь!

Она не въ силахъ была возражать, не въ силахъ противиться его объятіямъ.

...Нѣсколько дней они не возвращались къ этому разговору, но оба приготовлялись къ отъѣзду. Ганзенэ видѣла однако, что мысли эти всецѣло наполняютъ Эммануила и, видя его болѣе и болѣе нерѣшительнымъ и безпокойнымъ, она болѣе чѣмъ когда-либо утвердилась въ своемъ рѣшеніи.

Вскорѣ онъ самъ заговорилъ съ ней объ этомъ. Онъ говорилъ, что, быть можетъ, благоразумнѣе не заводить свое собственное хозяйство, пока будущее еще не опредѣлилось и у него нѣтъ ни заработка, ни дома. Ему пришло въ голову, что пока онъ будетъ искать себѣ заработка въ Копенгагенѣ, онъ и дѣти могутъ поселиться у отца, который одинъ занималъ цѣлый домъ и вѣроятно будетъ радъ имъ. Онъ

увѣрилъ ее, что разлука будетъ кратковременная; онъ постарается найти въ столицѣ такое мѣсто, которое дастъ возможность снова жить вмѣстѣ счастливо и спокойно.

Побуждаемый Ганзенэ, онъ въ тотъ же день написалъ отцу длинное письмо, въ которомъ подробно объяснялъ, почему онъ съ дѣтьми возвращается въ Копенгагенъ, а жена остается въ деревнѣ. Въ заключеніе онъ спрашивалъ, можетъ ли разсчитывать на гостепріимство отца для себя и дѣтей до тѣхъ поръ, пока не устроитъ своего собственнаго угла.

VI.

И онъ, и жена съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта. Жизнь въ пасторатѣ теперь была очень непріятна. Они скоро убѣдились, что крестьяне, въ особенности скиберупцы, приняли его слова за вызовъ.

Отложенный на время приходскій совѣтъ собрался, и его не извѣстили. Вообще ему всячески показывали, что желаютъ отъ него отдѣлаться. Говорили даже о томъ, чтобы пригласить своего пастора не по назначенію епископа, и готовилась депутація къ Оле Мадсену, который, повидимому, не прочь былъ согласиться.

Во время воскресной службы церковь была такъ же пуста, какъ во времена Проваста Тённисена; на самомъ дѣлѣ разослано было предписаніе, чтобы никто не являлся въ церковь; Ганзенъ-ткачъ овладѣлъ снова такимъ вліяніемъ, что никто не смѣлъ ослушаться.

Отъ времени до времени однако Эммануилъ получалъ изъявленія добрыхъ чувствъ и возмущенія тѣмъ злостнымъ отношеніемъ, которое выказывали ему прихожане. Когда узнали, что онъ потребовалъ уже увольненія, кое-кто изъ крестьянъ Вельби настолько расхрабрились, что стали собирать деньги на покупку серебрянаго кофейника и кресла — точь-въ-точь, какъ прежде для Тённисена — и хотѣли поднести ихъ при отъѣздѣ Эммануила.

Старая вражда между деревнями Вельби и Скиберупъ снова вспыхнула, и до сихъ поръ мирный приходъ поверженъ былъ въ полную дисгармонію. Предсѣдатель приходскаго совѣта послѣ своего паденія снова предался пьянству и карточной игрѣ и завлекалъ въ свои оргіи все больше и больше друзей. Съ другой стороны, Нильсъ, на котораго всегда смотрѣли, какъ на мученика праваго и святого дѣла, сдѣлалъ первый шагъ на пути къ своимъ свѣтлымъ мечтамъ.

На болѣе и болѣе посѣщаемыхъ митингахъ Маренъ Смедъ онъ началъ вырабатываться въ популярнаго проповѣдника и съ этой цѣлью пріобрѣлъ широкополую шляпу и синія очки.

Въ посторатѣ приготовленія къ отъѣзду были въ самомъ разгарѣ. Эммануилъ, внезапно потерявшій весь интересъ къ работѣ и желавшій избавиться какъ можно скорѣе отъ полей и скота, продалъ весь хлѣбъ на корню сосѣду, который за извѣстную часть продажной суммы обязался смотрѣть за хозяйствомъ впредь до новаго хозяина. Эммануилъ

продалъ и скотъ, и хозяйственный инвентарь, и деньги пошли на уплату долговъ, которые онъ сдѣлалъ, неблагоразумно занимая деньги у бывшихъ друзей, что болѣе всего ослабило его вліяніе на прихожанъ.

Зигрида, внѣ себя отъ восторга отъ переѣзда въ Копенгагенъ, носилась повсюду, развѣвая свои бѣлокурыя кудри и заражая веселостью маленькаго Дагни, который подросъ за лѣто и теперь началъ ходить самостоятельно. Какъ только Эммануилъ появлялся, Зигрида ласкалась къ нему и требовала разсказовъ о прелестяхъ, ожидавшихъ ее въ Копенгагенѣ. Каждый день въ сумерки онъ долженъ былъ брать ее на колѣни и разсказывать ей о копенгагенскихъ улицахъ и народѣ и ярко освѣщенныхъ магазинахъ, конкахъ съ колокольцами, торговкахъ, громко выкрикивающихъ свой товаръ, черныхъ мусорщикахъ у круглой башни, о гавани и корабляхъ, о королевской каретѣ и иллюминаціи въ Тиволи... и онъ самъ такъ увлекался своими воспоминаніями, что не замѣчалъ, какъ наступала темнота.

Тѣмъ временемъ Ганзенэ спокойно сидѣла въ креслѣ за шитьемъ дѣтскихъ платьевъ и вязаньемъ чулковъ, чтобы «важные родственники не могли краснѣть за ея дѣтей», какъ она говорила. Эммануилъ не понималъ, почему она была такъ блѣдна, теперь, когда у нихъ была полная надежда на свѣтлое будущее. Онъ также удивлялся той застѣнчивости, почти отвращенію, съ которымъ она встрѣчала всѣ его ласки. Какъ только онъ подходилъ къ ней или бралъ ея руку, она находила какое-нибудь дѣло въ кухнѣ или по хозяйству и уходила.

Онъ пришелъ къ тому заключенію, что ей хотѣлось скрыть отъ него свою тревогу въ виду приближавшейся разлуки. Онъ замѣчалъ даже, что его участіе какъ будто оскорбляетъ ее и предпочелъ оставить ее въ покоѣ.

Нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ изъ Копенгагена пришелъ скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Это былъ большой квадратный листъ бумаги, какъ обыкновенно писалъ отецъ. Въ письмѣ была вложена маленькая раздушенная записочка сестры Бетти, написанная вдоль и поперекъ. Эммануилъ тотчасъ же сталъ читать Ганзенэ и былъ тронутъ до слезъ той любовью и желаніемъ увидѣть его, которыми дышали оба письма.

Письмо отца, въ его обычномъ, напыщенномъ стилѣ, говорило о томъ, что онъ чувствуетъ себя очень старымъ, на краю могилы, и что для него не можетъ быть болѣе радости, какъ снова видѣть своего старшаго сына, котораго ему давно недостаетъ. Нисколько не упрекая его въ самонадѣянности, онъ радушно предлагалъ свой домъ.

«Твои прежнія двѣ комнаты будутъ готовы къ твоему пріѣзду, и едва ли надо говорить, что твои дѣти будутъ дорогими гостями; для нихъ приготовятъ комнаты около твоихъ, и мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы имъ было хорошо у насъ. Можетъ быть, ты знаешь, что я арендовалъ большой садъ, принадлежащій къ дому, слѣдовательно дѣтямъ есть гдѣ играть. Я велю плотнику поставить имъ качели и кое-какія другія вещи для ихъ забавы. Въ товарищахъ также

не будетъ недостатка. У Лёбнеровъ, въ 3-мъ этажѣ и у Виншеровъ, въ 1-мъ очень милыя, хорошо воспитанныя дѣти, и я надѣюсь, что твои не будутъ скучать о деревенской жизни. Я совершенно понимаю рѣшеніе твоей жены на первое время и одобряю его. Едва ли бы новая жизнь въ большомъ городѣ удовлетворила ее сразу. Вотъ и все на сегодня. Тебѣ кланяется братъ Карлъ и проситъ передать, что не всѣ камеръ-юнкеры такъ плохи, какъ ты думаешь, и ждетъ съ нетерпѣніемъ дня, когда пригласитъ тебя во дворецъ Амаліенбургъ въ день своего дежурства. Обнимаю васъ всѣхъ. Твой любящій отецъ.»

— Подумай только,—воскликнулъ Эммануилъ, взглянувъ сіяющими глазами на Ганзенэ, которая низко наклонилась надъ работой:—я буду снова въ моихъ старыхъ комнатахъ, изъ которыхъ такой чудный видъ на каналъ, биржу и дворецъ; какъ это будетъ весело... И не правда ли, какъ хорошо, что пишетъ отецъ о садѣ? Подумай, какъ хорошо будетъ дѣтямъ играть въ немъ; неправда ли, какъ прелестно.

Ганзенэ только кивнула, сдержавъ глубокій вздохъ; она закрыла глаза, какъ человѣкъ, испытывающій нравственную муку.

Письмо Бэтти носило отпечатокъ уныній вслѣдствіе потери ребенка. Она писала: «Ты не можешь себѣ представить, какъ пустъ, тосклівъ кажется мнѣ домъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ взялъ моего маленькаго Колю. Я стремлюсь къ твоимъ дѣтямъ, такъ хочется слышать дѣтскіе голоса и смѣхъ. Скажи женѣ, чтобы она не тревожилась, я понимаю сердце матери. Мы будемъ беречь ихъ, пока ея нѣтъ съ ними. Но больше всего я стремлюсь къ тебѣ, дорогой братъ; столько лѣтъ я тебя не видѣла. Фрёкенъ Тённисенъ, встрѣтившая тебя недавно, бываетъ у меня очень часто. Она говоритъ, что ты очень загорѣлъ и отростилъ большую бороду. Какъ счастлива я буду видѣть тебя опять! Не правда ли, ты будешь добръ ко мнѣ, Эммануилъ? Я такъ нуждаюсь въ твоемъ утѣшеніи. Хотѣлось бы положить голову къ тебѣ на плечо и хорошенько потолковать съ тобой. Да, Эммануилъ, Богъ посѣтилъ насъ. Да пошлетъ онъ намъ силы нести наше бремя.

«Тебѣ нечего тревожиться за твое будущее. И отецъ, и мой мужъ въ этомъ увѣрены. Вчера, когда отецъ получилъ твое письмо, мы обѣдали у судьи Монкъ; нашъ другъ деканъ сидѣлъ рядомъ со мной, и я подъ радостнымъ впечатлѣніемъ твоего письма разсказала ему, что ты переѣзжаешь въ городъ. Довольно интересно то, что онъ, повидимому, слышалъ уже кое-что объ этомъ раньше и былъ очень доволенъ. Я сейчасъ же спросила, возможно ли будетъ получить мѣсто въ городѣ, и онъ отвѣтилъ мнѣ утвердительно. «Вашъ братъ,—сказалъ онъ,—такъ хорошо кончилъ, а мы здѣсь нуждаемся въ молодыхъ и испытанныхъ людяхъ. Онъ особенно подчеркнулъ слово «испытанные». Вообще онъ отнесся къ тебѣ такъ хорошо (онъ помнитъ тебя, когда ты жилъ еще дома), что я не думаю, чтобы твои старые взгляды, которые ты теперь оставилъ, повредили тебѣ».

VII.

Наконецъ насталъ день отъѣзда, въ началѣ сентября.

Это былъ хлопотливый день, полный волненій. Рано утромъ Эммануилъ ходилъ въ Скиберунъ проститься съ могилой Лэдди, а оттуда къ тестю и тещѣ, и къ брату жены—Олэ, который теперь хозяйничалъ на землѣ родителей. Эти прощальные визиты были нѣсколько холодны. Элиза въ особенности поддавалась вліянію скиберунскаго общественнаго мнѣнія; хотя, по желанію Ганзенэ, ея поѣздка въ Сköллинглэндъ считалась кратковременнымъ визитомъ, каждый разъ, какъ объ этомъ говорили, въ глазахъ старухи проглядывало недовѣріе.

Утромъ въ пасторатъ, явилась депутація отъ крестьянъ Вэльби съ серебрянымъ кофейникомъ и кресломъ; наконецъ, послѣ обѣда явился экипажъ, который Эммануилъ нанялъ въ сосѣднемъ городѣ, не желая обязываться сосѣдямъ... Это было ландо съ серебряной оправой и кучеромъ ливреѣ.

Эммануилъ суетился между чемоданами и ящиками съ лихорадочнымъ возбужденіемъ путешественника. На немъ былъ новый черный сюртукъ, волосы и борода подстрижены. За нимъ не отлучно слѣдовала Зигрида, какъ бы боясь, что ее оставятъ. Всю ночь она почти не смыкала глазъ и каждые полчаса спрашивала, который часъ; съ ранняго утра она носилась съ своими сокровищами—маленькимъ жестянымъ ведромъ, сломанной куклой и двумя спичечными коробками, наполненными цвѣтными катушками, и ни за что не соглашалась разстаться съ своими сокровищами хотя бы на одну минуту.

Абелона, которую Ганзенэ уговорила ѣхать съ дѣтьми на нѣкоторое время, ходила какъ потерянная и плакала; въ пустой конюшнѣ Сёренъ-пастухъ сидѣлъ на краю ясель и размышлялъ о превратностяхъ жизни.

Ганзенэ была спокойна въ продолженіе цѣлаго дня, помогая всѣмъ и всюду. Никто не могъ бы прочитать на ея лицѣ глубокой увѣренности, что она видитъ мужа и дѣтей въ послѣдній разъ... Она знала, что дѣти скоро забудутъ ее среди новыхъ людей и новой обстановки, а когда выростутъ и привыкнутъ къ окружающей ихъ средѣ, будутъ стыдиться того, что мать ихъ носила крестьянское платье и говорила крестьянскимъ языкомъ. Она сказала себѣ, что дѣти ни въ какомъ случаѣ не должны отвѣчать за ошибки другихъ или страдать отъ того, что родители поступили неправильно. Пусть они всецѣло пользуются радостями жизни, которыя когда-то и она мечтала раздѣлить съ мужемъ. А Эммануилъ? И для него она скоро покажется тяжелымъ бременемъ, которое онъ будетъ стремиться сбросить во что бы то ни стало. За послѣднее время она сотни разъ убѣждалась въ томъ, какъ далеки его мысли отъ настоящаго; она ясно сознавала, что онъ живетъ уже въ другомъ мірѣ, для нея совершенно чуждомъ. Она знала, что среди своихъ старыхъ друзей онъ скоро замѣтитъ пропасть, которая отдѣляетъ его отъ жены; что ему покажется желаннымъ освобожденіемъ, когда она напишетъ ему, что никогда болѣе не вернется и что ничто не измѣнитъ ея рѣшенія.

Она ни въ чемъ не упрекала его; она обвиняла себя, что посмѣла воображать, что можетъ занять мѣсто на высшихъ ступеняхъ. Она даже не удивлялась тому, что произошло. Она удивлялась только, что это не произошло раньше. Событія послѣднихъ семи лѣтъ иногда казались ей невѣроятными. Ей казалось, что она снова молодая дѣвушка въ домѣ отца, что ея свобода и вся жизнь въ пасторатѣ Вэльби—долгій, тревожный сонъ, отъ котораго она проснется при первомъ пѣніи пѣтуха. Когда минута отъѣзда настала, она поцѣловала дѣтей и простилась съ Эммануиломъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто дѣйствительно разставалась не надолго. Она посадила ихъ въ экипажъ, тщательно закутала и наказала Абелонѣ ни въ какомъ случаѣ не забыть надѣть на дѣтей чистые фартучки, прежде чѣмъ пріѣдутъ въ Копенгагенъ.

Когда при разставаніи Эммануилъ въ сильномъ волненіи прижималъ ее къ себѣ, цѣлуя ея лобъ, она старалась утѣшить его, просила не тревожиться о ней, говоря, что ей будетъ очень хорошо.

— Береги дѣтей, Эммануилъ,—сказала она въ послѣднюю минуту, и тогда только, какъ будто въ этихъ словахъ истративъ послѣднюю силу, она повернулась и взошла на крыльцо, прежде чѣмъ Эммануилъ двинулся.

— Иди на валъ, въ садъ, такъ чтобы мы могли тебя видѣть и махать тебѣ до самаго конца,—прокричалъ ей Эммануилъ вдогонку.

Но она не обернулась и быстро вошла въ домъ.

Кучеръ щелкнулъ бичомъ, экипажъ тронулся. Когда они проѣзжали подъ воротами, Зигрида кричала «ура».

Въ деревнѣ имъ кричали «счастливаго пути», иные подъ вліяніемъ благоговѣнія къ ландо и ливрейному кучеру невольно снимали шапки.

Когда экипажъ выѣхалъ на дорогу, Эммануилъ сказалъ дѣтямъ: «выньте ваши платки».

За угломъ сада, увидя Ганзенэ на валу, они всѣ принялись махать. «Почему она не машетъ намъ въ отвѣтъ», думалъ Эммануилъ.

— Машите, дѣти... машите,—говорилъ онъ, глаза его были полны слезъ.

Фигура на валу не двигалась. Ганзинэ стояла, какъ статуя, пока экипажъ совершенно не исчезъ изъ виду; потомъ она повернулась, чтобъ идти.

Силы внезапно ей измѣнили, и она тяжело опустилась на одну изъ деревянныхъ ступенекъ, которыя вели на валъ. Проходили часы за часами, а она все сидѣла, закрывъ лицо руками, осенній вѣтеръ грустно завывалъ надъ ея головой. Послѣ заката солнца она вернулась домой. Она должна была переночевать у родителей въ своей прежней комнаткѣ. Мужъ Анэ пріѣдетъ за нею завтра съ своей лодкой и отвезетъ ее подъ чужой кровъ.

Изъ пустой спальни она взяла маленькій узелокъ бѣлья, прошла въ конюшню, простилась съ Сёреномъ, который теперь былъ единственнымъ хозяиномъ дома, и покинула пасторатъ.

Историческая роль капитала въ развитіи нашей кустарной промышленности.

Ни для кого не тайна, что наша кустарная промышленность, въ главной своей массѣ, только по имени является самостоятельнымъ крестьянскимъ производствомъ, какимъ ей надлежитъ быть по обычному опредѣленію этой формы промышленности въ нашей экономической литературѣ. Правда, наши экономисты стараются уклониться отъ признанія этого факта при помощи слѣдующаго пріема: строго различая въ теоріи «самостоятельное» кустарное производство отъ несамостоятельнаго, кустарей-хозяевъ, изготовляющихъ издѣлія на продажу изъ собственнаго или покупного матеріала, отъ кустарей-домашнихъ рабочихъ, работающихъ изъ чужого матеріала, по заказамъ капиталистовъ-предпринимателей, наши изслѣдователи на практикѣ сплошь и рядомъ не проводятъ никакого различія между тѣми и другими и всѣхъ крестьянъ, работающихъ на дому, заносятъ огуломъ въ число самостоятельныхъ кустарей. Возьмемъ хотя бы одну изъ послѣднихъ работъ въ этой области—статью «Кустарная промышленность» проф. Яроцкаго въ Энциклопедическомъ Словарѣ Ефрона. Г. Яроцкій настаиваетъ на различіи кустарнаго производства отъ капиталистической домашней промышленности (Hausindustrie). Подъ кустарями онъ разумѣетъ только самостоятельныхъ производителей. И такихъ кустарей г. Яроцкій насчитываетъ въ Россіи отъ 7 до 8 милліоновъ.

Цифра довольно внушительная. «Народное» производство оказывается значительно преобладающимъ въ Россіи передъ капиталистическимъ. А такъ какъ характерной особенностью нашей кустарной промышленности, по объясненію г. Яроцкаго, является связь кустаря съ землей, то самъ собой напрашивается выводъ о преимуществахъ нашей «народной» промышленности передъ капиталистической промышленностью Запада, съ ея подчиненіемъ труда капиталу, производителя—владѣльцу орудій производства.

Однако, раньше чѣмъ заключать о ничтожествѣ нашего капитализма, не мѣшаетъ поразобраться въ цифрахъ. Г. Яроцкій говоритъ о 8 милліонахъ «самостоятельныхъ производителей»—кустарей. Откуда получилась эта цифра? Г. Яроцкій взялъ ее у г. В. В. и Андреева. Посмотримъ же, что означаетъ собой эта цифра у г. В. В.

Г. В. В. насчитываетъ, напр., въ Московской губерніи 180 тысячъ

кустарей [1]). Эта цифра взята г. В. В. изъ земскаго Сборника ст. свѣд. по Москов. губ. О какихъ же кустаряхъ говорятъ земскіе статистики? Обратимся къ первоисточнику, т.-е. къ показаніямъ самихъ статистиковъ.

Самымъ крупнымъ крестьянскимъ промысломъ въ Московской губерніи является ткачество, которымъ занято 48 т. рабочихъ. «Промыселъ этотъ,—читаемъ мы въ земскомъ Сборникѣ,—представляетъ собой форму домашней системы крупнаго фабричнаго производства» [2]). Въ Московской губерніи почти не существуетъ «самостоятельнаго» кустарнаго ткачества—ткачи работаютъ по заказамъ фабрикантовъ, раздающихъ пряжу по домамъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти десятки тысячъ рабочихъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ включается г. В. В., а вслѣдъ за нимъ и г. Яроцкимъ, въ число кустарей.

Важнѣйшимъ женскимъ промысломъ является размотка бумаги, шелка и шерсти. Этотъ промыселъ даетъ занятіе 6 тыс. работницъ. Что это—самостоятельное производство? Обращаемся къ земскому Сборнику: «Размотка бумаги не принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ промысловъ, а составляетъ только отрасль фабричнаго производства» [3]). Г. В. В. и этихъ работницъ относитъ къ числу кустарей.

Шитьемъ перчатокъ занято 3.030 работницъ. Всѣ онѣ работаютъ по заказамъ городскихъ фабрикантовъ и получаютъ отъ нихъ готовый матеріалъ. Само собою разумѣется, что г. В. В. и ихъ признаетъ кустарями.

Не будемъ перечислять всѣхъ промысловъ, организованныхъ совершенно капиталистически и заносимыхъ г. В. В., а вслѣдъ за нимъ и проф. Яроцкимъ, въ группу кустарнаго производства. Сюда относится золотокружевный промыселъ, стеклярусный, бахромный, гребенной, цвѣтильный, булавочный, камушный, сусальный и пр., и пр. Харизоменовъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ сдѣлалъ подсчетъ промысламъ Московской губерніи, которые не смотря на работу на дому, имѣютъ совершенно капиталистическій характеръ и должны быть исключены изъ области самостоятельнаго кустарнаго производства. Оказалось, что около 72% всѣхъ работниковъ и около 86% цѣнностей несомнѣнно относятся къ капиталистическому производству. На долю «самостоятельной» кустарной промышленности приходится въ Московской губерніи не болѣе 28% всѣхъ крестьянъ, работающихъ товары на дому, и не болѣе 14% производимыхъ ими цѣнностей [4]). Иными словами, г. Яроцкій, слѣдуя за г. В. В., увеличилъ число «самостоятельныхъ» кустарей въ Московской губерніи *болѣе, чѣмъ въ 3 раза.*

---

[1]) В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Стр. 7.

[2]) Сборникъ ст. свѣд. по Моск. губ. Т. VII. Вып. III. Стр. 8.

[3]) Сборн. ст. свѣд. Т. VII. Вып. II, 279.

[4]) С. Харизоменовъ. Значеніе кустарной промышленности. «Юридическій Вѣстникъ». 1883, ноябрь, стр. 43. И то еще расчетъ Харизоменова слишкомъ благопріятенъ для «самостоятельныхъ» кустарей. Но надъ этимъ мы останавливаться не будемъ.

Для Владимірской губерніи разница дѣйствительнаго числа «самостоятельныхъ» кустарей и принимаемаго проф. Яроцкимъ будетъ еще больше. По расчету Харизоменова, домашняя система крупной промышленности вмѣстѣ съ мануфактурой даетъ 96% всего годового оборота крестьянскаго неземледѣльческаго товарнаго производства Александровскаго и Покровскаго уѣздовъ. Нечего и говорить, что г. В. В. и для Владимірской губерніи всѣхъ крестьянъ, работающихъ на фабриканта въ своихъ избахъ, относитъ къ кустарямъ.

Такимъ же образомъ подсчитываетъ кустарей г. В. В. и въ другихъ губерніяхъ: вездѣ онъ относитъ къ кустарямъ всѣхъ крестьянъ, работающихъ на дому, совершенно независимо отъ того, работаютъ ли они изъ своего или чужого матеріала. Расчеты Андреева основаны на такомъ же отождествленіи кустарей съ домашними рабочими.

Отсюда ясно, что проф. Яроцкій, слѣдуя за г. В. В. и Андреевымъ и не давши себѣ труда уяснить, что означаютъ приводимыя ими цифры, безтрепетно увеличиваетъ число самостоятельныхъ кустарей во много разъ при помощи очень простого пріема—причисленія къ «самостоятельнымъ» кустарямъ всѣхъ домашнихъ рабочихъ. Г. В. В., по крайней мѣрѣ, настолько остороженъ, что не даетъ опредѣленія кустарной промышленности—быть можетъ, подъ кустарнымъ производствомъ онъ и разумѣетъ капиталистическое домашнее производство (Hausindustrie), что, кстати сказать, было бы совершенно вѣрно. Г. Яроцкій не слѣдуетъ примѣру г. В. В. Почтенный профессоръ не соблюдаетъ благоразумной осторожности своего руководителя и попадаетъ въ просакъ. По его словамъ, кустарь «не нанятой рабочій, такъ какъ работаетъ у себя своими орудіями и надъ своимъ матеріаломъ, а потому и продолжаетъ нести весь рискъ предпріятія» [1]). Кажется, ясно? Но почему же въ такомъ случаѣ нашъ профессоръ при подсчетѣ кустарей причисляетъ къ нимъ и нанятыхъ рабочихъ, работающихъ *не* надъ своимъ матеріаломъ и *не* несущихъ риска по предпріятію? Быть можетъ, почтенный экономистъ не довѣряетъ показаніямъ земскихъ статистиковъ? Но въ такомъ случаѣ, на чемъ же основываетъ онъ свое, довольно-таки смѣлое, утвержденіе, будто въ Россіи имѣется 8 милліоновъ самостоятельныхъ кустарей?

Какъ бы то ни было, но фактъ капиталистической организаціи большей части крестьянскихъ промысловъ можно считать общеизвѣстнымъ. Этого факта не станетъ, вѣроятно, отрицать и г. Яроцкій. Какимъ образомъ кустарь попадаетъ въ лапы скупщика, становящагося необходимымъ колесомъ въ обмѣнѣ и мало-по-малу дѣлающагося фактическимъ хозяиномъ кустаря, который затѣмъ превращается въ простого наемнаго рабочаго, работающаго на дому изъ чужого матеріала,—объ этомъ можетъ поразсказать хотя бы книжка г. В. В.

[1]) Энциклопедическій Словарь Ефрона. Т. 33. Стр. 123.

«Очерки кустарной промышленности». Новѣйшая эволюція кустарнаго производства болѣе или менѣе ясна и понятна. Нельзя того же сказать о прошлой исторіи нашей кустарной промышленности. По этому предмету у насъ распространены совершенно невѣрныя представленія, а между тѣмъ, какъ мы постараемся показать, исторія происхожденія и развитія кустарныхъ промысловъ не только имѣетъ крупный научный интересъ, но можетъ, кромѣ того, освѣтить съ совершенно новой стороны историческую роль и общественное значеніе нашего капитализма.

Какимъ образомъ возникло кустарное производство—изготовленіе крестьянами разнаго рода издѣлій для рынка? На это вы найдете въ нашей литературѣ одинъ отвѣтъ. Кустарная промышленность, говорятъ намъ, возникла изъ семейнаго или домашняго производства—изъ изготовленія предметовъ для нуждъ самой семьи. Спеціализація занятій и раздѣленіе труда приводятъ къ выдѣленію изъ среды сельской общины нѣкоторыхъ крестьянъ, спеціально занимающихся тѣмъ или инымъ промысломъ, сначала по заказамъ односельчанъ, а затѣмъ и для рынка. Такимъ образомъ возникаетъ крестьянское производство для рынка—кустарная промышленность.

«Кустарная промышленность въ Россіи,—говоритъ г. В. В.—выросла изъ домашняго производства сельскаго населенія; на всѣхъ ступеняхъ превращенія домашняго производства въ кустарное главнѣйшими промышленными дѣятелями были крестьяне же» (Очерки кустарной промышленности, стр. 49).

Если мы обратимся къ западно-европейской литературѣ, то и тамъ мы встрѣтимся съ такимъ же мнѣніемъ. Бюхеръ въ своей замѣчательной книгѣ Die Entstehung der Volkswirtschaft принимаетъ, что Hausindustrie восточно-европейскихъ странъ возникла изъ домашняго производства (Hausfleiss); то же повторяетъ за Бюхеромъ и Зомбартъ въ статьѣ Hausindustrie словаря Конрада.

И дѣйствительно, ближайшее изученіе исторіи нашихъ кустарныхъ промысловъ показываетъ, что многіе изъ нихъ возникли несомнѣнно изъ домашняго производства. Уже въ XVII вѣкѣ Московское государство вело значительную отпускную торговлю крестьянскими кустарными издѣліями—холстомъ, кожами, юфтью, сафьяномъ, грубымъ сукномъ, полотномъ, рогожами и пр. По словамъ Кильбургера, въ Московской Руси уже въ то время существовали промышленные округа, въ которыхъ масса сельскаго населенія занималась производствомъ для рынка разныхъ издѣлій. Въ Москвѣ, по его словамъ, можно было всегда достать сколько угодно крестьянскаго холста, который нерѣдко набивался разными красками и уже въ такомъ видѣ поступалъ въ продажу. Вокругъ Калуги дѣлали лучшій войлокъ, въ Костромѣ—лучшее мыло, въ Вологдѣ вязали красивые полога, въ Холмогорахъ дѣлали сундуки, въ Ярославлѣ и нижегородскихъ селахъ — замки и разныя

слесарныя издѣлія и т. д., и т. д. Во многихъ сѣверныхъ и приволжскихъ губерніяхъ крестьяне съ незапамятныхъ временъ занимались выдѣлываніемъ желѣза изъ собственной руды, переплавлявшейся ими на маленькихъ горнахъ [1]); кованье гвоздей было распространеннымъ промысломъ, и любопытно, что первые русскіе крупные желѣзные заводы Марселиса и Акема должны были прекратить выдѣлку гвоздей, по дешевизнѣ кустарнаго гвоздя [2]). Нечего и говорить, что выдѣлка разнаго рода деревянныхъ издѣлій, при обиліи лѣсовъ, была обыкновеннымъ крестьянскимъ промысломъ; еще въ XVI вѣкѣ во всей Россіи славилась калужская деревянная посуда [3]).

Всѣ эти разнообразные промыслы, списокъ которыхъ мы могли бы увеличить въ желаемыхъ размѣрахъ, безъ всякаго сомнѣнія возникли изъ домашняго производства, первоначально направленнаго на удовлетвореніе потребительныхъ нуждъ самихъ производителей. Происхожденіе ихъ теряется вдали временъ, и когда они возникли—неизвѣстно.

Что же такое представляла собой эта старинная крестьянская промышленность, работавшая не только для мѣстнаго, но даже для заграничнаго рынка? (этотъ идеалъ современныхъ радѣтелей кустарнаго производства былъ достигнутъ въ эпоху Московской Руси). Вѣдь ужъ если когда-либо у насъ существовало «самостоятельное производство», не тронутое ядомъ капитализма, то гдѣ же его искать, какъ не въ допетровской Руси, когда крупная промышленность, можно сказать, у насъ совсѣмъ отсутствовала, когда весь общественный и экономическій строй былъ совершенно чуждъ западнаго вліянія и натуральное хозяйство дѣйствительно господствовало въ странѣ (господствовало, но не было единственной формой хозяйства).

И однако и эта крестьянская промышленность далеко не была тѣмъ, о чемъ мечтаютъ наши поклонники патріархальной старины. Уже Шторха, выдающагося экономиста конца XVIII и начала XIX вѣка, поразила одна особенность русскаго ремесла, которую онъ называетъ «крайне страннымъ устройствомъ, не встрѣчающимся въ подобныхъ размѣрахъ ни въ какой другой странѣ» [4]). Эта особенность, по словамъ Шторха, заключалась въ томъ, что на Западѣ ремесленники работаютъ на заказъ, непосредственно сносятся съ потребителями, а въ Россіи работа на заказъ даже въ городахъ почти отсутствуетъ, и всѣ издѣлія ремесленниковъ поступаютъ торговцамъ. Чтобы достигнуть

---

[1]) Напр., въ Олонецкой губерніи (Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1860 г. Очеркъ Олонецкихъ заводовъ, стр. 155), также во многихъ мѣстностяхъ по Волгѣ (Statistische Gemälde des Russischen Reichs, III, 306).

[2]) I. Ф. Кильбургеръ. Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, пер. Языкова. Спб. 1820, стр. 169.

[3]) Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г. Обозрѣніе фабричной промышленности Калужской губерніи. Стр. 139.

[4]) H. Storch. Statistische Gemälde des Russischen Reichs, 1799, III, 178.

потребителя, продуктъ долженъ пройти въ Россіи черезъ купеческую лавку.

Шторхъ былъ тонкимъ и умѣлымъ наблюдателемъ русской жизни и хорошимъ знатокомъ западно-европейской. Поэтому его наблюденіе крайне любопытно. Очевидно, въ организаціи русскаго мелкаго производства, дѣйствительно, была какая-то характерная черта, не встрѣчавшаяся на Западѣ и потому бросавшаяся въ глаза западно-европейцу. Этой характерной чертой являлась выдающаяся роль въ нашемъ мелкомъ производствѣ торговца, купца. Мы не будемъ подробно останавливаться надъ выясненіемъ огромнаго значенія торговаго капитала какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ и общественномъ строѣ допетровской Россіи. Скажемъ только, что ничего не можетъ быть ошибочнѣе представленія о Московской Руси, какъ о государствѣ исключительно земледѣльческомъ, почти не имѣвшемъ торговли. Наоборотъ, всѣхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ XVII вѣкѣ въ Москву, поражало развитіе торговли въ этомъ городѣ и вообще склонность русскихъ къ торговлѣ [1]).

Приведемъ отзывы двухъ путешественниковъ, сочиненія которыхъ являются главнымъ иностраннымъ источникомъ для изученія русской торговли временъ Алексѣя Михайловича—Де-Родеса и Кильбургера. Де-Родесъ, посѣщавшій Москву въ 1653 г., пишетъ: «Достаточно всѣмъ извѣстно, что всѣ постановленія этой страны направлены на коммерцію и на торгъ, въ чемъ удостовѣряетъ ежедневный опытъ, потому что всѣ здѣсь отъ высшаго до низшаго только и думаютъ, только и стараются, какъ бы чѣмъ-либо нажиться... Въ этомъ отношеніи русская нація гораздо дѣятельнѣе всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ» (Де-Родесъ. Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г., пер. И. Бабста. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, т. V, 1858 г., стр. 234). То же говоритъ и Кильбургеръ: «Всѣ жители Москвы, начиная отъ значительныхъ до послѣднихъ, любятъ торговлю; въ Москвѣ болѣе лавокъ, чѣмъ въ Амстердамѣ или даже цѣломъ иномъ государствѣ» (І. Ф. Кильбургеръ, Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, пер. Языкова. Спб. 1820 г., стр. 10).

Цитатъ подобнаго рода можно привести сколько угодно, и всѣ онѣ доказываютъ, что Москва XVI и XVII вѣка была городомъ съ такой энергичной торговой жизнью, которая поражала иностранцевъ. Изученіе статистическихъ данныхъ о внѣшней торговлѣ Московскаго государства вполнѣ подтверждаетъ показанія иностранцевъ, но на этомъ пунктѣ мы останавливаться въ настоящее время не будемъ [2]).

[1]) «По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе чрезвычайно любили торговлю Европейцы, бывавшіе у насъ послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія занимаются торговлей». Костомаровъ. Очерки торговли Московскаго государства. Спб. 1852 г. Стр. 162.

[2]) Де-Родесъ опредѣляетъ цѣнность московскаго вывоза черезъ Архангельскъ

Итакъ, Москва была торговымъ государствомъ, а торговецъ—крупной фигурой въ общественной и экономической жизни тогдашней Россіи. При рѣдкости населенія и ничтожномъ количествѣ городовъ, торговецъ является необходимымъ посредникомъ между производителемъ-кустаремъ и потребителемъ. Не удивительно, что кустарь, работавшій для отдаленнаго рынка (такъ какъ мѣстный рынокъ въ Россіи, можно сказать, отсутствовалъ—и въ этомъ, какъ справедливо указалъ Корсакъ, заключалось основное отличіе Россіи отъ западной Европы, съ ея энергичной городской жизнью и господствомъ самостоятельнаго мелкаго производства въ цвѣтущую эпоху цехового строя),—не удивительно, что этотъ кустарь уже въ Московской Руси былъ въ рукахъ торговца, владѣвшаго рынкомъ. Жалобы на скупщиковъ, которые «закабаляютъ и задолжаютъ» бѣдныхъ людей, слышатся уже въ XVII вѣкѣ [1]) и не прекращаются до нашихъ дней. Купецъ уже тогда былъ ненавистенъ мелкому крестьянскому люду, работавшему на продажу свои нехитрыя издѣлія. О враждебномъ отношеніи населенія Московской Руси къ гостямъ—крупнымъ торговцамъ-капиталистамъ, которые держали въ своихъ рукахъ всю московскую торговлю, свидѣтельствуетъ тотъ же Кильбургеръ, по словамъ котораго, «въ случаѣ какого возмущенія, надобно опасаться, чтобы народъ не сломилъ головы всѣмъ гостямъ» (Кильбургеръ, 156).

Купцы разъѣзжали по деревнямъ сами или посылали своихъ приказчиковъ и закупали у крестьянъ ихъ издѣлія; нерѣдко такой скупкой кустарныхъ издѣлій занимались и богатые крестьяне,—такъ, напримѣръ, офенская торговля извѣстна съ очень давняго времени; цѣлыя села бывшей суздальской земли задолго до Петра занимались этой торговлей [2]). Въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ кустарной промышленности идетъ и развитіе торговли скупщиковъ. Главный предметъ жалобъ купечества въ наказахъ екатерининской Комиссіи по составленію Новаго Уложенія — распространеніе въ деревняхъ самостоятельной крестьянской торговли. Богатые крестьяне разъѣзжали

въ 1.018.465 руб. Если принять населеніе Московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 16 мил. душъ обоего пола, то на душу населенія цѣнность вывоза черезъ Архангельскъ будетъ около 6½ коп. По извѣстному расчету проф. Ключевскаго, русскій рубль по своей покупательной силѣ, въ періодъ 1651—1670 г.г., равнялся приблизительно 17 руб. нынѣшнихъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ переводѣ на современныя деньги, вывозъ черезъ Архангельскъ, въ половинѣ XVII вѣка, составитъ 1 руб. 10 коп. на душу населенія. Цѣнность русскаго вывоза по европейской границѣ, за десятилѣтіе 1881—90 г., приблизительно равнялась 600 мил. руб. — на душу населенія около 5 руб. Иными словами, весь современный русскій вывозъ по европейской границѣ только въ 4—5 разъ превосходилъ на душу населенія вывозъ Москвы при Алексѣѣ Михайловичѣ только черезъ Архангельскій портъ.

[1]) А. Семеновъ. Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ. Спб. 1859. Стр. 6.

[2]) Я. Гарелинъ. Суздаль, офени и ходебщики. Вѣстникъ И. Р. Географическаго общества. Часть 19.

по деревнямъ и скупали большими партіями крестьянскіе товары—холсты, гвозди, кожи, пеньковыя ткани, китайку и пр. и отправляли ихъ въ крупные города и за границу. Городское купечество видѣло въ этомъ подрывъ своего исконнаго права—скупать крестьянскій товаръ и домогалось запрещенія крестьянской торговли. Для насъ это интересно, какъ доказательство развитія торговли скупщиковъ кустарныхъ издѣлій въ XVIII вѣкѣ.

Итакъ, кустарные промыслы, возникшіе дѣйствительно изъ домашняго производства, уже въ XVII и XVIII вѣкѣ оказываются въ большей или меньшей степени подчиненными торговому капиталу. Потребитель былъ, какъ стѣной, отгороженъ скупщикомъ отъ производителя-кустаря. Тѣмъ не менѣе, старинные крестьянскіе промыслы, которые существовали въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, несомнѣнно не были продуктомъ капитализма. Поэтому, противопоставленіе такихъ промысловъ капиталистическимъ формамъ промышленности имѣетъ свою raison d'être, хотя подчиненіе ихъ торговому капиталу началось гораздо раньше, чѣмъ у насъ обыкновенно думаютъ. Вообще, всякая крестьянская промышленность только до тѣхъ поръ можетъ сохранять характеръ самостоятельнаго производства, пока она работаетъ на близкій рынокъ или по заказамъ потребителя; но, какъ только мелкій производитель начинаетъ работать на отдаленный рынокъ, онъ неизбѣжно подчиняется посреднику-капиталисту, какъ болѣе сильному экономическому элементу; власть надъ рынкомъ всегда сопровождается и властью надъ производителемъ. Западно-европейская наука не проводитъ никакого принципіальнаго различія между двумя формами Hausindustrie—покупной системой (Kaufsystem) и наемной системой (Lohnsystem). Продаетъ ли мелкій производитель свой товаръ купцу за опредѣленную плату, или дѣлаетъ этотъ товаръ по заказу купца изъ матеріала заказчика—суть дѣла не мѣняется. И въ томъ, и другомъ случаѣ истиннымъ руководителемъ предпріятія является не производитель, а купецъ, или предприниматель, въ руки котораго попадаетъ продуктъ. Поэтому наша кустарная промышленность имѣла въ большей или меньшей степени капиталистическій характеръ уже въ допетровской Руси, была домашней системой капиталистическаго производства. Къ сожалѣнію, детальное выясненіе взаимныхъ отношеній кустарей и скупщиковъ въ XVII и XVIII вѣкѣ невозможно по скудости историческаго матерьяла.

Итакъ, ко многимъ крестьянскимъ промысламъ вполнѣ примѣнима обычная схема ихъ развитія. Это тѣ промыслы, время возникновенія которыхъ крестьяне опредѣляютъ словомъ: «искобиньѣ» (искони бѣ). Къ числу такихъ промысловъ относится (кромѣ указанныхъ) напр. плетенье лаптей, валянье войлоковъ, ткачество грубаго холста и сукна, бондарный промыселъ, изготовленіе деревянныхъ издѣлій, скорняжничество, шубничество, и пр., и пр. Всѣ эти промыслы возникли изъ домашняго производства. Они были завоеваны капитализмомъ, но созданы не имъ.

Но всѣ ли крестьянскіе промыслы развились такимъ же образомъ? Московскіе статистики, изслѣдовавшіе кустарную промышленность Московской губерніи, обратили вниманіе на тотъ фактъ, что большая часть крестьянскихъ промысловъ сравнительно недавняго происхожденія; большинство ихъ возникло или въ концѣ прошлаго, или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. То же самое подтверждается и въ другихъ промышленныхъ губерніяхъ—Владимірской, Ярославской, Костромской и др. Цѣлый рядъ промысловъ въ губерніяхъ московской группы ведетъ свое начало съ «французскаго» 1812 года. Каково же происхожденіе этихъ болѣе новыхъ промысловъ? Находятся ли они въ генетической связи съ домашнимъ производствомъ?

Самымъ распространеннымъ ткацкимъ промысломъ въ промышленномъ районѣ является бумажное ткачество. Хлопчатая бумага — иноземный продуктъ, въ Россіи никогда не добывавшійся; ситцы начали выдѣлываться въ Россіи въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ въ концѣ XVIII вѣка, вначалѣ были дороги (бумажная пряжа по цѣнѣ почти равнялась шелковой) и употреблялись только высшими классами общества. То же слѣдуетъ сказать и о шелко-ткацкомъ промыслѣ. И этотъ промыселъ возникаетъ въ центральной Россіи (преимущественно въ Московской губерніи) только въ XVIII вѣкѣ, и шелковыя ткани отнюдь не являлись предметомъ крестьянскаго потребленія. Если мы возьмемъ списокъ различныхъ промысловъ, зарегистрированныхъ земскими статистиками, то во многихъ случаяхъ уже по самому характеру промысла вполнѣ очевидно, что промыселъ этотъ не возникъ изъ домашняго производства. Возьмемъ, напр., патронный промыселъ (клееніе гильзъ для папиросъ), дающій занятія въ Московской губерніи 8 тыс. работницъ. Вѣдь нельзя же думать, что крестьяне первоначально выдѣлывали папиросныя гильзы для собственнаго употребленія, а затѣмъ стали пускать ихъ въ продажу. То же можно сказать и о шитьѣ лайковыхъ перчатокъ (этимъ промысломъ, какъ сказано выше, занято въ Моск. губ. болѣе 3 тыс. работницъ). Когда же крестьяне носили лайковыя перчатки? Или, напр., позументное ткачество — выдѣлка офицерскихъ и солдатскихъ погоновъ, серебряныхъ галуновъ и пр. Развѣ это предметы крестьянскаго потребленія? И не очевидно ли, что всѣ эти промыслы никоимъ образомъ не могли возникнуть изъ домашняго производства, и развитіе ихъ никакъ не можетъ быть уложено въ обычную схему?

Всѣ эти промыслы (и многіе другіе), какъ мы постараемся показать, представляютъ собой законное дѣтище капитализма. У насъ обыкновенно представляютъ исторію кустарной промышленности въ слѣдующемъ видѣ: первоначально—домашнее производство для нуждъ семьи; затѣмъ (послѣ переходной стадіи ремесла) самостоятельная кустарная промышленность; еще далѣе—подчиненіе кустаря скупщику и превращеніе кустарной промышленности въ капиталистическую систему до-

машней промышленности, и, наконецъ, въ отдаленіи, фабрика, какъ конечный пунктъ развитія. Эта схема болѣе или менѣе общепринята и споръ идетъ только о послѣднемъ пунктѣ, т.-е. о времени и самой возможности превращенія мелкаго крестьянскаго производства въ фабричное. Но мы покажемъ, что развитіе очень многихъ и очень важныхъ кустарныхъ промысловъ гораздо сложнѣе; что исторія этихъ промысловъ начинается не съ самостоятельнаго производства; что такъ называемое самостоятельное крестьянское производство являлось во многихъ случаяхъ результатомъ длинной эволюціи, въ основаніи которой лежало крупное капиталистическое производство.

У насъ нерѣдко думаютъ, что быстрое развитіе русской промышленности начинается только съ крестьянской реформы. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого мнѣнія. Николаевская эпоха характеризуется такимъ ростомъ нашего бумаготкацкаго и бумагопрядильнаго производства, котораго впослѣдствіи не наблюдалось. Районъ бумаготкацкаго производства, центрами котораго во внутренней Россіи были Москва и Шуйскій уѣздъ, съ каждымъ годомъ распространялся шире и шире и охватывалъ собой окрестныя губерніи—Костромскую, Ярославскую, Калужскую, Рязанскую и др. Бумажное ткачество повсемѣстно вытѣсняло старинное льняное ткачество.

Какимъ же образомъ была организована наша хлопчатобумажная промышленность въ этотъ первый періодъ усиленнаго роста? Возникаетъ она въ половинѣ прошлаго вѣка въ формѣ крупныхъ фабрикъ, устроенныхъ иностранными капиталистами. До конца XVIII вѣка крупныя фабрики преобладаютъ; затѣмъ наблюдается, съ точки зрѣнія обычной теоріи, странное явленіе. Фабрика порождаетъ кустаря: быстро развивается кустарная набойка (особенно въ Шуйск. у.), и фабрика не только не поглощаетъ кустарной промышленности, но, напротивъ, поглощается ею. Вокругъ каждой крупной фабрики, какъ грибы послѣ дождя, выскакиваютъ мелкія кустарныя заведенія, съ такимъ успѣхомъ конкурирующія съ фабрикой, что послѣдней приходится плохо. На бумаготкацкихъ фабрикахъ XVIII вѣка ткачество производилось въ самомъ фабричномъ зданіи. Но такъ какъ процессъ ручного ткачества очень простъ, то фабриканты не замедлили убѣдиться въ выгодности отдавать пряжу для тканья крестьянамъ на домъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ бумажныхъ фабрикантовъ, раздающихъ пряжу по домамъ [1]). Въ XIX вѣкѣ этотъ обычай быстро распространяется, и домашнее ткачество вытѣсняетъ фабричное. Фабрика разлагается. Не домашняя промышленность порождаетъ фабрику, а, наоборотъ, фабрика порождаетъ домашнюю промышленность [2]).

---

[1]) Freyherr von Campenhausen. Nachricht von der Stadt Jamburg. St. Petersburg. 1796. Стр. 20.

[2]) Это было указано еще Корсакомъ, авторомъ замѣчательной книги «О формахъ промышленности западной Европы и Россіи» 1861. Но Корсакъ неправильно

Но этимъ дѣло не кончается. Крестьянинъ, получающій отъ фабриканта работу на домъ, осваивается съ производствомъ; пока промыселъ находится въ періодѣ усиленнаго роста, спросъ на рабочія руки и издѣлія бываетъ великъ, а число лицъ, знакомыхъ съ производствомъ, ограниченно. И вотъ нашъ домашній работникъ превращается въ такъ называемаго самостоятельнаго кустаря, за свой счетъ пріобрѣтающаго матерьялъ и отъ себя продающаго товаръ на мѣстномъ базарѣ. Домашняя промышленность переходитъ въ «самостоятельное» кустарное производство—точнѣе говоря, наемная система домашней промышленности переходитъ въ покупную систему. Циклъ развитія, повидимому, завершается, при чемъ, страннымъ образомъ, развитіе идетъ въ совершенно обратномъ направленіи, сравнительно съ обычнымъ представленіемъ: развитіе идетъ не отъ «самостоятельнаго» кустаря черезъ домашнюю промышленность къ фабрикѣ, а, наоборотъ, отъ фабрики черезъ домашнюю промышленность къ «самостоятельному» кустарю.

Иллюстраціей этого процесса можетъ служить исторія хлопчатобумажной промышленности села Иванова. Объ этомъ селѣ существуетъ огромная литература, и его исторія намъ извѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Сводъ этой литературы можно найти, между прочимъ, въ интересной книгѣ «Городъ Иваново-Вознесенскъ» (Шуя. 1885 г.) Я. Гарелина, ивановскаго сторожила, бывшаго раньше однимъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Шуйскаго уѣзда. Иваново и въ XVII вѣкѣ было промышленнымъ селомъ, но полотняное ткачество развивается въ немъ только послѣ устройства въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка иностранцемъ Тамесомъ въ близъ лежащемъ селѣ Кохмѣ полотняной фабрики [1]). На фабрикѣ Тамеса ивановцы научились ткать тонкія полотна, и въ Ивановѣ образовалось нѣсколько крупныхъ полотняныхъ фабрикъ, устроенныхъ богатыми мѣстными крестьянами, зани-

относитъ начало этого процесса къ 1825 г. Въ дѣйствительности, процессъ этотъ начался гораздо ранѣе. Неизвѣстно, чѣмъ руководствуется въ своемъ утвержденіи Корсакъ, но что раздача пряжи по домамъ практиковалась до 1825 г., доказывается уже тѣмъ, что около этого года система домашней промышленности во Владимірской губерніи была въ полномъ расцвѣтѣ и рѣшительно преобладала надъ фабричной. Такъ, напр., около 1825 г. на фабрикѣ Посылныхъ въ Шуѣ было 200 становъ, а по деревнямъ пряжи раздавалось на 2.000 становъ; у Баранова въ селѣ Ивановѣ на фабрикѣ совсѣмъ не было ткацкихъ становъ, а по деревнямъ раздавалось пряжи на 400 становъ, у Кубасова въ томъ же селѣ вся пряжа раздавалась по деревнямъ на 500 становъ, а на фабрикѣ только набивался миткаль; такихъ фабрикъ, совсѣмъ не имѣвшихъ ткацкихъ становъ, а раздававшихъ пряжу въ селѣ Ивановѣ было очень много. См. «О бумажныхъ фабрикахъ во Владимірской губерніи». Журналъ Мануфактуръ и Торговли, 1828. № 2. Вообще книга Корсака, которая до сихъ поръ была единственной научной обработкой нашей промышленной исторіи, основана на очень скудномъ историческомъ матеріалѣ, и потому въ ней нерѣдко встрѣчаются ошибки и неточности.

[1]) Городъ Иваново-Вознесенскъ. Стр. 139.

мавшимися торговлей. Въ половинѣ XVIII вѣка на этихъ фабрикахъ начинаютъ набивать холстъ разными красками. Такъ какъ набоечное искусство очень несложно, то со второй половины прошлаго вѣка въ Ивановѣ появляются на ряду съ крупными набоечными фабриками и мелкія кустарныя набоечныя избы. «Съ 1776 г.,—говоритъ Гарелинъ,—по Иванову распространились набоечныя заведенія у такъ называемыхъ горшечниковъ или кустарей. Это развитіе обязано было началомъ своимъ большимъ фабрикамъ, которыя, не довольствуясь выдѣлкой полотна, ввели у себя существовавшую уже тогда набойку по холсту масляными красками» (Городъ Иваново-Вознесенскъ. I, 143).

Переходъ отъ набойки по холсту къ набойкѣ по бумажнымъ тканямъ совершился въ концѣ XVIII вѣка. Нѣкій Соковъ, ивановскій крестьянинъ, работавшій на шлиссельбургской ситцепечатной фабрикѣ, вывѣдалъ у лаборанта фабрики секретъ составленія красокъ, вернулся въ родное село и устроилъ набивную фабрику для набойки миткалей. Около того же времени въ Ивановѣ распространяется ткачество миткалей—сначала на крупныхъ фабрикахъ, затѣмъ на дому.

1812-й годъ, уничтожившій московскія фабрики, далъ сильный толчокъ ивановской промышленности. Съ этого времени въ Ивановѣ быстро распространилась кустарная набойка, а вокругъ Иванова—кустарное ткачество бумажныхъ матерій. Кустарная набойка во второе десятилѣтіе этого вѣка была настолько выгоднымъ занятіемъ, что набойщики наживали своимъ личнымъ трудомъ съ помощью семьи цѣлыя состоянія. Спросъ на ситецъ былъ огромный; набойщикъ не нуждался почти ни въ какомъ капиталѣ для начала дѣла, такъ какъ миткаль онъ бралъ въ кредитъ, а всѣ болѣе сложныя операціи съ ситцемъ ему дѣлали на фабрикѣ за плату. Въ одинъ день онъ успѣвалъ набить нѣсколько штукъ миткаля и продавалъ его тутъ же, въ Ивановѣ, на базарѣ. Такимъ образомъ прилежный и ловкій набойщикъ легко могъ вырабатывать въ мѣсяцъ по 25—30 руб. сер., не обременяя себя работой, и многіе изъ нихъ, при удачѣ, дѣлались впослѣдствіи значительными фабрикантами [1]).

Село Иваново было центромъ ситцепечатнаго производства Владимірской губерніи. Что касается до бумаготкацкаго производства, то оно существовало почти во всѣхъ деревняхъ Шуйскаго уѣзда, по заказамъ фабрикантовъ. О распространеніи этого домашняго ткачества, замѣнившаго прежнее фабричное ткачество, можно судить потому, что, по расчету владимірскаго статистика Тихонравова, во всей Владимірской губерніи въ началѣ 50-хъ годовъ было только 18 тысячъ становъ на фабрикахъ, а по деревнямъ до 80 тысячъ становъ, на которыхъ работа производилась по заказамъ фабрикантовъ [2]).

---

[1]) Несытовъ. Колеристы и набойщики Владимірской губерніи. Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 г. Стр. 51.

[2]) К. Тихонравовъ. Владимірскій Сборникъ. Москва, 1857 г. Стр. 11.

«Самостоятельное» кустарное ткачество бумажныхъ матерій, т.-е. ткачество изъ покупнаго матеріала, никогда не играло господствующей роли, но тѣмъ не менѣе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ повсюду шло рядомъ съ домашнимъ ткачествомъ по заказамъ фабрикантовъ. Такъ, напр., въ интересномъ статистическомъ описаніи Богородскаго уѣзда, помѣщенномъ въ «Журналѣ Мануфактуръ и Торговли» за 1834 г., говорится что кустарныя фабрички бываютъ двухъ родовъ: однѣ получаютъ матеріалъ отъ другихъ хозяевъ, другія же «получаютъ матеріалъ въ цѣну и платятъ за оный выработанными товарами», сохраняя за собой право продавать товаръ и на сторону [1]). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ «самостоятельнымъ» кустарнымъ ткачествомъ.

Въ многочисленныхъ описаніяхъ шуйской хлопчатобумажной промышленности 40-хъ и 50-хъ годовъ, помѣщавшихся во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ изданіяхъ, обыкновенно указывается, что на ряду съ ткачами, работающими на фабрикантовъ, существуютъ и самостоятельные ткачи-мастерки, работающіе миткаль за свой счетъ, частью только своимъ семействомъ, частью при помощи наемныхъ рабочихъ. Эти мастерки вырабатываютъ миткаль самаго низшаго качества и сбываютъ его на ивановскихъ базарахъ, за деньги или въ обмѣнъ на пряжу. Мастерки эти, по своему положенію, занимали среднее мѣсто между фабрикантами и рядовыми ткачами; при удачѣ они поднимались до фабрикантовъ, и изъ кустарной избы выростала фабрика; при неудачѣ—мастерки бросаютъ самостоятельное производство и начинаютъ работать на фабрикантовъ [2]).

Лучшимъ доказательствомъ разложенія крупной фабрики XVIII столѣтія въ первыя десятилѣтія XIX вѣка являются многочисленныя жалобы фабрикантовъ (особенно бумажныхъ) на непосильную для нихъ конкуренцію кустарей. Кто бы могъ подумать, что борьба крупнаго и мелкаго производства въ дореформенной Россіи имѣла столь отличный характеръ отъ той же борьбы въ наше время! Фабриканты, вопіющіе къ правительству о защитѣ ихъ отъ натиска кустарей — неправда ли, это зрѣлище для насъ довольно непривычное? Въ архивахъ министерства финансовъ сохранилось нѣсколько проектовъ фабрикантовъ, направленныхъ къ ограниченію кустарнаго производства. Проекты эти весьма любопытны и характерны, но на нихъ мы здѣсь останавливаться не будемъ. Они не получали хода по той причинѣ, что нельзя было разграничить самостоятельнаго кустарнаго ткачества отъ домашняго ткачества по заказамъ фабрикантовъ, и авторы проек-

---

[1]) Статистическія свѣдѣнія по Богородскому уѣзду въ промышленномъ отношеніи. Журналъ М. и Т. 1834 г., № 1, стр. 21.

[2]) См., напр., интересную и обстоятельную статью «Миткалевые фабриканты, ихъ ткачи и коммиссіонеры во Владимірской губерніи. Ѳ. Журова». Вѣстникъ Промышленности, 1858 г. Т. I.

товъ, желая поразить кустарей, попадали въ свою же братію фабрикантовъ.

Вопросу о мѣрахъ противъ усиливающейся конкуренціи кустарей посвящены многія статьи въ официальномъ органѣ, въ николаевскую эпоху, департамента мануфактуръ и внутренней торговли «Журналѣ Мануфактуръ и Торговли». Въ статьѣ «О крестьянскихъ фабрикахъ» («Журналъ М. и Т.» 1830 г. Кн. II.) вопросъ о нихъ признается однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ для разрѣшенія, такъ какъ фабриканты требуютъ стѣсненія крестьянскихъ фабричекъ, но не указываютъ никакихъ практическихъ способовъ къ этому. Въ донесеніяхъ губернскихъ механиковъ этотъ вопросъ также неоднократно затрагивается. Такъ, владимірскій губернскій механикъ Несытовъ въ донесеніи департаменту мануфактуръ и внутренней торговли въ 1850 г. сообщаетъ, что миткалевыя фабрики Гавриловскаго посада находятся въ упадкѣ, и причиною этого является «размноженіе тождественныхъ заведеній крестьянами Суздальскаго уѣзда, которые, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды сельскихъ обывателей, могутъ съ меньшимъ вознагражденіемъ за трудъ производить миткали, которыхъ цѣна черезъ это обстоятельство уменьшается по крайней мѣрѣ на 10%» [1]). На то же самое—разорительность для крупныхъ фабрикъ конкуренціи крестьянскихъ фабричекъ указываетъ Несытовъ и въ донесеніи 1851 г. [2]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Несытовъ предлагаетъ даже, для сокращенія кустарнаго бумажнаго ткачества, запретить мелочную продажу бумажной пряжи на сельскихъ базарахъ [3]).

Вообще развитіе нашей бумаготкацкой промышленности въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ шло, главнымъ образомъ, на счетъ роста мелкаго ткачества. Районъ бумаготкацкаго производства быстро распространялся изъ двухъ главныхъ центровъ—Москвы и Шуйскаго уѣзда. Въ концѣ 40-хъ годовъ бумажное ткачество становится преобладающимъ крестьянскимъ промысломъ въ большинствѣ центральныхъ губерній: Ярославской, Костромской, Рязанской, Калужской и др. Распространеніе промысла совершалось двумя способами: промыселъ или заносился въ новую мѣстность крестьянами, возвращавшимися съ ткацкихъ фабрикъ другихъ губерній, или же онъ возникалъ подъ вліяніемъ устройства въ данной мѣстности ткацкой или прядильной фабрики.

Такъ, напр., въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, бумаготкацкій промыселъ возникъ въ 20-хъ годахъ послѣ того, какъ въ 1830 г. въ этомъ уѣздѣ была устроена первая бумаготкацкая фабрика Губина. Кустарное ткачество развилось въ этой мѣстности

---

[1]) «Журналъ Мануфактуръ и Торговли». 1851 г. Ч. 3. О дѣйствіяхъ губернскихъ механиковъ. Стр. 32.

[2]) «Ж. М. и Т.». 1852 г. Ч. 4. Стр. 73.

[3]) «Вѣстникъ И. Р. Географическаго Общества». 1851 г. Ч. 1. Мануфактурная и торговая промышленность г. Шуи. И. Несытова.

такъ энергично, что фабрика Губина, на которой было около тысячи рабочихъ, не могла устоять и въ 50-хъ годахъ прекратила производство и закрылась. Точно такъ же тесемочное и ленточное кустарное ткачество возникло въ Малоярославецкомъ уѣздѣ подъ вліяніемъ устройства въ 1840 г. тесемочной фабрики Малютина. И эта фабрика не выдержала конкуренціи кустарей и закрылась въ 60-хъ годахъ [1]).

Въ Егорьевскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи бумажное ткачество возникло въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; промыселъ былъ занесенъ мѣстными крестьянами, работавшими на московскихъ фабрикахъ; вернувшись на родину, въ деревню, они устроили ткацкія свѣтелки; пряжа, повидимому, получалась ими отъ московскихъ фабрикантовъ. Но особенное развитіе ткацкій промыселъ въ Рязанской губерніи получилъ со времени учрежденія въ г. Егорьевскѣ Хлудовской бумагопрядильни, которая вызвала устройство множества большихъ и мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, а также и кустарныхъ заведеній, обрабатывавшихъ пряжу Хлудовской фабрики и сдѣлавшихся какъ бы спутниками послѣдней [2]).

Въ Костромской губерніи «промыселъ бумажнаго ткачества возникъ въ 20-хъ годахъ этого вѣка, съ устройствомъ въ краѣ бумажныхъ мануфактуръ» [3]). Еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ Костромской губерніи имѣлось не мало «самостоятельныхъ» ткачей - кустарей, покупавшихъ пряжу за собственный счетъ у фабрикантовъ и сбывавшихъ миткаль на базарахъ и на ситцевыя фабрики.

Разложеніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ крупнаго бумаготкацкаго производства и превращеніе его въ мелкое производство (преимущественно въ наемную систему домашней промышленности, отчасти же покупную систему, иными словами, въ такъ называемое самостоятельное кустарное производство), можно доказать и статистическими данными. Вотъ, напр., цифры рабочихъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ и привоза хлопка и бумажной пряжи въ Россію.

	Рабочихъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ [4]).	Ввозъ въ Россію хлопка и бумажной пряжи (въ тысячахъ пудовъ).
1836.....	94.751	865
1852.....	81.454	1.960
1857.....	75.517	2.765

[1]) Докладъ Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. 1873 г. Приложеніе I, стр. 158.

[2]) Промышленность государственныхъ крестьянъ, Рязанской губерніи. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1847 г. Часть 25. Хлопчатобумажная промышленность въ Рязанской губерніи. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1861 г. Ч. 48.

[3]) Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи. Спб. 1872 г. Стр. 125.

[4]) По «Отчетамъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли» за соотвѣтствующіе годы.

Въ то время, какъ размѣръ бумаготкацкаго производства въ Россіи возросъ болѣе, чѣмъ въ 3 раза, число рабочихъ на ткацкихъ фабрикахъ сократилось больше, чѣмъ на 20%. Такъ какъ техника ткачества въ это время значительно не прогрессировала (переходъ отъ ручного къ машинному ткачеству совершился позже), то сокращеніе числа рабочихъ на фабрикахъ несомнѣнно доказываетъ раздробленіе производства, терявшаго фабричный характеръ и переходившаго въ кустарную избу и свѣтелку. Крупное капиталистическое производство рѣшительно теряло свои позиціи, а «самостоятельное» кустарное и домашнее ткачество, всецѣло созданное фабрикой, торжествовало побѣду.

Такимъ образомъ, эволюція хлопчатобумажной промышленности въ дореформенной Россіи имѣла обратный характеръ, сравнительно съ новѣйшей эволюціей. Крупное производство породило мелкое, фабрика превратилась въ домашнюю промышленность, кустарное производство. Такъ называемый самостоятельный кустарь явился послѣдней ступенью эволюціи фабричнаго рабочаго, освободившагося отъ подчиненія фабриканту. Но, можетъ быть, развитіе хлопчатобумажной промышленности имѣло особый специфическій характеръ и не можетъ считаться типичнымъ для другихъ отраслей производства? Обратимся къ фактамъ.

Ткацье грубаго холста было исконнымъ занятіемъ русскаго крестьянина. Казалось бы, ужъ въ области кустарнаго льняного ткачества фабрика не должна была играть роли. Но это только кажется. Въ дѣйствительности же исторія тонкаго льняного ткачества представляется во всѣхъ отношеніяхъ аналогичной только что разсказанной исторіи бумажнаго ткачества. Кустарное ткачество тонкихъ полотенъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ упомянуто, ведетъ свое начало отъ устройства при Петрѣ I Тамесомъ полотняной фабрики въ селѣ Кохмѣ [1]). Въ важнѣйшемъ центрѣ кустарнаго льняного ткачества—селѣ Великомъ, въ Ярославской губерніи, возникновеніе кустарнаго ткачества тонкихъ новинъ также находится въ непосредственной связи съ устройствомъ въ этомъ селѣ—тоже при Петрѣ—фабрики Затрапезнова [2]). На дальнѣйшее развитіе ткачества въ этомъ селѣ оказала крупное вліяніе фабрика помѣщиковъ села Великаго Яковлевыхъ, закрывшаяся въ 1849 г. [3]). Въ другомъ центрѣ полотнянаго ткачества Ярославской губерніи—селѣ Никольскомъ—развитіе ткачества тонкихъ полотенъ также вы-

---

[1]) «Владимірскія Губернскія Вѣдомости», 1856 г. № 12. Село Кохма. В. Борисова. «По уничтоженію въ Кохмѣ полотняной фабрики иностранца Тамеса, тамъ возникла у нѣкоторыхъ торговыхъ богатыхъ крестьянъ таковая фабрикація собственная».

[2]) Матерьялы для исторіи полотнянаго производства въ Россіи. Сборникъ свѣдѣній и матерьяловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ, 1867, т. III, стр. 285.

[3]) Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности. Вып. VI, стр. 673.

звано вотчинной фабрикой Салтыковыхъ. Эта фабрика закрылась въ началѣ этого вѣка, и съ того времени въ крестьянскихъ избахъ всего окружающаго района быстро распространилось «самостоятельное» кустарное ткачество [1]). То же самое наблюдалось и въ Костромской губерніи: полотняныя фабрики вызвали или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовали развитію кустарнаго ткачества [2]).

Мы сказали, что исторія полотноткацкаго производства вполнѣ аналогична исторіи бумажнаго ткачества. Дѣйствительно, на первыхъ нашихъ огромныхъ полотняныхъ фабрикахъ (число рабочихъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., на «Большой Ярославской Мануфактурѣ» въ г. Ярославлѣ превосходило 2 тыс.) вся работа производилась въ самомъ фабричномъ зданіи. Въ концѣ XVIII вѣка старинная фабрика начинаетъ распадаться: фабриканты переходятъ отъ фабричнаго ткачества къ раздачѣ пряжи по домамъ—домашней системѣ крупной промышленности. Такъ, нѣкоторыя медынскія парусно-полотняныя фабрики еще въ 1785 г. большую часть пряжи раздавали по деревнямъ [3]), костромскія и ярославскія полотняныя фабрики въ широкихъ размѣрахъ практиковали раздачу пряжи въ самомъ началѣ этого вѣка [4]). Сенаторъ Аршеневскій, осматривавшій русскія фабрики въ 1812 г., обратилъ на это особое вниманіе и съ большой похвалой отозвался о «полезномъ распорядкѣ фабричныхъ работъ, заведенномъ костромскими фабрикантами, кои строятъ въ селеніяхъ рабочія свѣтлицы, снабжаютъ оныя инструментами и заготовленною въ городѣ на главной фабрикѣ пряжею, и раздаютъ ее крестьянамъ» [5]).

Въ 30-хъ годахъ этого вѣка обычай раздавать льняную пряжу по домамъ сильно распространился и во Владимірской губерніи [6]). Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось и кустарное тонкое полотняное ткачество изъ собственнаго матерьяла. И въ данномъ случаѣ крупное производство породило мелкое, а кустарная изба явилась завершеніемъ эволюціи фабрики [7]).

---

[1]) Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи. Спб., 1847. Стр. 73.

[2]) Матерьялы для изученія кустарной промышленности. Спб., 1872. Стр. 125—126. Труды кустарной комиссіи. Вып. IX, стр. 2081.

[3]) Journal von Russland, 1794. Band. I. Beschreibung der Stadthalterschaft Kaluga, стр. 337.

[4]) Описаніе Костромской губерніи 1805 г., стр. 79. (Архивъ Имп. Вольно-Экономич. Общества). Статистическое описаніе Ярославской губерніи. Карла Германа. Спб., 1808. Стр. 119.

[5]) «Сѣверная Почта», 1812 г. № 19. О нынѣшнемъ состояніи мануфактуръ въ Россіи.

[6]) «Владимірскія Губернскія Вѣдомости», 1855 г. № 33. Полотняная фабрикація во Владимірской губерніи. Несытова.

[7]) По словамъ Харизоменова, «раньше всего полотняное производство (въ Переяславскомъ у.) возникло въ видѣ ткачества пестряди... Матерьялъ для пестряди въ видѣ основы и утка, ткачи получали отъ суздальскихъ, юрьевскихъ и ростов-

Не будемъ подробно останавливаться надъ исторіей другихъ отраслей ткацкой промышленности. Суконное ткачество (солдатскихъ и тонкихъ суконъ) и шелковое прошли такой же кругъ развитія, какъ и хлопчатобумажное и полотняное. Солдатское сукно выдѣлывалось въ XVIII вѣкѣ только на крупныхъ фабрикахъ, но уже въ началѣ XIX вѣка вокругъ Москвы распространилось домашнее ткачество солдатскаго сукна, частью по заказамъ фабрикантовъ, частью за собственный счетъ крестьянъ. Намъ извѣстно изъ архивныхъ данныхъ, что въ 1809 г. въ числѣ поставщиковъ сукна для казны на ряду съ крупными фабрикантами фигурировали московскіе и владимірскіе крестьяне-кустари, а въ 1830 г. департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли долженъ былъ въ офиціальной статьѣ доказывать полезность кустарнаго производства сукна и шерстяныхъ матерій, достигшаго такихъ размѣровъ, что крупные фабриканты требовали правительственнаго вмѣшательства для ограниченія кустарной промышленности [1]).

Кустарное шелковое ткачество также всецѣло создано фабрикой. Уже при Петрѣ было устроено въ Москвѣ и нѣкоторыхъ селахъ Богородскаго уѣзда нѣсколько крупныхъ шелкоткацкихъ фабрикъ; рабочіе этихъ фабрикъ разнесли шелкоткацкій промыселъ по деревнямъ Богородскаго уѣзда. Кустарное шелковое ткачество уже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ успѣхомъ конкурируетъ съ фабричнымъ въ производствѣ низкихъ шелковыхъ матерій [2]). Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда наша промышленность начала развиваться особенно энергично, возникло множество мелкихъ шелкоткацкихъ фабричекъ и кустарныхъ избъ, нѣкоторыя изъ которыхъ впослѣдствіи превратились въ огромныя фабрики [3]).

До сихъ поръ мы говорили только о текстильной промышленности; въ этой области своеобразная эволюція—отъ фабрики черезъ домашнюю промышленность къ «самостоятельному» кустарю—или, точнѣе, отъ фабрики черезъ наемную систему домашней промышленности къ покупной системѣ—наиболѣе очевидна. Въ другихъ производствахъ вліяніе фабрики не такъ велико. Кустарная обработка металловъ, изготовленіе желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, въ гораздо меньшей степени можетъ быть пріурочена къ фабрикѣ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь во многихъ случаяхъ можно констатировать вліяніе фабрики. Возьмемъ, напр., всѣмъ извѣстную павловскую промышленность. О павловцахъ, какъ объ искусныхъ замочникахъ и слесаряхъ упоминается еще въ началѣ XVII вѣка

скихъ фабрикантовъ. По всей вѣроятности, нестрядь работали еще въ концѣ прошлаго столѣтія». Промыслы Владимірской губерніи. Выпускъ V, стр. 104.

[1]) «Журналъ Мануф. и Торговли» 1830, № 6. О необходимости раздѣленія работъ по производству средственныхъ и легкихъ суконъ.

[2]) Storch. Statist. Gemälde, III.

[3]) Сборникъ ст. свѣдѣній по Моск. губ. Томъ VII. Вып. III, стр. 27 и слѣд.

Но почти всѣ изслѣдователи признаютъ, что на развитіе павловской промышленности оказалъ огромное вліяніе желѣзный заводъ, устроенный гр. Шереметевымъ въ половинѣ прошлаго столѣтія и прекратившій производство въ 1779 [1]). Помѣщики села Павлова и послѣ уничтоженія завода содѣйствовали развитію павловской промышленности выпиской англійскихъ мастеровъ, обученіемъ рабочихъ и проч. Развитію муромскаго ножеваго производства, центромъ котораго является село Вачи, также сильно содѣйствовала фабрика Кондратова, устроенная въ 1831 г. [2]). Кустарное производство проволочныхъ полотенъ въ селѣ Безводномъ, Нижегородской губ., было занесено фабричными рабочими [3]). Тульское желѣзодѣлательное производство, принадлежащее къ числу очень старинныхъ, точно также развилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ желѣзныхъ заводовъ, устроенныхъ еще въ XVII вѣкѣ и просуществовавшихъ болѣе 100 лѣтъ. «Заводы исчезли», говоритъ изслѣдователь тульской кустарной промышленности, г. Борисовъ, «а знаніе ремесла осталось» [4]). Точно также уральскіе горные заводы создали вокругъ себя очень разнообразную и цвѣтущую кустарную промышленность, обрабатывающую заводской матеріалъ. «Нижнетагильское кустарное дѣло,—читаемъ мы въ трудахъ кустарной комиссіи,—обязано своимъ развитіемъ вниманію администраціи (заводовъ) въ старые годы... Заводская администрація старалась направить избытокъ рабочей силы на это дѣло... и кустарный промыселъ буквально процвѣталъ». То же самое сообщается и о кустарномъ производствѣ разныхъ металлическихъ издѣлій вокругъ заводовъ Воткинскаго, Ревдинскаго и др. [5]).

Мы могли бы привести еще много примѣровъ эволюціи мелкаго производства изъ крупнаго, кустарной промышленности изъ фабричной, но и приведенныхъ достаточно. Этой эволюціей вполнѣ объясняется фактъ, поражавшій многихъ изслѣдователей кустарнаго производства, а именно вытѣсненіе крупнаго производства мелкимъ, раздробленіе промышленности. Нерѣдко оказывается, что въ данномъ промыслѣ

---

[1]) Первое упоминаніе объ этомъ мы нашли въ статьѣ о павловской промышленности въ «Журналѣ Мануфактуръ и Торговли», 1846 г. Часть 4; это же извѣстіе повторяется и въ большинствѣ послѣдующихъ статей и книгъ, посвященныхъ селу Павлову, о которомъ существуетъ, какъ извѣстно, цѣлая литература.

[2]) Фабричное заведеніе стальныхъ издѣлій въ Муромскомъ у. К. Тихонравова. «Владимірскія Губ. Вѣдомости», 1853, № 42... «занимая значительное число крестьянъ сосѣднихъ селеній производствомъ стальныхъ издѣлій на своей фабрикѣ, Кондратовъ несомнѣнно имѣлъ немаловажное вліяніе на распространеніе и успѣхъ этого производства между крестьянами не только въ вотчинѣ князя Голицына, но и другихъ имѣніяхъ Муромскаго уѣзда».

[3]) Труды кустарной комиссіи, IX, 2403.

[4]) Труды кустарной комиссіи, IX, 2242.

[5]) Труды кустарной комиссіи. Вып. XVI. Кустарная промышленность въ связи съ уральскимъ горнозаводскимъ дѣломъ, стр. 13—17.

*

лѣтъ 30, 40 тому назадъ господствовали крупныя мастерскія, а теперь крупныхъ мастерскихъ совершенно не существуетъ, а мѣсто ихъ заняли кустарныя избы. Это отмѣчается напр. въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ промысловъ Московской губерніи — щеточномъ, цвѣтильномъ, шляпномъ, мебельномъ и др. По словамъ проф. Исаева, изслѣдовавшаго мебельную промышленность Московской губерніи, «исторія этого промысла блистательно доказываетъ, что одиночка-столяръ не только съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу съ крупной мастерской, но что сама одиночная изба вышла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ объятій крупной мастерской» [1]).

Совершенно вѣрно. Кустарная изба вышла изъ крупной мастерской, и не только въ мебельномъ промыслѣ, но, какъ мы постарались показать, и во многихъ и очень важныхъ другихъ промыслахъ. Тѣмъ не менѣе изъ этой «блистательной побѣды» кустаря мы не сдѣлаемъ того вывода, который дѣлаетъ проф. Исаевъ, и не заключимъ о жизнеспособности кустарной промышленности въ *наше время*, и возможности для нея *при современныхъ условіяхъ техники* конкурировать съ фабрикой.

Итакъ, фабрика весьма часто была родоначальникомъ кустарной избы. Въ другихъ случаяхъ такую же роль, какъ фабрика, сыгралъ торговый капиталъ. У насъ обыкновенно думаютъ, что скупщикъ, торговецъ, является злѣйшимъ врагомъ кустаря. Это и вѣрно, и невѣрно. Разумѣется, скупщикъ думаетъ только о своемъ барышѣ и, какъ экономически сильнѣйшій, тѣснитъ кустаря и выжимаетъ изъ него всѣ соки. Спорить съ этимъ мы не станемъ; мы всего менѣе склонны игнорировать или отрицать естественный антагонизмъ интересовъ эксплуататора-скупщика и эксплуатируемаго-кустаря. Но вотъ что у насъ упускаютъ изъ виду: только благодаря участію торговаго капитала кустарные промыслы могли получить такое развитіе, какое они имѣютъ нынѣ. Кустарь безъ торговца совершенно неспособенъ завязать сношенія съ отдаленнымъ рынкомъ и потому сплошь и рядомъ мы видимъ, что по мѣрѣ увеличенія зависимости кустаря отъ торговца-капиталиста растетъ и самый промыселъ, растетъ районъ сбыта кустарныхъ издѣлій и самое число кустарей.

Типичнымъ примѣромъ этого является одинъ изъ самыхъ важныхъ центровъ гвоздарнаго кустарнаго производства—уломскій гвоздарный районъ. Въ этомъ районѣ въ 50-хъ годахъ насчитывалось, по словамъ мѣстнаго изслѣдователя Ф. Носырина, до 20 тысячъ гвоздарей. Производство было организовано совершенно капиталистически: гвоздари совсѣмъ не работали гвоздей изъ своего матеріала, а весь матеріалъ получали отъ купцовъ, жившихъ въ самой Уломѣ и торговавшихъ гвоздями. Но эта капиталистическая организація была дѣломъ недавняго происхожденія. Гвоздарный промыселъ въ Уломѣ принадле-

[1]) Промыслы Московской губерніи, т. I, стр. 30.

житъ къ числу очень старинныхъ; еще въ концѣ XVIII вѣка уломскіе гвоздари ковали гвозди, повидимому, изъ своего матеріала. До 20-хъ годовъ XIX вѣка промыселъ растетъ слабо; около этого времени въ Уломѣ водворяются иногородные купцы, занимавшіеся гвоздяной торговлей и поддерживавшіе непосредственныя сношенія съ мѣстами сбыта гвоздей (Петербургъ, Рига и др.). Приливъ торговаго капитала немедленно отразился на ростѣ промысла: въ 1820 г. въ Уломѣ выковывалось 100 тысячъ пудовъ гвоздей, а въ 1857 г. уже 500 тыс. Соотвѣтственно увеличилось и число гвоздарей [1]). Но всѣ эти гвоздари совершенно лишились своей прежней «самостоятельности» и попали въ полную зависимость отъ купцовъ.

Итакъ, промышленный и торговый капиталъ сыгралъ огромную роль въ развитіи нашей кустарной промышленности. Происхожденіе нашихъ кустарныхъ промысловъ, какъ мы старались показать, двоякое: старинные промыслы возникли изъ домашняго производства, промыслы болѣе новые—главнымъ образомъ изъ фабрики и крупной мастерской.

Установить болѣе или менѣе точно, какую роль въ нашей кустарной промышленности играютъ промыслы того и другого происхожденія, совершенно невозможно, по отсутствію статистическихъ данныхъ. Только для очень немногихъ губерній такое сравненіе возможно. Наилучше изслѣдована въ промысловомъ отношеніи Московская губернія, ею мы и займемся.

Значительно бо́льшая часть кустарныхъ промысловъ Московской губерніи (эти промыслы, какъ мы говорили раньше, въ главной своей массѣ является не «самостоятельнымъ» производствомъ, а работой по найму) происхожденія очень недавняго, нѣкоторые возникли въ концѣ прошлаго вѣка, другіе еще позже—въ 20, 30, 40-хъ годахъ нашего вѣка. Московскіе земскіе статистики обыкновенно весьма тщательно отмѣчали исторію каждаго промысла; посмотримъ же, о чемъ говорятъ ихъ наблюденія.

Изъ 141 т. крестьянъ, занятыхъ въ мелкомъ товарномъ неземледѣльческомъ производствѣ Московской губерніи не менѣе 82 т. (т.-е. около 59% работающихъ) заняты въ промыслахъ, непосредственно созданныхъ фабрикой или крупной мастерской (сюда относится бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промыселъ, игрушечный, шитье перчатокъ, щеточный промыселъ, производство пуховыхъ шляпъ, канительный, золотокружевной и другіе болѣе мелкіе промыслы).

О возникновеніи бумажнаго, шелковаго и шерстянаго домашняго ткачества мы уже говорили [2]); что касается до другихъ промысловъ, то исторія ихъ въ общемъ одна и та же.

---

[1]) Ф. Носыринъ. Улома и ея металлическое производство. Спб. 1858. Стр. 23.

[2]) Замѣтимъ, кстати, что исторія ткацкаго промысла изложена въ земскомъ

Возьмемъ, напр., игрушечный промыселъ (1400 кустарей; работаютъ изъ покупнаго матеріала, «самостоятельное» производство).

«Исторія игрушечниковъ Москов. губерніи, какъ первоначальныхъ производителей, была такова, что сначала они работали у хозяевъ въ Москвѣ, въ качествѣ наемныхъ работниковъ, потомъ... отходили отъ своихъ хозяевъ, и заводили дѣло у себя на домахъ, въ деревнѣ. Почти всегда бывало такъ, что отошедшій отъ хозяина работникъ первое время сохранялъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ дѣловую связь, т.-е. продолжалъ работать на него товаръ, такъ что положеніе новаго предпринимателя на первыхъ порахъ мало разнилось отъ положенія простого рабочаго... Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ игрушечникъ знакомился съ коммерческой стороной своего дѣла... его отношенія къ бывшему хозяину мѣнялись къ большей для него, производителя, выгодѣ». Сборникъ ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. II стр. 5—6.

Схема развитія—крупная мастерская, домашняя промышленность и такъ назыв. самостоятельное производство—выступаетъ съ полной ясностью.

Щеточный промыселъ (880 работающихъ; большей частью сами покупаютъ матеріалы). Промыселъ былъ занесенъ въ концѣ XVIII-го вѣка крестьяниномъ, работавшимъ на одной щеточной мастерской въ Москвѣ. Первые основатели промысла имѣли довольно значительныя мастерскія. Въ настоящее время преобладаютъ мелкія заведенія [1]).

Производство касторовыхъ шляпъ. (480 работающихъ. Преобладающій типъ—мелкія мастерскія съ наемными рабочими. Работа изъ покупного матеріала). Промыселъ возникъ изъ шляпной фабрики Александрова въ 30-хъ годахъ этого вѣка. «Съ теченіемъ времени нѣкоторые мастера, обучившись шляпному производству, стали работать шляпы на дому, но вначалѣ работали исключительно на Иванова (Александрова), получая отъ него матеріалъ. Затѣмъ бывшіе мастера Иванова (Александрова) стали обращаться въ самостоятельныхъ производителей... Шляпное производство, сначала сконцентрированное въ обширной мастерской Иванова (Александрова), постепенно децентрализировалось по селеніямъ Кленовской волости» [2]). Итакъ, опять то же развитіе—фабрика, домашняя промышленность, мелкое «самостоятельное» производство.

Шитье лайковыхъ перчатокъ. (3 тысячи работающихъ; работа по заказамъ торговцевъ изъ ихъ матеріала) «Лѣтъ сто назадъ помѣщикъ Шалашниковъ выстроилъ заводъ для выдѣлки тонкихъ кожъ для перчатокъ въ деревнѣ Языковѣ... обученныя дѣвушки шили отчасти въ особомъ устроенномъ для этого помѣщеніи, или же, какъ впослѣдствіи, получали работу на домъ. Мало-по-малу такимъ образомъ умѣніе шить перчатки распространилось по окрестностямъ» [2]). Фабрика породила домашнюю промышленность.

Сборникѣ не на основаніи новаго матерьяла, а по Корсаку, и потому самостоятельнаго значенія не имѣетъ и не лишена ошибокъ.

[1]) Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. I, стр. 4—6.

[2]) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI вып. I, стр. 172—173, т. VII вып. II, стр. 170.

Патронный промыселъ. Работающихъ около 9 тыс.; работа отчасти на торговца, по заказамъ, отчасти «самостоятельное» производство.

«Распрашивая крестьянъ о происхожденіи промысла,—читаемъ въ земскомъ Сборникѣ,—мы получали однообразные отвѣты: пріѣхалъ въ такую-то деревню приказчикъ отъ такого-то купца, снялъ или купилъ избу и открылъ фабричку. Дѣвушекъ и женщинъ обучалъ даромъ, потомъ раздавалъ на домъ всѣ нужные матеріалы и орудія производства... Бывали и такіе случаи. Крестьянинъ, занимавшійся нѣсколько лѣтъ на какой-нибудь патронной фабрикѣ въ Москвѣ, рѣшалъ ѣхать домой и жить въ деревнѣ. Онъ уговаривался со своимъ хозяиномъ, что будетъ на него работать патроны за извѣстную цѣну... Самостоятельные производители появились въ деревнѣ только въ болѣе позднее время... Почти фабричная форма, появившаяся въ деревняхъ Московской губерніи, породила и самостоятельное мелкое патронное производство» [1]).

Опять, слѣдовательно, то же—фабрика, домашняя промышленность, «самостоятельное» кустарное производство. Кустарная изба оказывается результатомъ эволюціи фабрики.

Точно такимъ же образомъ были занесены въ селенія Московской губерніи—пуговичный, золотокружевной, бахромный, золотошвейный, позументный, сусальный и многіе другіе промыслы. Какъ мы сказали, промыслами капиталистическаго происхожденія занято около 59% всѣхъ московскихъ кустарей. Какимъ же образомъ возникли другіе промыслы Московской губерніи, дающіе занятіе остальнымъ 41% кустарей?

Значительная часть этихъ послѣднихъ промысловъ, если не прямо возникла изъ крупной мастерской, то во всякомъ случаѣ развилась подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ. Сюда относится, напр., мебельный промыселъ, изслѣдованный А. А. Исаевымъ. Производство дорогой мебели до 50-хъ годовъ было сосредоточено въ Лигачевскомъ районѣ въ крупной мастерской Зениныхъ, имѣвшей до 70 рабочихъ. Въ этой мастерской научились работать дорогую мебель мастера, впослѣдствіи начавшіе самостоятельное мебельное производство. Какъ мы говорили выше, г. Исаевъ отмѣчаетъ, что въ мебельномъ промыслѣ крупная мастерская породила мелкія промышленныя единицы. То же слѣдуетъ сказать и о металлическихъ промыслахъ Москов. губ.—изготовленіи жестяныхъ и мѣдныхъ издѣлій, подносовъ, булавокъ, проволочныхъ сѣтокъ и пр. Всѣ эти промыслы въ большей или меньшей степени обязаны своимъ развитіемъ крупнымъ мастерскимъ. То же слѣдуетъ сказать и о портняжномъ, гребенномъ, зеркальномъ, грохоплетномъ и др. промыслахъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ земскіе статистики отмѣчаютъ, что развитію промысла помогали помѣщики, обучавшіе разнымъ ремесламъ своихъ крѣпостныхъ. Это отмѣчается относительно мебельнаго промысла [2]), кружевного, перчаточнаго, плетенья изъ прутьевъ и др.

---

[1]) Сб. ст. св. т. VII, вып. II, стр. 204, 223, 230.

[2]) «Крѣпостное право не мало способствовало его (мебельнаго промысла) развитію». А. Исаевъ, Промыслы Московской губерніи, I, 11.

Какую же роль играютъ въ московской промышленности старинные кустарные промыслы, возникшіе изъ домашняго производства, промыслы «народнаго» происхожденія, не носящіе на себѣ печати ни капитализма, ни крѣпостного права? Довольно незначительную. Къ этой категоріи относятся такіе чисто національные промыслы, какъ напр. плетенье лаптей, далѣе пряденье льна и шерсти, отчасти вязанье и плетенье чулокъ, сѣтей и проч., сапожный и башмачный промыселъ, скорняжничество, валянье шерсти, бондарный промыселъ, кожевенный, метельный и пр. Число лицъ, занятыхъ въ этихъ промыслахъ, врядъ ли превзойдетъ 30 тыс. чел., т. е. не достигнетъ и 25% всего числа московскихъ кустарей.

Итакъ, въ Московской губерніи (какъ и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ) промыслы болѣе новые, капиталистическаго происхожденія, рѣшительно преобладаютъ надъ «народными» промыслами, начало которыхъ теряется въ дали временъ. Разумѣется, если бы мы взяли для сравненія не промышленную, а какую-нибудь земледѣльческую, или сѣверную лѣсную губернію, то результатъ получился бы иной. Напр.. въ Вятской губерніи промыслы «народнаго происхожденія» несомнѣнно преобладаютъ надъ капиталистическими [1]). Но для насъ важно было не опредѣлить въ цифрахъ, какіе промыслы въ Россіи занимаютъ больше рабочихъ (такое опредѣленіе совершенно невозможно по отсутствію данныхъ), а доказать, что обычное утвержденіе нашихъ и западно-европейскихъ ученыхъ о происхожденіи кустарной промышленности изъ домашняго производства въ своей категорической формѣ совершенно невѣрно, такъ какъ оно игнорируетъ многіе весьма важные промыслы чисто-капиталистическаго происхожденія, рѣшительно преобладающіе не только въ Московской губерніи, но и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи. Московская же губернія должна была только иллюстрировать этотъ фактъ, и для такой иллюстраціи она вполнѣ годится.

Теперь мы должны перейти къ самому важному: объяснить, чѣмъ вызывался такой своеобразный ходъ развитія нашихъ кустарныхъ промысловъ—отъ фабрики къ избѣ мелкаго производителя. Извѣстно, что въ настоящее время эволюція кустарной промышленности идетъ какъ разъ въ обратномъ направленіи; такъ называемый самостоятельный кустарь превращается сначала въ наемнаго домашняго рабочаго, работающаго на капиталиста, а затѣмъ и самъ переходитъ въ капиталистическую мастерскую. Такимъ образомъ, эволюція весьма многихъ отраслей нашей промышленности представляется въ слѣдующемъ видѣ: фабрика, домашняя промышленность, «самостоятельный» кустарь, затѣмъ опять домашняя промышленность и фабрика. Циклъ развитія·

---

[1]) См. Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губерніи. Вятка 1889—93 V выпусковъ.

начавшійся съ фабрики, заканчивается опять фабрикой—въ серединѣ помѣщается «самостоятельное» производство, а переходомъ какъ отъ фабрики къ «самостоятельному» кустарю, такъ и отъ «самостоятельнаго» кустаря къ фабрикѣ служитъ домашняя промышленность [1]). Гдѣ же причина такой перемѣнчивости успѣха въ борьбѣ крупнаго и мелкаго производства?

Основную причину этого слѣдуетъ искать въ техникѣ производства. Наши фабрики возникаютъ при Петрѣ; по обычному представленію, фабрики эти были всецѣло созданіемъ Петра, и притомъ очень неудачнымъ созданіемъ; со времени Корсака, въ нашей экономической литературѣ укоренилось мнѣніе, что фабрики у насъ явленіе «искусственное», «ненормальное», результатъ ошибочной политики нашего правительства, пересадившаго изъ западной Европы на русскую почву ядовитое чужеземное растеніе—капиталистическую промышленность. Раздробленіе фабричнаго производства въ XIX вѣкѣ, развитіе домашней промышленности, по мнѣнію Корсака, неопровержимо доказываетъ непригодность фабрики къ экономическимъ условіямъ петровской Руси.

Мы держимся по этому вопросу другого мнѣнія. Мы полагаемъ, что крупныя русскія фабрики XVIII вѣка были такимъ же естественнымъ продуктомъ экономическихъ и соціальныхъ условій своей эпохи, какъ и кустарная изба 30—40-хъ годовъ, или фабрика новаго времени.

Подробное развитіе и обоснованіе всего этого мы сдѣлаемъ въ другомъ мѣстѣ [2]). Здѣсь же ограничимся слѣдующимъ. Мы вполнѣ признаемъ, что безъ торговопромышленной политики Петра наши фабрики не могли бы возникнуть. Но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, эта политика оказала дѣйствіе лишь благодаря подготовленности допетровской Руси къ крупному производству, а во-вторыхъ, политика эта диктовалась экономической необходимостью. Для устройства фабрикъ нужны, прежде всего, капиталы. Эти капиталы были созданы не Петромъ, а всей экономической эволюціей Московской Руси, характеризующейся ростомъ и концентраціей торговаго капитала. Изученіе архивнаго матеріала начала XVIII вѣка вполнѣ убѣждаетъ, по нашему мнѣнію, что петровскія фабрики были столько же созданіемъ Петра, сколько и торговаго капитализма эпохи. Огромное большинство петровскихъ фабрикантовъ были купцами—вышли изъ рядовъ круп-

---

[1]) Быть можетъ, не лишнее оговориться, что первоначальная фабрика, съ которой начинается эволюція, была, по терминологіи Маркса, мануфактурой—работа на ней производилась не машинами, а руками. Мы называемъ крупныя промышленныя заведенія фабриками, независимо отъ того, производится-ли ли на нихъ работа руками или машинами, во-первыхъ, потому, что такова современная научная терминологія, а во-вторыхъ, таково историческое названіе этой формы промышленности въ Россіи.

[2]) Въ подготовляемой къ печати книгѣ «Русская фабрика въ ея историческомъ развитіи».

ныхъ московскихъ капиталистовъ-торговцевъ. Петровскія фабрики требовали, по тому времени, огромныхъ денежныхъ затратъ, которыя только въ небольшей долѣ ложились на правительство, главнымъ же образомъ на самихъ фабрикантовъ, откуда ясно, что для возникновенія фабрикъ необходимо было предварительное образованіе въ Московской Руси капиталистическаго класса. Только благодаря существованію этого класса торговыхъ капиталистовъ, мѣры Петра увѣнчались такимъ быстрымъ успѣхомъ.

Это разъ. Во-вторыхъ же, политика Петра диктовалась экономической необходимостью. Перенесеніе въ Россію новыхъ производствъ (въ которыхъ она такъ нуждалась) было возможно только благодаря устройству фабрикъ. Другого способа не существовало. Нельзя же серьезно говорить о развитіи и поддержкѣ существовавшей въ то время въ Россіи старинной кустарной промышленности (пренебреженіе къ послѣдней Корсакъ ставитъ въ вину Петру). Вообще можно признать правиломъ, что въ малокультурныхъ странахъ, какой несомнѣнно являлась петровская Русь, перенесеніе или насажденіе новыхъ отраслей промышленности возможно только въ формѣ крупнаго производства. Если и въ наше время организованная помощь кустарямъ и поднятіе техники кустарнаго производства оказывается не подъ силу правительству и обществу, то мыслимо ли было что-либо подобное въ петровской Руси? Петру были нужны солдатскія сукна, предметы обмундированія, оружіе, порохъ и многое другое, совсѣмъ не производившееся въ тогдашней Россіи, или производившееся, но слишкомъ плохого качества. Нужно было научить русскихъ новымъ пріемамъ производства, а какъ это сдѣлать безъ устройства крупныхъ мастерскихъ съ иноземными мастерами? Вѣдь не могъ же Петръ устраивать для кустарей техническія школы, промышленные музеи и пр.! Если бы онъ захотѣлъ идти путемъ, указываемымъ Корсакомъ, то навѣрное не дождался бы производства въ Россіи тѣхъ продуктовъ, которые ему были необходимы.

Вотъ почему въ XVIII вѣкѣ въ Россіи появляются фабрики, ничѣмъ не связанныя со старинной нашей кустарной промышленностью. На этихъ фабрикахъ первоначально господствовалъ принудительный трудъ,— при общемъ господствѣ крѣпостного права и фабричные рабочіе должны были быть крѣпостными.

Для пониманія всей послѣдующей эволюціи необходимо помнить, что русскія фабрики прошлаго вѣка, какъ указано выше, были, по терминологіи Маркса, мануфактурами: работа на нихъ производилась не машинами, а руками, техника производства была очень несложна и не требовала обязательно крупной мастерской. Необходимость послѣдней въ тогдашней Россіи основывалась не на техническихъ, а на соціальныхъ условіяхъ, и прежде всего на незнакомствѣ нашего населенія съ новыми пріемами производства и на невозможности перенести въ страну новыя производства иначе, какъ въ формѣ фабрики.

Отсюда ясно, что какъ только населеніе освоилось съ новыми техническими пріемами, мелкое производство стало вытѣснять крупное. Фабрики явились школой промышленнаго искусства для населенія. По мѣрѣ увеличенія на нихъ числа вольнонаемныхъ рабочихъ, знаніе новыхъ пріемовъ производства распространялось среди массы населенія. На фабрикахъ работали по вольному найму преимущественно крестьяне, возвращавшіеся, по окончанію фабричныхъ работъ, въ деревню. Они приносили съ собой техническія познанія, которыхъ не хватало невѣжественной массѣ кустарей; такъ какъ, по чисто техническимъ условіямъ, крупное производство не имѣло значительныхъ преимуществъ передъ мелкимъ (и на фабрикѣ, и въ кустарной избѣ, работа производилась руками, безъ помощи дорогихъ приспособленій и инструментовъ; ручной ткацкій станокъ—даже станокъ-самолетъ,—напр., стоилъ такъ мало, что былъ вполнѣ доступенъ всякому крестьянину), то вполнѣ понятно, что фабриканты скоро убѣдились въ невыгодности устройства огромныхъ и дорогихъ фабричныхъ зданій, когда та же работа могла быть исполнена съ такимъ же успѣхомъ обученнымъ рабочимъ у себя на дому. Такимъ образомъ, фабрика раздробилась въ домашнюю промышленность. Мелкое производство оказалось сильнѣе крупнаго по той причинѣ, что состояніе техники не требовало крупнаго производства.

Что касается до перехода домашней промышленности въ «самостоятельное» кустарное производство, то и этотъ переходъ вполнѣ понятенъ: когда промыселъ находится въ первомъ періодѣ своего развитія и имъ занимается немного рукъ, цѣна за работу бываетъ высока, и сбытъ издѣлій совершается безъ затрудненія [1]). Въ этомъ періодѣ домашній рабочій, при удачѣ, легко можетъ начать работу изъ покупного матерьяла, продавать издѣлія на рынкѣ, и такимъ образомъ наемный рабочій превращается въ «самостоятельнаго» производителя.

Итакъ, вотъ простое объясненіе первой половины нашей эволюціонной схемы—отъ фабрики къ кустарю; вторая половина этой схемы совершается на нашихъ глазахъ и идетъ въ обратномъ направленіи—отъ кустаря къ фабрикѣ. Отчего это зависитъ? А оттого, что теперь условія сбыта и техники производства измѣнились. Прежде сбытъ кустарныхъ издѣлій совершался сравнительно легко, и кустарь работалъ изъ покупнаго матеріала; когда же, благодаря развитію промысла, предложеніе товаровъ сильно возросло и сбытъ ихъ сталъ затруднителенъ, а цѣна упала, кустарь потерялъ свою промышленную «самостоятель-

[1]) Не будемъ касаться вопроса о заработной платѣ въ Россіи въ 30, 40-хъ годахъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Приведемъ только отзывъ Гакстгаузена, относящійся къ 40-мъ годамъ: «я полагаю, что не существуетъ страны, гдѣ бы заработная плата въ среднемъ сравнительно была такъ высока, какъ въ Россіи» (Studien über die innern Zustände Russlands. 1847, I 170). Отзывъ Гакстгаузена сильно преувеличенъ, но все же условія продажи рабочей силы въ николаевскую эпоху въ Россіи были благопріятнѣе, чѣмъ въ послѣдующую эпоху.

ность» и превратился въ наемнаго домашняго рабочаго. Переходъ домашней промышленности въ фабрику, новое концентрированіе производства, вызывается измѣненіемъ техники производства. Пока на фабрикѣ господствовалъ ручной трудъ, мелкое производство било крупное. Когда же на фабрикѣ водворилась машина, крупное производство стало бить мелкое. И такимъ образомъ циклъ промышленной эволюціи завершается, и производство снова группируется въ крупныхъ фабрикахъ [1]).

Такова схема нашего промышленнаго развитія, приложимая, разумѣется, далеко не ко всѣмъ отраслямъ производства, но, несомнѣнно приложимая ко многимъ изъ нихъ. Не нужно только забывать, что это лишь схема, а жизнь гораздо сложнѣе и не укладывается въ схемы. Подобныя схемы могутъ облегчать пониманіе чрезвычайной сложности и разнообразія конкретныхъ явленій, но никогда не замѣнятъ изученія послѣднихъ.

Возьмемъ, напримѣръ, эволюцію нашей хлопчатобумажной промышленности. Эта промышленность слагается изъ трехъ составныхъ частей—пряденья, тканья и окраски тканей, и если мы обратимся къ исторіи, то мы увидимъ, что каждая изъ этихъ частей—бумагопряденье, бумажное ткачество и ситцепечатаніе,—имѣетъ свою особую исторію, развивается по своему особому закону.

---

[1]) У насъ любятъ ко всякому обсужденію кустарной промышленности припутывать кстати и некстати связь кустаря съ землей (за послѣднее время это сдѣлалось спеціальностью проф. Яроцкаго). Этотъ экономистъ утверждаетъ, между прочимъ, что «въ Россіи превращеніе кустарей въ простыхъ наемныхъ рабочихъ, только живущихъ и работающихъ въ своихъ помѣщеніяхъ, пока еще не наблюдается... именно потому, что наши кустари не порвали связи съ землей» («Энциклоп. Словарь», 33 томъ, стр. 122). Если бы подъ статьей, откуда взята эта цитата, не стояло имя г. Яроцкаго, мы не повѣрили бы, что она принадлежитъ перу профессора политической экономіи. Очевидно, г. Яроцкій ухитрился, посвятивъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ цѣлую статью кустарной промышленности, просмотрѣть самый капитальный и очевидный фактъ новѣйшей эволюціи кустарнаго производства, на который указываютъ рѣшительно всѣ изслѣдователи кустарной промышленности, а именно превращеніе «самостоятельнаго» кустаря въ наемнаго домашняго работника. Связь кустаря съ землей нисколько не помѣшала этому превращенію, точно такъ же, какъ переходу кустаря на фабрику въ тѣхъ случаяхъ, когда машинный трудъ оказывается для предпринимателя выгоднѣе ручного. Но, разумѣется, связь кустаря съ землей замедляетъ эту, эволюцію къ огромной невыгодѣ самого кустаря, заработокъ котораго, подъ вліяніемъ конкуренціи фабрики, падаетъ до совершенно нищенскаго уровня. Окончательная побѣда фабрики, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ подобная борьба, основанная на пониженіи заработка кустаря, должна наконецъ натолкнуться на непреодолимый предѣлъ—физіологическій минимумъ средствъ существованія. Къ тому же, растущее обезземеленье крестьянъ (особенно замѣтное въ крупныхъ центрахъ кустарнаго производства) лишаетъ кустаря и земли. Замѣтимъ кстати, что и англійскіе ручные ткачи въ былыя времена сидѣли на землѣ—имѣли или арендовали участки земли, что не помѣшало имъ впослѣдствіи превратиться въ фабричныхъ рабочихъ. О значеніи связи кустаря съ землей см. А. Волгинъ. «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова». Отдѣлъ II. Глава II.

Бумагопряденье распространяется въ Россіи въ 20—30 гг. этого вѣка въ формѣ крупнаго фабричнаго производства. Крупная фабрика сохранилась въ бумагопряденьѣ и до нашихъ дней. Бумагопрядильни не породили въ Россіи ни домашняго, ни «самостоятельнаго» кустарнаго бумажнаго пряденія — въ этой отрасли промышленности за все время ея существованія въ Россіи фабрика была единственной формой производства.

Почему-же? Потому, что этого требовали условія техники. Прядильная машина даетъ такія огромныя преимущества машинному труду передъ ручнымъ, что со времени изобрѣтенія прядильной машины, ручное бумагопряденье стало невозможнымъ. По этой причинѣ, бумагопрядильная фабрика, появившаяся у насъ въ то время, когда прядильная машина уже была давно изобрѣтена и усовершенствована. не могла породить мелкаго производства, и указанной эволюціи совсѣмъ не происходило.

Бумажное ткачество начинается у насъ гораздо раньше—въ половинѣ прошлаго вѣка. Ткацкая машина, даже въ Англіи примѣненная къ производству лишь въ началѣ XIX вѣка, менѣе совершенное орудіе, чѣмъ прядильная машина. Ткацкая машина появляется во Владимірской губерніи только въ 40-хъ годахъ этого столѣтія [1]). Поэтому, наше бумаготкацкое производство прошло всѣ фазизы нашей схемы. Началось оно съ фабричнаго производства, превратившагося затѣмъ въ домашнюю промышленность и мелкое «самостоятельное» производство, а въ наше время мы наблюдаемъ обратное — быстрое поглощеніе мелкаго домашняго ткачества фабричнымъ. Но опять-таки, не нужно думать, что эволюція идетъ такъ грубо, какъ это необходимо представляется по всякой схемѣ. На самомъ дѣлѣ, всѣ фазисы нашей схемы наблюдаются одновременно, бокъ-о-бокъ: и въ дореформенной Россіи фабричное ткачество существовало рядомъ съ домашнимъ и кустарнымъ, и въ наше время мы видимъ то же самое. Но прежде мелкое ткачество вытѣсняло крупное, теперь же наблюдается обратное. Прежде кустарь билъ фабрику, теперь фабрика бьетъ кустаря.

Московскіе статистики констатировали, что и теперь легко замѣтить связь между ручными ткацкими фабриками и кустарнымъ ткачествомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ преобладаетъ на фабрикахъ ручное ткачество, «фабричное ткачество не только не подавляетъ кустарный промыселъ, но, наоборотъ, способствуетъ его развитію. Кустарный промыселъ группируется вокругъ крупныхъ ткацкихъ фабрикъ, бо́льшее развитіе фабричнаго ткачества въ каждой данной мѣстности всегда сопровождается бо́льшимъ же развитіемъ кустарнаго... Совсѣмъ не такова роль механическаго ткачества» [2]). Механи-

---

[1]) «Машинное ткачество у насъ еще можно считать предметомъ рѣдкости». Обозрѣніе Выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ 1849. Спб. 1850 стр. 26.

[2]) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ. VIII, вып. 3, стр. 7—8.

ческое ткачество убиваетъ кустарное, и тамъ, гдѣ появляются механическія ткацкія фабрики, кустарный ткацкій промыселъ исчезаетъ.

Наконецъ, въ послѣдней отрасли хлопчатобумажной промышленности, въ ситцепечатаньи, эволюція опять имѣла иной характеръ. Въ этомъ производствѣ, по чисто техническимъ условіямъ, отсутствовалъ промежуточный членъ нашей схемы—наемная домашняя промышленность, отдача работы на домъ. Ситцепечатная фабрика въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка порождаетъ сразу мелкую кустарную набойную избу. Кустарная набойка изъ покупного матеріала развивается въ первое десятилѣтіе этого вѣка, но уже въ 40-хъ годахъ ситцепечатная фабрика, вооружившись новыми машинами, убиваетъ ручную кустарную набойку, и эволюція очень скоро заканчивается полной побѣдой фабрики [1]).

Такимъ образомъ, каждая отрасль промышленности развивается по своимъ особымъ законамъ, въ зависимости отъ характера самаго производства, техники его. Въ то время, какъ въ одномъ производствѣ фабрика быстро получаетъ преобладаніе, въ другихъ на нѣкоторое время торжествуетъ мелкое производство. Насъ не должно удивлять, если мы и въ настоящее время далеко не повсюду замѣчаемъ концентрацію производства, если, какъ указывали московскіе земскіе статистики и другіе наблюдатели, въ нѣкоторыхъ промыслахъ наблюдается обратное—появленіе болѣе мелкихъ промышленныхъ единицъ. Факты такого рода ничего не говорятъ противъ общаго закона—эволюціи промышленности въ сторону фабрики, крупной мастерской, и находятъ себѣ полное объясненіе въ нашей схемѣ. Въ тѣхъ промыслахъ, которые проходятъ еще первую половину эволюціоннаго цикла, производство можетъ раздробляться, но, тѣмъ не менѣе, окончательная побѣда крупнаго производства есть только вопросъ времени. Чѣмъ выше производительность труда, чѣмъ большее примѣненіе находятъ машины, тѣмъ сильнѣе фабрика и тѣмъ непосильнѣе борьба съ ней для мелкаго производителя.

Интересно сравнить промышленную исторію Россіи съ западноевропейской. То научное направленіе, къ которому я принадлежу, подвергается обвиненіямъ въ игнорированіи особенностей русской жизни, въ объясненіи русскихъ фактовъ западно-европейскими шаблонами, готовыми апріорными формулами. Но мы постараемся показать, что обвиненіе это не правлено не по адресу—съ гораздо большей силой оно можетъ быть возвращено самимъ обвинителямъ, повторяющимъ старыя, къ тому же, невѣрно понятыя слова западно-европейской науки. Все наше пресловутое народничество, при всей своей національ-

[1]) Эволюція ситцепечатнаго производства прекрасно описана Несытовымъ въ статьѣ «Колеристы и набойщики Владимірской губерніи. «Памятная книжка Владимірской губерніи 1862 г.». См. также Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ.

стической окраскѣ, является, подобно славянофильству, не болѣе, какъ плохимъ перепѣвомъ западно-европейскихъ мелодій. Возьмемъ хотя бы вопросъ о крупной и мелкой промышленности. На Западѣ въ средневѣковыхъ цехахъ мы видимъ стройную организацію мелкаго производства. Городская мелкая промышленность, въ эпоху процвѣтанія цехового строя, представляла собой удивительно гармоническое цѣлое. Интересны производства и потребленія, мастеровъ и наемныхъ рабочихъ, получаютъ одинаковую охрану, никто не имѣетъ несправедливыхъ преимуществъ передъ другими. Средневѣковая городская жизнь, дѣйствительно, имѣла въ себѣ нѣчто весьма привлекательное, и средновѣковой ремесленникъ, зажиточный и независимый, свободный членъ городской общины, умѣвшій твердо стоять за свои права и не боявшійся ни феодаловъ, ни короля, является такой фигурой, которая внушаетъ намъ уваженіе и сочувствіе, исчезновеніе которой съ исторической арены можетъ вызывать сожалѣніе.

Весь этотъ строй покоился на близости потребителя и производителя [1]); торговецъ не игралъ никакой роли въ повседневномъ обиходѣ городской жизни—ремесленникъ частью работалъ по заказамъ потребителей, частью самъ продавалъ имъ заготовленныя издѣлія. Руководящую роль играло дѣйствительно самостоятельное мелкое производство, не подчиненное ни промышленному, ни торговому капиталу. Цеховой мастеръ не былъ ни русскимъ кустаремъ, отгороженнымъ отъ рынка скупщикомъ, ни наемнымъ фабричнымъ рабочимъ. На этой культурной почвѣ создалась пословица «Das Handwerk hat goldenen Boden»—у ремесла золотое дно.

Это мелкое самостоятельное производство, державшееся такъ прочно въ теченіе многихъ вѣковъ и имѣвшее такое огромное значеніе въ культурномъ строѣ своей эпохи, не только не было созданіемъ капитализма, но съ самаго начала было естественнымъ антагонистомъ послѣдняго. Капитализмъ разрушилъ средневѣковую идиллію, разбилъ цеховую организацію, гармонію интересовъ замѣнилъ классовой борьбой. Возникъ современный соціальный строй, съ характернымъ для него отдѣленіемъ производителя отъ средствъ производства. Мелкое производство потеряло подъ собой почву, и руководящая роль перешла къ капиталистической промышленности.

Исчезновеніе стариннаго ремесла въ западной Европѣ было фактомъ несомнѣнно прогрессивнымъ; но вполнѣ естественно, что та школа западно-европейскихъ экономистовъ, которая склонна къ соціальному романтизму, скорбитъ о гибели цеховаго строя и мелкаго производства.

---

[1]) «Ремесло и городъ находятся во взаимной связи. Поэтому мы находимъ ремесло, развившееся на національной почвѣ, только у тѣхъ народовъ, у которыхъ существовала въ свое время городская жизнь: въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи»: K. Bücher. Gewerbe. Handwörterbuch der Staatswissenchaften, 939.

Сошедшая со сцены фигура цеховаго ремесленника легко можетъ внушать симпатіи и сожалѣнія.

Вернемся теперь къ Россіи. Наши руководящіе экономисты, соціологи и публицисты давно признали за несомнѣнную истину, что «если капитализмъ и имѣетъ какую-либо общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ чисто отрицательную» [1]). Капитализмъ въ Россіи только разрушаетъ, а ничего не созидаетъ—это повторяется и г-номъ В. В., и Николай—ономъ, и многими другими. Послѣ всего сказаннаго легко видѣть, что это воззрѣніе на культурную миссію и значеніе нашего капитализма основывается на полномъ незнакомствѣ съ русской промышленной исторіей и перенесеніи къ намъ плохо понятаго западноевропейскаго шаблона. На Западѣ капитализмъ, будучи могучимъ прогрессивнымъ факторомъ, въ то же время разрушилъ культурный строй, основанный на господствѣ мелкаго самостоятельнаго производства. Можно признать, что этотъ исчезнувшій строй имѣлъ въ себѣ нѣкоторыя симпатичныя черты и въ свою лучшую эпоху гарантировалъ извѣстную зажиточность мелкому производителю. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Россіи. Наше мелкое производство, какъ мы старались показать, въ огромной мѣрѣ дѣтище того же капитализма, созидающую роль котораго просмотрѣли наши экономисты. Культурное значеніе капитализма въ Россіи, поэтому еще важнѣе, чѣмъ на Западѣ. Наша фабрика возникла не на развалинахъ ремесла, а, напротивъ, сама создала многіе новые промыслы и ремесла; крестьянская промышленность Московкой Руси, вполнѣ подчиненная скупщику-торговцу, не имѣетъ никакого сходства съ городской промышленностью Запада, точно такъ же, какъ нашъ кустарь-земледѣлецъ той эпохи, крѣпостной помѣщика или государства, очень мало напоминаетъ свободолюбиваго горожанина цеховой эпохи. Потому, даже соціальнымъ романтикамъ въ Россіи не приходится грустить о прежнемъ времени. Развитіе капиталистической промышленности означаетъ у насъ не замѣну одного культурнаго строя другимъ (какъ въ западной Европѣ), а переходъ отъ некультурности къ культурѣ. И потому миссія капитализма въ Россіи не только не была «чисто отрицательной», а, напротивъ, именно въ Россіи наиболѣе ясно, какимъ важнымъ факторомъ промышленнаго прогресса, поднятія производительности національнаго труда, является капиталистическая фабрика и крупное производство.

Мы отнюдь не забываемъ о многихъ отрицательныхъ явленіяхъ, сопровождающихъ развитіе капитализма въ Россіи, какъ и въ западной Европѣ. Мы настаиваемъ только на томъ, что видѣть одни эти отрицательныя явленія и забывать культурное значеніе капиталистической промышленности—значитъ не понимать смысла всей новѣйшей экономической и общественной эволюціи.

---

[1]) «Отечественныя Записки», 1883 г. Письмо въ редакцію Посторонняго.

Что касается до неблагопріятнаго дѣйствія развитія капитализма на многіе очень важные интересы различныхъ общественныхъ группъ, паденія благосостоянія народной массы, ухудшенія положенія производителя и пр., то мы видимъ только одно средство помочь всему этому—дальнѣйшее развитіе капиталистическаго производства. Фраза автора «Капитала»: «мы страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія», сказанная въ 1867 г. о Германіи, въ еще большей мѣрѣ примѣнима къ современной Россіи. Капитализмъ не есть завершеніе всей экономической эволюціи и фабрика — не конечный пунктъ промышленнаго развитія. Но черезъ капитализмъ и фабрику нужно пройти; самый трудный моментъ этого пути—первыя шаги машиннаго производства, когда идетъ борьба съ ручнымъ трудомъ и отсталыми формами промышленности. Какъ показываетъ примѣръ западной Европы, дальнѣйшіе фазисы капиталистическаго развитія сопровождаются болѣе благопріятными послѣдствіями для интересовъ народной массы. Главное же дѣло въ томъ, что капитализмъ ведетъ къ созданію иного и высшаго экономическаго строя, болѣе соотвѣтствующаго интересамъ производителя, чѣмъ прежнее мелкое производство или современное крупное, и путь къ этому новому строю лежитъ черезъ капитализмъ.

М. Туганъ-Барановскій.

«НОВОЕ СЛОВО», № 7, о. п. 1897

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

II. Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому.

Щедринъ неоднократно говорилъ о безплодности обращеній къ прошлому—разумѣя подъ такими обращеніями приглашеніе реставрировать прошлое. Къ сожалѣнію, такія попытки не всегда безплодны; къ сожалѣнію, онѣ часто удаются. То, что мы называемъ прошлымъ, что составляло дѣйствительность вчерашняго дня, нерѣдко есть не прошлое, а могущественная, хотя и отживающая, сила настоящаго.

За всякимъ *теоретическимъ* обращеніемъ къ прошлому скрывается задняя мысль практическаго свойства. Наши «охранители» въ 60-хъ, 70-хъ и въ 80-хъ гг. вздыхали, да и теперь еще вздыхаютъ по прошломъ, хотя имъ, повидимому, нечего было бы жаловаться на дѣйствительность вчерашняго и текущаго дня. Но дѣйствительность—стихія, и эта стихія измѣняется не въ ихъ пользу. Съ другой стороны, и люди противоположнаго направленія съ сожалѣніемъ обращаются къ прошлому, ко времени нашего «возрожденія». Мы понимаемъ элегическое настроеніе людей, пережившихъ 60-е гг. И мы, по волѣ судебъ не могущіе и вспоминать этого времени, часто впадаемъ въ такое настроеніе. Да и безъ всякихъ воспоминаній намъ часто дѣлается жутко. Настоящее даетъ достаточно пищи для самаго тягостнаго состоянія духа. Мы понимаемъ и по человѣчеству сочувственно отзываемся на безчисленныя пессимистическія ноты, раздающіяся въ нашей литературѣ. Конечно, рѣчь идетъ о той литературѣ, которая не проповѣдуетъ изо дня въ день, что потокъ усложняющейся, развивающейся и раздвигающейся жизни необходимо ввести и постоянно вводить въ разъ навсегда установленное русло. Пессимизму, звучащему въ такого рода проповѣди, мы, наоборотъ, радуемся—этотъ пессимизмъ вытекаетъ изъ того же источника, которымъ питается нашъ собственный оптимизмъ.

Итакъ, мы проговорились: мы оптимисты. Въ самомъ тягостномъ для насъ лично положеніи мы готовы твердить: eppur si muove. А все-таки жизнь движется впередъ. И этого движенія не остановить ничѣмъ.

Оптимизмъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ проповѣдью «отрадныхъ явленій» и съ «реабилитаціей дѣйствительности», противъ которой боролся Шелгуновъ; онъ питается одинаково и «отрадными» и

«безразличными» и даже «безотрадными» явленіями. Нѣкоторыми безотрадными, пожалуй, даже больше, чѣмъ самыми отрадными.

На изложеніе такихъ мыслей насъ навела статья г. Чичерина: «Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго» («Вопросы философіи и психологіи», январь—февраль 1897 г.). Она тоже представляетъ собой обращеніе къ прошлому. Я сказалъ уже въ послѣдней книжкѣ «Новаго Слова», что въ этой статьѣ г. Чичеринъ проявилъ легкомысліе, которое не только возмущаетъ, столько поражаетъ. Перечитывая вновь статью г. Чичерина, я продолжалъ изумляться легкомыслію и смѣлости его, доходящимъ прямо до... неприличія.

Г. Чичеринъ интересная фигура въ нашей литературѣ. Замѣчательный ученый съ крупнымъ литературнымъ дарованіемъ и широкимъ философскимъ образованіемъ, онъ не замкнулся въ узкую сферу своей спеціальности—государственнаго права и его исторіи. Онъ философъ-энциклопедистъ по своимъ интересамъ и по затрогиваемымъ въ его трудахъ вопросамъ. Но какъ неспеціалистъ, какъ философъ и публицистъ, г. Чичеринъ напоминаетъ по своей судьбѣ барона Брамбеуса (О. И. Сенковскаго), о которомъ авторъ «Очерковъ Гоголевскаго періода» писалъ: «Грустнымъ, но поучительнымъ примѣромъ можетъ служить для русскихъ писателей исторія литературной дѣятельности барона Брамбеуса: имѣть столько дарованій—и растратить ихъ совершенно понапрасну, безъ всякой пользы для литературы; между тѣмъ какъ даже наименѣе даровитые писатели часто приносили у насъ нѣкоторую пользу, заслужили себѣ право на нѣкоторую признательность,—это грустно; имѣть столько силы—и не оказать рѣшительно никакого вліянія, между тѣмъ, какъ писатели съ самымъ незначительнымъ запасомъ силъ имѣли у насъ свою долю вліянія, утвердили за собою мѣсто въ исторіи литературы—это грустно, это покажется почти невѣроятно людямъ, которые не будутъ уже, подобно нашему поколѣнію, очевидцами явленія, столь не натуральнаго». (Очерки Гоголевскаго періода русской литературы, изд. 2-е, Спб., 1893, стр. 52). Такая судьба г. Чичерина, такіе итоги его философской и общественно-публицистической дѣятельности, конечно, объясняются совершенно иначе чѣмъ «грустный и поучительный примѣръ», представляемый исторіей литературной дѣятельности барона Брамбеуса. Случай г. Чичерина гораздо болѣе трагическій, конечно, не съ личной, а съ общественной точки зрѣнія.

Но знаетъ ли читатель, что такое г. Чичеринъ?

Г. Чичеринъ—ученикъ Грановскаго, корсервативный либералъ или либеральный консерваторъ. У него есть два сильнѣйшія умственныя пристрастія. Одно положительное—къ метафизикѣ. Другое отрицательное—къ соціализму или, точнѣе, ко всему тому, что г. Чичерину кажется соціализмомъ. А что только въ нашъ соціальный вѣкъ не можетъ *показаться* соціализмомъ? Извѣстно, что англійскій государствен-

ный дѣятель сэръ Уильямъ Гаркортъ, бывшій членъ либеральнаго министерства Гладстона и Розберри, сказалъ въ парламентѣ: We are all socialists now. Мнѣ кажется, что это часто цитируемое изреченіе теперешняго лидера англійской оппозиціи служитъ довольно выразительнымъ доказательствомъ той неопредѣленности, до которой въ настоящее время дошло употребленіе слова, столь сильно дѣйствующаго на нервы г. Чичерина. Ему самому въ дѣйствіяхъ и планахъ московскаго губернскаго земства чудится «бюрократическій соціализмъ». Le éxtrêmes se touchent. Неразборчивымъ употребленіемъ слова «соціализмъ» и отыскиваніемъ этого «изма» тамъ, гдѣ его нѣтъ и слѣда, прегрѣшали нѣкоторые и даже очень извѣстные соціалисты. Особенно забавно и, если хотите, мило выходило это у Рара Cabet. Обличеніе г. Чичерина звучитъ сурово (а откликъ «Московскихъ Вѣдомостей» еще хуже), тогда какъ рѣчи Рара были проникнуты добродушіемъ, поистинѣ трогательнымъ.

«Кабе въ своемъ «Voyage en Icarie» въ 12-ой и 13-ой главѣ смѣшиваетъ въ одну кучу мнѣнія старыхъ и новыхъ авторитетовъ въ пользу соціализма. Онъ вовсе не заявляетъ претензіи изобразить историческое движеніе. Соціализмъ представляется французскому буржуа безпокойной особой. Хорошо, говоритъ Кабе, я вамъ приведу свидѣтельства самыхъ респектабельныхъ людей всѣхъ временъ, которые ручаются за характеръ моего кліента, и Кабе поступаетъ, какъ адвокатъ. Даже самые невыгодныя для его кліента свидѣтельскія показанія онъ превращаетъ въ благопріятныя. Исторической вѣрности нельзя требовать въ защитительной рѣчи. Если какой-нибудь знаменитый человѣкъ при случаѣ однажды бросилъ слово противъ денегъ, противъ неравенства, противъ богатства, противъ соціальнаго неустройства, Кабе подхватываетъ это слово, проситъ его повторить, превращаетъ его въ исповѣданіе вѣры знаменитаго человѣка, печатаетъ это заявленіе, хлопаетъ въ ладоши и съ ироническимъ добродушіемъ (bonhommie) кричитъ своему обозленному буржуа: Ecoutez, écoutez, n'était-il pas communiste. Отъ Кабе не спасается никто, ни Монтескье, ни Сіэсъ, ни Ламартинъ, ни даже Гизо, все это коммунисты malgré eux. Voila mon communiste tout trouvé. (Anti-Grün К. Маркса въ Westphälisches Dampferot 1847, S. 515).

Г. Чичеринъ гораздо строже, чѣмъ Рара Cabet, но онъ такъ же неразборчивъ. Les éxtrêmes se touchent.

Возвращаюсь къ литературной судьбѣ г. Чичерина.

Изъ русскихъ мыслителей 40-хъ гг., стоявшихъ въ первыхъ рядахъ литературы того времени и дѣйствительно двигавшихъ ее, до «возрожденія» и новой эры дожилъ лишь Герценъ. Бѣлинскій и Грановскій умерли физической смертью, первый въ 1848 г., второй въ 1855 г. Боткинъ—для литературы пересталъ существовать. Какъ Герценъ продолжалъ традицію 40-хъ гг., извѣстно. Проведеніе идей Бѣлинскаго,

сложившихся во вторую эпоху его литературнаго творчества, выпало на долю представителей слѣдующаго поколѣнія. Они (Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ) каждый на свой ладъ продолжали дѣло Бѣлинскаго. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать по существу дѣятельность каждаго изъ нихъ. Это будетъ сдѣлано въ нашемъ журналѣ въ другомъ мѣстѣ, сдѣлано въ полномъ сознаніи того, что наше время весьма и весьма нуждается въ ретроспективныхъ обозрѣніяхъ и оцѣнкахъ русской жизни.

Не знаемъ, какую общественную позицію занялъ бы Грановскій въ нашей литературѣ, если бы дожилъ до «эмансипаціи» и 60-хъ гг. Но г. Чичеринъ, который въ обращеніи къ «свѣтлому образу Грановскаго, чуждаго всякой односторонности, умѣвшаго соединять живое сочувствіе къ Западу и его жизни съ пламенною любовью къ Россіи и яснымъ сознаніемъ ея потребностей», видитъ «отрадное явленіе» «въ настоящее смутное время»,—г. Чичеринъ помѣстился на крайнемъ правомъ флангѣ прогрессивнаго теченія русской жизни въ эпоху освобожденія. Онъ былъ гораздо консервативнѣе Каткова. Онъ въ «Нашемъ Времени» Н. Ф. Павлова рѣзко полемизировалъ съ современной лѣтописью «Русскаго Вѣстника». Онъ отстаивалъ *противъ Каткова* сословный строй. «Русскій Вѣстникъ», увлекавшійся идеями англійскихъ публицистовъ, находилъ въ то время вредными горизонтальныя, т.-е. сословныя раздѣленія народа и безвредными—вертикальныя, т.-е. раздѣленія на партіи. Аргументы г. Чичерина въ его полемикѣ съ Катковымъ были аргументами *реалистическаго* консерватизма, твердо усвоившаго себѣ, однако, извѣстныя начала либерализма. Вотъ какъ разсуждалъ тогдашній московскій профессоръ:

«Всякая политическая организація основана на распредѣленіи существующихъ въ народѣ общественныхъ силъ. Уничтожить существующую организацію можно только тогда, когда силы перемѣстились, когда возможно замѣнить ее новою, столь же крѣпкою, какъ и прежняя. Наслѣдственность положенія есть политическая сила; юридическая опредѣленность сословій есть также сила, потому что она сословію сообщаетъ крѣпость, единство и вѣсъ. Отбросить эти двѣ силы, какъ обветшалыя, можно только тогда, когда личные и свободные элементы общества получили довольно крѣпости, чтобы жизненною своею организаціей служить разумною опорою для государства. Тогда можно обойтись безъ юридическихъ перегородокъ; тогда сословія превращаются въ классы; тогда является преобладаніе средняго сословія, котораго сущность заключается въ этихъ элементахъ. Уничтожать же наслѣдственность и юридическія границы, пока свободныя силы еще не образовались и не устроились, значитъ установлять шаткость всѣхъ отношеній и водворять анархію въ обществѣ. Въ настоящее время, при отмѣнѣ крѣпостного права, при совершенномъ измѣненіи хозяйственныхъ и юридическихъ отношеній двухъ главныхъ сословій въ государствѣ, при томъ броженіи, ко-

торое господствуетъ въ обществѣ, и безъ того трудно сказать, на что можно опереться, за что можно ухватиться. Опрокиньте остальныя грани, расшатайте зданіе во всѣхъ его концахъ, подъ предлогомъ послѣдовательнаго развитія началъ, тогда исчезнетъ послѣдняя возможность справиться съ бродячими стихіями и установить какой-нибудь порядокъ; тогда нѣтъ предѣла произволу и случайностямъ. Тѣ немногія силы, которыя, соединенныя и организованныя, могли бы получить вѣсъ и служить центромъ тяжести при общественномъ шатаніи, распущенныя въ массѣ, потеряютъ свою крѣпость. Тогда всплыветъ та пѣна, которая обыкновенно выбрасывается наверхъ общественнымъ броженіемъ. При отсутствіи у насъ самыхъ элементарныхъ понятій о правѣ, о потребностяхъ порядка, объ общественномъ устройствѣ, при паденіи всякихъ твердыхъ преградъ, всякихъ положительныхъ точекъ опоры, выдвинутся впередъ съ неотразимою силою самые легкомысленные планы и самыя мечтательныя притязанія. *Хаосъ—вотъ въ настоящее время единственное возможное послѣдствіе господства пресловутаго земства»* [1]).

Сильно сказано, и. г. Чичеринъ, по совѣсти, не можетъ отрицать теперь, что онъ въ своемъ охранительномъ усердіи шибко увлекался. Но, несмотря на эти увлеченія, въ его аргументаціи заслуживаютъ вниманія рѣдкія въ то время реалистическія нотки.

Слѣдующими чертами г. Чичеринъ характеризовалъ политическое значеніе и призваніе дворянства въ Россіи.

«Дворянство... единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ какое-нибудь сознаніе своихъ правъ. Это сознаніе выработалось у него исторически. Дворянство издавна чувствовало себя первымъ сословіемъ государства, первою опорою престола, какъ сказано въ нашихъ законахъ; оно владѣло 20 милліонами крѣпостныхъ людей, которыми распоряжалось самовольно; оно въ губерніяхъ играло и играетъ первенствующую роль; дворянинъ считалъ себя безконечно выше всѣхъ другихъ сословій. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому примѣшивались грубые предразсудки, что дворянинъ сознаніе своихъ правъ доводилъ до самаго дикаго произвола, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, онъ нерѣдко унижался до полнаго раболѣпства; нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право налагало на дворянство печать безнравственности и во многихъ отношеніяхъ было для него болѣе ярмомъ, нежели привилегіей, но несомнѣнно и то, что изъ этого положенія развилось въ дворянствѣ такое сознаніе правъ, какого нѣтъ въ другихъ сословіяхъ. А это, въ соединеніи съ образованіемъ, дѣлаетъ дворянство единственнымъ возможнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Россіи. Въ

---

[1]) Нѣсколько современныхъ вопросовъ (Сборникъ статей). Москва, 1862 г. Статья: Что такое среднее сословіе, стр. 139—140. Статья эта была напечатана въ газетѣ «Наше Время». Курсивъ нашъ. *Novus.*

немъ одномъ есть зародышъ политической жизни. Если все въ государствѣ, сверху донизу, не должно быть возложено на одно правительство, если общественныя силы должны быть призваны къ участію въ политической жизни, то имѣть такого дѣятеля—дѣло первостепенной важности какъ для правительства, такъ и для народа; а чѣмъ менѣе распространенъ въ обществѣ политическій смыслъ, чѣмъ менѣе людей, способныхъ къ общественной дѣятельности, тѣмъ необходимѣе, чтобы они соединялись въ одно организованное тѣло, проникнутое общимъ духомъ, носящее въ себѣ преданія и сознающее свою честь и свои права» [1]).

Это писалось въ то время, когда освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшія реформы ставили на пробу «политическій смыслъ» дворянства. Такъ, какъ состоялись эти реформы, онѣ означали собой безповоротное пораженіе сословнаго начала вообще и дворянства въ частности бюрократизмомъ. Этому пораженію въ связи съ чисто экономическими результатами истекшаго тридцатипятилѣтія г. Чичеринъ недавно съ большимъ мужествомъ передъ фактами самъ подвелъ итоги въ статьѣ, помѣщенной въ № 28 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за текущій годъ.

Г. Чичеринъ оказался для своего времени въ одно и то же время слишкомъ консервативенъ (всеобщая воинская повинность представлялась ему невѣроятно смѣлой реформой. о судѣ присяжныхъ онъ и не мечталъ) и слишкомъ либераленъ.

Тогдашніе оппоненты г. Чичерина по поводу его утвержденія, что у русскаго дворянства сознаніе своихъ правъ развилось изъ крѣпостнаго строя, ехидно замѣчали: вотъ какъ г. Чичеринъ хвалитъ свое излюбленное дворянство. Они, повидимому, не понимали, что г. Чичеринъ весьма реалистически и совершенно правильно подмѣтилъ связь между двумя явленіями дѣйствительности. Его оппоненты были раціоналистами, онъ былъ реалистомъ. Ихъ теоретическіе предпосылки никуда не годились, но они правильно понимали общественное настроеніе и запросы времени, а г. Чичеринъ со всѣми своими реалистическими воззрѣніями попалъ въ тупой переулокъ и строилъ либерально-охранительную утопію. Его книга «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» [2]) любопытный образецъ соединенія теоретическаго реализма съ практическимъ докринерствомъ. Его охранительный либерализмъ былъ безпочвеннымъ: въ русской дѣйствительности не нашлось *реальной* силы, на которую онъ могъ бы опереться. Въ этомъ отношеніи г. Чичеринъ полная противоположность Каткову. Когда послѣдній сдѣлался силой, г. Чичеринъ сталъ къ нему въ оппозицію—и этотъ фактъ самъ по себѣ краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій, говоритъ

[1]) Тамъ же, статья «Русское дворянство», стр. 89—90.

[2]) Характерно, что она до сихъ поръ *не распродана*.

о доктринерскомъ характерѣ Чичеринскаго либеральнаго консерватизма 60-хъ гг.

Г. Чичеринъ въ 60-хъ гг. хотѣлъ быть русскимъ Эдмундомъ Беркомъ, но таковой оказался по ходу русской жизни излишнимъ. Такимъ образомъ къ г. Чичерину можетъ быть съ полнымъ правомъ примѣнено знаменитое выраженіе: онъ явился красивой и очень «умной ненужностью».

Весь характеръ нашихъ общественныхъ отношеній за время съ 1861 г. объясняетъ, почему тотъ кругъ политическихъ и соціальныхъ идей, представителемъ котораго являлся и является г. Чичеринъ, не могъ быть вліятельнымъ въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ гг. Объ этомъ можно, съ извѣстной точки зрѣнія, сожалѣть, но это историческій фактъ. Защищая сословный строй противъ Каткова, г. Чичеринъ отдавалъ дань исторической точкѣ зрѣнія и проявлялъ «историческій смыслъ», но въ то же время онъ былъ и остался безпримѣснымъ *либераломъ*. Въ эпохи разложенія докапиталистическихъ экономическихъ отношеній либерализмъ неизбѣжно долженъ воспринимать въ себя посторонніе элементы. Нѣмецкій либерализмъ 40-хъ гг. имѣлъ сильную соціальную окраску, отличаясь ею отъ рѣзко выраженнаго буржуазнаго либерализма Франціи; въ Россіи въ началѣ 60-хъ гг. на время появился и быстро исчезъ послѣдовательный экономическій либерализмъ, а засимъ со второй половины 60-хъ гг. начался процессъ взаимоприспособленія либерализма и народничества, закончившійся лишь въ 80-хъ гг. И то и другое явленіе—какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи — объясняется критическихъ характеромъ данной эпохи въ экономическомъ отношеніи и недостаточно опредѣлившейся дифференціаціей общественной среды. Въ обоихъ случаяхъ чистый либерализмъ не удовлетворялъ потребностямъ ни одной изъ крупныхъ общественныхъ группъ, границы между которыми въ то же время сливались. Неопредѣленная, окрашенная соціальными тенденціями идеологія, находившая себѣ откликъ въ массѣ интеллигенціи, гораздо болѣе—несмотря на всю неопредѣленность, а пожалуй, отчасти, благодаря ей—соотвѣтствовала требованіямъ времени, чѣмъ стройная система умѣреннаго либерализма съ рѣзко буржуазной окраской.

Этотъ чистый либерализмъ характернѣе для политическаго міросозерцанія г. Чичерина, чѣмъ «историческія» слабости. Либерализму г. Чичерина чуждъ всякій демократизмъ; онъ никогда не сдѣлалъ ни одной уступки народничеству. Въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ онъ пребылъ твердъ въ вѣрѣ Бастіа и Молинари, и являетъ любопытное зрѣлище едва ли не единственнаго въ Россіи теоретика-манчестерца [1]).

[1]) Прежде г. Чичеринъ былъ даже менѣе непреклоненъ въ своемъ экономическомъ либерализмѣ, чѣмъ теперь. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе его «Очерковъ Англіи и Франціи» (1858), гдѣ онъ сочувственно цитируетъ Милля (стр. 146—151), съ «Соціологіей» (1896), экономическій отдѣлъ который въ особенности производитъ впечатлѣніе какой-то литературной окаменѣлости.

Тутъ само собой напрашивается сравненіе между Кавелинымъ и г. Чичеринымъ. Кавелинъ, на котораго въ рѣшительную эпоху выработки реформъ 60-хъ гг. огромное вліяніе оказалъ Герценъ [1]), превратилъ заимствованное у послѣдняго смѣлое, почти геніальное смѣшеніе славянофильства и передовыхъ западническихъ идей въ эклектическую либерально-народническую кашицу. Онъ никогда не былъ ни настоящимъ народникомъ [2]), ни настоящимъ либераломъ. Отсутствіемъ либерализма онъ въ концѣ концовъ оттолкнулъ отъ себя Герцена. Но все-таки даже общественно-политическій эклектизмъ Кавелина пришелся русскому обществу гораздо болѣе ко двору, чѣмъ реалистическій либеральный консерватизмъ г. Чичерина. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Кавелинъ, далеко уступавшій и по дарованіямъ, и по учености г. Чичерину, и при жизни пользовался, и по смерти пользуется гораздо большимъ вліяніемъ и извѣстностью. По той же причинѣ не Чичеринскій либерализмъ, а либерализмъ «Вѣстника Европы», перешедшаго къ Кавелинскому эклектизму, но съ гораздо большимъ, впрочемъ, умѣніемъ и тактомъ развивавшаго его, игралъ и играетъ до сихъ поръ руководящую роль среди умѣренныхъ элементовъ нашего прогрессивнаго лагеря, — «Вѣстникъ Европы» въ лицѣ своей лучшей литературной силы очень искусно ассимилировалъ русскому либерализму нѣкоторые существенные элементы народническаго и катедерсоціалистическаго воззрѣнія на экономическія отношенія. Мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы либерализмъ, какъ доктрина и система, выигралъ отъ претворенія народническихъ элементовъ, но такое претвореніе опять-таки историческій фактъ, который можно разно оцѣнивать, но нельзя оспаривать.

Итакъ г. Чичеринъ не только не оказался во главѣ крупнаго общественнаго теченія,—а по своимъ выдающимся умственнымъ силамъ онъ былъ вполнѣ способенъ на такую роль,—его литературная дѣятельность въ качествѣ публициста и политическаго мыслителя прошла почти безслѣдно для русскаго общества, его мало читали, съ его идеями почти вовсе не считались. Это обстоятельство, я думаю, объясняется отчасти и нѣкоторыми индивидуальными особенностями г. Чичерина, какъ литератора. Онъ всегда съ большимъ ожесточеніемъ

---

[1]) «Никто лучше тебя не сказалъ того, что я думалъ и чувствовалъ... Твои пророчества о Россіи и Европѣ скоро станутъ истинами, хотя теперь не многіе еще это понимаютъ»—писалъ К—нъ Г—ну въ 1859 г. Расходясь съ Г—номъ, К—нъ писалъ (въ 1862 г.): «Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизусть, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ». Въ противоположность Кавелину, г. Чичеринъ еще въ 1858 г. выступилъ съ рѣзкимъ письмомъ къ Герцену, которымъ открывается сборникъ «Нѣсколько современныхъ вопросовъ».

[2]) О томъ, въ какой мѣрѣ взгляды Кавелина не удовлетворяли народниковъ «Отечественныхъ Записокъ», см. любопытныя воспоминанія г. Кривенко въ его біографіи Салтыкова. То было, конечно, время расцвѣта народничества, какъ общественнаго направленія. Теперь настали иныя времена.

билъ налѣво, чѣмъ направо, и за этотъ тактическій грѣхъ пріялъ наказаніе. Кромѣ того, замахиваясь налѣво, г. Чичеринъ проявлялъ и проявляетъ такую неумѣренность, такой полемическій пылъ, который ведетъ къ тому, что мы выше позволили себѣ безъ деликатничанья назвать легкомыслiемъ и неприличiемъ. Никто не запрещаетъ г. Чичерину быть метафизикомъ-гегельянцемъ и считать свои взгляды абсолютной истиной, никто не мѣшаетъ ему относиться отрицательно къ соціализму. Это его доброе право. Конечно, говорить съ пѣной у рта о своихъ литературныхъ противникахъ и отрицать у нихъ «всякое серьезное знаніе» тоже право г. Чичерина, но это право нельзя квалифицировать иначе, какъ privilegium odiosum.

Полемическая неумѣренность г. Чичерина и его невообразимое самомнѣніе давно уже отмѣчены въ нашей журналистикѣ. Еще авторъ «Очерковъ Гоголевскаго періода», разбирая «Очерки Англіи и Франціи», писалъ объ ихъ авторѣ:

«Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ, тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: «Вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы всѣ ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня, единственнаго умнаго человѣка между вами». (Г. Чичеринъ, какъ публицистъ. «Современникъ» 1859, май, стр. 80, отд. «Современное Обозрѣніе»). Тѣ же свойства отмѣчали другіе критики г. Чичерина: Н. В. Альбертини (въ «Отечественныхъ Запискахъ») и А. Г—фовъ (въ «Русскомъ Словѣ»). Первый изъ нихъ писалъ: «Своими критиками—а критиковъ у него много—г. Чичеринъ очень недоволенъ. Однажды—это было въ газетѣ Николая Филипповича Павлова—онъ бросилъ имъ такое возраженіе: «низкія души понимаютъ одни лишь подлыя побужденія». Это относилось къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ называетъ «уличными либералами», «презрѣнными гадами, вздымающими свои змѣиныя головы», и въ словахъ которыхъ ему слышится только «шипѣніе пресмыкающихся», но съ неменьшимъ правомъ, зная по сочиненіямъ г. Чичерина степень его терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, каждый изъ его критиковъ могъ приложить къ самому себѣ всѣ эти прелестные эпитеты. Г. Чичеринъ адресовалъ ихъ прямо къ тѣмъ людямъ, которые не признаютъ въ немъ авторитета, которые «питаютъ непримиримую ненависть ко всему, что возвышается надъ толпою», что «составляетъ гордость народа и украшеніе человѣчества», которые будто бы подо-

зрѣваютъ «свободу его мысли и благородство его чувствъ». Явно, что тутъ дѣло шло о критикахъ г. Чичерина, которые всѣ, начиная съ серьезныхъ литераторовъ, участвующихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и оканчивая веселыми сотрудниками «Гудка», имѣли несчастіе не соглашаться съ мнѣніями г. Чичерина, не признавать его авторитета и не преклоняться передъ тѣмъ, кто считаетъ себя «гордостью народа и украшеніемъ человѣчества». (Н. В. Альбертини. Особенное направленіе въ наукѣ и журналистикѣ. «Отечественныя Записки» 1863 г., февраль, стр. 95—96 II-го отд.).

Публицистъ «Русскаго Слова» А. Г—фовъ не безъ остроумія характеризовалъ г. Чичерина и ближайшихъ къ нему публицистовъ Каткова и Павлова:

«Москва одновременно подарила намъ трехъ великихъ публицистовъ, которымъ ничего равнаго не представляетъ ни столица Японіи, ни столица Китая. Чтобы появиться на свѣтъ такимъ глубокимъ мыслителямъ по части политическихъ вопросовъ, нужна была особенная внѣшняя обстановка—соединеніе воспоминаній Красной площади съ преданіями Кремля, Царь-пушки съ Царемъ-колоколомъ, Ивана Корейши съ Ѳедоромъ Буслаевымъ, немножко татарской физіономіи и немножко европейской; точно въ такой же пропорціи должны были соединиться и умственные элементы для образованія этихъ трехъ публицистовъ: немножко философіи Гегеля на огромную дозу риторики Кошанскаго, нѣсколько классической мудрости съ значительнымъ количествомъ учебной рутины старой кіевской бурсы, отчасти судебника Ивана Грознаго и отчасти конституціонной хартіи Англіи. Соединеніе это кажется намъ тѣмъ оригинальнѣе, что не производитъ ни малѣйшаго диссонанса въ московской литературѣ и въ ея геркулесахъ, какъ будто все это такъ и должно быть. Каждый изъ этихъ публицистовъ имѣетъ свое міросозерцаніе казеннаго свойства, свое либеральное направленіе, состоящее изъ тенденцій нѣмецкой бюрократіи, англійскаго аристократизма и русскаго городничества. Читатель, конечно, догадывается,что мы говоримъ о трехъ свѣтилахъ первой величины—гг. Катковѣ, Павловѣ и Чичеринѣ».

Но при этомъ и «Русскее Слово» не преминуло отмѣтить у г. Чичерина «одно драгоцѣнное качество, какого Богъ не послалъ въ той же мѣрѣ ни г. Каткову, ни г. Павлову». «Это качество—необыкновенная смѣлость приступа, когда дѣло касается враговъ его убѣжденій». (А. Г—фовъ. Чичеринъ и его философія. «Русское Слово» 1863, февраль).

Г. Чичеринъ полемизируетъ съ г. Вѣтринскимъ, который въ извѣстной размолвкѣ Грановскаго съ Герценомъ по вопросу о соціализмѣ видитъ непослѣдовательность со стороны Грановскаго. Мы согласны съ г. Чичеринымъ, что непослѣдовательности тутъ никакой не было; мы видимъ, наоборотъ, въ сопротивленіи Грановскаго противъ соединенія

несоединимыхъ западническихъ и славянофильскихъ элементовъ въ общественной философіи Герцена проявленіе логической послѣдовательности и истиннаго историческаго смысла.

Возражая г. Вѣтринскому, г. Чичеринъ пишетъ:

«Въ дѣйствительности, послѣдовательность Герцена была только односторонностью, а послѣдовательность позднѣйшихъ писателей была та же односторонность, доведенная до уродливой крайности. Извѣстно, что школа Гегеля послѣ его смерти распалась на двѣ отрасли: правую и лѣвую... Лѣвая... отрасль, подъ вліяніемъ Фейербаха, скоро перешла къ матеріализму. Но для того, чтобы сдѣлать этотъ переходъ, нужно было не послѣдовательно развивать начала, положенныя Гегелемъ, а совершенно отъ нихъ отречься, сдѣлать умственный скачокъ, отвергнувъ всякія метафизическія построенія и ставъ на почву чистаго реализма. Герценъ послѣдовалъ въ этомъ направленіи за нѣмецкими, весьма впрочемъ не высокаго качества, мыслителями, которые пролагали уклонившійся отъ Гегеля путь... Но всякое одностороннее направленіе окончательно само себя обличаетъ. На почвѣ матеріалистическаго реализма нѣтъ ни пониманія исторіи, ни нравственныхъ началъ, ни даже признанія человѣческой свободы, которая отрицается во имя всеобщаго детерминизма... Однако и Герценъ, и Бѣлинскій все-таки вышли изъ философской школы, а потому понимали потребности мысли и стояли на извѣстной высотѣ. Бѣлинскаго спасало живое эстетическое чувство; Герценъ самъ былъ художникъ. Позднѣйшіе же писатели этого направленія, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе, не имѣли уже никакой философской школы. Имъ равно чужды были и философія, и эстетика, и даже всякое серьезное знаніе, а потому это направленіе проявилось у нихъ во всей своей уродливой крайности. Для нихъ всѣ вопросы упростились, ибо нѣтъ ничего проще голаго отрицанія, основаннаго на невѣжествѣ. Только знаніе указываетъ человѣку, что все не такъ просто, какъ кажется. Однако и чистые отрицатели не обходятся безъ нѣкоторыхъ положительныхъ началъ; но они избираютъ такія, которыя не требуютъ ни знанія, ни умственной работы. Создаются разныя фантазіи о будущемъ блаженствѣ человѣческаго рода, которыя, не имѣя никакой практической почвы, представляютъ только чистый бредъ воображенія. Этимъ привлекаются незрѣлые умы ничему не учившейся молодости. Въ новѣйшее время все это завершается теоріей экономическаго матеріализма». (Цит. ст. стр. 7—8).

Смыслъ того литературнаго движенія, о которомъ такъ презрительно отзывается г. Чичеринъ, теперь не можетъ подлежать сомнѣнію. Это было движеніе, знаменовавшее собой освобожденіе мысли отъ продолжительныхъ оковъ. Общественная мысль, счастливая и прямо упоенная своей свободой [1]), накинулась съ жаромъ на всѣ вопросы. Все

[1]) Я не хочу вовсе сказать, что въ то время мысль пользовалась полной свободой. Но по сравненію съ предшествующей эпохой свободы была очень велика.

казалось ей яснымъ и легко осуществимымъ. Настала эпоха русскаго просвѣтительства Aufklärung, «*Sapere aude*! Имѣй мужество пользоваться своимъ собственнымъ разсудкомъ! Вотъ девизъ просвѣтительства» (Кантъ). Этому благородному девизу, которому человѣчество обязано очень многимъ, слѣдовало и столь презираемое г. Чичеринымъ умственное движеніе. Изъ вѣрности девизу: «дерзай разсуждать!» вытекаютъ всѣ сильныя и слабыя стороны «просвѣтительства» вообще и русскаго въ частности. Во всякомъ случаѣ, даже независимо отъ своего общественнаго содержанія, русское просвѣтительство заслуживаетъ уваженія, — и г. Чичерину, который высокимъ слогомъ говоритъ о «господствѣ идей», надлежало бы отнестись съ уваженіемъ и справедливостью къ крупному *идейному движенію*, современникомъ котораго онъ былъ, хотя бы онъ самъ и представлялъ въ своемъ лицѣ «особенное направленіе въ русской политической литературѣ». (Стр. 6 предисловія къ книгѣ «Нѣсколько современныхъ вопросовъ»).

Слѣдуетъ полагать, что г. Чичерину чуждо *то* знаніе, которое «*указываетъ человѣку, что все не такъ просто, какъ кажется*», ибо такое знаніе не позволило бы ему утверждать, что есть теоріи, «которыя не требуютъ ни знанія, ни умственной работы». Такихъ теорій нѣтъ и быть не можетъ. Но для развязныхъ сужденій съ плеча, хотя бы въ философскихъ (или quasi-философскихъ) статьяхъ, дѣйствительно не требуется серьезной умственной работы, а достаточно «*смѣлости приступа*» и вѣры въ свою непогрѣшимость. Говорить, что Чернышевскому, Добролюбову и Писареву было «чуждо всякое серьезное знаніе», можно только въ состояніи полемическаго неистовства. Но, выступая съ столь рѣшительными приговорами, не мѣшало бы г. Чичерину самому не дѣлать ошибокъ и не говорить несообразностей. Такъ невѣрно, что «лѣвая отрасль гегельянства, подъ вліяніемъ Фейербаха, скоро перешла къ матеріализму». Въ столь общей формѣ этого положенія нельзя поддерживать. Во-первыхъ — и это, быть можетъ, удивитъ г. Чичерина, — Фейербахъ не былъ ни лѣвымъ гегельянцемъ, ни матеріалистомъ. Какъ писатель — Фейербахъ вообще не былъ гегельянцемъ, ни лѣвымъ, ни правымъ, ни центральнымъ. Онъ самъ въ юмористической формѣ отвергъ это наименованіе въ фрагментѣ, напечатанномъ въ его посмертныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ Грюномъ (Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner philosophischen Charakterbildung, dargestellt von Karl Grün Leipzig, 1874. Band I, S. 387—393, aus 1840, mit späteren Zusätzen). О томъ, что онъ не былъ и матеріалистомъ, Фейербахъ тоже высказался вполнѣ опредѣленно въ своихъ посмертныхъ афоризмахъ къ теоретической философіи: ‹Rückwärts stimme ich den Materialisten vollkommen bei, aber nicht vorwärts». (op. cit. II. 308). Если ужъ нужна какая-нибудь кличка, то Фейербахъ былъ позитивистомъ; его гносеологическія воззрѣнія остались недостаточно выясненными, но, повто-

ряемъ, ни въ какомъ случаѣ его нельзя считать матеріалистомъ [1]). Самый выдающійся лѣвый гегельянецъ Бруно Бауеръ никогда, насколько намъ извѣстно, не былъ матеріалистомъ, ни въ эпоху своего радикализма, ни въ эпоху своего служенія консервативной реакціи. Штрауссъ... но Штрауссъ очень *не скоро* перешелъ къ матеріализму, во всякомъ случаѣ гораздо позже Герцена. Изъ дѣйствительно крупныхъ гегельянцевъ только Марксъ и Энгельсъ уже въ 40-хъ г. были матеріалистами и въ области метафизики, но они почти ничего по философіи тогда не писали и на Герцена—какъ извѣстно—ни малѣйшаго вліянія не оказывали.

Всего этого г. Чичеринъ, пожалуй, можетъ не знать и въ свое оправданіе сослаться, между прочимъ, на то обстоятельство, что непровѣренная характеристика Фейербаха, какъ матеріалиста, повторяемая или, вѣрнѣе, списываемая изъ книги въ книгу, получила въ концѣ концовъ всѣ свойства традиціи, хотя бы — sit venia verbo—«учебнической». Но чего я никакъ не возьму въ толкъ, такъ это—того, что матеріализмъ или матеріалистическій реализмъ необходимо требуетъ отрицанія всякихъ метафизическихъ построеній. Слышать такое сужденіе отъ идеалиста—каковымъ считаетъ и за каковаго выдаетъ себя г. Чичеринъ—даже грустно, ибо гдѣ же въ такомъ случаѣ обязательная для всякаго идеалиста критическая азбука, въ которой столь же обязательно разъясняется *метафизическій* характеръ философскаго матеріализма? А идеализмъ безъ критической азбуки представляетъ нѣчто весьма печальное; его еще старикъ Кантъ со свойственнымъ ему остроуміемъ и истинно философской прямотой сравнилъ съ «hohe Türme... um welche... gemeiniglich viel Wind ist». Рядомъ съ «высокими башнями» Кантъ ставилъ «metaphysisch grosse Männer», около которыхъ тоже «gemeiniglich viel Wind est». Въ своей громоносной статьѣ и въ своихъ «Основаніяхъ логики и метафизики», въ предисловіи къ которымъ онъ на нѣсколькихъ страницахъ раздѣлываетъ и англійскую и нѣмецкую логику, г. Чичеринъ показалъ себя однимъ изъ этихъ «metaphysisch grosse Männer». Здѣсь нѣтъ ни науки, ни философіи, потому что нѣтъ необходимыхъ для нихъ критики и осторожности. Но зато есть очень много *Wind'a*, напыщеннаго и безсодержательнаго.

Не имъ ли объясняется напр. такая тирада:

«Механическое міросозерцаніе безусловно устраняетъ свободу воли, а свобода воли составляетъ источникъ всякой свободы. Безъ нея нѣтъ причины, почему бы съ человѣкомъ не позволено было обращаться, какъ съ вьючнымъ скотомъ».

Въ какомъ смыслѣ «свобода воли составляетъ источникъ всякой свободы»? Въ объективномъ мірѣ существуетъ это отношеніе или въ сознаніи

[1]) Ср. такъ же книгу: *W. Bolin*, (проф. Гельсингфорскаго университета). Ludwig Feuerbach. Sein Weirken und seine Zeitgenossen, mit Benutzung ungedruckten Materials. Stuttgart, 1891.

людей? Повидимому, изъ послѣдующей фразы: «безъ нея нѣтъ причины» и т. д. должно думать, что г. Чичеринъ имѣетъ въ виду связь между *идеей* свободы воли и *идеей* «политической» или «общегражданской» свободы въ *сознаніи* людей. Но если такъ, то мы имѣемъ передъ собой совершенно несообразное утвержденіе, которое опровергается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что классическая страна политической свободы—Англія есть въ то же время классическая страна детерминистическихъ теорій. Одинъ изъ самыхъ радикальныхъ защитниковъ правъ личности въ XVIII в., Гольбахъ защищалъ детерминизмъ, нисколько не страшась даже называть его *фатализмомъ* [1]). Детерминистами были одинаково и Гоббсъ и Юмъ, но и теоретическое и практическое отношеніе ихъ къ политической свободѣ было—какъ г. Чичеринъ знаетъ, конечно, лучше меня—совсѣмъ не одинаковое: Гоббсъ былъ абсолютистъ, а Юмъ—либералъ. Фр. Альб. Ланге замѣтилъ, что «между свободой, какъ *формой субъективнаго сознанія*, и необходимостью, какъ *фактомъ объективнаго изслѣдованія*, такъ же мало можетъ существовать противорѣчія, какъ между цвѣтомъ и звукомъ» («Исторія матеріализма, русск. перев. Н. Н. Страхова т. II, стр. 357). Но съ еще большимъ основаніемъ можно было бы сказать, что между детерминированностью человѣческихъ дѣйствій и «общегражданской свободой» столь же мало противорѣчія, какъ между теоріей Дарвина и Мадонной Рафаеля. Вещи, абсолютно не имѣющія одна съ другой никакой прямой связи нельзя не противопоставлять, ни сближать. Такія сближенія предусмотрѣны даже такъ называемой народной мудростью: въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька — говорятъ о нихъ малороссы.

Далѣе неужели г. Чичеринъ серьезно думаетъ, что значеніе «разныхъ фантазій о будущемъ блаженствѣ человѣческаго рода» заключается въ томъ, что ими «привлекаются незрѣлые умы ничему неучившейся молодежи». Это значитъ крупныя историческія движенія, затрогивающія массы, движенія, происходящія на широкой аренѣ народной жизни культурныхъ націй, разсматривать съ точки зрѣнія профессора, декана или ректора, успокоивающаго или убѣждающаго взволновавшуюся университетскую молодежь. Но вѣдь «незрѣлыя» увлеченія этой молодежи «разными фантазіями» въ передовыхъ странахъ давно отошли въ область исторіи! А сами «разныя фантазіи» до сихъ поръ—и вѣроятно въ возрастающей мѣрѣ—продолжаютъ безпокоить г. Чичерина. Очевидно, что не въ молодежи тутъ дѣло.

Г. Чичеринъ любитъ очень сильно выражаться. Такъ въ началѣ своей статьи онъ замѣчаетъ, что обращеніе къ имени и трудамъ Грановскаго «свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ стремленіи выйти изъ господствующихъ... односторонникъ и крайнихъ направленій, изъ мутнаго потока реалистической пропаганды, изъ необоснованныхъ утвер-

[1]) Systeme de la nature. I. Chap. XII.

жденій экономическаго матеріализма, а съ другой стороны, изъ пошлаго реакціоннаго подобострастія, которое подъ знаменемъ патріотизма возводитъ въ идеалъ древнерусское холопство». (Цит. ст., стр. 1).

Теперь г. Чичеринъ слово «реализмъ» произноситъ съ ожесточеніемъ, но было время, правда, очень давнее,—почти 40 лѣтъ тому назадъ, когда онъ противъ «фантазій» и «мечтаній» взывалъ къ «реализму». «Теперь не время,—писалъ онъ въ «Очеркахъ Англіи и Франціи» (предисловіе, стр. XVIII),—толковать объ идеальномъ построеніи общества; все это—точки зрѣнія, которыя отжили свой вѣкъ и пали передъ требованіями *реализма*» (курсивъ нашъ). Мы видѣли уже выше, что разсужденіямъ своихъ противниковъ онъ противопоставлялъ *реалистическій* тезисъ, заимствованный у Лоренца Штейна: «Всякая политическая организація основана на распредѣленіи существующихъ въ народѣ общественныхъ силъ».

Въ реалистической точкѣ зрѣнія была сила г. Чичерина. Онъ пользовался ею для обоснованія консервативнаго либерализма или либеральнаго консерватизма. Это было его дѣло и его право. Но этой же точкой зрѣнія можно пользоваться для другихъ цѣлей, и намъ кажется, что, если для консервативно-либеральныхъ идей, на взглядъ г. Чичерина, она служила хорошимъ обоснованіемъ, (мы думаемъ, что г. Чичеринъ ею въ этихъ цѣляхъ воспользовался очень неумѣло), то, быть можетъ, она явится не менѣе пригодною для обоснованія идей другого порядка. Но можетъ статься, что теперь, въ 1897 г., Чичеринъ думаетъ что «реализмъ» вообще является цѣпью «необоснованныхъ утвержденій». На этотъ случай мы полагаемъ, что г. Чичеринъ за сорокъ лѣтъ пошелъ не впередъ, а назадъ.

Изъ приведенныхъ выше отзывовъ журналистики 60-хъ гг. о г. Чичеринѣ читатель могъ видѣть, что полемической неумѣренностью почтенный публицистъ отличался и въ свои молодые годы.

Говорятъ, что солидный органъ Московскаго психологическаго общества не любитъ неумѣренной полемики. Если это вѣрно, то для г. Чичерина очевидно сдѣлано исключеніе; редакція, печатая на первомъ мѣстѣ статью, въ которой авторъ проявилъ совершенно невѣроятную рѣзкость сужденій и приговоровъ, даже не сочла нужнымъ помѣстить общепринятыя въ *такихъ* случаяхъ оговорки, тогда какъ отъ солидарности съ весьма сдержанной статьей г. Булгакова (въ предыдущей книгѣ) она поспѣшила откреститься самымъ недвусмысленнымъ образомъ, хотя въ такомъ чисто *научномъ* органѣ, какъ «Вопросы философіи и психологіи», вовсе *не предполагается* солидарность редакціи съ авторами отдѣльныхъ статей. Очевидно, относительно почтенной редакціи нельзя сказать, что у нея «нѣсть на лица зрѣнія». Г. Чичерину она предоставила привилегію свободно прохаживаться со своимъ «Wind'омъ» по исторіи общеевропейской и русской мысли и сметать все, что нелюбо «метафизически-великому мужу». Но занятіе

это—совершенно ребяческое и компрометирующее «умнаго и ученаго человѣка», каковымъ г. Чичерина справедливо назвалъ еще его знаменитый критикъ въ «Современникѣ».

«Необоснованныя утвержденія» (въ примѣненіи къ историческимъ судьбамъ Россіи) имѣютъ длинную литературную исторію, которую не мѣшаетъ вспомнить, обращаясь къ имени и трудамъ Т. Н. Грановскаго.

Мы уже признали вмѣстѣ съ г. Чичеринымъ, что Грановскій, не соглашаясь съ Герценомъ по вопросу о соціализмѣ, проявилъ не непослѣдовательность, а послѣдовательность и историческій смыслъ. О чемъ шла рѣчь тогда? Пусть намъ разскажетъ объ этомъ достовѣрный и добросовѣстный свидѣтель, членъ знаменитаго кружка 40-хъ гг. П. В. Анненковъ. («Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848». Воспоминанія и критическіе очерки, т. III. Спб. 1881 г., стр. 129—130).

«Признавая европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, Грановскій смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. «Соціализмъ,—говорилъ онъ,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ». Иначе отнеслись къ нему Герценъ и Бѣлинскій.....»

«Тогда во всей Европѣ думали, что съ соціализмомъ надвинется на нее свирѣпый ураганъ, долженствующій потрясти всѣ такъ долго и такъ трудно нажитыя ею вѣрованія, убѣжденія, привычки, мысли и историческія основы. Разница въ способахъ относиться къ этимъ предчувствіямъ переворота именно и образовала ту рознь въ московскомъ кружкѣ, о которой теперь говоримъ. Герценъ былъ за одно съ Бѣлинскимъ, и они оба смотрѣли прямо и открыто въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ мнѣнію, Европѣ со стороны соціализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла старой цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ—новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія. Всѣ предчувствія переворота, напротивъ, тревожили Грановскаго въ высшей степени, и самый переворотъ, какъ онъ представлялся его уму, не вызывалъ у него ни малѣйшей симпатіи, никакихъ радужныхъ надеждъ или ожиданій».

Нисколько не удивительно, что западникъ и историкъ Грановскій не могъ сочувствовать «разрушенію» западно-европейской цивилизаціи. Современный читатель, пожалуй, удивится, что Грановскій серьезно боялся такого вздора. Но дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ вздорность толковъ о «разрушеніи цивилизаціи» далеко не была такъ ясна,

какъ теперь. Упрекъ Грановскаго, обращенный къ соціализму, что онъ оставляетъ поле политики, также былъ справедливъ. Отрицаніе политики было тогда весьма характерной особенностью вліятельныхъ соціалистическихъ направленій, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Особенно выдавались своимъ политическимъ недомысліемъ фурьеристы и нѣмецкіе т. н. «философскіе», или «истинные» соціалисты.

У Грановскаго вопросъ ставился о желательности или нежелательности того или другого хода вещей.

Глубже, чѣмъ Грановскій, захватывалъ тотъ же вопросъ другой членъ кружка, послѣ Герцена, быть можетъ, самый даровитый. Это былъ Василій Петровичъ Боткинъ. Этотъ острый критическій умъ далъ русской литературѣ гораздо меньше того, на что онъ былъ способенъ. Съ удивительной научной прозорливостью — безъ особенно напряженной работы мысли, а скорѣе благодаря какой-то геніальной интуиціи — онъ частью воспринималъ, частью, быть можетъ, предвосхищалъ важнѣйшія соціологическія обобщенія, до которыхъ дорабатывалась европейская наука въ лицѣ французскихъ соціалистовъ (Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ) и французскихъ историковъ и великихъ нѣмецкихъ теоретиковъ соціологіи Штейна и Маркса.

Геніальныя прозрѣнія Боткина разсыпаны большею частью въ его частныхъ письмахъ. Правда и въ прославившихъ Боткина «Письмахъ объ Испаніи» (1845) встрѣчаются мѣста, въ которыхъ нельзя не увидѣть близкаго сходства со взглядами, высказанными въ частной корреспонденціи 40-хъ гг. Вотъ самое характерное изъ этихъ мѣстъ: «Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ ступени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство и его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія, и самое вѣрное изображеніе цивилизаціи какой-либо страны было бы описаніе ея экономическихъ отношеній и учрежденій»[1]). Это замѣчаніе, которое можно было бы признать случайно брошеннымъ, получаетъ совсѣмъ иной смыслъ при сопоставленіи съ цѣлымъ рядомъ мѣстъ изъ переписки Боткина съ Аннепковымъ. 20 ноября 1846 г. первый пишетъ второму, передавая свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ пріятелями, изъ которыхъ, «разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому»: «Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя одними книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улетучиваются въ отвлеченности, да кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи.

---

[1]) Сочиненія В. П. Боткина. Изданіе журнала «Пантеонъ литературы» (Спб. 1890) т. I, стр. 160.

«Опредѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стремится современный процессъ, здѣсь въ Петербургѣ еще мало въ ходу; этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія идеи, а съ другой—отсутствіе всякаго практическаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь главное состоитъ въ идеологіи. Идеологія (о, святители, какое густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію «Отечественныхъ Записокъ»; идеологія должна поднять и «Современникъ». Но въ этой идеологіи, къ счастію, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами—нашихъ друзей занимаетъ такая идеологія, которая имѣетъ прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но, съ этой стороны, разборъ Бѣлинскаго «Онѣгина», и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ. Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ. Но я вру. Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она—наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологіи. Двигаютъ массами не идеи, а интересы, но просвѣщаютъ ихъ идеи» [1]). Отъ частнаго, не предназначеннаго для печати письма нельзя требовать послѣдовательности изложенія и стройности аргументаціи. Основная мысль Боткина однако ясна: *понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью; двигаютъ массами не идеи, а интересы*,—вотъ его реалистическіе тезисы, которые не только для 40-хъ годовъ, но и для нашего времени звучатъ на русскомъ языкѣ новымъ и смѣлымъ словомъ. Замѣчательно, что въ увлеченіи реализмомъ Боткинъ не останавливается передъ *художественностью* и произноситъ о ней сужденіе, которое сильно напоминаетъ взгляды передовой журналистики 60-хъ годовъ. Позже Боткинъ отступился отъ своего реализма. Въ статьѣ о Фетѣ, написанной въ 1856 году, нельзя не видѣть скрытой полемики противъ прежнихъ взглядовъ автора. Очевидно, эти взгляды были только—какъ мы уже указывали—геніальными проблесками, а не результатомъ послѣдовательной работы мысли. «При всѣхъ временныхъ преобладаніяхъ различныхъ стремленій,—читаемъ мы въ указанной статьѣ,—которыми исполнена исторія народовъ, основныя свойства человѣческой природы постоянно одинаковы во всѣ времена. Практическій характеръ нашего времени есть только результатъ экономическихъ условій новаго общества,—а могутъ ли экономическія отношенія измѣнить основныя свойства человѣческой души?» [2]). Послѣ 1848 года Боткинъ—какъ мы уви-

[1]) П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885. Изд. Суворина. Спб. 1892, стр. 520—521.

[2]) Сочиненія, т. II, стр. 354.

*

димъ дальше—поддался другимъ вліяніемъ, исходившимъ отъ представителей идеалистическаго и мистическаго воззрѣнія на судьбы человѣчества. Г-жа Головачева-Панаева въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ о спорахъ, которые Боткинъ и Тургеневъ вели съ Некрасовымъ—въ защиту художественности. Въ передачѣ г-жи Панаевой, эта защита художественности со стороны Боткина является даже въ нѣсколько пошловатомъ видѣ, но вина тутъ по всей вѣроятности не Боткина, а разсказчицы (Ср. Русскіе писатели и артисты 1824—1870. Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой, Спб. 1890 г., стр. 363 и слѣд.).

О славянофильствѣ Боткинъ высказалъ слѣдующее замѣчательное сужденіе:

«Въ сущности, это не что другое, какъ допетровская Россія, которая поднимаетъ голову и осматривается, и которая вовсе не есть прошедшее, а окружающее, въ которомъ мы составляемъ самое незамѣтное, ничтожное меньшинство... Горсть славянофиловъ остается изолированною; а какую бы получила она силу, опираясь, напримѣръ, на купцовъ, гдѣ старая Русь сохраняется во всемъ своемъ нравственномъ и общественномъ безобразіи! Но, не смотря на утопическія и фантастико-историческія очки, въ которыя они (т. е. славянофилы) смотрятъ на все это, образованіе слишкомъ близко къ нимъ и прямо бросается имъ въ глаза; «это не народъ», говорятъ они: «это мерзкій осадокъ народа». А почему же мерзкій? Развѣ зажиточные крестьяне не то же, что купцы. Конечно, бѣдный человѣкъ вездѣ добродушнѣе богатаго, но это потому, что чувство собственности всегда развиваетъ за собою много дурныхъ сторонъ, хранящихся въ природѣ человѣческой; только на этомъ основаніи парижскій ouvrier лучше bourgeois такъ же, какъ разбогатѣвшій мужикъ становится купцомъ» [1]). То, что Боткинъ говорилъ о славянофилахъ, было глубоко вѣрно: онъ оказался истиннымъ пророкомъ. Славянофильская и національстическая идеологія позже дѣйствительно вступила въ неразрывную комбинацію съ интересами всероссійскаго купечества. *Иванъ Аксаковъ* съ талантомъ и даже блескомъ отстаивалъ эти интересы, нисколько не подозрѣвая, какой западный ядъ таится въ экономической роли того общественнаго слоя, идеологомъ котораго онъ выступилъ. Сходное реалистическое сужденіе высказалъ гораздо позже Боткина (1862) Тургеневъ: «Народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже (почему же даже? Novus) носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собой всѣ мѣтко вѣрныя черты, которыми ты

[1]) Письмо изъ Москвы отъ 14-го мая 1847 г. «Анненковъ и его друзья», стр. 539—540.

изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ». На то, что въ «мужикѣ» лежитъ потенціальный зародышъ буржуазіи, на это—безъ обиняковъ—указывалъ и народникъ А. Н. Энгельгардъ.

Историческую фальшь въ простомъ отрицательномъ отношеніи къ западно-европейской буржуазіи Боткинъ чувствовалъ очень живо и откровенно высказывался въ этомъ смыслѣ предъ друзьями.

«Понимаю твое отвращеніе отъ Германіи, Бѣлинскій, очень понимаю, хоть и не раздѣляю его. Я не могу жить въ Германіи, потому что нѣмецкая общественность не соотвѣтствуетъ ни моимъ убѣжденіямъ, ни моимъ симпатіямъ, потому что нравы ея грубы, что въ ней мало также дѣйствительности и реальности, и такъ далѣе; но я не изрекаю ей такого приговора, какъ ты, и относительно дурныхъ и хорошихъ сторонъ народовъ придерживаюсь нѣсколько эклектизма. Понимаю твою скуку: я и здоровый захворалъ бы отъ скуки, проведя полтора мѣсяца въ Германіи, а ты еще провелъ ихъ въ Силезіи, въ Зальцбруннѣ! Парижъ, я надѣюсь, постоитъ за себя. Но зачѣмъ тебѣ видѣть тамъ однихъ только «конституціонныхъ подлецовъ»?.. Тамъ есть много такого, что̀ посущественнѣе и поинтереснѣе ихъ. Политическія очки не всегда показываютъ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, особенно, если эти очки сдѣланы изъ принятыхъ заочно доктринъ. Часто и доморощенныя доктрины заставляютъ городить вздоръ (что доказываетъ книга Луи Блана: съ твоимъ умнымъ мнѣніемъ о немъ совершенно согласенъ [1]), а бѣда, если нашъ братъ пріѣзжаетъ въ страну съ заранѣе вычитанною доктриною. Вы меня браните, милый мой Анненковъ, вы, котораго тонкій умъ всегда оставался чуждымъ всякаго рода доктринамъ (и за это-то я васъ и люблю особенно), вы меня браните за то, что я защищаю bourgeoisie; но, ради Бога, какъ же не защищать ея, когда наши друзья, со словъ соціалистовъ, представляютъ эту буржуазію чѣмъ-то въ родѣ гнуснаго, отвратительнаго, губительнаго чудовища, пожирающаго все прекрасное и благородное въ человѣчествѣ? Я понимаю такія гиперболы въ устахъ французскаго работника; но когда ихъ говоритъ нашъ умный Герценъ, то онѣ кажутся мнѣ не болѣе какъ забавными. Тамъ борьба, духъ партій заставляетъ прибѣгать къ преувеличеніямъ—это понятно, а здѣсь вмѣсто самобытнаго взгляда, вмѣсто живой, индивидуальной мысли вдругъ встрѣчать общія мѣста, ей Богу, досадно» [2]).

Точка зрѣнія научнаго реализма очень ярко сказывается въ слѣдующемъ отзывѣ объ извѣстномъ сочиненіи Прудона:

«О книгѣ «Contradictions économiques»—увы!—ничего вамъ не могу

---

[1]) Бѣлинскій возмущался оцѣнкой Вольтера у Луи-Блана и сравнивалъ послѣдняго съ Шевыревымъ. Novus.

[2]) Письмо изъ Москвы отъ 19-го іюля 1847 г., тамъ же, стр. 541—542.

сказать. У меня взялъ ее Мюльгаузенъ и уѣхалъ съ нею въ Москву, а я успѣлъ прочесть одно введеніе... Ваши нѣсколько словъ показываютъ мнѣ всю дѣльность этой книги, и слава автору, что онъ вышелъ изъ юношескихъ декламацій соціальной школы и взглянулъ на дѣло прямо и твердо. А помните, я вамъ... какъ-то говорилъ, что если въ мірѣ природы все условливается законами, то задача современной науки отвлекать законы, дѣйствующіе въ мірѣ политическомъ и промышленномъ. *Дѣло не въ томъ только, чтобы нападать на то, что есть, а отыскать, почему это есть*, словомъ, отыскать законы, дѣйствующіе въ мірѣ промышленномъ. И великая заслуга Смита состоитъ именно въ томъ, что онъ открылъ многіе законы, управляющіе въ промышленности».

Въ оцѣнкѣ Прудона и даже Смита Боткинъ, конечно, ошибался, но въ подчеркнутыхъ нами словахъ онъ прекрасно формулировалъ задачу научной критики дѣйствительности, задачу, такъ блистательно разрѣшенную главнѣйшимъ литературнымъ противникомъ Прудона, авторомъ «Нищеты философіи». Понятно, что съ такой точки зрѣнія—безразлично, въ чьихъ *интересахъ* она выдвигалась—простое *увлеченіе* новыми общественными теоріями и отрицаніе существующаго не могло не представляться недостаточнымъ и поверхностнымъ. Поэтому-то Боткинъ встрѣтилъ критически литературныя произведенія Герцена, въ которыхъ выражалось увлеченіе автора новыми явленіями и сторонами западно-европейской жизни. Послушаемъ разсказъ Анненкова.

«Письма Г. изъ Avenue Marigny уже носили на себѣ ясный, хотя еще и осторожно наложенный штемпель гуманныхъ идей, съ намеками на вопросы новаго рода, такъ что они должны считаться первыми пробами приложенія въ русской литературѣ соціологическаго способа понимать и обсуждать явленія. Начиная съ разбора драмы Феликса Піа и до подробностей парижскаго быта—все въ нихъ отражало настроеніе, почерпнутое изъ другихъ источниковъ, а не изъ тѣхъ, которыми питались наши философскія, замаскированно-либеральныя и филантропическія тенденціи. Друзья Г. въ Москвѣ и Петербургѣ любовались этимъ оригинальнымъ поворотомъ его таланта... Впрочемъ, московскіе друзья Г., любуясь сатирической мѣткостью писемъ, восхищаясь остроуміемъ ихъ замѣтокъ и обличеній, часто останавливаясь подолгу на проблескахъ глубокой мысли въ опредѣленіи текущихъ явленій тогдашняго французскаго общества, — друзья все-таки не вполнѣ вѣрили въ объективную правду писемъ и считали ихъ отчасти произведеніемъ обычнаго фрондерства, свойственнаго всѣмъ путешественникамъ, которымъ стыдно съ перваго же раза покориться чужой странѣ и не сдѣлать оговорокъ, вступая въ близкія съ ней связи. Отголосокъ этого мнѣнія сказался всего сильнѣе у В. П. Боткина, что и заставляетъ меня сдѣлать выписку изъ московскаго его письма ко мнѣ отъ 12 октября 1847 г.:

«Кстати, прочелъ въ 10 № «Современника» три письма Г. изъ Avenue Marigny и прочелъ ихъ съ самымъ живымъ удовольствіемъ. Первое письмо хуже прочихъ: въ немъ даже замѣтно нѣкоторое усиліе съострить; разумѣется, не вездѣ, но кое-гдѣ острота не вяжется сама собою къ перу, къ фразѣ. Что касается до его взгляда на театры и городъ, то при всемъ его превосходствѣ, при всемъ блескѣ и глубокомысліи, по моему мнѣнію, это все-таки первое наглядное впечатлѣніе. Je ne cherche pas chicane à sa manière de voir—и, вполнѣ признавая за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ, я все-таки остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи и не стану подражать славянской нетерпимости Г., который меня разбранилъ за то, что я осмѣлился быть не одного съ нимъ мнѣнія. Во-вторыхъ, я прочелъ его письма съ наслажденіемъ: это такъ увлекательно, такъ игриво, это—арабескъ, въ которомъ шутка свивается съ глубокой мыслью, сердечный порывъ съ летучей остротой; что мнѣ за дѣло, что я о многомъ думаю совершенно иначе: всякій имѣетъ право смотрѣть на вещи по своему, и Г. смотритъ на нихъ такъ живо, такъ увлекательно, что я вовсе теряю желаніе спорить: наслажденіе пересиливаетъ всякое другое чувство. Но, по моему мнѣнію, главный недостатокъ ихъ въ неопредѣленности точки зрѣнія; да, мнѣ кажется, Г. не далъ себѣ яснаго отчета ни въ значеніи стараго дворянства, которымъ онъ такъ восхищался, ни въ значеніи bourgeoisie, которую онъ такъ презираетъ. Что же за этимъ у него остается? Работникъ. А земледѣлецъ? Неужели Г. думаетъ, что уменьшеніе избирательнаго ценза измѣнитъ положеніе буржуазіи. Я не думаю. Я не поклонникъ буржуазіи, и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сильный прозаизмъ, но въ настоящемъ случаѣ для меня важенъ фактъ. Я скептикъ: видя въ спорящихъ сторонахъ въ каждой столько же дѣльнаго, сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя—въ качествѣ угнетеннаго — классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: *дай Богъ, чтобъ у насъ была буржуазія!* Cet air de matador, съ которымъ Г. все рѣшаетъ во Франціи, очень милъ, увлекателенъ, я его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора, но вѣдь *рѣшеніе Г. ровно ничего не уясняетъ: оно только скользитъ по вещамъ*. Всѣ эти вопросы до такой степени сложны, что невозможно поднять ни одинъ, не поднявши вмѣстѣ съ нимъ нѣсколькихъ...» [1]).

«Даже оставляя въ сторонѣ—продолжаетъ Анненковъ — личные счеты В. П. Боткина съ Г., который высказывалъ ему часто горькую правду по поводу его безхарактерной поблажки внѣшнимъ приманкамъ парижской жизни—приведенный отрывокъ все-таки выражалъ

---

[1]) Курсивъ нашъ. Письмо это цѣликомъ напечатано въ сборн. «Анненковъ и его друзья», стр. 550—554.

мнѣніе и другихъ друзей Г., хорошо понимавшихъ причины и поводы демократическихъ возгласовъ о буржуазіи въ ея отечествѣ, но считавшихъ такіе возгласы непригодными для русскаго общества, которое еще лишено образованныхъ элементовъ, принесенныхъ нѣкогда этой самой буржуазіей въ исторію. Притомъ же, друзья и не знали, куда еще заведетъ Г. его огульное осужденіе Европы, и боялись, что авторитетное слово его отразится въ извращенномъ видѣ на умахъ и представленіяхъ русскихъ читателей. Того же самаго боялись они и отъ исповѣди Бѣлинскаго, когда онъ попалъ за границу и обнаружилъ воззрѣнія на западную культуру, близко подходившія къ воззрѣніямъ Г. Можетъ быть, въ числѣ причинъ, побудившихъ Г. написать позднѣе вышеупомянутую свою статью («Съ того берега»), было и желаніе разъяснить друзьямъ свои истинныя отношенія къ европейскому міру и мѣсто, которое онъ намѣренъ въ немъ занять. Извѣстно, что въ статьѣ противополагалось безвыходному положенію европейскаго общества появленіе народа, одно присутствіе котораго въ Европѣ тревожитъ умы, который извѣстенъ только съ мрачныхъ сторонъ своихъ, но который несетъ съ собой народную культуру, качества мысли и сердца, имѣющія, повидимому, большую будущность. Къ этой нотѣ, впервые раздавшейся у Г. въ упомянутой статьѣ, Г. потомъ часто возвращался и пробовалъ брать эту ноту на множество ладовъ, но она не у всѣхъ друзей вызвала сочувствіе, а нѣкоторые долго находили ее напряженной и фальшивой, не смотря ни на какія варьяціи и смягченія, которыми сопровождалъ ее почасту авторъ». («Замѣчательное десятилѣтіе» въ «Литературно-критическихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ», Анненкова. Т. III, стр. 162—165). «*Дай Богъ, чтобы у насъ была буржуазія*». Чѣмъ это лучше или хуже столь опороченнаго изреченія: «пойдемъ на выучку къ капитализму». Г. Струве вѣроятно не подозрѣвалъ, что по существу онъ совершаетъ нѣкоторый плагіатъ у Боткина. Или быть можетъ онъ руководился девизомъ, провозглашеннымъ недавно однимъ нѣмецкимъ философомъ: да погибнетъ плагіаторъ и да здравствуетъ плагіатъ (pereat plagiarius, vivat plagium). Мы, по крайней мѣрѣ, считаемъ этотъ девизъ единственно плодотворнымъ для поступательнаго движенія мысли и творчества.

Мы уже знаемъ, что взгляды Бѣлинскаго были близки къ точкѣ зрѣнія Герцена, но незадолго до смерти великаго критика въ его воззрѣніяхъ произошла перемѣна.

Отношеніе Боткина къ увлеченіямъ Герцена либо передалось Бѣлинскому (что всего вѣроятнѣе), либо самостоятельно развилось у него, подъ вліяніемъ собственныхъ впечатлѣній и размышленій. Вотъ замѣчательное заявленіе Бѣлинскаго, сдѣланное въ письмѣ къ Анненкову и представляющее одно изъ интереснѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ обнаруженій западническаго духа:

«Кстати, мой вѣрующій другъ (одинъ изъ парижскихъ друзей. No-

vus) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль...

«Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піетистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотритъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жоржа Занда и Луи Блана» [1]).

Это заявленіе представляется мнѣ особенно интереснымъ тѣмъ, что оно было сдѣлано не умѣреннымъ и уравновѣшеннымъ, проникнутымъ историческимъ духомъ Грановскимъ, не холоднымъ и, пожалуй, циничнымъ Боткинымъ, а именно «неистовымъ Виссаріономъ». Это не было просто «благороднымъ увлеченіемъ» великаго западника, хотя бы уже потому, что у этой натуры *всякая* серьезная дума была въ то же время увлеченіемъ и выражалась иначе, чѣмъ у «спокойныхъ» людей. Это была серьезная, глубоко выстраданная историческая мысль, и та рѣзкая форма, въ которую ее облекъ Бѣлинскій, есть лучшее, краснорѣчивѣйшее доказательство ея серьезности, глубины и выстраданности.

Если даже Боткинъ не совсѣмъ разобрался въ своей точкѣ зрѣнія, то неудивительно, что у Бѣлинскаго въ ея развитіи недостаетъ послѣдовательности и стройности. Такъ вопросъ о культурномъ значеніи буржуазіи спутывается у него съ вопросомъ о роли личности въ исторіи, хотя логической связи между ними по существу нѣтъ. Очевидно, эта путаница происходила оттого, что буржуазія представлялась Бѣлинскому носительницей культурнаго *индивидуальнаго начала* въ противоположность народу. Бѣлинскій былъ, конечно, правъ въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно буржуазія Англіи и Франція побѣдоносно провела борьбу за права личности, но между этими правами и фило-

[1]) Письмо отъ 15-го февраля 1848 г., цѣликомъ напечатано въ сборникѣ «Анненковъ и его друзья», стр. 607—612. Въ извлеченіи у г. Пыпина. Жизнь и переписка Бѣлинскаго, т. II, 324—325.

софскимъ вопросомъ о роли личности нѣтъ ничего общаго. Бѣлинскій никогда, впрочемъ, не былъ сильнымъ философомъ и по своему философскому образованію онъ безспорно уступалъ своему преемнику, который въ 1855 г. первый въ русской литературѣ воздалъ должное заслугамъ геніальнаго критика. Мы позволяемъ себѣ держаться такого мнѣнія, несмотря на... авторитетъ г. Чичерина.

Быть можетъ, геніальныя прозрѣнія Боткина не были самостоятельными проблесками его критической мысли, а являлись навѣянными личнымъ общеніемъ съ знаменитымъ нѣмецкимъ соціологомъ (или его литературными произведеніями), съ именемъ котораго они связаны въ исторіи европейской науки. Кто знаетъ? Объ отношеніяхъ Боткина къ Марксу намъ ничего неизвѣстно. Только относительно двоихъ изъ членовъ знаменитаго кружка 40-хъ гг. можетъ быть точно установлено ихъ личное знакомство *въ 40-хъ г.* съ нѣмецкимъ ученымъ. Мы говоримъ объ Анненковѣ и Бакунинѣ. Первый въ «Замѣчательномъ десятилѣтіи» (стр. 155—161) подробно разсказалъ о своихъ встрѣчахъ съ Марксомъ и далъ здѣсь удивительно-художественную характеристику его внѣшности. Отъ Бакунина же сохранилось любопытное письмо къ Анненкову, рисующее въ немногихъ словахъ отношеніе русскаго мистика-фантазера къ нѣмецкому ученому-критику:

«Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ—Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ; будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма,—скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шагъ нашъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли... Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirthschaft wie vorher [1]), портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе» [2]).

Анненковъ, приводя это письмо въ «Замѣчательномъ десятилѣ-

---

[1]) Т.-е. «занимается тѣмъ же пустымъ дѣломъ, что и прежде». Пустое дѣло состояло въ разработкѣ и популяризаціи грандіозной научной системы!

[2]) Письмо изъ Брюсселя отъ 28 декабря н. с. 1847 г., цѣликомъ напечатано въ сборникѣ «Анненковъ и его друзья». Стр. 620—622.

тіи» (стр. 171), справедливо замѣчаетъ, что «оно показываетъ автора въ настоящемъ его свѣтѣ, какъ романтическаго, мистическаго анархиста, чѣмъ онъ всегда былъ и чѣмъ объясняется его ненависть къ авторитетному, положительному и законодательствующему (?) Марксу,—ненависть, которая продолжалась болѣе 25 лѣтъ и завершилась между ними скандаломъ и полнымъ разрывомъ».

Но возвратимся къ Боткину. Характерно не для Боткина лично, а для русскаго западника того времени вообще, что его реалистическіе взгляды на общественное развитіе были окрашены *буржуазнымъ* цвѣтомъ. Несущественно, что Боткинъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ пролетаріату; объ его исторической роли онъ не упоминалъ, подчеркивая въ то же время историческое значеніе и призваніе буржуазіи. Еще рѣзче выступаетъ это у Бѣлинскаго. Въ этомъ подчеркиваніи и въ этомъ умолчаніи весь колоритъ ихъ взглядовъ. Кстати этотъ колоритъ косвенно указываетъ на то, что они не были навѣяны авторомъ «Нищеты философіи». Скорѣе рѣчь можетъ идти о вліяніи Лоренца Штейна, который въ своемъ «Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreich» еще въ 1842 г. проводилъ ту же точку зрѣнія, только менѣе послѣдовательно и притомъ именно въ буржуазной окраскѣ. Но по существу источники этой окраски лежали глубже,—не въ тѣхъ или другихъ *книжныхъ* вліяніяхъ, а въ историческомъ моментѣ, въ который наши западники столкнулись съ вопросами экономическаго и общественнаго развитія культурнаго человѣчества. Прогрессивная роль буржуазіи далеко не была еще сыграна даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. А Герценъ, указывая паденіе буржуазіи, самъ видѣлъ въ ея антиподѣ факторъ разрушительный, угрожающій «цивилизаціи». Для того, чтобы этому пониманію противопоставить реалистическое и въ то же время небуржуазное пониманіе дѣйствительности, недостаточно было «геніальныхъ прозрѣній», необходима была цѣльная и стройная научная теорія, и *извѣстная комбинація общественныхъ условій, благопріятная для ея воспріятія и распространенія.* Русскій интеллигентъ того времени, современникъ крѣпостной Россіи, не могъ ни самъ доработаться до такой теоріи, ни просто усвоить ее себѣ иначе, какъ въ буржуазной окраскѣ. Послѣдняя была, такимъ образомъ, и для Боткина, и для Грановскаго, и даже для «неистоваго Виссаріона» исторической необходимостью, «закономъ, его же не прейдеши». Между ней и славянофильскими фантазіями на радикальные западные мотивы *для нихъ* не было выбора.

У Боткина, пережившаго и Бѣлинскаго, и Грановскаго, указанная окраска не только не исчезла, но и совершила полный циклъ развитія—до буржуазнаго мистицизма и идеализма включительно и притомъ съ придачей чего-то специфически-московскаго. Боткинъ,—пишетъ Анненковъ («Замѣчательное десятилѣтіе», стр. 183—184),—«съ изумительной прозорливостью открывалъ и потомъ преслѣдовалъ малѣйшія черты скрытаго

идеализма, замаскированной чувствительности и мечтательности, сдѣлавшіеся теперь предметами его ожесточенной ненависти. Въ такомъ настроеніи засталъ его и уже въ Москвѣ серьезный поворотъ дѣлъ, начавшійся повсемѣстно въ Европѣ, съ 1848 года. Никто болѣе его не испугался этого поворота, да поворотъ еще и укрѣпилъ въ немъ зародившееся настроеніе, такъ какъ оно могло служить нѣкоторымъ образомъ щитомъ и охраной противъ подозрѣній въ моральной склонности къ утопіямъ. На склонѣ жизни, съ ослабленіемъ силъ, и уже тогда, когда онъ самъ сдѣлался значительнымъ капиталистомъ, В. П. Боткинъ занялъ почетное и видное мѣсто въ рядахъ нашей ультра-консервативной партіи. Но онъ превратился въ ультра-консерватора на свой собственный манеръ, который ставилъ его неизмѣримо выше большинства его собратовъ по убѣжденіямъ. Въ основу своего послѣдняго созерцанія онъ положилъ, кромѣ чувства сохраненія своего общественнаго положенія, которое у него всегда было очень живо, еще и доктрины двухъ великихъ современныхъ мыслителей—Карлейля и Шопенгауера. Онъ почерпнулъ у перваго его ненависть ко вседневной болтовнѣ журналистики и литературныхъ репортеровъ, вмѣстѣ съ ученіемъ о спасительной силѣ повиновенія великимъ авторитетамъ, просвѣтителямъ народовъ и двигателямъ исторіи, гдѣ бы они ни встрѣтились. Отъ второго онъ усвоилъ его глубочайшее презрѣніе къ толпѣ и народнымъ массамъ и его энергическія проклятія безпредметному философствованію умниковъ, разлагающихъ только безъ конца и цѣли одну собственную мысль. Такимъ образомъ, замѣчательный человѣкъ этотъ перешелъ множество стадій развитія, и только смерть помѣшала ему видѣть, во что слагается и чѣмъ кончаетъ нашъ русскій консерватизмъ».

Идеи дѣйствительно—какъ писалъ В. П. Боткинъ—«*принимаютъ... колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ*». Этой участи не избѣгли и его собственные взгляды и, такимъ образомъ, своей судьбою дали подтвержденіе своей научной истинности.

Общественно-политическій реализмъ, навѣрное, не исчезъ совершенно въ его міровоззрѣніи: онъ лишь испыталъ окончательное буржуазное перерожденіе и при этомъ перерожденіи вступилъ въ комбинацію съ новыми идеалистическими элементами, которые оттѣснили его совершенно на задній планъ. Это—любопытная страничка изъ исторіи общественной мысли въ Россіи, весьма поучительная съ точки зрѣнія общественной психологіи.

Съ другой стороны эволюція Боткина отъ чистаго общественно-политическаго реализма съ демократическими симпатіями къ идеалистическому мистицизму съ аристократическими тенденціями представляетъ также выдающійся *индивидуально*-психологическій интересъ. Она еще разъ доказываетъ, какъ философскій идеализмъ и мистицизмъ—оба мыслителя, за которыми послѣдовалъ Боткинъ, Карлейль и Шо-

пенгауеръ, были великіе мистики — можетъ сочетаться съ «чувствомъ сохраненія своего общественнаго положенія». Это вовсе не значитъ, что идеализмъ и мистицизмъ всегда встрѣчаются въ такой комбинаціи, точно такъ же, какъ на знаменитомъ примѣрѣ Штраусса отнюдь нельзя построить общаго положенія о необходимой связи *матеріализма съ политическимъ и соціальнымъ консерватизмомъ*. Индивидуально-психологическія комбинаціи идеологическихъ элементовъ чрезвычайно причудливы и не могутъ быть обняты никакой единой формулой: Штраусъ былъ матеріалистъ и консерваторъ, Шопенгауеръ—идеалистъ и консерваторъ (даже очень злобный), Фихте—идеалистъ и соціалистъ, Кантъ—идеалистъ и либералъ, Гоббсъ—матеріалистъ и политическій реакціонеръ, критическій идеалистъ Ланге склонялся къ соціализму и т. д. Разныхъ комбинацій философскаго міровоззрѣнія съ практическими взглядами было и вѣроятно всегда останется множество. И г. Чичерину, хорошо знакомому съ исторіей философіи и государственной науки, это обстоятельство, конечно, не можетъ не быть достаточно извѣстно. Оно, на нашъ взглядъ, должно было бы остеречь г. Чичерина отъ неосторожныхъ сужденій, но онъ всегда отличался... «смѣлостью приступа», когда имѣлъ дѣло съ непріятными ему взглядами.

Я не упомянулъ еще объ одномъ крупномъ человѣкѣ 40-хъ годахъ, который тоже стоялъ на точкѣ зрѣнія западническаго реализма и у котораго эта точка зрѣнія тоже неизбѣжно принимала буржуазную окраску (съ порядочной дозой скептицизма). Это И. С. Тургеневъ. Онъ—подобно Бѣлинскому и Грановскому—не забиралъ такъ глубоко, какъ Боткинъ. Но зато онъ, въ отличіе отъ послѣдняго, навсегда остался послѣдовательнымъ западникомъ, *изящнымъ* и тонкимъ индивидуалистомъ, при всемъ своемъ аристократизмѣ и индивидуализмѣ не отрекавшимся отъ лучшихъ традицій буржуазной идеологіи Запада.

Мы не знаемъ, заходилъ ли онъ въ 40-хъ гг. такъ далеко *налѣво*, какъ Боткинъ, но знаемъ очень хорошо, что въ 60-хъ гг. онъ не пошелъ вмѣстѣ съ нимъ *направо*. Какъ западникъ-реалистъ, онъ никогда не поклонялся народническимъ богамъ, потому что, по его мнѣнію, «ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода»—какъ думаютъ народники: «*мы сидимъ въ одномъ мышкѣ, и никакого за нами спеціально новаго слова не предвидится*». Но, повторяемъ, онъ не ставилъ вопроса во всей его широтѣ, какъ проблему соціологическую. Его замѣчанія о судьбахъ Россіи въ письмахъ и въ изреченіяхъ Созонта Ивановича Потугина («Дымъ») — геніальные афоризмы художника, не болѣе. Въ нихъ можно резюмировать конечный и наиболѣе общій результатъ соціологическаго построенія, но замѣнить такого построенія они не могутъ. Для того, чтобы нанести ударъ утопизму, ставшему съ 60-хъ гг. прочной литературной традиціей и сумѣвшему принарядиться въ научный костюмъ западнаго покроя, необходимо было вернуться къ тѣмъ положеніямъ, которыя Боткинъ въ 40-хъ гг. подхватилъ, но

которыя не вошли въ оборотъ, потому что не подходили къ «*той общественности, куда попали*».

А г. Чичерину не мѣшало бы знать, что «необоснованныя утвержденія» имѣютъ и на русской почвѣ свою литературную исторію, полную глубокаго общественнаго смысла и интереса. Изъ этой исторіи мы захватили выше лишь одну, правда, очень поучительную главу. Нѣсколько измѣняя слова г. Чичерина, мы можемъ сказать ему: не все такъ просто, какъ кажется.

Novus.

СУДЬБЫ РУССКОЙ КРИТИКИ.

(**А. Л. Волынскій.** Русскіе критики. Литературные очерки. Спб. 1896).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Г. Волынскій написалъ книгу подъ названіемъ «*Русскіе критики*». Что это за книга?

По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ, говоритъ пословица. Въ жизни очень нехорошо встрѣчать людей по платью, но въ «республикѣ слова» это не только позволительно, а прямо неизбѣжно. Литературная внѣшность всякаго даннаго произведенія прежде всего бросается въ глаза, и на основаніи этого «*платья*» можно составить себѣ довольно точное понятіе объ авторѣ. Le style c'est l'homme.

Литературная внѣшность книги г. Волынскаго не только громко кричитъ, а—прямо надо сказать—вопитъ противъ него.

Фамусову нравилось когда-то, что московскія барышни ни одного слова не произносили просто, а все съ ужимкой. Г. Волынскій почему то вообразилъ, что слѣдуетъ подражать этимъ барышнямъ. Онъ положительно не говоритъ иначе, какъ съ ужимкой и притомъ съ какой-то крикливой, истерической ужимкой. Коснется ли дѣло Пушкина, г. Волынскій закатываетъ глазки и выкрикиваетъ: «Его пафосъ не въ томъ, въ чемъ видитъ его Бѣлинскій. Его свѣтлый геній широкъ и грустенъ, какъ русская природа. Раздолье безъ конца, просторъ, необъемлемый глазомъ, безконечные лѣса, по которымъ пробѣгаетъ таинственный шумъ, и во всемъ этомъ какое-то томленіе невыразимой тоски и печали. Порывъ, удалой разгулъ страстей и затѣмъ, черезъ нѣсколько мгновеній, мысль о смерти, вопль неудовлетвореннаго чувства, настроеніе безсвязныхъ и своею безсвязностью мучительныхъ запросовъ, встающихъ въ туманѣ. Таковъ геній русской жизни. Такова русская душа», и т. д., и т. д. [1]). Заходитъ ли рѣчь о сатирѣ Гоголя, г. Волынскій опять поднимаетъ очи горѣ и вѣщаетъ: «Повсюду (у Гоголя) чувствуется сдавленный смѣхъ сквозь слезы, фанатическая ненависть къ пороку, стремленіе оторваться отъ земной жизни, неоставляющей въ душѣ ничего, кромѣ отчаянія, страстный порывъ къ небу съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, ищущими пристанища

[1]) Стр. 119—120.

и спасенія для измученнаго сердца» [1]). Добролюбовъ не зналъ, какъ увѣряетъ г. Волынскій, «никакихъ широкихъ увлеченій съ кипѣніемъ всѣхъ чувствъ»; статьи же Бѣлинскаго «облиты свѣтомъ внутренняго пожара» [2]). Короче, какую ни откройте страницу въ книгѣ «Русскіе критики», вы непремѣнно встрѣтитесь или съ «дуновеніемъ вѣчныхъ идеаловъ», или съ «вдохновеніемъ свыше», или съ «человѣкомъ, который мыслилъ вѣчность» (это Гегель), или съ «порывистой повадкой борьбы въ народномъ духѣ» (это у Бѣлинскаго была, изволите ли видѣть, натура, отличающаяся такой повадкой), или, наконецъ, еще съ какимъ-нибудь другимъ высокопарнымъ вздоромъ.

Часто, при чтеніи книги г. Волынскаго, намъ хотѣлось воскликнуть словами Базарова: «другъ мой, Аркадій Николаевичъ, пожалуйста, не говори красиво!» Однако мы тутъ же сознавались, что мы несправедливы къ Кирсанову. Онъ былъ—нечего грѣха таить—порядочный фразеръ, но фраза у него была плодомъ почти дѣтской наивности; фразерство же г. Волынскаго съ наивностью общаго ничего не имѣетъ. Оно почему-то напоминаетъ «паоосъ» Утѣшительнаго, о которомъ Швохневъ замѣчаетъ: «горячъ необыкновенно: еще первыя два слова изъ того, что онъ говоритъ, можно понять, а ужъ дальше ничего не поймешь». Очень, очень дурно нарядилъ свои мысли г. Волынскій!

А каковы эти мысли? каковъ «умъ» его книги?

Издавая въ свѣтъ эту книгу, г. Волынскій «хотѣлъ представить болѣе или менѣе законченный трудъ по исторіи русской критики въ ея главнѣйшихъ моментахъ» [3]). Изъ этого «труда» явствуетъ, что у насъ до сихъ поръ не было «истинной критики», и что если насъ не выручитъ г. Волынскій, то и впредь ничего хорошаго намъ ожидать невозможно.

«Истинная критика» есть «философская» и именно *идеалистическая* критика. Въ качествѣ таковой, она должна, конечно, опираться на какую-нибудь идеалистическую систему. Изложеніе г. Волынскаго не даетъ вполнѣ яснаго понятія о томъ, какой именно философской системы онъ придерживается. Но, кажется, что наибольшимъ его расположеніемъ пользуется «человѣкъ, который мыслилъ вѣчность», т.-е. Гегель. Мы предполагаемъ это потому, что, говоря объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, г. Волынскій дѣлаетъ несравненно болѣе ужимокъ, чѣмъ когда ему случается коснуться другихъ великихъ идеалистовъ. Если наше предположеніе справедливо, то нашъ авторъ представляетъ изъ себя чрезвычайно замѣчательное и едва ли не единственное въ своемъ родѣ явленіе: такъ рѣдки гегельянцы въ наше время.

Но съ тѣхъ поръ, какъ явилась система Гегеля, прошло, какъ извѣстно, не мало времени. Философская мысль не стояла на одномъ мѣстѣ.

---

[1]) Стр. 122.

[2]) Стр. 134—135.

[3]) Предисловіе, стр. I.

Внутри гегелевской школы произошло многознаменательное раздѣленіе. Нѣкоторые изъ примыкающихъ къ ней философовъ перешли къ матеріализму. А съ другой стороны естествознаніе и общественныя науки обогатились такими важными открытіями, что рѣшительно ни одинъ серьезный человѣкъ не можетъ теперь безъ очень и очень существенныхъ оговорокъ объявить себя послѣдователемъ Гегеля. Никакихъ такихъ оговорокъ мы не встрѣчаемъ въ книгѣ г. Волынскаго. Г. Волынскій не критикуетъ Гегеля. Критика замѣняется у него схоластическимъ и чрезвычайно мало содержательнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ параграфовъ гегелевской логики, да широковѣщательными и въ то же время ровно ничего невыражающими тирадами, въ родѣ нижеслѣдующей:

«Дѣло не въ томъ, вѣрна ли эта система въ отдѣльныхъ своихъ частностяхъ, выдержана ли она во всѣхъ подробностяхъ. Промыслить (!) весь міръ въ его идеальныхъ основахъ, уловить законы его непрекращающагося движенія, постигнуть живого Бога въ его общихъ и конкретныхъ выраженіяхъ, дать жизненный импульсъ абстрактному и одушевить конкретное жаждой безконечнаго—это *вѣчная* задача для философіи, которая не пожелаетъ ограничиться одними схоластическими, формальными построеніями. Тутъ неизбѣжны нѣкоторыя ошибки, которыя исчезнутъ въ потокѣ дальнѣйшаго философскаго прогресса. Тутъ неизбѣжны отдѣльные логическіе промахи. Но суть задачи, такимъ образомъ понятой, поставленной на такую реальную историческую (sic!) почву, внутренними узами связанной съ интересами человѣческаго существованія, останется неизмѣнной для всѣхъ временъ и эпохъ» [1]).

Что г. Волынскій «горячъ необыкновенно», это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но о немъ приходится сказать тѣми самыми словами, которыми онъ хочетъ характеризовать Бѣлинскаго: «*онъ не проявляетъ самобытнаго философскаго таланта*». Да что тамъ говорить о *самобытномъ* философскомъ талантѣ! Г. Волынскій неспособенъ правильно понимать даже чужія философскія мысли. Вотъ, напримѣръ, онъ побиваетъ матеріализмъ доводами Юркевича, выступившаго когда-то въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» противъ автора знаменитой статьи «Антропологическій принципъ въ философіи». Между прочимъ онъ приводитъ также слѣдующій рѣзкій приговоръ кіевскаго мыслителя: «Матеріализмъ, съ его категорическимъ утвержденіемъ, что физическія силы производятъ психическую жизнь, не имѣетъ права считать себя ни наукой, ни философіею, пригодной для современнаго человѣка. Это тоже метафизика, но притомъ метафизика грубая, догматически-первобытная, не понимающая, что матерія только въ связи съ сознаніемъ такова, какою она является въ опытѣ» [2]).

Допустимъ, что здѣсь правильно изложенъ взглядъ матеріалистовъ

---

[1]) Русскіе критики, стр. 59–60.

[2]) Ibid., стр. 284.

на отношеніе физическихъ силъ къ психической жизни. Допустимъ также, что въ силу изложеннаго соображенія, матеріализмъ оказывается грубой, догматически-первобытной метафизикой. Не пострадаетъ ли отъ этого нашего допущенія и идеализмъ, столь любезный сердцу г. Волынскаго?

Г. Волынскій правильно говоритъ, что «въ основаніе всей своей системы Гегель *положилъ понятіе духа*» [1]). На какомъ же основаніи сдѣлалъ это Гегель? Не показалось ли бы это грубой первобытно-догматической метафизикой тѣмъ самымъ людямъ, которые считаютъ неотразимымъ вышеприведенный доводъ противъ матеріализма? Извѣстно ли г. Волынскому, какъ смотрѣлъ самъ Гегель на то философское ученіе, изъ арсенала котораго заимствованъ этотъ доводъ? Юркевичу это было, конечно, все равно: ему надо было только посрамить матеріалистовъ. Но нашъ-то гегельянецъ съ какой стати вздумалъ восхищаться аргументаціей Юркевича? Неужели онъ считаетъ возможнымъ валить въ одну кучу абсолютный идеализмъ и «критическую» философію?

А теперь вернемся къ взгляду матеріалистовъ на отношеніе физическихъ силъ къ психической жизни.

Матерія, «какою она *является* намъ въ опытѣ», не есть вещь въ себѣ (Ding an sich), *ноуменъ*; она есть явленіе, *феноменъ*. Это неоспоримо; это простая тавтологія. Но неоспоримо и то, что сознаніе, какимъ оно *является* намъ въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, тоже есть *явленіе*, а не вещь въ себѣ. У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для того, чтобъ отождествлять одинъ изъ этихъ феноменовъ съ другимъ или вообще такъ или иначе сводить ихъ одинъ къ другому, напримѣръ, объявить матерію «инобытіемъ духа», какъ это дѣлалъ Гегель, или духъ—инобытіемъ матеріи, какъ это дѣлаютъ матеріалисты, по мнѣнію Юркевича, Волынскаго и прочихъ любомудровъ (имъ же имя легіонъ), не знающихъ исторіи матеріализма. Но у насъ есть всѣ необходимыя и достаточныя основанія для того, чтобы признать существованіе *извѣстной* связи между указанными феноменами.

Опытъ показываютъ, что *психическія* явленія вызываются извѣстными *физико-химическими* (физіологическими) явленіями въ нервной ткани. «Въ наши дни, конечно, никто изъ знакомыхъ съ дѣломъ и знающихъ факты не усомнится въ томъ, что основы психологіи заключаются въ физіологіи нервной системы», говоритъ Гексли. «Такъ называемыя дѣйствія духа представляютъ собою совокупность мозговыхъ функцій, и явленія сознанія составляютъ результатъ дѣятельности мозга» [2]). Такимъ образомъ, если бы мы сказали вмѣстѣ

[1]) Ibid, стр. 57.

[2]) Hume, sa vie, sa philosophie, Paris 1880, p. 108. Надобно замѣтить, впрочемъ, что чувствительностью обладаютъ, повидимому, уже такіе организмы, у которыхъ еще нѣтъ отдѣльной нервной системы.

со Спинозой, что мысль и матерія представляютъ собою два различные атрибута одной и той же субстанціи, то мы должны были бы въ то же время признать, что первый изъ этихъ атрибутовъ обнаруживается лишь подъ вліяніемъ второго. Это рѣшительно ни въ чемъ не противорѣчило бы выводамъ современной науки, а между тѣмъ это составляло бы какъ разъ тотъ взглядъ на «психическую жизнь», который такъ не нравился Юркевичу.

II.

Пойдемъ дальше. Юркевичъ увѣрялъ, что матеріализмъ не можетъ дать прочной основы истинно прогрессивному міросозерцанію. То же повторяетъ г. Волынскій, стараясь выставить на видъ преимущества идеализма съ точки зрѣнія *практическаго разума*. Но, не обладая ни «самобытнымъ философскимъ талантомъ», ни даже простою способностью правильно понимать чужія мысли, нашъ авторъ и въ этомъ случаѣ плохо успѣваетъ въ своемъ намѣреніи. Вотъ, напримѣръ, Бѣлинскій упрекалъ Гегеля въ томъ, что «субъектъ у него не самъ по себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это общее является у него Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ, оно бросаетъ его, какъ старые штаны».

Г. Волынскій возражаетъ:

«Зависимость субъекта отъ мірового всеобъединяющаго духа — истинная сила этой системы, опредѣлившей (!?) верховный законъ, смыслъ и порядокъ въ процессѣ жизни. Именно въ этомъ пунктѣ ученіе Гегеля поднимается надъ заурядnымъ знаніемъ (а! именно въ этомъ,—такъ и запишемъ), сливая науку съ религіей, давая твердый отвѣтъ на лучшіе запросы человѣческой души» [1]).

Скажите читатель, «твердый» ли это отвѣтъ и вообще

...отвѣтъ ли это, полно?

Бѣлинскій говоритъ, что всѣ толки Гегеля о нравственности пустяки, «ибо въ объективномъ царствѣ мысли нѣтъ нравственности». Не трудно показать, что это «ибо» неосновательно. Но г. Волынскій ничего не показываетъ, а, закативши по своему обыкновенію глазки, даетъ волю своему «пафосу».

«Если, чтобы спасти человѣчество отъ безнравственности, нужны ребяческія выдумки дилетантскаго субъективизма, то не подлежитъ сомнѣнію, что человѣчество можетъ быть спасено только усиліями чисто русской философіи (о которой Бѣлинскій никогда и не мечталъ). Философія, мыслящая міровое начало, дѣлающая человѣка органомъ воплощенія объективныхъ силъ, философія, созерцающая красоту и правду

[1]) «Русскіе критики», стр. 101.

въ движеніи всеобщаго разума,—такая философія должна погубить человѣчество. Спасеніе только въ нутрѣ» [1]).

Да горячъ, необыкновенно горячъ г. Волынскій!

А то вотъ еще тирада не только съ «кипѣніемъ чувствъ», но даже какъ бы и съ нѣкоею философскою хитростью.

«Прогрессивная сила идеализма—въ отчетливомъ пониманіи той борьбы, которая вѣчно происходитъ между высшими и низшими началами человѣка. Видѣть всю природу въ свѣтѣ сознанія, подчинить механическое движеніе естественныхъ силъ высшему, духовному принципу, выдвинуть свободную человѣческую волю, какъ рычагъ перестройки грубыхъ формъ историческаго существованія—вотъ въ чемъ задача идеализма, если обратить его не только къ теоретическимъ, но и практическимъ интересамъ человѣчества. Вѣчные контрасты между идеей и фактомъ, между чувственнымъ опытомъ и требованіями разума—вотъ средство для настоящей гуманной и нравственной агитаціи. Прогрессивный по самой природѣ, идеализмъ только въ неопытныхъ рукахъ можетъ обратиться въ орудіе ретроградnаго вліянія» [2]).

Хорошо сдѣлалъ бы г. Волынскій, если бы усвоилъ себѣ привычку перечитывать при «свѣтѣ сознанія» хоть тѣ строки, въ которыхъ кипѣніе чувствъ происходитъ по поводу важныхъ философическихъ матерій. Отъ многихъ пустяковъ спасла бы его такая привычка.

Прогрессивная сила діалектическаго идеализма заключалась вовсе не въ сочиненномъ г. Волынскимъ отчетливомъ пониманіи борьбы, происходящей между высшими и низшими началами человѣка.

Католическіе патеры, а особенно іезуиты всегда занимались этой борьбой гораздо больше и, конечно, понимали ее отчетливѣе, чѣмъ великіе идеалисты, у которыхъ, по крайней мѣрѣ въ лучшіе періоды ихъ жизни—было такъ много свѣтлаго языческаго духа древней Греціи. Прогрессивная сила діалектическаго идеализма заключалась въ томъ, что онъ разсматривалъ явленія въ процессѣ ихъ развитія, ихъ возникновенія и ихъ уничтоженія. Достаточно твердо усвоить себѣ точку зрѣнія развитія, чтобъ лишиться всякой возможности быть искреннимъ *консерваторомъ*. А пока человѣческій родъ находится въ восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія,—всякій, усвоившій себѣ точку зрѣнія развитія, непремѣнно будетъ *прогрессистомъ*, если не пожелаетъ входить въ сдѣлки со своею совѣстью и не утратитъ въ сущности совершенно элементарной способности дѣлать правильныя умозаключенія изъ имъ же самимъ принятыхъ посылокъ. Но для того, чтобы умѣть твердо стоять на указанной точкѣ зрѣнія, вовсе нѣтъ надобности быть идеалистомъ. Новѣйшій діалектическій матеріализмъ держится за нее *по меньшей мѣрѣ* такъ же прочно, какъ и идеализмъ первой половины XIX вѣка.

---

[1]) Ibid., стр. 102.

[2]) Русскіе критики, стр. 86.

Видѣть всю природу въ свѣтѣ сознанія, подчинить механическое движеніе высшему духовному принципу... Это, конечно, было бы красиво, но, къ сожалѣнію, г. Волынскій не объясняетъ, какимъ именно образомъ идеализмъ рѣшилъ эту «задачу», и въ чемъ рѣшеніе, данное идеализмомъ, отличается отъ рѣшенія, предлагаемаго современнымъ естествознаніемъ и современной техникой, которыя, какъ извѣстно, довольно успѣшно подчиняютъ силы природы («естественныя силы» г. Волынскаго) человѣческому разуму, т.-е.—если вамъ угодно выражаться высокимъ стилемъ—высшему духовному принципу. Или, можетъ быть, г. Волынскій какъ-нибудь иначе ухитряется видѣть природу въ свѣтѣ сознанія? Можетъ быть, видѣть природу въ этомъ освѣщеніи значитъ просто объявить матерію «*инобытіемъ духа*» и *построить* сообразную этому основному положенію натурфилософію. Но вѣдь такая «задача» относится къ области *теоретическаго* разума, а мы съ г. Волынскимъ занимаемся въ настоящую минуту идеализмомъ, обращеннымъ «не только къ теоретическимъ, но и къ практическимъ интересамъ человѣчества». Какъ же понимать нашего мыслителя?

Охъ, горячъ, необыкновенно горячъ г. Волынскій! Еще первыя два слова изъ того, что онъ говоритъ, можно понять, а ужъ дальше ничего не поймешь!

«Задача» идеализма заключается также и въ томъ, чтобы выдвинуть человѣческую волю, какъ рычагъ для перестройки грубыхъ формъ историческаго существованія.

Прекрасно. Но взглянемъ на это дѣло при «свѣтѣ сознанія».

По ученію великихъ идеалистовъ первой половины нашего вѣка, историческое развитіе человѣчества вовсе не есть продуктъ свободной воли людей. Совершенно наоборотъ. Исторія ведетъ человѣчество къ *свободѣ*, но задача философіи заключается въ томъ, чтобы понять это движеніе, какъ *необходимое*. Разумѣется, ни люди вообще, ни великіе историческіе дѣятели въ частности не лишены *воли*; но ихъ воля въ каждомъ своемъ, будто бы совершенно *свободномъ* самоопредѣленіи всецѣло подчиняется *необходимости*. Притомъ же люди никогда не охватываютъ своихъ поступковъ во всей полнотѣ ихъ будущихъ послѣдствій. Поэтому историческое движеніе въ весьма значительной степени совершается совершенно независимо отъ человѣческаго сознанія и человѣческой воли. Такъ представлялось дѣло Шеллингу и Гегелю, когда они смотрѣли на него съ *теоретической* точки зрѣнія. Переходя къ *практическимъ* вопросамъ, они, конечно, должны были взглянуть на него съ другой стороны.

Въ своемъ самоопредѣленіи воля подчиняется необходимости. Но, какъ бы ни было необходимо всякое данное ея опредѣленіе (т.-е. какъ бы ни была призрачна наша внутренняя *свобода*), воля людей, разъ опредѣлившись, становится источникомъ *дѣйствія*, а слѣдовательно также и *причиной общественныхъ явленій*. Человѣкъ не сознаетъ того

процесса, которымъ опредѣляется его воля; но онъ болѣе или менѣе ясно сознаетъ *результаты* этого процесса, т.-е. онъ знаетъ, что въ данную минуту онъ хочетъ дѣйствовать такъ, а не иначе. Когда мы добиваемся какой-нибудь практической цѣли, когда мы стремимся, напримѣръ, отмѣнить то или другое устарѣлое общественное учрежденіе, мы стараемся поступать такъ, чтобы воля окружающихъ насъ людей опредѣлилась именно сообразно нашему желанію. Мы убѣждаемъ ихъ, мы споримъ съ ними, мы взываемъ къ ихъ чувству. Это наше вліяніе на нихъ непремѣнно войдетъ въ число условій, которыми опредѣлится ихъ воля. Процессъ ея опредѣленія будетъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, *необходимымъ* процессомъ; но въ разгарѣ нашей агитаціи мы совершенно позабудемъ объ этомъ. Наше вниманіе сосредоточится не на томъ обстоятельствѣ, что воля людей является *слѣдствіемъ*, а на томъ, что она *бываетъ причиной*, т.-е. въ данномъ случаѣ можетъ вызвать желательныя для насъ измѣненія въ общественномъ быту. Такимъ образомъ, *на практикѣ* мы будемъ считаться съ волею людей, *какъ будто бы она была свободна*. Поступать иначе совершенно невозможно по самой природѣ явленія, называемаго самоопредѣленіемъ человѣческой воли.

Это прекрасно знали идеалисты-діалектики. Поэтому, разсматривая въ теоріи волю, какъ *слѣдствіе*, они на практикѣ видѣли въ ней *причину*, т.-е. какъ бы признавали ея свободу. Но это еще совсѣмъ не доказываетъ ихъ прогрессивныхъ стремленій, равно какъ и не составляетъ отличительной черты ни діалектическаго идеализма въ частности, ни идеализма вообще. Въ своей практической философіи матеріалисты (за исключеніемъ развѣ лишь Жака Фаталиста) никогда не высказывали другого взгляда на человѣческую волю. Пусть г. Волынскій припомнитъ хотя бы Дидро. Нынѣшніе же матеріалисты-діалектики особенно хорошо помнятъ, что на практикѣ воля людей есть необходимый рычагъ для перестройки грубыхъ формъ историческаго существованія. Почему же г. Волынскій вообразилъ, что «рычагъ» извѣстенъ только идеалистамъ? Вѣроятно, потому, что отличительные признаки идеализма плохо извѣстны г. Волынскому.

Намъ сдается, впрочемъ, что тутъ была еще и другая причина. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій у насъ много разсуждали какъ разъ на ту тему, что воля людей есть необходимый рычагъ общественнаго прогресса. Эта безспорная истина, понятная всякому, даже необучавшемуся въ семинаріи, была объявлена великимъ открытіемъ, ее старательно разводили въ водѣ будто бы научнаго многословія, ее жевали и пережевывали, ее подпирали разнаго рода «*законами*», окружали «*формулами*», дополняли «*поправками*» и «*поправками къ поправкамъ*». Благодаря вознѣ съ ней, у насъ вдругъ явилось множество «нашихъ почтенныхъ соціологовъ», глубокомысліе которыхъ признано всѣми неиспорченными россіянами, а извѣстность того и гляди пере-

шагнетъ за предѣлы отечества. Слава «нашихъ почтенныхъ соціологовъ» не давала спать г. Волынскому, подобно тому, какъ слава Мильтіада не давала уснуть Ѳемистоклу. Но идти по проложенной уже тропѣ онъ не хотѣлъ. Онъ ясно видѣлъ, что ему, не смотря ни на какія усилія и ужимки, не удалось бы превзойти своихъ предшественниковъ въ плодотворномъ дѣлѣ измышленія «законовъ», «формулъ» и «поправокъ». И вотъ онъ рѣшился выступить на новый путь. Подмѣтивъ, что «наши почтенные соціологи» весьма слабоваты по части философіи, онъ объявилъ себя идеалистомъ и пошелъ, для острастки, поминутно (и всегда всуе) поминать то Шопенгауера, то Гегеля, то Шеллинга, то Фихте. А такъ какъ идеализму приписывали у насъ консервативныя тенденціи, то г. Волынскій сталъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ—частью на языкѣ институтки, начитавшейся Марлинскаго, частью на языкѣ бурсака, сбитаго съ толку непереваренной «премудростью книжной», а частью, наконецъ, прямо на языкѣ Утѣшительнаго—твердить своимъ читателямъ, что въ сущности онъ, идеалистъ г. Волынскій, нисколько не менѣе прогрессивенъ, чѣмъ «наши почтенные соціологи», но что онъ, будучи глубже и ученѣе, можетъ въ каждую данную минуту мобилизировать для защиты прогресса цѣлую армію самыхъ страшныхъ философовъ, между тѣмъ, какъ они, «наши почтенные соціологи», знаютъ только «формулы» да «поправки». А чтобы у читателя не осталось никакого сомнѣнія насчетъ его прогрессивныхъ намѣреній, г. Волынскій выдвинулъ свободную волю, какъ рычагъ и проч. Такимъ образомъ, выходило, что, раскланиваясь съ «нашими почтенными соціологами» и подчинившись умственному руководительству г. Волынскаго, читатель цѣликомъ сохранилъ бы издавна любезный ему «рычагъ», а въ то же время пріобрѣлъ бы цѣлую уйму философскаго глубокомыслія. Выгоднѣе такого обмѣна ничего и придумать невозможно.

Г. Волынскому хочется увѣрить своихъ читателей, что его взгляды заключаютъ въ себѣ полное отрицаніе тѣхъ философскихъ грѣховъ, которыхъ,—надо сознаться, — не мало накопилось за русской мыслью, начиная съ двадцатыхъ годовъ и до настоящаго времени. На самомъ же дѣлѣ, его взгляды являются возведеніемъ этихъ самыхъ грѣховъ въ квадратъ, если не въ четвертую степень. Его теоретическая философія сводится къ совершенно безсодержательнымъ фразамъ; его практическая философія есть не болѣе, какъ чрезвычайно плохая пародія на нашу «субъективную соціологію».

III.

Разсужденія г. Волынскаго объ «истинной критикѣ» отличаются такою же безсодержательностью, какъ и всѣ другія его философическія упражненія.

«Изучая дѣятельность русскихъ критиковъ,—возвѣщаетъ онъ еще

въ предисловіи,—я держался, какъ это будетъ видно изъ самой книги, того мнѣнія, что критика художественныхъ произведеній должна быть не публицистическою, а философскою,—должна опираться на твердую систему философскихъ понятій извѣстнаго идеалистическаго типа. Она должна слѣдить за тѣмъ, какъ поэтическая идея, возникнувъ въ таинственной глубинѣ человѣческаго духа, пробивается сквозь пестрый матерьялъ жизненныхъ представленій и взглядовъ автора. Эта поэтическая идея, либо перерабатываетъ факты внѣшняго опыта и показываетъ ихъ въ томъ освѣщеніи, которое позволяетъ измѣрить ихъ истинную значительность, либо, при ограниченности природнаго таланта писателя, сама разлагается подъ вліяніемъ его психологическихъ особенностей и фальшивыхъ тенденцій его міровоззрѣнія. И настоящая литературная критика должна быть компетентна, какъ въ оцѣнкѣ поэтическихъ идей, всегда имѣющихъ отвлеченную природу, такъ и въ раскрытіи творческаго процесса, который является взаимодѣйствіемъ сознательныхъ и безсознательныхъ силъ художника. Искусство можетъ выдать свои тайны только пытливой мысли философа, который въ созерцательномъ экстазѣ соединяетъ все конечное съ безконечнымъ, связываетъ психологическія настроенія, выливающіяся въ поэтическихъ образахъ, съ вѣчными законами мірового развитія».

Уфъ! дайте перевести духъ... Мы потому сдѣлали эту длинную выписку, что намъ хотѣлось разомъ ознакомить васъ, читатель, съ «истинной критикой».

Теперь, если бы вы пять разъ перечитали книгу г. Волынскаго, то и тогда не нашли бы возможности прибавить какія-нибудь новыя черты къ почтенному, хотя и нѣсколько педантическому образу этой старушки-критики. Все, что говоритъ о ней далѣе нашъ авторъ, представляетъ лишь краснорѣчивыя варіаціи (вамъ уже знакомо его высокое краснорѣчіе) на тему о необходимости раскрытія творческаго процесса и оцѣнки отвлеченныхъ поэтическихъ идей, а также и о пользѣ созерцательнаго экстаза. Ото всѣхъ этихъ варіацій вѣетъ по истинѣ смертельной скукой, а когда г. Волынскій, говоря о какомъ-нибудь отдѣльномъ поэтическомъ произведеніи, высказываетъ правильный взглядъ на него, то, при ближайшемъ разсмотрѣніи, этотъ взглядъ оказывается заимствованнымъ у того самаго Бѣлинскаго, который «не умѣлъ спокойно допытываться истины» и не проявлялъ «самобытнаго философскаго таланта». Мучить читателя новыми выписками мы поэтому не станемъ, а только укажемъ на то, какъ чинитъ г. Волынскій судъ и расправу надъ своими предшественниками въ области литературной критики.

Призывая ихъ одного за другимъ къ своему философскому трибуналу, онъ спрашиваетъ:

1) Всегда ли признавалъ подсудимый нѣкоторыя философскія понятія «извѣстнаго идеалистическаго типа»?

2) Всегда ли онъ былъ достаточно твердо убѣжденъ, что критика должна быть философской, а не публицистической?

Если за подсудимымъ оказываются кое-какіе проступки на этотъ счетъ, то съ нашимъ авторомъ немедленно начинается истерика. Онъ на разные голоса кричитъ о Богѣ, о небѣ, о вѣчности, объ истинѣ, о красотѣ, о поэтической идеѣ и прочихъ возвышенныхъ предметахъ.

Накричавшись вдоволь, онъ утихаетъ и спѣшитъ успокоить перепуганныхъ читателей, давая имъ понять, что, хотя въ лицѣ подсудимаго бѣдная русская мысль провинилась дѣйствительно очень сильно, но что унывать все-таки не надо, пока у насъ есть такой бравый литературный молодецъ, какъ онъ, г. Волынскій, который, воздавъ коемуждо по дѣломъ его, съ Божьей помощью все поправитъ, все уладитъ, все разберетъ, сдѣлаетъ надлежащую оцѣнку всѣмъ отвлеченнымъ поэтическимъ идеямъ и даже, въ созерцательномъ экстазѣ, соединитъ все конечное съ безконечнымъ. Проникаясь этимъ отраднымъ убѣжденіемъ, читатель тѣмъ презрительнѣе начинаетъ смотрѣть на всѣхъ этихъ Бѣлинскихъ и Добролюбовыхъ, которые выглядятъ такими жалкими пигмеями въ сравненіи съ великимъ авторомъ книги «Русскіе критики».

Бѣлинскому, Добролюбову да еще автору «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» всего сильнѣе достается отъ г. Волынскаго. Это понятно. Они виноваты уже тѣмъ, что позволили себѣ прославиться раньше его. Кромѣ того, за каждымъ изъ нихъ есть особыя провинности. Бѣлинскій не понялъ выраженія Гегеля: что дѣйствительно, то разумно, а потомъ измѣнилъ идеализму, разбранилъ Гоголевскія «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» и проч. Авторъ «Эстетическихъ отношеній искусства въ дѣйствительности» былъ авторомъ «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» и къ тому же въ философіи рѣзко разошелся съ Юркевичемъ. Добролюбовъ не былъ склоненъ къ «кипѣнію всѣхъ чувствъ»; имѣлъ «узкій взглядъ на нужды общественной жизни, на цѣли прогресса»; занимался критикой публицистической, а отнюдь не философской; былъ главнымъ сотрудникомъ «Свистка», и т. д., и т. д. Короче, невозможно даже и пересчитать проступки и преступленія этихъ непріятныхъ людей, которыми мыслящая Россія почему-то вздумала гордиться, не посовѣтовавшись предварительно на этотъ счетъ съ г. Волынскимъ!

Въ слѣдующихъ статьяхъ намъ придется говорить о взглядахъ этихъ людей. Тамъ мы разберемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ обвиненій, выдвигаемыхъ противъ нихъ нашимъ будто бы гегельянцемъ. Теперь же мы сдѣлаемъ по ихъ поводу лишь нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Кто не знаетъ у насъ теперь, что Бѣлинскій неправильно понялъ знаменитое положеніе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго? Объ этой ошибкѣ нашего Лессинга говорили и писали такъ много, что о

ней знаетъ каждый школьникъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что каждый школьникъ имѣетъ больше «самобытнаго, философскаго таланта», чѣмъ имѣлъ Бѣлинскій. Можно ошибаться на разные лады, точно такъ же, какъ можно на разные лады высказывать правильныя мысли. Иной и въ заблужденіяхъ своихъ обнаруживаетъ большой умъ, а иной и справедливыя мысли повторяетъ на манеръ попугая. Мы покажемъ, что какъ разъ такимъ образомъ обстоитъ дѣло съ Бѣлинскимъ съ одной стороны и съ г. Волынскимъ—съ другой. *Консервативные выводы, сдѣланные Бѣлинскимъ изъ философіи Гегеля, будучи совершенно неправильны, въ то же самое время дѣлаютъ ему величайшую честь, показывая, что онъ былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ изо всѣхъ умовъ, когда-либо выступавшихъ у насъ на литературное поприще*; идеалистическій же либерализмъ г. Волынскаго есть не болѣе, какъ фразерство самаго дурного тона.

Нападки нашего идеалистическаго критика на «Свистокъ» страннымъ образомъ напоминаютъ недавнія горячія нападки нашихъ субъективистовъ и народниковъ на будто бы неприличный тонъ нѣкоторыхъ враговъ субъективизма и народничества. Тѣ же упреки въ «шутовствѣ», въ глумленіи, въ несерьезномъ отношеніи къ будто бы серьезнымъ мнѣніямъ. Читая грозныя филиппики противъ «свистуновъ», мы иногда забывали, что имѣемъ дѣло съ г. Волынскимъ, разящимъ дѣятелей прошлаго, и намъ начинало казаться, что мы наслаждаемся одной изъ полемическихъ статей «Русскаго Богатства» противъ нынѣшнихъ нашихъ неразумныхъ послѣдователей извѣстнаго нѣмецкаго мыслителя.

Еще одно слово. Когда «человѣкъ, мыслившій вѣчность», брался за изображеніе какого-нибудь процесса развитія, то онъ дѣйствительно умѣлъ подмѣтить и оттѣнить его *главнѣйшіе моменты*. Г. Волынскій непохожъ въ этомъ отношеніи на «человѣка, мыслившаго вѣчность». Онъ взялся показать намъ главнѣйшіе моменты въ исторіи развитія русской критики, но у него вышло, что никакихъ «моментовъ» у насъ вовсе и не было, а былъ одинъ хаосъ, были одни сплошныя заблужденія, черная туча которыхъ росла все болѣе и болѣе, все мрачнѣе и мрачнѣе облагая и безъ того уже неясное русское небо, пока не явился, наконецъ, нашъ критическій мессія и не возсіяло надъ нашею землей яркое солнце разума въ лицѣ г. Волынскаго. Появленіе г. Волынскаго составляетъ, такимъ образомъ, первый «моментъ» въ исторіи русской мысли.

«Человѣкъ, мыслившій вѣчность» врядъ ли помирился бы съ такимъ результатомъ «труда» нашего автора.

IV.

Критика «должна слѣдить за тѣмъ, какъ поэтическая идея, возникнувъ въ таинственной глубинѣ человѣческаго духа, пробивается сквозь пестрый матеріалъ жизненныхъ представленій и взглядовъ

автора». Хорошо, положимъ, что это составляетъ важнѣйшую задачу критики. Но вѣдь «*матеріалъ*», сквозь который будто бы «пробивается» поэтическая идея, дается окружающей художника общественной средой, да и сама-то поэтическая идея, въ какой бы «глубинѣ духа» она ни зарождалась, не можетъ не испытать на себѣ вліянія этой сферы. Поэтическія идеи Эсхила не похожи на поэтическія идеи Шекспира. И если правъ г. Волынскій, говоря, что критика должна быть компетентна, какъ въ оцѣнкѣ поэтическихъ идей, такъ и въ раскрытіи творческаго процесса, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она должна «опираться» прежде всего на исторію. «Философскія понятія извѣстнаго идеалистическаго типа» не много уяснятъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о *фактахъ* и о существующей «между ними *причинной связи*. А что для пониманія процесса художественнаго творчества нужно знакомство съ фактами, т.-е. съ исторіей искусства, въ этомъ невозможно и сомнѣваться. Этотъ процессъ не есть однообразный процессъ, въ которомъ всегда участвуютъ однѣ и тѣ же способности.

Въ различныя историческія эпохи онь приводитъ въ движеніе весьма различныя «психическія силы» (скажемъ такъ, чтобы задобрить г. Волынскаго), вслѣдствіе чего искусство, свойственное каждой изъ эпохъ, всегда имѣетъ свой особый характеръ.

Для поясненія нашей мысли возьмемъ примѣръ изъ исторіи живописи во Франціи. Въ картинахъ *Буше* преобладаетъ изящная граціозная чувственность, въ картинахъ *Давида*—извѣстная условная простота; наконецъ въ картинѣ живописцевъ-романтиковъ, въ родѣ *Делакруа* или *Жерико*, равнодушныхъ къ граціи и ненавидящихъ условную простоту, господствуетъ то, что французы называютъ le pathétique (достаточно припомнить «Dante et Virgile» и «le Radeau de la Méduse»). Это три особыхъ школы. И каждая изъ этихъ школъ не такъ относится къ рисунку и краскамъ, къ композиціи, какъ другая. Понятно что Буше для его творчества нужна была *одна* совокупность способностей, Давиду — *другая*, а романтикамъ-живописцамъ — *третья*. Но откуда же произошло это различіе. Не объясняется ли оно особенностями характера отдѣльныхъ лицъ? Нѣтъ, и именно потому, что мы говоримъ не о такихъ особенностяхъ, которыя свойственны были отдѣльнымъ живописцамъ, а о такихъ, которыя принадлежали цѣлымъ школамъ, а, вѣрнѣе сказать, *цѣлымъ эпохамъ* [1]).

Идеалистическая эстетика знала, разумѣется, что каждая великая

---

[1]) Давидъ говорилъ о себѣ: je n'aime ni je ne sens le merveilleux; je ne puis marcher à l'aise qu'avec le secours d'un fait réel (Delécluze, L. David, son école et son temps, Paris 1855, p. 338). Это чрезвычайно характерно для XVIII вѣка вообще и для второй половины въ особенности. *Разсудочность* была свойственна тогда всѣмъ (а особенно передовымъ людямъ). Поэтому она нравилась и въ манерѣ Давида и его школы. А въ XIX вѣкѣ эту самую разсудочность поставили ему въ вину, горько упрекая его въ недостаткѣ *воображенія*.

историческая эпоха имѣла свое искусство (напр., Гегель различаетъ восточное, классическое и романтическое искусство); но въ этомъ случаѣ она, констатируя очевидные факты, давала имъ совершенно неудовлетворительное объясненіе. Исторія искусства объяснялась въ послѣднемъ счетѣ свойствами *духа*, законами развитія *абсолютной идеи*. Когда за подобныя объясненія берется какой-нибудь г. Волынскій, то у него ровно ничего, кромѣ пустыхъ, будто бы философскихъ фразъ, не выходитъ. Но, когда такимъ дѣломъ занимается гигантъ, подобный Гегелю, тогда безспорно въ результатѣ получаются подчасъ очень и очень остроумныя и даже прямо геніальныя логическія постройки. Одно плохо. Эти геніальныя постройки обыкновенно ровно ничего не объясняютъ, т.-е. совсѣмъ не ведутъ къ той цѣли, ради которой онѣ возводятся. Въ самомъ дѣлѣ, Гегель намъ говоритъ, что классическое искусство отличается полнымъ равновѣсіемъ между формой и содержаніемъ, между тѣмъ какъ въ романтическомъ искусствѣ содержаніе (идея) беретъ перевѣсъ надъ формою. Это очень интересное замѣчаніе, которое полезно помнить всякому, кто занимается исторіей искусства. Но *почему* же содержаніе перевѣшиваетъ форму въ романтическомъ искусствѣ? На это не умѣетъ отвѣтить идеалистическая эстетика Гегеля, такъ какъ нельзя же считать за отвѣтъ указанія на то, что *безконечное* (содержаніе, идея) въ своемъ логическомъ развитіи непремѣнно должно перевѣсить конечное (форму). Тутъ повторяется то же, что мы видимъ въ «*Philosophie der Geschichte*», гдѣ историческое движеніе человѣчества объясняется логическими законами развитія той же абсолютной идеи, и гдѣ эти логическіе законы тоже ничего не объясняютъ. И точно такъ же, какъ въ «*Philosophie der Geschichte*» Гегель и въ «Эстетикѣ» временами самъ покидаетъ свое идеалистическое царство тѣней для того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ житейской дѣйствительности. И замѣчательно, что грудь старика дышитъ въ этихъ случаяхъ такъ хорошо, какъ будто она никогда и не вдыхала другого воздуха. Напомнимъ его разсужденія о голландской живописи.

Извѣстно, что картины голландскихъ живописцевъ почти никогда не отличаются «возвышеннымъ» содержаніемъ. Эти живописцы какъ будто поклялись забыть «высокіе» предметы и изображать одну житейскую прозу. Гегель спрашиваетъ: не согрѣшили ли они этимъ противъ правилъ эстетики? и отвѣчаетъ, что нѣтъ и что вообще ихъ сюжеты вовсе не такъ низки, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда.

«Голландцы,—говоритъ онъ,—взяли содержаніе своихъ картинъ изъ самихъ себя, изъ современной имъ ихъ собственной жизни; нельзя упрекать ихъ за то, что они съ помощью искусства воспроизвели эту современную имъ дѣйствительность». Если бы они не стали воспроизводить ея, то ихъ картины утратили бы всякій интересъ въ глазахъ современниковъ. Чтобы понять голландскую живопись, надо вспомнить ихъ исторію. Голландцы отвоевали у моря ту почву, на которой они

живутъ; благодаря ихъ настойчивости, терпѣнію и мужеству, имъ удалось свергнуть господство Филиппа II и завоевать религіозную и политическую свободу, а ихъ трудолюбіе и предпріимчивость обезпечили имъ значительное благосостояніе. Голландцамъ были дороги эти свойства ихъ характера и эта ихъ почтенная буржуазная зажиточность. А эти-то свойства и эту-то зажиточность и воспроизводили голландскіе живописцы. Мы видимъ ихъ и въ картинахъ Рембрандта, и въ портретахъ Ванъ-Дика, и въ сценахъ Вувермана [1]). Для насъ важно здѣсь не то, что Гегель старается оправдать голландскихъ живописцевъ: по нашему мнѣнію, они никогда ни въ чьей защитѣ не нуждались. Но мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что великій идеалистъ очень хорошо умѣлъ объяснять по крайней мѣрѣ нѣкоторыя явленія въ исторіи искусства *ходомъ развитія общественной жизни*. Чтобы понять живопись голландцевъ, надо вспомнить ихъ исторію. Это совершенно справедливая мысль. Но эта справедливая мысль наводитъ на размышленія, очень опасныя для идеалистической эстетики.

Что если мысль, справедливая въ примѣненіи къ голландской живописи, оказалась бы столь же справедливой въ примѣненіи къ живописи въ Италіи, къ скульптурѣ въ Греціи, къ поэзіи во Франціи, и т. д., и т. д.? Исторія искусства стала бы объясняться исторіей общественной жизни, и въ хитроумныхъ логическихъ постройкахъ идеалистовъ, аппелирующихъ къ свойствамъ абсолютной идеи, не оказалось бы ни малѣйшей надобности. *Идеалистическая эстетика умерла бы сама собою.*

Такъ оно и произошло на самомъ дѣлѣ. Пока идеалистическая эстетика возилась съ абсолютной идеей, въ литературѣ передовыхъ европейскихъ странъ все болѣе и болѣе распространялся и укрѣплялся взглядъ, согласно которому *духовное* развитіе человѣчества есть лишь отраженіе его *общественнаго* развитія. Уже на рубежѣ XIX вѣка явилась книга г-жи Сталь: *De la litterature, considerée dans les rapports avec les institutions sociales* (*Paris, 8*). Задача, которую поставила себѣ г-жа Сталь, была разрѣшена очень неудовлетворительно: она далеко превышала силы этой знаменитой, но въ сущности поверхностной писательницы, едва ли даже вполнѣ понимавшей все ея огромное значеніе. Но задача была поставлена, и это было уже чрезвычайно важно. За ея правильное рѣшеніе ручалась сама общественная жизнь западной Европы.

Франція сдѣлала для этого рѣшенія больше, чѣмъ другія страны, а между французами люди, яснѣе другихъ понимавшіе дѣло, были далеко не всегда литераторами по спеціальности. Такъ, напримѣръ, извѣстный историкъ *Гизо* несравненно правильнѣе и глубже понималъ его, чѣмъ Вильмэнъ или Викторъ Гюго. Въ своемъ замѣчательномъ

[1]) Vorlesungen über die Aesthetik, 1-er Band. Berlin 1835, Ss. 216 — 217. Ср. также, т. II, B. Ss. 222—223.

сочиненіи «*Etude sur Shakspeare*» (1821 г.) Гизо безъ всякихъ колебаній и вполнѣ послѣдовательно держится того убѣжденія, что литературная исторія всякой данной страны есть плодъ ея соціальной исторіи. Шекспиръ является совершенно законнымъ дѣтищемъ англійскихъ общественныхъ отношеній и нравовъ времени Елизаветы. Точно также, если Гизо думаетъ, что классицизмъ отжилъ свое время, то это потому, что уже не существуетъ того общества, блестящимъ выраженіемъ котораго онъ явился. Наконецъ, если Гизо полагаетъ, что только «система Шекспира» способна дать теперь «тѣ планы, согласно которымъ долженъ работать геній» (les plans d'après les quels le genie doit maintenant travailler), то это опять по причинѣ, коренящейся въ общественномъ строѣ: «только эта система способна охватить всѣ общественныя положенія и всѣ чувства... столкновеніе и дѣятельность которыхъ составляютъ для насъ зрѣлище человѣческой жизни».

Если мы сравнимъ этотъ этюдъ Гизо съ знаменитымъ предисловіемъ къ «Кромвеллю», которое считается литературнымъ манифестомъ романтиковъ, то увидимъ, что въ дѣлѣ объясненія историческаго развитія драмы поэтъ оказывается просто ребенкомъ передъ историкомъ. Оно и неудивительно. Богатый запасъ *историческихъ* знаній и самъ по себѣ очень хорошая вещь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ *историческомъ* развитіи. Но нашъ историкъ былъ не просто историкомъ. Ученый, способный къ усидчивому кабинетному труду, дополнялся въ немъ *практическимъ* дѣятелемъ. Гизо былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся политическихъ представителей французской буржуазіи XIX вѣка. Политическая борьба рано показала ему, гдѣ находятся, незамѣтныя для глазъ, закрытыхъ поэтической завѣсой, тайныя пружины общественныхъ движеній. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ ясно сознавшихъ ту истину, что *политическія* отношенія народовъ коренятся въ ихъ *соціальныхъ* отношеніяхъ. А отъ этой истины было уже недалеко и до убѣжденія въ томъ, что тѣ же соціальныя отношенія объясняютъ и литературную исторію народовъ.

Это не все. Принимая дѣятельное участіе въ современной ему политической борьбѣ буржуазіи съ аристократіей и духовенствомъ, Гизо понялъ значеніе антагонистическихъ столкновеній общественныхъ классовъ въ историческомъ движеніи человѣчества. Онъ въ самыхъ смѣлыхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ провозгласилъ, что вся исторія Франціи есть результатъ такихъ столкновеній. А разъ усвоивъ себѣ этотъ взглядъ, онъ естественно долженъ былъ попытаться примѣнить его и къ исторіи литературы. Такая попытка и была сдѣлана имъ въ «*Etude sur Shakspeare*».

Драматическая поэзія родилась въ средѣ народа и для народа. Но мало-по-малу она вездѣ стала любимой забавой *высшихъ классовъ*, вліяніе которыхъ непремѣнно должно было измѣнить весь ея характеръ. И не къ лучшему была эта перемѣна. Пользуясь своимъ привилегиро-

вашнымъ положеніемъ, высшіе классы удаляются отъ народа, вырабатывая свои особые взгляды, обычаи, чувства и привычки. Простота и естественность уступаютъ мѣсто изысканности и искусственности, нравы становятся изнѣженными. Все это отражается и на драмѣ: ея область суживается, въ нее вторгается монотонность. Вотъ почему у народовъ новаго времени драматическая поэзія расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ только тамъ, гдѣ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, искусственность, всегда господствующая въ высшихъ классахъ, еще не успѣла оказать на нее своего вреднаго вліянія, и гдѣ самые высшіе классы еще не совсѣмъ разорвали связь свою съ народомъ, сохранивъ общій съ нимъ запасъ вкусовъ и эстетическихъ потребностей. Именно такое стеченіе обстоятельствъ замѣчается въ царствованіе Елизаветы въ Англіи, гдѣ, сверхъ того, прекращеніе недавнихъ смутъ и повышеніе уровня народнаго благосостоянія дали сильнѣйшій толчокъ нравственнымъ и умственнымъ силамъ націи. Уже тогда накопилась та колоссальная энергія, которая сказалась впослѣдствіи въ революціонномъ движеніи; но эта энергія пока еще сказывалась главнымъ образомъ на мирномъ поприщѣ. Шекспиръ выразилъ ее въ своихъ драмахъ. Его отечество, однако, не всегда умѣло цѣнить его геніальныя произведенія. Со времени реставраціи аристократія, стремясь перенести къ себѣ на родину вкусы и привычки блестящаго французскаго дворянства, забываетъ Шекспира. Драйденъ находитъ его языкъ устарѣлымъ, а въ началѣ XVIII вѣка лордъ Шефтсбюри горько жалуется на его варварскій слогъ и на его старомодный духъ. Наконецъ, Попе писалъ, что Шекспиръ творилъ для народа, не стараясь понравиться зрителямъ «лучшаго сорта». Только со времени Гаррика Шекспира снова полностью (безъ подчистокъ и передѣлокъ) играли на англійской сценѣ.

Смѣшно было бы сказать, что Гизо перечислилъ всѣ тѣ историческія условія, которыя вызвали появленіе драмъ Шекспира. Кто былъ бы въ состояніи сдѣлать подобное перечисленіе, тотъ могъ бы прописывать исторіи рецепты для производства геніальныхъ писателей. Но несомнѣнно, что Гизо шелъ въ своемъ изслѣдованіи по совершенно вѣрному пути, и что исторія въ самомъ дѣлѣ много лучше выясняетъ дѣло, чѣмъ могла бы выяснить его «абсолютная идея». Если бы Гизо продолжалъ работать въ этой области, или если бы его точка зрѣнія была лучше усвоена слѣдовавшими за нимъ писателями, то мы, конечно, имѣли бы теперь много хорошо обработаннаго матеріала для всеобщей исторіи литературы. Но послѣдовательное проведеніе взгляда Гизо скоро сдѣлалось нравственно невозможнымъ для идеологовъ изъ буржуазной среды.

Уже въ 1830 г. крупная буржуазія занимаетъ господствующее положеніе во Франціи. Ея борьба съ дворянствомъ кончена; нѣкогда страшный врагъ побѣжденъ и обезсиленъ; отнынѣ нечего бояться новыхъ чувствительныхъ ударовъ съ его стороны. Но—увы!—земное счастіе

непрочно. Не успѣла крупная буржуазія раздѣлаться съ однимъ врагомъ, какъ на нее сталъ надвигаться другой—съ противоположной стороны. Рабочіе и мелкая буржуазія, принимавшіе такое энергичное участіе въ борьбѣ со старымъ порядкомъ, но оставшіеся попрежнему въ тяжеломъ экономическомъ положеніи и лишенные политическихъ правъ, начали предъявлять своей недавней союзницѣ такія требованія, удовлетворить которыя она частью не хотѣла, а частью и совсѣмъ не могла, не поднимая на себя руку. Началась новая борьба, въ которой крупной буржуазіи пришлось стать уже въ оборонительное положеніе. Ну, а извѣстно, что оборонительныя положенія не способствуютъ развитію любви къ истинѣ въ общественныхъ слояхъ и классахъ, ихъ занявшихъ. «Жить среди собственныхъ согражданъ, какъ среди враговъ, считать врагомъ свой собственный народъ, воевать съ нимъ, хитря и скрывая свою вражду, облекая ее разными болѣе или менѣе искусственными покровами»,—это значитъ навсегда распроститься со всѣми благородными порывами, любить не то, что̀ истинно, а то, что̀ полезно, и опредѣлять добро по той формулѣ, которую далъ, говорятъ, какой-то дикарь какому-то миссіонеру: добро—это, когда я украду что-нибудь у другого, а зло—это, когда меня обокрадутъ. Ученые представители крупной французской буржуазіи въ своихъ изслѣдованіяхъ по общественнымъ вопросамъ стали очень много и очень охотно толковать на ту тему, что уши выше лба не растутъ и что бѣдняки только тогда показали бы себя людьми, полными высокой нравственности, если бы позабыли о своемъ непріятномъ положеніи, предоставивъ спокойно обогащаться тѣмъ, кому судьба дала возможность обогатиться. Всякое упоминаніе о борьбѣ общественныхъ силъ стало теперь считаться неприличнымъ въ средѣ буржуазіи, подобно тому, какъ лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ оно считалось неприличнымъ въ средѣ аристократіи. И тотъ самый Гизо, который провозглашалъ когда-то, что вся исторія Франціи сводится къ такой борьбѣ и что этотъ общеизвѣстный фактъ могутъ скрывать только лицемѣры,—этотъ самый Гизо сталъ теперь читать проповѣди на противоположную тему. Особенно распространялся онъ на этотъ счетъ послѣ 1848 года, такъ сильно напугавшаго дорогіе ему «средніе классы».

Такъ какъ прежняя точка зрѣнія сдѣлалась практически нежелательной и нестерпимой для крупной буржуазіи, то неудивительно, что ея идеологи начали неохотно усвоивать и примѣнять ее и въ теоріи. Мало-по-малу они и совсѣмъ позабыли, что ихъ предшественники еще очень недавно держались этой точки зрѣнія съ большимъ успѣхомъ. Позабыли и стали проникаться убѣжденіемъ, что она придумана злыми потрясателями буржуазныхъ основъ съ гнусной цѣлью взволновать довѣрчивую массу и тѣмъ насолить порядочнымъ людямъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи искусства они не переставали повторять, что искусство есть отраженіе общественныхъ потребностей и вкусовъ; но

уже рѣдко случалось имъ вспоминать о томъ, что общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, потребности и вкусы которыхъ непремѣнно должны измѣняться въ связи съ перемѣнами въ общественныхъ отношеніяхъ. Да и эти рѣдкіе случаи имѣли мѣсто только тогда, когда рѣчь заходила о явленіяхъ, относящихся ко времени борьбы все того же третьяго сословія противъ стараго порядка; такъ старики хорошо помнятъ свое дѣтство и юношество, но забываютъ то, что̀ было вчера, и не умѣютъ схватить очевидный смыслъ того, что̀ совершается передъ ними въ настоящую минуту: имѣютъ очи и почти не видятъ, имѣютъ уши и едва слышатъ...

Мелкая буржуазія и рабочій классъ были поставлены событіями 1830 г. совсѣмъ въ иное отношеніе къ нелицепріятной теоретической истинѣ. Ненависть къ «привилегіямъ» порождала въ нихъ стремленіе къ справедливости, а негодованіе противъ лицемѣрія крупной буржуазіи заставляло ихъ любить истину независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ соображеній. Въ періодъ 1830—1848 г. мелкая французская буржуазія выставила огромную массу всякаго рода талантовъ, а вопросы литературы и искусства пріобрѣли огромнѣйшее значеніе въ глазахъ ея образованной части. И при всемъ томъ, ея идеологи очень немного сдѣлали для научной эстетики. Неопредѣленное положеніе ихъ класса (лучше сказать, общественнаго слоя) между крупной буржуазіей и пролетаріатомъ не позволяло имъ взглянуть на междуклассовыя отношенія съ тою ясностью, съ какою смотрѣлъ на нихъ въ свое время Гизо и его единомышленники. Имъ хотѣлось стать *выше* классовъ, перенеся вопросы общественной жизни и науки въ туманное царство отвлеченностей. О столкновеніи общественныхъ элементовъ, эти люди, изъ которыхъ многіе увлекались ученіями утопическаго соціализма и коммунизма, не хотѣли и слышать. Ясно, что не они могли понять колоссальную научную важность той точки зрѣнія, на которую твердой ногою сталъ Гизо въ «*Etude sur Shakspeare*».

Пролетаріатъ... Но ему было не до эстетики.

V.

Такимъ образомъ теорія искусства, по обстоятельствамъ, можно сказать, отъ нея совершенно независѣвшимъ, далеко не исполнила всего того, что обѣщала въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка. Однако, и сдѣланнаго ею было достаточно, чтобы оказалась ненужной эстетика абсолютныхъ идеалистовъ.

Позабывъ о столкновеніяхъ и треніи общественныхъ элементовъ и слоевъ, теоретики искусства закрыли глаза на чрезвычайно важный факторъ, очень много объясняющій въ исторіи всѣхъ вообще идеологій. Они лишили себя возможности понять многія частности въ исторіи искусства, безъ пониманія которыхъ невозможно отдѣлаться отъ схематизма и абстракцій въ теоріи. Но они все-таки не перестали дер-

жаться правильной теоріи. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ томъ что исторія искусства объясняется исторіей общества, а нѣкоторые, напримѣръ, Тэнъ—развивали эту мысль въ высшей степени талантливо. Этой мысли мало для того, чтобы всесторонне понять исторію искусства, но ея совершенно достаточно для того, чтобы, занимаясь этой исторіей, даже и не вспоминать объ абсолютной идеѣ. Возьмемъ хоть приведенный нами выше примѣръ изъ исторіи французской живописи. Почему школа Буше уступила мѣсто школѣ Давида, а школу Давида смѣнила романтическая школа?

— Такъ нужно было по законамъ развитія абсолютной идеи,—скажетъ намъ г. Волынскій; но мы, не ожидая ничего дѣльнаго изъ Назарета, г. Волынскаго слушать не станемъ, а постараемся рѣшить вопросъ съ помощью защищаемой нами теоріи.

Можетъ быть, вамъ случилось прочесть въ первомъ томѣ интереснаго сочиненія братьевъ Гонкуръ «*l'Art du dix-huitième siècle*» этюдъ о Буше. Если да, то вы, конечно, помните, какъ объясняетъ онъ появленіе этого живописца.

«Ни великій вѣкъ (т.-е. вѣкъ Людовика XIV), ни великій король (т.-е. самъ Людовикъ XIV) не любили истины въ искусствѣ. Поощренія, шедшія изъ Версаля, и рукоплесканія общественнаго мнѣнія заставляли литературу, живопись, скульптуру, архитектуру, короче, всѣ силы умовъ и талантовъ искать вымышленнаго величія и условнаго достоинства... Французское общество полагало, что въ этомъ фиктивномъ величіи заключается абсолютный идеалъ искусства, верховный законъ эстетики...

Когда вѣкъ Людовика XIV смѣнился вѣкомъ Людовика XV, а французская пышность уступила мѣсто французской галантности и когда измельчали люди и вещи вокругъ королевской власти, въ свою очередь приблизившейся къ общечеловѣческому уровню, тогда идеалъ искусства остался все-таки фиктивнымъ и условнымъ, но отъ величественнаго онъ перешелъ къ изящному. Утонченное изящество и страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ распространяются повсюду». Тогда-то и является Буше. «Чувственное наслажденіе—вотъ весь его идеалъ, вся душа его живописи. Венера, о которой мечтаетъ и которую рисуетъ Буше, есть чисто физическая Венера» [1]).

Къ этому надо прибавить одно: Венера Буше не только—«чувственная Венера». «Чувственныхъ Венеръ» рисуютъ не мало и въ настоящее время для удовлетворенія «эстетическаго» чувства пресыщенныхъ жизнью развратниковъ изъ среды богатой буржуазіи. Но Венера Буше гораздо изящнѣе. Это кокетливая женщина именно XVIII вѣка, очень хорошо умѣющая сильно пожить въ свое удовольствіе, но умѣющая также и держать себя по всѣмъ утонченнымъ правиламъ того утонченнаго времени. Она воспитывалась, конечно, не на Олимпѣ, но и не

---

[1]) L'Art du dix-huitième siècle, t. I, 3. éd. Paris 1880, pp. 135—136 и 145.

въ бакалейной лавкѣ. Такимъ образомъ Буше есть не только выразитель чувственныхъ стремленій; онъ выражаетъ чувственныя стремленія *изящнаго французскаго дворянства*, сильно измельчавшаго въ XVIII вѣкѣ и рѣшительно неспособнаго увлекаться тѣмъ холоднымъ величіемъ, какое царствовало въ эпоху Людовика XIV, въ золотое время стараго порядка. Такимъ образомъ живопись Буше является выраженіемъ извѣстнаго момента въ исторіи французскаго общества,—мы скажемъ точнѣе—въ исторіи высшихъ сословій во Франціи.

По мѣрѣ того, какъ растутъ силы и самосознаніе третьяго сословія, растетъ также и его недовольство существующимъ порядкомъ, его непріязнь къ дворянству и духовенству. И хотя, конечно, богатые финансисты въ значительной степени усвоили себѣ испорченность высшихъ классовъ и ихъ пристрастіе къ «чувственной Венерѣ», но лучшая, здоровая часть буржуазіи съ презрѣніемъ смотрѣла на дворянскую распущенность нравовъ и горячо проповѣдывала «добродѣтель» (la vertu). Положимъ, что эта добродѣтель, часто даже въ сочиненіяхъ самыхъ передовыхъ «философовъ» была буржуазно-безвкусна и весьма мало содержательна. Но въ ней слышны—и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе—и другія, поистинѣ мужественныя ноты. Расписываніе прелестей семейной жизни и проповѣдь уваженія къ чужой собственности уступаетъ мѣсто восхваленію чувствъ гражданина, всегда готоваго пожертвовать своимъ личнымъ благосостояніемъ ради интересовъ страдающаго отечества. Тогда-то особенно распространилось и усилилось поклоненіе великимъ мужамъ древности. Молодежь зачитывалась Плутархомъ, прилежно учась «добродѣтели» по его героямъ.

Кто читалъ знаменитые «Салоны» (Salons) Дидро, тотъ знаетъ, съ какою ненавистью относился къ Буше этотъ геніальный представитель третьяго сословія. Оно и понятно. Если Буше выражалъ вкусы испорченныхъ высшихъ классовъ, то онъ не могъ быть симпатиченъ тѣмъ, кто ненавидѣлъ и дворянство, и его вкусы, и особенно его испорченность. Такимъ образомъ, ходъ общественнаго развитія во Франціи необходимо долженъ былъ вызвать противъ Буше сильную реакцію.

Буше рисовалъ Венеръ и грацій, пастуховъ и пастушекъ, которыя были тѣми же граціями, только одѣтыми (*полу*одѣтыми) во что-то, похожее на платье. Эти Венеры, граціи, пастухи и пастушки такъ опротивѣли той части французскаго общества, которая мечтала о герояхъ Плутарха, что ненависть и презрѣніе къ «нелѣпой и чудовищной системѣ Буше» не прекратились и въ XIX вѣкѣ, когда къ ней можно было бы, повидимому, отнестись спокойнѣе [1]). Совершенно согласно общему измѣненію вкуса, теперь въ живописи является подражаніе *древнимъ* какъ въ рисункѣ, такъ и въ композиціи картинъ, содержаніе которыхъ, конечно, заимствуется изъ жизни великихъ людей древ-

[1]) См. Géricaud, étude biographique et critique par Ch. Clément, Paris, 1868, p. 243.

ности. Вмѣсто Венеръ и Діанъ, являются братья Горація, Велизарія и проч.

Такъ возникаетъ школа Давида.

«У Давида,—говоритъ Клеманъ,—вовсе не отсутствуетъ воображеніе, это главная особенность артиста. Онъ былъ одаренъ имъ въ высокой степени, но оно было подавлено у него волей, его порывы задерживаются духомъ системы. Интеллигенція, разсудокъ или, вѣрнѣе, предвзятый взглядъ захватываетъ роль, совсѣмъ ему не принадлежащую, господствуя надъ вдохновеніемъ и чувствомъ» [1]).

Сильное воображеніе, подавленное еще болѣе сильной волей, порывъ новатора, управляемый разсудкомъ, твердо держащимся за свою «систему», что это, если не психологія якобинца? Навѣрное именно такими качествами отличались многіе изъ товарищей Давида по конвенту. Наполеонъ очень хорошо понималъ смыслъ антикварскихъ увлеченій новой школы въ живописи, когда совѣтовалъ Давиду отказаться отъ нихъ и перейти къ изображенію «современныхъ» предметовъ.

Но вотъ революціонная гроза утихаетъ; общество, «спасенное» переворотомъ 18 брюмера, возвращается къ мирной житейской прозѣ, и хотя его «спаситель» обнаруживаетъ черезчуръ воинственный духъ, но теперь громъ гремитъ уже не въ Парижѣ, а гдѣ-то далеко-далеко, на поляхъ Аустерлица и Эйлау. Въ Парижѣ живется сравнительно очень спокойно, и такъ какъ всѣ существенныя экономическія требованія бывшаго третьяго сословія оказываются удовлетворенными, то оно уже не мечтаетъ о переворотахъ, а боится ихъ. Если его художники и теперь еще продолжаютъ рисовать великихъ мужей древности, то ни въ комъ [2]) уже эти мужи не будятъ тѣхъ чувствъ, которыя они будили до 1789 года. Теперь рисованіе этихъ мужей стало дѣломъ рутины, отъ нихъ стало вѣять не меньшею условностью, чѣмъ отъ пасторалей Буше. Если въ школѣ Давида разсудокъ продолжалъ попрежнему подчинять себѣ воображеніе, то этотъ разсудокъ уже не служилъ никакой «системѣ» предвзятыхъ передовыхъ взглядовъ, а очень мирно уживался съ тѣмъ, что было вокругъ, а отчасти даже не прочь былъ сдѣлать нѣсколько реверансовъ по адресу стараго порядка. Изъ новатора онъ сталъ консерваторомъ. А отъ этого его положеніе стало неустойчивымъ. Обществу достаточно было сдѣлать новый значительный шагъ въ своемъ развитіи и выдвинуть новую фалангу новаторовъ, чтобы *воображеніе* этихъ послѣднихъ возстало противъ *разсудочности* охранителей, и артисты, зараженные духомъ новаго времени, открыли то, чего прежде никто не замѣчалъ, т.-е. что художественные пріемы Давида и его школы не удовлетворяютъ цѣлому ряду «вѣчныхъ» требованій искусства [3]).

---

[1]) L. c. Introduction, p. 4.

[2]) Исключенія крайне рѣдки, и ихъ можно не брать въ расчетъ.

[3]) Другими словами, живопись Давида—его рисунокъ, колоритъ, композиція,

Такъ возникла романтическая школа въ живописи. Мы не будемъ останавливаться на ней, а спросимъ читателя, хорошо ли мы сдѣлали, навремя совсѣмъ позабывъ о существованіи «абсолютной идеи»? Мы надѣемся, что наша забывчивость непріятности ему не причинила.

Намъ кажется, что если читатель можетъ сдѣлать намъ упрекъ, то развѣ вотъ какой: «Въ сущности вы не шли дальше поверхности явленій,—скажетъ онъ, пожалуй, намъ.—Справедливо, что ходъ развитія искусства опредѣляется ходомъ развитія общественной жизни; но вы не потрудились сказать, чѣмъ же опредѣляется, въ свою очередь, развитіе общественной жизни. А пока вы не сказали этого, до тѣхъ поръ вы поминутно рискуете опять вернуться къ идеализму въ эстетикѣ, правда, не къ тому идеализму, который проповѣдывали Шеллингъ и Гегель, а къ тому идеализму Бокля и подобныхъ ему эпигоновъ, которые въ развитіи человѣческихъ идей видѣли главную причину историческаго движенія. А разъ вы станете на точку зрѣнія этого идеализма, вы уже не въ состояніи будете выбраться изъ заколдованнаго круга: исторія искусства и вообще всей духовной дѣятельности людей опредѣляется исторіей общественнаго развитія, а причины общественнаго развитія коренятся въ духовной дѣятельности людей. Если вы хотите не оставлять ничего недосказаннымъ, то вы должны, бросивъ всякія «иносказанія и гипотезы пустыя», отвѣтить мнѣ прямо на мой вопросъ».

Мы очень рады были бы, если бы читатель обратился къ намъ въ умѣ именно съ такою рѣчью. Не менѣе рады были бы отвѣтить на его воображаемый вопросъ, только...

Чтобъ гусей не раздразнить.

Впрочемъ, что же намъ за дѣло до гусей? Отвѣтимъ, какъ думаемъ, а тамъ пусть себѣ гогочутъ неразумныя птицы!

Развитіе общества опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ его экономическимъ развитіемъ, изъ чего, однако, вовсе не слѣдуетъ, что мы должны интересоваться лишь «экономическою струною», какъ выразился нѣкогда почтенный соціологъ Н. К. Михайловскій.

VI.

Мы уже знаемъ: настоящая литературная критика должна быть компетентна въ оцѣнкѣ поэтическихъ идей, всегда имѣющихъ отвлеченную природу. Такъ говоритъ г. Волынскій. На стр. 214 своей книги этотъ настоящій литературный критикъ упрекаетъ Добролюбова въ

нравилась тѣмъ поколѣніямъ, которыя знали ее *въ одной ассоціаціи идей*, и показалась неудовретворительной и даже прямо непріятной другимъ поколѣніямъ, у *которыхъ, благодаря непрерывному ходу общественнаго развитія*, она, эта живопись, ассоціировались съ другими идеями и представленіями. То же можно сказать и обовсѣхъ школахъ въ искусствѣ, когда-либо игравшихъ большую роль, а затѣмъ уда ленныхъ со сцены явившейся противъ нихъ реакціей.

томъ, что у того анализъ нигдѣ не углубляется въ сюжетъ литературнаго произведенія, съ цѣлью открыть какія-нибудь общія психологическія начала, освѣтить опредѣленнымъ философскимъ понятіемъ сложные процессы человѣческаго творчества». Къ сожалѣнію, самъ г. Волынскій ни разу не показалъ намъ собственнымъ примѣромъ, что собственно значитъ оцѣнить поэтическую идею, освѣтить философскимъ понятіемъ процессъ, происходящій въ головѣ художника: истерическіе припадки, происходящіе время отъ времени съ нашимъ критикомъ, разумѣется, не освѣщаютъ ничего, кромѣ нѣкоторыхъ «процессовъ», имѣющихъ мѣсто въ его собственной душѣ. Поэтому намъ волей-неволей приходится опять обратиться къ «человѣку, мыслившему вѣчность».

Въ чемъ заключается идея Софокловой «Антигоны»? Въ столкновеніи родового права съ государственнымъ, отвѣчаетъ Гегель: представительницей перваго является Антигона, а представителемъ второго—Креонъ; Антигона гибнетъ жертвою этого многознаменательнаго столкновенія. Эта мысль Гегеля намъ гораздо понятнѣе, чѣмъ причитанія г. Волынскаго: мы отмѣчаемъ ее и идемъ далѣе. Мы спрашиваемъ: указаніе Гегеля на эту идею можетъ ли считаться равносильнымъ съ «открытіемъ какихъ-нибудь общихъ психологическихъ началъ»? Нѣтъ, отвѣтилъ бы намъ Гегель, не вѣрьте г. Волынскому, если онъ станетъ говорить, что по моему освѣщать философскимъ понятіемъ творческій процессъ художника значитъ пускаться въ психологію. Вамъ извѣстно что психологія вообще у меня не въ большомъ фаворѣ. Освѣтить художественное произведеніе свѣтомъ философіи значитъ понять его, какъ выраженіе одного изъ тѣхъ началъ, столкновеніемъ, *противорѣчіемъ* которыхъ обусловливается ходъ всемірной исторіи. *Психологическіе процессы*, происходящіе въ душѣ индивидуума, интересны для меня лишь какъ выраженіе *общаго*, лишь какъ отраженіе *процесса развитія абсолютной идеи.*

Читателю уже извѣстно что наша точка зрѣнія діаметрально-противоположна идеалистической. Тѣмъ не менѣе мы съ большимъ удовольствіемъ ссылаемся здѣсь на Гегеля. Въ его взглядахъ на искусство вообще много истиннаго, только истина стоитъ у него, по извѣстному выраженію, внизъ головой, и надо умѣть поставить ее на ноги.

Если мы «Антигону» разсматривали вмѣстѣ съ Гегелемъ, какъ художественное выраженіе борьбы двухъ правовыхъ началъ, то мы уже и безъ Гегеля съумѣемъ разсмотрѣть, напримѣръ, «Mariage de Figaro» Бомарше, какъ выраженіе борьбы третьяго сословія со старымъ порядкомъ. А разъ мы научимся освѣщать художественныя произведенія свѣтомъ *такой* философіи, то намъ опять уже не будетъ никакой надобности въ абсолютной идеѣ, но зато намъ абсолютно необходимо будетъ признать, что человѣкъ, не отдающій себѣ яснаго отчета въ той борьбѣ, многовѣковый и многообразный процессъ которой составляетъ исторію,—не можетъ быть сознательнымъ художественнымъ критикомъ.

Смотря на «Mariagé de Figaro», какъ на выраженіе борьбы третьяго сословія со старымъ порядкомъ, мы, само собою разумѣется, не будемъ закрывать глазъ на то, *какъ* выражена эта борьба, т.-е. справился ли художникъ со своею задачею. Содержаніемъ художественнаго произведенія является извѣстная общая или (какъ выражается г. Волынскій, позабывъ терминологію «человѣка, мыслившаго вѣчность») отвлеченная идея. Но тамъ нѣтъ и слѣда художественнаго творчества, гдѣ эта идея такъ и является въ своемъ «отвлеченномъ» видѣ. Художникъ долженъ *индивидуализировать* то общее, что составляетъ содержаніе его произведенія. А разъ мы имѣемъ дѣло съ *индивидуумомъ*, то передъ нами являются извѣстные *психологическіе процессы*, а тутъ уже не только совершенно умѣстенъ, но и вполнѣ обязателенъ, а также и чрезвычайно поучителенъ *психологическій анализъ*. Но психологія дѣйствующихъ лицъ потому и пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ огромную важность, что она есть психологія цѣлыхъ общественныхъ классовъ или, по крайней мѣрѣ, слоевъ и что, слѣдовательно, процессы, происходящіе въ душѣ отдѣльныхъ лицъ, являются отраженіемъ историческаго движенія.

Г. Волынскій, можетъ быть, разсердится на насъ и обвинитъ въ утилитаризмѣ, скажетъ, что мы быстрыми шагами приближаемся къ точкѣ зрѣнія ненавистной ему публицистической критики. Но мы отъ его ударовъ спрячемся за широкую спину «человѣка, мыслившаго вѣчность». Пусть уже г. Волынскій вѣдается съ самимъ Гегелемъ.

Гегель, навѣрное, съ величайшимъ презрѣніемъ отнесся бы къ тѣмъ нашимъ талантамъ и талантикамъ, которые обѣщаютъ показать намъ «новую красоту», а пока что,—не всегда ладятъ даже и со старой. Онъ сказалъ бы, что въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ сколько-нибудь значительнаго содержанія. А содержаніе было великое дѣло въ глазахъ Гегеля [1]). Извѣстно, напримѣръ, что на воспѣваніе любовныхъ чувствъ онъ смотрѣлъ какъ бы съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ и любилъ поворчать на поэтовъ, считающихъ Богъ знаетъ какимъ важнымъ дѣломъ, что вотъ этотъ (dieser) любитъ эту (diese), а эта любитъ этого и не хочетъ смотрѣть ни на кого другого и т. д. Вообще, по его мнѣнію, поэзія еще не пріобрѣтала сколько-нибудь значительнаго содержанія, разсказывая, что вотъ молъ «ein Schaf sich verloren, ein Mädchen verliebt» (овечка пропала, дѣвица влюбилась). Такая воркотня, навѣрное, не понравилась бы нашимъ проповѣдникамъ искусства для искусства, которые увидѣли бы здѣсь склонность къ публицистической критикѣ, а съ г. Волынскимъ могла бы сдѣлаться даже истерика, если бы онъ хоть на минуту позабылъ, что ворчитъ въ

[1]) «Denn der Gehalt ist es, der, wie in allem Menschenwerk, so auch in der Kunst, entscheidet. Die Kunst, ihrem Begriffe nach, hat nichts anderes zu ihrem Beruf, als das in sich selbst Gehaltvolle zu adäquater, similicher Gegenwart herauszustellen». Aesthetik, II band, s. 240.

данномъ случаѣ Гегель, а не какой-нибудь «свистунъ». Вообще намъ кажется, что г. Волынскій, объявивъ себя идеалистомъ, не далъ себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, сколько еретическихъ мыслей можно найти въ 18 томахъ сочиненій Гегеля.

Чтобы не раздражать «настоящаго» литературнаго критика, намъ все-таки надо было бы объявить начистоту, за какую именно критику мы стоимъ, — за философскую или публицистическую. Но бѣда наша въ томъ, что мы сказать этого не можемъ, такъ какъ полагаемъ, что *истинно-философская критика является въ то же время критикой истинно публицистической.*

Мы сейчасъ объяснимся, но прежде сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе по части терминологіи. Мы назвали критику извѣстнаго рода *философской* единственно потому, что такъ угодно выражаться г. Волынскому, а мы не хотѣли, высказывая свою мысль, затемнять ее другой терминологіей. А на самомъ дѣлѣ мы убѣждены, что при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній мы уже можемъ позволить себѣ роскошь замѣны старой *философской* критики и вообще эстетики — *научной* эстетикой и критикой.

Научная эстетика не даетъ искусству никакихъ предписаній; она не говоритъ ему: ты долженъ держаться такихъ-то и такихъ-то правилъ и пріемовъ». Она ограничивается наблюденіемъ надъ тѣмъ, *какъ возникаютъ* различные правила и пріемы, господствующіе въ различныя историческія эпохи. Она не провозглашаетъ *вѣчныхъ законовъ искусства;* она старается изучить *тѣ вѣчные законы, дѣйствіемъ которыхъ обусловливается его историческое развитіе.* Она не говоритъ: «французская классическая трагедія хороша, а романтическая драма никуда не годится». У нея все хорошо въ свое время; у нея нѣтъ пристрастій именно къ тѣмъ, а не къ другимъ школамъ въ искусствѣ; а если (какъ это мы увидимъ ниже) у нея и возникаютъ подобныя пристрастія, то она, по крайней мѣрѣ, не оправдываетъ ихъ ссылками на вѣчные законы искусства. Словомъ, она объективна, какъ физика, и именно потому чужда всякой метафизики. И вотъ эта-то *объективная* критика, говоримъ мы, оказывается *публицистической* именно постольку, поскольку она является истинно научной.

Чтобы пояснить нашу мысль, вернемся къ Гизо, объявившему «классическую систему» созданіемъ высшихъ классовъ французскаго общества. Представьте себѣ, что онъ въ своемъ этюдѣ не ограничился нѣсколькими отдѣльными замѣчаніями и указаніями, а, подробно характеризовавъ искусственность, царившую въ нравахъ аристократіи, вмѣстѣ съ этимъ подробно показалъ, на какой именно соціальной почвѣ она возникла и какую именно степень униженія третьяго сословія она собою знаменовала. Представьте себѣ также, что все это онъ написалъ совершенно объективно, какъ посѣдѣлый въ приказѣ дьякъ, который

Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва...

Представьте себѣ, наконецъ, что это объективное «сказанье» критики читается человѣкомъ, принадлежащимъ къ буржуазіи. Если этотъ человѣкъ не совершенно беззаботенъ насчетъ историческихъ судебъ своего класса, то онъ, навѣрное, почувствуетъ въ своей душѣ непріязнь къ тому порядку вещей, при которомъ дворянство и духовенство могли культивировать «тонкое обращеніе», сидя на спинѣ tiers-état. А такъ какъ этюдъ Гизо появился въ то время, когда была въ самомъ разгарѣ послѣдняя борьба между старымъ порядкомъ и новымъ буржуазнымъ обществомъ, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ имѣлъ немалое публицистическое значеніе и что это значеніе было бы еще больше, если бы авторъ дольше остановился на исторической причинной связи между старымъ порядкомъ и «классической системой». Тогда историко-литературное изслѣдованіе легко могло бы, ни на минуту не переставая удовлетворять самымъ строгимъ требованіямъ науки, оказаться, даже противъ воли автора, горячимъ воззваніемъ публициста. «Поэтъ, даже когда онъ учитъ терпѣнію, растравляетъ раны сердца, потому что всегда сильно потрясаетъ его» (Фосколо). О научной критикѣ можно сказать, что она тѣмъ ярче оттѣняетъ общественное зло, чѣмъ объективнѣе ея анализъ, т. е. чѣмъ ярче и рельефнѣе она это зло изображаетъ.

Внушать критикѣ: ты не должна ударяться въ публицистику,— также безполезно, какъ и раглагольствовать о «вѣчныхъ» законахъ искусства. Если васъ и послушаютъ, то лишь до поры, до времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока подъ вліяніемъ общественнаго развитія, не измѣнятся господствующіе вкусы и не будутъ открыты новые «вѣчные» законы искусства. Врагъ публицистики, г. Волынскій, повидимому, и не подозрѣваетъ, что есть эпохи, когда не только критика, но и само *художественное творчество* бываетъ полно публицистическаго духа. Развѣ эта холодная пышность и это холодное царственное величіе, которыми дышитъ искусство «вѣка Людовика XIV», не являются отчасти публицистикой? Развѣ они не являются сознательно внесенными въ творчество ради возвеличія извѣстной политической идеи? Развѣ нѣтъ публицистическаго элемента въ картинахъ Давида, или въ такъ называемой мѣщанской драмѣ? Есть; его даже, если вамъ угодно, слишкомъ много. Но что же прикажете съ этимъ дѣлать? Если существуютъ дѣйствительно вѣчные законы искусства, то это тѣ, въ силу которыхъ въ извѣстныя историческія эпохи публицистика неудержимо врывается въ область художественнаго творчества и распоряжается тамъ, какъ у себя дома.

То же и съ критикой. Во всѣ переходныя общественныя эпохи она пропитывается духомъ публицистики, а частью и прямо становится

публицистикой. Дурно это или хорошо? C'est selon! Но главное — это неизбѣжно, и противъ этой болѣзни никакого медицинскаго снадобья никто еще не придумалъ.

Постойте, постойте! мы ошиблись; есть одно! Состоитъ оно не въ чемъ иномъ, какъ въ распространеніи здраваго взгляда на научную критику. Кто разъ узналъ великую общественную силу этой критики, тотъ уже не захочетъ браться за орудіе критики «публицистической» въ кавычкахъ, подобно тому, какъ человѣкъ, узнавшій силу магазиннаго ружья, не вернется къ первобытному луку.

Помните ли вы статью Писарева «Стоячая вода»? Это уже публицистическая критика въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. Хотя подъ заглавіемъ статьи и стоитъ въ скобкахъ: *Сочиненія А. Ѳ. Писемскаго*, и проч., но о сочиненіяхъ Писемскаго въ ней упоминается совершенно мимоходомъ, о чемъ самъ авторъ доводитъ, впрочемъ, до свѣдѣнія читателя въ первыхъ же строкахъ. Вообще же въ статьѣ рѣчь идетъ о нашей отсталости, безличности, безгласности, инертности, о нашихъ предразсудкахъ, о дикости нашихъ семейныхъ отношеній, объ угнетеніи женщины и т. п. Всѣ эти наши отрицательныя качества разсматриваются, какъ простой результатъ нашей умственной неразвитости, противъ которой и направляется страстная проповѣдь автора. Словомъ, Писаревъ стоитъ здѣсь, какъ и вездѣ, на той точкѣ зрѣнія, которую нѣмцы называютъ *просвѣтительской* и съ которой видна лишь абстрактная противоположность между истиной и заблужденіемъ, между знаніемъ и невѣжествомъ, между умственною отсталостью и умственнымъ развитіемъ. Спора нѣтъ, Писаревъ прекрасно бичуетъ наше отсталое общество, но его горячая проповѣдь, порицая невѣжество и клеймя самодурство, не указываетъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ средствъ *борьбы съ ними*. Сказать: учитесь, развивайтесь — это все равно, что воскликнуть: покайтесь, братья! Время идетъ, а мы все что-то плохо каемся. Очевидно, существуютъ какія-то общія причины какъ нашей неразвитости, такъ и нашей нераскаянности. Пока не открыты и не указаны эти общія причины, до тѣхъ поръ проповѣдь знанія не принесетъ и сотой доли тѣхъ плодовъ, которые она способна принести. Да и самъ проповѣдникъ поневолѣ будетъ полонъ сомнѣній. Ужъ, кажется, трудно горячѣе вѣрить во всеспасающую силу знанія, чѣмъ вѣрилъ въ нее Писаревъ; кажется, трудно представить себѣ типъ, лучше приспособленный для борьбы съ самодурствомъ и съ предразсудками, чѣмъ Базаровъ, у котораго, по словамъ Писарева, есть и *знанія*, и воля. А между тѣмъ, какъ же понимаетъ Писаревъ дѣятельность, предстоявшую Базарову? Перечитайте окончаніе статьи: «*Базаровъ*» — оно поразитъ васъ своимъ грустнымъ безнадежнымъ тономъ: «А Базаровымъ все-таки плохо жить на свѣтѣ, хотя они пришѣваютъ и посвистываютъ. Нѣтъ дѣятельности, нѣтъ любви,— стало быть, нѣтъ и наслажденія. Страдать они не умѣютъ, ныть не станутъ, а подчасъ чув-

ствуютъ только, что пусто, скучно, безцвѣтно и безсмысленно». Отчего же нѣтъ дѣятельности? Да все оттого, что ужъ очень велика сила нашей отсталости, безличности, безгласности, инертности и прочихъ нашихъ отрицательныхъ качествъ, такъ часто вызывавшихъ краснорѣчивое негодованіе Писарева. Пока эти качества не поняты, какъ «*историческія* категоріи», пока они не объяснены, какъ *преходящія явленія*, пока ихъ *возникновеніе*, равно какъ ихъ будущее *исчезновеніе*, не пріурочены къ историческому развитію нашихъ общественныхъ отношеній, до тѣхъ поръ они по необходимости должны представляться какой-то непобѣдимой силой, какой-то непреодолимой сущностью, несокрушимой «вещью въ себѣ», къ которой Базарову, не смотря на всѣ его знанія и на всю его твердую волю, нельзя и подступиться. А оттого ему и приходится, махнувъ рукой на окружающую общественную жизнь, искать спасенія «въ лабораторіи».

Французскіе «философы» XVIII вѣка тоже горячо вѣрили въ силу разума, но и они тоже нерѣдко приходили къ тому горькому выводу, что пусто, скучно, безцвѣтно и безсмысленно и что для мыслящаго человѣка нѣтъ дѣятельности. Вообще надо помнить, что у всѣхъ «просвѣтителей» (Aufklärer, какъ выражаются нѣмцы) твердая вѣра въ силу разума сопровождается столь же сильной вѣрой въ силу невѣжества, такъ что ихъ настроеніе постоянно измѣнялось, смотря по тому, какая именно вѣра временно брала у нихъ перевѣсъ.

Итакъ, сила и дѣйствіе публицистической критики Писарева необходимо должны были ослабляться, благодаря той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоялъ. Держась ея, можно было написать горячее обличеніе невѣжества и самодурства, но нельзя было указать тѣхъ роковыхъ общественныхъ силъ, еще несравненно болѣе могучихъ, чѣмъ всякое невѣжество и всякое самодурство, которыя, дѣйствуя, какъ всѣ стихійныя силы, въ то же время расчищаютъ почву для благороднаго и осмысленнаго труда людей, обладающихъ доброй волей и настоящимъ знаніемъ. Если бы, вмѣсто горячей статьи «Стоячая вода», Писаревъ написалъ совершенно спокойный и даже холодный разборъ повѣсти Писемскаго «Тюфякъ», разсматривая эту повѣсть, какъ изображеніе темныхъ сторонъ быта, уже ниспровергнутаго исторіей («Стоячая вода» напечатана въ октябрѣ 1861 года), то его спокойная рѣчь ободрительнѣе подѣйствовала бы на читателей, чѣмъ простыя, хотя и талантливыя нападки на слабохарактерность и тупоуміе.

Но въ такомъ случаѣ Писареву надо было бы, измѣнивъ весь характеръ своей литературной дѣятельности, взяться за соціологическія изслѣдованія, замѣтитъ намъ читатель.

Справедливо, отвѣтимъ мы. Во времена Писарева *русскому* писателю невозможно было стать на указываемую нами точку зрѣнія, не рѣшивъ предварительно собственнымъ *умомъ* цѣлаго ряда основныхъ соціологическихъ вопросовъ. Всякій, кто вздумалъ бы искать ихъ рѣ-

шенія, былъ бы вполнѣ потерянъ для дѣятельности литературнаго критика. Но вѣдь мы и не думаемъ винить Писарева; мы говоримъ только, что странно было бы теперь заниматься такою критикой, какой онъ долженъ былъ заниматься по обстоятельствамъ своего времени.

Теперь возможна научная литературная критика, потому что теперь уже установлены нѣкоторыя необходимыя *prolegomena* общественной науки. А разъ возможна научная критика, то публицистическая критика, какъ нѣчто отъ нея отдѣльное и независимое, становится смѣшнымъ архаизмомъ. Вотъ все, что мы хотимъ сказать.

До сихъ поръ мы предполагали, что люди, занимающіеся научной критикой, должны и могутъ оставаться въ своихъ писаніяхъ холодными, какъ мраморъ, невозмутимыми, какъ дьяки посѣдѣлые въ приказѣ. Но такое предположеніе въ сущности неосновательно. Если научная критика смотритъ на исторію искусства, какъ на результатъ общественнаго развитія, то вѣдь и сама она есть плодъ такого развитія. Если исторія и современное положеніе даннаго общественнаго класса необходимо порождаютъ въ немъ именно такіе, а не другіе эстетическіе вкусы и художественныя пристрастія, то у научныхъ критиковъ тоже могутъ явиться свои опредѣленные вкусы и пристрастія, потому что вѣдь не съ неба же сваливаются и эти критики, потому что вѣдь они тоже порождаются исторіей. Возьмемъ опять того же Гизо. Онъ былъ *научнымъ* критикомъ, поскольку онъ умѣлъ связать исторію литературы съ исторіей классовъ въ новѣйшемъ обществѣ. Указывая на такую связь, онъ провозглашалъ вполнѣ научную *объективную* истину. Но эта связь стала замѣтна для него единственно потому, что исторія поставила его классъ въ извѣстное отрицательное отношеніе къ старому порядку. Не будь этого отрицательнаго отношенія, историческія послѣдствія котораго вообще неисчислимы, не была бы открыта и *объективная* истина, очень важная для исторіи литературы. Но именно потому, что само открытіе этой истины было плодомъ исторіи и происходившихъ въ ней столкновеній реальныхъ общественныхъ силъ, оно должно было сопровождаться опредѣленнымъ субъективнымъ настроеніемъ, которое, въ свою очередь, должно было найти извѣстное литературное выраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, Гизо говоритъ не только о связи литературныхъ вкусовъ съ общественными порядками. Онъ осуждаетъ нѣкоторые изъ этихъ порядковъ; онъ доказываетъ, что художникъ *не долженъ* подчиняться капризамъ высшихъ классовъ; онъ совѣтуетъ поэту не служить своей лирой никому, кромѣ «народа».

Научная критика настоящаго времени похожа въ этомъ отношеніи на критику Гизо. Разница только въ томъ, что дальнѣйшее историческое развитіе современнаго общества точнѣе опредѣлило намъ, изъ какихъ элементовъ состоялъ тотъ «народъ», во имя котораго Гизо осуждалъ старый порядокъ.

П. Каменскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

I. Беллетристика.

Гюи-де-Мопасанъ. **Чудный другъ и другіе разсказы.** Пер. съ франц. *Л. Н. Никифирова.* Съ предисловіемъ *Л. Н. Толстого.* Изданіе «Посредника». Москва. 1897 г. Ц. 1 р.

Ко всѣмъ тремъ выпускамъ произведеній Гюи-де-Мопасана, изданныхъ «Посредникомъ» для «интеллигентныхъ читателей», предпослано одно и то же предисловіе Л. Н. Толстого. Какъ во всемъ, что пишетъ нашъ великій романистъ, и здѣсь есть немало мѣткихъ замѣчаній, но въ общемъ съ оцѣнкою, которую онъ даетъ Гюи-де-Мопасану, нельзя вполнѣ согласиться. Оцѣнка эта, впрочемъ, логично вытекаетъ изъ точки зрѣнія Л. Н. Толстого на «истинное художественное произведеніе». Для его созданія, по мнѣнію Толстого, кромѣ таланта необходимы три условія: 1) правильное, т.-е. нравственное отношеніе автора къ предмету, 2) ясность изложенія или красота формы, что одно и то же, и 3) искренность, т.-е. непритворное чувство любви и ненависти къ тому, что изображаетъ художникъ. Толстой признаетъ у Мопасана талантъ и два послѣднія условія, что же касается перваго и по его мнѣнію главнѣйшаго, то оно замѣчается лишь въ очень немногихъ произведеніяхъ французскаго романиста (главнымъ образомъ, въ романѣ «Une vie»), въ большинствѣ же случаевъ у него или совсѣмъ не замѣчается нравственнаго отношенія къ описываемымъ предметамъ или его недостаточности.

Правильно ли для признанія произведенія истинно-художественнымъ, кромѣ таланта, требовать еще рядъ другихъ «условій»? Что такое вообще художественный «талантъ»? Толстой опредѣляетъ его, какъ «способность усиленнаго, напряженнаго вниманія, смотря по вкусамъ автора, направляемаго на этотъ или другой предметъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ, одаренный тою способностью, видитъ въ тѣхъ предметахъ, на которые онъ направляетъ свое вниманіе, нѣчто новое, такое, чего не видятъ другіе». Этого, по нашему мнѣнію, недостаточно, это даже не главное свойство таланта.

Талантливый писатель-художникъ не только замѣчаетъ многое изъ того, что ускользаетъ отъ обычнаго взора; онъ, кромѣ того, все замѣченное анализируетъ, разъединяетъ на составныя части, ставитъ событія въ причинную связь, все запоминаетъ и воспринятое воспроизводитъ затѣмъ въ различныхъ комбинаціяхъ, соединяя замѣченное въ разное время, пережитое въ разные моменты въ одну стройную картину. Талантливый художникъ при этомъ прежде всего

долженъ обладать способностью въ минуту творчества видѣть, чувствовать, если хотите ощущать то, что онъ изображаетъ. Флоберъ, изображая картину отравленія мышьякомъ г-жи Бовари, самъ ощущалъ муки отравленія, и у него даже появилась тошнота, рвота и другіе симптомы отравленія мышьякомъ.

Самъ Гюи-де-Мопасанъ въ своихъ очеркахъ «На водѣ» (Sur l'eau) даетъ превосходное опредѣленіе талантливаго писателя, касаясь гораздо болѣе глубокихъ сторонъ художественнаго дара, чѣмъ Толстой.

«Я пишу, потому что я все понимаю, и страдаю отъ всего, что есть, потому что слишкомъ хорошо все знаю и, главнымъ образомъ, потому, что не въ силахъ насладиться ничѣмъ, я все разсматриваю въ зеркалѣ своей мысли».

Писатель, по его словамъ, «не взирая ни на что, помимо собственнаго желанія, все анализируетъ: сердца людей, ихъ лица, жесты, выраженія голоса. Какъ только онъ видитъ что-нибудь, онъ тотчасъ же спрашиваетъ себя «зачѣмъ?»...

«Умъ его устроенъ такъ, что отраженіе въ немъ сильнѣе, непосредственнѣе первоначальнаго впечатлѣнія; *эхо сильнѣе первоначальнаго звука*».

Разъ писатель умѣетъ проанализировать и *оживить* въ себѣ впечатлѣнія, онъ сумѣетъ вызвать соотвѣтствующее впечатлѣніе и въ читателѣ. И здѣсь дѣло не въ одной «ясности изложенія», что, по Толстому, равносильно «красотѣ формы»... Художественное, талантливое изображеніе предмета, событія, внутренняго чувства заключается въ умѣньѣ отмѣтить тѣ точки, которыя бьютъ прежде всего въ глаза и на которыя можетъ опереться пробужденная фантазія читателя. Протоколистъ точно и подробно передастъ вамъ всѣ признаки даннаго лица, и вы все же его не увидите, не представите себѣ; истинный же художникъ укажетъ на двѣ, на три черточки, только намекнетъ, и лицо стоитъ передъ вами, какъ живое. Художникъ пользуется при этомъ сопоставленіями, сравненіями и, чѣмъ выше у него талантъ, тѣмъ эти сравненія и непринужденнѣе и смѣлѣе. Вотъ, напр., какъ описываетъ Мопасанъ старую дѣву, англичанку Харріетъ: «Она была очень худа, очень высока и до того стянута шотландской шалью съ красными клѣтками, что можно было бы счесть ее за безрукую, если бы у бедра не виднѣлась длинная рука съ бѣлымъ зонтикомъ туристовъ. Ея фигура муміи, обрамленная буклями сѣрыхъ волосъ, подпрыгивающихъ при каждомъ ея шагѣ, неизвѣстно почему, напомнила мнѣ *копченую селедку въ папильоткахъ*». И больше ни слова, а миссъ Харріетъ стоитъ, какъ живая.

Помимо таланта и «ясности изложенія», Толстой, какъ мы видѣли, требуетъ для созданія истинно художественнаго произведенія еще искренности и нравственнаго отношенія. Искренность въ смыслѣ правдивости, въ смыслѣ соотвѣтствія изображенія изображаемому лежитъ въ основѣ таланта, но Толстой понимаетъ искренность въ смыслѣ «непритворнаго чувства любви и ненависти къ тому, что изображаетъ художникъ». Намъ думается, что эту любовь и ненависть не столько долженъ чувствовать художникъ, сколько читатель. Чуткаго читателя талантливое произведеніе не оставитъ равнодушнымъ, но самъ художникъ, анализирующій своимъ умомъ каждое событіе, каждое лицо, скорѣе все *понимаетъ*, чѣмъ любитъ и ненавидитъ. «Въ немъ нѣтъ,»—говоритъ Гюи-де-Мопасанъ,—«простого, непосредственнаго чувства...» «Каждый его крикъ, порывъ,

поцѣлуй не искренень, не простъ; ему чужды тѣ непосредственныя, безсознательныя, необдуманныя, непроизвольныя выраженія чувства, которыя являются потому, что человѣкъ не въ силахъ ихъ сдержать.»

До извѣстной степени то же самое можно сказать и относительно *главнаго* толстовскаго условія—нравственнаго отношенія къ изображаемому, т.-е. «различенія между добромъ и зломъ»,—это опять-таки дѣло читателя, а не художника-писателя. Чѣмъ ярче талантъ писателя, тѣмъ ярче и яснѣе выставятся въ его произведеніяхъ всѣ стороны жизни, и тѣмъ легче разобраться въ нихъ будетъ читателю, тѣмъ сильнѣе почувствуетъ онъ состраданіе и сочувствіе къ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ скорѣе онъ отличитъ зло отъ добра; но самъ художникъ долженъ остерегаться навязывать читателю свои нравственныя воззрѣнія, подчеркивать различіе между зломъ и добромъ, потому что онъ можетъ при этомъ нарушить правдоподобность, исковеркать дѣйствительность тенденціей и послужить не «добру», а скорѣе «злу». То или другое нравственное вліяніе художественнаго произведенія столько же зависитъ отъ автора, какъ и отъ нравственнаго уровня, развитія и чуткости его читателей. Это лучше всего можно доказать на вліяніи тѣхъ же произведеній Гюи-де-Мопасана, несомнѣнно одного изъ наиболѣе выдающихся художественныхъ талантовъ, когда-либо существовавшихъ. Для развитаго, вдумчиваго и уравновѣшеннаго человѣка *всѣ* произведенія Гюи-де-Мопасана представляютъ изъ себя прекрасную школу для ознакомленія съ жизнью и для уразумѣнія ея; для значительнаго же большинства, особенно для современной молодежи съ ея половой нейрастеніей, многія мѣста его романовъ и разсказовъ являются рѣшительно вредными. Нельзя поэтому не отнестись сочувственно къ попыткѣ «Посредника» дать сочиненія Мопасана съ пропускомъ мѣстъ, сомнительныхъ по своему вліянію на лицъ, неокрѣпшихъ въ нравственномъ отношеніи. «Bel-Ami», въ которомъ масса эротическихъ сценъ, при пропускахъ, сдѣланныхъ «Посредникомъ», превращается въ книгу, которую спокойно можно дать читать кому угодно съ увѣренностью, что она произведетъ прекрасное воспитательное вліяніе, возбудивъ плодотворную ненависть къ тому общественному порядку, при которомъ наибольшій успѣхъ приходится на долю наглости, безсердечія и грубаго эгоизма, умѣющаго пользоваться для личной выгоды животными инстинктами представителей и представительницъ буржуазнаго общества.

Изъ крупныхъ произведеній Гюи-де-Мопасана «Посредникъ», издалъ кромѣ «Чуднаго друга», только «Монтъ-Оріоль», къ которому Л. Н. Толстой въ «предисловіи» относится скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно; романъ же «Une vie» («Жизнь»), который тотъ же авторъ называетъ «не только несравненно лучшимъ романомъ Мопасана, но едва ли не лучшимъ французскимъ романомъ послѣ «Misérables» Гюго», оставленъ почему-то безъ вниманія. «Жизнь», дѣйствительно, одно изъ лучшихъ, если не лучшее произведеній современной французской изящной литературы, и «Посреднику» слѣдовало бы начать изданіе произведеній Мопасана—именно съ него. Выборъ «разсказовъ» сдѣланъ не совсѣмъ удачно. Помѣщены такія вещи, какъ «Разводъ», «Орля», «Муарочъ», представляющіе интересъ исключительно психіатрическій, такъ какъ въ нихъ

выведены странныя формы душевныхъ болѣзней, и нѣтъ такихъ тонкихъ въ психологическомъ отношеніи разсказовъ, какъ «Хромоножка», «Брильянты» и мн. др. Нѣтъ почти ни одного изъ «деревенскихъ» разсказовъ; здѣсь составители, должно быть, руководились мнѣніемъ Л. Н. Толстого, который въ этихъ разсказахъ видитъ «непониманіе жизни и интересовъ рабочаго народа и представленіе людей изъ него въ видѣ полуживотныхъ, движимыхъ только чувственностью, злобою и корыстью...» Вообще, по словамъ автора «Власти тьмы», Гюи-де-Мопасанъ всюду, гдѣ касается народа, описываетъ его, какъ «грубыхъ и тупыхъ животныхъ, надъ которыми можно только смѣяться». Толстой находитъ даже необходимымъ заступиться за французскій «рабочій народъ, который держалъ и держитъ на своихъ плечахъ эту Францію съ ея великими людьми» и который долженъ состоять «не изъ животныхъ, а изъ людей съ великими душевными качествами».

Намъ, напротивъ, кажется, что Гюи-де-Мопасанъ вѣрно изобразилъ свой народъ, но при этомъ у насъ отъ чтенія его произведеній не получилось впечатлѣнія, будто бы «рабочій народъ» Франціи былъ составленъ исключительно изъ полуживотныхъ. Напротивъ, именно, представители богатыхъ, господствующихъ классовъ отражаются въ произведеніяхъ Гюи-де-Мопасана лживыми, развратными, безсердечными, вызывающими даже не смѣхъ, а отвращеніе. Въ рабочей же средѣ, какъ она описывается у автора «Жизни», замѣтны нерѣдко истинная любовь, преданность, великодушіе. Развѣ не изъ рабочей среды, не изъ среды «униженныхъ и оскорбленныхъ» вышли его истинныя героини: «Хромоножки», «Пышки», и др.? А вспомните, съ какою любовью онъ отзывается о матросахъ своей яхты. «Преданные, искренніе, нервные, подвижные, чистосердечные, аккуратные»—чего же больше?

Разумѣется, онъ не старался идеализировать то, что грубо на самомъ дѣлѣ; его талантъ вѣрно и ярко отражалъ корыстолюбіе и жестокость бретонскаго крестьянина, но онъ отражалъ и причины этихъ явленій, и у читателя просыпается ненависть не къ людямъ, а къ условіямъ жизни, создавшимъ пороки въ ихъ душахъ, не давшимъ развиться въ нихъ чувству состраданія.

И какъ можно вообще обвинять въ «насмѣшкѣ» къ рабочему, страдающему человѣку писателя, въ душѣ котораго, по его собственному выраженію, воспоминанія о страданіяхъ нищихъ оставались, «какъ язвы».

Вспоминая одну нищую старуху, Гюи-де-Мопасанъ восклицаетъ: «О, эта нищета старыхъ людей безъ хлѣба, безъ надежды, безъ дѣтей, безъ денегъ, у которыхъ впереди только смерть! Думаемъ ли мы о голодающихъ старикахъ и старухахъ, живущихъ въ мансардахъ? Думаемъ ли о слезахъ на этихъ потухшихъ глазахъ, нѣкогда блестящихъ, радостныхъ, полныхъ жизни?»

Сцены страданій крестьянки съ дочерью, умиравшихъ въ своей конурѣ отъ дифтерита, навсегда врѣзались въ его памяти.

«Я бѣжалъ подъ дождемъ, какъ *злодѣй*, и хрипъ этихъ двухъ женщинъ преслѣдовалъ меня; я бѣжалъ въ свою теплую квартиру, гдѣ лакеи ожидали меня, чтобы подать мнѣ роскошно приготовленный обѣдъ... Но я никогда не за-

буду ни этихъ сценъ, ни многаго другого, заставляющаго меня ненавидѣть нашъ земной шаръ!» Конечно, въ Мопасанѣ было не мало «буржуазности», но эта буржуазность мучила и отрицала себя самое.

Ив. А. Бунинъ. **«На край свѣта» и другіе разсказы.** Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1897 г. Ц. 1 р.

Каждый разъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ приходится писать о произведеніяхъ какого-нибудь молодого или начинающаго автора, я испытываю очень сложное чувство, независимо оттого, сильно-ли сказывается талантъ автора въ его произведеніяхъ, или чуть брезжитъ то тамъ, то здѣсь слабыми и еле уловимыми огоньками. Я, какъ, вѣроятно, многіе читатели и литературные рецензенты, не могу отдѣлаться отъ желанія допытаться по произведеніямъ—молодъ авторъ, или не молодъ, любитъ ли онъ свое дѣло, живетъ ли въ немъ всѣмъ существомъ, или нѣтъ? Если воображеніе по двумъ и тремъ намекамъ рисуетъ мнѣ начинающаго автора всей душой преданнымъ своему дѣлу,—а это не можетъ не сказываться въ его произведеніяхъ,—я съ особенной осторожностью приступаю къ отзыву о его работахъ. Такимъ несомнѣнно молодымъ писателемъ является г. Бунинъ. Въ книжкѣ г. Бунина всего только девять разсказовъ, изъ которыхъ большинство не превышаютъ печатнаго листа, но талантъ автора сказался въ нихъ съ достаточностью ясностью. Его отличительныя черты—тонкая наблюдательность, вдумчивость и поэтическая грусть, разлитая во всѣхъ его произведеніяхъ, проникающая не только почти всѣ картины природы, но и излюбленные имъ образы. Это сообщаетъ нѣкоторое однообразіе разсказамъ г. Бунина и силуэтность его героямъ: точно вы видите ихъ издалека въ сумрачной розовой дымкѣ умирающаго весенняго вечера. Именно—*весенняго*, потому что эта тихая грусть—свойство молодости по преимуществу, и ея мягкій и чистый лиризмъ сообщаетъ произведеніямъ молодого автора свое привлекательное и расплывчатое настроеніе.

Это ясное присутствіе искренняго настроенія не только не утомляетъ читателя и не наскучиваетъ ему, а, какъ разъ наоборотъ, располагаетъ къ автору и выкупаетъ многіе недостатки его творчества, легко и нѣжно затушевывая ихъ своими тонкими штрихами. Даже разсказъ «На край свѣта», поставленный во главѣ книги, разсказъ банальный по сюжету до послѣдней степени, и тотъ читается, благодаря присутствію задушевнаго настроенія, если не съ удовольствіемъ, то безъ досады на автора. А подосадовать было бы на что. Судите сами.

Содержаніе разсказа таково: переселенцы-малороссы покидаютъ родную деревню и отправляются въ Уссурійскій край, который, по мнѣнію автора, находится на краю свѣта. Въ дѣйствительности это происходитъ мучительно-мрачно и сурово... Скупая и жалкая природа, заставляющая бѣжать отъ нея въ невѣдомые края, холодно и враждебно смотритъ на своихъ пасынковъ, которымъ, не смотря на всю ея неприглядность, тяжело покидать насиженныя гнѣзда, но у г. Бунина все это переселеніе описывается такими теплыми красками, весь этотъ «Великій перевозъ», изъ котораго бѣгутъ люди на край свѣта, рисуется на фонѣ безпредѣльной степи такъ привлекательно, что тамъ, какъ будто и умирать не надо, и вамъ становится досадно, что люди покидаютъ привольную

родную степь, родныя могилы, насиженныя гнѣзда и близкихъ людей, такъ какъ авторъ не показываетъ вамъ оборотной стороны этой медали. У чувствительныхъ людей положительно слезы должны закапать изъ глазъ при разлукѣ поэтическаго Юхыма съ своей невѣстой, не менѣе поэтической Зинькой, когда они разлучаются, быть можетъ, навѣки и проливаютъ кислосладкія слезы, особенно же, когда Зинька, навѣки распрощавшись съ своимъ милымъ, жалобно запѣваетъ по неизбѣжной въ этихъ случаяхъ малороссійской программѣ:

Ой, зійди, зійди,
Ясенъ місяцю!

Совсѣмъ картина изъ слезливой малороссійской оперы, скроенной сихъ дѣлъ мастеромъ; но два, три мѣткихъ штриха, удачная картинка и лирическій вздохъ, вырвавшійся изъ глубины души, заставляютъ снисходительно отнестись ко всѣмъ этимъ недостаткамъ.

Наиболѣе типичнымъ, художественнымъ и правдивымъ, словомъ сказать, наиболѣе высокопробнымъ разсказомъ въ области настроенія является разсказъ «На Донцѣ», въ фокусѣ котораго стоитъ образъ старика, человѣка унылаго, ищущаго жизни духа, ищущаго тѣхъ мѣстъ, гдѣ береть «раздумье».

— Съ малолѣтства я такой!—говоритъ этотъ старикъ, — я, бывало, еще отрокомъ все на кладбище ходилъ, на еврейское.

— Отчего же на еврейское?

— Унылѣй тамъ.

Онъ опять помолчалъ и сказалъ твердо:

— Да, въ этомъ вся причина. Камни стоятъ старые, старые, и написано непонятно на нихъ, какъ узоры какіе... И одни только камни сѣрые... Ни рѣшетокъ этихъ, ни кустиковъ.

— Ну, и что же?—спросилъ я, пораженный смутнымъ поэтическимъ смысломъ этихъ словъ.

— Ну, и лучше мнѣ,—задумчиво отвѣтилъ старикъ.— Вотъ и здѣсь лучше... Какая моя жисть теперь? А все лучше другихъ... Все лучше, ежели раздумье есть... А то какъ живутъ? Обуваются да разуваются... Эхъ, горе мое, не письменный я!

Жаль, что этотъ правдиво и тонко намѣченный образъ такъ и остался наброскомъ на фонѣ такой же, полной унылости и раздумья природы. Впрочемъ, я не знаю, выигралъ ли бы этотъ очеркъ, написанный мягкими акварельными тонами, если бы та или другая фигура особенно выпукло и ярко выдѣлялась изъ общаго смутнаго тона.

Такимъ же любящимъ раздумье и тишину уединенія является «фантазеръ» Капитонъ Ивановичъ, всю жизнь бѣжавшій сусты и тревогъ, который самъ мыслитъ такъ: «Я не жилъ, какъ живутъ тысячи другихъ, не суетился, не валилъ съ ногъ другихъ, чтобы самому завладѣть чѣмъ-нибудь; не коверкала меня, моего характера людская безумная суматоха; не было со мною всего того, отъ чего мечутся и страдаютъ люди въ городѣ. Тихо прожилъ, тихо и умру, какъ въ свое время высохнетъ и свалится листъ вотъ съ этого кустика...»

Это кроткое благодушіе, вызванное постояннымъ общеніемъ съ природой, эта

тихая грусть и стремленіе къ внутренней, созерцательной жизни замѣчается почти во всѣхъ образахъ, къ которымъ съ симпатіей относится авторъ. Очевидно, всѣ эти натуры близки и родственны ему, и немудрено, такъ какъ эти черты лежатъ въ корнѣ русской натуры, не измотанной городскою цивилизаціей и не обезличенной въ конецъ столичной жизнью.

Не говоря уже о мужикахъ (разсказъ на «Чужой сторонѣ»), вдали отъ родины встрѣчающихъ Свѣтлое Христово Воскресенье, о «Кастрюкѣ», мирно доживающемъ свой вѣкъ и живущемъ воспоминаньями прошлаго,—и въ Волковѣ («Вѣсти съ родины»), и въ «Павлѣ Антоновичѣ» («Талька») въ критическіе моменты являются тѣ же черты, и тогда эти герои выказываютъ удивительную привлекательность своей души.

Даже въ учителѣ («Тарантелла»), въ толстовцѣ («На дачѣ») проскальзываютъ знакомыя черты бунинскаго любимца, но объ этихъ двухъ вещахъ, наиболѣе крупныхъ по объему, я скажу подробнѣе, такъ какъ въ нихъ яснѣе сказываются достоинства и недостатки молодого дарованія, а, такъ сказать, по пути, изъ четырехъ предыдущихъ разсказовъ отмѣчу «На чужой сторонѣ» и «Тальку», особенно послѣдній, написанный не только, по обыкновенію, поэтично, но и мастерски. Образъ Тальки, крошечной деревенской дѣвочки, чуткимъ дѣтскимъ сердцемъ по-своему отозвавшейся на голодную нужду своей семьи, — этотъ образъ схваченъ живо и трогательно, безъ слащавости.

Въ этомъ разсказѣ есть маленькій промахъ. Авторъ находитъ сходство въ лицѣ проѣзжаго съ лицомъ Тургенева. Это и некстати, и неудобно. Указываю на эту мелочь потому, что она является однимъ изъ рѣдкихъ исключеній въ разсказахъ г. Бунина. Языкъ его разсказовъ точенъ, поэтиченъ и красивъ, краски правдивы и нѣжны. Вообще по этому выработанному изящному языку въ г. Буниѣ сразу можно было бы угадать поэта, если бы мнѣ даже неизвѣстно было, что онъ пишетъ стихи.

Теперь, покончивъ съ технической стороной разсказовъ г. Бунина, а также съ отличительными свойствами его дарованія, перейду къ разсказу «На дачѣ». «На дачѣ» занимаютъ треть книги. Цѣлый десятокъ фигуръ порой оживляется авторомъ двумъ-тремя штрихами. Въ центрѣ этой группы стоитъ Каменскій, «толстовецъ», и Гриша, сынъ архитектора Примо. Очевидно, главнымъ образомъ, вниманіе читателя г. Буниъ хотѣлъ обратить именно на толстовца, но онъ-то и является самой неудачной фигурой во всемъ разсказѣ. Это какой-то, если можно такъ выразиться, прямоугольный четырехугольникъ, изрекающій самыя банальныя истины такимъ доктринерскимъ тономъ и съ такимъ глубокомысленнымъ видомъ, точно все человѣческое чуждо ему и онъ не болѣетъ никакими сомнѣніями въ своей непогрѣшимости, никакими слабостями и страстями. «Не человѣкъ, а правило» и притомъ правило безъ исключенія. Каменскій живетъ анахоретомъ и столярничаетъ. Гриша чувствуетъ къ нему нѣкоторое влеченіе и безотчетное уваженіе. Онъ заходитъ къ нему, удивляется его характеру и начинаетъ проникаться исповѣдуемой тѣмъ вѣрой, и опять читателю приходится встрѣчаться съ проявленіями «свѣтлаго настроенія одиночества въ минуты отдыха и созерцательной тихой жизнью»... Для этого

*

«толстовца» авторъ создаетъ фонъ изъ пьяной толпы дешевыхъ скептиковъ во главѣ съ отцомъ Примо. Скептики пытаются вышучивать «толстовца», но дѣлаютъ это весьма слабо, не то въ угоду автору, желавшему представить нѣкоторыхъ изъ нихъ людьми умными, не то въ угоду «толстовцу». «Толстовецъ», конечно, остается побѣдителемъ, но читатель этому не вѣритъ, не потому, чтобы толстовцы вообще не симпатичны ему, а потому, что толстовецъ г. Бунина— машиннаго производства и весь состоитъ изъ фразъ, безъ души и тѣла.

Въ разсказѣ есть, кромѣ обычныхъ достоинствъ языка, картинъ природы и настроеній, нѣсколько живыхъ моментовъ, но въ общемъ все довольно сумбурно и несвязно. «На дачѣ», такимъ образомъ, являются не совсѣмъ удачной вещью, но изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы у г. Бунина не хватило дарованія на крупную вещь. Правда, онъ по преимуществу является покуда миніатюристомъ, сюжеты его разсказовъ крайне несложны и будничны, нѣтъ у него также широкаго захвата и глубины проникновенія тою или другою идеею, но все это, навѣрное, со временемъ придетъ, если г. Буниnъ будетъ серьезно воспитывать и развивать свой талантъ, расширяя поле наблюденій и глубже вдумываясь въ жизнь и взаимныя отношенія людей.

«Тарантелла» гораздо серьезнѣе и лучше предыдущаго произведенія, мѣстами она производитъ положительно захватывающее впечатлѣніе, но и тутъ авторъ не справился съ концомъ. Характеръ сельскаго учителя, попавшаго на вечеръ къ богатому помѣщику и въ опьянѣніи плящущаго подъ «тарантеллу» трепака, освѣщенъ оригинально и вѣрно. Сцена его униженія полна искренняго драматизма. Послѣ этого читатель вправѣ былъ ожидать заключительнаго аккорда, сильнаго и яркаго, а на дѣлѣ опять вышелъ какой-то сумбуръ, и конецъ только запестрилъ впечатлѣніе. Ужъ лучше бы кончить на IX главѣ, такъ какъ остальныя двѣ главы являются совсѣмъ лишнимъ «хвостомъ».

Но и это произведеніе подчеркиваетъ дарованіе г. Бунина и выводитъ его далеко за предѣлы посредственностей, которыхъ развелось такъ много въ послѣднее время въ видѣ ловкихъ мастеровъ беллетристическаго цеха.

II. Политическая экономія. Соціологія. Антропологія.

Герхардъ фонъ-Шульце-Геверницъ. **Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса.** Перев. съ нѣм. *Л. Б. Красина*, подъ редакціей и съ предисловіемъ *П. Б. Струве*. Съ приложеніемъ лекціи проф. Е. Филипповича: **Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры.** Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897 г. (8° XX+322 стр.). Ц. 1 р. 75 к.

«Каково отношеніе экономическаго прогресса къ улучшенію быта трудящихся классовъ, каково значеніе высокаго или низкаго уровня жизни массъ для развитія хозяйственныхъ силъ націи?» Этими словами начинается книга Шульце-Геверница, и они вполнѣ опредѣляютъ ея содержаніе. Основная мысль книги — полная зависимость соціальнаго прогресса отъ техническаго прогресса.

Крупная промышленность, при всѣхъ своихъ очевидныхъ техническихъ преимуществахъ, пугаетъ очень многихъ. Всѣ признаютъ, что развитіе капита-

листическаго производства повысило продуктивность труда, увеличило производительныя силы общества; но каковы соціальныя послѣдствія этого развитія? Соотвѣтствуютъ ли они интересамъ массы населенія или нѣтъ?

Шульце-Геверницъ доказываетъ, что прогрессъ техники означаетъ собой не только ростъ народнаго богатства, но и улучшеніе матерьяльнаго положенія рабочаго. Достаточно извѣстно, что такое была англійская фабрика начала этого вѣка. Не смотря на чрезвычайную продолжительность рабочаго дня, рабочій вырабатывалъ ничтожную сумму, едва обезпечивавшую ему голое существованіе. Еще тяжелѣе было положеніе тѣхъ рабочихъ, которые не работали на фабрикахъ, напр., кустарныхъ ткачей, заработная плата которыхъ правильно понижалась въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Фабричная система была ненавистна рабочимъ, напрягавшимъ всѣ усплія, чтобы вернуть старый порядокъ и задержать распространеніе машинъ.

Тѣмъ не менѣе, экономическое развитіе шло своимъ ходомъ, и фабрика пріобрѣтала все болѣе господствующее положеніе въ хозяйственномъ строѣ Англіи. Результатомъ техническаго прогресса явилось пониженіе задѣльной платы, но вмѣстѣ съ тѣмъ повышеніе заработка рабочаго и сокращеніе рабочаго времени. Экономическое положеніе рабочаго улучшилось, и самъ рабочій сдѣлался другимъ человѣкомъ.

Въ противопоставленіи условій труда въ Англіи въ началѣ фабричной эры и въ наше время, а также на англійскихъ фабрикахъ и на континентальныхъ, и заключается главное содержаніе разбираемой книги. Шульце-Геверницъ приводитъ, по личнымъ записямъ, бюджеты современныхъ англійскихъ рабочихъ. Эти бюджеты показываютъ, что въ настоящее время англійскій рабочій далеко не стоитъ на рубежѣ голаго существованія. Онъ имѣетъ возможность жить съ извѣстнымъ комфортомъ и удовлетворять не только матерьяльныя, но и высшія, духовныя потребности.

Перемѣнѣ экономическаго положенія рабочаго, по мнѣнію Шульце-Геверница, соотвѣтствуютъ и перемѣны въ соціальной области. Соціальная вражда, характеризующая первую эпоху капиталистическаго развитія, замѣняется соціальнымъ миромъ. Рабочій научается видѣть въ фабрикантѣ не своего естественнаго врага, а союзника, съ которымъ его связываютъ многіе общіе интересы. Экономическій прогрессъ приводитъ къ возрастанію абсолютныхъ суммъ, достающихся на долю и труда, и капитала, но при этомъ доля труда относительно возрастаетъ—ему поступаетъ все бо́льшая и бо́льшая часть національнаго производства. «Соціальныя послѣдствія этого прогресса состоятъ въ уравненіи имущественныхъ противоположностей. Отнюдь не дѣлая богатыхъ богаче, а бѣдныхъ бѣднѣе, онъ приводитъ какъ разъ къ обратному, какъ это статистически доказано для Англіи» (стр. 229).

Таковы выводы Шульце-Геверница. Читатель видитъ, что авторъ — просвѣщенный буржуа, «гармонистъ»; но именно *просвѣщенный* буржуа — вполнѣ стоящій на уровнѣ современной науки. Школа Брентано, къ которой принадлежитъ Шульце-Геверницъ, несомнѣнно имѣетъ крупныя научныя заслуги. Во-первыхъ, работы этой школы «проникнуты,—въ противоположность произведе-

піямъ другихъ представителей исторической школы,—безусловно отрицательнымъ отношеніемъ къ устарѣлымъ экономическимъ формамъ и экономическому романтизму» (П. Струве. Критическія замѣтки, 137). Брентано, и еще болѣе, Шульце-Геверницъ—энергичные и убѣжденные сторонники экономическаго прогресса; а такъ какъ экономическій прогрессъ знаменуетъ собой и соціальный прогрессъ (честь этой идеи принадлежитъ не Шульце-Геверницу, а мыслителю несравненно болѣе сильному и глубокому—Марксу), то слѣдовательно направленіе школы Брентано является и въ общественномъ смыслѣ прогрессивнымъ направленіемъ.

Другой крупной заслугой школы Брентано (и особенно Шульце-Геверница) является матеріалистическая точка зрѣнія, съ которой эта школа объясняетъ соціальную эволюцію. Оставаясь буржуазнымъ экономистомъ, нашъ авторъ въ значительной мѣрѣ проникся исторической философіей автора «Капитала». Если его конечные выводы, въ области соціальной политики, представляютъ прямую противоположность марксизму, то его аргументація нерѣдко имѣетъ вполнѣ марксистскій характеръ. Такъ, уже основной тезисъ Шульце-Геверница—о связи техническаго и соціальнаго прогресса—заимствованъ, какъ сказано, у Маркса. Совершенно въ духѣ Маркса школа Брентано объясняетъ и причину великихъ изобрѣтеній конца прошлаго вѣка, создавшихъ промышленную революцію. Эти изобрѣтенія, говоритъ Шульце-Геверницъ, были вызваны не прогрессомъ науки, «не техническія причины произвели экономическій переворотъ конца прошлаго столѣтія; скорѣе сами техническіе успѣхи были вызваны совпаденіемъ цѣлаго ряда хозяйственныхъ моментовъ; давно сдѣланныя, или, по крайней мѣрѣ, на половину осуществленныя изобрѣтенія, остававшіяся дотолѣ безъ всякаго экономическаго дѣйствія, тогда только нашли себѣ примѣненіе въ современномъ крупномъ производствѣ» (стр. 32).

Нельзя не согласиться съ Шульце-Геверницемъ, что экономическій пессимизмъ Мальтуса и Рикардо, и ихъ ученіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія, особенно въ рѣзкой формулировкѣ Лассаля («желѣзный законъ заработной платы»), были опровергнуты дальнѣйшей исторіей. Улучшеніе матеріальнаго положенія англійскаго рабочаго признаетъ и Энгельсъ во второмъ изданіи своей знаменитой книги: «Die Lage der arbeitenden Klassen in England». Рабочіе бюджеты, приводимые Шульце-Геверницемъ, особенно поучительны для сторонниковъ нашей самобытности, считающихъ возможнымъ защищать тотъ хозяйственный строй, при которомъ бюджетъ крестьянской семьи не превосходилъ 55 р. на душу. Правда, англійскій рабочій, получающій до 2 тыс. руб. въ годъ, все-таки пролетарій, а нашъ мужикъ, хотя и живетъ очень плохо, но на своей землѣ. Но, съ точки зрѣнія интересовъ мужика, не можетъ быть сомнѣнія, какое положеніе предпочтительнѣе; и потому нашъ мужикъ такъ охотно бросаетъ свою землю и отправляется искать заработка въ городъ или на фабрику.

Итакъ, высшіе слои англійскаго рабочаго класса, по своему экономическому положенію, отнюдь не могутъ быть причислены къ бѣднякамъ; по справедливому замѣчанію Шульце-Геверница, они примыкаютъ къ среднимъ классамъ об-

щества, какъ по матеріальнымъ условіямъ жизни, такъ и по своему умственному развитію. Но все-таки картина, нарисованная Шульце-Геверницемъ, даетъ очень невѣрное, благодаря своей односторонности, представленіе о положеніи англійскаго рабочаго. Картину эту необходимо дополнить данными, приводимыми въ предисловіи русскаго редактора разбираемой книги. Г. Струве приводитъ обширную выдержку изъ статьи лучшаго знатока условій жизни англійскаго рабочаго—Сиднея Вебба. По словамъ этого послѣдняго, и теперь въ Англіи «существуетъ огромное множество людей, экономическое положеніе которыхъ все еще находится на уровнѣ 1842 г.» Въ одномъ Лондонѣ насчитывается болѣе милліона бѣдняковъ; болѣе 300 тыс. человѣкъ живутъ въ этомъ городѣ въ хронической нуждѣ. По расчету меньшинства Королевской Комиссіи по рабочему вопросу, не менѣе 5 мил. душъ въ Англіи не имѣютъ возможности получать средства къ жизни, достаточныя для здороваго существованія и успѣшнаго труда.

Статистическія данныя о заработной платѣ въ Англіи, приводимыя Шульце-Геверницемъ, крайне недостаточны и неточны. Даже въ первомъ періодѣ развитія фабричнаго производства нашъ «гармонистъ» констатируетъ значительное повышеніе реальнаго заработка рабочаго (стр. 59). Для этого онъ пользуется показаніемъ одного фабриканта передъ Committee on Manufactures 1833 г., сравнивавшаго заработную плату и цѣну хлѣба въ 1804, 1814 и 1833 гг. Но послѣдній годъ являлся исключительнымъ по низкой цѣнѣ хлѣба и потому не можетъ быть взятъ для сравненія. Кромѣ того, показаніе одного фабриканта является источникомъ слишкомъ сомнительнымъ. Но Шульце-Геверницъ все это игнорируетъ, чтобы доказать свой любимый тезисъ—повышеніе заработной платы подъ вліяніемъ техническаго прогресса. Вообще, характеристика экономическихъ послѣдствій промышленной революціи у Шульце-Геверница блѣдна и неправильна. Изъ его словъ читатель можетъ, пожалуй, вынести представленіе, что тяжелое экономическое положеніе рабочаго класса Англіи въ первую половину этого вѣка вызывалось не водвореніемъ новой формы производства—фабричной—и не развитіемъ капитализма, а иными причинами. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что ближайшія послѣдствія промышленной революціи были крайне неблагопріятны для массы населенія и что капитализмъ сначала ухудшилъ положеніе рабочаго.

Точно также, дѣйствительное повышеніе заработной платы англійскихъ фабричныхъ рабочихъ въ новѣйшее время далеко не такъ значительно, какъ представляетъ его секретарь манчестерской торговой палаты, Лордъ, на котораго ссылается Шульце-Геверницъ (стр. 178). Изъ приводимыхъ вслѣдъ затѣмъ данныхъ самого Шульце-Геверница видно, что плата за чернорабочій трудъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ совсѣмъ не повысилась въ періодъ 1834—1883 гг.; это, очевидно, исключительный случай, такъ какъ существуютъ несомненныя доказательства повышенія платы во всѣхъ отрасляхъ труда за послѣднія 40—50 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, чрезмѣрный оптимизмъ Шульце-Геверница разбивается его же собственными цифрами.

Точно также, когда нашъ авторъ говоритъ о выгодахъ, получаемыхъ ра-

бочими благодаря удешевленію предметовъ потребленія, онъ забываетъ о повышеніи квартирной платы, въ значительной мѣрѣ компенсирующемъ первое. Вообще, хотя мы вполнѣ согласны съ Шульце-Геверницемъ въ благопріятной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія рабочихъ интересовъ результатовъ, огромнаго техническаго прогресса новаго времени, мы считаемъ оцѣнку Шульце-Геверница этихъ результатовъ крайне преувеличенной. Еще менѣе обоснованъ оптимизмъ нашего автора въ области соціальной политики. Не смотря на общность нѣкоторыхъ интересовъ рабочаго и предпринимателя, классовой антагонизмъ продавцевъ и покупателей труда коренится въ самомъ характерѣ сдѣлки и потому исчезнуть не можетъ. Поэтому, всѣ разсужденія Шульце-Геверница на тему о «соціальномъ мирѣ» относятся скорѣе къ области желаемаго и ожидаемаго (съ точки зрѣнія автора), чѣмъ дѣйствительнаго и настоящаго. На самомъ же дѣлѣ, классовая борьба въ современной Англіи хотя и приняла болѣе культурныя и цѣлесообразныя формы (рабочіе теперь уже не разбиваютъ машинъ и не поджигаютъ фабрикъ), но не стала отъ этого менѣе энергичной, и условія рабочаго договора какъ раньше, такъ и теперь устанавливаются, въ конечномъ счетѣ, силой.

Совсѣмъ инымъ духомъ, чѣмъ книга Шульце-Геверница, проникнута небольшая лекція проф. Филиппповича «Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры». Филиппповичъ, какъ Шульце-Геверницъ, стоитъ за экономическій прогрессъ. Но Филиппповичъ не обольщается достигнутыми результатами. Правда, рабочій пользуется благами современной культуры, но какъ ничтожны успѣхи въ области распредѣленія сравнительно съ успѣхами въ области производства! «До сихъ поръ,—говоритъ Филиппповичъ,—наше культурное развитіе имѣло частичный характеръ».

Цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій замедляетъ ростъ благосостоянія рабочаго класса. Контрасты богатства и бѣдности не исчезаютъ съ развитіемъ хозяйства. Прогрессъ въ соціальной области есть скорѣе дѣло будущаго, чѣмъ настоящаго. Эта точка зрѣнія Филиппповича дѣлаетъ его лекцію прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ Шульце-Геверница и предостерегаетъ читателя отъ чрезмѣрнаго оптимизма послѣдняго. Есть два рода оптимизма. Одинъ основывается по вѣрѣ въ будущее, въ прогрессъ, другой—на идеализаціи настоящаго. Филиппповичъ такой же сторонникъ экономическаго прогресса, какъ и Шульце-Геверницъ, но онъ не «гармонистъ» и не видитъ настоящаго въ розовомъ свѣтѣ; и потому его точка зрѣнія является несравненно болѣе прогрессивной, такъ какъ для борьбы за лучшее будущее требуется, прежде всего, недовольство настоящимъ.

Исторія религій. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. *А. Мензиса*, профессора университета С-тъ Андрью въ Шотландіи. Переводъ съ англійскаго *М. Чепинской*. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1897 (336 стр.). Ц. 1 р.

У насъ очень мало такихъ книгъ, которыя бы при небольшомъ объемѣ знакомили читателя съ исторіей религій различныхъ народовъ, и потому нельзя не радоваться появленію книги, пополняющей этотъ пробѣлъ. Книга г. Мензиса

отличается многими достоинствами, въ особенности, какъ книга популярная. Хорошее, ясное изложеніе разнообразныхъ вѣрованій земного шара проникнуто при томъ одной общей идеей, объединяющей эту пеструю мозаику. Общая идея, конечно, представляетъ очень большое достоинство труда, но въ этомъ же заключается и его слабая сторона. Все дѣло въ выборѣ этой общей идеи. Исторія религіи, что признаетъ и авторъ, наука новая, и если она, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не выработала еще такой общей идеи, то при выборѣ ея въ популярномъ изложеніи нужно быть весьма осторожнымъ. Руководящая идея сочиненія, если она не выведена изъ разбираемыхъ наукою фактовъ, можетъ вести только къ совершенно превратнымъ или, по крайней мѣрѣ, ложнымъ представленіямъ о предметѣ. Поэтому намъ кажется необходимымъ прежде всего разобрать эту общую идею, чтобы выяснить ея состоятельность или несостоятельность. На стр. 3 авторъ говоритъ: «Всякій, сколько-нибудь интересующійся этимъ предметомъ (исторіей религій), стремится къ изученію религій міра не въ видѣ отдѣльныхъ системъ, которыя, хотя бы и имѣли многія сходныя черты, но могли развиваться независимо другъ отъ друга, — а къ изученію религіозныхъ системъ въ ихъ связи, какъ частей одного цѣлаго. Наша наука стремится представить религіи всего міра, какъ проявленія міровой религіи». Такой взглядъ на свою науку авторъ старается подкрѣпить далѣе сравненіемъ съ другими науками. «Всякая наука.—говоритъ онъ.—стремится установить единство закона среди многообразія явленій». Правда, конечно, то, что исторія религіи, если она хочетъ быть наукой, должна точно такъ же, какъ и другія науки, исходить изъ признанія закономѣрности подлежащихъ ея изслѣдованію явленій. Но отсюда еще далеко до того, чтобы признавать въ сущности одну «міровую религію», а отдѣльныя религіи признавать только ея проявленіями. Эта мысль до извѣстной степени уже предрѣшаетъ вопросъ о томъ, что такое религія; между тѣмъ, какъ отвѣтъ на него долженъ вытекать изъ разбора фактовъ по исторіи отдѣльныхъ религій міра. Мы увидимъ далѣе, что эта точка зрѣнія часто мѣшала автору научно ставить вопросы.

Другое недоразумѣніе, касающееся общей постановки вопроса, заключается въ слѣдующемъ: «Понять что-нибудь,—говоритъ авторъ на стр. 4,—значитъ, знать, какъ оно сдѣлалось тѣмъ, что оно есть; по крайней мѣрѣ, историческое явленіе можетъ быть понятно лишь въ томъ случаѣ, если исторія его изслѣдована до самаго корня. Это несомнѣнно и относительно религіи человѣчества. Всякое разсмотрѣніе предмета, не начинающееся съ начала, неизбѣжно будетъ сбивчивымъ и неудовлетворительнымъ». Авторъ, принимаясь за свой трудъ, повидимому, исходитъ изъ убѣжденія, что исторія религіи «изслѣдована до самаго корня», хотя это ничѣмъ другимъ у него не доказывается, кромѣ того общаго положенія, что «разсмотрѣніе предмета, не начинающееся съ начала... будетъ сбивчивымъ и неудовлетворительнымъ». Но что онъ разумѣетъ подъ началомъ разсмотрѣнія? Всякая наука восходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и такъ какъ начало религіи не подлежитъ нашему непосредственному наблюденію, то мы должны заключать о немъ только на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ, такъ называемыхъ первобытныхъ религій. Другое дѣло, если вопросъ идетъ объ изложеніи

науки. Тамъ мы можемъ начинать и съ самаго «корня» даннаго явленія, но мы не должны забывать при этомъ, что наше знаніе объ этомъ «корнѣ» есть результатъ нашихъ догадокъ, что это только гипотеза.

Если мы теперь посмотримъ, какъ разрѣшается вопросъ о началѣ религіи, то увидимъ, что этого вопроса, повидимому, даже и не существуетъ для нашего автора. На стр. 14 мы читаемъ, что авторъ не допускаетъ возможности, чтобы когда бы то ни было «существовали въ мірѣ народы безъ религіи», а на стр. 18 говорится: «разсказы нѣкоторыхъ путешественниковъ о племенахъ, не имѣющихъ религіи, относятся или къ недоразумѣніямъ, или считаются недостаточными для того, чтобы пошатнуть общераспространенное положеніе, что религія есть свойство, присущее дикому состоянію». Тѣмъ не менѣе, авторъ на стр. 16 и 17, повидимому, хочетъ объяснить возникновеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій (напр., поклоненіе животнымъ) тѣмъ, что «дикарь считаетъ всѣ предметы одушевленными», что «воображеніе его ничѣмъ не сдерживается». Если, такимъ образомъ, авторъ признаетъ, что нѣкоторыя религіозныя вѣрованія исчезаютъ (какъ поклоненіе животнымъ) и, повидимому, допускаетъ возможность ихъ возникновенія, то почему религія вообще должна признаваться безначальной? Мы не хотимъ, сказать, что вопросъ о происхожденіи религіи разрѣшается очень просто одною ссылкою на способность дикарей считать всѣ предметы одушевленными; напротивъ, намъ кажется, что ссылаться на богатую фантазію дикарей при этомъ невозможно: мы должны представлять дикаря и въ этомъ отношеніи стоящимъ ниже цивилизованнаго человѣка. Но мы хотимъ только указать на то, что вопросъ о происхожденіи религіи существуетъ, что его нельзя обходить, а потому невозможно представлять себѣ процессъ развитія религіи, какъ смѣну различныхъ проявленій одной, искони существующей «міровой религіи». Мы прямо не видимъ никакого реальнаго содержанія въ этомъ отвлеченномъ терминѣ.

Въ этомъ своемъ взглядѣ на развитіе религіи авторъ, повидимому, видитъ то преимущество, что онъ яко бы приводитъ къ безпристрастному отношенію ко всѣмъ религіямъ міра. «Глядя на всѣ религіи, какъ на стадіи развитія религіи вообще, мы не будемъ имѣть причины унижать или незаслуженно превозносить ни одну изъ нихъ» (стр. 4). Однако, на дѣлѣ оказывается, что такое пониманіе дѣла вовсе не ведетъ къ безпристрастію, не освобождаетъ отъ предвзятаго взгляда. Такъ, напр., на стр. 71 мы читаемъ, что шаманизмъ «не заслуживаетъ названія религіи»; на стр. 97: «Ни конфуціанство, ни таонизмъ не представляютъ изъ себя религіи въ полномъ смыслѣ этого слова», на стр. 233: «Это (рѣчь идетъ о «второй греческой религіи») не была религія въ настоящемъ смыслѣ слова», на стр. 295: «такая система (буддизмъ) не можетъ отвѣчать понятію о религіи и не вполнѣ заслуживаетъ этого названія». На стр. 329 повторяется то же: «буддизмъ не есть полная религія». Какой же послѣ этого мы можемъ взять критерій для понятія «религія», если мы даже буддизмъ не будемъ признавать «полной религіей»? Въ этомъ несомнѣнно сказывается то, что общая идея, которою руководится авторъ при изложеніи своего предмета, выбрана неудачно и непаучно.

Та же самая ненаучность постановки вопроса сказывается и въ слѣдующемъ взглядѣ на христіанство: «Нельзя судить о христіанствѣ какой-бы то ни было страны по образу мыслей его наиболѣе невѣжественныхъ приверженцевъ или даже его приверженцевъ средняго уровня» (стр. 329). Если вообще возможно задаваться вопросомъ о томъ, каково христіанство въ данной странѣ, то не можетъ быть, по нашему мнѣнію, другого пути къ разрѣшенію этого вопроса, какъ только опредѣленіе именно средняго уровня распространенія въ данной странѣ христіанскихъ идей, и если нельзя судить о христіанствѣ по образу мыслей его наиболѣе невѣжественныхъ приверженцевъ, то нельзя судить о немъ и по образу мыслей наиболѣе развитыхъ: то и другое должно дать одинаковую ошибку, только въ различныхъ направленіяхъ.

Въ этихъ общихъ взглядахъ автора, по нашему мнѣнію, заключается главный недостатокъ книги. Теперь мы перейдемъ къ частностямъ. Въ общемъ книга даетъ довольно хорошее общее знакомство съ отдѣльными религіями. Но. къ сожалѣнію, и здѣсь авторъ стремился дать скорѣе общую характеристику духа данной религіи. Это не всегда ему удается, и потому часто характеристика дѣлается слишкомъ отвлеченною и неуловимою по своему реальному содержанію. Напр., на стр. 207 мы читаемъ: «Какъ греки видѣли религіозное начало въ красотѣ, а римляне—въ пользѣ, такъ германцы усматривали его въ страданіи». Такія слова, какъ красота, польза и страданіе, конечно, не могутъ охарактеризовать религіи даннаго народа, тѣмъ болѣе, что для грековъ, римлянъ и германцевъ данныя характеристики прямо невѣрны. Если греческая поэзія, музыка и пластика разрабатывала религіозные сюжеты и придавала имъ художественныя формы, то это вовсе не значитъ, что греки «видѣли религіозное начало въ красотѣ». Такъ же расплывчата и слѣдующая характеристика: «Единственное, что совершилъ до сихъ поръ греческій умъ, это открытіе, что природа не выше его; силы природы для него человѣчны, онѣ божественны не потому, что существенно отличаются отъ него, а потому, что онѣ являются безупречными идеалами его собственныхъ качествъ». Для меня все-таки остается неяснымъ, что именно разумѣется подъ этимъ единственнымъ открытіемъ греческаго ума. Такихъ характеристикъ можно было бы привести очень много. Онѣ, по нашему мнѣнію, только въ томъ случаѣ могли бы имѣть значеніе, если бы болѣе подробное изложеніе фактовъ придавало имъ вполнѣ опредѣленный смыслъ.

Неясно въ изложеніи, что авторъ разумѣетъ подъ «тотемистическимъ состояніемъ общества» (стр. 101). На 42 стр. мы читаемъ объ этомъ слѣдующее: «По-видимому, во всемъ мірѣ, на весьма ранней ступени развитія, люди считали себя происходящими одинъ отъ одного животнаго, другіе отъ другого. Отъ этого вѣрованія получили названія племена, при чемъ каждый членъ племени татуировалъ у себя на тѣлѣ изображеніе своего предка—животнаго». Далѣе мы узнаемъ, что этотъ предокъ назывался «тотемъ», что всѣ, имѣющіе одного тотема, считались родственными; что тотемъ считался священнымъ, и его не употребляли въ пищу. Можно ли это назвать тотемистическимъ состояніемъ общества? Въ другомъ мѣстѣ (123 стр.) авторъ отождествляетъ тотемистическую общину съ «клановой», т.-е. подъ этимъ терминомъ разумѣетъ попросту родовую орга-

низацію. Какъ мы видѣли, тотемъ есть миѳическій родоначальникъ данной группы родственниковъ; слѣдовательно имя это не характеризуетъ нисколько по существу состояніе общества. Кромѣ того объясненіе тотемизма, какое даетъ авторъ, очень мало вѣроятно. Онъ думаетъ, что тотемизмъ развился изъ почитанія животныхъ. Но въ такомъ случаѣ оказывается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему людямъ вздумалось данное животное признавать своимъ предкомъ. Гораздо вѣроятнѣе объясненіе Генриха Куно, который показываетъ на примѣрахъ многихъ австралійскихъ племенъ, что первоначально тотемъ вовсе не обоготворялся, а являлся названіемъ данной группы только потому, что она бродила въ мѣстности, изобилующей даннымъ видомъ животнаго. Когда такимъ образомъ упрочилось за опредѣленной группой это названіе, то потомъ уже сложилось представленіе о томъ, что эта группа родственниковъ происходитъ отъ даннаго тотема. Такимъ образомъ проще всего объясняется вся суть «тотемизма».

Стоитъ указать далѣе на невѣрное, по нашему мнѣнію, объясненіе молитвы и заклинанія (стр. 43 и сл.). Авторъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто заклинаніе развилось изъ молитвы; на самомъ дѣлѣ, по общепринятому мнѣнію, порядокъ развитія былъ какъ разъ обратный. Первоначально какъ жертва, такъ и произносимыя при этомъ слова имѣли принудительное значеніе: приносящіе жертву съ заклинаніемъ думали, что божество не можетъ не исполнить ихъ желанія, и неисполненіе желанія всегда приписывали какому-нибудь упущенію въ жертвоприношеніи или въ словахъ заклинанія. Молитва же основана на болѣе высокомъ представленіи о божествѣ. Самый фактъ большей древности заклинанія сравнительно съ молитвой не подлежитъ сомнѣнію.

Не касаясь болѣе мелкихъ подробностей (можно указать развѣ еще на терминъ «вымышленныя (?) божества» на стр. 309), мы перейдемъ къ внѣшности изданія. Нельзя не пожалѣть о томъ, что въ текстѣ осталось довольно большое количество опечатокъ, которыя иногда очень затрудняютъ чтеніе. Большинство изъ нихъ намъ все-таки удалось разгадать, хотя иногда не безъ большихъ затрудненій. Одна фраза такъ и осталась неразгаданной. Вотъ она (стр. 13): «Эти народы показываютъ намъ, чѣмъ были предки всѣхъ цивилизованныхъ націй, а это подтверждаетъ то заключеніе, что во всякой цивилизованной націи мы находимъ рядъ явленій, обычаевъ, вѣрованій, преданій, послѣ того какъ ему была проповѣдана истина, съ которою которыя не объясняются извѣстнымъ намъ состояніемъ націи, которыя очевидно не представляютъ собою продуктовъ цивилизаціи, но являются остатками прежней жизни, невполнѣ уничтоженной цивилизаціей»... Далѣе ясно.

Гораздо хуже опечатокъ неправильная передача собственныхъ именъ. Такъ, на стр. 246 фригійскій городъ Пессинунтъ названъ Пессиномъ. Систематически перевраны индійскія собственныя имена вслѣдствіе перевода ихъ съ англійскаго языка. Такъ, вмѣсто Парджанья написано Парьянія (стр. 252), вмѣсто Сурья всюду Сирія (254, 265), вмѣсто Праджапати—Праянати (265). Джайнская секта (джайнизмъ) названа янизмомъ (280). Вмѣсто архатъ всюду является арахатъ. То же можно сказать относительно зендскихъ словъ: Висперадъ употреблено вмѣсто Виспередъ, Кинватъ вмѣсто Чинватъ, азги вмѣсто ажи. Наконецъ, пехлевійскій

языкъ названъ палавійскимъ. Я упоминаю объ этомъ особенно потому что это общая судьба почти всѣхъ нашихъ переводныхъ книгъ. Человѣку, знакомому съ предметомъ, часто приходится становиться втупикъ и разгадывать, что̀ нужно разумѣть подъ даннымъ именемъ, а менѣе свѣдущіе читатели принимаютъ все это на вѣру. Нужно же и ихъ пожалѣть наконецъ.

Въ общемъ книга г. Мензиса производитъ неровное впечатлѣніе. Первобытныя вѣрованія разобраны довольно бѣгло. Съ большею подробностью авторъ останавливается на крупныхъ религіозныхъ системахъ. Наиболѣе интереснымъ и содержательнымъ намъ показался очеркъ исторіи еврейской религіи. Не лишено интереса также и заключеніе, гдѣ авторъ отличаетъ три типа религіи религія племенная, національная и личная), которые соотвѣтствуютъ тремъ «послѣдовательнымъ состояніямъ человѣческой жизни». «Первое состояніе то, при которомъ всецѣло поглощаютъ человѣка матеріальныя нужды; второе—то, при которомъ достигнута до нѣкоторой степени свобода отъ матеріальныхъ нуждъ, и высшія стремленія направлены къ безопосности и развитію націи, объединяющей и защищающей людей; третье же—то, при которомъ отдѣльная личность сознаетъ свое собственное значеніе независимо отъ государства и создаетъ личный идеалъ, съ этихъ поръ дѣлающійся главною ея цѣлью» (стр. 331).

Антропологія. *Л. Крживицкаго.* Переводъ съ польскаго *С. Д. Романовскаго-Романько*, подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1896 г. (8° IV+349). Ц. 1 р. 50 к.

Вышеозначенная книга представляетъ изъ себя одинъ изъ томовъ «Популярно-научной библіотеки», издаваемой г. Ф. Павленковымъ. Книга эта составлена несомнѣнно со знаніемъ дѣла и съ большимъ талантомъ, такъ что, по своему изложенію и по языку, дѣйствительно можетъ быть названа популярно-научнымъ произведеніемъ. Задача труда—«познакомить общество съ современнымъ состояніемъ антропологической науки» (стр. II) задача не легкая, тѣмъ болѣе, что сама наука еще невполнѣ установилась и не отдѣляется вполнѣ опредѣленно отъ другихъ, родственныхъ ей дисциплинъ, каковы соціологія, этнографія, этнологія и др. При такомъ положеніи дѣла, конечно, лучше, если въ популярномъ изложеніи будетъ дано больше того, что можетъ помѣститься въ рамкахъ строго очерченной науки, если будетъ обращено вниманіе на области, граничащія съ другими родственными дисциплинами. Но при этомъ, намъ кажется, необходимо указывать, гдѣ кончается область антропологіи и начинается область другой дисциплины. Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что такія требованія ненаучны, что рѣзкой границы между многими науками провести невозможно, что это ведетъ къ излишнему схематизму; противъ этого мы не станемъ возражать, такъ какъ вовсе не желаемъ защищать схематизмъ, но, по нашему мнѣнію, въ особенности въ популярной книгѣ, необходимо выяснить, какого рода факты изслѣдуетъ данная наука. Мы, напримѣръ, знаемъ, что зоологія и ботаника близко соприкасаются между собою; но это не мѣшаетъ намъ отдѣлять эти двѣ области, и отъ этого даже выигрываетъ выясненіе вопроса о связи явленій, подлежащихъ изслѣдованію этихъ двухъ областей. Въ этомъ

отношеніи, намъ кажется, можно было бы сдѣлать упрекъ автору: неясно, какъ онъ понимаетъ задачи антропологіи. Если объ этомъ мы и можемъ судить по всему его труду, по тому, какъ онъ трактуетъ вопросы антропологіи, то все-таки для читателя, не знакомаго совсѣмъ съ этой областью, многое должно оставаться невыясненнымъ. Если наука антропологіи еще не пришла до сихъ поръ къ точной формулировкѣ своихъ задачъ, то автору популярнаго сочиненія, по нашему мнѣнію, нельзя употреблять термина «антропологическій» такъ, какъ онъ часто его употребляетъ. Такъ, напр., на стр. 258 авторъ, говоря объ антропологической основѣ антагонизма между «отцами» и «дѣтьми», выражаетъ слѣдующимъ образомъ: «Этотъ сенатъ въ зародышѣ (дѣло идетъ о «маломъ совѣтѣ» старцевъ въ варварскихъ демократіяхъ), т.-е. «пріютъ престарѣлыхъ», попросту говоря, является антропологическимъ учрежденіемъ съ очевидною задачею: сдерживать порывы, т.-е. прогрессивную идейность мозговъ, находящихся въ полномъ расцвѣтѣ. До нѣкоторой степени то же антропологическое значеніе имѣетъ сенатъ въ демократически-буржуазныхъ обществахъ». Что разумѣетъ здѣсь авторъ подъ антропологическимъ значеніемъ? И почему въ демократіяхъ варваровъ малый совѣтъ является, «попросту говоря, антропологическимъ учрежденіемъ», а въ буржуазныхъ демократіяхъ сенатъ имѣетъ то же антропологическое значеніе только «до нѣкоторой степени»? Притомъ антропологическимъ значеніемъ авторъ называетъ задачу: «сдерживать прогрессивную идейность» молодого поколѣнія, «дѣтей». Почему эту задачу нельзя назвать общественной задачей? Мы привели этотъ примѣръ именно для того, чтобы показать, какъ важно различать «антропологическое» отъ соціальнаго. Мы не думаемъ отрицать антропологической основы такого учрежденія, какъ сенатъ или малый совѣтъ у варваровъ, но мы ничего не узнаемъ объ этомъ сенатѣ, если назовемъ его антропологическимъ учрежденіемъ. Такія учрежденія могутъ быть поняты нами только тогда, когда мы ихъ разберемъ, какъ учрежденія общественныя. Всѣ общественныя учрежденія создаются на той или иной матеріальной основѣ, но мы сдѣлаемъ логическую ошибку, если эту матеріальную основу примемъ за суть общественнаго учрежденія. Разнообразныя организаціи семейныхъ отношеній народовъ земного шара—всѣ основаны на половыхъ сношеніяхъ, но физіологія, очевидно, намъ здѣсь рѣшительно ничего не объясняетъ, такъ какъ она не можетъ объяснить разнообразія семейныхъ организацій, разнообразія, которое, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, находится въ зависимости отъ экономической организаціи даннаго общества. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, авторъ не разграничиваетъ съ достаточной ясностью различныхъ сторонъ общественныхъ явленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, при чемъ замѣтна несомнѣнная склонность его давать такимъ явленіямъ «попросту антропологическое» толкованіе.

Приблизительное представленіе о томъ, что авторъ понимаетъ подъ антропологіей, мы получаемъ изъ того, что сказано на стр. 7 и 8. «Существенной задачей антропологіи,—читаемъ мы тамъ,—является всестороннее изслѣдованіе расовыхъ типовъ, какъ въ физическомъ (анатомическомъ и физіологическомъ), такъ и въ духовномъ отношеніи». Далѣе, на стр. 8, авторъ различаетъ отдѣльныя части антрополо-

гіи: расовая психологія, расовая физіологія, расовая патологія, расовая фонетика, сравнительно-расовая анатомія. Всѣ эти отдѣлы оказываются (въ различной степени) очень мало разработанными. Тѣмъ страннѣе должны казаться попытки автора освѣтить антропологически соціальныя явленія. Намъ кажется, что чѣмъ меньше разработана наука, тѣмъ осторожнѣе надо производить такія попытки, чтобы онѣ не оказались «поэтическими вольностями антропологіи», надъ которыми съ полнымъ правомъ смѣется нашъ авторъ, противополагая ихъ «точнымъ даннымъ науки» (стр. 222). Къ такимъ же поэтическимъ вольностямъ, повидимому, нужно отнести и толкованіе авторомъ кастоваго строя. «Кастовый строй, какъ указываетъ на это санскритское слово: варна (т.-е. краска) на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ іерархическая организація антропологическихъ элементовъ» (стр. 70). Но, если мы возьмемъ четыре древнѣйшія касты индусовъ, то найдемъ слѣдующія названія: брахманы (жрецы), воины, народъ и шудры (рабы). Какимъ же образомъ можно, опираясь на одно санскритское слово, приписывать кастамъ антропологическое значеніе, когда цѣлыхъ четыре названія древнѣйшихъ кастъ совершенно ясно указываютъ на общественную организацію индусовъ? Несомнѣнно только одно, что шудры (рабы) представляли особый антропологическій элементъ, но и изъ этого, по нашему мнѣнію, еще нельзя вывести, что кастовый строй есть «не что иное, какъ іерархическая организація антропологическихъ элементовъ». Говорить это значитъ оставлять безъ вниманія соціальное значеніе кастоваго строя. Далѣе (стр. 71) авторъ повторяетъ: «Онѣ (касты) представляютъ попросту этническія группы, прежде обособленныя, теперь втиснутыя въ рамки междуплеменнаго раздѣленія труда. Такимъ же образомъ возникли касты воровъ, бродягъ, лицедѣевъ и т. д.». Какимъ же это образомъ? Неужели они «попросту» «были втиснуты въ рамки междуплеменнаго раздѣленія труда»? Неужели возможно придавать серьезное значеніе такому объясненію возникновенія кастъ? Мы склонны думать, что скорѣе эта теорія возникновенія кастъ была «попросту» «втиснута въ рамки» исключительно антропологическаго толкованія соціальныхъ явленій.

Далѣе, въ примѣненіи къ педагогическимъ вопросамъ, «антропологической почвой» авторъ называетъ «знакомство съ законами физическаго и психическаго развитія ребенка». Намъ кажется, что и это выраженіе автора можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ относительно того, что нужно понимать подъ антропологіей. Возможно, что это только неточная формулировка мысли автора. Намъ кажется, что для большей точности слѣдовало бы указать на отношеніе «законовъ физическаго и психическаго развитія ребенка» къ различнымъ расовымъ типамъ, которыми собственно и занимается антропологія. Конечно, и анатомія, и физіологія съ психологіей, которыя занимаются вопросами физическаго и психическаго развитія человѣка, могутъ и должны принимать въ соображеніе и различныя колебанія въ физическомъ и психическомъ складѣ человѣка въ связи съ различными расовыми типами; но именно поэтому намъ кажется, слѣдовало бы и здѣсь указать на то, что именно ближайшимъ образомъ составляетъ задачу антропологіи въ области педагогики.

Наше указаніе на сбивчивость въ пониманіи предмета антропологіи имѣетъ

въ виду показать, какая ошибка заключается въ такомъ чрезмѣрномъ расширеніи задачъ антропологіи. Всякое научное изученіе какого бы то ни было предмета требуетъ, чтобы общіе выводы основывались на фактахъ и ими объяснялись. Распространеніе выводовъ на факты еще не изслѣдованные, строго говоря, недопустимо. Если часто ученые допускаютъ такія апріорныя толкованія, то зато этакія теоріи и терпятъ постоянныя пораженія со стороны даже весьма ничтожныхъ фактовъ, и это въ предѣлахъ одной и той же науки. Тѣмъ рискованнѣе дѣлать обобщенія относительно фактовъ, въ сущности не подлежащихъ вѣдѣнію данной дисциплины. Нашъ авторъ, напримѣръ, весьма строго относится къ выводамъ антропологіи и часто указываетъ на полную ненаучность различныхъ «поэтическихъ вольностей» антропологовъ, но чѣмъ дальше отъ центра тяжести антропологіи лежитъ данный вопросъ, тѣмъ легкомысленнѣе авторъ къ нему относится, тѣмъ проще кажется ему рѣшеніе его.

Это мы видѣли на вышеприведенныхъ примѣрахъ; то же мы встрѣчаемъ, напр., и въ разсужденіяхъ о связи языка съ расовыми типами. Несомнѣнно, что звуковой строй языка измѣняется въ томъ случаѣ, если его тѣмъ или инымъ путемъ усвоиваетъ новая раса; но, конечно, слишкомъ упрощенъ будетъ этотъ вопросъ, если мы станемъ ставить въ зависимость отъ длины черепа или цвѣта волосъ способность произносить тѣ или другіе звуки. Связь между длиною черепа и произношеніемъ напр. звука h еще должна быть установлена, для того чтобы изъ этого факта дѣлать какіе-нибудь выводы (см. стр. 220). Физіологія звука въ настоящее время пришла къ нѣкоторымъ очень важнымъ выводамъ, но такой связи не установлено: въ произношеніи звуковъ черепъ принимаетъ самое незначительное участіе и то не самостоятельно, а только развѣ вліяя на измѣненіе величины полости рта и носа, которыя являются только резонаторами при произношеніи звуковъ. Слѣдовательно, эта антропологическая постановка вопроса не имѣетъ никакого смысла. Характерно также представленіе автора о развитіи языковъ. На стр. 221 онъ говоритъ: «Но, подобно тому, какъ изъ скрещиванія расъ возникаютъ новыя расы, такъ, по всей вѣроятности то же происходитъ и съ языками. Быть можетъ, арійская рѣчь... появилась и получила современную свою форму уже у смѣшанной расы. Въ такомъ случаѣ всѣ эти выводы теряютъ свое значеніе». Несомнѣнно, что арійская рѣчь получила современную форму уже у смѣшанной расы, такъ какъ уже въ историческія времена происходили скрещиванія расъ во всей области арійскихъ языковъ; относительно же связи происхожденія арійской рѣчи съ какой-либо расой при современномъ положеніи нашихъ знаній мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Но самое характерное въ приведенной выше выпискѣ заключается въ томъ, что авторъ даже скрещиваніе языковъ представляетъ по аналогіи со скрещиваніемъ расъ. О скрещиваніи языковъ мы имѣемъ возможность судить по историческимъ фактамъ, напр. по образованію англійскаго языка изъ англо-саксонскаго и древне-французскаго, но проводить аналогію между этимъ явленіемъ и скрещиваніемъ расъ—это значитъ переходить въ область «поэтическихъ вольностей».

Странное впечатлѣніе произвело на насъ и то, кому посвящаетъ свой трудъ

авторъ. Онъ говоритъ, что при собираніи матеріала познакомился «съ неизвѣстными героями человѣчества», которые не хотятъ «гибнуть подъ колесницей европейской культуры». Вотъ этимъ-то «нашимъ дикарямъ-героямъ» авторъ и посвящаетъ свою книгу, при чемъ европейскую цивилизацію онъ называетъ «менѣе совершенной въ нравственномъ и общественномъ отношеніи» (стр. III и IV). Прочтя такое посвященіе, мы надѣялись въ самой книгѣ найти обоснованіе отрицательнаго отношенія къ европейской цивилизаціи и мотивы для такого посвященія. Насколько мы могли понять автора, главный мотивъ заключается въ томъ, что при столкновеніи съ европейской культурой первобытные народы быстро вымираютъ (стр. 231 и слѣд.), что европейцы жестоко обращаются съ ними, заносятъ къ нимъ различныя болѣзни, отравляютъ ихъ алкоголемъ, и т. под. Мы не споримъ съ тѣмъ, что возможно сочувствовать страданіямъ и несчастіямъ этихъ народовъ, но не видимъ въ этомъ причины для отрицательнаго отношенія къ европейской культурѣ. Авторъ какъ будто желалъ бы, чтобы при столкновеніи съ современной культурой варвары и дикари одержпвали бы верхъ. Въ этомъ желаніи звучитъ сантиментально-идиллическая нотка. Кажется, какъ будто авторъ въ возвращеніи къ старинѣ видитъ спасеніе и для нашей безнравственной культуры. Уже два тысячелѣтія тому назадъ находились на свѣтѣ такіе люди, которые умилялись картинами доисторической жизни людей, когда не было еще ненавистнаго желѣза и безнравственнаго золота и когда люди дрались попросту кулаками. Но этотъ продолжительный опытъ безплоднаго хныканія надъ ходомъ «колесницы культуры», по нашему мнѣнію, долженъ наконецъ научить человѣка здраво относиться къ дѣйствительности и не примѣнять къ ней мѣрки отвлеченной нравственности. Авторъ утверждаетъ, что дикари и варвары отвергаютъ современную цивилизацію «по той простой причинѣ, что свойственный имъ общественный строй создаетъ личность, въ нравственномъ отношеніи болѣе совершенную» (стр. 232). Однако, весь вопросъ здѣсь въ томъ, какова нравственность дикарей и варваровъ? Авторъ самъ повидимому прекрасно понимаетъ, что нравственность сама мѣняется въ зависимости отъ общественнаго строя: по крайней мѣрѣ, онъ указываетъ на то, что дикари считаютъ, напр., безнравственнымъ, если человѣкъ не отплатитъ убійствомъ за убійство. Я привожу этотъ примѣръ въ надеждѣ на то, что авторъ признаетъ хоть одно уничтоженіе кровавой мести преимуществомъ нашей культуры передъ варварской. А если справедливо наше положеніе объ измѣненіи нравственности въ зависимости отъ общественнаго строя, то къ чему сведется эта «личность, въ нравственнотъ отношеніи болѣе совершенная»? И какую мѣрку найдемъ мы для сравненія нравственности цивилизованныхъ народовъ съ нравственностью дикарей и варваровъ? Между тѣмъ и самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ тонъ его изъ идиллическаго переходитъ въ болѣе серьезный, не особенно привлекательными красками рисуетъ эту «личность, въ нравственномъ, отношеніи болѣе совершпную». Такъ, на стр. 237 авторъ «варварскими инстинктами» называетъ «своеволіе, безпечность и необузданность». Остатки населенія Маріанскихъ острововъ авторъ называетъ «отъявленнѣйшими негодями» (стр. 232). Положимъ, авторъ предполагаетъ,

что нравственно-совершенныя личности были истреблены европейцами, по всетаки и оставшіяся «нѣсколько тысячъ отъявленнѣйшихъ негодяевъ» должны бы были заставить автора призадуматься надъ «совершенной нравственностью» варваровъ. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на этотъ вопросъ авторъ приводитъ мнѣніе Вайтца и потомъ прибавляетъ: «Противники современнаго европейскаго строя, руководствуясь подобными критическими замѣчаніями первобытныхъ людей, произнесли приговоръ надъ нашей цивилизаціей. Мы говоримъ это безъ всякаго преувеличенія. Не даромъ Энгельсъ въ трудѣ Моргана нашелъ оружіе противъ современныхъ общественныхъ порядковъ» (234). Если Вайтцъ, быть можетъ, и раздѣлялъ мнѣніе нашего автора о дикаряхъ и варварахъ, то уже никакъ этого нельзя сказать про Энгельса, и въ приведенныхъ словахъ г. Крживицкаго сказывается непониманіе того, что говоритъ Энгельсъ о варварахъ въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». Сдѣлавъ общую характеристику общественной организаціи варваровъ (эта характеристика, вѣроятно, и показалась автору говорящею въ его пользу), Энгельсъ прибавляетъ (84 стр. 3-го изд. русскаго перевода): «Но не будемъ забывать, то эта организація обречена на погибель. Она не выходила за границы племени; союзъ племенъ означаетъ уже начало ея гибели... Что было внѣ племени, то было и внѣ права. Гдѣ не было опредѣленнаго мирнаго договора, тамъ царила война племени съ племенемъ, а война велась съ жестокостью, которая отличаетъ человѣка отъ другихъ животныхъ... Родовое устройство въ своемъ расцвѣтѣ... предполагало крайне неразвитое производство, стало быть, крайне малое населеніе на большомъ пространствѣ и слѣдовательно почти совершенное порабощеніе человѣка враждебною... природою... Насколько люди этой эпохи кажутся намъ величественными, настолько же они не различаются другъ отъ друга»... Уже изъ этихъ словъ мы видимъ, что Энгельсъ иначе оцѣнивалъ варварскую общественную организацію: онъ смотрѣлъ на нее не съ точки зрѣнія нравственности, а съ точки зрѣнія развитія производства, а если онъ находилъ въ ней хорошія стороны, то съ главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, насколько эта организація справляется со своими общественными задачами. Въ этомъ отношеніи онъ ставилъ варварскую организацію выше цивилизованнаго классоваго общества, съ его порабощеніемъ одного класса другимъ и съ его анархіей производства. Это совершенно иная точка зрѣнія, и, конечно, высказывая эти мысли, Энгельсъ вовсе не «руководствовался критическими замѣчаніями первобытныхъ людей».

Далѣе къ слабымъ сторонамъ книги, по нашему мнѣнію, нужно отнести психологическія характеристики различныхъ расовыхъ типовъ и народностей. Здѣсь, конечно, отражается неразработанность этого вопроса въ наукѣ, но намъ кажется, что слѣдовало бы указать при этомъ на то, что мы не можемъ придавать подобнымъ характеристикамъ почти никакого значенія. Такіе термины, какъ «легкомысленная раса» негровъ (107), «пассивность калмыковъ», «смѣлость каратангутовъ», «предпріимчивость якута», «безпомощность тунгуса» (125) и т. под., имѣютъ слишкомъ мало серьезнаго значенія, въ особенности, если они приво-

дятся безъ указанія окружающихъ условій, въ атмосферѣ которыхъ проявляются данныя качества.

Въ заключеніе нашего разбора книги г. Крживицкаго мы приведемъ еще одну выдержку изъ его предисловія (стр. II и III), которая, быть можетъ, объяснитъ намъ многія черезчуръ прямолинейныя толкованія автора. Въ указанномъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Равнымъ образомъ никто не упрекнетъ насъ за то, что мы, говоря о вліяніи антропологическихъ факторовъ и о сущности явленій, подлежащихъ вѣдѣнію антропологіи, и не желая переступить границы назначенной себѣ области, вынуждены были, съ одной стороны, игнорировать, съ другой—ослабить явленія и вліянія второстепенныя и другого порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать изслѣдуемымъ фактамъ болѣе рѣзкое и одностороннее выраженіе, не соотвѣтствующее ихъ дѣйствительному значенію». Съ этимъ принципомъ, по нашему мнѣнію, нельзя согласиться. Задача всякой науки заключается въ выясненіи истиннаго значенія изслѣдуемыхъ фактовъ, и особенно важно это—въ популярномъ очеркѣ науки. Лучше отказаться отъ изложенія многихъ вопросовъ науки и выбрать только самые важные изъ нихъ, чѣмъ говорить обо всѣхъ фактахъ и сознательно искажать ихъ дѣйствительное значеніе. Справедливость этой мысли, намъ кажется, достаточно иллюстрирована всѣмъ предшествующимъ разборомъ книги.

Всѣ указанные недостатки труда г. Крживицкаго, какъ мы видѣли, относятся не столько къ антропологіи, сколько къ областямъ, близко примыкающимъ къ этой наукѣ. Мы обращали особенное вниманіе именно на эту сторону, чтобы устранить неправильность сознательнаго односторонне-антропологическаго толкованія авторомъ различныхъ явленій и предостеречь читателей отъ, увлеченія подобными толкованіями. Поэтому мы повторяемъ, что книга эта поскольку она трактуетъ вопросы антропологіи, написана со знаніемъ дѣла и съ талантомъ. Изложеніе ясное, языкъ легкій. Вообще съ вышеуказанными предостереженіями книгу можно признать вполнѣ пригодною для первоначальнаго знакомства съ антропологіей.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Личныя и общественныя права крестьянъ.

Въ настоящее время все чаще и чаще поднимаются вопросы о личныхъ и общественныхъ правахъ крестьянъ, объ устройствѣ и дѣятельности учрежденій, суда и властей, надъ ними поставленныхъ, и пр. Можно надѣяться, что вопросы этого рода не замедлять окончательно завоевать вниманіе печати и общества. Чрезвычайная важность ихъ очевидна. Надѣленіе всѣми личными и общественными правами крестьянъ, правильное, безусловное огражденіе закономъ этихъ правъ есть одно изъ основныхъ требованій и условій нашего культурнаго общественнаго прогресса. Рѣчь идетъ, дѣйствительно, о необходимыхъ условіяхъ существованія.

Въ чемъ же недостатки теперешняго юридическаго положенія крестьянъ, что необходимо въ немъ измѣнить? Своевременно поставить въ печати этотъ вопросъ, въ виду составляемыхъ предположеній объ измѣненіяхъ въ общественномъ устройствѣ крестьянъ, въ виду происходящаго въ настоящее время пересмотра законоположеній 19 февраля 1861 г. Въ теченіе 1895 г. работы въ этомъ направленіи совершались на мѣстахъ, въ средѣ комиссій, состоявшихъ изъ представителей бюрократіи и дворянскаго сословія. Нынѣ дѣло перешло въ центральное вѣдомство. Канцелярская тайна наименѣе соотвѣтствуетъ дѣлу, столь важному; участіе же въ немъ общественныхъ силъ возможно и желательно нынѣ, и при первоначальномъ составленіи положеній объ освобожденныхъ крестьянахъ, не смотря на всю щекотливость и особыя свойства вопроса, работы редакціонныхъ комиссій все же были обставлены гласностію, публичностію и участіемъ общественныхъ силъ. Когда въ засѣданіи общаго присутствія комиссій 6 апрѣля 1859 г. возбужденъ былъ вопросъ: «какую степень гласности должны имѣть занятія комиссій?», то предсѣдатель комиссій и главнѣйшій дѣятель освобожденія Я. И. Ростовцевъ отвѣтилъ на него слѣдующими примѣчательными словами:

«Занятія комиссій составляютъ *дѣло всей Россіи*, дѣло, съ которымъ тѣсно связано и спокойствіе, и благосостояніе *цѣлаго государства* какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Опытъ показалъ, что хотя поднятый вопросъ и живо затронулъ интересы всего народа, но Россія, въ полномъ довѣріи къ своему государю,

осталась спокойною; что спокойствіе это можно частію приписать и нѣкоторой гласности, съ которою съ самаго начала, по высочайшему повелѣнію, было ведено дѣло. Притомъ же комиссіи, совершая трудъ, столь близкій интересамъ всѣхъ сословій, *обязаны честнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ всею Россіею.* Дать этотъ отчетъ, успокоить всѣхъ и каждаго можно только посредствомъ *полной откровенности*, потому что *гдѣ дѣло ведется открыто, тамъ нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелѣпымъ толкованіямъ.* Наконецъ, на комиссіяхъ лежитъ *святая обязанность* уяснить вопросъ и самимъ себѣ *со всѣхъ его сторонъ.* Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ трудъ комиссій, какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и неодносторонними, онѣ, при всей опытности своихъ членовъ, врядъ ли избѣгнутъ такихъ ошибокъ, которыя, при примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни, могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому и здѣсь *необходимо придать себя общему суду, призвать на помощь общее участіе*, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправитъ во-время каждую ошибку комиссій...»

Согласно съ этимъ постановлено было «*всѣ* журналы и труды комиссій печатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ». По мнѣнію Ростовцева, это было необходимо, между прочимъ, потому, что при подобномъ условіи «работы комиссій будутъ подвергаться критикѣ не по окончаніи, *а во время самаго ихъ хода*, когда всякая ошибка можетъ быть своевременно исправлена, что облегчитъ и ускоритъ окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе проектовъ...» («Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости», т. I, кн. 1, изд. 2, стр. 11 и 24).

Затѣмъ, обращеніе къ общественнымъ силамъ выразилось въ томъ, что при самомъ открытіи дѣятельности комиссій, по распоряженію Ростовцева, были пріобрѣтены спеціальные журналы по крестьянскому дѣлу, а также *всѣ* статьи по этому предмету, помѣщенныя во *всѣхъ* періодическихъ изданіяхъ; были выписаны *всѣ* иностранныя сочиненія и брошюры, относящіяся до освобожденія крестьянъ и законоположеній о нихъ въ европейскихъ государствахъ; сдѣлано сношеніе съ редакторами русскихъ журналовъ объ отпечатаніи впредь для комиссій отдѣльными оттисками *всѣхъ поступающихъ къ нимъ статей по крестьянскому дѣлу въ числѣ ста экземпляровъ*; при этомъ же членамъ комиссій предложено было заняться составленіемъ сводовъ также изъ *всѣхъ* журнальныхъ статей, отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ и вообще изъ всего, что досѣлѣ представляла по этому предмету литература иностранная и отечественная, какъ въ изданіяхъ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ сочиненіяхъ (тамъ же, стр. 21 и 25). Односторонній характеръ пріобрѣло только непосредственное участіе общественныхъ силъ въ составленіи положеній объ освобожденныхъ крестьянахъ. Къ этому были призваны *одни помѣщики*. Проекты положеній составлялись въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ, затѣмъ и въ самыя редакціонныя комиссіи призваны были для обсуж-

денія проектовъ представители тѣхъ же губернскихъ комитетовъ. Однако, предполагалось выслушать непосредственно, хотя и въ весьма ограниченномъ смыслѣ, и другую сторону — крестьянъ. Ростовцевъ именно предлагалъ, въ этихъ видахъ (кромѣ вызова въ комиссіи «помѣщиковъ *небогатыхъ*, достаточно образованныхъ»)— «выбрать изъ различныхъ мѣстностей Россіи до десяти или болѣе опытныхъ и смышленныхъ управляющихъ имѣніями или, еще лучше, *старостъ*, затѣмъ, чтобы они, призываемые въ редакціонныя отдѣленія по-одиночкѣ, отвѣчали только на два вопроса: *понятно ли то, что написано? И можно ли, что написано, исполнить у васъ съ пользою?*» (тамъ же, стр. 28). Предположеніе это *не осуществилось*,—вѣроятно вслѣдствіе смерти его автора. Равнымъ образомъ, *не получило осуществленія* и другое предложеніе Ростовцева, долженствовавшее, въ свою очередь, составить собою извѣстную форму обращенія къ общественнымъ силамъ, — оказанія вниманія голосу самого освобождавшагося крестьянства. Оно состояло въ обнародованіи положеній съ слѣдующею оговоркою:

«Настоящее положеніе, какъ трудъ человѣческій, можетъ и должно имѣть свои несовершенства. Не взирая на добросовѣстность дворянства, къ которому я имѣю полную довѣренность, если бы въ примѣненіи Положенія этого на мѣстѣ встрѣтились, вопреки желанію дворянства и желанію моему, какія-либо неудобства, то есть, если бы состояніе крестьянина въ повинностяхъ его, какъ личныхъ, такъ и денежныхъ, не улучшилось противу прежняго, то *мірской общинѣ предоставляется право входить о томъ немедленно съ жалобою прямо къ начальнику губерніи или къ начальнику уѣзда, какъ міръ пожелаетъ*. Жалоба эта разсматривается или въ губернской или въ уѣздной расправѣ, по свойству дѣла или по опредѣленію губернатора. Если дѣло касается одного или нѣсколькихъ крестьянъ, то вопросъ разрѣшается окончательно уѣздною расправою. Если дѣло относится до одной деревни или до нѣсколькихъ деревень, то вопросъ разрѣшаетъ губернская расправа. Дѣло цѣлаго уѣзда разрѣшаетъ временный генералъ-губернаторъ, а дѣло всей губерніи представляетъ министръ внутреннихъ дѣлъ на мое усмотрѣніе. *О всѣхъ сихъ рѣшеніяхъ вопросовъ, возбужденныхъ буквою новаго Положенія*, губернаторъ еженедѣльно представляетъ краткую [меморію въ министерство внутреннихъ дѣлъ... (тамъ же, стр. 228).

Понятно, что благодаря осуществившемуся въ извѣстныхъ предѣлахъ обращенію къ общественнымъ силамъ, труды редакціонныхъ комиссій вышли несравненно лучше, чѣмъ они могли бы быть, если бы дѣло велось иначе. Въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. много недостатковъ, какъ признавали сами редакціонныя комиссіи, вынужденныя бороться съ сильнѣйшими крѣпостническими вліяніями. Но при другихъ условіяхъ, при примѣненіи къ работамъ другихъ пріемовъ, недостатковъ здѣсь было бы больше и они были бы существеннѣе.

Во всякомъ же случаѣ, нѣкоторая односторонность въ отношеніи участія общественныхъ силъ, проявившаяся при составленіи законоположеній 19 февраля 1861 г., нынѣ подлежала бы исправленію. Въ настоящее время рѣчь идетъ не объ однихъ уже бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, а о всей массѣ сельскихъ обывателей, — такъ

какъ, въ 1863, 1865, 1866, 1871 и пр. годахъ, и на оставшіеся всегда свободными разряды этихъ обывателей распространены были многія постановленія, выработанныя для крестьянъ освобожденныхъ...

При такихъ обстоятельствахъ, полагаемъ, не будетъ лишнею настоящая попытка разсмотрѣнія нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ крестьянской жизни.

I.

Въ какой разрядъ населенія должны были войти помѣщичьи крестьяне по освобожденіи 19 февраля 1861 г.? Безъ сомнѣнія, въ разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ назывались крестьяне государственные. Освобожденные крестьяне должны были получить личныя и общественныя права послѣднихъ. Въ этомъ должно было состоять *существо* предпринимавшейся реформы.

Но большинство губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, призывавшихся къ участію въ составленіи первоначальныхъ предположеній объ освобождавшихся крестьянахъ,—въ виду полученія послѣдними помѣщичьей земли въ постоянное пользованіе (а не въ собственность, такъ какъ выкупъ не дѣлался обязательнымъ съ самаго начала),—предлагало сначала создать изъ крѣпостныхъ крестьянъ не состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей, а «срочно-обязанное состояніе...» Что же это должно было быть за особое состояніе? Совершенно сообразно съ общими желаніями и предложеніями губернскихъ комитетовъ, оно было охарактеризовано минскимъ губернскимъ комитетомъ: «срочно-обязанное положеніе есть временное, переходное прекращеніе крѣпостнаго права, не задерживающее, а только *ограничивающее права крестьянъ, какъ свободныхъ сельскихъ обывателей*» («Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости», томъ I, книга 2, изд. 2, стр. 359). Такимъ же образомъ комитеты вятскій, полтавскій, новгородскій и воронежскій выражали «убѣжденіе, что пользованіе помѣщичьими крестьянами вновь даруемыми имъ правами должно быть въ теченіе нѣкотораго времени обусловлено *юридическимъ отношеніемъ ихъ къ землевладѣльцамъ*, и посему, *всѣ права не могутъ быть предоставлены имъ съ самаго начала*»... («Матерьялы», т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 21). На основаніи этихъ и иныхъ не менѣе откровенныхъ предложеній, и было создано для освобожденныхъ крестьянъ именно «срочно-обязанное состояніе». Они должны были и называться, впредь до выкупа помѣщичьихъ земель въ собственность, — «временно-обязанными крестьянами»... съ нѣкоторыми ограниченіями въ правахъ и съ сохраненіемъ въ разныхъ отношеніяхъ зависимости отъ помѣщика. Отсюда же понятно, что и по освобожденіи для помѣщичьихъ крестьянъ должны были еще сохранить свое значеніе нѣкоторыя черты крѣпостныхъ отношеній.

Общую и весьма благопріятную почву для этого составило и то, что, по домогательствамъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, съ одной стороны, въ окончательно составленныхъ положеніяхъ объ освобождавшихся крестьянахъ не были точно перечислены права свободныхъ сельскихъ обывателей, на нихъ переходившія, хотя бы въ установлявшейся постепенности; съ другой же стороны, въ нихъ не были отмѣчены прямо и точно и тѣ права помѣщиковъ, которыя именно отмѣнялись съ освобожденіемъ; постановлено было лишь вообще, что на освобожденныхъ крестьянъ переходятъ «права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу», и что «крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей— отмѣнено навсегда». Помѣщики, въ лицѣ губернскихъ комитетовъ, обнаруживали крайнюю щепетильность... Они возражали противъ перечисленія своихъ отмѣнявшихся правъ потому, между прочимъ, что въ этомъ заключался бы «упрекъ прошедшему», не опасаясь, что такой упрекъ, не сдѣланный на бумагѣ, можетъ сохраниться на дѣлѣ («Матерьялы», т. I, кн. 2, изд. 2; ч. XII, изд. 1, стр. 4; Общее Положеніе, ст. 1 и 2).

Могло ли одно принципіальное установленіе за освобожденными крестьянами правъ государственныхъ крестьянъ обезпечить эти права, въ особенности на время «срочно-обязаннаго состоянія», которое не только уже принципіально, въ общемъ, установленномъ за нимъ смыслѣ минскимъ губернскимъ комитетомъ, но и въ силу цѣлаго ряда прямыхъ, частныхъ постановленій и правилъ, было до извѣстной степени *противоположно* состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей и во всякомъ случаѣ далеко не совпадало съ нимъ? Очевидно, нѣтъ.

Но если съ этой наиболѣе существенной стороны личныя и общественныя права освобожденныхъ крестьянъ не были обезпечены надлежащимъ образомъ, то, быть можетъ, необходимое обезпеченіе давали зато этимъ правамъ судъ и управленіе, образовавшіеся среди освобожденныхъ крестьянъ, и учрежденія, создававшіяся для завѣдыванія ихъ дѣлами? Однако сюда-то, главнымъ образомъ, и были направлены реакціонныя стремленія, дѣйствовавшія всѣми возможными способами при составленіи положеній для освобожденныхъ крестьянъ. Ни значительнаго прямого ограниченія правъ свободныхъ сельскихъ обывателей для освобожденныхъ крестьянъ, ни оставленія въ желаемой долѣ за помѣщиками ихъ прежнихъ правъ—не могло состояться. Существо предпринятой реформы не допускало ни того, ни другого. Лицамъ, интересамъ которыхъ было противно освобожденіе крестьянъ, оставалось поэтому воспользоваться косвеннымъ путемъ для дальнѣйшаго достиженія своихъ реакціонныхъ цѣлей,—имъ оставалось именно добиваться такого устройства управленія и суда для освобожденныхъ крестьянъ, которое лишало бы въ возможной степени *обезпеченія* тѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, которыя въ принципѣ при-

знавались и не могли не признаваться за этими крестьянами. И нужно сказать, что реакціонныя стремленія, проводившіяся въ то время весьма послѣдовательно, были въ этомъ отношеніи *особенно успѣшны*, и ими объясняется весьма много неблагопріятныхъ сторонъ въ нынѣшнемъ положеніи крестьянъ [1]).

Прежде всего рѣшительно устранено было распространеніе на освобожденныхъ крестьянъ общественнаго устройства, дѣйствовавшаго тогда среди крестьянъ государственныхъ. Устройство это не могло соотвѣтствовать «срочно-обязанному» состоянію освобожденныхъ крестьянъ. Для послѣднихъ подлежало проектированію новое общественное устройство съ соотвѣтственными особенностями. Затѣмъ, главою IX программы для занятій губернскихъ комитетовъ въ первоначальномъ видѣ, когда окончательная цѣль реформы не была выяснена вполнѣ, для помѣщика предполагалось званіе «начальника общества срочно-обязанныхъ крестьянъ», и—губернскіе комитеты съ большимъ усердіемъ развили это понятіе... «Крестьяне состоятъ въ полномъ повиновеніи у начальника общества; онъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ», предлагали комитеты; помѣщикъ или начальникъ общества имѣетъ право наказывать крестьянъ по собственному усмотрѣнію розгами до 20 ударовъ, арестомъ до 3 дней или штрафомъ до 3 р.; ему предоставляется представлять порочныхъ и провинившихся крестьянъ въ распоряженіе правительства для ссылки въ Сибирь; по дѣламъ благоустройства и благостоянія крестьянъ, въ случаяхъ «непониманія» крестьянами пользы какого-либо учрежденія, онъ можетъ распоряжаться самъ, безъ согласія общества; сельская управа и мірской староста состоятъ подъ руководствомъ, надзоромъ и повѣркою начальника общества или помѣщика; ему подчиняются всѣ вообще должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія,—въ случаѣ же «превратныхъ дѣйствій» ихъ или явной неспособности, помѣщикъ удаляетъ ихъ самъ, безъ согласія общества; онъ утверждаетъ и всѣ приговоры мірского схода и сельской управы; онъ же даетъ разрѣшеніе на созывъ мірскихъ сходовъ; затѣмъ вообще начальнику общества или помѣщику присвоивается власть судебная, полицейская и пр., и—предлагалось—все это присвоивается и предоставляется ему съ правомъ передачи, на основаніи довѣренности, другимъ лицамъ... («Матеріалы», томъ II, кн. 2, изд. 2, стр. 279 и другія). При этомъ же помѣщикъ въ званіи «начальника общества» не долженъ былъ превратиться во власть, поставленную въ строгіе предѣлы закона, обставленную публичными формами, подчиненную надзору. Нѣтъ, онъ долженъ былъ сохранить вполнѣ свой *обычный*, патріар-

[1]) См. объ условіяхъ составленія законоположеній 19 февраля въ книгѣ нашей: «Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ статей: Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. — Крестьянская женщина. — «Вы» и «ты».—Наказаніе безъ суда.—Преобразованный волостной судъ. — Юридическая безпомощность крестьянъ». Спб. 1897 г.

хальный характеръ... Въ то же время и коллегіальныя, и единоличныя установленія, долженствовавшія завѣдывать приведеніемъ новыхъ положеній въ исполненіе, дѣйствительнымъ возложеніемъ на освобожденныхъ крестьянъ ихъ новыхъ правъ, устройствомъ ихъ на новыхъ началахъ, — предполагалось составить единственно изъ представителей мѣстныхъ помѣщиковъ. Затѣмъ и всѣ эти установленія не должны были быть обставлены публичными формами и законностію, а должны были сохранить свой *обычный*, патріархальный характеръ, принадлежавшій дворянскому обществу. Въ этомъ смыслѣ весьма тщательно оберегалась ихъ независимость.

Стремленіе ограничить косвенно, на время срочно-обязаннаго состоянія, права освобожденныхъ крестьянъ, устроивъ на особыхъ, отчасти прежнихъ, дореформенныхъ началахъ ихъ управленіе, сказалось въ *типическомъ* предложеніи петербургскаго дворянскаго комитета, какъ оно излагается юридическимъ отдѣленіемъ редакціонныхъ комиссій. («Матерьялы», т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 115). «Оставляя,—разсуждалъ названный комитетъ,—за помѣщиками право наблюденія надъ судомъ и расправою въ крестьянскихъ обществахъ, представляется возможность, безъ отступленія отъ общихъ нынѣ существующихъ административныхъ началъ, устроить внутреннее крестьянское управленіе *совершенно просто*, положивъ въ основаніе онаго не только законъ письменный, но и *мѣстные обычаи*.—Удержаніе на первое время *нынѣ существующихъ мѣстныхъ обычаевъ*,—обстоятельно добавлялъ комитетъ,—вполнѣ необходимо». Но въ такомъ неопредѣленномъ, идиллическомъ положеніи дѣло не могло оставаться слишкомъ долго, и — комитетъ пояснялъ: «приведеніе же обычаевъ въ извѣстность и правильную опредѣленность будетъ дѣломъ будущаго»... Такимъ же образомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, составъ крестьянскаго схода долженъ былъ вообще опредѣляться «существующимъ мѣстнымъ обычаемъ» («Матерьялы», ч. XII, изд. 1, 50). При этомъ, между прочимъ, 36 членовъ второго приглашенія полагали, что «если допустить на сельскіе сходы по одному крестьянину отъ каждаго двора, то лучшіе домохозяева, на которыхъ падаетъ самая большая доля повинностей, не будутъ имѣть достаточнаго вліянія на рѣшеніе дѣлъ, и, такимъ образомъ, всѣ приговоры сходовъ перейдутъ во власть людей однотяглыхъ, людей большею частью бѣдныхъ, охотниковъ до передѣла полей и противниковъ всякой денежной раскладки на предметы общественныхъ надобностей». 36 членовъ второго приглашенія полагали также, что судъ, учрежденный для разбора маловажныхъ дѣлъ, будетъ разрѣшать ихъ—«на основаніи обычнаго права» (тамъ же, 106). Какого? Того, конечно, «права», которое существовало при крѣпостной зависимости, ибо иного не было [1]). «Нынѣ существующіе мѣстные

[1]) Для характеристики авторовъ этого и многихъ другихъ предложеній 36-ти

обычаи» имѣлись въ виду во всѣхъ частныхъ предположеніяхъ о сословныхъ правахъ освобожденныхъ крестьянъ, прямо или косвенно. Такъ, по предположеніямъ ярославскаго комитета, право выхода освобожденныхъ крестьянъ въ другія сословія дозволено «не иначе, какъ съ согласія общества и помѣщика, притомъ сообразно съ существующими на сей предметъ узаконеніями и—обстоятельно добавлялось тутъ (т. II, кн. 1, изд. 2, 149)—мѣстными обычаями» (хотя эти «мѣстные обычаи», существовавшіе при крѣпостной зависимости, состояли въ томъ, что помѣщикъ старался какъ можно больше взять съ крестьянина, выходящаго въ другое сословіе, а послѣдній—какъ можно меньше дать, и происходилъ постыдный торгъ [1]).

При всемъ этомъ, возможность всяческой «простоты» въ устройствѣ управленія освобожденныхъ крестьянъ, хотя на первое время,—облегчалась перспективой изданія особаго сельскаго устава. Уставъ подлежитъ изданію впослѣдствіи,—подлежитъ непремѣнно. Онъ необходимъ безусловно и «не можетъ не быть изданъ»... («Матерьялы», ч. V, изд. 1, стр. 43). Въ сельскомъ уставѣ будутъ уже изложены точно и ясно всѣ права и обязанности крестьянъ. Это была общая мысль. Никто противъ нея не возражалъ. Всѣ принимали ее, какъ нѣкоторымъ

членовъ второго приглашенія, нужно замѣтить, что, по собственному признанію редакціонныхъ комиссій, они отличались наибольшею рѣзкостью сужденій о дѣйствіяхъ комиссій и наиболѣе страстною оппозиціею, идя «даже далѣе тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые представляли («Матерьялы», ч. XII, изд, 1, 13).

[1]) Заблоцкій-Десятовскій такъ описываетъ обычаи, существовавшіе по этому предмету при крѣпостной зависимости (Заблоцкій. «Гр. Киселевъ», т. IV, 289):

«Крестьянину, желающему выйти изъ состоянія крѣпостной зависимости, помѣщикъ назначаетъ цѣну возможно высшую, произвольную, зависящую отъ многихъ обстоятельствъ. Откупающійся начинаетъ торговаться съ бариномъ, и переговоры идутъ иногда довольно долго, съ разными дипломатическими утонченностями. Крестьянинъ старается вывѣдать, когда барину нужны деньги; помѣщикъ стѣсняетъ мужика въ то время, когда ему наиболѣе нужна свобода для его оборотовъ. Отсюда всякаго рода ухищренія. Кончается по большей части тѣмъ, что мужикъ откупается, но величина суммы зависитъ отъ искусства обѣихъ сторонъ.—Брать такимъ образомъ даромъ, вслѣдствіе какого-то нелѣпаго права, деньги, накопленныя нерѣдко кровавымъ трудомъ,—замѣчаетъ изслѣдователь,—никакъ не почитается за стыдъ между помѣщиками... Таковы понятія ихъ о справедливости, о правѣ. Они, напротивъ, хвастаются, когда удастся имъ сорвать большую сумму съ крестьянина, какъ хвастается барышникъ, успѣвшій продать хорошо лошадь. «У меня былъ богатый крестьянинъ, говорилъ М. Онъ захотѣлъ откупиться. Мы поторговались и сошлись на 16 тысячахъ. Но мужикъ, каналья, перехитрилъ меня: онъ оказался послѣ при 200 тыс. руб. Я могъ бы взять съ него тысячъ пятьдесятъ. Вотъ сестра моя была умнѣе. Она не иначе отпустила одного изъ своихъ крестьянъ, какъ взявъ съ него 30 т. р. И взяла славно, потому что капитала осталось только 45 т. р...» Вотъ понятія помѣщиковъ о справедливости! А притомъ М—въ—человѣкъ неглупый, добрый и не закоснѣлый дикарь... Есть вещи въ высшей степени несправедливыя, но *столь утвержденныя обычаемъ*—заключаетъ З—ій-Д—ій,—что даже и порядочные люди не признаютъ ихъ дурной стороны.»

образомъ счастливый выходъ изъ затрудненія на первое время. «Вполнѣ достаточно ограничиться опредѣленіемъ лишь въ общихъ чертахъ предѣловъ власти главнѣйшихъ изъ сельскихъ должностей, — предлагали члены губернскихъ комитетовъ (ч. XII, изд. 1, 90).—Установленіе же подробныхъ по сему узаконеній можетъ, съ явною пользою (якобы) для крестьянъ, быть оставлено до изданія сельскаго устава»...

Зачѣмъ было заниматься точнымъ и подробнымъ опредѣленіемъ закономъ правъ и обязанностей крестьянъ при самомъ освобожденіи? Зачѣмъ было разомъ, ясно и твердо опредѣлять на новыхъ началахъ положеніе креетьянъ?—разсуждали помѣщики, приплетая сюда еще и «пользу для крестьянъ»... Казалось бы, однако, что это было явно необходимо съ точки зрѣнія и интересовъ крестьянъ... Тѣмъ не менѣе, и редакціонныя комиссіи нашли возможнымъ отказаться отъ этого, отложить подобную задачу до неопредѣленнаго будущаго, которое до сихъ поръ не настало, такъ какъ общій уставъ не составленъ и понынѣ...

II.

Редакціонныя комиссіи сами признавали, что «мѣстные обычаи», если и существуютъ, то лишь «въ большей части оброчныхъ имѣній» (т. II, кн. 2, изд. 2, 250), то есть менѣе, нежели въ половинѣ всѣхъ имѣній, населенныхъ крѣпостными крестьянами,—при чемъ и здѣсь, конечно, въ нихъ не могло быть ничего обязательнаго для самого помѣщика, а слѣдовательно, строго юридическаго; юридическое отдѣленіе возразило также, между прочимъ, противъ предположеній объ образованіи сходовъ исключительно по существующимъ «мѣстнымъ обычаямъ», что «по разнообразію этихъ обычаевъ, въ случаѣ жалобъ и споровъ, могутъ встрѣтиться большія затрудненія въ повѣркѣ правильности составленныхъ на сходахъ приговоровъ» (ч. XII, изд. 1, 52). Тѣмъ не менѣе, комиссіи прямо приняли нѣкоторыя изъ приведенныхъ предложеній о допущеніи «существующихъ мѣстныхъ обычаевъ» при опредѣленіи правъ и обязанностей крестьянъ и при устройствѣ ихъ управленія. Послѣднее создано было такимъ образомъ, что долженъ былъ получить широкое примѣненіе не только обычай, такъ сказать, по закону, съ прямаго дозволенія закона, выступающій въ качествѣ нормы права, но и еще шире—обычай, фактически, на дѣлѣ существующій, самъ собою стремящійся получить юридическое значеніе,—обычай, какъ результатъ крайней краткости и неразвитости опредѣленій закона, а то и полнаго молчанія послѣдняго, и граничащій съ произволомъ, предоставленный всѣмъ вліяніямъ... Понятно также, что за неизданіемъ сельскаго устава до сихъ поръ, какъ ни считался онъ необходимымъ, какъ ни много было отложено до него,—первоначальные предѣлы дѣйствія обычнаго государственнаго права сохранились донынѣ, и даже могли и въ новѣйшее время получить подтвержденіе, въ видѣ расши-

ренія административнаго усмотрѣнія въ крестьянскихъ дѣлахъ, согласно съ общимъ пореформеннымъ отношеніемъ къ этимъ дѣламъ...

Такимъ образомъ, въ самомъ устройствѣ сельскихъ обществъ было допущено много неопредѣленнаго, много открывавшаго путь для произвольныхъ вліяній и обусловливавшаго собою крайнюю шаткость положенія существеннѣйшихъ интересовъ крестьянъ. Напримѣръ, не придано было значеніе юридическаго лица, самостоятельнаго цѣлаго, каждому отдѣльному селенію, и образованы были сельскія общества изъ нѣсколькихъ селеній [1]). Далѣе, не было дано точнаго опредѣленія—«домохозяинъ», какъ члена сельскаго схода, не выяснено, можетъ ли выступать въ качествѣ такого члена со всѣми его правами женщина, долженъ ли домохозяинъ быть владѣльцемъ не только усадебной, но и полевой земли, быть совершеннолѣтнимъ и пр. [2]). Обычай и долженъ былъ, слѣдовательно, выступать тутъ съ своимъ руководящимъ значеніемъ,—согласно съ указанными предложеніями. Точно также, въ полное соотвѣтствіе съ приведенными соображеніями 36 членовъ губернскихъ комитетовъ, ст. 47 общаго положенія постановляла, что «со дворовъ многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ» (обстоятельство, которое, кстати сказать, несомнѣнно задерживало впослѣдствіи передѣлы, ибо прямой интересъ «широкодачниковъ» состоялъ въ сохраненіи существующаго въ данный моментъ распредѣленія земли, и усиленное представительство ихъ дворовъ, основанное на допускавшемся обычаѣ крѣпостныхъ отношеній, вооружало этихъ членовъ до-

---

[1]) См. нашу статью «Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія», въ № 6 «Русскаго Богатства» за 1893 г. Статья эта вошла въ упомянутую выше книгу—«Юрид. полож. крестьянъ».

[2]) Неопредѣленность вытекающаго отсюда положенія, затрогивающаго и хозяйственные интересы крестьянской семьи, и личныя права отдѣльныхъ ея членовъ, довольно ярко рисуется въ слѣдующемъ дѣлѣ, на разбирательствѣ котораго волостнымъ судомъ намъ пришлось присутствовать:

Крестьянинъ Б. привлекается, по протоколу старосты, къ отвѣтственности въ томъ, что, разобравъ крышу на своемъ домѣ, онъ пролѣзъ на чердакъ и взялъ оттуда нѣкоторыя вещи... «Что взялъ?» спрашиваетъ предсѣдатель.—«Да что мнѣ было нужно... для хозяйства... ну, тамъ... денегъ нѣсколько... часть льну»...—«Куда употребилъ?»—«Да куда нужно... по хозяйству»...—«А именно?» — «Да на разныя разности... ну, тамъ... на увеселеніе, какъ-то на угощеніе... попало, можетъ быть, кой-что на храмъ божій, какъ-то, на свѣчи»...—«Староста, — обращается предсѣдатель къ присутствующему лицу съ знакомъ своей должности,—кто у нихъ домохозяинъ?»—«Да *по книжкѣ*-то онъ,—отвѣчаетъ староста, составлявшій протоколъ и являющійся обвинителемъ:—*не кому больше,* хотя онъ и гроша не зарабатываетъ... и *хозяйство ведетъ мать*...»—Въ дѣйствіяхъ Б. не найдено признаковъ преступленія или проступка.—Спрашивается теперь, какимъ же образомъ староста нашелъ возможность привлекать къ отвѣтственности несомнѣннаго безобразника, живущаго на шеѣ матери, и чѣмъ ограждена настоящая хозяйка отъ дальнѣйшихъ подобныхъ же дѣйствій этого «хозяина по книжкѣ»... безъ котораго и «некому» быть хозяиномъ?.. Очевидно,—положеніе не опредѣляется ни закономъ, ни обычаемъ...

вольно сильнымъ средствомъ для этого, въ виду въ особенности требованія для передѣла большинства двухъ третей голосовъ на сходѣ). Обычай былъ, далѣе, прямо допущенъ для опредѣленія способовъ разрѣшенія общественныхъ дѣлъ статьею 56-ою общаго положенія, по которой «голоса собираются или раздѣленіемъ схода на двѣ стороны, и счетомъ голосовъ на каждой сторонѣ стоящихъ, или же инымъ способомъ, по существующему въ каждомъ обществѣ обычаю».

Права и обязанности сельскихъ сходовъ обозначены были односложно, —такъ сказать, лишь перечислены. Слѣдовательно, отправленіе ими обязанностей и осуществленіе правъ могло опредѣляться до извѣстной степени обычаемъ. Однимъ изъ правъ сельскаго схода явилось право постановлять «приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ» и о «временномъ устраненіи крестьянъ отъ участія въ сходахъ не долѣе, какъ на три года». Подобныя полномочія схода, поставленнаго, какъ мы увидимъ ниже, въ зависимости отъ помѣщика, могли, очевидно, прямо и весьма чувствительно отражаться на личныхъ правахъ освобожденнаго крестьянина. Между тѣмъ, по отношенію къ устраненію отъ участія въ сельскомъ сходѣ не было сказано въ законѣ даже о томъ, что оно могло послѣдовать за какую-либо вину, не говоря уже объ обозначеніи, за какую именно; не болѣе опредѣленно было право исключенія крестьянина вовсе изъ числа членовъ общества, такъ какъ «вредъ» и «порочность»—понятія крайне растяжимыя, и степень вреда и порочности, требуемыя для ссылки лица, и порядокъ удостовѣренія въ этомъ,—не установлялись.

Сельскому старостѣ предоставлялось право—«за маловажные проступки», совершенные лицами ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ общественнымъ работамъ до двухъ дней. Опредѣленіе того, что такое «маловажный проступокъ», очевидно, также предоставлялось какъ бы «существующему обычаю»,—тому, которымъ вооружался староста и при помѣщикѣ относительно совершенно безправнаго крестьянина. Въ такихъ же предѣлахъ предоставлялось волостному старшинѣ наказывать крестьянъ «за маловажные полицейскіе проступки», понятіе о которыхъ, также не мало не выясняемое, представлялось какъ бы нѣсколько болѣе узкимъ сравнительно съ понятіемъ о маловажныхъ проступкахъ, вообще подвѣдомственныхъ старостѣ, но все-таки весьма широкимъ. Волостному суду, въ свою очередь, предоставлялось судить и наказывать крестьянъ «за маловажные проступки» въ нѣсколько большихъ размѣрахъ: общественными работами до шести дней, арестомъ до семи дней, штрафомъ до трехъ рублей и розгами по двадцати ударовъ. Мировому посреднику по столь же не опредѣленно обозначеннымъ «дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства» предоставлялось далѣе приговаривать лицъ податнаго состоянія къ штрафу до пяти рублей, къ аресту до семи дней, къ общественнымъ работамъ до шести дней и къ наказанію розгами до двад-

цати ударовъ. Выбирать то или иное наказаніе, какъ и волостной судъ, могъ онъ въ каждомъ случаѣ по обычаю. Волостной судъ 12 іюля 1889 г. получилъ право наказывать крестьянъ лишь за опредѣленные въ уставѣ о наказаніяхъ проступки, такъ что съ этого времени крестьяне въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ названный судъ, стали знать о томъ, что имъ воспрещено или предписано подъ страхомъ наказанія. Но какого наказанія?.. Это опять осталось точно неизвѣстнымъ и можетъ опредѣляться обычаемъ, такъ какъ изъ указанныхъ закономъ родовъ наказанія судъ можетъ прилагать къ виновному то или иное наказаніе произвольно, почти безъ всякихъ ограниченій. Наконецъ, земскому начальнику предоставлено наказывать крестьянъ «за неисполненіе его законныхъ распоряженій»,—безъ опредѣленія въ точности, по какимъ предметамъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ отдаваемыхъ. Такимъ образомъ, въ числѣ важнѣйшихъ личныхъ правъ крестьянъ освобожденныхъ, а съ распространіемъ въ послѣдующее время даннаго имъ устройства на всѣхъ прочихъ сельскихъ обывателей, въ числѣ правъ сельскихъ обывателей вообще, не оказалось общаго для прочихъ гражданъ права отвѣчать за проступки не иначе, какъ по суду и закону,—права, особо установленнаго для государственныхъ крестьянъ еще въ 1779 году (Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ и его время», т. II, 31) [1]).

Въ должности, замѣщаемыя по выбору волостными и сельскими сходами, не могли быть, между прочимъ, избираемы лица «завѣдомо развратнаго поведенія». Что это означало? Очевидно, выступала на сцену опять возможность примѣненія «обычая». Избраннаго въ должность общество могло освободить отъ нея «по другимъ причинамъ», кромѣ возраста свыше 60 лѣтъ, предшествовавшей трехлѣтней службы, сильныхъ тѣлесныхъ недуговъ. По какимъ же именно «другимъ причинамъ»? Это опять, очевидно, могъ опредѣлять обычай. Такимъ образомъ, и лишеніе активнаго избирательнаго права (участія въ сходахъ), и лишеніе пассивнаго права (быть избираемымъ), и условія освобожденія отъ должности по избранію,—всѣ эти существеннѣйшія права могли опре-

---

[1]) Въ виду распространенія на государственныхъ крестьянъ въ 1866 г. установленій, созданныхъ для крестьянъ освобожденныхъ, является любопытный вопросъ о согласованіи ихъ съ упомянутымъ особымъ, установленнымъ въ 1779 г., правомъ нынѣшняго на практикѣ совершенно необезпеченнаго личнаго ихъ положенія. По крайней мѣрѣ, при преобразованіи 1866 г. сказано было въ законѣ, что особыя права государственныхъ крестьянъ имъ «сохраняются». Настоящее право — отвѣчать не иначе какъ по суду и закону — было, между прочимъ, соблюдено при реформѣ ихъ положенія въ 1838—1839 гг., по проектамъ П. Д. Киселева. Ни на одно должностное лицо не было возложено тогда полномочія подвергать государственныхъ крестьянъ какимъ-либо наказаніямъ безъ суда и закона. См. по этому предмету статью нашу «Наказаніе безъ суда» въ ноябрьской книжкѣ «Журнала Спб. Юрид. Общ.» за 1895 г. Статья эта вошла въ книгу — «Юрид. полож. крестьянъ».

дѣляться обычаемъ. При всемъ томъ мировому посреднику, впослѣдствіи же уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и въ новѣйшее время земскому начальнику предоставлено утвержденіе въ должностяхъ лицъ, избираемыхъ крестьянами; но обязанности руководствоваться въ этихъ случаяхъ хотя бы столь неопредѣленно обозначенными отрицательными условіями, не расширяя ихъ еще болѣе, прямо установлено не было для названныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

Въ чемъ состояли права и обязанности крестьянскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ? Это, по указаннымъ условіямъ, могло иногда возбуждать сомнѣнія. Между тѣмъ, за постановленіе сходами приговоровъ по предметамъ, не подлежавшимъ ихъ вѣдѣнію, лица, участвовавшія въ такихъ сходахъ, могли подвергаться взысканіямъ со стороны мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ, а впослѣдствіи уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и нынѣ—земскихъ начальниковъ. Далѣе, за проступки по службѣ должностныя лица сельскаго управленія могли подвергаться взысканіямъ со стороны сельскаго старосты, должностныя лица волостного управленія—со стороны волостного старшины и сами волостные старшины и сельскіе старосты—со стороны мирового посредника, впослѣдствіи уѣзднаго присутствія и нынѣ земскаго начальника. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по крайней неопредѣленности закона, вновь могъ бы выступать «обычай». При этомъ право обжалованія соотвѣтствующихъ распоряженій о взысканіяхъ—или прямо отвергалось, или обходилось молчаніемъ, или же обозначалось недостаточно ясно, и «обычныя» распоряженія, каковы бы они ни были, могли оказаться очень часто безъ надлежащей повѣрки ихъ съ закономъ.

Предположенія о предоставленіи помѣщику званія «начальника общества» не получили осуществленія [1]). Но зато ему было предоставлено званіе «попечителя общества» съ правами «вотчинной полиціи». Если же званіе и «начальника» не предполагалось обставить законностію и публичными формами, то тѣмъ менѣе могло это быть сдѣлано по отношенію къ «попечителю», субъекту правъ вотчинной полиціи. Это званіе должно было носить вполнѣ патріархальный характеръ. Усмотрѣніе должно было царить тутъ какъ бы неизбѣжно, необходимо. Такъ и вышло. Помѣщику вручался «надзоръ за охраненіемъ общественнаго порядка и безопасности на пространствѣ принадлежащаго ему имѣнія».

[1]) Усердіе, съ которымъ, какъ мы видѣли, была развита губернскими комитетами глава IX программы, заставило обратить вскорѣ особое вниманіе на эту главу... Въ выс. одобренныхъ 4 декабря 1858 г. по журналу главнаго комитета основаніяхъ для руководства при разсмотрѣніи проектовъ и положеній губернскихъ комитетовъ было именно выражено: «обратить вниманіе на IX главу программы, сообразивъ: можетъ ли глава сія оставаться въ прежней силѣ»... Здѣсь же, какъ бы вмѣсто этой главы, постановлялось: «Власть надъ личностію крестьянина по исполненію или нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей». («Матеріалы», т. I, кн. 1, изд. 2, стр. 208).

Въ силу этого же права, онъ могъ предъявлять сельскому старостѣ рядъ требованій. Требованія должны были быть «законными». Но они обозначались односложно и въ довольно широкихъ выраженіяхъ, и слѣдовательно законность ихъ содержанія въ сущности опредѣлялась обычаемъ,—обычаемъ, относительно котораго требовать отъ помѣщика отчета было крайне затруднительно. Между тѣмъ, неисполненіе сельскимъ старостою требованій помѣщика и вообще «неисправное исполненіе» имъ—какъ говорилось въ ст. 153 общаго положенія — обязанностей, отсюда возникавшихъ, могло влечь за собою не только извѣстное взысканіе со стороны мирового посредника, но и удаленіе отъ должности. Помѣщикъ могъ также требовать удаленія отъ должности волостного и сельскаго писаря, если «усматривалъ», что онъ «неблагонадеженъ». Но что такое быть «неблагонадежнымъ» для писаря, въ законѣ не пояснялось ни однимъ словомъ, и слѣдовательно, тутъ могъ всецѣло дѣйствовать «обычай» или, что то же, произволъ. Помѣщикъ могъ, далѣе, требовать предоставленія ему всѣхъ или нѣкоторыхъ приговоровъ сельскаго схода и, если усматривалъ также въ нихъ «распоряженіе, противное существующимъ постановленіямъ, или вредное для благосостоянія общественнаго, или же нарушающее права помѣщичьи», то могъ пріостанавливать приведеніе даннаго приговора въ исполненіе. Произволъ могъ вновь получать, какъ видно, весьма широкое примѣненіе. Наконецъ, въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ по освобожденіи, помѣщику предоставлялось право требовать удаленія изъ общества крестьянина, присутствіе котораго онъ признаетъ «вреднымъ и опаснымъ». Въ чемъ должны были выражаться «вредъ» и «опасность» для того, чтобы влечь за собою такія послѣдствія, такое тяжкое наказаніе? Это, равнымъ образомъ, не пояснялось ни однимъ словомъ. Слѣдовательно, и здѣсь какъ бы могъ дѣйствовать обычай, въ силу котораго, при существованіи крѣпостной зависимости, крестьяне, по безконтрольному усмотрѣнію помѣщика, ссылались не только въ Сибирь на поселеніе, но—одно время—даже въ каторжныя работы.

Въ такомъ видѣ представлялись личныя и общественныя права освобожденныхъ крестьянъ въ теченіе временно-обязаннаго состоянія. Крестьяне эти, какъ видно, далеко не ставились еще подъ охрану закона и не ограждались въ должной мѣрѣ отъ дѣйствія произвола и усмотрѣнія...

Такое положеніе ихъ вытекало и изъ тѣхъ началъ, на которыхъ покоились и по которымъ дѣйствовали учрежденія, спеціально предназначенныя для охраны правъ освобожденныхъ крестьянъ и для разрѣшенія различныхъ вопросовъ объ ихъ обязанностяхъ и отвѣтственности. Такимъ учрежденіемъ являлся волостной судъ. Согласно же съ указанными выше предложеніями губернскихъ комитетовъ, судъ этотъ былъ судомъ патріархальнымъ, въ порядкѣ дѣлопроизводства руководящимся почти исключительно обычаемъ. Въ тѣхъ же волостяхъ, гдѣ, по предположенію закона, имѣлся судъ, «учрежденный по мѣстнымъ обы-

чаямъ» (прим. 2 къ ст. 93 общ. положенія), тамъ онъ вполнѣ сохранялся. Слѣдовательно, судъ дореформенный, отмѣченный всѣми особенностями помѣщичьяго вліянія, могъ дѣйствовать мѣстами и послѣ реформы, весьма мало вѣдая о тѣхъ правахъ, которыя онъ долженъ былъ охранять, и о тѣхъ юридическихъ вопросахъ, которые долженъ былъ отнынѣ разрѣшать. Затѣмъ, среди неосуществившихся предположеній редакціонныхъ комиссій было предположеніе объ особомъ установленіи, предназначавшемся для охраны и разрѣшенія правъ и обязанностей освобожденныхъ крестьянъ, въ порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, равно на злоупотребленія и незаконныя дѣйствія сходовъ и пр. Въ качествѣ такого установленія долженъ былъ выступать именно «участковый крестьянскій судъ», изъ крестьянъ, избранныхъ сходами, долженствовавшій состоять при каждомъ мировомъ посредникѣ. Всѣ дѣла судъ этотъ долженъ былъ разрѣшать «на основаніи мѣстныхъ обычаевъ» (ст. 107—112 проекта общаго положенія, ч. XVIII «Матеріаловъ», изд. 1). Не упоминалось вовсе объ обязанности для этого суда какихъ-либо законовъ. И—легко понять, что при существованіи такого учрежденія и при предполагавшемся *безаппелляціонномъ* характерѣ его постановленій, могли бы еще шире, чѣмъ допускала буква закона, примѣняться обычаи крѣпостныхъ отношеній къ освобожденнымъ крестьянамъ, и даже существеннѣйшія законныя права ихъ могли не получить никакого огражденія,—при чемъ подобное положеніе дѣлъ освящалось бы, такъ сказать, согласіемъ представителей отъ самихъ крестьянъ (которые, конечно, на самомъ дѣлѣ, находились бы въ полной зависимости отъ посредника). Въ концѣ концовъ, за непринятіемъ предложенія объ участковомъ крестьянскомъ судѣ, дѣла, подлежавшія разрѣшенію при его участіи, предоставлены были единоличной власти мирового посредника, какъ представителя мѣстнаго помѣщичьяго сословія. Подчиняясь же въ такихъ случаяхъ большему контролю, нежели проектировавшійся участковый крестьянскій судъ, мировой посредникъ долженъ былъ уже разрѣшать подобныя дѣла «на основаніи собранныхъ доказательствъ, законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», и—хотя также—«мѣстныхъ обычаевъ», но—пояснялось уже тутъ—«если сіи послѣдніе не противорѣчатъ существующимъ законамъ и положеніямъ о крестьянахъ» (ст. 56 пол. о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крест. дѣламъ). Соотвѣтствіе его постановленій съ этими положеніями не обезпечивалось однако достаточно широкимъ правомъ обжалованія. При повѣркѣ сдѣлокъ, заключавшихся между помѣщиками и крестьянами, мировому посреднику также предписывалось наблюдать, чтобы сдѣлки эти были «согласны какъ съ положеніями о крестьянахъ, такъ и съ общими законами» (ст. 85 того же положенія). А такъ какъ чрезъ подобныя сдѣлки, дѣйствительно, могли проникать ограниченія правъ освобожденныхъ крестьянъ, то и въ общее положеніе введено было постановленіе о томъ, чтобы «во-

обще заключаемыя между помѣщиками и крестьянами сдѣлки не были противны общимъ гражданскимъ законамъ и не ограничивали правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію, предоставляемыхъ крестьянамъ» (ст. 6). Но новыя права не были, какъ мы видѣли, обозначены точно и ясно, съ надлежащими подробностями, впредь до изданія сельскаго устава; права же помѣщиковъ, открывавшія различные пути для примѣненія обычаевъ и подлежавшія отмѣнѣ, не были съ тою же точностію и ясностію перечислены въ законѣ. Въ то же время относительно общихъ гражданскихъ законовъ вскорѣ явилось весьма укоренившееся воззрѣніе, объявившее ихъ *совершенно непримѣнимыми къ крестьянамъ*, воззрѣніе, раздѣлявшееся и нѣкоторыми несомнѣнными доброжелателями народа... незамѣчавшими, къ чьей явной пользѣ оно клонилось... забывавшими и о томъ, что руководительство единственно обычаемъ въ области гражданскихъ правъ характеризовало положеніе крестьянъ при существованіи крѣпостной зависимости и было равнозначаще съ безправіемъ [1]).

III.

Вообще положенія 19 февраля 1861 г. были таковы, что правильное руководство ими было невозможно и для людей, вооруженныхъ всѣми тѣми средствами для уразумѣнія точнаго смысла закона, которыя даетъ наука. Выясненіе истинныхъ правъ, пріобрѣтавшихся крестьянами, въ особенности при столкновеніи съ правами помѣщика и ближайшихъ властей, представляло нерѣдко огромныя затрудненія и для такихъ людей. Для лицъ же, вовсе невооруженныхъ надлежащими знаніями, трудности эти представлялись положительно непреодолимыми. Отсюда ясно какъ широко должны были примѣняться еще къ освобожденнымъ крестьянамъ обычаи крѣпостныхъ отношеній, какъ трудно установить въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлы дѣйствія прямо и косвенно допускавшихся такимъ образомъ обычаевъ и условія ихъ юридическаго значенія. Между тѣмъ *установить это*, очевидно, *весьма важно въ интересахъ личныхъ и общественныхъ правъ крестьянъ*.

Каковы же вообще эти условія и предѣлы?

Важнѣйшимъ предѣломъ этого рода служитъ отсутствіе обычаевъ или недостаточная ихъ опредѣленность. Коль скоро обычаевъ нѣтъ, или существованіе ихъ не можетъ быть доказано, или же они возбуждаютъ споры, возраженія и сомнѣнія, или же, наконецъ, явно противорѣчатъ личнымъ общимъ правамъ крестьянъ,—то данное дѣло должно быть разрѣшено на основаніи закона или по общему духу законодательства. Иначе пришлось бы допустить, что оно можетъ быть разрѣшено произвольно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ низшее мѣсто должно дѣлать представленіе высшему, въ порядкѣ подчиненности. Сообразно

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ нашей «Крестьяне и общее гражданское право» напечатанной въ №№ 5 и 6 «Журнала Юридическаго Общества» за 1896 г.

же съ указанною крайнею трудностью разрѣшенія крестьянскихъ вопросовъ, закономъ 25 мая 1882 г. было предписано губернскимъ по дѣламъ присутствіямъ (и законъ этотъ, несомнѣнно, сохраняетъ силу и для новыхъ губернскихъ присутствій, такъ какъ находится въ тѣсной связи со статьею 52 законовъ основныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вытекаетъ изъ отсутствія сельскаго устава, предполагавшагося къ составленію въ законодательномъ порядкѣ) представлять въ сенатъ, между прочимъ, тѣ «дѣла какъ по поземельному и хозяйственному устройству крестьянъ, такъ и по правамъ крестьянъ личнымъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству и пр., при разрѣшеніи которыхъ присутствіе встрѣтитъ или отсутствіе закона, или сомнѣніе въ истинномъ смыслѣ онаго, или же, наконецъ, признаетъ, что буквальное примѣненіе закона въ данномъ случаѣ была бы невозможно». Разрѣшеніе перечисленныхъ вопросовъ—почти всѣхъ, какіе могутъ возбуждаться на мѣстахъ относительно крестьянъ — предоставлено, такимъ образомъ, высшей власти. А такъ какъ и сенатъ не можетъ разрѣшать никакого дѣла, не имѣя точнаго закона, и ему предоставлено право представлять о неудобствахъ законовъ, то, слѣдовательно, подобное предписанное закономъ 25 мая 1882 г. направленіе вопросовъ крестьянскаго права имѣетъ своею цѣлью разрѣшеніе ихъ въ *законодательномъ* порядкѣ, и упомянутый законъ составляетъ какъ бы развитіе ст. 52 законовъ основныхъ (устанавливающей въ сущности подобное же правило относительно всякаго рода дѣлъ, разрѣшаемыхъ всѣми учрежденіями вообще). И несомнѣнно, что если бы это правило основныхъ законовъ, а впослѣдствіи и закона 25 мая 1882 г., соблюдалось со времени самой реформы 19 февраля 1861 г. или, по крайней мѣрѣ, съ 1882 г., то мы имѣли бы уже если не сельскій уставъ цѣликомъ, то компетентное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые должны были войти въ него, болѣе или менѣе точное установленіе всѣхъ правъ и обязанностей крестьянъ, какъ свободныхъ сельскихъ обывателей. Но общая необезпеченность точнаго исполненія законовъ сказалась въ этомъ ярче, нежели въ чемъ-либо,—между прочимъ, вслѣдствіе полной юридической безпомощности крестьянъ: крестьяне не имѣли возможности обезпечивать свои права и частнымъ путемъ жалобъ... [1])

Вторымъ важнѣйшимъ ограниченіемъ дѣйствія обычаевъ среди освобожденныхъ крестьянъ является то обстоятельство, что хотя точное указаніе ихъ правъ отложено было до сельскаго устава, и самаго устава не издано до сихъ поръ,—все же, однако, принципіально за освобожденными крестьянами признаны были права свободныхъ сельскихъ обывателей, и со времени 19 февраля 1861 г., рядомъ различныхъ мѣропріятій, крестьяне въ извѣстной мѣрѣ пріобщены къ общимъ

[1]) См. статью «Юридическая безпомощность крестьянъ»—въ № 4 «Русскаго Богатства» за 1894 г. Статья эта вошла въ книгу «Юридическое положеніе крестьянъ».

правамъ другихъ сословій. Общія права состоянія, права свободныхъ сельскихъ обывателей не указаны до сихъ поръ точно и ясно, но они принадлежатъ, конечно, освобожденнымъ крестьянамъ, и ихъ наличность можетъ быть установлена путемъ толкованія. Притомъ «срочно-обязанное состояніе» окончилось съ переходомъ крестьянъ на выкупные платежи; помѣщикъ утратилъ права вотчинной полиціи, и еще ранѣе того, съ 1870 г., прекратилось для него право требовать ссылки бывшихъ «его» крестьянъ, кажущихся ему «вредными» и «опасными». Нечего и говорить затѣмъ о невозможности иначе представлять себѣ правовое положеніе бывшаго государственнаго крестьянина, не смотря на реформу 1866 г., хотя и подчиненнаго одинаковому съ крѣпостнымъ крестьянином управленію, но *съ сохраненіемъ* прежнихъ правъ.

Указанныя начала должны были имѣться въ виду уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями при составленіи инструкцій «для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей». Въ самомъ законѣ 27 іюня 1874 г., установившемъ за уѣздными присутствіями право и обязанность составленія такихъ инструкцій, было сказано совершенно точно, что онѣ «не должны противорѣчить заключающимся въ положеніяхъ о крестьянахъ и въ дополнительныхъ къ нимъ постановленіяхъ узаконеніямъ». Въ такого рода инструкціяхъ можетъ, слѣдовательно, заключаться родъ обычнаго права, но права, поставленнаго въ строго законные предѣлы. Оттого уѣздныя присутствія не могутъ претендовать на то, чтобы, за отсутствіемъ по тому или иному предмету закона, постановленія ихъ инструкцій принимались въ равной съ закономъ обязательной силѣ [1]). То же самое можно сказать объ инструкціяхъ, которыя предоставлено составлять уѣзднымъ съѣздамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г.

Относительно предѣловъ дѣйствія обычнаго публичнаго права въ частныхъ случаяхъ, можно замѣтить слѣдующее (и замѣчанія наши могутъ быть лишь весьма краткими, такъ какъ обычное публичное право почти вовсе не изслѣдовано [2]).

---

[1]) Такого рода притязанія однако предъявлялись на дѣлѣ. Указомъ сената отъ 31 января 1884 г. былъ признанъ *противнымъ закону* одинъ изъ параграфовъ инструкціи ахтырскаго уѣзднаго по крест. дѣламъ присутствія. Между тѣмъ, одинъ волостной старшина подвергнутъ былъ взысканію за неисполненіе именно того, что предписывалось этимъ параграфомъ. При этомъ объясненія его о томъ, что онъ «не зналъ объ инструкціи», признаны были не заслуживающими уваженія, потому что,—разсуждало присутствіе,—«никто не долженъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, а инструкція, составленная на основаніи закона и утвержденная подлежащею властію, настолько же обязательна, насколько обязателенъ и самый законъ». (Сборникъ рѣшеній сената за 1882—1888 гг., Горемыкина, 151).

[2]) О свойствѣ матеріаловъ, имѣющихся по этому отдѣлу обычнаго права, Е. И. Якушкинъ замѣтилъ въ свое время («Обычное право», в. I. XXII): относительно сельской общины, мы встрѣчаемъ только отрывочные замѣтки, дающія самыя смут-

Обычай, устраняющій женщину отъ участія въ сельскомъ сходѣ, или ограничивающій ея права, какъ члена схода, едва ли былъ бы законенъ. Юридическимъ лицомъ, которому предоставлено въ сущности это участіе, является, по общему смыслу законодательства, крестьянскій дворъ. Подобное право дворъ осуществляетъ чрезъ представителя, домохозяина, а по его волѣ, и чрезъ «кого-либо изъ членовъ его семейства». Не только, слѣдовательно, по волѣ домохозяина, за невозможностію для него быть самому на сходѣ, можетъ быть послана для участія въ послѣднемъ женщина изъ числа членовъ семейства, но женщина можетъ быть и сама домохозяиномъ. При этомъ, женщина, являющаяся на сходъ, должна быть признаваема *полноправнымъ* его членомъ, ибо законъ не различаетъ среди членовъ сельскаго схода лицъ съ разными полномочіями, подобно тому, какъ различаются имъ члены дворянскихъ собраній,—всѣхъ членовъ сельскаго схода законъ признаетъ въ равной силѣ, съ одинаковыми правами, и только по общему закону, ограничивающему права русской женщины, крестьянская женщина не можетъ быть избираема въ должности по общественному управленію [1]).

ныя о ней понятія. Даже въ книгѣ П. С. Ефименко («Народные обычаи въ Архангельской губ.»), всѣ сочиненія котораго отличаются большою полнотою и близкимъ знакомствомъ съ народною жизнью, мы не находимъ полной картины крестьянскаго управленія, а только описаніе мірскаго схода и выборовъ». Со времени этого замѣчанія (съ 1875 года) матеріалъ по данному предмету не получилъ особаго восполненія.

[1]) Посѣщая сельскіе сходы, мы не могли не замѣтить того безправнаго положенія, которое предоставляется крестьянской женщинѣ существующими обычаями, образовавшимися вслѣдствіе неопредѣленности закона и отсутствія надлежащаго огражденія ея правъ съ этой стороны... Прежде всего въ настоящемъ отношеніи наблюдается полный произволъ и совершенная разноголосица. Мѣстами женщина допускается къ участію въ сельскомъ сходѣ съ тѣми или иными правами, мѣстами же не допускается, хотя законъ едва ли предполагалъ послѣднее. Далѣе, и въ случаяхъ допущенія къ участію въ сходахъ, женщины пользуются здѣсь большею частію такими правами, что ихъ участіе не приноситъ никакой пользы общественному дѣлу. Онѣ вовсе не вступаютъ въ сужденія по рѣшаемымъ вопросамъ на сходахъ. Дѣла обсуждаются и рѣшаются мужчинами. Женщинамъ предлагается только подписываться подъ приговорами. Въ этомъ обыкновенно вся ихъ роль. Активная роль, въ которой рисуется крестьянская женщина въ извѣстномъ произведеніи г. Полушина для народнаго театра «Василиса Марковна, или правда и въ сарафанѣ сильна»,—явленіе исключительное... Василиса Марковна могла еще выступить до извѣстной степени полноправнымъ членомъ сельскаго схода, потому что она бездѣтная вдова-домохозяйка. Вдовы имѣющія, сыновей, не допускаются къ участію въ сходахъ во многихъ мѣстахъ. По достиженіи сыновьями 18 лѣтъ, представительство переходитъ къ нимъ. Отлучающимся же изъ общества сыновьямъ такихъ вдовъ вмѣняется въ обязанность передавать (съ платою) свой голосъ односельцу-мужчинѣ и не дозволяется даже уполномочивать матерей для участія на сходахъ. Однажды на сельскомъ сходѣ намъ пришлось видѣть вдову-крестьянку, оставшуюся послѣ мужа съ малолѣтнимъ сыномъ и управлявшую хозяйствомъ около 15 лѣтъ совершенно самостоятельно, да и въ то время несшую на себѣ всѣ хозяйственныя обя-

Усиленное представительство на сходѣ многотягольнаго двора не можетъ быль допущено обычаемъ въ такихъ предѣлахъ, чтобы оказывался одинъ представитель отъ каждаго тягла, или душевого надѣла земли, числящагося за этимъ дворомъ. Каждый дворъ предполагается состоящимъ не изъ одного, а изъ двухъ или трехъ тяголъ. Однако, каждому двору, или среднему двору, предоставляется посылать на сходъ одного представителя. Поэтому, обычай, который предоставлялъ бы многотягольному двору посылать на сходъ по одному представителю отъ каждаго тягла, тѣмъ самымъ устанавливалъ бы не усиленное, а чрезмѣрное представительство многотягольнаго двора и выходилъ бы изъ предѣловъ закона.

Способъ подачи и собиранія голосовъ на крестьянскомъ сходѣ, опредѣленіе котораго предоставлено обычаю, долженъ обезпечивать безпристрастіе и весьма важные интересы, соединенные съ иными дѣлами схода. Поэтому можно считать, что обычай *открытой* подачи голосовъ по всѣмъ вопросамъ и дѣламъ, безъ исключенія, и въ томъ числѣ по такимъ щекотливымъ вопросамъ, какъ избраніе въ должности или назначеніе должностнымъ лицамъ жалованья, выходилъ бы изъ существеннѣйшихъ видовъ закона, дающаго свои опредѣленія по этому предмету и относительно собраній, отъ представителей которыхъ можно требовать гораздо большаго гражданскаго мужества, чѣмъ отъ крестьянъ. О существующемъ же порядкѣ выборовъ въ должности, напримѣръ, судей извѣстны слѣдующія показанія крестьянъ (Скоробогатый, «Устройство крестьянскихъ судовъ», 44): «При выборѣ голосами крику много больше, чѣмъ толку, такъ что неизвѣстно, что кричатъ, а кому надо, тотъ и скажетъ: «вотъ народъ кричитъ, чтобы избрать такого-то»,—анъ на дѣлѣ-то крикъ значилъ совсѣмъ другое. Поглядишь иногда, поглядишь, плюнешь, да прочь пойдешь. При выборахъ въ волостные судьи порядочные люди молчатъ, и слово сказать бояться, а шальные да пьяные кричатъ—ну, и выберутъ кто имѣ не любъ.—Часто по поводу выборовъ судей возникаютъ на волостномъ сходѣ разногласія и ссоры, которыя переходятъ иногда въ повальную драку. Всѣ кричатъ, и никто другъ друга не слушаетъ, молчатъ только порядочные хозяева».—Очевидно, что обычай не обезпечиваетъ (или, по крайней мѣрѣ, не обезпечивалъ въ то время, къ ко-

занности по деревнѣ, такъ какъ сынъ жилъ на сторонѣ. Незадолго до описываемаго случая послѣдній достигъ совершеннолѣтія, и — теперь потребовалось объясненіе, почему она явилась на сходъ... «Да *голосъ нашъ умеръ*, потому и пришла»... объяснила она, то есть: односелецъ, которому сынъ долженъ былъ передать свой голосъ помимо ея, умеръ, и она сочла, что въ такомъ случаѣ можно идти на сходъ и ей вмѣсто сына... Но и на сей разъ она не была признана въ правахъ члена схода... (См. по вопросу о поземельныхъ и общественныхъ правахъ крестьянской женщины нашу особую статью въ № 1 «Наблюдателя» за 1891 г.).—Статья эта вошла въ книгу «Юридическое положеніе крестьянъ».

торому относятся эти отзывы, въ семидесятыхъ годахъ) задачи сходовъ и существеннѣйшіе интересы крестьянъ [1]). Вопросъ о порядкѣ разрѣшенія дѣлъ на сходахъ и вообще самъ по себѣ такъ важенъ, и имѣется такъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ его положеніи, что необходимость правильнаго опредѣленія

[1]) Въ отношеніи существующихъ по этому предмету обычаевъ должна наблюдаться существенная разница между бывшими помѣщичьими и бывшими государственными крестьянами. У первыхъ, конечно, не могло быть извѣстно баллотированіе и вообще не могли быть развиты правильные способы подачи голосовъ, надлежащій порядокъ выборовъ и пр., такъ какъ они не пользовались самоуправленіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова и находились всецѣло подъ дѣйствіемъ помѣщичьяго усмотрѣнія. Наоборотъ, относительно государственныхъ крестьянъ законъ, отмѣненный въ 1866 г., давалъ точное и подробное опредѣленіе всѣмъ этимъ предметамъ. Обезпечивая полную самостоятельность сходовъ и *воспрещая* присутствовать при совѣщаніяхъ ихъ и при производствѣ выборовъ чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ (ст. 5011 т. II, ч. 2, изд. 1857 г.), для того, чтобы самостоятельность эта не нарушалась со стороны,—законъ въ то же время стремился обезпечить ее и внутри сходовъ, создать условія безпристрастнаго разрѣшенія сходами вопросовъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію. Между прочимъ же, ст. 589 и слѣд. т. III, устава о службѣ по выборамъ сословій опредѣляли предварительное назначеніе самими выборщиками кандидатовъ и производство выборовъ *непремѣнно закрытымъ способомъ—шарами*. Подобный законный порядокъ долженъ, несомнѣнно, сохраняться и понынѣ среди государственныхъ крестьянъ, въ виду его жизненности. Можно полагать также, что его усвоиваютъ и даже въ значительной степени уже усвоили и бывшіе помѣщичьи крестьяне, если въ этомъ отношеніи не встрѣчалось препятствій со стороны мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Намекъ на встрѣчавшееся препятствіе съ этой стороны однако заключается въ рѣшеніи сената отъ 21 октября 1883 г. («Сборникъ» г. Горемыкина, 100). Здѣсь сенатъ призналъ, что въ дѣйствующихъ о крестьянахъ законоположеніяхъ не содержится ограниченій о производствѣ выборовъ исключительно закрытою баллотировкою, и «слѣдовательно, установленіе сего порядка предоставляется усмотрѣнію самого крестьянскаго общества». Дѣло же, по которому возникло это рѣшеніе, началось вслѣдствіе прошенія отъ имени крестьянъ стежинской волости, Козловскаго уѣзда, никѣмъ не подписаннаго, съ изложеніемъ въ немъ жалобы на различныя злоупотребленія по должности волостнаго старшины Ковылина, состоящаго въ этой должности съ 1867 г. «Жаловаться на старшину,—говорилось, между прочимъ, въ прошеніи, — нельзя, такъ какъ онъ, въ присутствіи его самого и члена уѣзднаго присутствія Каменева, *всегда выбирается не шарами, а голосами*, чрезъ подобранныхъ по волости выборныхъ, и если приказано будетъ произвести дознаніе члену присутствія Каменеву, то старшина будетъ во всемъ оправданъ, какъ это однажды уже и случилось»... Извѣстно также, что земскіе начальники, почти всегда присутствуя на выборахъ, нерѣдко, въ свою очередь, настаиваютъ именно на открытомъ голосованіи въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ, чтобы осталось служить прежнее должностное лицо. Расчетъ оказывается всегда вѣрнымъ: десятокъ голосовъ гораздо смѣлѣе и громче прокричитъ: «стараго»!.. чѣмъ два-три голоса: «новаго»!.. при массѣ избирателей, хотя и не безучастной, но могущей высказывать свои желанія только при закрытой баллотировкѣ; молчаніе же массы признается за знакъ согласія съ тѣми, кто, выступая впередъ, кричитъ: «стараго! стараго!».

его закономъ представляется въ высшей степени настоятельною, обусловливаемою существеннѣйшими интересами крестьянъ [1]).

---

[1]) Нужно видѣть крестьянскіе сходы, для того чтобы понять недостатки нынѣшняго положенія забытаго закономъ вопроса о порядкѣ обсужденія и рѣшенія дѣлъ на сходахъ,—для того чтобы также удерживаться отъ несправедливыхъ упрековъ, нерѣдко обращаемыхъ къ нашему крестьянскому самоуправленію... Прежде всего, не только членамъ сельскаго схода, но и выборнымъ схода волостного не объявляется заранѣе, какія именно дѣла предстоитъ имъ разрѣшать. Возможности обсудить дома, до схода, предстоящія дѣла, поговорить о нихъ заблаговременно домохозяевамъ одной деревни, посовѣтоваться о нихъ выборному волостнаго схода со своими односельцами-избирателями не предоставляется никакой. Крестьяне идутъ на сходъ и ждутъ его открытія въ полномъ невѣдѣніи того, для чего они вызываются. Само собою, по обычаю, при молчаніи закона, не создалось иного порядка въ настоящемъ существеннѣйшемъ отношеніи, опредѣляющемъ уже въ значительной степени дальнѣйшую судьбу дѣлъ схода. И это въ то время, когда сельское общество представляется обыкновенно состоящимъ изъ нѣсколькихъ, иногда многихъ деревень. Далѣе, на самомъ сходѣ доклада дѣлъ почти не происходитъ. Объявляется односложно старшиною, старостою или писаремъ, что нужно де постановить приговоръ о томъ-то; но почему, отчего, на какихъ основаніяхъ и данныхъ—это очень рѣдко поясняется. Оттого иногда простѣйшія дѣла не получаютъ на сходахъ надлежащаго разрѣшенія. Два раза при насъ одно дѣло не получало на сходѣ разрѣшенія, создавая большія и совершенно ненужныя затрудненія для заинтересованныхъ лицъ; но стоило на третьемъ сходѣ одному крестьянину (возвратившемуся въ то время изъ отхожаго промысла и явившемуся на сходъ) объяснить дѣло толкомъ и—оно получило разомъ желаемое разрѣшеніе, къ удовольствію всѣхъ участниковъ схода, сознавшихъ, что они напрасно затягивали постановленіе приговора. Затѣмъ, и порядка въ обсужденіи дѣлъ на сходѣ обыкновенно не соблюдается никакого. Небольшая кучка кричитъ очень громко; можно слышать отдѣльные односложные возгласы; восклицанія сопровождаются иногда отчаянной жестикуляціей; когда такого рода «пренія» слишкомъ затягиваются, эта же кучка выходитъ въ коридоръ покричать на свободѣ. Но, когда «пренія» и стихаютъ, невозможно бываетъ, въ особенности съ непривычки, понять, на чемъ и почему остановилась относительно рѣшенія дѣла даже эта кучка въ составѣ схода. Что же касается до массы членовъ схода, то она безучастна; изрѣдка поднимается изъ нея чей-нибудь одинокій голосъ... (да при неопредѣленности правъ на участіе въ сходѣ, не всегда можно и высказывать свое мнѣніе участникамъ: оно можетъ не понравиться старостѣ или старшинѣ и повлечь за собою лишеніе права участія въ общественныхъ дѣлахъ. И писарь обращается не къ массѣ членовъ схода, а именно къ дѣятельной кучкѣ въ его составѣ съ вопросомъ: «ну, что же? такъ что ли? на этомъ ли порѣшили? такъ ли записать»?.. читая нерѣдко заранѣе составленный приговоръ... (Астыревъ указываетъ, что даже приговоры объ учетѣ почти всегда и всюду составляются заранѣе: «Въ волостныхъ писаряхъ», 1 изд., стр. 39). И опять—безпорядочные крики... Такъ ли, не такъ ли?—выяснить это по новымъ преніямъ, равнымъ образомъ, невозможно. Оттого и окончательно составленный или лучше *записанный* приговоръ является какъ бы случайнымъ... Словомъ, правильной подачи голосовъ на сходѣ не существуетъ; масса членовъ ограничиваетъ свое участіе въ дѣлахъ только тѣмъ, главнымъ образомъ, что подписывается подъ состоявшимися описаннымъ путемъ приговорами (и на этомъ фонѣ, въ тѣхъ сходахъ, гдѣ участвуютъ женщины, не поражаетъ уже и безправіе послѣднихъ). Во всемъ же этомъ и коренится, между прочимъ, главное объясненіе нерѣдко встрѣчающихся неправильныхъ, явно несоотвѣтствующихъ интересамъ общества, несправедливыхъ приговоровъ.

Хотя законъ предоставилъ сельскому сходу право исключать изъ своей среды «вредныхъ и порочныхъ членовъ», не указавъ обязанности пояснять при этомъ, въ чемъ именно заключается порочность лица, тѣмъ не менѣе обычай не долженъ былъ бы освобождать отъ подобной обязанности. Рѣчь идетъ о слишкомъ тяжелой отвѣтственности для крестьянина. Какъ свободный сельскій обыватель, онъ не можетъ подвергаться ей нынѣ по безотчетной волѣ схода, подобно тому, какъ подвергался ссылкѣ въ Сибирь по безотчетной волѣ помѣщика прежде, при существованіи крѣпостной зависимости. Всегда должны быть поэтому точно установляемы доказательства дѣйствительной порочности и вреда ссылаемаго лица [1]). То же самое можно сказать объ еще менѣе опредѣленно выраженномъ правѣ «временнаго устраненія крестьянъ отъ участія въ сходахъ».

Предоставленіе опредѣленію обычаемъ «маловажныхъ проступковъ», за которые крестьяне могутъ быть подвергаемы взысканіямъ волостными старшинами, сельскими старостами и волостными судами прежняго устройства, не предполагаетъ однако, чтобы крестьяне могли быть наказываемы за дѣянія, которымъ, по общимъ началамъ права, невозможно придать значеніе преступленія или проступка. Обычай долженъ покоиться все же на извѣстныхъ разумныхъ основаніяхъ. Право наказанія, принадлежащее, по современнымъ понятіямъ, единственно государственной власти, слишкомъ существенно, слишкомъ близко затрогиваетъ важнѣйшія права личности, слишкомъ ограничиваетъ ея

Напрасно укоряютъ въ нихъ народъ иногда даже такіе доброжелатели его, какъ покойный Астыревъ... А на стр. 244 перваго изданія своихъ очерковъ крестьянскаго самоуправленія—«Въ волостныхъ писаряхъ»—онъ говорилъ, напримѣръ: «Разумъ у крестьянъ, при видѣ водки, какъ бы перестаетъ дѣйствовать, и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ихъ больше собрано вмѣстѣ; каждый изъ нихъ порознь, за малыми исключеніями, еще можетъ отказаться отъ водки, предлагаемой за какое-нибудь грязное дѣло; тоже и по-двое, пожалуй, и по-трое; но если собралась толпа, то стремленіе находящихся въ числѣ ея единичныхъ коренныхъ пьяницъ дорваться до водки, какою бы то ни было цѣною, какъ бы электрическимъ токомъ передается всему сходу; желаніе выпить въ компаніи, поразнообразить безшабашной гульбой свою вѣчно сѣрую, будничную жизнь, заговариваетъ съ особою силою, и—сходъ дѣлаетъ невѣроятныя вещи: отдаетъ за безцѣнокъ мірскую землю, пропиваетъ чужой станъ колесъ, закабаляется за грошъ на многіе годы, обездоливаетъ правую изъ числа двухъ спорящихъ сторонъ, ссылаетъ невиннаго односелъца на поселеніе, принимаетъ завѣдомаго вора обратно въ общество и т. п.»... Невозможно приписывать всей массѣ схода подобные приговоры и это пристрастіе къ водкѣ... Они—продуктъ самаго ограниченнаго меньшинства членовъ схода и возникаютъ единственно изъ полной безпорядочности объявленія, доклада, сужденія и разрѣшенія дѣлъ на сходахъ. Огромнѣйшее большинство членовъ схода всегда постановитъ правильный приговоръ. Нужно только, чтобы, съ организаціей надлежащаго порядка во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, всѣ члены схода могли высказываться по обсуждаемымъ вопросамъ, знакомиться съ ними надлежащимъ образомъ, относиться къ нимъ сознательно, рѣшать ихъ непосредственно, самостоятельно, путемъ правильнаго, точно и ясно установленнаго закономъ и соблюдаемаго голосованія.

[1]) Мы считаемъ вообще это право подлежащимъ отмѣнѣ. *Ред.*

свободу,—для того чтобы быть безотчетнымъ, опираться на мнимыя основанія и спутывать понятія о дозволенномъ и запрещенномъ. То же самое можно сказать о власти земскаго начальника наказывать крестьянъ въ дисциплинарномъ порядкѣ за неисполненіе его законныхъ распоряженій. За короткое время дѣятельности относительно послѣднихъ и состоялось въ практикѣ и литературѣ нѣсколько разъясненій ограничительнаго свойства. Столь же желательны (и давно уже) были такія же разъясненія относительно волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, такъ какъ ихъ усмотрѣніе можетъ, какъ видно, расходиться гораздо шире, а для крестьянина не можетъ быть утѣшенія въ томъ, что существенныя права его нарушаются своимъ же братомъ, крестьяниномъ. Между прочимъ, засвидѣтельствовано относительно прежнихъ волостныхъ судовъ, какъ и относительно земскихъ начальниковъ (іюньское внутреннее обозрѣніе «Вѣстника Европы» за 1894 г.), что они наказываютъ иногда за подачу неосновательныхъ жалобъ (Березанскій, «Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи», 242). Это, конечно, вовсе не проявленіе «обычнаго права», а нарушеніе предѣловъ власти ея представителемъ и нарушеніе кореннаго права личности, безразлично, исходятъ ли распоряженія о наказаніи за подобныя «преступныя дѣянія» отъ земскаго начальника, или отъ сельскаго старосты, или отъ волостного суда, или старшины. И для лицъ высшихъ сословій, располагающихъ большими средствами для ознакомленія со своими легче постигаемыми правами и способами ихъ защиты, неосновательная жалоба, если въ ней не выразилось, по признанію суда, недобросовѣстное обвиненіе, не составляетъ ни преступленія, ни проступка. Какимъ же образомъ могъ бы подвергаться карѣ за нее крестьянинъ, подчасъ неграмотный и встрѣчающій чрезвычайныя трудности для ознакомленія со своими правами? Также точно не можетъ быть относимо къ праву то, что за неисправность въ платежѣ податей наказываютъ крестьянъ арестомъ или розгами волостные суды или (еще чаще) волостные старшины и сельскіе старосты (Скоробогатый. «Устройство крестьянскихъ судовъ», 4; Березанскій, 229). Мѣры взысканія податей возложены на сельскіе сходы, и даже сельскій сходъ не вооруженъ правомъ наказанія розгами или арестомъ за неисправность въ этомъ отношеніи (хотя ему и предоставлены серьезные и даже прямо варварскіе способы воздѣйствія на неплательщиковъ). По словамъ В. И. Семевскаго («Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, 177), при существованіи крѣпостной зависимости, «главною *виною* со стороны крестьянина была неаккуратность въ уплатѣ оброка или въ исполненіи барщинной работы». Это могло быть по отношенію къ крѣпостному крестьянину,—но это недопустимо уже по отношенію къ крестьянину свободному [1]).

[1]) См. объ обычномъ уголовномъ правѣ въ статьѣ нашей «Личность крестьянина», напечатанной въ № 8 «Наблюдателя» за 1896 г.

Обычай не можетъ, далѣе, освобождать волостного старшину отъ обязанности приглашать двухъ свидѣтелей въ случаяхъ примѣненія имъ дисциплинарной власти къ подвѣдомственнымъ крестьянамъ, хотя объ этой обязанности, вмѣненной старостѣ, и не сказано точно и прямо по отношенію къ волостному старшинѣ. Равнымъ образомъ, обычай не можетъ лишать наказываемыхъ волостнымъ старшиною въ дисциплинарномъ порядкѣ права жаловаться на него, хотя въ самомъ законѣ право обжалованія, установленное относительно сельскаго старосты, и не предоставлено прямо по отношенію къ волостному старшинѣ. Обратные обычаи—незаконны, не имѣютъ юридической силы, противны правамъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ таковыхъ.

Какъ мы видѣли выше, отрицательныя условія, препятствующія избранію въ должности по крестьянскому общественному управленію, крайне неопредѣленны и допускаютъ на дѣлѣ примѣненіе обычаевъ. Но обычай не можетъ освобождать отъ руководительства хотя бы такими указаніями закона и предоставлять опредѣленіе упомянутыхъ условій всецѣло усмотрѣнію учрежденій, утверждающихъ въ должностяхъ, замѣщаемыхъ по избранію [1]). Далѣе, по утратѣ помѣщикомъ правъ вотчиной полиціи, удаленіе отъ должности «неблагонадежныхъ» волостныхъ писарей осталось предоставленнымъ единственно непосредственному усмотрѣнію мировыхъ посредниковъ, впослѣдствіи уѣздныхъ присутствій, нынѣ земскихъ начальниковъ. Нѣтъ сомнѣнія при этомъ, что доказательства «неблагонадежности» необходимы нынѣ въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, и всецѣло усмотрѣніемъ указанныхъ властей «неблагонадежность» эта не можетъ быть опредѣляема. Наконецъ, и потому же самому, обычай не можетъ лишать лицъ, неутверждаемыхъ въ должностяхъ, и волостныхъ писарей, удаляемыхъ «по неблагонадежности», права обжалованія подобныхъ распоряженій высшей власти, такъ какъ иначе повѣрка соображеній низшихъ установленій была бы совершенно невозможна, и могли бы развиваться обычаи незаконные и несовмѣстные съ правами свободныхъ сельскихъ обывателей. Далѣе, подъ «другими причинами», по которымъ сходы могутъ освобождать избираемыхъ лицъ отъ должностей, разумѣются причины, хотя точно и не обозначаемыя, но во всякомъ случаѣ основательныя, дѣйствительно дѣлающія отправленіе должности для избираемаго слишкомъ тяжелымъ, разстроивающимъ его дѣла и отношенія. Наоборотъ, крестьянскіе сходы не могутъ освобождать отъ обще-

[1]) Законъ 9 іюля 1889 г., предоставляя утвержденіе волостныхъ судей въ прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстному съѣзду мировыхъ судей, не даетъ послѣднему права отказывать избраннымъ волостными сходами лицамъ въ утвержденіи по своему неопредѣленному усмотрѣнію, произвольно. Неутвержденіе можетъ послѣдовать здѣсь лишь по условіямъ, совершенно ясно и точно указаннымъ въ законѣ. Понятно, что такой порядокъ, положительно установленный закономъ, даетъ важное обезпеченіе волостнымъ судьямъ прибалтійскихъ губерній.

ственной службы за деньги, за выкупъ. Наблюдавшіеся обычаи этого рода лишены юридическаго значенія. Равнымъ образомъ, не можетъ имѣть юридическаго значенія указываемый г. Скоробогатымъ («Устр. крест. судовъ», 44) обычай «угощенія схода водкою», для избавленія, напримѣръ, отъ судейской должности, и совершенно неосновательно относить къ *праву* подобный обычай...

Хотя предметы вѣдомства крестьянскихъ сходовъ и обозначены въ законѣ односложно, не установлены съ достаточною точностію, тѣмъ не менѣе, несоблюденіе предѣловъ закона, въ особенности явное, не можетъ составить юридическаго обычая. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сельскіе сходы выступаютъ, по закону, въ значеніи, напоминающемъ судебную власть. Такіе случаи опредѣленно указаны въ законѣ. Затѣмъ, внѣ этихъ случаевъ сходъ не можетъ присвоивать себѣ права суда и расправы. Поэтому, не относится къ праву, а составляетъ нарушеніе права, то, что, напримѣръ, по указаніямъ г. Скоробогатаго, «розгами весьма часто наказываютъ на сельскомъ сходѣ за маловажные проступки, чтобы поучить виновнаго»; что за конокрадство наказаніе, налагаемое собственною властію схода, простирается до двухъ сотъ ударовъ розгами (стр. 17 и 24), и пр.

Вообще, учрежденій и лицъ, имѣющихъ право суда и расправы надъ крестьянином, не можетъ быть больше, чѣмъ указано въ законѣ. «Судомъ по обычному праву» или «обычнымъ судомъ» можетъ быть лишь судъ, опредѣленно существовавшій при крѣпостной зависимости и сохраняемый примѣчаніемъ 2 къ ст. 93 Общаго Положенія. Такой судъ можетъ быть, слѣдовательно, только среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Его не можетъ быть среди крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Равно не можетъ быть такого суда и вообще въ губерніяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г., такъ какъ новыя временныя правила о волостномъ судѣ не допускаютъ болѣе его существованія. «Обычнымъ судомъ» можетъ быть еще третейскій судъ, къ которому стороны прибѣгаютъ *добровольно*, съ непремѣннаго обычнаго согласія, и который онѣ могутъ при этомъ организовывать какъ имъ угодно, облекать властію разрѣшать ихъ дѣла и по закону, и по обычаю. Затѣмъ, всякіе иные «обычные суды», въ которомъ стороны были бы *принуждаемы* обращаться,—не могутъ имѣть никакого юридическаго значенія. «Среди крестьянскаго населенія Россіи,—говоритъ, однако, г. Скоробогатый, на основаніи «Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ», — существуетъ *еще цѣлая масса судилищъ*, совершенно игнорируемыхъ закономъ. Въ числѣ этихъ «судилищъ» значатся и сельскіе сходы. «Судилища» эти рѣшаютъ дѣла по обычаю. Г. Скоробогатый приводитъ и нѣсколько образчиковъ, дѣятельности этого обычнаго суда. Обычай не можетъ, однако, создавать такихъ «судилищъ», — и крестьяне не обязаны имъ подчиняться. Да и было бы ужасно, и званіе свободныхъ сельскихъ обы-

вателей было бы мнимымъ, если бы, кромѣ цѣлаго ряда мѣстъ и лицъ, созданныхъ самимъ закономъ и облеченныхъ имъ правомъ судить и наказывать крестьянъ по обычаю за неопредѣленно обозначаемые «маловажные проступки», по крайней мѣрѣ, въ слабыхъ размѣрахъ,—если бы, кромѣ такихъ законныхъ судилищъ, существовала бы и освящалась правомъ «еще цѣлая масса судилищъ»,—неограниченная (какъ она представляется въ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ) ни родомъ дѣлъ, ни родомъ, ни мѣрою наказанія, пользующаяся пыткою, божбою и жребіемъ въ качествѣ доказательствъ вины или невинности, употребляющая осрамительныя наказанія (прямой остатокъ помѣщичьяго «обычнаго суда»), присуждающая къ постановкѣ водки, и при всемъ томъ не знающая обжалованія и перевершенія ея постановленій высшею инстанціей и не устраняющая того, что наказанный по ея постановленію будетъ наказанъ еще волостнымъ или инымъ судомъ... Повторяемъ, за освобожденными крестьянами принципіально признаны всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, и пребывавшіе всегда свободными сельскими обывателями государственные крестьяне не лишены были этихъ правъ и при реформѣ 1866 г.

Такимъ образомъ, въ отношеніи личныхъ и общественныхъ правъ крестьянъ существуетъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ вопросовъ... Неопредѣленность же въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ должна неизбѣжно и чувствительно отражаться на положеніи крестьянъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, пользоваться правомъ, неясно выраженнымъ? Какъ защищать подобное право, въ случаѣ нарушенія? [1]) Неудовлетворительность положенія вещей въ настоящемъ отношеніи усугубляется, между тѣмъ, съ одной стороны, крайнею юридическою безпомощностью крестьянъ, незнакомствомъ ихъ съ законами и своими правами и отсутствіемъ для нихъ возможности получать правильные юридическіе совѣты; съ другой же, тѣмъ, что, напримѣръ, власти, созданныя 12 іюля 1889 г., какъ это слѣдовало ожидать въ виду ихъ нѣсколько патріархальнаго характера, и какъ это положительно установлено,—обнаруживаютъ весьма мало склонности къ разрѣшенію крестьянскихъ дѣлъ

[1]) Статью свою «Кодификація обычнаго права, въ связи съ упорядоченіемъ юридическаго положенія крестьянъ», въ декабрьской книжкѣ «Журнала Спб. Юридическаго Общества» за 1895 г. г. Леонтьевъ начинаетъ съ двухъ положеній: «Никто не станетъ спорить противъ того положенія, что одна изъ главныхъ потребностей человѣческихъ обществъ—это опредѣленность, устойчивость и обезпеченность гражданскихъ правъ личности. Никто,—предполагаетъ онъ затѣмъ,—не станетъ отказывать въ этой потребности крестьянамъ». Однако эта потребность, въ которой нельзя отказать и крестьянамъ, остается неудовлетворенною... Почтенный авторъ справедливо находитъ гибельнымъ такое положеніе вещей для крестьянъ. Но при этомъ онъ имѣетъ въ виду одно *частное* гражданское имущественное право. Что же сказать о послѣдствіяхъ неопредѣленности, неустойчивости и необезпеченности отношеній крестьянъ въ разсмотрѣнной нами области *публичнаго* права?

не по произволу и усмотрѣнію, а на правильныхъ основаніяхъ *закона*... Отсюда же очевидна необходимость и точнаго опредѣленія *закономъ* правъ и обязанностей крестьянъ, и установленія закономъ же надлежащихъ мѣръ огражденія и обезпеченія этихъ правъ, въ видѣ правильной организаціи крестьянскаго суда и самоуправленія.

И. Дружининъ.

II. Провинціальныя картинки.

(Изъ наблюденій счетчиковъ).

Теперь еще не наступило время для правильнаго сужденія о тѣхъ результатахъ, которые имѣлись въ виду и достигнуты при первой всероссійской переписи. По что пока съ несомнѣнностью констатировано, вѣрнѣе, подтверждено ею, такъ это низкій уровень развитія нашей страны и безпросвѣтность, окружающая бытъ массы ея обитателей.

Органы провинціальной печати, вслѣдствіе особыхъ условій своего существованія, не удѣлили этому крупному правительственному акту столько вниманія, сколько онъ заслуживалъ бы по справедливости. Ихъ сообщенія о переписи 28-го января касались, главнымъ образомъ, характеристики среды и обстановки, которая послужила кратковременной ареной дѣятельности счетчика и часто такъ рѣзко поражала его нервы и умъ.

Мы попытались собрать наблюденія, вызванныя непосредственно переписью; но, прежде чѣмъ изложить ихъ, намъ нужно сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Извѣстно, что хотя перепись выполнялась почти исключительно силами общества, но ея организація лежала внѣ этихъ силъ. Нисколько не удивительно поэтому, что при процессѣ дѣла выплыло наружу немало неудобствъ и недочетовъ.

Начать съ того, что—какъ общее правило—населеніе оказалось недостаточно подготовлено къ дѣлу, составивъ о немъ свои, сплошь и рядомъ еретическія, представленія. Появившійся во всѣхъ газетахъ министерскій циркуляръ относительно переписи [1]), весьма

---

[1]) Вотъ его содержаніе: «*Объявленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ*. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ произвести въ январѣ 1897 года по всей Россіи первую всеобщую перепись населенія. Перепись эта, предпринимаемая для пользы самого населенія, есть новое проявленіе всемилостивѣйшаго попеченія о немъ Государя Императора.

О всеобщей переписи, конечно, будутъ много разспрашивать и толковать въ народѣ. Поэтому я считаю необходимымъ объяснить населенію настоящее ея значеніе.

Всеобщая перепись не походитъ нисколько на прежнія ревизіи, считавшія только плательщиковъ подушной подати, которая теперь почти по всему государству

часто, повидимому, не достигалъ своей цѣли. Обыкновенно обыватель освѣдомлялся о переписи лишь наканунѣ, черезъ свое ближайшее начальство, полицію,—и нельзя сказать, чтобы подобный способъ извѣщенія внушалъ ему особыя симпатіи и вызывалъ его на откровенность. «Мѣстныя власти, — читаемъ въ сообщеніи изъ Вознесенска [1]), — не позаботились оповѣстить населеніе о предстоящей переписи и о томъ, кто ее будетъ производить. Ходилъ, правда, по домамъ какой-то городовой и, постукивая въ окошечко, объявлялъ испуганно выглядывавшимъ обывателямъ, чтобы они 27, 28 и 29 не отлучались изъ дому: будетъ, дескать, перепись. Между тѣмъ, перепись началась еще 19-го числа, потому къ приходящимъ счетчикамъ относились не какъ къ лицамъ, производящимъ перепись, а какъ разсыльнымъ той «комиссіи», которая будетъ обходить городъ 27, 28, и 29: *такъ* поняли обыватели предупрежденіе городового. Лишь 27-го числа въ городѣ появилось объявленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ извѣстными разъясненіями о предстоящей переписи. И если бы нѣсколько раньше оповѣстить населеніе объ истинномъ значеніи переписи, то она прошла бы гораздо успѣшнѣе и не причинила бы столько мукъ и униженій мѣстнымъ счетчикамъ». — «Интересно то обстоятельство, — писали изъ Красноярска,—что, не говоря уже о простомъ народѣ, во многихъ интеллигент-

---

уже отмѣмена; предстоящая всеобщая перепись не будетъ служить ни для какихъ новыхъ налоговъ или повинностей, а равно какихъ-либо новыхъ льготъ.

Перепись дѣлается только для того, чтобы было точно извѣстно, какъ велико число населенія государства, какъ распредѣляется это населеніе по возрасту, полу, сословію, вѣроисповѣданію, родному языку, занятіямъ, какъ оно разселено по городамъ, селамъ и деревнямъ и сколько между нимъ грамотныхъ, сколько слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и проч.

Поэтому, чѣмъ толковѣе, полнѣе и добросовѣстнѣе будетъ отвѣчать каждый изъ жителей на вопросы переписныхъ листовъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ счетъ населенія, а значитъ, тѣмъ пригоднѣе онъ будетъ, когда правительству придется позаботиться о той или другой нуждѣ населенія или направить, какъ слѣдуетъ, какое-либо государственное дѣло.

Вопросы въ переписныхъ листахъ таковы, что откровенный отвѣтъ на нихъ никоимъ образомъ не можетъ навлечь на отвѣчающаго или его близкихъ никакой непріятности или отвѣтственности.

Уклоняться отъ правильныхъ и точныхъ отвѣтовъ при переписи нѣтъ причинъ, потому что никакихъ документовъ при переписи не спрашиваютъ и не провѣряютъ; никакихъ преслѣдованій за проживаніе безъ письменныхъ видовъ со стороны полиціи при переписи предпринимаемо не будетъ.

Перепись производится по Высочайшей волѣ Государя Императора, и долгъ каждаго вѣрноподданнаго сдѣлать все, что отъ него зависитъ, дабы она была успѣшна.

Обращаясь къ населенію имперіи съ настоящимъ объясненіемъ значенія первой всеобщей переписи, я твердо увѣренъ, что священная воля Его Величества будетъ исполнена всѣмъ населеніемъ съ должнымъ стараніемъ и по доброй совѣсти.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ *Горемыкинъ*.

Директоръ центральнаго статистическаго комитета, управляющій дѣлами главной переписной комиссіи *Тройницкій*.

[1]) *Одесскія Новости*, № 3888.

ныхъ домахъ ничего не знали—если не о переписи, такъ о ея значеніи и цѣли; въ каждомъ почти домѣ доводилось тратить по нѣскольку минутъ, исключительно только чтобы удовлетворить любознательность (?) обывателей» [1])...

Если министерскій циркуляръ хотѣлъ теоретически намѣтить цѣли и задачи переписи, то для успѣшнаго ея осуществленія въ различныхъ мѣстностяхъ практиковались особыя формы воздѣйствія на жителей, приспособленныя къ господствующимъ нравамъ. Въ Харьковской губерніи, напримѣръ, губернаторъ, «на основаніи ст. 16 п. *в* положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія», опубликовалъ такое приказаніе: «Всѣ питейныя заведенія, трактиры, пивныя, винныя и ведерныя лавки, ренсковые погреба и харчевни, въ которыхъ производится раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ, 28 января сего года, въ день первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи, должны быть въ предѣлахъ Харьковской губерніи закрыты въ теченіе всего дня» [2]).

Впрочемъ, гдѣ возможно, предпринимались, при желаніи, еще болѣе рѣшительныя, хотя столь же примитивныя, мѣры, въ родѣ примѣненной въ Астраханской губерніи: у околицы селенія 28 января приставлялись караульщики, обязанные слѣдить, не удалится ли кто оттуда; и вотъ «заставы по дорогамъ и официальное отношеніе къ дѣлу переписи поселяли недовѣріе со стороны населенія» [3]).

Тамъ, гдѣ отсутствовали всякія административно-полицейскія мѣропріятія при переписи, народъ къ ней относился гораздо спокойнѣе. Наоборотъ, «официальное отношеніе» существенно тормозило процессъ операціи,—а оно проявлялось нерѣдко и принимало подчасъ странные способы выраженія. Въ г. Ялуторовскѣ счетчиковъ при обходѣ домовъ неотлучно сопровождали городовые. «Нѣкоторымъ обывателямъ становилось прямо-таки обидно въ душѣ, что въ ихъ квартиру вмѣстѣ со счетчикомъ входитъ и стражникъ,—ибо всѣмъ было хорошо извѣстно, что полиція совмѣстно со счетчикомъ должна была входить только въ ночлежные пріюты и т. п. притоны. Правда, сопровождавшіе счетчиковъ полицейскіе стражники не вмѣшивались даже словесно въ дѣйствія счетчика или въ объясненія квартирантовъ, но тѣмъ болѣе являлось страннымъ такое присутствіе ихъ. Этотъ фактъ, повторявшійся во все время раздачи переписныхъ листовъ, до переписи, и во время отбиранія листовъ, съ 28 января, вызвалъ массу догадокъ и толковъ далеко не въ интересахъ переписи, «ибо сами полицейскіе стражники ничего не могли объяснить, что побудило начальство командировать ихъ для неотступнаго присутствія при городскихъ счетчикахъ,—ну, а распрашивать объ этомъ «начальство» какъ-то неудобно... Если же

[1]) *Енисей*, № 11.

[2]) *Харьковскія Губернскія Вѣдомости*, № 20.

[3]) *Саратовскій Дневникъ*, № 48.

принять во вниманіе, что въ числѣ городскихъ счетчиковъ былъ и самъ ялуторовскій исправникъ, принявшій на себя добровольно эту обязанность, то надо признать, что наша ялуторовская полиція вообще шагнула далѣе и шире тѣхъ скромныхъ рамокъ, какія вообще были указаны полиціи въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ... Разговоры о томъ, что перепись дѣлается «неспроста», не для одного подсчета населенія въ имперіи, не перестаютъ циркулировать въ средѣ низшихъ слоевъ нашего городского населенія и находятъ подтвержденіе въ поведеніи нашей полиціи» [1]). И подобныхъ примѣровъ можно бы привесть безъ ограниченія.

Были случаи (они вообще въ порядкѣ вещей), когда «офиціальное отношеніе» переходило въ «офиціальное злоупотребленіе», особенно въ далекихъ захолустьяхъ. Вотъ, между прочимъ, какая жалоба передавалась въ сибирскихъ газетахъ на бильчерскую инородную управу: «Какъ будетъ производиться народная перепись *въ мѣстахъ, расположенныхъ ближе къ центрамъ умственнаго развитія*, мы не можемъ себѣ дать отчета, но во всякомъ случаѣ не такъ, какъ у насъ, въ дебряхъ Сибири. Народная перепись желательна и для каждаго изъ насъ, судьбою брошенныхъ въ глубь Сибири; но тяжелы для многихъ бѣдняковъ тѣ послѣдствія, которыя сопряжены съ ея производствомъ, а именно новая раскладка. Въ нашей мѣстности на расходы по производству первой народной переписи назначено сбору по 70 коп. съ двора. Сборъ этотъ составитъ солидную сумму, а потому невольно зарождается вопросъ: куда же такія громадныя деньги предназначаются и кѣмъ эта раскладка утверждена? За разрѣшеніемъ этихъ тяжелыхъ вопросовъ наши инородцы обратились къ г. губернатору, которому и подана по сему поводу жалоба. Неужели и *столь святое дѣло* можетъ для изобрѣтательныхъ заправилъ служить поводомъ къ новымъ поборамъ, которыхъ среди инородческаго управленія и такъ не мало ?..» [2]) Въ Чохатаурѣ наканунѣ 28 числа, ходили по домамъ какіе-то господа, требовавшіе и получавшіе «съ каждаго дыма» по 40 — 50 копѣекъ «казенныхъ денегъ». «Что же это за налогъ, собранный съ чохатаурцевъ?» недоумѣвалъ по сему поводу въ печати [3]), навѣрное, одинъ изъ потерпѣвшихъ.

Нашлись, кромѣ того, изобрѣтательные субъекты и изъ неофиціальнаго міра, которые не захотѣли упустить удобнаго момента поживиться во имя «столь святого дѣла». Въ Саратовѣ «какіе-то негодяи» обходили нѣкоторые дома и брали съ невѣжественныхъ и довѣрчивыхъ обывателей по 15—20 к. «за то, якобы, чтобы не записывать ихъ въ переписные листы» [4]). Въ Самарѣ, въ одинъ домъ явились

[1]) *Сибирскій Вѣстникъ*, № 47.
[2]) *Восточное Обозрѣніе*, № 12.
[3]) *Черноморскій Вѣстникъ*; см. *Петерб. Вѣдом.*, № 48.
[4]) *Саратовскій Листокъ*, № 11.

двое «счетчиковъ»: одинъ сталъ заносить свѣдѣнія въ листъ, а другой къ это время «похаживалъ по комнатамъ и такъ внимательно все осматривалъ, что горничная (хорошо еще!) начала за нимъ слѣдить». Затѣмъ «счетчики» ушли, пообѣщавъ дополнить нѣкоторыя графы на слѣдующій день. Но на другой день въ квартиру явился *одинъ* счетчикъ и уже не изъ тѣхъ, которыя были наканунѣ. Конечно, у него потребовали значокъ и документъ, а кто такіе были въ первый разъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ...» [1]). Такимъ образомъ, у насъ и «ближе къ центрамъ умственнаго развитія», и вдали отъ оныхъ центровъ, почва для злоупотребленій символомъ власти является одинаково благодарною.

Но,—что всего печальнѣе, — непосредственные дѣятели переписи, счетчики, сами иной разъ дискредитировали предпріятіе. Это, впрочемъ, можно было ожидать заранѣе, ибо немыслимо было въ нашей бѣдной интеллектуальными силами, странѣ сформировать ad hoc необходимую армію въ 135—140 тысячъ человѣкъ, которые бы всѣ равно оказались на высотѣ задачи.

Для пресѣченія некрасивыхъ выходокъ со стороны счетчиковъ въ Варшавской губерніи было издано даже спеціальное распоряженіе, которое гласило: «До свѣдѣнія г. варшавскаго губернатора доведено о слѣдующемъ фактѣ. Въ одномъ изъ пригородныхъ переписныхъ участковъ Варшавскаго уѣзда нѣсколько счетчиковъ, придя къ владѣльцамъ домовъ и оставивъ имъ переписные листы для заполненія, указали вмѣстѣ съ тѣмъ на трудность дѣла и на строгую отвѣтственность, какой подвергся бы домовладѣлецъ, въ случаѣ малѣйшаго отступленія отъ установленной инструкціи при составленіи записей. Подъ вліяніемъ этихъ требованій домохозяева просили счетчиковъ, чтобы они или сами заполнили листы, или же указали лицо, могущее исполнить это *за плату*. Счетчикъ немедленно согласился на предложеніе хозяина и принялъ вознагражденіе. Жители Варшавской губерніи, по приказанію г. губернатора, оповѣщаются, что: 1) счетчикамъ никакой платы отъ жителей не полагается, такъ какъ всѣ расходы по дѣлу переписи приняло на себя правительство;... 4) относительно указаннаго выше случая произведено мѣстнымъ начальникомъ уѣзда строгое разслѣдованіе и виновные устранены отъ исполненія обязанностей счетчика» [2]).

Нужно, однако, замѣтить, что, пытаясь «опровергнуть» мирныхъ жителей, иные счетчики (не изъ тѣхъ, разумѣется, что проникнуты «чувствомъ гражданскаго долга»), были, пожалуй, съ своей точки зрѣнія, и правы: имъ за безусловно тяжелый, черный трудъ ожидало минимальное вознагражденіе (3—15 рублей). Между тѣмъ, счетчику необходимо было, по крайней мѣрѣ, дважды обойти или объѣхать свой

[1]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 32.

[2]) *Варшавскія Губернскія Вѣдомости*; см. *Цріаз. Край*, № 20.

участокъ, раскинутый часто на протяженіи многихъ верстъ, надо было зарегистровать отъ 300 до 1.000 жителей, по большей части, своими руками — въ виду всеобщей безграмотности населенія; отъ него требовалось также составленіе копій съ своихъ переписныхъ листовъ, подсчетъ и комбинированіе цифръ, и т. д. Если еще припомнить здѣсь некультурность и антигигіеничность среды, гдѣ приходилось работать, и вліяніе условій климатическихъ (мороза, метелей, оттепели), — то можно получить хотя бы приблизительное понятіе о томъ, что вытерпѣлъ счетчикъ (особенно, когда онъ былъ не изъ «привычныхъ») [1]).

Предоставимъ лучше голосъ самой заинтересованной сторонѣ.

«Я состою,—пишетъ одинъ учитель,—счетчикомъ въ N. переписномъ участкѣ Б—скаго уѣзда С—ской губ. На мою долю приходится 310 хозяйствъ въ шести деревняхъ, съ населеніемъ до 2.000 человѣкъ обоего пола, — исключительно чувашей. Пишу эти строки въ глухой чувашской деревушкѣ, до самыхъ верховъ засыпанной снѣгомъ. Перепись въ этой деревнѣ я кончилъ. Десять часовъ вечера,— и пока я до утра свободенъ. Спать еще не хочется. На дворѣ потрескиваетъ морозъ. Семья чуваша, у котораго я остановился, укладывается спать; бодрствуютъ только двѣ пряхи; ровный гудъ ихъ прялокъ какъ-то успокоительно дѣйствуетъ на нервы, порядочно потрепанные шестнадцатичасовой безпрерывной, до одури скучной работой. На лавкѣ мурлыкаетъ кошка; въ углу, на полу возится недавно явившіяся на свѣтъ Божій ягнята и козлята, на полатахъ похрапываетъ съ присвистомъ хозяинъ. Тихо и хорошо тамъ, только вотъ воздухъ того... не особенно чистъ: ягнята... да и хозяинъ тоже... У непривычнаго разболѣлась бы голова и въ вискахъ застучало, а намъ, видавшимъ и не такіе виды,—ничего. Въ избѣ натоплено жарко (соломы нынѣ вдоволь,—такъ не жалѣючи топятъ). Въ одной рубахѣ даже жарко. Это тоже не дурно, только вотъ спина страшно болитъ отъ цѣлодневнаго согбеннаго сидѣнья, да и средній палецъ ноетъ отъ карандаша. У чувашей въ избахъ столы низкіе, а скамьи высокія, такъ что при письмѣ приходится перегибаться самымъ неестественнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ такъ работка! Вотъ гдѣ нужны, по выраженію Щедрина, желѣзная поясница и чугунное при ней днище.

Переписываю я девятый день, работаю, съ двумя получасовыми перерывами, не 16-ти часовъ въ сутки и переписалъ до сихъ поръ только 280 хозяйствъ. Остается въ моемъ участкѣ еще 30, — на цѣлый день. Но это еще только около трети работы, ибо съ карандашнаго списка нужно снять копіи чернилами, да 28 января еще разъ объѣхать весь участокъ, послѣ чего сдѣлать подсчетъ по листамъ, обложкамъ, вѣдомостямъ и пр. Всего придется исписать около 700 листовъ. За всю эту каторжную работу—плата 12—14 руб.» [2]).

И если мы скажемъ, что *такія* адскія условія, сопровождавшія работу счетчика, были не исключительны,—покажется естественнымъ, что въ Дмитровскомъ уѣздѣ, по окончаніи переписной операціи, группа счетчиковъ служила спеціальный молебенъ,—о чемъ читающая публика извѣщена была такимъ посланіемъ (оставляемъ стиль его въ неприкосновенности).

---

[1]) Въ печати мы встрѣтили нѣсколько случаевъ смерти счетчиковъ, простудившихся во время переѣздовъ изъ селенія въ селеніе или заразившихся въ избахъ при регистраціи. Кромѣ того, одна счетчица утонула въ половодье вмѣстѣ съ переписнымъ матерьяломъ по своему участку (*Недѣля*, № 10).

[2]) *Биржевыя Вѣдомости*, № 36.

«Счетчики Первой всенародной переписи Орловской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, 3-го переписного участка 2-го февр. сего года собрались къ своему завѣдующему участкомъ, земскому начальнику В. А. О., въ камеру для провѣрки своихъ переписныхъ листовъ въ 2-хъ экземплярахъ, и по окончаніи 3-хъ-днѣвнаго усиленнаго труда и занятій подъ руководствомъ и неусыпнымъ наблюденіемъ нашего достоуважаемаго руководителя г. О. все сдѣлано было въ отличномъ порядкѣ. Затѣмъ земскимъ начальникомъ выразилось прочувствованное слово, въ которомъ чистосердечно благодарилъ всѣхъ лицъ участвовавшихъ въ переписи, вслѣдствіе чего произвелъ въ высшей степени на каждаго изъ нихъ глубокое впечатлѣніе. Почему счетчики отъ души постановили 5-го числа сего февраля, окончивъ свои занятія Счетчики и кандидаты ихъ, а равно Волостныя старшины, Волостные Писаря въ составѣ 30 лицъ разныхъ сословій единодушно выразили общее желаніе просить Священника съ мѣстнымъ стройнымъ хоромъ пѣвчихъ рѣшили отслужить благодарственный Господу Богу молебенъ въ камерѣ, о здравіи нашего Державнаго Монарха и Ихъ Августѣйшаго Семейства съ провозглашеніемъ многолѣтія, *а такъ же* за здравіе нашего достоуважаемаго хозяина гостепріемнаго В. А. О. Дай Богъ чтобы было побольше такихъ примѣровъ и такое же единодушіе особенно въ нашей провинціи. По уполномочію Господъ Счетчиковъ, Счетчикъ участка А. Ш. Почетный Мировой Судья» [1]).

Очевидно, что при массѣ неблагодарной работы, приходившейся на каждаго счетчика, качество ея не могло не страдать даже ceteris paribus. А принявши во вниманіе факты вольнаго или невольнаго манкированія дѣломъ со стороны нѣкоторыхъ счетчиковъ и совокупность мелкихъ причинъ подобнаго же рода,—мы поймемъ, почему уже на первыхъ порахъ (что-то будетъ впослѣдствіи?) стали обнаруживаться частичные дефекты переписи... Изъ Вязьмы жаловались, что выборъ счетчиковъ былъ неудаченъ: въ самый день переписи иныхъ «приходилось разыскивать при помощи полиціи», при чемъ у нихъ «не оказывалось въ готовомъ видѣ даже половины списковъ»; многіе хозяйства были пропущены при регистраціи и описаны послѣ [2]). Въ Иркутскѣ при раздачѣ переписныхъ листовъ «былъ пропущенъ цѣлый кварталъ, въ которомъ живетъ г. полиціймейстеръ»,—и только послѣ замѣчанія со стороны начальства, счетчики поправили оплошность. («Очень возможно,—прибавляетъ корреспондентъ,—что такіе же промахи были и въ другихъ мѣстахъ») [3]). Въ Кіевѣ счетчики не занесли въ списки пять домовъ, что обнаружилось «почти черезъ недѣлю» [4]). Въ Самарѣ въ полицейскія части являлось очень много обывателей, не попавшихъ въ счетные листы: всѣ просили исправить ошибку [5]).

Любопытный, относящійся сюда, эпизодъ описанъ въ *Енисеѣ* [6]). Въ деревнѣ З., при желѣзно-дорожномъ полустанкѣ, счетчику, производившему перепись, заявили, что здѣсь остановились пассажиры. А послѣдніе на разспросы давали странные отвѣты.

---

[1]) *Пріазовскій Край*, № 42.
[2]) *Биржевыя Вѣдомости*, № 58.
[3]) *Восточное Обозрѣніе*, № 16.
[4]) *Недѣля*, № 10.
[5]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 26.
[6]) № 18.

«— Вы записаны?

«— Да, кажись, записали и насъ.

«— Какъ это «кажись»? Васъ спрашивали тамъ?

«— Нѣтъ, не спрашивали.

«— А какъ же вы говорите, что вы записаны?

«— Да такъ и записаны! Поѣздъ остановился, кондукторъ и говоритъ: сидите по мѣстамъ, не выходите, сейчасъ перепись пойдетъ. Ну, мы и ждали. Видимъ: мимо насъ, мимо вагона-то, господа прошли съ фонаремъ. Кондукторъ сзади. «Перепись», говоритъ... Ну, прошла перепись, свиснули—и покатили дальше. Стало быть, мы записаны.

«— Да вы въ вагонѣ сидѣли, что ли?

«— Да, съ товаромъ, на платформѣ... Пошли мы дальше, кондукторъ на ходу къ намъ перешелъ. «Ну, говоритъ, вотъ и перепись прошла». Такъ и сюда пріѣхали».

Нѣтъ сомнѣнія, что «господа съ фонаремъ» получатъ медаль «за усердіе», выбитую для лицъ, принявшихъ обязанности счетчика безплатно. Къ слову пришлось—о медали. Помимо матерьяльнаго значенія, ея учрежденіе имѣло глубокій психологическій смыслъ,—и только благодаря медали, удалось съ грѣхомъ пополамъ комплектовать кадры счетчиковъ. «Съ грѣхомъ пополамъ» потому, что желаніе отличить себя «почетнымъ» знакомъ ставило въ ряды счетчиковъ такихъ лицъ, которыя при другихъ обстоятельствахъ были бы тамъ совсѣмъ неумѣстны.

Въ Липовецкомъ уѣздѣ, за рѣдкими исключеніями, всѣ счетчики приняли на себя трудъ по производству переписи безвозмездно, «разсчитывая, что опредѣляемое толками 12-рублевое (за мѣсячный трудъ) вознагражденіе не оставитъ никакого воспоминанія о производствѣ работы, тогда какъ темно-бронзовая медаль на лентѣ государственныхъ цвѣтовъ не только будетъ служить украшеніемъ, но и представитъ собою *знакъ отличія* въ массѣ остальныхъ смертныхъ» [1])... Изъ г. Олекминска писали: «Пока не было извѣстно, что безвозмезднымъ счетчикамъ будутъ выданы медали, было очень мало желающихъ принять на себя эти обязанности; ничтожное вознагражденіе никого не привлекало, а рвеніемъ къ общественному благу нашъ обыватель не отличается. Но когда недавно (къ намъ нескоро доходятъ вѣсти) было объявлено о медаляхъ, желающихъ нашлось больше, чѣмъ требуется. Счетчики повалили валомъ; среди нихъ много богатыхъ людей, есть даже одинъ кабатчикъ, такъ называемый подвальный, зарабатывающій нѣсколько тысячъ рублей въ годъ своимъ благороднымъ ремесломъ. Такова любовь къ медалямъ, даже и къ грошевымъ, у нашего обывателя!.. Не знаю только, соотвѣтствуетъ ли грамотность счетчиковъ этой любви къ медалямъ. Судя по образчикамъ, которые намъ удалось видѣть, надо думать, что большинство счетчиковъ (за исключеніемъ учителей, которые—къ чести ихъ сказать—еще до медалей взялись за дѣло) безграмотно и не понимаетъ инструкцій» [2])... Въ Гродненской губерніи

---

[1]) *Кіевское Слово*, № 3263.

[2]) *Сибирскій Вѣстникъ*, № 43.

какой-то полуграмотный крестьянинъ, побуждаемый стремленіемъ заполучить медаль, согласился выполнять функціи счетчика, но, не умѣя заполнять переписные листы, «нанялъ для этой цѣли за 50 рублей писца, съ которымъ неотлучно обходилъ свой переписной участокъ»... [1]) Не менѣе забавныя претензіи обнаружилъ и купецъ С. въ г. Бѣльцахъ. Обладая паровой мельницей, трактиромъ, типографіей и еще чѣмъ-то, но не будучи, при всей своей солидности, надѣленъ никакимъ почетнымъ атрибутомъ, — С. возымѣлъ намѣреніе воспользоваться переписью, чтобы «въ придачу къ вещественнымъ благамъ, получить еще и отличіе *за усердіе* для ношенія на груди». Къ несчастію, у него вышло неполнымъ количество записанныхъ «душъ», при наличности котораго предполагалась медаль,—и онъ предложилъ сотоварищамъ по дѣлу уступить ему, за извѣстное вознагражденіе, часть ихъ мертвыхъ душъ [2])... Если бы честолюбивый купецъ выписывалъ для себя *Кіевское Слово*, то онъ—безъ всякихъ хлопотъ о перекупкѣ душъ—не только себя одного, но и всѣхъ своихъ домочадцевъ могъ бы обвѣсить, для пущей славы, медалями: тамъ одно время, фигурировало такое объявленіе: «Медаль для участвовавшихъ въ народной переписи высылаю за 1 р. 30 к. съ лентой и брошкой. Одна медаль 75 к. С.-Пбургъ, I городское почтовое отдѣленіе до востребованія. А. Миллеръ»... [3])

Мы незамѣтно подошли къ обывателямъ... Достойно примѣчанія, что, по единодушнымъ отзывамъ счетчиковъ, культурный житель гораздо менѣе серьезно отнесся къ переписи, нежели «простые люди», — и притомъ *вовсе не по какимъ-нибудь принципіальнымъ соображеніямъ*. Объясненіе подобнаго явленія слѣдуетъ искать, повидимому, въ полной атрофіи общественной дисциплины и выдержки, а прежде всего— въ отсутствіи почвы для общественнаго воспитанія. Нельзя строго винить обывателя, если на серьезное дѣло онъ отзовется небрежно, плоско, грубо: тутъ вина не его, а тѣхъ факторовъ, которые окружили его существованіе удушливою атмосферой,.. Что касается «простого» человѣка, то,—не касаясь крайностей,—онъ, *въ концѣ концовъ*, оставался почтительно-равнодушнымъ къ «затребованіямъ по начальству» (начальство шутить не любитъ,—это ему хорошо извѣстно по опыту), или же видѣлъ въ представителѣ переписи какую-то загадочную личность. (О фактахъ «недоразумѣній» при переписи—ниже).

Послушаемъ опять корреспондентовъ.

«Мнѣ, какъ счетчику, — пишетъ одинъ изъ Ростова-на-Дону, — приходилось быть и въ крестьянскихъ избахъ, и въ мѣщанскихъ горницахъ, и въ гостиныхъ «дѣловыхъ» людей. И тамъ и сямъ, правда, приходилось самому исполнять всю возложенную на насъ черную ра-

---

[1]) *Смоленскій Вѣстникъ*, № 43.

[2]) *Одесскія Новости*, № 3882.

[3]) Цит. изъ *Сар. Листка*, № 45.

боту, (при чемъ) относительно правдивости и точности отвѣтовъ ожиданія счетчика не оправдывались скорѣе тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ найти готовый, заполненный переписной листъ. И это объясняется тѣмъ, что люди изъ болѣе культурныхъ слоевъ населенія, не утруждая себя чтеніемъ изложенныхъ на оборотѣ листа правилъ, сказались менѣе отзывчивыми въ дѣлѣ содѣйствія той рабочей пчелѣ, которой—по выраженію одного столичнаго фельетониста—весь день, съ утра до ночи, пришлось копошиться въ своей дробной статистической ячейкѣ» [1]).

Въ Казани—точно то же. «Увы!—сокрушается счетчикъ,—наименѣе тщательно листы заполнялись именно въ квартирахъ наиболѣе интеллигентныхъ,—тамъ, гдѣ, при желаніи, они могли бы составляться безукоризненно. Въ моемъ участкѣ былъ, не считая писанныхъ мною самимъ, только одинъ листъ вполнѣ безукоризненный. Принадлежалъ онъ профессору К., которому за его вниманіе—искреннее спасибо!..» [2]) Въ Саратовѣ «лица не только съ высшимъ положеніемъ, но и съ высшимъ образованіемъ небрежнѣе всѣхъ отнеслись къ «этому важному государственному акту». Чуть ли не большинство, очевидно, не потрудилось даже прочесть внимательно объясненія вопросныхъ пунктовъ,—и тутъ листы пришлось такъ же передѣлывать, какъ и у полуграмотныхъ обывателей»... [3]). Въ Вознесенскѣ, «мѣстное населеніе не было подготовлено къ переписи, и, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, одни покорно давали отвѣты, а другіе третировали счетчиковъ свысока и на вопросы не давали прямыхъ отвѣтовъ или вовсе уклонялись отъ переписи. Розданные листы даже интеллигентной частью населенія заполнялись крайне небрежно и грязно. Люди образованные, вліятельные, занимающіе довольно видное положеніе въ служебной іерархіи, не пожелали ознакомиться съ тѣми разъясненіями, какія имѣются на каждомъ листѣ, и наполнили графы совсѣмъ не подходящими отвѣтами, свидѣтельствующими о крайнемъ неуваженіи къ такому важному государственному акту, какъ перепись. Даже гласные думы, какъ домовладѣльцы, не только не оказывали должнаго содѣйствія счетчикамъ, но сами давали примѣръ небрежнаго отношенія къ переписи» [4])

Беремъ на себя непріятную обязанность привести нѣсколько образчиковъ отношенія культурныхъ обывателей къ переписи, вытекающаго изъ общаго склада сложившихся нравовъ. Вотъ, напримѣръ, Бугульминскій уѣздный предводитель дворянства. Въ его квартиру явилась счетчица для полученія переписныхъ листовъ.

«— Не принимаютъ-съ!—объясняетъ лакей.

---

[1]) *Пріазовскій Край*, № 41.

[2]) *Волжскій Вѣстникъ*, № 32.

[3]) *Саратовскій Дневникъ*, № 33.

[4]) *Одесскія Новости*, № 3888.

«— Но вѣдь мнѣ нужно по дѣлу.

«— Не могу знать. Только принимать васъ не приказано.

«— Да вы подите, доложите.

«— Пожалуй, я доложу. А только напрасно.

Идетъ докладывать и возвращается нѣсколько спустя, съ паспортомъ въ рукахъ.

«— Велѣли вотъ отдать вамъ,—а видѣть и объясняться не желаютъ...

Счетчицѣ пришлось доложить о томъ завѣдующему участкомъ г-ну К... Г-нъ К., явился самъ къ строптивому предводителю... Къ нему предводитель соблаговолилъ выйти,—но, заложивъ руки въ карманы, спросилъ его полупрезрительно:

«— Что жъ вамъ угодно отъ меня?

«— Мнѣ угодно только, чтобы вы исполнили все, что требуется правилами о переписи.

«— Писать?! Pardon, я вамъ не писарь!—воскликнулъ предводитель, повертываясь спиною къ собесѣднику.

Не мало усилій стоило г-ну К. убѣдить предводителя, что ему лучше, чѣмъ кому-либо, должно быть понятно серьезное значеніе переписи, и что если онъ побезпокоитъ себя и заполнитъ графы переписного листа, то это нисколько не уронитъ его достоинства.

«— Вы думаете?—спросилъ предводитель и, послѣ вторичнаго подтвержденія, брезгливо, двумя пальцами взялъ листъ и сталъ вписывать отвѣты, иронизируя при этомъ по адресу завѣдывающаго участкомъ и счетчицы [1]).

Или вотъ еще экземпляръ барина—«оригинала», какъ онъ описанъ корреспондентомъ-счетчикомъ.

«Я жду. Минутъ, по крайней мѣрѣ, черезъ пять, выплываетъ дородный мужчина, *въ халатѣ*.

«— Счетчикъ?—пренебрежительно бормочетъ онъ.

«— Извините,— говорю, —за безпокойство, но счетчикамъ предписано по возможности вручать переписные листы самимъ хозяевамъ квартиръ, а тѣмъ болѣе еще и домовладѣльцамъ.

Вынимаю листы и указываю: «здѣсь будьте любезны написать»...

«— Пойму, надѣюсь, безъ вашихъ инструкцій,—обрываетъ меня цивилизованный господинъ.—Больше вамъ ничего не надо отъ *самого* домовладѣльца?

«— Если вы все сами знаете, то мнѣ, пожалуй, ничего больше и не надо. 28 числа я попрошу васъ возвратить мнѣ переданные вамъ листы заполненными...

«— Хорошо, хорошо!.. Михайло, проводи!—снова перебилъ меня «баринъ».

«— Вотъ тебѣ,—подумалъ я:—и «интеллигенція»! Впрочемъ хорошо еще и то, что дородный домовладѣлецъ не приказалъ своему Михайлѣ вывести за «безцѣльное безпокойство», а только велѣлъ «проводить»...

Чтобы быть справедливымъ, нужно сказать, что во всѣхъ почти «приличныхъ» квартирахъ меня встрѣчали крайне нелюбезно, стараясь всячески отдѣлаться отъ меня. А одинъ господинъ въ форменной тужуркѣ, полуотворивъ дверь, скороговоркой проговорилъ:

«— А... счетчикъ?.. Отдайте дворнику,—онъ все знаетъ, ему вчера полиція что-то объясняла.

И прежде чѣмъ я успѣлъ что-либо возразить, дверь захлопнулась... и я обратился къ дворнику, который, конечно, ничего не зналъ» [2]).

Въ Ростовѣ «дѣловой негоціантъ» выражаетъ неудовольствіе по адресу счетчика, занятаго «пустыми дѣлами» и побезпокоившаго его

---

[1]) *Луч*ъ, № 40.

[2]) *Саратовскій Дневникъ*, № 23.

степенство во время послѣобѣденнаго отдыха [1])... Въ Омскѣ, нѣкая госпожа, въ отсутствіе супруга, не допустила къ себѣ счетчика, причемъ слугѣ-деньщику велѣла передать гостю, что «барыня спитъ». Когда же послѣдній замѣтилъ, что барыня вонъ стоитъ у окна и глядитъ на него, то слуга, повторивъ приказаніе, захлопнулъ дверь... Въ томъ же городѣ, одинъ богатый «домовладѣлецъ изъ интеллигентовъ» не потрудился заполнить данные ему листы, принудивъ самого счетчика убить немало времени на опросъ многочисленной семьи и описаніе обширной усадьбы [2])... Въ Самарѣ важная особа упорно отказывалась снабдить счетчика свѣдѣніями, ведя съ нимъ переговоры черезъ прислугу. Наконецъ, особѣ надоѣло это,—и вотъ служанка объясняетъ, что «баринъ обругали» и «не желаютъ ни писать, ни разговаривать». Баринъ тѣмъ не менѣе вышелъ.

— Милостивый государь! — торжественно обратился онъ къ счетчику:—я ничего не обязанъ дѣлать. Нужны вамъ свѣдѣнія —обратитесь къ *дворнику*, а меня не безпокойте! [3]). (NB. Какъ видно, у многихъ культурныхъ русскихъ обывателей, дворники состоятъ домашними секретарями)...

Одному изъ стародубскихъ счетчиковъ привелось столкнуться съ «купеческой фанаберіей» Записавъ хозяина-купца, его хозяйку и дѣтей, онъ по долгу службы спросилъ: есть ли въ домѣ прислуга?

«— Есть. А на что-съ она вамъ?

«— Какъ на что? Нужно ее записать. — И счетчикъ хочетъ вносить ее въ листъ.

«— Какъ!—вскрикиваетъ купчиха:—въ одинъ-то листъ съ хозяевами? Нѣтъ-съ, я этого не желаю...

«— Но позвольте, вы посмотрите правила: сначала, по закону, вносится въ листъ хозяинъ, потомъ его жена, семья, родственники, гости и прислуга, наконецъ; такъ почему же вы не хотите, чтобы я ее записалъ? Здѣсь же я отмѣчу, въ 3-й графѣ, что она не родственница ваша, а прислуга.

«— Нѣтъ-съ, сударь, нѣтъ-съ! Да какъ-же это можно, чтобы вмѣстѣ со мной была записана кухарка моя Мавра! Нѣтъ, я не желаю... Нѣтъ у меня никакихъ слугъ, нѣтъ-съ!!. [4]).

Однако, еще болѣе неприглядным представляется образъ дѣйствія тѣхъ интеллигентовъ, которые увидѣли въ переписи случай проявить дешевое остроуміе: въ представителяхъ этой категоріи также не было недостатка. Вотъ присяжный повѣренный въ графѣ о числѣ лѣтъ отмѣчаетъ, что ему всего три года («очевидно, по разуму»). Вотъ другой господинъ, отвѣчающій на тотъ же вопросъ: «безъ году—недѣля». Вотъ надворный совѣтникъ не стѣсняется написать, что «родной языкъ» его—«красный», а жена этого надворнаго совѣтника, желая быть оригинальной, прибавляетъ относительно себя, что—«красный съ вале-

[1]) *Пріазов. Кр.*, № 41.

[2]) *Степной Край.*

[3]) *Самарская газета*, № 28.

[4]) *Новости*, № 59.

томъ». Жена доктора, на вопросъ о «главномъ занятіи», даетъ отвѣтъ: «ласкаю мужа». Вотъ учащійся юноша, «будущій дѣятель», характеризуетъ свое отношеніе къ главѣ семейства: «родной братъ сына моего отца», а о средствахъ къ жизни замѣчаетъ: «бильіардъ у Доминика» [1]). Лицо, со среднимъ техническимъ образованіимъ, на вопросъ объ его мѣсторожденіи, отвѣтилъ: «Удивительной губерніи, Непашинскаго уѣзда» и т. д. въ томъ же родѣ [2])... *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* приводятъ слѣдующую выдержку изъ переписного листа: «*В.* Полъ? *О.* Паркетный.—*В.* Родной языкъ? *О.* Воляпюкъ.—*В.* Главное занятіе? *О.* Лежу на боку.—*В.* Побочное занятіе? *О.* Играю въ карты». И т. д.

Вѣнцомъ такого самодурства и пошлости служили обыкновенно протоколы: протоколъ вѣдь, при нынѣшнихъ условіяхъ, почти единственный факторъ, которому суждено учить обывателя разуму и направлять въ немъ гражданскія чувства...

Низшіе слои городскихъ жителей встрѣтили перепись надеждами, сомнѣніями, подозрѣніями—вплоть до убѣжденія въ пришествіи антихриста, и рѣдко кто понималъ сущность и значеніе этого государственнаго акта, что крайне тормозило его осуществленіе.

Масса населенія,—какъ сообщали, напримѣръ, изъ Казани,—не представляла себѣ ясно, зачѣмъ это понадобилась перепись. «Въ ряду нелѣпыхъ слуховъ о новыхъ документахъ и о томъ, что будутъ у всѣхъ старые паспорта зачѣмъ-то отбирать, о томъ, что теперь можно даромъ къ мѣщанскому обществу приписаться и пр.—не знаешь, чему больше удивляться: тому ли, откуда они могли зародиться, или тому, какъ они могутъ держаться» [3])... Среди мѣщанъ Ростова-на-Дону проглядывала боязнь выдать нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ хозяйствамъ; на счетчика смотрѣли изподлобья, подозрѣвая, что въ его шубѣ спрятанъ чиновникъ, а въ карандашѣ и бумагѣ его видя символъ какихъ-то канцелярскихъ затѣй».

— Ужъ не-къ добру все это пишется!—говорила тамъ мѣщанка счетчику.—Значитъ, налоговъ мало, такъ надо еще прибавить [4]).

«Очень немногіе въ моемъ участкѣ изъ неинтеллигентовъ знали о переписи,—разсказываетъ саратовскій счетчикъ:—а если и слышали что-нибудь, то весьма смутно понимали, что съ нихъ будутъ трёбовать, а главное, для чего «начальству» нужны свѣдѣнія.

Почти въ каждомъ домѣ мнѣ предлагали одинъ и тотъ же вопросъ: для чего, зачѣмъ переписываютъ народъ, кому это нужно? И при этомъ открыто высказывали свои увѣренія, что перепись будетъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе налоговъ и «повинностей». Сколько труда мнѣ стоило убѣдить, или, вѣрнѣе, стараться убѣдить, что перепись

[1]) *Русь*, № 35.
[2]) *Сибирскій Вѣстникъ*, № 41.
[3]) *Волжскій Вѣстникъ*, № 32.
[4]) *Пріазовскій Край*, № 41.

имѣетъ исключительно научное значеніе. Къ сожалѣнію, я замѣчалъ, что мнѣ не вѣрятъ и соглашаются со мной лишь «изъ приличія» и что каждый остается при своемъ мнѣніи» [1])...

Въ Омскѣ народъ высказывалъ предположеніе, что перепись предпринята «отъ чумы, которая завелась въ иностранныхъ земляхъ» [2])...

«Подъѣзжаю я,—сообщаетъ счетчикъ изъ г. Ачинска,—къ одному домику, занятому вдовой, женщиной довольно грамотной... Ворота на запорѣ. Послѣ многократныхъ стуковъ—и въ ворота, и въ окна—послышался отчаянный лай псовъ и возгласъ:

«— Что нужно?

«— Счетчикъ, съ переписью,—отвѣчаю.

«— Какая тамъ перепись?! Я—мѣщанка здѣшняя. Меня всякъ знаетъ,—и въ переписи я не нуждаюсь!

Пришлось обратиться къ содѣйствію городового [3]). Въ Самарѣ въ двухъ мѣщанскихъ домахъ заперли отъ счетчика ворота, а въ третьемъ спустили на него цѣпную собаку, при чемъ вышедшая старушка упрекала: «Недоброе затѣяли вы дѣло, антихристово!..» [4]) Въ г. Балахнѣ счетчикъ подвергся даже реальной непріятности, не смотря на свой достопочтенный санъ. Сапожникъ Г., на требованіе священника-счетчика дать свѣдѣнія о семьѣ, отвѣтилъ отрицательно. Когда же его предупредили, что «за уклоненіе онъ можетъ пострадать», то «несовсѣмъ трезвый» Г. оскорбилъ батюшку, выгналъ его изъ квартиры и даже преслѣдовалъ по улицѣ [5]).

Простодушные горожане иногда пытались эксплоатировать перепись для поправленія своихъ житейскихъ обстоятельствъ, чего они не въ силахъ были добиться отъ заведеннаго порядка. Въ Смоленской губерніи, хозяева, принимая счетчиковъ за «ревизоровъ», жаловались имъ, что-де «они получаютъ на свое владѣніе два окладныхъ листа: на укоренившееся прозвище и на дѣйствительную фамилію», и просили сдѣлать соотвѣтственныя исправленія въ управскихъ книгахъ [6]). Въ Елизаветградѣ еврейское населеніе интересовалось: «послужатъ ли переписные листы хоть какимъ-нибудь облегченіемъ при припискѣ къ обществамъ?»—ибо формальности по припискѣ обыкновенно стоютъ много хлопотъ и денегъ. Евреи въ этомъ смыслѣ возлагали на перепись большія надежды, такъ что многіе изъ нихъ отложили хлопоты по припискѣ до ея производства [7]). Среди сибирскихъ бродягъ укоренилось убѣжденіе, что перепись «узаконитъ» ихъ существованіе и тѣмъ облегчитъ ихъ участь, безотрадную лишь потому, что нѣтъ какой-то бу-

---

[1]) *Саратовскій Дневникъ*, № 21.

[2]) *Степной Край*.

[3]) *Енисей*, № 18.

[4]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 9.

[5]) *Нижегородскій Листокъ*, № 39.

[6]) *Биржевыя Вѣдом.*, № 58.

[7]) *Одесскія Новости*, № 3883.

мажки. Услыхавъ, что полиція во время переписи арестовывать за неимѣніе письменныхъ документовъ не въ правѣ, бродяги добровольно являлись къ счетчикамъ, въ полной увѣренности, что «прописки» тѣ освободятъ ихъ отъ гнета полицейскихъ преслѣдованій [1]).

Отвѣтами некультурныхъ обывателей руководила подчасъ та же неумѣренная жизнерадостность, какъ и у интеллигентовъ. *Лучъ* приводитъ слѣдующій текстъ мѣщанскаго острословія: «*Глава дома*—Ѳ. С. В., съ женою Лукерьею и тремя дѣтьми. *Полъ*—деревянный. *Гдѣ родились?*—Дѣвочка Матрена—на печкѣ, мальчикъ Илья—въ клѣти, Гришутка меньшой—на покосѣ. Матушка третій годъ—царствіе небесное представилась. *Обучался*—у дьячка Трофима, а по сапожному дѣлу у Демьяна Косолапова. *Главныхъ средствъ*—нѣтути, а живу—слава Богу! *Побочныхъ*—никакихъ нѣту—все законно!..» Въ Ростовѣ «смѣхотворное» получилось при смягчающихъ вину обстоятельствахъ. Хозяинъ квартиры, населенной угловыми жильцами, будучи неграмотенъ, пригласилъ съ улицы грамотея, заполнить переписные листы,—и тотъ ихъ за 30 копѣекъ «заполнилъ». Подъ графой: «*сословіе, званіе, состояніе*» значилось—«*трезваго*»; о трехмѣсячномъ ребенкѣ отмѣчалось, что онъ «ремесла не имѣетъ»; на вопросъ: «*родной языкъ?*» слѣдовали отвѣты: по отношенію къ матери—«*свой собственный*», по отношенію къ ребенку «*енъ еще сосетъ*»; подъ графой: «*какъ приходится главѣ хозяйства и главѣ своей семьи?*» стоялъ длинный отвѣтъ: «*внукъ своей бабушки, и онъ же племянникъ; сирота безъ матери, которая преставилась—царствіе ей небесное! Звали Пелагеей, по отечеству Трофимовна; была вдова, а потомъ замужъ вышла*». Объ одномъ иностранцѣ написано: «*изъ нѣмцевъ, вѣры Лютеровской, родился въ Силезіи, т.-е. Лифляндской губерніи; говоритъ по ихнему и поведенія хорошаго; не замѣтно, чтобы пилъ; солдатчину не отбывалъ,—потому единственный. Деньги заробляетъ*». На другомъ листѣ, подъ графой о занятіяхъ стояло: «*Чернорабочій, поваръ, можетъ и за кучера. Холостъ, въ отъѣздѣ и здѣсь. Судился за кражу (побочное занятіе)*». Подъ графой: «*положеніе по воинской повинности*»—значилось: «*одноглазый, слободенъ*», а по отношенію къ другому лицу: «*бралъ Плевну, теперь безъ мѣста*» [2])...

Когда смутные толки, касающіеся производства всеобщей переписи, достигли деревни, тамъ всплыли ожиданія какихъ-то перемѣнъ. Мысль мужика, вѣроятно, вышла изъ должныхъ предѣловъ, по крайней мѣрѣ ей сдѣлано было категорическое предостереженіе, которое офиціальнымъ органомъ для народа, *Сельскимъ Вѣстникомъ*, было формулировано такъ:

«Нѣкоторые изъ читателей *Сельскаго Вѣстника* письменно обращались въ ре-

---

[1]) *Енисей*, № 18.

[2]) *Пріазовскій Край*, № 37. Въ виду того, что такіе факты нерѣдко, надо полагать, что въ главной переписной комиссіи работы по подсчету будутъ не изъ скучныхъ. Только врядъ ли оттого—въ соединеніи со всѣмъ прочимъ—выиграетъ качество матеріала...

дакцію съ вопросами: можно ли будетъ во время переписи переписаться безъ увольнительныхъ и пріемныхъ приговоровъ къ тому обществу, въ которомъ они теперь проживаютъ, и не будетъ ли какой перемѣны въ повинностяхъ или въ земельномъ надѣленіи? На эти вопросы отвѣчаемъ, что перепись дѣлается только единственно для того, чтобы было точно извѣстно, гдѣ сколько въ настоящее время въ Россіи жителей всѣхъ званій и состояній; и потому перепись ничего другого касаться не будетъ, и при ней не будетъ дѣлаться никакихъ распоряженій ни по какимъ другимъ дѣламъ,—ни по перечисленію жителей изъ одного общества въ другое, ни во взысканіи податей, ни въ надѣленіи землей,—рѣшительно ни до чего другого перепись не будетъ касаться, кромѣ только одной задачи—вѣрно сосчитать и точно узнать, сколько и какихъ въ каждомъ мѣстѣ находится жителей; а все прочее, какъ было, такъ и останется по старому, и всякаго рода другія дѣла будутъ производится тѣмъ же порядкомъ и на основаніи тѣхъ же законовъ, какіе дѣйствуютъ и теперь, пока они не будутъ измѣнены новыми законами».

Однако крестьянская фантазія теперь, какъ и всегда, хватала недалеко: съ нѣкоторыми варіаціями, она сосредоточивалась на темѣ о землѣ и лежащихъ на ней налогахъ. Вѣдь мысли мужика роковымъ образомъ обращены къ землѣ; онъ такъ же привязанъ къ ней, какъ *старый* дворовый холопъ когда-то къ барину—*извергу*.

Провѣдавъ насчетъ переписи, значительная масса пожилого крестьянства сейчасъ же рѣшительно приравняла ее къ «ревизіи душъ съ прирѣзками»,—и никакіе теоретическіе доводы не внушили бы тутъ, что «все прочее—какъ было, такъ и останется по старому». Не смотря на горькія испытанія жизни, извѣстная часть деревни до фанатизма вѣритъ, что вотъ, какъ deus ex machina, наступитъ нѣчто и дастъ «полное удовлетвореніе».

«Нѣчто», въ данномъ случаѣ, было пріурочено къ переписи...

— А! Съ ревизіей! — радушно привѣтствовали крестьяне счетчиковъ въ Сызранскомъ уѣздѣ.—Теперь намъ надѣлятъ земли!

Но... послѣ холодныхъ разъясненій, въ чемъ дѣло, слѣдовало видимое разочарованіе.

— Такъ это только для свѣдѣніевъ?!

Тѣмъ не менѣе, надежда еще не исчезла совсѣмъ,—и народъ настаиваетъ на томъ, чтобы счетчикъ записывалъ «*здѣсь*» и тѣхъ лицъ, которыя уже давно отошли отъ семей на сторону [1]).

Или: въ Пензенской губерніи упорно циркулировали слухи о какомъ-то невѣдомомъ «китайскомъ клинѣ», который долженъ быть предоставленъ крестьянамъ. Напрасно счетчикъ въ одномъ селеніи опровергалъ этотъ слухъ.

— Неужто же ревизіи не будетъ?—недоумѣвали крестьяне.

— Да вотъ это-то и есть ревизія, первая всеобщая перепись.

— Только сличка подворная, то-есть, а ревизія послѣ?.. Ну, а рѣзка-то китайская когда же будетъ?..

И приходилось, разумѣется, «начинать съ начала» [2]).

---

[1]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 22.

[2]) *Биржевыя Вѣдомости*, № 46.

И, что всего характернѣе, наивныя мечты о «надѣленіи» не покидали крестьянина даже тогда, когда онъ рѣзко порвалъ всѣ связи съ землей и деревней. Вотъ что, въ частности, свидѣтельствуетъ счетчикъ изъ Саратова о посѣщеніи имъ крестьянъ-пролетаріевъ, или, по мѣстному названію, «галаховъ»: Во время регистраціи среди этихъ галаховъ господствуетъ приподнятое настроеніе: они стараются записываться какъ можно тщательнѣй, боятся, какъ бы не пропустить чего или кого, упрашиваютъ отмѣтить живущихъ гдѣ-то родныхъ.

«Никто о сути дѣла съ вами не разговариваетъ, развѣ только какая-нибудь баба спроситъ: «И для чего это переписываютъ?» Всѣ какъ-то сконфузятся за нее и сами ей отвѣтятъ таинственнымъ выраженіемъ: «новый царь!» Баба сдѣлаетъ видъ, что она вполнѣ удовлетворена. Когда же вы кончите переписывать и выйдете изъ помѣщенія, то въ сѣняхъ васъ непремѣнно остановятъ и, дотронувшись до вашего плеча, шопотомъ скажутъ: «А позвольте васъ побезпокоить, что это перепись—для чего собственно она? У насъ вонъ толкуютъ, что землей будто бы надѣлять будутъ?» Объясните ему, какъ можешь, значеніе переписи, онъ выслушаетъ со вниманіемъ, но уйдетъ едва ли разувѣренный въ своихъ предположеніяхъ. Съ какимъ-то страхомъ спрашивали меня нѣсколько разъ: «Правда ли, что открыли новую страну, гдѣ будутъ всѣмъ давать землю?»... Перепись произвела на галаховъ вообще сильное впечатлѣніе: (они рѣшили), что вспомнили о нихъ,—перепишутъ, отведутъ гдѣ-нибудь клочокъ земли»... [1]).

Но если представители такой благодушной категоріи крестьянства приняли счетчиковъ въ высшей степени предупредительно (даже иногда съ хлѣбомъ-солью [2]),—то остальная масса, подъ дѣйствіемъ *своихъ* соображеній, встрѣтила перепись съ иными, менѣе оптимистическими чувствами. Воззрѣніе на перепись, какъ на что-то подозрительное, тенденціозное, находило себѣ рѣзкое выраженіе повсюду.

Архангельскій корреспондентъ *Народа* сообщалъ:

«Производящаяся нынѣ всеобщая перепись населенія служитъ причиною всевозможныхъ толковъ въ средѣ простого народа. Старые люди видятъ въ ней признаки «послѣдняго времени», въ которомъ неминуемо послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ. Молодежь, напротивъ, склонна думать, что все это дѣлается для какихъ-то новыхъ повинностей, которыми будетъ обложено населеніе, какъ только его «перепишутъ». Большинство молодыхъ людей толкуетъ о томъ, что де «начальство хочетъ устроить фабрики и заводы, на которыхъ и заставитъ работать народъ безплатно». Былъ и такой случай: когда счетчикъ сталъ обходить дома одной деревушки, то какая-то (молодая женщина) съ воплями бѣгала передъ нимъ изъ дома въ домъ и разсказывала всѣмъ обитателямъ, что «пришли записывать для того, чтобы отправить затѣмъ всѣхъ молодыхъ дѣвокъ на новую землю, гдѣ начальство и выдастъ ихъ замужъ за самоѣдовъ». При этомъ поясняла, что тамъ, на новой землѣ, народъ мретъ, какъ мухи, и что бабы теперь всѣ вымерли. И слушатели изъ молодежи вѣрили этой болтовнѣ и опасливо относились къ счетчику... Вообще, хотя населеніе въ массѣ и благодушно относится къ переписи, но замѣтно старается многое утаить отъ счетчиковъ. Такъ, почти ни одинъ изъ крестьянъ не говоритъ о побочныхъ занятіяхъ, указывая на землю, какъ на единственный источникъ существованія, хотя всякому очевидно, что жить здѣсь одною землею

[1]) *Саратовскій Листокъ*, № 28.
[2]) *Самарская Газета*, № 35.

совершенно немыслимо, и каждый крестьянинъ имѣетъ непремѣнно хоть какіе-нибудь побочные заработки. Мысль о новыхъ налогахъ, видимо, тяготитъ всѣхъ, и они не вѣрятъ, что перепись производится съ иными, болѣе высокими цѣлями... И все это происходитъ не гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, а въ ближайшихъ къ губернскому городу деревняхъ, отстоящихъ отъ него на 4—8 верстъ, не болѣе» [1]).

На Уралѣ народъ опасался «закрѣпощенія во власть барщины», сектанты же, сверхъ того, ожидали насильственнаго обращенія ихъ въ православіе... [2]). Въ селеніяхъ Саратовской губерніи распространилась молва, что вскорѣ послѣ переписи безотлагательно послѣдуетъ большой подушный государственный налогъ, а многіе (въ особенности сектанты) считали перепись антихристовой печатью; другіе боялись «поголовной солдатчины» и «азіатской» или «всемірной» войны... [3]). Въ Орловской губерніи толковали о томъ, что, молъ, «перепишутъ народъ да пошлютъ на Амуръ»... [4]). Въ Смоленскомъ уѣздѣ крестьянинъ упорно отказывался дать для счетчика свѣдѣнія о своей семьѣ, полагая, что начальство хочетъ развѣдать о числѣ тѣхъ, кого можно отправить на Амуръ [5]). Въ Ачинскомъ округѣ жители уклонялись отъ дачи показаній. для чего мужчины скрывались, а женщины отговаривались незнаніемъ: тамъ сложилось убѣжденіе. что каждый «описанный» будетъ прикрѣпленъ къ мѣсту его записи [6]).

Подобные страхи не были чужды и сельской буржуазіи, такъ что иные хозяева не соглашались открывать счетчикамъ имена своихъ батраковъ [7]).

Мы уже не приводимъ сообщеній о такихъ подозрѣніяхъ крестьянъ, какъ относительно предполагаемаго дальнѣйшаго отягощенія налогами. Скажемъ только еще, что женскій элементъ деревни во время переписи часто пускалъ въ ходъ имя антихриста. Въ селѣ Желнинѣ, Балахнинскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) старая крестьянка встрѣтила священника-счетчика воплями: «Христа ради, не отдавай меня антихристу!»—и тѣмъ повліяла на окружающихъ [8])... Въ Смоленской губерніи крестьянки со вздохами причитали во время переписи: «Господи! Послѣднія времена настали, — антихристъ народился. печать всѣмъ накладываетъ!» [9]).—«Ври больше!—говорила крестьянка счетчику въ Архангельскомъ уѣздѣ, когда онъ объяснялъ суть переписи:— это для того переписываютъ, чтобы всѣмъ наложить потомъ печать антихристову. Онъ—антихристъ—уже давно народился: вонъ и машина

---

[1]) См. *Нижегородскій Листокъ*, № 34.

[2]) *Уралъ*, № 38.

[3]) *Саратовскій Листокъ*, № 28.

[4]) *Орловскій Вѣстникъ*, № 55 (ср. № 54).

[5]) *Смоленскій Вѣстникъ*, № 16. Относительно принудительнаго выселенія на Амуръ, или «Мамуръ», держался слухъ вообще во многихъ губерніяхъ.

[6]) *Енисей*, № 14.

[7]) *Тамъ же*, № 20.

[8]) *Нижегородскій Листокъ*, № 50.

[9]) *Смоленскій Вѣстникъ*, № 16.

его (желѣзнодорожный паровозъ) подошла къ самымъ домамъ,—видишь, какъ пламенемъ-то пыхаетъ да свиститъ. Какъ тутъ не послѣднее время!» И несчастная сокрушалась, что не успѣла до сихъ поръ «окунуться въ обрѣзѣ», т.-е. принять крещеніе по раскольничьему обряду [1]).

Обращаетъ на себя самое глубокое вниманіе то обстоятельство, что предпринятое и перешедшее во вторую стадію дѣло пересмотра крестьянскаго положенія, пока не нашло себѣ ни малѣйшаго отклика въ массахъ: крестьянинъ, значитъ, даже косвенно не извѣщенъ о возбужденіи вопроса, рѣшеніе котораго должно внести реформы въ его устроеніе—не только общественное, но и семейное.

Гораздо болѣе серьезныя осложненія по случаю переписи произошли на почвѣ общественно-религіозной. Иновѣрцы разныхъ категорій заволновались при вѣстяхъ о невѣдомой имъ операціи, которую желали надъ ними продѣлать,—заволновались тѣмъ сильнѣе, что среди нихъ—по невольной ассоціаціи—всплыли наружу прежніе реальные страхи.

Крайне мнительными оказались, конечно, раскольники. Въ Архангельской губерніи они старались укрываться отъ счетчиковъ, такъ что приходилось прибѣгать къ стороннимъ опросамъ для того, чтобы собрать нужныя данныя [2]). Въ Хвалынскомъ уѣздѣ старообрядцы не хотѣли даже принять переписныхъ листовъ, такъ что полиціи пришлось увѣщевать народъ, что вѣру его не затронутъ [3]).

То же и съ другими сектантами... Черемшанскіе обитатели скитовъ отказали въ свѣдѣніяхъ,—и «только послѣ долгихъ усилій» удалось достигнуть цѣли... [4]). Въ Сибири, въ верховьяхъ рѣкъ Казыра, Мины, Сисима, — какъ передавало *Восточное Обозрѣніе* [5]),—перепись испугала бѣлорызцевъ. Едва дождавшись минувшей весны (sic?), они соорудили два ковчега, вмѣстимостью въ 1.500 пудовъ каждый, и покинувъ свое, извѣстное «міру», мѣстопребываніе, поплыли внизъ по Тубѣ и Енисею, спустились въ Обь и пробрались на Васюганскія озера (между Обью и Иртышемъ),—къ пустынямъ, доступнымъ лишь бродячимъ инородцамъ. Тамъ-то бѣлорызцы и думали укрыться отъ «сѣтей антихриста», т.-е. отъ переписи... Обезпокоились за ними и другіе безпоповцы. Собирались сходы и съѣзды, посылались «испытатели». Въ общемъ, рѣшили, что пришло антихристово время, что долженъ народиться или уже родился антихристъ, предтеча котораго проживаетъ въ Кронштадтѣ.

---

[1]) *Нижегородскій Листокъ*, № 34.
[2]) *Нижегородскій Листокъ*, № 34.
[3]) *Самарская Газета*, № 31; *Сар. Лист.*, № 32.
[4]) *Саратов. Листокъ*, № 32.
[5]) № 10; см. *Енисей.*

На той же почвѣ событія, которыя принято называть «прискорбными», произошли въ Сѣдлецкой губерніи. Тамъ, среди «упорствующихъ уніатовъ» укоренилась увѣренность, что кто въ какой вѣрѣ отмѣтится, въ ней и можетъ пребыть навсегда, безъ опасенія репрессій... Вѣроятно, послѣдовало неудачное разъясненіе. Во Влодавскомъ уѣздѣ народъ такъ «наэлектризовался», что напалъ не только на счетчика, но и на православный храмъ и даже на народное училище; въ одномъ селеніи Холмскаго уѣзда счетчикъ также подвергся нападенію, при чемъ у него были отняты переписные листы; въ гминѣ того же уѣзда, жители, считавшіеся православными, чуть не поголовно записались католиками и отправили 16 ходоковъ въ Петербургъ съ ходатайствомъ объ оставленіи гмины въ католицизмѣ; въ посадѣ Г., тамъ же, крестьяне массой заявили ксендзу, что они—католики и такъ желаютъ быть отмѣчены [1]).

Недоразумѣнія, пріуроченныя къ переписи, не миновали также инородцевъ, какъ видно уже изъ тѣхъ отдѣльныхъ сообщеній, которыя проникли въ печать... Въ волости Белебеевскаго уѣзда (Уфимской губерніи), когда для производства пробной переписи были командированы туда «переписчики съ установленными портфелями»,—при чемъ руководителемъ работъ явился мѣстный земскій начальникъ, — башкирское населеніе, «вѣроятно, непредупрежденное» о дѣлѣ, не только отказалось дать какія-либо показанія, но и жестоко избило самихъ переписчиковъ; земскій начальникъ избѣжалъ общей участи лишь потому, что «сумѣлъ во-время» удалиться... [2]). Въ корреспонденціи изъ Б—скаго уѣзда С—ской губерніи (??), помѣщенной въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* [3]), мы читаемъ, что жители-чуваши совсѣмъ не поддавались увѣреніямъ, что перепись не связана ни съ какими «предвзятыми» цѣлями.

— Нѣтъ, это что-нибудь не такъ! — разсуждалъ народъ. — Не станетъ царь только для счета завсдить такое большое дѣло. *Перепишутъ сначала всѣхъ, а потомъ крестятъ.*

Раздраженная толпа тамъ умертвила даже земскаго начальника, который, вмѣстѣ съ исправникомъ, «уговаривалъ не волноваться».

Въ Тургайской области превратно истолковали перепись киргизы. Въ виду специфическихъ бытовыхъ условій, заполненіе графъ въ установленныхъ переписныхъ листахъ по отношенію къ инородцамъ было необязательно. Киргизовъ это навело на подозрѣніе, что пустыя графы будутъ заполняться послѣ, при чемъ «урусъ—что захочетъ, то и впишетъ». Когда, кромѣ того, народъ замѣтилъ, что о вѣроисповѣданіи отмѣчалось: «мусульманское», а о языкѣ: «татарскій», «киргизскій»,—

---

[1]) *Новое Время*, № 7528.
[2]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 1.
[3]) № 36.

онъ усмотрѣлъ тутъ прямое посягательство на свою святыню—коранъ. Муллы принялись доказывать, что по вопросу о вѣроисповѣданіи надо писать: «рабъ Божій, религіи исламъ, вѣры Махомеда», а о языкѣ—«тхоркэ»; въ противномъ случаѣ,—говорили они,—киргизовъ отдѣлятъ отъ ислама, запретятъ имъ «тхоркэ» и всѣхъ обратятъ въ «гяурскую вѣру». Не безъ «усилій» пришлось разубѣдить киргизовъ въ ихъ заблужденіяхъ. («Надо пожелать, — прибавляетъ корреспондентъ, — побольше просвѣщенія для нашихъ окраинъ и человѣческаго отношенія къ такому чуткому народу, какъ киргизы»)... [1]).

Особенно же угрожающій характеръ носили переписныя волненія татаръ въ Казанской губерніи. Еще раньше тутъ замѣчалось броженіе, вызванное слухами, будто власти намѣрены крестить мусульманъ и закрывать ихъ школы. Наступленіе переписи подлило масла въ огонь. Буйства охватили уѣзды: Чистопольскій, Спасскій, Казанскій, Лаишевскій и др., сопровождаясь насиліями надъ административнымъ персоналомъ [2]). Потребовалось усиленное вмѣшательство войскъ. Въ Казани всѣмъ желающимъ выдавался слѣдующій документъ (намъ неизвѣстно, былъ ли онъ составленъ *своевременно*).

«*Отъ казанскаго губернатора. Объявленіе.* До свѣдѣнія моего дошло, что среди исповѣдующаго магометанскую вѣру населенія ввѣренной мнѣ губерніи распространяются ложные слухи по поводу предстоящей всенародной переписи. Считаю нужнымъ разъяснить, что перепись имѣетъ исключительно одну цѣль—вѣрный подсчетъ населенія. Никакихъ перемѣнъ послѣ нея не будетъ: школы (медресе и мектэбе) останутся тѣ же, которыя существовали донынѣ, дѣтей никто силою не будетъ заставлять учиться, мечетей и молельней мусульманскихъ никто не думаетъ закрывать. Поэтому каждый хозяинъ долженъ безъ всякаго страха давать отвѣты счетчикамъ, помня, что всякое сопротивленіе и неисполненіе требованій начальства влечетъ за собою наказаніе. Настоящее объявленіе предписываю объявить на сходахъ, вывѣсить въ волостныхъ правленіяхъ, училищахъ, мѣстахъ скопленія народа и раздавать отдѣльнымъ лицамъ въ случаѣ выраженнаго ими о томъ желанія».

Татары «волновались немножко» и въ Астраханской губерніи, ибо имъ «предварительно о переписи ничего разъяснено не было» [3]).

По словамъ официальныхъ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* [4]), «въ Бугульминскомъ уѣздѣ, въ 30 селеніяхъ и въ дер. Боровкѣ, Ставропольскаго уѣзда, татарское населеніе воспротивилось производству переписи, объясняя это сопротивленіе посягательствомъ, будто бы, правительства на религіозныя права мусульманъ. Не смотря на всѣ раз-

[1]) *Сибирь*, № 21.
[2]) *Сынъ Отечества*, № 15; *Саратовскій Листокъ*, № 12.
[3]) *Пріазовскій Край*, № 55.
[4]) Ср.: *Бирж. Вѣд.*, № 50; *Сам. Газ.*, № 46; *Смол. Вѣст.*, № 43.

ясненія и убѣжденія земскихъ начальниковъ, татары не подчинились законнымъ требованіямъ властей и не допустили счетчиковъ къ переписи, почему возникшіе безпорядки прекращены при содѣйствіи войскъ...»

Недоумѣнія, обнаружившіяся при производствѣ всеобщей переписи, уѣздные корреспонденты любили объяснять или тѣмъ, что народъ не былъ, какъ слѣдуетъ, подготовленъ къ событію, или—просто-на-просто—повальнымъ невѣжествомъ массъ. По утвержденію счетчиковъ, слова: «православный», «русскій», «безграмотный» [1])—въ процессѣ переписи неотступно стояли у нихъ передъ глазами и такъ поражали ихъ память, что являлась горькая досада за «роковое сочетаніе» этихъ словъ...

Но, даже примѣняя данную формулу и къ другимъ племенамъ, обитающимъ на пространствѣ Россіи,—еще болѣе некультурнымъ, чѣмъ племя русское,—даже и тогда указанное объясненіе не выйдетъ точнымъ.

Стоитъ лишь нѣсколько вдуматься въ суть этихъ подозрѣній и этихъ чаяній: «Теперь намъ надѣлятъ земли!» «А рѣзка-то китайская когда же будетъ?» «Перепишутъ народъ да пошлютъ на Амуръ!» «Значитъ, налоговъ мало, такъ надо еще прибавить!» «Перепишутъ сначала всѣхъ, а потомъ крестятъ!» Или: «закрѣпощеніе во власть барщины», «поголовная солдатчина», закрытіе школъ (инородческихъ) и проч., и проч.

Все это темы для самыхъ мрачныхъ размышленій...

Въ заключеніе, коснемся тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя вынесли счетчики попутно, переходя изъ дома въ домъ, изъ хаты въ хату, съ своимъ портфелемъ. Они столкнулись лицомъ къ лицу съ ничѣмъ неприкрытой дѣйствительностью и... но пусть говорятъ они сами: ихъ языкъ достаточно краснорѣчивъ.

— «Мое перо положительно отказывается описать тѣ ужасныя картины всевозможныхъ лишеній, нищеты, горя и отчаянія, которыя представились глазамъ счетчиковъ при ихъ посѣщеніи грязныхъ, сырыхъ, холодныхъ и вонючихъ чердаковъ и подваловъ, въ которыхъ живетъ или, лучше и правильнѣе говоря, влачитъ свое жалкое существованіе мѣстное бѣдное населеніе. Не знаю, читатель, имѣете ли вы хотя бы приблизительное понятіе о той страшной нуждѣ, которая господствуетъ среди *десятковъ тысячъ* бѣдняковъ г. Вильны! Страшно становится за этихъ обездоленныхъ людей и не хочется вѣрить, что у насъ есть столько страждущихъ, а между тѣмъ за это говорятъ неумолимыя цыфры... «Опредѣленныхъ занятій и средствъ къ существованію не имѣю»—вотъ что значится въ очень многихъ переписныхъ листахъ виленскихъ счетчиковъ. Эти листы говорятъ сами за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ...» (*Вильна*) [2])

— «Въ какую хижину ни заглянешь,—непролазная грязь, бѣдность; атмосфера пропитана специфическимъ запахомъ... Вмѣстѣ съ телятами и поросятами копошатся бѣдныя, оборванныя дѣти, со впалыми глазами. Невольно торопишься поско-

[1]) 11, 12, 13 графы переписного листа.

[2]) *Минскій Листокъ*, № 11.

рѣе кончить опросъ по переписному листу и вырваться наружу, чтобы вздохнуть полной грудью. На дворахъ и закоулкахъ взору представляются цѣлыя груды всевозможнаго мусора и нечистотъ». (*Саратовскій уѣздъ*) [1]).

— Семья состоитъ изъ мужа,—человѣка хотя и здороваго, но въ настоящее время не имѣющаго мѣста,—жены, женщины съ больными ногами, пятерыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 1 года и старухи-бабки 80-ти лѣтъ, которая по слабости почти ужъ и не слѣзаетъ съ печки. Мужъ по цѣлымъ днямъ ходитъ искать мѣста или какой-нибудь, хотя бы и поденной работы; жена черезъ силу, съ палочкой, въ худыхъ валенкахъ ходитъ побираться по сосѣдямъ, а дѣти, подъ надзоромъ 12-ти лѣтней сестренки да еще бабки, еле копошащейся на печкѣ, сидятъ цѣлыми днями на кровати, зарывшись въ лохмотья, не заложенныя потому, что мѣстныя закладчики затрудняются что-либо дать подъ нихъ. Дѣти всѣ какія-то блѣдныя, сѣроватыя, золотушныя, съ раздутыми отъ черствыхъ кусковъ и вареной картошки животами, съ очень тонкими руками и ногами; мальчику, имѣющему на самомъ дѣлѣ 7 лѣтъ, съ трудомъ можно дать 3 года: до того онъ весь малъ и до того тонки руки и ноги.

Или еще семья: мать — 55 лѣтъ, сынъ—23 лѣтъ, дочь—19 лѣтъ, трое дѣтей отъ 10 до 3 лѣтъ и маленькая дѣвочка, нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мать и старшая дочь—водоноски и прачки — зарабатываютъ 35—40 копѣекъ въ день, на которыя и содержатъ себя и семью, включительно до брата, которому года 2 тому назадъ отрѣзало поѣздомъ обѣ ноги (но такъ какъ отрѣзало *по его собственной винѣ*, онъ ничего съ дороги за свои ноги не получилъ, и теперь кормится на заработокъ матери и сестры). Изъ дневного заработка, въ 35 — 40 коп., нужно заплатить за квартиру, купить керосину, одѣться, обуться и прокормиться семьѣ въ 7 человѣкъ!.. Зато и квартира же у нихъ: вся обстановка состоитъ изъ одного столика, табуретки и самоварчика, да еще изъ досокъ, пригороженныхъ къ лежанкѣ и служащихъ постелью, надо полагать, для всей семьи... Больше въ квартирѣ ничего не имѣется»... (*Орелъ*) [2]).

— «Вотъ входимъ мы въ одну семью; хозяинъ, человѣкъ лѣтъ 40, лежалъ на кровати безъ всякаго дѣла. Я, ничего не замѣчая, начинаю записывать требуемыя свѣдѣнія, но потомъ обращаю вниманіе на полнѣйшее безучастное состояніе хозяина, который не перемѣнялъ своей позы.

— Что у васъ съ мужикомъ-то?— спрашиваю я у давно уже подошедшей ко мнѣ хозяйки.

— Да вѣдь онъ слѣпой,—отвѣчаетъ хозяйка.

Оказывается, что хозяинъ въ дѣйствительности былъ слѣпой, и изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось:

— Я вотъ уже давно пришелъ изъ своей деревни и занялся здѣсь сапожничествомъ. Сами знаете, какая наша работа: работай, работай, а заработаешь грошъ. Бѣда если къ тому же не удержишься и выпьешь немного.

Таковъ результатъ этой тяжелой работы въ крайне удушливомъ, пропитанномъ запахомъ дегтя воздухѣ съ коптящей лампой-ночникомъ,—гдѣ приходится напрягать зрѣніе до самыхъ крайнихъ размѣровъ; результатъ — полная слѣпота въ 35—40 лѣтъ!

— Чѣмъ же вы теперь живете?—спрашиваю я.

— Да вотъ раньше, я водила мужа собирать милостыню, но теперь ужъ не ходимъ,—добрыя люди сюда приносятъ.

На столѣ были разбросаны кусочки чернаго хлѣба и «ситнаго»,—это сосѣди, такіе же бѣдняки, дѣлятся своимъ трудовымъ кускомъ, какъ бы предчувствуя

---

[1]) *Саратовскій Листокъ*, № 28.

[2]) *Орловскій Вѣстникъ*, № 27.

что и имъ на старости лѣтъ придется жить такими-же доброхотными даяніями!». (*Сызрань*). [1])

— «О той тѣснотѣ и скученности населенія, которая бросается въ глаза въ Батумѣ, можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ: на пространствѣ 200 кв. саж. расположены дворъ и три флигеля, имѣющіе 39 квартиръ по одной комнатѣ,—а въ этихъ квартирахъ живетъ въ среднемъ по 5 человѣкъ, т.-е., *почти* 200 человѣкъ въ домѣ. Но и это далеко не худшее. Одинъ изъ счетчиковъ нашелъ такое жилое помѣщеніе: недалеко отъ вокзала, въ конюшнѣ, *среди разлагающихся твердыхъ и жидкихъ нечистотъ, живутъ человѣкъ 15 женщинъ и дѣтей всевозможнаго возраста, начиная отъ грудныхъ*. Это жены и дѣти недавно пойманныхъ контрабандистовъ. Смрадъ въ помѣщеніи такой, что свѣжему человѣку дѣлается дурно. А несчастныя дѣти и женщины *живутъ* тамъ!

На Д.-К. улицѣ человѣкъ живетъ буквально *въ собачьей конурѣ*. Все отличіе этого жилья отъ собачьей конуры заключается только въ томъ, что оно имѣетъ дверь съ замкомъ.

Все это однако относится еще къ осѣдлымъ обывателямъ. Но, кромѣ нихъ, есть еще масса бездомовниковъ, которые на ночь ютятся въ кофейняхъ, парняхъ, баняхъ, духанахъ и т. д. Въ каждое такое помѣщеніе набивается ежедневно отъ 20 до 50 и болѣе человѣкъ, въ то время, какъ помѣщенія на самомъ дѣлѣ недостаточны даже для половины этого числа». (*Батумъ*). [2])...

— «Вотъ передъ нами покосившаяся хата, съ подслѣповатыми и заткнутыми тряпками окнами. Дверь въ сѣни завалена изнутри,—и мы съ сельскимъ старостой долго стучались, пока намъ не отперла грязная баба съ подоткнутымъ подоломъ. Въ темныхъ сѣняхъ мы ощупываемъ небольшую дверь въ хату и, сильно наклонившись, чтобы не получить удара о низкую притолку, входимъ въ помѣщеніе, гдѣ зимой обитаютъ вмѣстѣ и люди, и куры, и свиньи, и телята и ягнята,—которое именуется въ переписныхъ бланкахъ «жилое». Темнота въ хатѣ непроглядная: окна мало пропускаютъ свѣта въ жилище, занятое многочисленными и разнообразными обитателями... Я записалъ всю семью: оказалось восемь душъ... (Въ деревнѣ) атмосфера въ хатахъ удушливая съ испареніями отъ находящихся тамъ животныхъ, такъ что къ концу обхода буквально одурѣваешь отъ непривычнаго воздуха». (*Смоленскій уѣздъ*) [3])...

— «Рабочая армія (города) ютится въ хворостяныхъ или глинобитныхъ мазанкахъ, большинство которыхъ, не смотря на возвышенное положеніе (мѣстности), сыры и холодны. Скученность населенія здѣсь поражающая. Мнѣ встрѣчались такія квартиры, гдѣ на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ квадратныхъ саженъ живетъ семья, состоящая изъ десяти и даже пятнадцати душъ. Воздухъ въ такихъ помѣщеніяхъ до того убійственный, что, отворяя двери, невольно подаешься назадъ. Въ немъ, кажется, все есть, кромѣ элементовъ чистаго воздуха,—дымъ, испаренія, сырость, чадъ подгорѣвшаго сала, человѣческій выпотъ и огромное содержаніе угольной кислоты. Помѣщенія не вентилируются, отчасти изъ экономіи топлива. Всякая щель, въ которую могъ бы проникнуть свѣжій воздухъ, тщательно законопачивается грязными вонючими тряпками. Такое стремленіе къ экономіи на топливѣ станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять въ соображеніе, что на двугривенный, вырабатываемый хозяиномъ кормится семья изъ 8—10 душъ...

Всюду поражаетъ обиліе дѣтей, и я могу навѣрное сказать, что молодое поколѣніе составляетъ добрыхъ двѣ трети переписаннаго мною населенія... Я записалъ одну семью, глава которой—извозчикъ; онъ рѣдко бываетъ дома, когда вся семья въ сборѣ,—и пріѣзжаетъ домой только на ночь. Онъ постоянно путаетъ

---

[1]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 28.

[2]) *Лучъ*, № 49.

[3]) *Смолен. Вѣстн.*, № 16.

имена своего многочисленнаго потомства и считаетъ его «на штуки». На ночь всю эту молодую полураздѣтую орду загоняютъ въ комнату, считаютъ и, если послѣ провѣрки на лицо—9 «штукъ»,—значитъ, всѣ дома!.. Попадались (странныя) супружества напримѣръ: *ему* — 72 года, *ей*— 28 лѣтъ. При нихъ куча дѣчей, малъ-мала меньше, ощенившаяся сука, поросенокъ и пара куръ,—вся эта компанія какимъ-то образомъ умудряется распредѣлиться въ мизерной конуркѣ и даже находитъ возможность двигаться въ ней!!.» (*Елисаветградъ*) [1]).

— «Счетчикамъ то и дѣло приходилось наталкиваться на ужасающія картины бѣдности. Большинство жителей не могло опредѣлить своихъ занятій. «Господь вѣдаетъ, чѣмъ мы живемъ», — получался обыкновенно отвѣтъ. Многіе дома заколочены, другіе представляютъ полуразвалившіяся лачуги» *(Измаилъ)* [2]).

— «Вотъ, напр., избушка, стѣны которой сдѣланы изъ какого-то неопредѣленнаго матеріала, не то изъ дерева, не то изъ глины. Грязь ужаснѣйшая, хотя въ избушкѣ и настланъ кое-какой полъ! Вся избенка—не болѣе двухъ квадратныхъ саженъ, съ ординарными рамами, на половину засыпанными опилками... Въ этомъ хлѣвѣ ютится 10 человѣкъ взрослыхъ и ребятъ. Это выходцы изъ мордовской деревни, которые сравнительно недавно пришли въ городъ, такъ какъ въ деревнѣ имъ совсѣмъ нечѣмъ кормиться. Главы семьи занимаются нищенствомъ, двое же взрослыхъ мужиковъ ходятъ на поденную работу; бабы по зимамъ ничего не дѣлаютъ. Все это населеніе ютится на печкѣ и на одной кровати, которыя въ то же время служатъ и для сидѣнія во время дня, такъ какъ иначе въ кельѣ негдѣ повернуться»... (*Самара*) [3]).

— «Наши галахи [4]) ютятся главнымъ образомъ въ области Пѣшаго базара и по берегу Волги. Всѣ ихъ обиталища устроены почти по одному образцу и разбросаны или въ большихъ каменныхъ домахъ, или маленькихъ покосившихся и какъ-то расплывшихся деревянныхъ развалинахъ. Подходишь къ одной изъ этихъ развалинъ,—и невольно удивляешься, какъ это люди не боятся жить въ такомъ домѣ. По грязной обледенѣлой лѣстницѣ спускаетесь въ какое-то подземелье, отворяете дверь, изъ которой сразу, какъ изъ бани, вылетаютъ клубы вонючаго пара, переступаете порогъ и невольно останавливаетесь, чтобы справиться съ собою и съ тѣмъ воздухомъ, которымъ вамъ приходится дышать. Отдышавшись, поднимаете голову и видите со всѣхъ сторонъ устремленные на васъ взоры. Трудно понять, что выражаютъ эти взгляды... Типичное жилище галаха представляетъ огромную комнату съ грязными сырыми, сѣрыми стѣнами, часто раздѣленную деревянными перегородками на нѣсколько каморокъ; по стѣнамъ этой комнаты сплошь придѣланы деревянныя настилки различной ширины: это койки, двойныя и одиночныя, принадлежащія или отдѣльному лицу, или цѣлой семьѣ; отдѣляются онѣ другъ отъ друга дощечками, небольше полуаршина ширины. Комната, такимъ образомъ, является общей для всѣхъ жильцовъ; на глазахъ у всѣхъ происходятъ и семейные сцены, и драки; на глазахъ у всѣхъ и мирятся разсорившіяся пары. А населеніе комнаты—самое разнообразное: здѣсь и дѣти, и старики, и подростки, и молодыя дѣвушки, и пьяныя до безобразія циничныя мегеры, мѣняющія по нѣскольку разъ въ день своихъ обожателей. Въ уголкѣ гдѣ-нибудь пріютилась семья несчастнаго пензяка пришедшаго сюда на заработки. Странно какъ-то смотрѣть на ребятишекъ, собравшихся, какъ бы въ испугѣ, въ углу. Гдѣ осталась ихъ широкая деревенская улица?» (*Саратовъ* [5])...

Но вотъ, далѣе идутъ полные отверженцы общества, принужденные подойти къ самой грани *человѣческаго* существованія...

---

[1]) *Одесскія Новости*, № 3883.

[2]) *Одесскія Новости*, № 3905.

[3]) *Самарскій Вѣстникъ*, № 12,

[4]) Мѣстное названіе самаго бѣднаго населенія.

[5]) *Сар. Листокъ*, № 28.

Послушаемъ корреспондента *Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, посѣтившаго, въ качествѣ счетчика, «ночлежниковъ» Тамбова. «Я увидѣлъ груду тѣлъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ повсюду—на нарахъ, на лежанкѣ, подъ нарами, на полу... Не было свободнаго мѣста для того, чтобы пройти по комнатѣ. Приходилось шагать черезъ тѣла и ноги не успѣвшихъ подняться ночлежниковъ. Въ одной комнатѣ, среднихъ размѣровъ, помѣщалось до полусотни человѣкъ. Не трудно себѣ представить, что за воздухъ долженъ быть въ этой комнатѣ, какъ онъ пропитанъ прѣлымъ запахомъ отъ ногъ, спиртуозными испареніями, углекислотой отъ дыханія и просто зловоніемъ. Вездѣ грязь, отрепья, полураздѣтыя тѣла; грязь на стѣнахъ, грязь на полу, на тѣлахъ, на одеждахъ... Другіе счетчики сообщали вещи, еще болѣе ужасныя. Они видѣли полунагихъ женщинъ, прикрывающихъ тѣло чуть ли только не съ пояса до пятъ, выходящихъ въ городъ поочередно, въ «сборномъ» одѣяніи... Они видѣли семнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ назадъ «пошла дорогой обычной»... Они видѣли 50-ти-лѣтнюю старуху, пораженную сифилисомъ, которая до сихъ поръ не сходитъ съ *этой дороги*, хотя отъ нея самой прямо разитъ трупнымъ запахомъ, запахомъ разложенія и гнили... Они видѣли какія-то норы вмѣсто помѣщеній»...

«Вспомните все это,—и я увѣренъ, что вы скажете: нѣтъ, такого порядка вещей терпѣть нельзя, нужно обратить на него самое серьезное вниманіе и принять противъ него самыя рѣшительныя мѣры... Что мы, образованные и счастливые люди, сдѣлали для того, чтобы поднять этотъ людъ матеріально и духовно? Вызываетъ ли онъ въ насъ чувство дѣйствительной любви къ человѣку, погребенному въ немъ подъ толстой корой грязи и засохшихъ язвъ? Не вызываетъ ли въ насъ видъ этихъ жалкихъ, погибшихъ одного отвращенія? А въ лучшемъ случаѣ—не пропускаемъ ли мы мимо ушей и глазъ то, о чемъ, кажется, скоро возопіютъ камни?»

«Если да, то на насъ, образованныхъ и счастливыхъ людяхъ, лежитъ отвѣтственность за все, что творится въ своеобразномъ «мірѣ отверженныхъ» [1]).

И *такъ* живутъ милліоны людей, — тѣ массы, которыя служатъ слѣпымъ субстратомъ культуры!..

Закончимъ нашъ обзоръ пожеланіемъ, чтобы вторая всероссійская перепись застала въ нашей странѣ больше культуры и зарегистрировала бы въ народныхъ массахъ больше свѣта, сознанія и человѣческой бодрости. А то пока передъ нами все еще—огромная твердыня «темнаго царства».

С. Г—пиъ.

---

[1]) *Тамб. Губ. Вѣд.*, №№ 16 и 22.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Изъ Чернигова. (Къ характеристикѣ экономической дѣятельности черниговскаго земства).

Перваго марта закончилось очередное черниговское губернское земское собраніе. Среди другихъ многочисленныхъ, но плохо разработанныхъ, докладовъ губернской управы, собранію былъ представленъ, между прочимъ докладъ «о содѣйствіи кустарной промышленности въ губерніи». Докладъ этотъ представляетъ собою брошюру въ 137 печатныхъ страницъ in 8° и содержитъ въ себѣ: собственно докладъ губернской управы (33 стр.), подраздѣляющійся на двѣ отдѣльныя рубрики: «По общимъ вопросамъ содѣйствія кустарной промышленности» и «по частнымъ вопросамъ содержанія мастерскихъ губернскаго земства и поддержки мѣропріятіямъ уѣздныхъ земствъ»; и—приложенія къ докладу (104 стр.): а) «Отчетъ по Кролевецкому ткацкому складу» Н. А. Голосова (завѣдующаго складомъ); б) «Докладная записка члена губ. управы о посѣщеніи Кролевецкаго склада» П. А. Буштедта; в) «Отчетъ по Алешнянской гончарной мастерской» П. М. Пашутинскаго (завѣд.) и г) «Отчетъ по Седневской кожевенной мастерской» П. Г. Сазина (завѣд.).

Въ предлагаемой замѣткѣ мы только коснемся общихъ воззрѣній представителей черниговскаго губернскаго земства—губернской управы—на «содѣйствіе кустарной промышленности въ губерніи»; въ слѣдующій же разъ мы попытаемся представить историческую сторону дѣла, т.-е. разсмотримъ, какія мѣропріятія предпринимались черниговскимъ губернскимъ земствомъ съ 1891 года (начало вступленія мѣстнаго земства на путь этихъ мѣропріятій) для «поддержанія» важнѣйшихъ кустарныхъ промысловъ въ губерніи и каковы въ настоящее время результаты этихъ мѣропріятій.

Итакъ, обратимся къ той части доклада управы, гдѣ говорится объ «общихъ вопросахъ содѣйствія кустарной промышленности».

Хотя эта часть названнаго доклада, занимаетъ, всего-на-всего, 14 печатныхъ страницъ, однако и въ этомъ небольшомъ документѣ мы находимъ любопытныя во многихъ отношеніяхъ мысли.

«Признавая,—читаемъ мы на стр. 3 доклада,—что улучшеніе техники кустарнаго производства идетъ параллельно съ улучшеніемъ техники вообще, губернская управа 1897 г. приняла за правило, приглашая агентовъ, ставить условіемъ, чтобы, насколько позволяютъ имъ ихъ прямыя занятія, они не отказывали въ своемъ совѣтѣ и руководствѣ *никакому* промышленному предпріятію въ предѣлахъ своей спеціальности.

Поэтому и въ проектѣ договора съ агентомъ кожевеннаго производства, отъ 13 ноября 1896 года, значится, между прочимъ, такой пунктъ: «кромѣ указаній, дѣлаемыхъ непосредственно въ мастерской, агентъ, въ свободное отъ занятій время, не долженъ отказывать въ своихъ указаніяхъ какъ лицамъ, обращающимся къ его помощи въ предѣлахъ мѣста его постояннаго жительства,

такъ и тѣмъ лицамъ *изъ среды заводчиковъ и кустарей*, которыя будутъ указаны ему уѣздными земскими управами во время его разъѣздовъ по уѣздамъ, и вообще обязанъ стараться поднять кожевенное производство въ Черниговской губерніи во всѣхъ его видахъ» [1]).

Итакъ, съ этихъ поръ *всякое* промышленное предпріятіе будетъ «поддерживаться» черниговскимъ губернскимъ земствомъ въ лицѣ своего исполнительнаго органа—губернской управы. Это, уже *открытое* содѣйствіе современному капиталистическому производству... Мы говоримъ «открытое» потому, что *всякія* экономическія мѣропріятія, рекомендуемыя и защищаемыя нашими народниками, хотя и затѣваются онѣ съ цѣлью поддержать «наиболѣе обездоленныхъ» [2]) и «вырвать» ихъ изъ-подъ власти капитала [3]), т.-е. съ конечною задачею поразить современный капитализмъ и на развалинахъ его водворить, по выраженію народниковъ, «народное производство» [4]), тѣмъ не менѣе, въ сущности, эти мѣропріятія,—какъ о томъ уже достаточно говорилось въ нашей литературѣ,—въ концѣ концовъ, являются прямой поддержкой нашему современному товарно-капиталистическому хозяйству. Иначе говоря, въ народническомъ «содѣйствія кустарной промышленности» въ *скрытомъ*, замаскированномъ, видѣ заключается буквально такого-же свойства зерно, какое въ *явномъ*, незамаскированномъ видѣ имѣется во всякомъ другомъ экономическомъ «содѣйствіи» современнымъ предпріятіямъ. Такимъ образомъ, разбираемый докладъ достаточно откровенно порываетъ съ народническими мечтаніями о «самобытности», объ «устояхъ», о «мертворожденности русскаго капитализма», о «борьбѣ» (конечно, мнимой) съ этимъ капитализмомъ и т. п. и открыто заявляетъ, что органъ черниговскаго губернскаго земства не будетъ «*отказывать въ своемъ совѣтѣ никакому промышленному предпріятію*».

Итакъ, à bas разныя народническія перспективы! Черниговское земство публично отказывается отъ иллюзій гг. народниковъ... Sic transit gloria mundi! Царство народниковъ начинаетъ проходить: земство—этотъ оплотъ и надежда народничества—начинаетъ «отрезвляться», оно начинаетъ выдвигать изъ своей среды исполнительные органы, которымъ уже тѣсенъ становится народническій плащъ. Земцы-народники, *воображая*, что они борются *противъ* капитализма, *въ сущности* тоже содѣйствуютъ капитализму; неоземцы же ничего такого не воображаютъ, но также играютъ ту же партію, откровенно при этомъ заявляя, что они будутъ «поддерживать» *всякія* промышленныя производства, «во всѣхъ ихъ видахъ». Въ *этомъ* вся разница. Такую эволюцію со временемъ совершатъ всѣ наши земства... А чѣмъ больше будетъ примѣровъ, подобнымъ черниговскому, тѣмъ скорѣе извѣстная часть нашей интеллигенціи пой-

[1]) Вездѣ курсивъ нашъ.

[2]) См. Отчетъ Пермскаго кустарнаго банка за 1894 г.

[3]) См. статью г. Озерова о томъ же банкѣ въ «Русской Мысли» за 1895 годъ №№ 11 и 12.

[4]) Объ этомъ между прочимъ см. статью Оболенскаго «Р. М.» 1895 г. № 8 и 9 «Новый расколъ въ нашей интеллигенціи», гдѣ особенно рельефно изображены народническія мечтанія о томъ, какъ артели со временемъ покроютъ всю Россію и какъ въ концѣ концовъ онѣ побѣдятъ капитализмъ.

метъ тенденцію современной русской общественно-экономической жизни, тѣмъ скорѣе примкнетъ она къ направленію, опирающемуся на признаніе этого неотразимаго историческаго процесса. Достаточно было путаницы, путаницы вредной для малосвѣдущихъ въ экономическихъ вопросахъ лицъ, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, такъ еще много. Теперь уши и глаза легко могутъ услышать и увидѣть дѣйствительное положеніе вещей и, сообразно этому, установить для себя правильный взглядъ на *экономическую* дѣятельность земства, въ настоящее время почему-то представляемую въ какихъ-то несоотвѣтствующихъ ея значенію очертаніяхъ. Мы глубоко убѣждены, что туманъ, напускаемый гг. народниками, туманъ, уже какъ бы начавшій понемногу блѣднѣть, со временемъ—и время это не такъ ужъ далеко—совершенно исчезнетъ.

Для того, чтобы еще больше убѣдиться, что разбираемый докладъ черниговской губернской земской управы имѣетъ явно буржуазный характеръ, мы укажемъ на нѣкоторыя другія мѣста того же доклада.

Отстаивая свою мысль о «содѣйствіи кустарной промышленности» путемъ устройства учебныхъ мастерскихъ «по типу небольшихъ заводовъ», управа, между прочимъ, замѣчаетъ:

«Могутъ возразить, что мастера-кустари побывавшіе на заводѣ, уже не захотятъ возвратиться къ своему кустарному производству, а будутъ искать дѣятельности на заводѣ. Но если имѣется много фактовъ въ доказательство этого положенія, то имѣется, по крайней мѣрѣ, столько же обратнаго характера. Самостоятельность всегда дорога человѣку, и предпринимательскій барышъ всегда будетъ привлекать людей къ открытію самостоятельныхъ производствъ. Отсюда надо полагать, что извѣстный контингентъ лицъ, изучившихъ какое либо производство на фабрикѣ, заводѣ, въ политехникумѣ, потомъ постарается вести его самостоятельно; но и относительно тѣхъ, которые не пожелали бы заводить собственное производство, а предпочли бы устроиться на фабрикѣ, земство тоже не будетъ виновато, потому что, изучивъ съ помощью земства дѣло, они, вѣроятно, будутъ имѣть возможность получить нѣсколько болѣе, чѣмъ до того, и, слѣдовательно, этимъ путемъ внести улучшенія въ свой бытъ» (стр. 4—5).

О «борьбѣ» съ капитализмомъ, о созданіи «народнаго производства» и, вообще, о всякихъ другихъ заповѣдяхъ гг. народниковъ тутъ нѣтъ уже и помина. Если же на стр. 9 и упоминается о возможности борьбы «кустарной промышленности» съ фабричными предпріятіями, то при этомъ вовсе не имѣется въ виду пораженіе капитализма «народнымъ производствомъ», какъ о томъ мечтаютъ гг. народники,—«къ слову сказать, понимая «народное производство» совершенно «самобытно»,—а просто ставится открыто (у народниковъ—скрытно) буржуазная задача—создать экономически-крѣпкія группы мелкихъ промышленниковъ-кустарей.

О разбираемомъ докладѣ черниговской губернской земской управы не можетъ быть двухъ мнѣній: точка зрѣнія высказывается тутъ прямо, «безъ экивокъ». «Не подлежитъ сомнѣнію,—читаемъ мы на стр. 9,—что сами кустари-производители, *если* только они будутъ имѣть возможность выждать цѣнъ и, гдѣ надо, показать свои издѣлія,—сбудутъ ихъ гораздо лучше». Какой спокойный тонъ! Обратите вни-

маніе на это характерное «*если*»: «если—дескать—будутъ имѣть возможность»...—хорошо, не будутъ—что же подѣлаешь... «Какъ идеалъ общественнаго устройства заключается въ томъ, чтобы дать людямъ возможность и охоту самимъ устроиться, такъ, въ частности, наилучшій способъ устройства кустарныхъ промысловъ въ отношеніи сбыта заключается въ томъ, чтобы дать кустарямъ возможность *самимъ* скорѣе ориентироваться на рынкѣ и взять все свое дѣло въ свои руки» (стр. 9—10). Итакъ пусть кустари «*сами*» «въ свои руки» берутъ дѣло сбыта своихъ произведеній, ибо «одинъ изъ основныхъ взглядовъ» губ. управы «ставить дѣло такъ, чтобы кустари вели свои дѣла самостоятельно», чтобы они «сами вырабатывали формы для самостоятельнаго сбыта своихъ произведеній» [1]).

Весьма трезво управа замѣчаетъ, что обязать обучавшагося улучшеннымъ техническимъ пріемамъ кустаря работать не иначе, какъ кустарнымъ способомъ, т.-е. улучшать технику кустарныхъ производствъ на счетъ свободы личности нельзя.

Справедливо также слѣдующее соображеніе: «...улучшеніе техники у кустаря... само по себѣ... еще ничего не значитъ. Въ промышленныхъ странахъ мы ежедневно и повсемѣстно видимъ, что техническія производства, поставленныя очень высоко, съ мастерами, отлично знающими свое дѣло,—все-таки держатъ массу населенія въ крайней экономической зависимости. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, улучшеніе техники должно признать орудіемъ обоюдоострымъ». А черезъ двѣ строки—такое замѣчаніе: «...не всегда можно провести границу между производствомъ кустарнымъ и крупнымъ». Статистическія и др. изслѣдованія прекрасно говорятъ, что самостоятельный кустарь—одна только фикція. И вотъ, въ виду того, что эта фикція еще держится, вышеприведенное замѣчаніе, исходящее притомъ отъ выборнаго органа земства, этого центра надеждъ и упованій нашихъ народниковъ, заслуживаетъ извѣстнаго вниманія.

Но пойдемъ далѣе. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Чернигова, въ м. Седневѣ была устроена временная кожевенная учебная мастерская. «Насколько извѣстно управѣ,—читаемъ мы на стр. 2 доклада,—эта мастерская «весьма мало отразилась на бытѣ и техникѣ седневскихъ кожевниковъ. Конечно, если бы земская мастерская оставалась въ Седневѣ годъ-два-три, то, вѣроятно, они, въ концѣ концовъ, воспользовались бы указаніями мастера, но *едва ли было бы*

[1]) Все, что земство можетъ сдѣлать въ видахъ наилучшаго *сбыта* кустарныхъ издѣлій,—говоритъ управа,—заключается, по мнѣнію губернской управы, въ слѣдующемъ: 1) Публиковать въ «Земскомъ Сборникѣ» и въ тѣхъ изданіяхъ, которыя пожелали бы мѣняться объявленіями, свѣдѣнія объ издѣліяхъ черниговскихъ кустарей, и разсылать прейсъ-куранты по издѣліямъ тѣхъ кустарей, которые назначатъ опредѣленныя цѣны. 2) Разсылать образчики издѣлій болѣе извѣстнымъ фирмамъ. 3) Принимать образцы издѣлій для выставки въ спеціальномъ помѣщеніи или въ учебныхъ земскихъ мастерскихъ. 4) Принимать пересылку издѣлій на выставки. 5) Принимать мѣры къ изученію рынковъ. 6) Входить въ соглашеніе съ городскими управленіями о предоставленіи кустарямъ безплатныхъ помѣщеній для базарной и ярмарочной торговли. 7) Выдавать ссуды подъ издѣлія кустарей въ ихъ собственныхъ лавкахъ (складахъ)» (стр. 10).

справедливо покровительствовать седневскимъ кустарямъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ кожевникамъ губерніи» (курсивъ нашъ).

Итакъ, по мнѣнію представителей черниговскаго губернскаго земства, «покровительствовать» однимъ кустарямъ будетъ несправедливо по отношенію ко «всѣмъ остальнымъ». «Еще въ большей степени это можно сказать, — продолжаетъ управа, — по поводу агенства (губ. земства) по ткачеству въ Кролевцѣ (раньше рѣчь шла о кожевенной мастерской въ м. Седневѣ). Земство ведетъ это дѣло уже $1^1/_2$ года. Во главѣ его стоитъ мѣстная управа, кустарный комитетъ и агентъ Голосовъ, весьма опытный какъ въ техникѣ, такъ и въ коммерческой части своего дѣла. Тѣмъ не менѣе, оказывается, что именно кролевецкіе ткачи въ массѣ по собственному почину ничего не переняли изъ улучшеній техники и, какъ весьма осязательно доказываетъ г. Голосовъ въ отчетѣ своемъ за 1896 годъ, единственное средство заохотить къ техническимъ улучшеніямъ заключается въ томъ, чтобы просто заказывать имъ ткани улучшеннаго образца на счетъ земства, уплачивать имъ за нихъ все, что можетъ быть уплачено за товаръ, поступающій «въ лавку», съ полной оплатой стоимости, и обезпечивать имъ работу на всю зиму, т.-е. *дѣлать то, что дѣлаютъ всѣ скупщики и капиталисты, какъ Рындинъ* [1]) *и другіе* [2]),—иначе сами кролевецкіе кустари не введутъ у себя техническихъ улучшеній (стр. 2).

Любопытное и очень характерное признаніе со стороны представителей земства: по откровенному заявленію управы, черниговскому земству въ самомъ обширномъ «кустарномъ» районѣ губерніи приходится «дѣлать то, что дѣлаютъ всѣ скупщики-капиталисты». Гг. народники навѣрное не поблагодарятъ черниговскихъ земцевъ, за такія трезвыя и откровенныя рѣчи.

Еще одно замѣчаніе и мы покончимъ съ пересмотромъ взглядовъ губ. управы.

Мы уже видѣли, что управа не считаетъ возможнымъ для земства брать въ свои руки дѣло организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій. Любопытенъ мотивъ этого взгляда:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что земство будетъ торговать очень плохо (раньше говорилось о сбытѣ кустарныхъ издѣлій путемъ музеевъ). Въ то же время было бы *фантазіей* (курсивъ нашъ) думать, что въ видахъ улучшенія сбыта кустарныхъ издѣлій оно сможетъ съ пользою для дѣла взять въ свои руки все кустарное производство: повезетъ на рынки кролевецкія ткацкія издѣлія, шиловичскія колеса, гончарныя издѣлія изъ различныхъ мѣстъ губерніи, остерскія рыболовныя сѣти, новозыбковскіе экипажи, коропскіе сапоги и т. д. Во всякомъ случаѣ, если бы даже земство и захотѣло это сдѣлать, оно могло бы захватить очень незначительную часть всѣхъ издѣлій, что доказывается тѣмъ, что даже музей московскаго земства далеко не исчерпываетъ всего кустарнаго производства губерніи» (стр. 9). Съ приведеннымъ взглядомъ относительно «урегулированія» сбыта кустарныхъ издѣлій «въ видахъ улучшенія быта», быта «кустарей»,

---

[1]) Мѣстный капиталистъ и скупщикъ ткацкихъ издѣлій. Обороты его очень велики. Между прочимъ скупленныя имъ издѣлія онъ однажды выставлялъ въ Парижѣ и получилъ даже награду (медаль).

[2]) Курсивъ нашъ.

нельзя не согласиться: извѣстно, что одинъ изъ самыхъ трудныхъ «камней преткновенія» для современнаго производства это—трудность отыскивать рынки сбыта. Изъ-за нихъ современныя государства «куютъ мечи» и «точатъ булатъ». Какими же смѣлыми послѣ этого кажутся разныя «средствьица» нашихъ народниковъ, мечтающихъ исправить «маленькіе недостатки механизма», хотя бы, напр., въ области «регулированія» сбыта кустарныхъ издѣлій!!. Если, въ отвѣтъ на это, намъ скажутъ, что въ данномъ случаѣ имѣются въ виду лишь внутренніе рынки, то отъ такого упрощенія вопроса дѣло не мѣняется: современное товарное хозяйство дѣлаетъ такіе быстрые шаги, что отъ его воздѣйствія и вліянія не скроются даже самые медвѣжьи углы нашего отечества. Въ этомъ отношеніи признаніе черниговской управой безсилія земства передъ вопросомъ о «регулированіи» сбыта «кустарныхъ» издѣлій, будучи сопоставлено съ народническими широковѣщаніями по тому же вопросу, является весьма любопытнымъ фактомъ.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ читатели, пожалуй, выведутъ заключеніе, что черниговскіе неоземцы (будемъ такъ ихъ именовать) вполнѣ отрясли народническій прахъ отъ ногъ своихъ. Спѣшимъ заявить, что это предположеніе не совсѣмъ будетъ вѣрно, хотя, дѣйствительно, значительная эволюція, какъ показано было выше, и замѣчается. Мы сейчасъ убѣдимся, что народническій сумбуръ и у неоземцовъ еще, въ извѣстной степени, чувствуется, вслѣдствіе чего получается странная амальгама.

Управа, напр., признаетъ необходимость устройства кооперацій или артелей, которыя бы соединяли мелкія производства въ одно крупное, сокращая издержки и предоставляя участникамъ всѣ выгоды крупнаго производства». Необходимость эта основывается на томъ обстоятельствѣ, что для введенія «серьезныхъ экономическихъ улучшеній въ бытъ кустаря желательно (знакомый народническій терминъ!) предоставить ему возможно большее участіе въ прибыляхъ производства». Достичь же это «возможно только, болѣе или менѣе приблизивъ кустарное производство къ организаціи заводскаго» [1]). Итакъ, образованіе артелей, какъ «серьезная» мѣра, признается необходимымъ и неоземцами, т.-е., иначе говоря, выдвигается старый народническій козырь, но... слово «заводъ» неминуемо должно смутить сердце «друзей народа»... *Съ одной* стороны—артель, т.-е. что-то «милое... родное»... *съ другой*—этотъ противный «заводъ»... Вотъ вамъ, читатель, одна отъ вышеупомянутыхъ амальгамъ.

«Но,—продолжаютъ неоземцы,—насколько отъ земства зависитъ устроить учебную мастерскую и съ помощью ея провести извѣстныя техническія улучшенія въ среду того или иного кустарнаго производства, настолько же устройство кооперацій и артелей требуетъ времени и такого счастливаго совпаденія индивидуальныхъ качествъ и подготовки въ самомъ бытѣ кустаря, что, при самомъ благосклонномъ участіи земства, артели и кооперація далеко не всегда могутъ явиться по одному только его желанію. Надо сдѣлать все, чтобы вызвать

---

[1]) Стр. 7.

образованіе артелей и кооперацій, но, къ сожалѣнію, слѣдуетъ признаться, что самыя артели и кооперацін не зависятъ отъ желанія ихъ образовать и даже не зависятъ отъ тѣхъ капиталовъ, которые могли бы быть затрачены на ихъ образованіе» (стр. 7—8). Въ виду этого, управа предоставляетъ «устройство артелей *естественному ходу* (курсивъ нашъ) народной жизни». Однако, надежда еще не совсѣмъ потеряна, народническія «мечтанія» еще пока не вывѣтрились, есть еще «одинъ путь, который, по мнѣнію управы, можетъ повести къ образованію артелей. Если трудно найти десятки лицъ, вполнѣ подготовленныхъ (старые знакомые!) для составленія артели, то «въ каждомъ» поселеніи можно найти 2—3 хозяевъ (какъ это слово даже по звукамъ напоминаетъ «хозяйственныхъ мужичковъ»... Докладъ, впрочемъ, и не имѣетъ въ виду ничего другого), которые могли бы начать вести дѣло за общій счетъ по взаимному поручительству (опять старый пріятель!) за взятую ссуду, если бы таковая понадобилась. Благонадежность (этотъ терминъ читатель можетъ встрѣтить въ лексиконѣ такого архи-народническаго учрежденія, какъ пермскій кустарный банкъ) этихъ лицъ можетъ быть гарантирована мѣстною управой, кустарнымъ комитетомъ, гдѣ онъ есть, или просто лицами, извѣстными губернской управѣ и лично знающими просителей. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ все будетъ основано на личномъ довѣріи, то необходимо, чтобы лица, гарантирующія этотъ кредитъ, принимали во вниманіе, главнымъ образомъ, нравственныя гарантіи, представляемыя просителями. Въ такихъ случаяхъ управа полагала бы возможнымъ выдавать этимъ хозяевамъ матерьялы для производства, орудія и оплачивать расходы по устройству улучшенныхъ общихъ мастерскихъ или отдѣльныхъ приспособленій. Управа надѣется, что, привыкнувъ въ маломъ видѣ дѣйствовать сообща, кустари-односельцы мало-по-малу пришли бы къ убѣжденію въ необходимости организоваться въ болѣе сложныя артели или товарищества и расширили бы размѣры своего производства до размѣровъ, которые могли бы конкурировать съ фабричными».

Однако, посмотримъ, что же мы имѣемъ: съ *одной* стороны—артели необходимы, съ *другой*—устройство ихъ предоставляется «естественному ходу народной жизни»; съ *одной* стороны—«артели и кооперацін не могутъ явиться по одному только желанію», съ *другой* — указывается «одинъ путь» къ ихъ образованію, лишь бы были на лицо—«взаимное ручательство», «благонадежность», «нравственныя гарантіи»; съ *одной* стороны—заявляется (см. выше), что «не всегда можно провести границу между производствомъ кустарнымъ и фабричнымъ», съ другой—высказывается надежда на возможность конкуренціи «кустарныхъ артелей» съ фабричными предпріятіями... И такихъ противорѣчій и несообразностей въ разбираемомъ документѣ наберется достаточное количество.

Свои заключенія «по общимъ вопросамъ о содѣйствіи кустарной промышленности» управа изложила въ 18 пунктахъ, изъ которыхъ только одинъ четвертый пунктъ [1]), правда, съ народнической точки зрѣнія, самый интересный,

---

[1]) Другія измѣненія для насъ не имѣютъ никакой существенной важности.

подвергся со стороны губернскаго земскаго собранія нѣкоторому (съ нашей точки зрѣнія) измѣненію: докладъ предлагалъ устраивать учебныя мастерскія «по типу небольшихъ заводовъ», губернское же земское собраніе выразилось по этому поводу не совсѣмъ опредѣленно: оно *не согласилось съ мнѣніемъ управы, чтобы эти мастерскія устраивались по типу небольшихъ* заводовъ и... только: больше никакихъ подробностей, никакихъ указаній не было сдѣлано. Между прочимъ, при обсужденіи въ земскомъ собраніи доклада «о содѣйствіи кустарной промышленности въ губерніи», послѣдній, не въ примѣръ прочимъ докладамъ, былъ встрѣченъ довольно добродушно, не вызвавъ особенныхъ принципіальныхъ прекаканій; а между тѣмъ, народникъ-земецъ многое могъ бы возразить: достаточно вспомнить положеніе доклада: не отказывать въ руководствѣ *никакому* промышленному предпріятію,.. И все-таки по этому пункту не раздалось ни одного сколько-нибудь убѣжденнаго народническаго голоса... Такимъ образомъ, не смотря на указанное измѣненіе въ четвертомъ пунктѣ, собраніе въ сущности дало управѣ по вопросу «о содѣйствіи кустарной промышленности» своего рода carte blanche. Хотя въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій губернскаго собранія и было постановлено, чтобы губернская управа въ точности выполняла постановленіе собранія, но, тѣмъ не менѣе, во-1-хъ, въ виду того, что въ собраніи вопросъ о «кустарной политикѣ» не былъ принципіально поставленъ, и, во-2-хъ,—въ виду невозможности для земцевъ слѣдить за каждымъ шагомъ управы (да и гдѣ такое рвеніе у нашихъ земцевъ?!), послѣдняя прекрасно будетъ вести *свою* «экономическую линію»: закончившійся годъ дѣятельности теперешней управы показалъ даже, что она не выполнила нѣкоторыхъ очень важныхъ постановленій (напр., по народному образованію, о чемъ и было заявлено въ собраніи, и т. п.) предыдущаго губернскаго собранія.

Затѣмъ, для того, чтобы иллюстрировать въ другихъ отношеніяхъ экономическую попытку черниговскаго губернскаго земства, заглянемъ въ докладъ управы «о содѣйствіи черниговскаго губернскаго земства открытію уѣздными земствами низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ». Въ ряду соображеній, приводимыхъ управою для доказательства необходимости открытія сельско-хозяйственныхъ школъ съ цѣлью поднятія экономическаго благосостоянія-мѣстнаго населенія (это—гвоздь доклада), между прочимъ, встрѣчается слѣдующій любопытный пунктъ: «...Простого рабочаго у насъ еще можно найти, но какъ только требуется нѣчто болѣе обыкновеннаго механическаго труда, гдѣ требуется счесть, записать, распланировать, дать отчетъ въ сдѣланныхъ расходахъ, поручить самостоятельное наблюденіе за работами и т. п., тамъ у насъ еще трудно пріискать способныхъ людей: каждый землевладѣлецъ на практикѣ знакомъ съ недостаткомъ лицъ, способныхъ занимать не только высшія административныя должности по хозяйству, но и низшія—приказчиковъ, надсмотрщиковъ и т. п. Это, въ свою очередь, вызываетъ вопросъ о примѣненіи сельско-хозяйственнаго образованія къ массѣ населенія» (стр. 2). Двухъ толкованій этого мѣста быть не можетъ: тутъ прямо ставится вопросъ—какова цѣль низшей сельско-хозяйственной школы: она должна приготовлять землевладѣльцамъ приказчиковъ, надсмотрщиковъ и т. п.! Въ губернскомъ собраніи, при обсужденіи этого доклада, не на-

шлось ни одного, буквально ни одного «земца», который возразилъ бы на это хоть единое слово, произнесъ хотя бы одинъ звукъ... ну, хотя бы, напр., на тему объ интересахъ крестьянства!.. «Дебаты» были, правда, «большіе» — спорили много о томъ, понимаетъ ли нашъ крестьянинъ пользу сельско-хозяйственныхъ школъ, или—нѣтъ: одни доказывали, что о полезности такихъ школъ не можетъ быть и спору, другіе утверждали, что крестьянинъ, по своему невѣжеству, относится къ этимъ школамъ очень и очень скептически. Спорили, наконецъ, о пригодности той или другой системы низшаго сельско-хозяйственнаго образованія, спорили и еще о многомъ другомъ, но отмѣченный нами пунктъ доклада «о приказчикахъ и надсмотрщикахъ» оставался свободенъ отъ нападокъ: очевидно, черниговскіе земцы не видѣли въ немъ ничего противнаго ихъ взглядамъ. Напротивъ, всѣ гласные согласились съ «основною мыслью» доклада управы и признали въ принципѣ полезность и необходимость открытія низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ для поднятія благосостоянія «народа». Хотя одинъ изъ членовъ управы и представилъ по этому докладу свое «особое мнѣніе» но онъ также не затрогиваетъ существенной стороны вопроса — классовую тенденцію разбираемаго доклада. На стр. 2 своего «особаго мнѣнія» членъ управы спрашиваетъ: что ожидаетъ учениковъ по выходѣ изъ сельско-хозяйственной школы?—и отвѣчаетъ: «Дома у себя они хозяйничать не могутъ, принять этихъ 13—15-лѣтнихъ «агрономовъ» въ качествѣ приказчиковъ, надсмотрщиковъ и образованныхъ рабочихъ—*едва ли кто рѣшится* (курсивъ нашъ); наконецъ, продолжать полученное ими спеціальное образованіе у нихъ не хватаетъ ни средствъ, ни возможности... Положеніе поистинѣ критическое, созданное помимо ихъ воли, лишь по теоретическимъ измышленіямъ лицъ, привыкшихъ наблюдать жизнь черезъ разстояніе, изъ окна своего кабинета». Что хотѣлъ сказать авторъ этимъ замѣчаніемъ?

Такое же единодушіе по существу мы видимъ въ земскомъ собраніи между всѣми «фракціями» гласныхъ и по другимъ докладамъ экономическаго содержанія. Изъ нихъ мы остановимся еще на одномъ.

Между прочимъ, собранію былъ представленъ докладъ «о женской практической школѣ сельскаго хозяйства и домоводства». Задачи школы,—какъ правильно выразился тотъ же членъ управы, представившій и по этому докладу свое «особое мнѣніе»,—выпускать въ свѣтъ экономокъ или ключницъ. Предвидя, вѣроятно, такое возраженіе, управа постаралась заранѣе его отпарировать.

«Могутъ возразить,—заявляетъ управа,—что въ этой земской школѣ сельскаго хозяйства и домоводства будутъ готовить экономокъ для помѣщичьяго хозяйства и что собственно народное хозяйство и, въ частности, крестьянское отъ этой школы выиграетъ очень мало, потому что, даже сдѣлавшись женой крестьянина, бывшей воспитанницѣ такой школы не надъ чѣмъ будетъ примѣнить свои профессіональныя знанія.

«*Но возраженія этого рода можно сдѣлать рѣшительно противъ всякаго спеціальнаго знанія и профессіональнаго курса* (курсивъ нашъ). Даже отдавши бывшую воспитанницу къ модисткѣ, можно возразить, что на земскій

счетъ *состоятельному* классу готовятъ модистокъ, потому что крестьянки модныхъ шляпъ и платьевъ не носятъ. Даже приготовляя гувернантку, которая со временемъ, можетъ быть, дастъ воспитаніе великому общественному дѣятелю или знаменитому ученому,—тоже можно возразить, что—не дѣло земства выпускать изъ сиротскаго дома будущихъ гувернантокъ.

«*Вообще, надо, въ большинствѣ случаевъ, оставить въ сторонѣ вопросъ, куда будутъ приложены пріобрѣтенныя знанія* (курсивъ нашъ), и слѣдуетъ заботиться только о томъ, чтобы эти знанія были, по возможности, обширнѣй и практически-приложимѣй. Воспитанница, окончившая женскую школу сельскаго хозяйства и домоводства, можетъ выйти замужъ за арендатора нѣсколькихъ десятковъ десятинъ земли и имѣть, такимъ образомъ, полную возможность приложить свои свѣдѣнія по хозяйству. Наконецъ, она можетъ иногда направить въ болѣе выгодную сторону даже крестьянское хозяйство обыкновеннаго размѣра, напр., сознательно усиливъ птицеводство, садъ, парники, пасѣку и др. отрасли домашняго хозяйства. Во всякомъ случаѣ, высшій уровень знанія, да еще профессіональный, нигдѣ повредить не можетъ; въ общей же массѣ онъ можетъ повести только къ поднятію уровня бытовой жизни» (стр. 4—5) [1]).

Здѣсь земская управа защищаетъ довольно вѣрную (хотя и достаточно элементарную) мысль, но чрезвычайно неудачно, неумѣло, прямо топорно. Ибо такъ. какъ защищается она тутъ. можно, пожалуй, отстаивать устройство акробатской школы для крестьянскихъ дѣтей. Безспорно, что при современномъ хозяйственномъ строѣ всякое профессіональное и даже общее образованіе можетъ быть истолковано—и совершенно правильно—какъ мѣропріятіе въ интересахъ имущихъ. И въ то же время образованіе и его распространеніе есть важнѣйшій интересъ неимущихъ и эксплуатируемыхъ. И, конечно, этимъ послѣднимъ гораздо нужнѣе общее образованіе. Губернская управа была поэтому неправа, когда предлагала «оставить вообще въ сторонѣ вопросъ, куда будутъ примѣнены пріобрѣтенныя знанія», ибо, не смотря на общую тенденцію экономическаго развитія, для трудящагося населенія вовсе не безразлично, чему учиться. И тратить деньги, собираемыя со всего населенія, на устройство училищъ для экономокъ это значитъ для земства быть болѣе буржуазнымъ, чѣмъ это требуется положеніемъ и ролью земства, какъ представительства имущихъ классовъ.

Если такимъ образомъ кустарная политика черниговскаго земства знаменуетъ собой полное отрѣшеніе отъ иллюзій народничества, то нѣкоторыя мѣропріятія его въ области народно-образовательной политики носятъ на себѣ печать, отъ которой могла бы быть свободна дѣятельность современнаго земства. Ему не дано совершить ничего сверхъестественнаго, но оно можетъ и должно держаться почвы тѣхъ неотложныхъ общекультурныхъ задачъ, которыя ставятся одинаково интересами всѣхъ классовъ населенія—поскольку это вообще возможно для столь несовершеннаго представительства, какимъ является наше земство.

Петръ Череванинъ.

---

[1]) Губ. собраніе согласилось съ основною мыслью доклада управы и только поручило послѣдней болѣе обстоятельно разработать практическую сторону вопроса, пріурочивъ школу къ женскому отдѣленію земскаго сиротскаго дома.

Изъ Ряжска, Рязанской губерніи. (На земскомъ собраніи).

7-го октября было назначено у насъ очередное земское собраніе XXXII созыва.

Рано въ этотъ день поднялись мы съ однимъ гласнымъ-крестьяниномъ, который пріѣхалъ ко мнѣ еще наканунѣ вечеромъ, и отправились въ городъ. Надо было проѣхать по гадкой, избитой дорогѣ пятнадцать верстъ. Было сѣрое, вѣтренное утро. Ежась отъ холода, толкая и прижимаясь другъ къ другу, мы старались дремать, но сдѣлать это было не такъ-то легко, какъ казалось. То неожиданный толчокъ на ухабѣ заставлялъ вздрогнуть и очнуться, то визгливый лай кубаремъ подкатившейся подъ лошадей собаки, которую хитрая пристяжная все собирается подобрать подъ себя, привлекалъ вниманіе, наконецъ, вытянувшіяся въ двѣ параллельныя линіи избы большого села, которое намъ пришлось проѣзжать, будили въ душѣ уснувшія воспоминанія, а самый видъ этихъ избъ, жалкій и однородный, наводилъ на различныя отвлеченныя размышленія. Черные, полураскрытые, съ разбитыми стеклами, бѣгутъ мимо насъ эти умирающіе свидѣтели пережитаго и переживаемаго, остаются назади, и только-что хочешь свободнѣе вздохнуть при видѣ двухъэтажнаго каменнаго дома «приспособившагося» мужичка, какъ его уже нѣтъ, а на мѣсто его опять потянулся длинный рядъ заколоченныхъ, покривившихся, нежилыхъ избъ—это уже совсѣмъ раскрытыя. Гдѣ же ихъ хозяева? Что заставило ихъ покинуть родное село и уйти въ какія-то другія мѣста, гдѣ, должно быть, имъ легче и свободнѣе жить? Вернутся ли они когда-нибудь сюда?

Яснымъ отвѣтомъ были эти непригодныя для человѣческаго жилья избы.

Спутникъ мой все безпокоился, боялся опоздать. «Приказано въ десять часовъ, а надо еще чайку попить,» говорилъ онъ. Его безпокойство передавалось и мнѣ. Мнѣ тоже не хотѣлось опоздать, такъ какъ еще за нѣсколько дней я слышалъ, что нынѣшнее собраніе, не въ примѣръ прошлымъ, обѣщаетъ быть интереснымъ. «Да и какъ же не быть ему интереснымъ,—говорили мнѣ,—вѣдь это первое собраніе при новой управѣ, вы извольте себѣ представить, сколько лѣтъ не было у насъ дезинфекціи.»

Теперь, на свободѣ, отъ нечего дѣлать, подъ монотонно-унылое громыханіе нашей развинтившейся таратайки, я пытался было представить себѣ начало царствованія прежней управы, но для меня это оказалось совершенно невозможнымъ, такъ какъ мои самыя раннія, дѣтскія воспоминанія застаютъ эту управу уже у кормила. Но я довольно рельефно представилъ себѣ прежняго предсѣдателя, теперь уже сошедшаго въ могилу, представилъ его сподвижниковъ—и мнѣ вдругъ стало грустно. Какъ мило и вмѣстѣ съ тѣмъ мирно управлялъ «старикъ» земствомъ. Какая у него была выработана гармонія въ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, хорошо помню, какъ подалъ онъ мнѣ, робкому сельскому учителю, одинъ палецъ, что подало тогда мнѣ поводъ возгордиться, ибо при мнѣ же пришелъ другой сельскій учитель, и старикъ не подалъ ему ни одного пальца. И такая тактика всегда! Бывало, и придти-то въ управу было пріятно: нѣтъ самого, такъ сидитъ на его мѣстѣ такой же убѣленный сѣдинами старецъ. «Что вамъ, ма-

тушка?» говоритъ (женщинамъ онъ говорилъ «батюшка») ласково такъ да привѣтливо, просто не нарадуешься!

Когда же я параллельно сталъ представлять себѣ теперешнюю, новую управу, то мнѣ сдѣлалось еще грустнѣе, а сердце мое такъ болѣзненно сжалось, что я, къ немалому удивленію моего дремавшаго сосѣда, воскликнулъ:

— Куда же дѣвалось земское спокойствіе? Откуда взялась у насъ эта политика, математика, счеты да расчеты?

«Бѣдныя обывательскія денежки», подумалъ я. Прежде никакихъ это проектовъ не сочиняли, получали себѣ жалованье безъ всякихъ математическихъ вычисленій, и была у насъ тишь да гладь, да Божья благодать!

Вмѣстѣ съ старикомъ умерло и земское спокойствіе.

Съ грохотомъ въѣхали мы по пыльной, выбитой мостовой въ городъ и прямо къ зданію управы. На крыльцѣ, въ суконныхъ поддевкахъ, сидѣло нѣсколько крестьянъ. Если бы даже и не сказалъ мнѣ мой спутникъ, то по ихъ празднично-сосредоточенному виду я бы догадался, что это—гласные-крестьяне. Поздоровались.

— Ну, какъ скоро?

— Да еще никого нѣтъ.

— Какъ никого нѣтъ! А вы-то?

— Да, мы-то что, мы-то давно здѣсь сидимъ; господъ нѣтъ.

Я поглядѣлъ на часы—было десять. Вошли въ присутствіе. Привычный къ земскимъ порядкамъ служитель успокоилъ насъ и совѣтовалъ пойти въ трактиръ «попить чайку».

— Успѣете еще, надоѣсть вѣдь сидѣть-то. Раньше какъ въ первомъ не начнутъ.

Пошли компаніей въ трактиръ. Пока продолжалось обстоятельное чаепитіе, мнѣ все хотѣлось узнать отъ гласныхъ, какіе изъ вопросовъ, намѣченныхъ къ обсужденію на собраніи, больше всего ихъ интересуютъ, о чемъ они думаютъ говорить и т. п. Но, къ досадѣ моей, гласные разговаривали больше о своихъ хозяйственыхъ дѣлахъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, на мясо, да единодушно высказывали пожеланіе поскорѣе «отбыть» собраніе и вырваться изъ города домой.

Тогда я сталъ излагать имъ одно интересовавшее меня дѣло, которое сегодня, такъ или иначе, должно было разрѣшиться. Не будучи увѣренъ, что на собраніи вопросъ объ этомъ дѣлѣ возбудитъ сама управа, мнѣ хотѣлось склонить на это кого-либо изъ моихъ собесѣдниковъ, гласныхъ-крестьянъ.

Но собесѣдники мои, пока я излагалъ дѣло, со вниманіемъ меня слушали, соглашались со мной, сочувствовали, такъ какъ вопросъ касался интересовъ ихъ же собратьевъ крестьянъ; когда же я высказалъ надежду, что кто-нибудь изъ нихъ возьмется поддержать это дѣло на собраніи, то они какъ-то смутились, и мнѣ ясно было, что никто изъ нихъ говорить на собраніи не рѣшится.

— Почему же?—спросилъ я.

— Эхъ, милостивый государь,—отвѣтилъ мнѣ представительный, солидный старикъ, гласный отъ большой торговой волости,—что мы можемъ сдѣлать, развѣ тамъ насъ послушаютъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ. Буквы мы тамъ безъ ударенія. Вотъ что!

А дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ одной изъ деревень Ряжскаго уѣзда на собранныя по подпискѣ деньги въ теченіе лѣта было выстроено училище. Постройка этого училища обошлась около двухъ тысячъ, не считая даровой помощи крестьянъ (возка лѣса, кирпича и т. п.). Еще до начала постройки крестьяне составили для земства приговоры съ просьбой принять училище, при чемъ обязывались на будущее время отоплять его, освѣщать, ремонтировать, нанимать сторожа и т. п., а кромѣ того еще давали земству по 16 копѣекъ съ души ежегодно, т.-е. предлагали тѣ условія, которыя ряжское земство постановленіями своихъ собраній требуетъ отъ крестьянъ при открытіи новыхъ училищъ.

Приговоры эти были предварительно показаны предсѣдателю земской управы, встрѣтили его сочувствіе «благому начинанію» и обѣщаніе оказать поддержку въ земствѣ.

Но, къ сожалѣнію, это обѣщаніе дальше сочувствія не пошло, да и самое сочувствіе вскорѣ превратилось въ враждебное отношеніе. Такъ, когда одинъ изъ участниковъ дѣла обратился къ г. предсѣдателю за установленными для постройки училищъ планами, то послѣдній выдать планы изъ земства отказался, «не желая этимъ показать своего сочувствія дѣлу», при чемъ говорилъ, что крестьяне недостаточно даютъ денегъ въ помощь земству, *и особенно указывалъ* на тотъ фактъ, что въ другой деревнѣ уѣзда нашлись помѣщики, которые на свои средства выстроили училище и также «желаютъ передать его земству, но даютъ гораздо большую сумму, чѣмъ ваши крестьяне, такъ что у васъ являются конкуренты, и неизвѣстно чью школу охотнѣе приметъ земство».

Вотъ какое у насъ земство! Ему выстроили сразу двѣ школы, а оно выбираетъ. А ну-ко, молъ, господа конкуренты, чью взять, кто больше дастъ?

Но, не смотря на это, школа все-таки была выстроена, но уже не по планамъ ряжской управы, а по системѣ профессора Эрисмана, о которомъ, между прочимъ, ряжская управа не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Объ окончаніи постройки было заявлено въ ряжскій училищный совѣтъ, послѣдній не замедлилъ отвѣтить, что не считаетъ возможнымъ ходатайствовать о школѣ передъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ крестьяне мало даютъ денегъ въ помощь земству на содержаніе учителя. (Въ компетенціи ли училищнаго совѣта раньше земскаго собранія входить въ обсужденіе матерьяльныхъ затратъ земства?) Вскорѣ послѣ этого отвѣта получается увѣдомленіе управы, въ которомъ говорится, что приговоры крестьянъ были переданы на разсмотрѣніе училищнаго совѣта, который не нашелъ возможнымъ возбуждать ходатайства передъ собраніемъ объ открытія училища, и что управа вполнѣ солидарна съ этимъ постановленіемъ училищнаго совѣта.

Столь дружныя дѣйствія училищнаго совѣта и управы объясняются очень просто: предсѣдатель управы состоитъ въ то же время членомъ училищнаго совѣта отъ земства.

А вотъ маленькая иллюстрація для объясненія дѣйствій самого предсѣдателя:

— Удивительно, какъ вы могли сдѣлать такое постановленіе,—спросилъ я одного изъ членовъ училищнаго совѣта.

— Да что сдѣлаешь, это все предсѣдатель; ничего съ нимъ не подѣлаешь. Слышать не хочетъ о вашей школѣ. Красные, говоритъ, они!

Мотивъ очень характерный для оцѣнки правовъ провинціальнаго захолустья!

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія того дѣла, которое привлекло меня на земское собраніе и вопросъ о которомъ я все-таки хотѣлъ поднять на немъ.

Какъ видѣлъ читатель, у гласныхъ-крестьянъ я потерпѣлъ фіаско. Оставалось надѣяться, что въ собраніи найдется «буква» съ удареніемъ и обратитъ свое благосклонное вниманіе на маленькій вопросъ изъ области народнаго образованія, разрѣшенія котораго съ нетерпѣніемъ ждали три крестьянскія общества да небольшая группа интеллигенціи.

Перейду теперь къ самому собранію.

По серединѣ комнаты стоитъ большой, крытый сукномъ столъ, за столомъ сидятъ «господа», а сбоку, уже не за столомъ у стѣнки, на деревянной скамьѣ—крестьяне (здѣсь ихъ принято называть просто мужиками); они напряженно вслушиваются въ тѣ, какъ имъ кажется, мудреныя вещи, о которыхъ говорятъ за столомъ. Для публики поставленъ вдоль стѣны рядъ стульевъ, но публики, къ моему удивленію, не было, если не считать двухъ юношей, которые стояли въ боковыхъ дверяхъ и неистово вытягивали шеи, стараясь заглянуть въ комнату, войти же, какъ я понялъ они, не смѣли, да сѣдоватаго господина, должно быть, изъ служащихъ въ управѣ, который изрѣдка показывался и смотрѣлъ, приподнявшись на носки, на собраніе въ дверную щелку.

«Господа» на меня подозрительно поглядывали; не такъ на меня, какъ на мою тетрадку и карандашъ, и бывали минуты, когда я ожидалъ испытать на себѣ участь саратовскихъ корреспондентовъ.

Началось чтеніе докладовъ управы. Они грудой лежали передъ предсѣдателемъ и приводили въ уныніе гласныхъ обоихъ разрядовъ.

Чтобы не утомлять читателя изложеніемъ этихъ плохо мотивированныхъ докладовъ, мы возьмемъ изъ нихъ только нѣкоторые по болѣе интереснымъ съ общей точки зрѣнія вопросамъ.

Докладъ о введеніи ремесленнаго обученія и ремеслъ въ уѣздѣ. Послѣ длиннаго разсужденія о пользѣ ремеслъ вообще, управа проситъ ассигновать для этихъ цѣлей 250 р. на уѣздъ. Начинаются пренія.

— Позвольте, какъ же вы на какія-то 250 рублей введете ремесла въ уѣздѣ—это же невозможно; на эти деньги дай Богъ только пособій для обученія купить. А кто же обучать станетъ?—возмущаются «господа».

— На 250 рублей купимъ инструментовъ, а обучатъ станутъ сельскіе учителя въ свободное отъ занятій лѣтнее время,—спокойно отвѣчаетъ докладчикъ.

— Соглашаясь принципіально съ докладомъ, я не нахожу возможнымъ осуществить этотъ проектъ при ассигнованіи въ 250 руб.,—говоритъ гласный (г. А. Филатовъ),—во-первыхъ потому, что въ горячее лѣтнее время врядъ ли кто изъ крестьянъ захочетъ отдавать своихъ дѣтей обучаться ремесламъ, а во-вторыхъ,

я вообще протестую противъ навязыванія учителямъ, заваленнымъ каторжною работой, еще новаго труда.

На это докладчикъ (г. Никитинъ) возражаетъ, что ему, какъ члену училищнаго совѣта, хорошо извѣстно, сколько времени заняты учителя, и что въ сущности они трудятся только 6 мѣсяцевъ, а остальные 6 мѣсяцевъ ничего не дѣлаютъ (даже было употреблено слово «бездѣльники»).

Замѣтьте, это высказываетъ человѣкъ, который дѣйствительно болѣе 10 лѣтъ состоитъ членомъ училищнаго совѣта и у котораго долженъ бы, кажется, выработаться правильный взглядъ на трудъ сельскаго учителя.

Собраніе, назвавъ докладъ туманнымъ, постановило: поручить управѣ выработать что-либо поосновательнѣе.

Г. Никитинъ съ туманностью своего доклада не согласился.

— Почему же тогда выдаются суммы для борьбы съ саранчей?—спросилъ онъ. Но, понявъ, должно быть, всю неумѣстность своего вопроса, покорился рѣшенію собранія и сталъ читать слѣдующіе доклады. Послѣдуемъ и мы за нимъ.

Докладъ о переводѣ медицинскихъ пріемныхъ покоевъ изъ с. Волынщины въ с. Никольскіе Гаи.

Всѣхъ медицинскихъ пунктовъ въ уѣздѣ 4, и вотъ у земства иногда является желаніе ихъ перемѣщать; обыкновенно руководствуются при этомъ намѣреніемъ какого-нибудь помѣщика извлечь изъ своего пустующаго помѣщенія пользу, сдавъ его подъ больницу.

Въ настоящемъ случаѣ по поводу перемѣщенія поднимается горячій споръ.

Гласный, живущій около с. Волынщины, протестуетъ противъ перемѣщенія.

— Помилуйте,—говоритъ онъ,—вѣдь вы лишите тогда громадный участокъ медицинской помощи: въ моемъ участкѣ есть такія деревни, отъ которыхъ до Никольскихъ Гаевъ будетъ 60 верстъ. Извольте такое разстояніе везти больныхъ.

— Какъ 60 верстъ?—набрасывается на него гласный, живущій около Никольскихъ Гаевъ и настаивающій на перенесеніи пункта:—какъ 60 верстъ; давайте пари, что отъ самаго дальняго села вашего участка до Никольскихъ Гаевъ только 30 верстъ.

— Да, помилуйте, я же хорошо знаю, что 60.

— А я вамъ говорю, что 30.

Нѣкоторое время только и слышно: 60, 30, 60, 30... Наконецъ, кто-то догадался и предложилъ принести карту уѣзда. И по картѣ выходитъ 60.

— А я вамъ говорю, что 30. Ей ты,—обращается спорящій къ гласному-крестьянину,—сколько верстъ?

— Такъ точно, ваше в—діе, 30!

По тону спрашивающаго и вытянутой фигурѣ отвѣчающаго я догадываюсь, что спрашиваетъ земскій начальникъ, а отвѣчаетъ старшина.

Должно быть, у отстаивавшаго оставленіе пункта въ с. Волынщинѣ не нашлось въ собраніи своего старшины-гласнаго, и онъ не переспорилъ, а поэтому и собраніе постановило медицинскій пунктъ перенести. Такимъ образомъ продолжается собраніе. Нѣкоторые изъ привилегированныхъ гласныхъ начинаютъ расходиться, остаются одни завсегдатаи земства, да начинающіе дремать крестьяне. Чтеніе

докладовъ идетъ быстрѣе, часть ихъ передается въ ревизіонную комиссію. Вотъ, напримѣръ, управа проситъ на *освѣщеніе* городской больницы 500 рублей. На вопросъ: «въ чемъ же будетъ заключаться освѣщеніе?»—докладчикъ отвѣчаетъ, что проектируется покрасить стѣны и потолокъ.

— Позвольте,—волнуется гласный,—да я вамъ клеевой то краской всю больницу за 30 рублей выкрашу.

— Да это дѣйствительно немножко странно, зачѣмъ же 500,—говорятъ другіе:—надо, господа, передать этотъ докладъ въ ревизіонную комиссію—тамъ разберутъ.

— И спокойно передаютъ. Только умные глаза гласныхъ-крестьянъ смотрятъ какъ-то насмѣшливо.

Въ общемъ невозможно-скучные доклады иногда принимаютъ довольно оригинальный характеръ. Это бываетъ при обсужденіи ассигновокъ на дорожныя сооруженія. Почему-то вопросъ этотъ такъ любъ нашей управѣ?

Вотъ проситъ она ассигновать денегъ на устройство моста (или гати) черезъ рѣку Мошу. Какъ плавно и вмѣстѣ съ тѣмъ художественно описывается въ докладѣ теченіе рѣки Моши, которая изъ года въ годъ размываетъ одно и то же мѣсто (мѣсто, на которомъ управѣ хочется устроить свое сооруженіе).

Порой докладчикъ доходитъ до пафоса, рѣчь его становится бурной, какъ весеннее теченіе рѣки Моши, и намъ начинаетъ казаться, что мы слышимъ не докладъ, клонящійся къ увеличенію смѣты на дорожныя сооруженія, а чтеніе описанія Днѣпра Гоголя.

Надо замѣтить, что про эту самую Мошу намъ не разъ приходилось слышать пропическій отзывъ крестьянъ, что она «ласточкѣ по пяточки». Послѣ этого доклада даже одинъ гласный не выдержалъ. Ну, говоритъ, и управа наша—усердная, рьяная! Жаль только, что въ этихъ словахъ звучала насмѣшка.

Совершенно не ожидая возможности доклада объ интересовавшей меня школѣ, такъ какъ былъ полученъ двоякій отказъ въ этомъ, я былъ не мало изумленъ, когда все-таки услышалъ докладъ о ней. Докладчикъ очень осторожно объяснилъ собранію, не сказавъ ничего объ условіяхъ, при которыхъ была выстроена школа, что на будущее содержаніе этой школы крестьяне даютъ недостающую для земства сумму, а поэтому управа и не считаетъ возможнымъ принять школу въ вѣдѣніе земства, пока крестьяне не увеличатъ ежегоднаго вноса.

Собраніе вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ докладчика и постановило принять училище только тогда, когда крестьяне дадутъ желательную сумму.

Одинъ гласный поинтересовался узнать, на какихъ условіяхъ ряжское земство открываетъ новыя училища. На это онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ.

На трехъ условіяхъ: 1) крестьяне должны выстроить зданіе [1]) и обязуются вносить въ земство по 16 копѣекъ съ души ежегодно, нанимать сторожа, отоплять, освѣщать, ремонтировать и т. д.; 2) при тѣхъ же условіяхъ вмѣсто 16 коп. съ души—должны платить 8 копѣекъ и по рублю съ учащагося маль-

[1]) На постройку земство выдастъ субсидію.

чика ежегодно, и 3) при тѣхъ же условіяхъ, вмѣсто 16 коп. съ души,—должны принять на себя половину расходовъ по содержанію учителя.

Любопытно, что докладчикъ ни однимъ словомъ не обмолвился, что наши крестьяне вполнѣ исполнили требованіе земства, предлагая открыть училище по 1 пункту, т.-е. дѣлали вносъ по 16 коп. съ души, а кромѣ того *не брали никакой субсидіи* на постройку школьнаго зданія. Не менѣе любопытно и то, что ни одинъ гласный не спросилъ, чѣмъ же провинились крестьяне и почему именно предлагаемая ими сумма мала и не является ли она той вполнѣ законной, требуемой постановленіями земскихъ собраній суммой?

Такимъ образомъ одинъ не сказалъ, другіе не спросили, а крестьяне лишились возможности открыть школу отъ земства, ибо никакихъ дополнительныхъ вносовъ они сдѣлать не въ состояніи. И тѣ-то 16 копѣекъ были для нихъ обременительны, и склонить ихъ на взносъ этихъ 16 копѣекъ стоило не малаго труда, на что и рѣшились они послѣ долгихъ споровъ и несогласій между собою.

Тотъ же гласный, что спросилъ объ условіяхъ пріема училищъ, предложилъ было собранію измѣнить эти условія.

— Не лучше ли было бы намъ,—сказалъ онъ,— подражать въ этомъ отношеніи рязанскому уѣздному земству, которое даетъ крестьянамъ средства на постройку училищъ, а имъ предлагаетъ принять на себя *только* отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и другія хозяйственныя расходы.

Но предложеніе этого гласнаго не встрѣтило сочувствія собранія и осталось *какъ бы* не замѣченнымъ.

Но чемъ же объяснить такое халатное отношеніе ряжскаго земства къ народному образованію? Можетъ быть, ряжское земство уже такъ много сдѣлало въ этой области своего хозяйства, что можетъ успокоиться, сложить руки? Но всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ данныя говорятъ не въ пользу этого земства.

Возьмемъ недавно напечатанный докладъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта губернскому же земскому собранію [1]). Изъ этого доклада мы узнаемъ, что Ряжскій уѣздъ по народонаселенію занимаетъ пятое мѣсто въ губерніи, что въ немъ дѣтей школьнаго возвраста 20.529, изъ нихъ обучается только 3.276 Сюда включены обучающіеся въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ, на земскія же— приходится 2.189. Всего школъ въ уѣздѣ 27, и чтобы дать возможность обучаться всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста, то, по мнѣнію упомянутаго доклада, надо открыть на уѣздъ еще, кромѣ имѣющихся, 261 школу!!

По бюджету на народное образованіе Ряжскій уѣздъ занимаетъ предпослѣднее мѣсто въ губерніи.

Гордитесь, гг. земцы! Нашелся уѣздъ, который перещеголялъ васъ въ экономіи на народное образованіе; уѣздъ этотъ—Зарайскій. Но гордиться вамъ придется недолго, такъ какъ и для этого уѣзда найдутся смягчающія обстоятельства, а именно: по народонаселенію онъ занимаетъ не пятое мѣсто въ губерніи, *а десятое*!

---

[1]) Приложеніе къ журналу XXXI рязанскаго очереднаго земскаго собранія.

И вотъ при такомъ-то жалкомъ положеніи народнаго образованія въ уѣздѣ, наши земцы находятъ возможнымъ игнорировать открытіе новыхъ училищъ!

До какой степени доходитъ иногда подобное игнорированіе, мы видѣли изъ разсказанной выше исторіи. Допустимъ даже, что исторія эта носитъ личный характеръ и объясняется глупыми баснями (до нихъ большіе охотники наши земскія кумушки!) о «краснотѣ» участвовавшихъ въ постройкѣ школы лицъ,—баснями, имѣвшими такое большое вліяніе на нашего почтеннаго предсѣдателя!

Но вотъ вамъ другой случай. Въ 1895 году въ земское собраніе было подано землевладѣльцемъ Ряжскаго уѣзда Александромъ Васильевичемъ Ключаревымъ такое заявленіе:

Желая открыть земскую школу въ с. Чирковѣ, Нагайской волости, я имѣю честь ходатайствовать передъ собраніемъ о слѣдующемъ: не найдетъ ли оно возможнымъ ассигновать, въ мое распоряженіе, на покупку зданія для школы, его ремонтъ и переносъ на другое мѣсто (домъ бывшаго, нынѣ покойнаго, священника с. Чиркова) пособіе въ 350 руб.; я же обязуюсь, во-1-хъ) выплатить это пособіе ежегодными взносами по 50 руб., начиная съ 1896 года; во-2-хъ) принять на свой счетъ какъ внутреннее устройство школы и помѣщенія для учителя, такъ и отопленіе школы и наемъ сторожа. Зданіе школы, со дня покупки поступаетъ въ собственность земства. Если же собраніе найдетъ возможнымъ дать пособіе въ 350 руб. безвозвратно, то я все же внесу эту сумму вышеозначеннымъ образомъ, прося обратить ее на благоустройство школы и на пріобрѣтеніе и расширеніе школьной библіотеки при ней. Позволяю себѣ надѣяться, что собраніе согласится на мое предложеніе и тѣмъ устранитъ тотъ грустный и ненормальный фактъ, *что въ цѣлой волости (Нагайской) въ продолженіе уже многихъ лѣтъ нѣтъ ни одной школы.* Каковое послѣдуетъ рѣшеніе собранія, покорнѣйше прошу сообщить мнѣ въ г. Москву, Петровско-Разумовское, сельско-хозяйственный институтъ.

Собраніе постановило довести до свѣдѣнія г. Ключарева, что для устройства школы въ Чирковѣ долженъ быть представленъ надлежащій приговоръ объ участіи крестьянъ въ расходахъ по содержанію учебнаго персонала или обязательство частнаго лица о принятіи на себя этихъ расходовъ [1]).

Изъ этого можно заключить, что ряжское земство хочетъ постепенно совсѣмъ сложить съ себя всякіе расходы по народному образованію. То отказываетъ въ открытіи школы потому, что нѣтъ приговора крестьянъ объ участіи въ расходахъ земства по училищу, то потому, что есть приговоры, да мало въ этихъ приговорахъ даютъ земству денегъ.

И надо отдать справедливость ряжскому земству: расходы по народному образованію сокращены у него до minimum'a!

Въ заключеніе сдѣлаю маленькое сопоставленіе расходуемыхъ ряжскимъ земствомъ по нѣкоторымъ статьямъ суммъ [2]). Суммы эти распредѣляются между прочимъ такъ:

На народное здравіе . . . . . 33.736 р. 80 к.

---

[1]) Журналы ряж. уѣзд. собр. за 1895 годъ.

[2]) Цифры беру изъ смѣтъ на 1897 годъ.

На дорожныя сооруженія . . . . . 18.352 » 34 » [1])
На содержаніе управы . . . . . 8.762 » 14 » [2])
И на народное образованіе *отъ земства* . 6.999 р.

Предоставляю читателю самому сдѣлать выводъ изъ приведенныхъ мною цифръ. Замѣчу только одно, что громадная разница ассигновокъ на народное здравіе и на народное образованіе доказываетъ, что ряжское земство совершенно не понимаетъ зависимости успѣха въ области медицины отъ степени народной образованности. Можно подумать, что громадная сравнительно цифра расхода на медицину соотвѣтствуетъ хорошей постановкѣ медицинской помощи въ уѣздѣ, но этого также нельзя сказать. Вся медицинская помощь у насъ заключается въ амбулаторныхъ пріемахъ. Никакихъ систематическихъ мѣръ борьбы съ эпидемическими болѣзнями не примѣняется. Сифилисъ растетъ, и со стороны земства даже не видно никакого желанія съ нимъ бороться. Я вполнѣ понимаю всю трудность борьбы съ этой болѣзнью, но думаю, что сознаніе этой трудности еще не даетъ права складывать руки. Въ другихъ губерніяхъ (Смоленская, Херсонская и др.) мы замѣчаемъ хотя стремленіе придти на помощь къ населенію, въ видѣ правильной врачебно-санитарной организаціи съ постоянными врачами и фельдшерицами, спеціально предназначенными для лѣченія сифилиса... У насъ даже нѣтъ малѣйшаго намека на что-либо подобное. Не мѣшало бы ряжскимъ земцамъ познакомиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ общественной секціи VI съѣзда русскихъ врачей:

«Просвѣщеніе населенія должно стать во главѣ всѣхъ мѣръ для борьбы съ сифилисомъ, почему секція высказала горячее пожеланіе, чтобы учрежденія, вѣдающія народное образованіе, приняли всѣ мѣры къ скорѣйшему введенію всеобщаго начальнаго обученія» [3]). Мы видѣли уже, какими шагами ряжское земство приближается къ введенію всеобщаго обученія, или, вѣрнѣе, отъ него удаляется!

Эти разсужденія нѣсколько отвлекли меня отъ засѣданія собранія. Да и хорошо, что отвлекли, такъ какъ тамъ не оставалось ничего достойнаго даже самаго снисходительнаго вниманія.

Поэтому въ первый же перерывъ я рѣшилъ уйти.

Я вышелъ на крыльцо управы.

— Вотъ какъ нынче управа-то, мужикамъ-то самоваръ подали, вотъ гляди набузонятся-то! При прежней управѣ ни-ни! такъ съ утра не жрамши и сидѣли!—ораторствовала какая-то поддевка.

Прямо передо мной былъ выходъ на улицу, а сбоку лѣстница въ подвальный этажъ; по лѣстницѣ, расчищая бакенбарды, въ тужуркѣ съ мѣдными пуговицами и сапогахъ бутылками шелъ гласный изъ «господъ» и самодовольно улыбался. Немного погодя, изъ присутствія вышли еще двое привилегированныхъ гласныхъ и, обнявшись и громко разсуждая о какомъ-то только-что рѣшеномъ вопросѣ, стали спускаться внизъ.

---

[1]) На уѣздъ и образованіе губернскаго дорожнаго капитала.
[2]) Жалованье служащимъ и канцелярскіе расходы.
[3]) «Дневникъ VI съѣзда врачей», № 12, стр. 7.

— Что тамъ у нихъ такое?—спросилъ я поддевку, которая всякій разъ при появленіи господъ вскакивала съ рванаго кожанаго диванчика и вытягивалась въ струнку.

— Квартира секлетаря.

— Что же они тамъ дѣлаютъ?

— Извѣстно что,— ехидно осклабилась поддевка, довольно выразительно щелкнувъ себя по воротнику.

На другой день я уже въ собраніе не пошелъ, хотя въ перечнѣ занятій и стоялъ интересовавшій меня вопросъ «объ улучшеніи отношеній между нанимателями и нанимающимися. Что-то предпримутъ по этому поводу наши доблестные земцы? Какія-то рулады будетъ пѣть «усердная и рьяная» управа?

— Вы что же не были?!—набросился на меня знакомый помѣщикъ, когда я уже намѣревался садиться въ таратайку, чтобы ѣхать домой.—Напрасно, интересно было, страсть! Говорятъ, даже лучше, чѣмъ вчера!

— Что же рѣшили предпринять для улучшенія отношеній между нами...

— Ну, что, батюшка, это ерунда, объ этомъ даже и не говорили совсѣмъ, а вотъ о цыганахъ былъ докладъ управы. Охъ, хлестко! Предложили всѣхъ ихъ изъ уѣзда выгнать! Да и правда вѣдь, давно пора ихъ канальевъ выгнать: конокрады, мошенники...

Немного спустя, я уже полной грудью вдыхалъ воздухъ «родныхъ полей», а лошади бѣжали крупной рысью по «большой, изрытой, ухабистой дорогѣ, отчего я прыгалъ, кланялся впередъ и назадъ, хватался за неистово дребезжавшую таратайку и вспоминалъ ассигнованныя земствами восемь тысячъ на дорожныя сооруженія, а когда сбоку мелькнулъ сплуэтъ моста, мимо котораго предупредительно держалъ мой кучеръ, мнѣ вдругъ припомнился откывокъ изъ Некрасова:

Завидѣвъ мостъ полуживой,
Ямщикъ бывалый, парень русскій,
Въ оврагъ спускаетъ лошадей
И идетъ по тропинкѣ узкой
Подъ самый мостъ.—Оно вѣрнѣй!—

Мы ѣхали тѣмъ же, что и вчера, селомъ. Теперь оно выглядѣло какъ-то еще мрачнѣй. Словно большія, черныя копны стояли въ вечернемъ сумракѣ его избы. Кое-гдѣ зажглись огоньки. Дневная жизнь начинала утихать, только одни собаки встрѣчали и провожали насъ громкимъ лаемъ, который звучно повторялъ стоящій за селомъ лѣсъ.

Когда мы выѣхали въ поле, насъ сразу обдало холодомъ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе осени.

«А буквы такъ и остались безъ ударенія», подумалъ я, уже подъѣзжая къ дому.

Отставной учитель.

Псковъ. (Вопросъ о народномъ образованіи въ псковскомъ губернскомъ земствѣ).

Недавно, въ одной изъ петербургскихъ ежедневныхъ газетъ была напечатана обстоятельная корреспонденція, знакомящая съ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, относящихся къ увеличенію средствъ на начальное народное образованіе и проектируемыхъ новгородскимъ губернскимъ земствомъ къ предстоящему въ январѣ губернскому земскому собранію. Намъ, сосѣдямъ Новгорода, приходится только глубоко вздохнуть и признать, что «старшій братъ» далеко опередилъ «младшаго», т.-е. нашъ Псковъ, въ дѣлѣ земской инициативы по вопросу о всеобщемъ обученіи.

15-го декабря закрылась очередная сессія псковскаго губ. земск. собранія. Прошла она довольно вяло, даже по сравненію съ сессіями трехъ послѣднихъ лѣтъ и не была отмѣчена ни однимъ существенно-важнымъ постановленіемъ, за исключеніемъ развѣ утвержденія ассигнованія на дальнѣйшее статистическое изслѣдованіе губерніи, предпринятое въ 1895 году. Изслѣдованіе началось съ опочецкаго уѣзда; теперь на очереди стоятъ: великолуцкій и новоржевскій. Какъ извѣстно, значеніе этого изслѣдованія, главнымъ образомъ земельное цѣночное. Псковская губернская управа, между прочими докладами предложила собранію и докладъ объ экономическомъ значеніи народнаго образованія и положеніи народной школы въ Псковской губерніи. Собраніе нашло, что этотъ докладъ долженъ быть переданъ на обсужденіе экономическаго совѣта и что читать его собранію излишне. Замѣтимъ кстати, что этотъ экономическій совѣтъ, существующій уже нѣсколько лѣтъ не подаетъ у насъ, въ псковскомъ земствѣ, ни малѣйшихъ признаковъ плодотворной дѣятельности и является лишь заманчивой вывѣской, подобно многимъ другимъ симпатичнымъ по своему названію учрежденіямъ, которыми кишитъ нашъ Псковъ.

Въ краткомъ резюме, сдѣланномъ предсѣдателемъ губернской земской управы, указывалось на то обстоятельство, что, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на нижегородскую выставку, Псковская губернія занимаетъ въ дѣлѣ народнаго образованія *послѣднее мѣсто* въ средѣ всѣхъ 34-хъ земскихъ губерній.

Одушевленная желаніемъ придти на помощь народному образованію, губернская управа и внесла свой докладъ, снабженный цифровыми данными относительно существующихъ начальныхъ школъ и исчисленіемъ того, сколько потребовалось бы открыть новыхъ школъ для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ Псковской губерніи. Къ докладу приложена и карта распредѣленія школъ по 8 уѣздамъ губерніи: земскихъ, церковно-приходскихъ и школъ грамоты. Въ заключеніе доклада поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Признаетъ ли губернское земское собраніе необходимымъ, какъ указалъ опытъ другихъ губернскихъ земствъ, принять активное участіе въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, или нѣтъ?

2) Если губернское собраніе признаетъ необходимымъ принять активное

участіе, то не угодно ли будетъ поручить губернской управѣ, совмѣстно съ экономическимъ совѣтомъ, состоящимъ при ней: а) разработать детально вопросъ, основываясь на примѣрѣ другихъ земствъ, и, принявъ во вниманіе мѣстныя условія, рѣшить въ какой формѣ наиболѣе полезно и цѣлесообразно принять это активное участіе; б) просить губерн. управу совмѣстно съ совѣтомъ при содѣйствіи уѣздныхъ управъ составить историческій очеркъ дѣла народнаго образованія въ губерніи.

3) Ассигновать на дѣлопроизводство этого совѣта 600 рублей.

4) Для болѣе всесторонняго обсужденія вопроса, означеннаго во 2 пунктѣ, поручить губернской управѣ пригласить въ совмѣстное засѣданіе: предсѣдателей уѣздныхъ управъ и предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, а также, съ правомъ рѣшающаго голоса, и извѣстныхъ лицъ педагогическаго персонала (директора народныхъ училищъ, инспекторовъ и другихъ извѣстныхъ педагоговъ), для чего, въ случаѣ надобности, уполномочить губ. управу войти съ ходатайствомъ «предъ министромъ народнаго просвѣщенія».

Собраніе, какъ уже выше сказано, единодушно рѣшило передать докладъ въ экономическій совѣтъ, т.-е. нѣкоторымъ образомъ *похоронить* и ничего не ассигновывать, а такъ «*даромъ* поговорить», по выраженію одного изъ гласныхъ.

Пренія также сочтены было очевидно недоступною для собранія роскошью. Брошено было вскользъ лишь нѣсколько замѣчаній тремя-четырьмя гласными. Такъ гласн. графъ Гейденъ (президентъ Имп. вольно-экономическаго общества) иронически предложилъ замѣнить слово *активное* участіе *сердечнымъ* участіемъ. Сказано было нѣсколько словъ еще и о томъ, что участіе губернскаго земскаго собранія можетъ помѣшать самодѣятельности уѣздныхъ земствъ. Если принять во вниманіе, что съ самаго начала установленія земскихъ учрежденій въ Псковской губерніи дѣло начальнаго народнаго образованія было предоставлено исключительно вѣдѣнію уѣздныхъ земствъ, а по прошествіи 30 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ съ того времени, плоды дѣятельности этихъ земствъ привели къ прискорбному *послѣднему* мѣсту для Псковской губерніи въ дѣлѣ начальнаго образованія, то и обереганіе самодѣятельности уѣздовъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать также въ смыслѣ ироническомъ...

При общей цифрѣ населенія одинъ милліонъ сорокъ восемь тысячъ, въ Псковской губерніи дѣтей школьнаго возраста имѣется 70.216; получаютъ образованіе въ начальныхъ школахъ: 15.502 мальчика и 3.167 дѣвочекъ. Школъ имѣется: земскихъ 190, церковно-приходскихъ 208 и частныхъ 7. Всего, слѣдовательно, 405. Не получаетъ образованія дѣтей школьнаго возраста 52.147. Расходуется на начальныя земскія школы 98.795 р.

Изъ уѣздовъ Псковской губерніи всего болѣе земск. школъ встрѣчаемъ въ Псковскомъ уѣздѣ (76 школъ по даннымъ губ. управы и 81 по даннымъ уѣздной управы). Но и въ этомъ наиболѣе благопріятствуемомъ уѣздѣ на 100 жителей приходится 2,41 учащихся. Въ остальныхъ же семи уѣздахъ и 2% не приходится на 100 жителей. Въ Торопецкомъ уѣздѣ, напримѣръ, имѣлось еще

очень недавно всего 4 школы, да и въ настоящее время ихъ только 6 земскихъ. Въ этомъ уѣздѣ особенно распространены церковно-приходскія. Но, какъ извѣстно, свѣдѣнія, получаемыя объ этихъ школахъ, требуютъ провѣрки; весьма часто онѣ значатся только на бумагѣ, такъ что, если брать общія цифровыя данныя, безъ различія типовъ школъ, то процентъ учащихся по какимъ угодно таблицамъ окажется болѣе высокимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Несомнѣнно существующими можно считать только земскія школы, такъ какъ о каждой изъ нихъ имѣются точныя свѣдѣнія. Что касается церковно-приходскихъ, онѣ весьма часто являются фикціей и не въ одной Псковской губерніи ихъ небытіе порою констатировано наивными отвѣтами волостныхъ правленій, объясняющими на запросъ о такихъ школахъ, что селеніе, въ которомъ значится школа, есть, а школы нѣтъ, да и во всей округѣ таковыхъ не имѣется. При общей суммѣ затратъ уѣздныхъ земствъ на нужды образованія (включая и помощь, оказываемую ими среднеучебнымъ заведеніямъ и пр.) въ 157.472 р. % на нужды образованія по отношенію къ другимъ статьямъ бюджета колеблется между 10 и 25,1%, а въ среднемъ по всей губерніи составляетъ 17,9 % всѣхъ смѣтныхъ назначеній. Относительно вознагражденія можно сказать, что *почти половина* земскихъ учителей, напримѣръ, Псковскаго (наиболѣе благопріятнаго) уѣзда, получаютъ 172 руб. въ годъ; остальные—300—360 руб. и только 4 учителя получаютъ по 400 рублей. Можно легко представить себѣ жизнь человѣка, получающаго 172 руб. въ годъ, лишеннаго почти всегда общенія съ развитыми и образованными людьми, не смѣющаго и мечтать о выпискѣ книгъ, о пополненіи пробѣловъ собственнаго образованія, о благородныхъ удовольствіяхъ...

Неблагопріятнымъ условіемъ для школъ справедливо считается разбросанность селеній. Но именно это условіе и существуетъ въ Новгородской губерніи. Села тамъ крупнѣе и разстоянія между ними значительнѣе.

Въ Новгородской губерніи приходится около 124 чел. на селеніе, въ Псковской—80. Но въ Псковской губерніи, при типѣ мелкихъ селеній, замѣчается большая густота населенія, т.-е. мелкія селенія раздѣляются между собою меньшими разстояніями. Впрочемъ, этотъ вопросъ нуждается въ подробной разработкѣ, при чемъ, вѣроятно, окажется значительное разнообразіе въ условіяхъ различныхъ уѣздовъ. Вообще полная и всесторонняя статистика условій народнаго образованія въ Псковской губерніи представляетъ настоятельную необходимость, если вопросу о всеобщемъ обученіи не грозитъ опасность остаться лишь звонкой и пустой фразой, на что и указалъ между прочимъ одинъ изъ гласныхъ, заявившій на губ. земск. собраніи, что вопросъ о всеобщемъ обученіи поднимался еще въ прошедшемъ году псковскимъ уѣзднымъ земствомъ, при чемъ тотчасъ же и наткнулись на отсутствіе цифровыхъ данныхъ.

Вышеупомянутый докладъ губернской земской управы является починомъ въ дѣлѣ такого рода статистики. По исчисленію этого доклада, для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста потребовалось бы прибавить школъ: въ Псковскомъ уѣздѣ—198, въ Островскомъ—179, въ Опочецкомъ—141, въ Новоржев-

скомъ—121, въ великолуцкомъ—130, въ Торопецкомъ—95, въ Холмскомъ—90 и въ Порховскомъ—194.

Само собою разумѣется, что сами уѣзды должны указать, на основаніи знанія мѣстныхъ условій, въ какихъ именно мѣстностяхъ желательны новыя школы. Губернское земство пришло бы имъ только на помощь, и странно было бы въ этомъ случаѣ опасаться его гегемоніи.

Капитальнымъ вопросомъ, конечно, является вопросъ о средствахъ, и если бы дѣйствительно онъ представлялъ неодолимое препятствіе къ осуществленію всеобщаго обученія, то ироническое замѣчаніе гласнаго Гейдена могло бы быть только оправдано знаніемъ платежной способности псковскаго земства. Но кромѣ денежныхъ средствъ, необходимо еще и искреннее желаніе придти на помощь дѣлу начальнаго народнаго просвѣщенія и признаніе необходимости объединенія усилій уѣздныхъ земствъ, при чемъ губернское земство является наиболѣе удобнымъ органомъ для такого объединенія.

Денежныя средства, можетъ быть, и нашлись бы, если бы ихъ поискать. Вѣдь находитъ же возможность новгородское земство предлагать предстоящему губернскому земскому собранію ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы «нѣкоторые расходы, производящіеся въ настоящее время изъ земскихъ средствъ, какъ, напримѣръ, на квартиры чиновъ полиціи и урядниковъ, на пособія министерству народнаго просвѣщенія по содержанію среднихъ учебныхъ заведеній и министерскихъ образцовыхъ училищъ, были приняты на средства казны, а освободившіяся отъ сего суммы было бы предоставлены земствамъ употреблять на учрежденіе и содержаніе дополнительныхъ начальныхъ школъ, потребныхъ для введенія всеобщаго обученія». То же новгородское земство находитъ возможнымъ ходатайствовать далѣе и о «представленіи земскимъ учрежденіямъ права привлекать къ обложенію земскимъ сборомъ фабричныя и торгово-промышленныя предпріятія, а также и торгово-промышленныя заведенія по ихъ доходности, а равно и зданія желѣзныхъ дорогъ и доходы пароходныхъ, судовыхъ и лѣсныхъ предпріятій. Наконецъ, ходатайствовать о сложеніи выкупныхъ платежей, «отражающихся тяжелымъ бременемъ на экономическомъ положеніи населенія и на поступленіи земскихъ сборовъ».

Но и не прибѣгая ко всѣмъ только что указаннымъ способамъ изысканія средствъ, псковское земство могло бы, при желаніи, найти эти средства въ собственномъ бюджетѣ при извѣстномъ распредѣленіи своихъ смѣтныхъ назначеній и постепенно приблизиться къ осуществленію всеобщаго народнаго образованія.

Что касается распредѣленія статей расхода и того, что не всегда щедрость ассигнованія на народное образованіе стоитъ въ зависимости отъ размѣра наличныхъ средствъ, то приведу въ примѣръ псковское и порховское уѣздныя земства. Общій бюджетъ порховскаго уѣзднаго земства почти равняется бюджету псковскаго уѣзднаго земства. И, однако, между тѣмъ, какъ псковское затрачивало 45.000 на начальныя школы, порховское затрачивало тысячъ 26. Чѣмъ же это объяснить, какъ не тѣмъ, что псковское понимало значеніе народнаго образованія и желало придти къ нему на помощь, а порховское и не понимало, и не желало.

Процентное отношеніе населенія тутъ очевидно не при чемъ, такъ какъ мы уже видѣли, что въ Порховскомъ уѣздѣ требуется одна изъ наивысшихъ цифръ дополнительныхъ школъ, а именно 194 школы.

Единственнымъ, на первый взглядъ, весьма вѣскимъ возраженіемъ противъ участія губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго образованія является такое соображеніе: суммы, скопляющіяся въ распоряженіи губернскаго земства, какъ всѣмъ извѣстно, суть не что иное, какъ суммы, собранныя со всей губерніи, т.-е. всѣми уѣздными земствами. Какимъ же способомъ ихъ распредѣлять? Не выйдетъ ли при этомъ, что одинъ уѣздъ будетъ, такъ сказать, платить за другой? Есть уѣзды, удѣляющіе на начальное народное образованіе сравнительно крупныя средства и имѣющіе и бо́льшее число школъ; есть другіе, удѣляющіе весьма ничтожныя суммы и обладающіе и ничтожнымъ количествомъ школъ. Если губернское земство будетъ оказывать матерьяльную поддержку наиболѣе отсталымъ уѣздамъ изъ общихъ земскихъ суммъ, то выйдетъ, что заботящіеся о школьномъ дѣлѣ уѣзды будутъ нести и свои затраты по начальному народному образованію, да еще и платить за отсталыхъ. Возраженіе это, на первый взглядъ, представляетъ какъ бы неразрѣшимую задачу, но въ этомъ случаѣ необходимо освѣдомиться и воспользоваться опытомъ и примѣромъ другихъ земствъ, въ которыхъ возникалъ и пришелъ къ удовлетворительному рѣшенію тотъ же вопросъ, то же затрудненіе. Насколько помнится, воронежскому губернскому земству пришлось считаться съ этой задачей, и оно рѣшило ее въ смыслѣ отчисленія средствъ даннаго уѣзднаго земства на увеличеніе школьнаго бюджета изъ суммъ именно этого земства, скопляющихся въ общемъ губернскомъ бюджетѣ и размѣръ которыхъ всегда вѣдь извѣстенъ, а слѣдовательно возможно и отчисленіе извѣстнаго процента изъ этихъ суммъ и по согласію даннаго уѣзднаго земства.

Само собою разумѣется, что автономія уѣздныхъ земствъ не должна страдать и что все дѣло о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ должно сводиться къ взаимодѣйствію и взаимной поддержкѣ, а не къ подчиненію уѣздныхъ земствъ губернскому. Къ тому же, какъ заявилъ на собраніи гласный графъ Гейденъ, уѣзднымъ земствамъ и нечего опасаться губернской управы, потому что имѣется достаточная возможность оградить себя отъ ея самовластія. (Передаю смыслъ словъ этого гласнаго). Что же касается централизаціи не вообще, а по нѣкоторымъ вопросамъ земскаго хозяйства, то полезность ея доказана блистательно, напримѣръ, въ дѣлѣ страхованія отъ огня.

Говоря о плачевномъ положеніи Псковской губерніи, стоящей на послѣднемъ мѣстѣ въ дѣлѣ начальнаго образованія, не слѣдуетъ, однако, замалчивать благотворныхъ усилій отдѣльныхъ лицъ въ уѣздныхъ земствахъ и въ особенности Псковскомъ и Опочецкомъ. Такія усилія можно отмѣтить и въ другихъ уѣздахъ, за исключеніямъ Торопецкаго и Холмскаго, пребывающихъ во мракѣ невѣжества и отличающихся вообще изумительною апатіей своихъ земствъ. Но, касалось бы, что именно радѣтели народнаго образованія въ болѣе интеллигентныхъ уѣздныхъ центрахъ скорѣе всего и прежде всѣхъ должны сознавать, что всѣ ихъ почтенныя усилія лишь капля въ морѣ народной темноты, и равнодушіе ихъ

къ предложенію псковской губернской земской управы остается трудно объяснимымъ фактомъ для посторонняго наблюдателя.

Странное дѣло, не смотря на присутствіе въ губернскомъ земскомъ собраніи несомнѣнно просвѣщенныхъ, вліятельныхъ и даровитыхъ гласныхъ, изъ года въ годъ замѣчается препровожденіе наиболѣе интересныхъ и важныхъ докладовъ въ комиссіи, непрочтеніе ихъ на собраніи, откладываніе такихъ докладовъ къ концу сессіи, когда, потерявъ массу времени на всякія мелочи и детали, не находятъ уже времени разсмотрѣть доклады, имѣющіе существенное значеніе для населенія и нерѣдко весьма обстоятельно и добросовѣстно составленные людьми компетентными.

Б—ва.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Война между Вассосомъ и Европой.—Протестъ Вассоса.—Греко-турецкій конфликтъ съ точки зрѣнія международнаго права.—Проектъ бомбардировки аѳинскаго парламента и голоданіе русскихъ офицеровъ.—Новыя избіенія армянъ.—Желтая книга.—Морскія пренія въ рейхстагѣ. — Юбилей Вильгельма «Великаго». — «Нѣмецкая душа».—Мрачное настроеніе Бисмарка.—Покровители рабочихъ.—Французскіе соціалисты. — Возобновленіе «папамы». — Прусскія комментаріи къ французскому военному законопроекту.—Положеніе нетитулованнаго русскаго за границей.—Составъ новаго рейхсрата.—Затруднительное положеніе графа Бадени.—Помолвка младочеховъ съ правительствомъ.—Составъ новой итальянской палаты.—Полное пораженіе Криспи.—Рѣчь Цанарделли.

Великія державы относятся къ Греціи, какъ къ своему непокорному дѣтищу; въ ихъ заявленіяхъ какъ будто слышится родительская грусть и глубокое сожалѣніе, что греки не хотятъ понять своей собственной выгоды, о которой такъ долго и безкорыстно хлопотали европейскіе дипломаты. Съ тяжелымъ чувствомъ, но и съ сознаніемъ своей отвѣтственности за безразсуднаго ребенка, великія державы рѣшились наставить его на путь истинный «мѣрами разумной строгости». Сначала эти мѣры были очень мягки, въ родѣ той невинной бомбардировки, о которой мы сообщали въ прошлый разъ, но закусившая удила Грецiя «не оцѣнила» этого, и пришлось прибѣгнуть, но опять-таки ради ея же пользы, къ мѣрамъ болѣе крутымъ. 9-го марта объявлена блокада критскихъ береговъ, и съ греческими судами, пытавшимися проскользнуть сквозь нее для подвоза провіанта и оружія полковнику Вассосу, было поступлено, какъ съ непріятелемъ. Но тутъ произошло нѣчто совершенно невѣроятное: вмѣсто того, чтобы смириться, Грецiя грозитъ войной Турціи; храбрый же полковникъ Вассосъ объявляетъ войну самимъ великимъ державамъ.

И вотъ на Критѣ идутъ уже настоящія сраженія между греками съ одной стороны, турками и войсками великихъ державъ—съ другой.

13-го марта, напр., въ 6 часовъ утра инсургенты произвели рѣшительное нападеніе на Малаксу. «Атака началась артиллерійскимъ огнемъ. Нѣсколько снарядовъ пробили крышу форта, который вслѣдствіе этого пришлось тотчасъ очистить. Гарнизонъ отступилъ по направленію къ Судѣ. Въ 8 час. утра находящіяся въ Судской бухтѣ турецкія военныя суда открыли огонь, чтобы прикрыть отступленіе гарнизона. Инсургенты

преслѣдовали мусульманъ по пятамъ вплоть до деревни Трикаларіи, которую они сожгли. Гарнизонъ Малаксы понесъ чувствительныя потери. Тѣмъ временемъ отрядъ турецкихъ войскъ, конвоировавшій транспортъ провіанта, предназначеннаго для форта, по дорогѣ въ деревню Нерокуру, не будучи освѣдомленъ объ атакѣ, наткнулся на инсургентовъ, вслѣдствіе чего и здѣсь завязался горячій бой. Въ 3 часа пополудни инсургенты опять подожгли нѣсколько домовъ въ Трикаларіи. Въ 3¼ ч. европейскія военныя суда стали стрѣлять въ инсургентовъ подъ Малаксою. Огонь продолжался около десяти минутъ. Не смотря на то, что гранаты падали въ большомъ количествѣ, инсургенты держались подъ самымъ блокгаузомъ до 3 ч. 55 м. и только тогда отступили, предварительно предавъ блокгаузъ пламени. Другой турецкій отрядъ, пытавшійся занять высоты у Нерокуры, былъ атакованъ инсургентами съ полуострова Акротири. Инсургенты атаковали также турецкій кордонъ подъ Галеппою, но атака была отбита горною артиллеріею, поставленною на гребнѣ холмовъ. Въ 6 час. вечера бой еще продолжался и пущенныя инсургентами гранаты долетали почти до Галеппы и Монтевардіи». Со стороны турокъ было убито 60 человѣкъ, со стороны побѣжденныхъ инсургентовъ 200.

По большей части европейскія бомбы заставляютъ инсургентовъ отступать, но иногда дѣло принимаетъ критическій оборотъ и для «союзныхъ» войскъ. Осажденному инсургентами французскому сухопутному отряду пришлось, напр., входить въ переговоры для полученія провіанта. Одно время держался даже упорный слухъ, что Вассосъ на голову разбилъ соединенные европейскіе отряды.

Какъ бы то ни было, а адмиралы потребовали присылки новыхъ сухопутныхъ войскъ, и Россія съ Англіей уже поспѣшили исполнить это требованіе.

Характеръ отношеній между великими державами и Вассосомъ лучше всего выясняется изъ протеста, посланнаго рѣшительнымъ полковникомъ итальянскому адмиралу Каневаро, командующему, въ качествѣ старшаго по чину, всей союзной эскадрой.

Ссылаясь на письменное обѣщаніе, данное критскимъ инсургентамъ главнокомандующимъ соединенной европейской флотиліей — «обезоружить магометамъ въ Канеѣ» и вообще защищать отъ нихъ христіанъ, вспоминая торжественное увѣреніе адмираловъ, что «европейскіе военные корабли пришли не для того, чтобы воевать съ христіанами, а для того, чтобы безъ дальнѣйшаго кровопролитія положить конецъ ненормальному положенію вещей», Вассосъ противоставляетъ всему этому «факты» и сурово упрекаетъ адмираловъ въ нарушеніи даннаго слова и отсутствіи «элементарной гуманности».

«Я, милостивый государь, — заявляетъ Вассосъ, — *только солдатъ*, но солдатъ, незнакомый съ дипломатическими методами, у кото-

раго, однако, сказанное или написанное слово тождественно съ тѣмъ, что онъ при этомъ думаетъ...

«Подвозъ провіанта турецкому форту Кастелли, оккупація форта Аппикали, ежедневная бомбардировка христіанъ международнымъ флотомъ—все это говоритъ языкомъ, всякому легко понятнымъ, который даже наиболѣе опытный дипломатъ врядъ ли осмѣлится назвать миролюбивымъ. Нужно сознаться, что успѣхи преслѣдуемой вами политики трудно считать ободряющими...»

Въ заключеніе своего обширнаго протеста Вассосъ апеллируетъ къ *народамъ Европы*.

«Я апеллирую,—пишетъ онъ,—къ тѣмъ народамъ, которые незнакомы съ методами дипломатіи, которые порицаютъ ея софистику и довѣряютъ своему здравому смыслу, своему христіанскому чувству, своей гуманности. На васъ лежитъ обязанность положить конецъ политикѣ, которая, какова бы ни была ея предположительная цѣль, отягощена безконечными ужасами и грозитъ уничтоженіемъ цѣлому народу».

Этотъ краснорѣчивый протестъ произвелъ, вѣроятно, нѣкоторое впечатлѣніе на итальянскаго адмирала: по крайней мѣрѣ появляются сообщенія, что Каневаро обратился съ просьбою уволить его отъ командованія европейской флотиліей въ случаѣ объявленія блокады греческихъ береговъ.

Любопытно, что почти одновременно съ протестомъ Вассоса осужденіе дипломатамъ-практикамъ въ критскомъ вопросѣ произносятъ и ученые теоретики по международному праву. Въ «Revue de droit international et de législation comparée» появилась недавно статья, разбирающая критскій вопросъ съ точки зрѣнія международнаго права.

«Полагаютъ, — замѣчаетъ ея авторъ, — что невозможно дозволить Греціи становиться противъ желаній Европы и вмѣшиваться въ дѣла, которыя ея не касаются. Мы не усматриваемъ, какой принципъ права вообще и международнаго въ частности можетъ мѣшать кому-нибудь бѣжать на помощь въ сосѣдній горящій домъ и пытаться затушить пожаръ, угрожающій захватить его собственное жилище, въ особенности, когда тамъ живетъ братъ. Мы точно также не усматриваемъ, какой трактатъ сдѣлалъ шесть державъ единственными распорядительницами счастья европейскихъ странъ.

«Точно также ошибочно предположеніе, что критскіе мусульмане оказали бы упорное сопротивленіе. Въ теченіе десяти лѣтъ, можетъ быть и менѣе, при помощи администраціи, для всѣхъ одинаковой, и безпристрастнаго правосудія, всякое несогласіе исчезло бы, какъ по волшебству, въ особенности между согражданами одного и того же происхожденія, какъ мы это имѣемъ на Критѣ. Ѳессалія, присоединенная къ Греціи, представляетъ намъ въ этомъ отношеніи убѣдительный примѣръ; нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что достаточно устраненія господства мусульманскаго режима, чтобы немедленно про-

явилось благополучіе, до тѣхъ поръ неизвѣстное, какъ мы это видимъ, не говоря уже о Греціи, въ Румыніи, Сербіи, Черногоріи, Болгаріи, Восточной Румеліи, на Кипрѣ, на Самосѣ. Наконецъ, остается великое препятствіе — неприкосновенность оттоманской имперіи! Не шутка ли это?

«Право, немножко поздно вспоминать принципъ, который не разъ, а много разъ со времени берлинскаго трактата топтался ногами. Гдѣ былъ этотъ принципъ, когда дѣло шло о Восточной Румеліи, о Тунисѣ, о дунайскомъ четыреугольникѣ, объ оккупаціяхъ Босніи и Герцеговины, Кипра и, наконецъ, Египта?

«Такимъ образомъ, съ какой бы стороны ни посмотрѣть на вопросъ, лучшимъ рѣшеніемъ является присоединеніе Крита къ Греціи подъ какой бы то ни было формой. Если великія державы въ концѣ концовъ предпочтутъ двойственное рѣшеніе, не уничтожающее въ самой основѣ причины настоящей болѣзни, то затрудненія останутся такъ же велики, какъ и раньше.

«Что дѣлать, если критяне, не смотря ни на что, будутъ упорно требовать соединенія съ отечествомъ? На ряду съ принципомъ неприкосновенности оттоманской имперіи развѣ не стоитъ также принципъ неоспоримаго права каждой націи располагать своей судьбой?

«Въ Аѳинахъ возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ, и нѣтъ ничего невозможнаго, что вскорѣ сдѣлается извѣстнымъ конфликтъ на границѣ. Вмѣсто того, чтобы устранить опасность какой-нибудь уступкой національному чувству, державы предпочли подвергнуться громадной опасности вооруженнаго столкновенія между Турціей и Греціей, результаты котораго не могутъ быть еще предусмотрѣны.

«Преслѣдуемая цѣль заключается, повидимому, съ одной стороны, въ томъ, чтобы образумить аѳинскій кабинетъ, съ другой стороны въ томъ, чтобы хорошенько утвердить всемогущество и абсолютную гегемонію шести великихъ государствъ и заявить объ этомъ другимъ континентальнымъ націямъ. Если эта претензія сдѣлается когда-нибудь юридическимъ принципомъ, то это произойдетъ на счетъ независимости государствъ, на счетъ общества націй, и согласіе великихъ державъ, которое должно бы быть благотворнымъ элементомъ для жизни и сосуществованія народовъ, сдѣлается постоянной опасностью для другихъ суверенныхъ государствъ. Эти послѣднія были бы неизбѣжно вынуждены дѣйствовать противъ этого согласія, въ случаѣ нужды обращаясь къ содѣйствію державъ внѣ-европейскихъ, именно Соединенныхъ Штатовъ».

Мы сдѣлали эту длинную выдержку, такъ какъ взгляды, высказываемые здѣсь журналомъ «международнаго права и сравнительнаго законодательства», вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что заявляютъ многіе выдающіеся общественные дѣятели, съ тѣмъ, что слышится въ рѣчахъ *оппозиціонныхъ* ораторовъ европейскихъ парламентовъ и чего держатся

всѣ тѣ, кто, подобно полковнику Вассосу, незнакомъ съ «методами дипломатіи».

Разумѣется, это не значитъ, чтобъ выраженные здѣсь взгляды были вѣрны. За политику, имъ совершенно противорѣчащую, стоитъ авторитетъ «европейскаго концерта». Наиболѣе ясное обоснованіе политики этого «концерта» мы находимъ въ послѣднемъ заявленіи «Journal de St.-Pétersbourg».

«Агресивный и вызывающій образъ дѣйствій, котораго съ такимъ прискорбнымъ упорствомъ продолжаетъ держаться Грецiя,—говоритъ нашъ официозный журналъ,—вынуждаетъ великія державы приступить, къ крайнему ихъ сожалѣнію, къ блокадѣ Аѳинскаго залива.

«Для того, чтобы не отзывать съ Крита отрядъ Вассоса, эллинское правительство, уже съ нѣкотораго времени, подвергаетъ населеніе острова всѣмъ бѣдствіямъ, которыя влекутъ за собою блокады. Оно нейтрализуетъ умиротворительную задачу адмираловъ и мѣшаетъ державамъ констатировать дѣйствительныя желанія критскихъ инсургентовъ, къ которымъ онѣ могутъ обратиться по этому предмету лишь послѣ того, какъ всякія заинтересованныя давленія и вліянія будутъ устранены. Донесенія адмираловъ и консуловъ свидѣтельствуютъ о безусловной невозможности войти нынѣ въ непосредственныя сношенія съ настоящимъ критскимъ населеніемъ, которое задерживается въ недоступныхъ для европейскихъ агентовъ мѣстностяхъ инсургентами, предводители которыхъ, если только это не тѣ же добровольцы или греческіе офицеры, поневолѣ подчиняются господствующему вліянію эллинскаго отряда. Что касается дѣятельности полковника Вассоса, то она достаточно извѣстна. Не дошелъ развѣ этотъ офицеръ до объявленія фактической войны всѣмъ великимъ державамъ!

«Не довольствуясь, однако, столь непостижимымъ поведеніемъ со стороны такого въ высшей степени интеллигентнаго народа, какъ греческій народъ, нѣкоторыя экзальтированныя и привыкшія ко всякимъ анархическимъ излишествамъ личности съ удовольствіемъ предсказываютъ къ 25-му марта, или тотчасъ, какъ начнется блокада эллинскихъ портовъ, объявленіе войны Турціи.

«Мы рѣшительно отказываемся допустить возможность такого акта безумія, но если это произойдетъ, то въ такомъ случаѣ Грецiя, будучи безспорно нападающею стороною, будетъ единственною отвѣтчицею за вызовъ, брошенный такимъ образомъ Европѣ, которая желаетъ мира и направляетъ всѣ свои усилія къ этой цѣли.

«Пора бы отказаться отъ иллюзій, которыя ни къ чему, кромѣ печальныхъ разочарованій, привести не могутъ.

«Всякая держава, которая нынѣ взяла бы на себя инициативу нападенія, безъ сомнѣнія, испытала-бы на себѣ самыя жестокія послѣдствія.

«Если Грецiя пожелаетъ во что бы то ни стало затѣять войну, очевидно, что ей не откуда будетъ ждать помощи. Каковъ бы ни оказался

исходъ вызванной такимъ образомъ борьбы, державы никакъ не допустятъ, чтобы нападающая сторона извлекла изъ нея какія бы то ни было выгоды.

«Истощивъ всѣ возможныя средства, чтобы избавить Грецію отъ невзгодъ, которыя она добровольно на себя обрушила, великія державы не будутъ имѣть причины этимъ волноваться. Ихъ полное согласіе остается ненарушимымъ. Это—самая вѣрная гарантія окончательнаго торжества принциповъ порядка, права и справедливости и лучшій залогъ сохраненія мира, даже въ случаѣ какого-нибудь частнаго его нарушенія, которое, благодаря этому согласію, державы сумѣютъ локализировать, а, какія потребуется, и подавить».

Это заявленіе, по словамъ газетныхъ телеграммъ, повсюду произвело превосходное впечатлѣніе, но не всѣ державы, видимо, показываютъ одинаковую рѣшительность, въ особенности замѣтны колебанія со стороны Франціи; во французскомъ парламентѣ Ганото донимаютъ «запросами» и совершенно не во-время напоминаютъ о тѣхъ симпатіяхъ, которыя высказывала Греція французской націи въ злополучный 1871 г. Во всякомъ случаѣ, по справедливому замѣчанію статсъ-секретаря Керзона (въ англійской палатѣ общинъ), европейскія державы «нельзя упрекнуть въ поспѣшности», и блокада Аѳинскаго залива, не смотря на вполнѣ опредѣленное заявленіе «Journal de St.-Pétersbourg», все откладывается, а между тѣмъ съ ѳессалійской границы уже приходятъ извѣстія о перестрѣлкахъ между греками и турками. Если греко-турецкая война вспыхнетъ на этихъ дняхъ, то европейскимъ державамъ, вѣроятно, и не придется прибѣгать къ блокадѣ Аѳинской бухты. Это было бы вопіющей несправедливостью и прямою военною поддержкою Турціи противъ Греціи, т. е. болѣе сильнаго противника противъ болѣе слабаго. На такую блокаду не согласятся не только Франція и Англія, но, вѣроятно и Россія.

Энергія «концерта» значительно ослабла съ тѣхъ поръ, какъ Германія почти перестала ударять въ свой турецкій барабанъ, который такъ грохоталъ въ началѣ греко-турецкаго конфликта.

Германскихъ войскъ на Критѣ нѣтъ, и въ нѣмецкихъ офиціозныхъ газетахъ чаще и чаще слышится увѣреніе, что Германія въ восточномъ вопросѣ совершенно не заинтересована. Врядъ ли на германское правительство могли подѣйствовать насмѣшки оппозиціозныхъ ораторовъ въ рейхстагѣ; вѣроятнѣе германскій императоръ разсердился на противодѣйствіе своимъ рѣшительнымъ предложеніямъ со стороны французскаго и англійскаго правительствъ и рѣшился, по возможности, сохранить свободу дѣйствій. Какого рода рѣшительныя мѣры были бы симпатичны нѣкоторымъ высокопоставленнымъ германскимъ особамъ, показываетъ слѣдующее сообщеніе константинопольскаго корреспондента «Новаго Времени».

Одинъ высокопоставленный здѣсь германецъ,—пишетъ онъ,—гово-

рилъ надняхъ: «При блокадѣ греческихъ портовъ, вѣроятно, и бомбардировка будетъ, я уже писалъ кое-кому: «зачѣмъ разрушать древности, но (тамъ я свой человѣкъ, хорошо все знаю) тамъ есть у мѣстечка Фалеры съ моря такой пунктъ, откуда на горѣ отлично виденъ главный виновникъ каши—греческій парламентъ, его-то и слѣдуетъ разнести въ дрызгъ, а виданное ли дѣло, что тамъ министры даже actualitées переговоровъ докладываютъ парламенту—просто смѣхъ!»

Это предложеніе, вѣроятно, немедленно было бы принято корреспондентомъ «Новаго Времени», но, увы, не онъ рѣшаетъ судьбу Греціи. Впрочемъ, греки ведутъ себя совсѣмъ не по-джентлеменски: по сообщенію того же корреспондента, въ Аѳинахъ «русскимъ офицерамъ даже за деньги въ волю ѣсть не давали». Нѣмцевъ же они бьютъ по карману, отказываясь покупать продукты нѣмецкой промышленности. Даже греческіе аптекаря и тѣ, по словамъ «Frankfurter Zeitung», не хотятъ пріобрѣтать нѣмецкіе медикаменты.

Но враги всегда ведутъ за собой и друзей. Нѣмцы и русскіе пользуются теперь величайшею симпатіей со стороны турокъ. Доходитъ дѣло до того, что матросы турецкихъ судовъ не хуже французовъ при встрѣчѣ съ русскими восторженно кричатъ «ура».

Въ то время, какъ Европа была всецѣло поглощена усмиреніемъ безразсудной Греціи, въ Токатѣ произошли снова избіенія армянъ мусульманами. Цифра убитыхъ мусульманами армянъ точно не установлена; по однимъ извѣстіямъ погибло около 150 человѣкъ, по другимъ гораздо больше (400 и даже 700). Во всякомъ случаѣ, это—пустяки сравнительно съ массовыми избіеніями армянъ въ 1895 и 1896 гг., когда убитые армяне считались десятками тысячъ. Объ этихъ избіеніяхъ имѣются теперь вполнѣ объективныя офиціальныя свѣдѣнія, собранныя въ «желтой книгѣ», надняхъ розданной французскимъ правительствомъ депутатамъ палаты. По отчету одного изъ консуловъ, 16 и 17 января 1896 г. погибло 10.000 армянъ, и трупы ихъ по цѣлымъ днямъ валялись на улицахъ. Въ Орфѣ около 3.000 армянъ искали спасенія въ церкви, но турки ворвались туда и стали рубить топорами направо и налѣво; утомившись, они розлили въ церкви керосинъ и подожгли оставшихся въ живыхъ армянъ. Армянскія женщины и дѣвушки послѣ разгрома селеній *на глазахъ оттоманскихъ властей* продавались въ рабство. Вообще всѣ консульскія донесенія утверждаютъ, что избіенія армянъ и насилія надъ ними или вызывались, или, во всякомъ случаѣ одобрялись турецкими властями.

На ряду съ консульскими отчетами въ «желтой книгѣ» помѣщено немало любопытныхъ документовъ, освѣщающихъ отношеніе различныхъ правительствъ къ армянскому вопросу.

Изъ депеши французскаго посла при русскомъ дворѣ, графа Монтебелло, отъ 21 декабря 1895 года, видно, что покойный графъ Лобановъ-

Ростовскій былъ противникомъ коллективнаго воздѣйствія державъ на султана по поводу насилій надъ армянами.

По мнѣнію бывшаго русскаго министра, «слѣдуетъ доводить до свѣдѣнія султана о происшествіяхъ въ Арменіи, предварительно провѣривъ факты, но не слѣдуетъ дѣлать султана за нихъ отвѣтственнымъ и по каждому поводу оказывать на него давленіе; нельзя требовать, чтобы мѣры, обѣщанныя султаномъ, были приняты на слѣдующій же день послѣ обѣщанія».

«Предлагаемая Англіей система коллективныхъ воздѣйствій,—сказалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ французскому послу,—быстро вызоветъ новыя затрудненія съ Портой и притомъ въ такое время, когда мы удачно устранили затрудненія, занимавшія насъ нѣсколько дней тому назадъ».

По всей вѣроятности, и германское правительство раздѣляло взгляды графа Лобанова-Ростовскаго на отношенія державъ къ Портѣ; вообще между Россіей и Германіей господствуетъ въ настоящее время полная солидарность, и отъ взаимнаго недовѣрія, такъ часто дававшаго себя знать въ прошлое царствованіе, теперь не осталось и слѣда. Очень возможно, что франко-русскій союзъ вскорѣ замѣнится русско-германскимъ.

Говоря о «Германіи», мы имѣемъ въ виду, конечно, ея правительство, потому что среди нѣмецкихъ общественныхъ представителей не мало людей, склоняющихся гораздо болѣе въ сторону Англіи и даже Франціи, чѣмъ Россіи. Со скамеекъ «лѣвой» рейхстага постоянно слышатся комплименты Англіи и очень нелестныя замѣчанія по адресу Россіи.

Но вѣдь большинство германскаго рейхстага, видимо, плохо понимаетъ интересы своей страны; надняхъ еще только оно показало, какъ мало у его представителей истинно патріотическихъ чувствъ.

Въ то самое время, какъ германскій броненосецъ «Kaiserin Augusta» мѣтко и «въ засосъ» стрѣляетъ по грекамъ, въ то самое время, какъ императоръ Вильгельмъ II приготовляется къ торжественному празднованію столѣтней годовщины дня рожденія своего «великаго» дѣда, рейхстагъ значительнымъ большинствомъ отклоняетъ кредитъ на постройку двухъ новыхъ военныхъ крейсеровъ.

Здѣсь дѣло не въ какомъ-нибудь лишнемъ десяткѣ мильоновъ марокъ, здѣсь дѣло въ серьезномъ, принципіально чрезвычайно важномъ столкновеніи между императоромъ и большинствомъ германскихъ народныхъ представителей.

Молодой императоръ, какъ извѣстно, никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что германскій военный флотъ занимаетъ далеко не первое мѣсто среди европейскихъ военно-морскихъ силъ. Онъ выработалъ, поэтому, планъ его постепеннаго усиленія и реорганизаціи, но, конечно, для приведенія этого плана въ исполненіе необходимы значительныя денежныя средства, ассигновка которыхъ зависитъ отъ рейхстага. При-

ходилось считаться съ мнѣніемъ народныхъ представителей, и императоръ энергично принялся убѣждать ихъ въ необходимости увеличенія военно-морскихъ силъ; онъ прочелъ по этому поводу обстоятельную лекцію у министра финансовъ Микеля въ присутствіи многихъ парламентскихъ дѣятелей; онъ подарилъ рейхстагу діаграммы, показывающія, какъ сильно отстала въ военно-морскомъ отношеніи Германія отъ Франціи, Англіи и Россіи, и т. п., но взглядами его проникись далеко не всѣ депутаты. Правительственное требованіе новаго морского кредита сдано въ парламентскую комиссію, и та, не смотря на всѣ старанія адмирала Гольмана (завѣдующаго германскимъ морскимъ вѣдомствомъ), безжалостно вычеркнула 2 крейсера.

Императоръ возмущенъ, его другъ, баронъ Штуммъ, пускаетъ слухъ, что въ случаѣ принятія общимъ собраніемъ рѣшенія комиссіи, послѣдуетъ если и не распущеніе рейхстага, то ужъ непремѣнно отставка умѣренныхъ министровъ и замѣна ихъ болѣе рѣшительными. Угроза эта только еще усиливаетъ упорство оппозиціи (центра, свободомыслящихъ и соціалдемократовъ). Наступаетъ рѣшительный день втораго чтенія морского бюджета. Большинство депутатовъ на своихъ мѣстахъ, что бываетъ чрезвычайно рѣдко. Трибуны и ложи переполнены. Впервые присутствуетъ и братъ императора, принцъ Генрихъ, фактическій глава германскаго флота. Онъ внимательно слѣдитъ за преніями, особенно за рѣчами представителей оппозиціи, изъ которыхъ на этотъ разъ особенно выдѣлились свободомыслящій Рихтеръ и соціалдемократъ Фольмаръ.

Рихтеръ, видимо, поощряемый вниманіемъ высокаго гостя, пересыпалъ свою рѣчь язвительными насмѣшками.

Коснувшись «міровой политики», для которой, по словамъ представителей правительства, необходимъ сильный флотъ, и, ядовито раскритиковавъ всѣ послѣднія вмѣшательства Германіи въ чужіе конфликты, Рихтеръ замѣтилъ: «Подъ міровой политикой», видимо, понимаютъ необходимость присутствовать повсюду, гдѣ что-нибудь не въ порядкѣ» (wo etwas los ist).

Намекая на давленіе, которое императоръ желалъ оказать на народныхъ представителей, Рихтеръ гордо заявилъ:

«Мы не можемъ безпокоиться тѣмъ, что намъ противоставляютъ sic volo, sic jubeo [1]). Мы не можемъ съ благоговѣніемъ опускаться на колѣни. Чѣмъ больше мы уступаемъ, тѣмъ больше разрастается этотъ морской кризисъ въ кризисъ государственный. Мы должны заботиться о томъ, чтобы уважали наше право».

Фольмаръ, по обыкновенію, говорилъ просто, спокойно, съ тою увѣренностью въ каждомъ словѣ, которая такъ часто давала ему перевѣсъ во всякаго рода спорахъ.

---

[1]) «Такъ хочу, такъ приказываю»—извѣстный девизъ, принятый императоромъ Вильгельмомъ II.

«Намъ угрожаютъ, что министерство съ трескомъ провалится, и думаютъ этимъ создать нужное настроеніе. Рейхстагъ ужъ часто слышалъ такія воззванія, разсчитанныя на его боязливость, и онъ долженъ, наконецъ, оставить ихъ безъ вниманія; иначе конфликтъ навсегда останется скрытымъ, и даже усилится охота къ конфликтамъ.

«Рейхстагъ долженъ бы, наконецъ, разъ почувствовать себя силой. Весь свѣтъ знаетъ, вокругъ чего вращается споръ: рейхстагъ взялъ бы и на себя вину, если бы отступилъ въ этой борьбѣ. Статсъ-секретарь имперскаго морского вѣдомства сказалъ, что рейхстагъ долженъ коротко и ясно выяснить свое отношеніе къ дѣлу. Голосованіе здѣсь идетъ не о парѣ мильоновъ марокъ, не объ этомъ бюджетѣ,—нѣтъ, оно на много лѣтъ получитъ высокое принципіальное значеніе; оно должно показать, что нѣмецкому народу болѣе чѣмъ довольно и его положенія, какъ великой державы, и колоніальнаго балласта, и политической и соціальной неурядицы; что у него нѣтъ желанія взваливать на себя еще новую тяжесть. Партіи, составляющія большинство, не будутъ въ правѣ взваливать отвѣтственность на кого-нибудь внѣ парламента. Если бы большинство показало бы теперь слабость, то нѣмецкій народъ въ одинъ прекрасный день вынесъ бы этому большинству приговоръ, который не забылся бы въ теченіе десятилѣтій. Можетъ быть, кто-нибудь хочетъ конфликта, но это не рейхстагъ; но если конфликтъ наступитъ, мы должны будемъ выйти изъ него побѣдителями».

Со стороны правительства неоднократно выступали и имперскій канцлеръ, и всѣ имперскіе статсъ-секретари. Никогда еще они, кажется, такъ не старались, но переубѣдить оппозиціонное большинство имъ не удалось. 204 голосами противъ 143 требованіе кредита на 2 новыхъ крейсера было отвергнуто.

Большинство составилось изъ соціалдемократовъ, центра, свободномыслящей народной партіи, поляковъ, баварскаго крестьянскаго союза, эльзасцевъ, вельфовъ, части свободомыслящаго союза, 2-хъ антисемитовъ и датчанина Іогансена.

Носились слухи, что пораженіе правительства повлечетъ за собой отставку канцлера и большинства министровъ, но, кажется, дѣло обойдется удаленіемъ одного Гольмана.

Не смотря на отказъ рейхстага въ кредитѣ, постройка крейсеровъ все же началась. Говорятъ, что Круппъ рѣшилъ строить ихъ на свой рискъ въ надеждѣ, что рейхстагъ впослѣдствіи ассигнуетъ сумму, необходимую на ихъ пріобрѣтеніе государствомъ.

20-го марта происходило знаменательное «морское» засѣданіе рейхстага, 22-го началось празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія Вильгельма I, котораго нынѣшній императоръ во что бы то ни стало хочетъ произвести въ «великіе». По его приказанію, Вильгельмъ I во всѣхъ офиціальныхъ бумагахъ именуется теперь «великимъ»; такъ же величаютъ его всѣ (какъ, напр., депутаціи сту-

дентовъ), кто хочетъ особенно угодить молодому императору, но вполнѣ независимыя лица, даже самые горячіе поклонники «перваго» императора несогласны съ тѣмъ, чтобы его можно было назвать великимъ. Проф. Шмоллеръ на студенческомъ коммершѣ замѣтилъ, что его скорѣе слѣдуетъ назвать справедливымъ, чѣмъ великимъ; Бисмаркъ называетъ его просто, «героемъ». Что касается до народа, то очень значительная часть его не признаетъ въ покойномъ императорѣ ни величія, ни справедливости, ни геройства. Дѣйствительно, если и можно связывать «великія» для Германіи событія съ именемъ Вильгельма I, то только потому, что онъ сумѣлъ выбрать себѣ въ руководители такую крупную личность, какъ Бисмаркъ, который, обладая недюжинными способностями, гибкою совѣстью и дьявольскимъ самолюбіемъ, сдѣлался важнымъ историческимъ орудіемъ. Но во всякомъ случаѣ, направленіе, по которому до извѣстной степени толкнули Германію императоръ и канцлеръ, оказалось въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи противорѣчащимъ ихъ самымъ основнымъ убѣжденіямъ. Бисмаркъ и Вильгельмъ I вызвали силы, себѣ враждебныя. Вильгельмъ - внукъ несомнѣнно даровитѣе своего дѣда, въ немъ такъ и кипитъ энергія, и проф. Квидде въ сущности не правъ, думая, что Вильгельма I слѣдуетъ называть «великимъ» въ отличіе отъ Вильгельма II «маленькаго»; но великія событія, если и назрѣли, то не для него, — ему приходится тратить свои силы на мелочи; эти мелочи ему удаются, тогда какъ всѣ широкіе планы сводятся къ нулю: стоитъ только вспомнить жалкіе результаты пресловутой берлинской рабочей конференціи, которая должна была «разрѣшить соціальный вопросъ».

Да, соціальный вопросъ ему разрѣшить не удается, но зато торжественныя празднества онъ устраиваетъ съ успѣхомъ, входя лично въ каждую мелочь. Устраивая празднество въ честь дѣда, онъ лично развозилъ штандарты, режиссировалъ юбилейный спектакль и т. п. Торжества прошли съ большой помпой. Они состояли изъ открытія грандіознаго памятника Вильгельму I въ Берлинѣ, спектакля, обѣдовъ, факельцуговъ и т. п. Юбилейную пьесу сочинилъ Вильденбрухъ, талантливый «пѣвецъ гогенцоллерновъ». Она символически изображала подвиги покойнаго императора, спасшаго, между прочимъ, изъ когтей какого-то злодѣя (Наполеона) «нѣмецкую душу». Молодой императоръ очень былъ озабоченъ, чтобы актриса вѣрно изобразила эту душу. «Вы не должны улыбаться»,— сказалъ онъ ей:—«нѣмецкая душа серьезна и цѣльна (aus einem Guss)». «Душа», вѣроятно, не улыбалась, но нѣкоторые зрители не могли удержаться отъ улыбки при видѣ актера, загримированнаго Бисмаркомъ и одѣтаго въ древне-германское одѣяніе, съ голыми руками и ногами. Бисмаркъ таскалъ балки для постройки моста черезъ Майнъ. «Паладины» (Бисмаркъ, Мольтке, Роонъ) упоминались только на сценѣ, въ рѣчахъ же прославлялся исключительно «великій» императоръ. «Желѣзный канцлеръ» въ празднествахъ никакого участія не принималъ,

между нимъ и молодымъ императоромъ послѣ «гамбургскихъ разоблаченій» снова — открытая вражда. Тотъ самый императоръ, который 2 года тому назадъ такъ сурово осудилъ рейхстагъ, не пожелавшій участвовать въ празднованіи 80-ти-лѣтняго юбилея Бисмарка, въ этомъ году даже не поздравилъ обычной телеграммой бывшаго канцлера въ день его рожденія. Зато частныхъ поздравительныхъ телеграммъ Бисмаркъ получилъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, явилось и много депутацій, но больной «канцлеръ» никого не принялъ.

Видимо, и этотъ «паладинъ» скоро отправится къ своему старому императору. Нерадостныя вѣсти сообщитъ онъ ему. По крайней мѣрѣ, судя по статьямъ бисмарковскихъ газетъ, въ Фридрихсруэ очень мрачно смотрятъ на внутреннюю жизнь Германіи.

«Имперскій регентъ Либеръ и два его адъютанта Рихтеръ и Бебель», говоритъ одна изъ нихъ, «являются господами въ парламентѣ; они управляютъ Германіей, потому что они опредѣляютъ мѣру вліянія и оборонительной силы, которыми должна обладать страна.

Тяжелую серьезность этого положенію не могутъ заслонить и самыя блестящія празднества. Германія открываетъ основателю германской имперіи драгоцѣнный памятникъ и въ то же время она видитъ, какъ самое твореніе калѣчится и обезцѣнивается».

То же недовольство слышится и въ юбилейной статьѣ органа аграріевъ. Онъ требуетъ возвращенія «къ старому курсу» и увѣряетъ, что тогда вся страна проникнется радостнымъ настроеніемъ. «Старый курсъ» аграріи понимаютъ, главнымъ образомъ, въ возвращеніи къ высокимъ пошлинамъ на привозный хлѣбъ. Съ мнѣніемъ аграріевъ императоръ, во всякомъ случаѣ, считается,—оно вѣдь нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ такъ называемое «общественное мнѣніе», къ которому онъ относится чрезвычайно презрительно. «Общественное мнѣніе», напр., въ послѣднее время усиленно осуждаетъ дуэли; императоръ же, по случаю юбилейныхъ празднествъ, помиловалъ почти исключительно осужденныхъ за дуэльныя убійства. Помилованъ, между прочимъ, и бывшій церемоніймейстеръ фонъ-Котце, убившій фонъ-Шрадера [1]).

Одни только соціалдемократы не стонутъ, твердо держась своего собственнаго «курса». Ихъ спокойный, отнюдь не вызывающій видъ начинаетъ сбивать съ толку многихъ, вполнѣ почтенныхъ бюргеровъ, особенно лютеранскихъ пасторовъ и профессоровъ.

Недавно образовавшаяся профессорско-пасторская партія «національныхъ соціалистовъ», скромно именующая себя «партіей будущаго», положительно заигрываетъ съ соціалдемократами.

Вотъ, напр., что пишетъ проф. Зомъ (Sohm) въ берлинской газетѣ *пастора* Наумана «Zeit»:

---

[1]) Въ прошлое обозрѣніе вкралась ошибка: не Котце былъ убитъ Шрадеромъ, а наоборотъ.

«Мы различаемъ отдѣльнаго соціалдемократа и соціалдемократію. Соціалдемократія есть нѣчто духовное, ученіе и притомъ ученіе заблуждающееся, съ которымъ мы боремся всѣми силами. Но отдѣльный соціалдемократъ есть нѣмецкій рабочій, членъ нѣмецкаго народа и потому нашъ братъ, съ которымъ мы неразрывно связаны. Ради него мы работаемъ, ему хотимъ мы помочь. И мы поддерживаемъ съ нимъ братскій союзъ, не смотря на его соціалдемократическія убѣжденія. Это то, что насъ отличаетъ отъ другихъ партій. Мы желаемъ, чтобы онъ имѣлъ права, одинаковыя съ другими подданными государства. Мы желаемъ для него полной справедливости. Мы не желаемъ, чтобы съ лицомъ, исповѣдующимъ соціалдемократическія убѣжденія, было поступлено иначе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ.

«Точно также не должно мѣшать соціалдемократу распространять его воззрѣнія, пока оно не совершаетъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ. Лучше, чтобъ огонь горѣлъ открыто, чѣмъ подъ крышей.

«Соціалдемократическія убѣжденія, какъ таковыя, не должны разсматриваться, какъ проступки даже и въ полицейскомъ отношеніи. Прежде всего, пока существуетъ современное коалиціонное право, его слѣдуетъ примѣнять, къ соціалдемократамъ точно такъ же, какъ и ко всѣмъ другимъ. Богиня правосудія слѣпа, и отклоненіе отъ строгаго пути справедливости никогда не принесетъ благословенія. Достаточно, чтобы широкіе народные слои почувствовали, что коалиціонное право примѣняется несправедливо, и наша внутренняя правовая жизнь будетъ потрясена. Вѣдь право живетъ убѣжденіями націи. Другіе съ своимъ вмѣшательствомъ въ пользу нѣмецкаго рабочаго движенія выжидаютъ, пока нѣмецкіе рабочіе не перестанутъ быть соціалдемократами. Мы не ждемъ. Мы хотимъ помогать нѣмецкому рабочему, хотя онъ нынѣ еще обыкновенно принадлежитъ къ соціалдемократической партіи. Мы хотимъ, чтобы недавно выраженное въ нашемъ правовомъ порядкѣ положеніе о свободѣ рабочаго соглашенія дѣйствительно осуществилось, и мы хотимъ помочь нѣмецкому рабочему, чтобы онъ достигъ этой свободы, хотя онъ и идетъ въ настоящее время еще съ соціалдемократами».

Это заявленіе проф. Зома вызвало справедливое негодованіе «Frankfurter Zeitung», органа «нѣмецкой народной партіи». Приведя то мѣсто, гдѣ проф. Зомъ увѣряетъ, что «національсоціалы» отличаются отъ другихъ партій сочувствіемъ къ нѣмецкимъ рабочимъ, не смотря на ихъ соціалдемократическія убѣжденія, газета восклицаетъ:

«Извините, господинъ профессоръ, это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности! Вождямъ національсоціальной группы едва ли неизвѣстно, что совершенно на той же точкѣ зрѣнія по отношенію къ соціалдемократамъ, которую излагаетъ Зомъ, стоитъ и нѣмецкая народная партія и

она всегда ея держалась, естественно, слѣдовательно, уже и въ то время, когда о «національсоціалахъ» не было еще и рѣчи».

Это совершенно справедливо, точно такъ же, какъ справедливо сознаніе «Frankfurter Zeitung», что дружественное рабочимъ направленіе «нѣмецкой народной партіи» до сихъ поръ принесло ей мало благодарности.

Нѣмецкіе рабочіе—народъ гордый, они твердо стоятъ за свои «заблужденія» и скорѣе съ насмѣшкою, чѣмъ съ благодарностью слушаютъ увѣренія въ «братской любви» и обѣщанія «заботъ», откуда бы эти увѣренія и обѣщанія ни шли. Они хотятъ сами заботиться о себѣ, они охотно выбираютъ интеллигентныхъ *представителей*, но не желаетъ имѣть интеллигентныхъ *покровителей*. Классовое сознаніе у нихъ развито чрезвычайно сильно, и они спокойно проходятъ мимо приманокъ, которыя имъ закидываютъ съ разныхъ сторонъ. Въ гораздо меньшей степени это можно сказать о французскихъ рабочихъ.

Такъ называемые французскіе «соціалисты», считающіе себя представителями рабочаго класса, распадаются на нѣсколько очень разнородныхъ группъ, носящихъ спеціальныя названія, производныя отъ фамилій ихъ вождей (бланкисты, гедисты, аллеманисты, брусситы). Они расходятся между собою въ самыхъ основныхъ вопросахъ и обыкновенно даже не въ состояніи вмѣстѣ обсуждать на конгрессахъ интересы рабочаго класса. Наиболѣе опредѣленною, сплоченною и прогрессирующею является группа гедистовъ, во главѣ которой стоятъ Гедъ, Лафаргъ и др. Группа эта вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкимъ соціалдемократамъ.

«Соціалистической» именуетъ себя во Франціи даже вполнѣ буржуазная партія радикаловъ (radical-socialiste), къ которой принадлежалъ когда-то Флоке и которая, не смотря на свое «радикально-соціалистическое» названіе, имѣетъ съ научнымъ соціализмомъ и рабочимъ движеніемъ столь же мало общаго, какъ нѣмецкіе свободомыслящіе и «національсоціалы». Къ этой послѣдней группѣ «радикаловъ-соціалистовъ» принадлежитъ, насколько намъ извѣстно, и депутатъ Буайе (Boyer), замѣшанный въ пресловутую «панаму», снова всплывшую и волнующую Францію вслѣдствіе разоблаченій, сдѣланныхъ на судебномъ слѣдствіи однимъ изъ главныхъ «панамскихъ агентовъ» Артономъ, недавно выданнымъ Франціи Англіей. Кромѣ Буайе, судебное преслѣдованіе за взяточничество начато противъ радикала Море, оппортуниста, сенатора Леврея и извѣстнаго буланжиста Наке, успѣвшаго скрыться въ Англію.

Называютъ много другихъ именъ, точно также получившихъ въ 1887 и 1888 гг. взятки за поддержку въ палатѣ и сенатѣ новаго панамскаго займа, разорившаго массу довѣрчивыхъ мелкихъ капиталистовъ. Очень сильно скомпрометированъ бывшій министръ финансовъ Рувье, который, однако, горячо, прерывая рѣчь рыданіями, протестовалъ въ палатѣ противъ взводимыхъ на него обвиненій. Впрочемъ, протестуютъ и очень горячо рѣшительно всѣ «панамцы» и даже бѣжавшій Наке.

Очень сильное впечатлѣніе произвело солидно обоснованное подозрѣніе, что однимъ изъ главныхъ «панамцевъ» былъ покойный президентъ палаты депутатовъ извѣстный оппортунистъ Бюрдо (Burdeau), которому были устроены національные похороны, дѣти котораго воспитываются на государственныя средства и которому поклонники успѣли уже воздвигнуть памятникъ. Бюрдо, по слухамъ, идущимъ отъ судебнаго слѣдователя, ведущаго возобновившееся панамское дѣло, указывалъ Артону и К° тѣхъ депутатовъ, которыхъ можно подкупить, и составлялъ докладъ парламентской комиссіи въ пользу займа.

Все это, конечно, могло бы быть открыто и въ 1892 году, если бы вліятельныя лица не постарались, по возможности, замять дѣло. Говорятъ, противъ полнаго выясненія дѣла былъ особенно покойный президентъ Карно, которому имена всѣхъ взяточниковъ назвалъ въ особой аудіенціи Шарль Лессепсъ.

Нынѣшнее министерство Мелина заявило, что оно «сдѣлаетъ все и скоро» (le gouvernement fera tout et vite), но на дѣлѣ далеко не спѣшитъ и, опираясь на «независимость судебной власти отъ законодательной», видимо, хочетъ спасти близкихъ ему людей.

Монархисты торжествуютъ, что на этотъ разъ попались и «радикалы»; это не значитъ, конечно, чтобъ они сами не получили своей доли изъ «панамскаго фонда», но среди нихъ «работалъ» не Артонъ, а баронъ Коттю, скрывающійся теперь въ Россіи. Они надѣются, что Коттю окажется благороднѣе Артона и не выдастъ своихъ кліентовъ.

Соціалисты требовали учрежденія особой парламентской комиссіи, которая бы съ своей стороны разобрала всѣ вновь открывшіяся данныя по панамскому подкупу, но это предложеніе, по просьбѣ Мелина было отвергнуто палатой. По всему видно, что правительство дѣйствуетъ какъ разъ обратно тому, что обѣщало. Оно дѣлаетъ все, чтобъ дѣло шло тихо! Оно теперь, впрочемъ, озабочено реорганизаціей высшаго командованія арміей въ мирное время. Внесенный надняхъ въ палату законопроектъ создаетъ особаго «главнокомандующаго», стоящаго чиномъ выше всѣхъ остальныхъ генераловъ и предсѣдательствующаго въ военномъ совѣтѣ. Этому лицу, а не военному министру, какъ теперь, должна быть по законопроекту, подчинена вся французская армія не только въ военное, но и въ мирное время.

«Новое Время», которому нынѣ министерство Мелина не менѣе симпатично, чѣмъ въ былое время бравый генералъ Буланже, высказывается рѣшительно въ пользу этого проекта и очень недурно выясняетъ его значеніе. При «главнокомандующемъ», особенно избранномъ нынѣшнимъ умѣренно-республиканскимъ министерствомъ, сразу исчезнетъ, по мнѣнію почтенной газеты, политическое вліяніе крайнихъ республиканцевъ на армію, «сильно ослабляющее возможность подавленія военною силою ихъ революціонныхъ попытокъ въ случаѣ, если бы они вздумали на нихъ пуститься»...

«Верховный вождь арміи, само собою разумѣется, прежде всего приметъ надлежащія мѣры для полнаго огражденія находящихся подъ его командой войскъ отъ всякой политической пропаганды, какъ революціонной, такъ и монархической. Армія сдѣлается тѣмъ, чѣмъ она должна быть, и явится повсюду вѣрною охранительницею не только территоріальной безопасности страны, но и существующаго государственнаго порядка вещей. Именно въ этомъ смыслѣ представляютъ огромный интересъ и несомнѣнную важность происходящія нынѣ въ палатѣ депутатовъ пренія о военной реформѣ, предлагаемой генераломъ Билльо отъ имени министерства Мелина».

Врядъ ли Мелинъ рѣшится такъ откровенно комментировать свой законопроектъ въ французской палатѣ, это было бы черезчуръ «попрусски».

Вѣроятно, именно для поддержанія «существующаго порядка вещей» графъ Бадени съ помощью полицейской и военной силы мѣшалъ избранію враговъ этого порядка. Въ прошломъ обозрѣніи мы уже касались заботъ графа Бадени о правильности выборовъ, особенно въ Галиціи. Болѣе подробную картину этихъ характерныхъ выборовъ даетъ въ этой же книжкѣ «Новаго Слова» нашъ сотрудникъ В. В. Водовозовъ, которому пришлось самому на себѣ испытать заботливость австрійской администраціи. Онъ послалъ 12-го марта изъ Перемышля въ петербургскую газету «Русь» телеграмму, въ которой сообщалъ, между прочимъ, что ему пришлось видѣть, «какъ полиція мѣшала подавать голоса сторонникамъ оппозиціи и заставляла голосовать за правительственнаго кандидата». На другой день онъ былъ задержанъ и послѣ двухдневнаго ареста приговоренъ «за распространеніе тенденціозныхъ свѣдѣній объ Австріи въ иностранной журналистикѣ» къ высылкѣ навсегда изъ предѣловъ Австріи.

Г-ну Водовозову предоставлено было право жаловаться на это рѣшеніе въ трехдневный срокъ галиційскому намѣстнику, но онъ не пожелалъ воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ до полученія отвѣта его обѣщали держать въ той же «сепараткѣ», гдѣ онъ пробылъ два дня «предварительнаго задержанія» и хуже которой, по его словамъ, вѣроятно, только сибирскія тюрьмы, описываемыя Мельшинымъ въ его книгѣ «Въ мірѣ отверженныхъ».

Описывая очень мрачными красками свою «сепаратку», г. Водовозовъ отдаетъ въ то же время полную справедливость обращенію съ нимъ австрійскихъ властей. У него при арестѣ не были отобраны деньги, и ему было предоставлено посылать стражника въ городъ за покупками; разъ, когда его водили въ фотографію, сопровождавшій его полицейскій предложилъ ему зайти въ ресторанъ, гдѣ онъ имѣлъ возможность читать газеты. Подобное отношеніе дѣлало сноснымъ положеніе г. Водовозова, насколько вообще можетъ быть сносно положеніе арестанта.

Г. Водовозовъ приводитъ любопытныя объясненія полицейскихъ чиновниковъ, старавшихся оправдать насиліе, учиненное ими.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ одинъ изъ нихъ г. Водовозову,—если бы я сдѣлалъ за-границей что-нибудь подобное тому, что вы сдѣлали у насъ, то неужели тамъ отнеслись бы ко мнѣ иначе, чѣмъ мы къ вамъ? Разница была бы развѣ въ томъ, что мы васъ продержали 2 дня, а меня продержали бы 2 мѣсяца.

Редакція «Руси» по поводу этого страннаго оправданія совершенно справедливо замѣчаетъ:

«Если каждая страна будетъ оправдывать свои непорядки ссылкою на другихъ, то отъ этого никому легче не станетъ. Существуютъ страны, строющія свою общественную жизнь на другихъ *принципахъ* и на другихъ *законахъ*, чѣмъ Австрія. Хороши или дурны эти принципы и эти законы, но они тамъ открыто и убѣжденно провозглашаются, и сообразно имъ ведется дѣло. Иныя страны не считаютъ и не желаютъ считать себя *европейскими*, и сообразно этому поступаютъ, никого не вводя въ заблужденіе» [1]).

Очень вѣроятно, что австрійская администрація поостереглась бы посадить въ «сепаратку» англійскаго, французскаго или американскаго журналиста. Къ нетитулованнымъ русскимъ, занимающимся свободной профессіей, во многихъ западно-европейскихъ государствахъ совсѣмъ особое отношеніе. За границей почему-то распространено нелѣпое мнѣніе, что строгими и рѣшительными мѣрами, направленными противъ нетитулованныхъ русскихъ, администрація иностранныхъ государствъ доставляетъ русскому правительству скорѣе удовольствіе, чѣмъ неудовольствіе. Пора бы положить конецъ этому вздорному представленію, и случай съ г. Водовозовымъ представляетъ для этого прекрасный случай.

Отчего бы русскому правительству не заступиться за него путемъ дипломатическаго запроса? И въ австрійскомъ рейхсратѣ, вѣроятно, найдутся люди, которые сдѣлаютъ запросъ по поводу высылки В. В. Водовозова. Вообще насилія, совершенныя во время выборовъ агентами графа Бадени, не пройдутъ для него совсѣмъ безнаказанно, такъ какъ, не смотря на всѣ старанія полиціи, составъ новаго рейхсрата оказывается все же не таковъ, какъ это было бы желательно правительству.

Вотъ какъ распредѣляются по группамъ 425 депутатовъ новая палата депутатовъ рейхсрата.

Поляковъ, къ которымъ принадлежитъ и самъ министръ-президентъ графъ Бадени—68, но изъ нихъ 9 человѣкъ (6 приверженцевъ Стояловскаго и 3 члена народной партіи) держатся строго демократическихъ убѣжденій и стоятъ въ рѣзкой оппозиціи къ правительству.

Чеховъ—63, изъ нихъ 59 младочеховъ, готовыхъ поддерживать Бадени, но требующихъ очень существенныхъ уступокъ своей національ-

[1]) Курсивъ «Руси».

ности; во всякомъ случаѣ, это народъ безпокойный, знающій цѣну своимъ шестидесяти голосамъ.

Нѣмецкіе либералы незадолго до выборовъ раздѣлились на двѣ группы: нѣмецкихъ прогрессистовъ, имѣющихъ очень мало общаго съ прогрессомъ, и нѣмецкую народную партію, до извѣстной степени соотвѣтствующую германской партіи, носящей то же названіе. Первая группа склоняетъ передъ правительствомъ голову чаще, вторая рѣже, но обѣ состоятъ изъ «хорошихъ нѣмцевъ», неохотно допускающихъ равноправность другихъ австрійскихъ племенъ. Нѣмецкіе либералы понесли на послѣднихъ выборахъ очень значительный уронъ. Въ прежнемъ рейхсратѣ они имѣли 70 голосовъ, теперь же у обѣихъ группъ вмѣстѣ только *46*.

Еще болѣе подчеркнутъ націонализмъ у «*нѣмецкихъ націоналистовъ*» (Deutsch-Nationale), которыхъ тоже *46*, между ними 4 сторонника Шенерера, яраго нѣмецкаго націоналиста и перваго австрійскаго антисемита, стоящаго, однако, въ сторонѣ отъ «*христо-соціаловъ*» (Christlich-sociale), имѣвшихъ очень значительный успѣхъ въ нижней Австріи, гдѣ они побѣдили соціалдемократовъ. Въ общемъ они получили *28* депутатскихъ мѣстъ. «Христо-соціаловъ» или антисемитовъ поддерживаютъ, главнымъ образомъ, мелкіе буржуа, лавочники, ремесленики, улавливаемые неопредѣленными обѣщаніями спасти мелкій капиталъ отъ поглощенія его крупнымъ. Къ нимъ примыкаютъ многіе, вообще, недовольные существующимъ строемъ, но смѣшивающіе при этомъ проявленія зла съ его причинами; это тѣ, кого одинъ нѣмецкій общественный дѣятель назвалъ представителями «соціализма глупцовъ».

Очень значительный успѣхъ на выборахъ имѣли и *клерикалы* или, какъ они себя называютъ «*католическіе консервативные нѣмцы*»; ихъ теперь *41* человѣкъ; далѣе идутъ *3* группы *крупныхъ земельныхъ собственниковъ: консервативная* (21), *либеральная* (28) и *средняя* (3). Въ сущности они безъ особенной измѣны своимъ убѣжденіямъ могли бы слиться воедино. *Соціалдемократы* появляются въ рейхсратѣ впервые, сразу получивъ 14 мандатовъ. Ихъ программа очень близко подходитъ къ программѣ германскихъ соціалдемократовъ.

Наиболѣе крайнимъ и непримиримымъ элементомъ новаго рейхсрата являются соціалдемократы, впервые вступившіе туда и сразу занявшіе *14* мѣстъ.

Появленіе представителей рабочаго класса въ высшемъ законодательномъ собраніи Австріи составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій ея внутренней жизни, и президентъ рейхсрата поступилъ очень тактично, сочувственно отмѣтивъ этотъ фактъ въ своей привѣтственной рѣчи.

Соціалполитиковъ, не раздѣляющихъ «заблужденій», но желающихъ помогать рабочимъ, пока только два.

Остальныя 65 депутатскихъ мѣстъ распредѣляются между пятью чисто національными партіями: итальянцами (19), словаками (16), сербо-

хорватами (13), русинами (11) и румынами (6). Трудно представить себѣ болѣе пестрый составъ, и графу Бадени не сразу удалось слѣпить министерское большинство. Въ душѣ онъ несомнѣнно клерикальный реакціонеръ, но большинство ему хотѣлось имѣть непремѣнно «либеральное», изъ поляковъ, чеховъ и нѣмцевъ. Онъ не безъ основанія полагалъ, что и чехи, и нѣмцы, сдѣлавшись «правительственной» партіей будутъ держать на привязи свое свободомысліе; имѣть же въ «оппозиціи» такіе пріятные элементы, какъ антисемиты и клерикалы, часто очень выгодно. Но, разумѣется, чехи даромъ дружить съ Бадени не захотѣли, и онъ принужденъ былъ издать новое «распоряженіе о языкахъ» (Sprachenverordnung), по которому чешскій языкъ пріобрѣтаетъ въ Богеміи и Моравіи совершенно тѣ же права, какъ и нѣмецкій (чиновники, напр., обязаны знать оба языка и т. п.).

Чеховъ Бадени подкупилъ, но тутъ запротестовали «нѣмецкіе либеральные крупные земельные собственники», не соглашаясь на «Sprachenverordnung». Пришлось разыграть комедію съ выходомъ въ отставку всего кабинета и пустить въ ходъ «голосъ свыше». Либераламъ приходилось уступить, и для приличія они просили лишь сохранить за ними свободу мнѣнія по поводу «Sprachenverordnung», не требуя, однако, чтобы это «положеніе о языкахъ» было снято съ очереди. Бадени на это охотно согласился, такъ какъ большинство въ пользу «Sprachenverordnung» было обезпечено и безъ «либераловъ».

Министерскій кризисъ благополучно окончился, и графъ Базени остался на своемъ посту, но постъ этотъ при новомъ рейхсратѣ оказывается все же не совсѣмъ легкимъ: въ оппозиціи на ряду съ пріятными находятся и очень непріятные элементы. Это сказалось на первыхъ же засѣданіяхъ, когда крайняя лѣвая смѣло открыла огонь по министрамъ и ихъ клевретамъ по поводу всевозможныхъ беззаконій и насилій, совершенныхъ полиціей во время послѣднихъ выборовъ, особенно въ Галиціи.

Соціалдемократы внесли предложеніе, чтобы разслѣдованіе злоупотребленій при выборахъ поручено было особой комиссіи изъ 36 депутатовъ, которая имѣла бы право подъ присягой допрашивать свидѣтелей. Они требовала неотложности для своего предложенія. Первымъ въ пользу неотложности говоритъ соціалдемократъ Дашинскій: «Обвиненія, которыя мы хотимъ поднять здѣсь противъ правительства графа Бадени, таковы, что честь министра-президента не можетъ дозволить ему отдѣлаться молчаніемъ. Для министра-президента невозможно пройти мимо этого дѣла, лишь пожавъ плечами, слѣдовательно, онъ самъ будетъ вмѣстѣ съ нами голосовать за неотложность. Мы приведемъ точныя доказательства, что на совѣсти правительства графа Бадени лежитъ слѣдующее: при первоначальныхъ выборахъ была совершена масса избирательныхъ обмановъ подъ покровительствомъ правительства, было испробовано и застращиваніе арестами кандидатовъ. Насиліями и провокаціями полицейскихъ пользовались въ громадномъ размѣрѣ, были

вызваны войска для устрашенія смѣлаго населенія. Мы желаемъ все это доказать. У самихъ избирательныхъ урнъ были совершены безчестнѣйшіе и подлѣйшіе обманы, и все это подъ покровительствомъ правительства». При этихъ словахъ президентъ звонитъ и проситъ не говорить въ подобномъ тонѣ, но Дашинскій повторяетъ свои слова и продолжаетъ: «Мы же хотимъ это *доказать!* Если намъ этого не позволятъ, мы разойдемся... Намъ сообщаютъ изъ Лемберга, что тамошніе чиновники разъѣзжаютъ по странѣ, выискивая доказательства противнаго. Мы вѣдь не тайкомъ высказываемъ свои обвиненія. Уже въ первомъ засѣданіи мы заявили о нихъ, и, видимо, правительство хочетъ заранѣе себя застраховать. Два дня тому назадъ мы пережили рѣдкостный парламентскій кризисъ и теперь считается, что правительство будетъ пользоваться довѣріемъ парламента. Посмотримъ, не не потускнѣетъ ли это довѣріе послѣ того, что мы здѣсь представимъ. Мы должны посмотрѣть, можемъ ли мы имѣть довѣріе къ правительству, обвиняемому въ убійствахъ, арестахъ и насиліяхъ, совершенныхъ черезъ полицію. Мы посмотримъ, останется ли и тогда это милое, сладкое довѣріе, захочетъ ли большинство взвалить себѣ на плечи всѣ эти позорныя дѣянія. Вы должны принять во вниманіе, что мы говоримъ о дѣлѣ, гдѣ 9 *убитыхъ*, 29 *раненыхъ* и 800 *арестованныхъ!*»

Обращаясь затѣмъ то къ тому, то къ другому изъ «правительственныхъ» польскихъ депутатовъ, ораторъ съ ѣдкимъ сарказмомъ выражаетъ увѣренность, что всѣ они будутъ стоять за неотложность, такъ какъ въ ихъ именно округахъ происходили убійства и насилія. Волненіе охватываетъ всѣхъ присутствующихъ, и оно особенно усиливается, когда Дашинскій отъ отдѣльныхъ депутатовъ переходитъ къ отдѣльнымъ партіямъ, приглашая ихъ голосовать за неотложность. Наконецъ, онъ доходитъ до чеховъ. «Слушайте, слушайте» (Hört! Hört!)—проносится по залѣ. «Мы разсчитываемъ на поддержку младочеховъ. Они вѣдь празднуютъ помолвку съ правительствомъ. Но, если мы скажемъ, что руки жениха забрызганы кровью, то они должны отъ него отступиться и идти на этотъ разъ съ нами. Правительство должно, по крайней мѣрѣ, вымыться передъ свадьбой съ младочехами».

Рѣчь Дашинскаго произвела настолько сильное впечатлѣніе, что неотложность была принята единогласно.

Послѣдовавшія затѣмъ пренія, въ которыхъ принимали участіе графъ Бадени и представители большинства партій прошли очень бурно. Атаку велъ опять-таки Дашинскій.

Возражая руководителю польскихъ магнатовъ, графу Дзѣдушицкому, назвавшему его, какъ соціалдемократа, космолитомъ, Дашинскій сказалъ, между прочимъ: «Мы не космополиты, а хорошіе польскіе патріоты, потому что мы стараемся поднять народъ и ввести его въ политическую жизнь».

Бадени энергично защищался и старался свалить всю вину на соціалдемократовъ, которые вмѣстѣ съ другими «радикальными элементами» подстрекаютъ народъ противъ правительства и богатыхъ классовъ. Онъ перечислилъ, между прочимъ, рядъ «эксцессовъ», совершенныхъ «радикальными элементами» и выдалъ австрійскому чиновничеству, на которомъ лежала обязанность подготовить выборы и охранять во время нихъ порядокъ, аттестатъ въ «достойной прославленія вѣрности долгу». Ему все-таки не удалось вполнѣ изгладить впечатлѣнія, произведеннаго разоблаченіями представителей крайней лѣвой. Въ концѣ концовъ, вмѣсто предложенія Дашинскаго немедленно назначить «комиссію тридцати шести» для разслѣдованія выборныхъ злоупотребленій, было принято предложеніе младочеха Странскаго передать сперва вопросъ, возбужденный Дашинскимъ, на обсужденіи комиссіи, провѣряющей депутатскіе мандаты.

Это была первая благодарность младочеховъ за «распоряженіе о языкахъ».

Младочехи не стали дожидаться, пока правительство умоется. Такова сила любви у этихъ національныхъ чешскихъ радикаловъ!

«Sprachenverordnung» уже санкціонировано рейхсратомъ, сессія котораго надняхъ пріостановлена на время пасхальныхъ праздниковъ.

Недавно кончились общіе парламентскіе выборы и въ Италіи. Партія Криспи совершенно разбита; изъ 200 слишкомъ «криспіанцевъ», выбранныхъ въ 1895 году, въ этотъ разъ получили мандаты всего лишь 18 человѣкъ. Зато громадный сравнительно успѣхъ имѣли соціалисты; число ихъ депутатовъ, сравнительно съ прошлыми выборами, увеличилось въ 2 раза (съ 8 на 16). Еще замѣтнѣе ростъ соціалистовъ, если принять во вниманіе все число голосовъ, поданныхъ за ихъ кандидатовъ.

Въ 1892 г.	они получили	26.000	голосовъ.
Въ 1895 г.	»	55.400	»
Въ 1897 г.	»	134.500	»

Республиканцы провели 15 депутатовъ. Радикалы — 40. Джіолиттіанцы (сторонники Джіолитти)—40.

Наибольшій успѣхъ въ Италіи при выборахъ имѣютъ постоянно кандидаты министерскіе, т. е. сторонники министра-президента, «дѣлающаго» данные выборы. И на этотъ разъ умѣренная правая, къ которой принадлежитъ Рудини, пріобрѣла наибольшее число мѣстъ въ палатѣ—160.

Рудини можетъ разсчитывать, кромѣ того, на 90 членовъ центра, 40 сторонниковъ Джіолитти и 20 сторонниковъ Цанарделли, такъ что у него, повидимому, составится очень значительное большинство, превышающее оппозицію голосовъ на 150, но опытъ прежнихъ лѣтъ показываетъ, что новая палата, не смотря на кажущійся громадный перевѣсъ правительственнаго большинства, быстро свергаетъ создавшее ее

министерство. Криспи, напр., въ 1890 году получилъ большинство въ 300 голосовъ и былъ все же низвергнутъ въ 1891 году. Джіолитти въ 1892 году получилъ большинство въ 200 голосовъ и былъ опять-таки низвергнутъ черезъ годъ—въ 1893 г.

Дѣло въ томъ, что покорные кандидаты, пробивающіеся въ парламентъ при содѣйствіи министерства, дѣлаются, получивъ мандатъ, чрезвычайно требовательными и, при первомъ же неисполненіи ихъ желаній, соединяются съ оппозиціей и низвергаютъ «свое» министерство. Возможно, что та же участь ожидаетъ и Рудини, но во всякомъ случаѣ «итальянскій Бисмаркъ»—Криспи болѣе никогда не станетъ во главѣ Италіи. Онъ политически погибъ въ сраженіи подъ Адуей. Президентомъ новой итальянской палаты избранъ Цанарделли, бывшій министръ юстиціи и авторъ новаго уголовнаго кодекса, въ которомъ, кстати сказать, совершенно отсутствуетъ смертная казнь. Въ своей вступительной рѣчи новый президентъ обѣщалъ, между прочимъ, строго охранять «свободу трибуны», т.-е. свободу слова.

«Къ этой свободѣ трибуны—сказалъ онъ—я проникнутъ глубокимъ уваженіемъ и я сознаю всю ея необходимость, потому что свободныя учрежденія живутъ свѣтомъ, публичностью и борьбой противоположныхъ мнѣній»...

«Тронная рѣчь говорила о проектахъ законовъ въ пользу рабочихъ классовъ, привлекала ваше вниманіе къ созданію улучшеній, которыхъ ждутъ несчастные, къ дѣлу, которое должно быть для нашего законодательство долгомъ солидарности и справедливости. Равновѣсіе въ соціальномъ порядкѣ, свобода въ политическомъ, другими словами, общество на справедливыхъ началахъ и свободное правительство—вотъ достойная цѣль, указанная вашей дѣятельности королевскою рѣчью».

В. П.

Политическіе выборы въ Галиціи [1]).

(Впечатлѣнія туриста).

Въ теченіе первой половины истекшаго марта въ Австріи происходили выборы, долженствовавшіе обновить составъ рейхсрата. Политическіе выборы вездѣ и всегда сопровождаются болѣе или менѣе страстной борьбой, и въ этой борьбѣ выступаютъ наружу дремлющія въ народѣ силы; выборы поднимаютъ политическое самосознаніе на-

---

[1]) Въ основу предлагаемаго очерка положены мои корреспонденціи, первоначально напечатанныя въ газетѣ «Русь», 1897 г. №№ 49, 53 и 63. Редакція газеты ихъ сократила, дополнила соображеніями, съ которыми я рѣшительно не могу согласиться, и отчасти передѣлала заключавшійся въ нихъ фактическій матеріалъ, пополнивъ его изъ другихъ источниковъ свѣдѣніями, которыя кажутся мнѣ неточными.

рода, а результатъ ихъ служитъ показателемъ его настроенія, политическаго и отчасти культурнаго развитія. Поэтому понятно, что не только внутри страны, но и за границей, за каждыми выборами слѣдятъ одни съ надеждой и отрадой, другіе—съ злобой и тревогой, но всѣ съ глубокимъ интересомъ. Нынѣшніе же австрійскіе выборы представляютъ совершенно особенный интересъ. Донынѣ къ избирательной системѣ Австріи, съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ это сдѣлалъ когда-то Бисмаркъ по отношенію къ системѣ Пруссіи, можно было примѣнить наименованіе «наиболѣе позорной въ свѣтѣ». Правомъ голоса на выборахъ въ нижнюю палату рейхсрата пользовались исключительно привилегированные классы, раздѣленные на 4 избирательныя куріи,—и рейхсратъ служилъ отраженіемъ мнѣній, стремленій и идеаловъ только этихъ классовъ. Но вотъ въ прошломъ (1896) году, Бадени, глава австрійскаго правительства, провелъ новеллу къ избирательному закону,—любопытный плодъ борьбы партійныхъ интригъ и давленія общественнаго мнѣнія. Къ прежнимъ 4 куріямъ была прибавлена новая, 5-я курія. Въ ней голосуетъ все взрослое мужское населеніе Австріи,—какъ та часть его, которая уже имѣла право голоса въ другихъ куріяхъ, такъ и та, которая имъ не пользовалась раньше. Первыя 4 куріи попрежнему посылаютъ въ рейхсратъ 353 депутата, послѣдняя прибавляетъ къ нимъ 72-хъ. Уже изъ этого ясно, что новая система далека отъ справедливости. Это станетъ еще яснѣе, если обратить вниманіе на раздѣленіе страны по округамъ: рядомъ съ округомъ въ въ 250.000 душъ населенія, мы находимъ округъ въ 500 и болѣе тыс.; тамъ, гдѣ населеніе города настроено болѣе или менѣе радикально, тамъ къ городу прирѣзано значительное количество окрестныхъ деревень, въ которыхъ можно ожидать болѣе благопріятнаго для правительства исхода выборовъ (такъ сдѣлано съ Лембергомъ). Но и этого мало: лишь въ немногихъ мѣстахъ (въ Галиціи только въ двухъ большихъ городахъ—Лембергѣ и Краковѣ) выборы прямые; въ остальныхъ избиратели (Urwähler) избираютъ лишь выборщиковъ (Wahlmänner, по-малороссійски виборци), которые уже подаютъ голоса за депутата; притомъ первичное избраніе выборщиковъ (правыборы) совершается открытой подачей голосовъ, т.-е. подъ строжайшимъ легализованнымъ давленіемъ полиціи. Всѣ эти уклоненія въ сторону отъ прямой дороги явились результатомъ компромиссовъ разныхъ партій съ правительствомъ, и благодаря имъ новая система, все же являющаяся нѣкоторымъ, хотя и весьма скромнымъ, шагомъ впередъ, много теряетъ въ послѣдовательности и логической стройности, сравнительно даже съ прежней.

Но какъ бы то ни было, теперь стоялъ на очереди вопросъ: что скажетъ этотъ народъ, впервые призываемый къ избирательнымъ урнамъ, впервые получающій право самостоятельно рѣшать свои дѣла? Каковы его симпатіи и стремленія? Пойдетъ ли онъ за правительствомъ

или за оппозиціей, и какой именно? Пусть онъ выскажется въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны устами всего 72 человѣкъ, когда 5/6 палаты депутатовъ рейхсрата попрежнему будутъ представителями привилегированныхъ сословій; но эти 72 депутата съ совершенно неоспоримымъ правомъ могутъ сказать, обращаясь къ своимъ привилегированнымъ собратьямъ: «мы—народъ; за нами—24 милліона человѣкъ; а за вами кто?» И нѣтъ сомнѣнія, что эти рѣчи будутъ производить сильное впечатлѣніе. Пускай выборы не дадутъ правильнаго (т.-е соотвѣтствующаго настроенію страны) распредѣленія партій въ рейхсратѣ, но они, по крайней мѣрѣ, покажутъ настроеніе страны,—а тамъ, кто знаетъ, что сумѣютъ сдѣлать эти 72 депутата. Вѣдь были же въ послѣдніе годы правленія Наполеона III 5 оппозиціонныхъ депутатовъ чуть ли не могущественнѣе всего французскаго парламента! Теперь же какъ разъ новому рейхсрату предстоитъ высказаться по вопросу такой колоссальной важности, какъ критскій.

Такъ думалъ я, переѣзжая въ началѣ марта австрійскую границу, чтобы лично познакомиться съ движеніемъ, происходившимъ за ней. Для своихъ наблюденій я выбралъ Галицію, давно меня интересовавшую, и именно восточную ея часть. Какъ извѣстно, политическая и экономическая борьба въ Австріи осложняется борьбой національной. Національныя различія нагляднѣе, рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ другія различія, и потому національныя знамена прежде другихъ объединяютъ народныя массы на борьбу за политическую свободу и экономическое благосостояніе; но эти же знамена нерѣдко перемѣшиваютъ ряды борцовъ и разводятъ въ разные лагери людей въ сущности однихъ убѣжденій.

Галиція не составляетъ исключенія изъ ряда коронныхъ земель Австрійской Имперіи. Ея восточная половина населена племенемъ, извѣстнымъ подъ именемъ русиновъ. Оно говоритъ на томъ самомъ языкѣ, какой господствуетъ по сю сторону границы въ русской Украйнѣ; складомъ жизни и національнымъ характеромъ оно тоже не отличается отъ малороссовъ, такъ что только пограничные столбы и шлагбаумы, да паспортный и таможенный досмотръ могутъ указать путешественнику, переѣзжающему изъ Кіева въ Лембергъ, что онъ переѣхалъ изъ одного государства въ другое. Западная Галиція населена поляками. Однако не легко было бы провести точную географическую границу между двумя родственными племенами. Весь высшій классъ страны, крупные землевладѣльцы, промышленники и торговцы, почти всѣ чиновники, какъ восточной, такъ и западной части одинаково, составляютъ поляки. Большіе города населены преимущественно поляками. Въ Лембергѣ, столицѣ Галиціи, лежащей на востокѣ, малороссійскій языкъ на улицахъ и въ иныхъ публичныхъ мѣстахъ звучитъ, какъ языкъ иностранный; число русиновъ въ немъ

не превышаетъ 10 тысячъ изъ болѣе чѣмъ 100 тысячнаго населенія города. Но стоитъ выйти изъ города на нѣсколько верстъ, чтобы попасть въ деревню исключительно русинскую. Но чѣмъ далѣе на западъ будемъ мы подвигаться отъ Лемберга, тѣмъ чаще будутъ намъ встрѣчаться польскія лица, польскіе костюмы, тѣмъ чаще будемъ слышать мы польскую рѣчь; во многихъ деревняхъ крестьяне-поляки живутъ бокъ-о-бокъ съ крестьянами-русинами. За Перемышлемъ пойдутъ уже деревни, сплошь населенныя поляками.

Но кромѣ русиновъ и поляковъ видный процентъ населенія во всей Галиціи, какъ восточной, такъ и западной, составляютъ евреи.

Изъ двухъ или, точнѣе, трехъ національностей, населяющихъ Галицію, поляки—побѣдители, русины — побѣжденные. Принадлежность тѣхъ и другихъ къ Австрійской имперіи нисколько не мѣняетъ дѣла. Въ галиційскомъ ландтагѣ господствуютъ поляки; къ нимъ принадлежитъ за рѣдкими исключеніями вся администрація Галиціи, въ томъ числѣ и ея глава—намѣстникъ (штатгальтеръ). Польскій языкъ господствуетъ въ странѣ, конкурируя съ нѣмецкимъ; малороссійскій только въ послѣдніе годы сталъ мало-по-малу отвоевывать позиціи въ школѣ, въ университетѣ, въ общинномъ самоуправленіи и т. д.

Однако, пока мы будемъ оставаться въ средѣ крестьянства, мы лишь съ трудомъ будемъ открывать слѣды того историческаго процесса, который обратилъ однихъ въ побѣдителей, другихъ въ побѣжденныхъ, такъ какъ оба племени одинаково стонутъ подъ бременемъ непосильныхъ поборовъ, оба страдаютъ отъ деспотизма полиціи, отъ безправнаго положенія личности. Чтобы найти ихъ, мы должны будемъ подняться выше. Тѣмъ не менѣе, именно вслѣдствіе національнаго различія, духъ протеста пробудился ранѣе въ средѣ русиновъ. И вотъ, въ рейхсратѣ и ландтагѣ,—высшемъ органѣ мѣстнаго самоуправленія Галиціи, равно какъ и другихъ коронныхъ земель Австріи,—мы уже давно находимъ двѣ партіи, группирующіяся подъ національными знаменами: партію польскую—правительственную, и партію русинскую—демократическую (или, какъ она сама себя называетъ, народовскую) и, слѣдовательно, оппозиціонную. Въ борьбѣ между этими двумя партіями, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ и какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ Богеміи, мелкія націоналистическія разногласія, въ родѣ борьбы изъ-за языка уличныхъ надписей, разногласія, имѣющія особенно мало значенія въ Галиціи, гдѣ все населеніе свободно понимаетъ оба языка, заслоняли собою гораздо болѣе существенныя разногласія по вопросамъ финансовой, податной и всякой иной политики.

Однако, съ 80-хъ годовъ дѣло начало измѣняться. Если польскій клубъ вѣнскаго рейхсрата донынѣ еще въ состояніи охранять дисциплину въ рядахъ своихъ членовъ, среди которыхъ, рядомъ съ элементами строго-консервативными, обнаружились элементы умѣренно-про-

грессивные, то разногласія въ средѣ русинскихъ членовъ парламента оказались болѣе серьезными. Но, кромѣ того,—и это гораздо важнѣе,—рядомъ со старыми парламентскими партіями возникли въ народѣ, донынѣ лишенномъ парламентскаго представительства, совершенно новыя теченія, не умѣщавшіяся въ тѣсныя рамки чисто національныхъ партій.

Оставляя въ сторонѣ численно ничтожную группу москвофиловъ, имѣющую въ газетѣ «Галичанинъ» свой органъ, группу, кладущую въ основу своей программы не внутреннюю, а иностранную политику, и уже въ силу этого неспособную имѣть сколько-нибудь значительнаго вліянія на народъ,—къ 1897 г. въ средѣ русинскаго населенія обнаруживалось три главныхъ партіи. Во главѣ одной, проводящей свои взгляды въ газетахъ «Правда» и «Русланъ», стоитъ депутатъ Барвинскій; во главѣ другой—депутатъ Романчукъ съ газетой «Дѣло». Оба они долгое время работали вмѣстѣ, какъ члены народовской партіи; въ 1890 г. они вмѣстѣ вступили въ соглашеніе («угоду») съ тогдашнимъ штатгальтеромъ (намѣстникомъ) Галиціи, нынѣшнимъ министромъ президентомъ, гр. Бадени, въ силу котораго они за нѣкоторыя совершенно ничтожныя уступки въ пользу малороссійскаго языка и т. п. обѣщали правительству свою поддержку въ рейхсратѣ и ландтагѣ. Барвинскій со своею партіею и до сихъ поръ стоитъ на почвѣ этого соглашенія; до сихъ поръ его группа является одною изъ правительственныхъ партій, какъ Австріи вообще, такъ и Галиціи въ частности. Такимъ образомъ, это партія полонофильская и консервативная. Противоположность ей составляетъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ партія Романчука, называемая либеральной, украйнофильской или младорусинской. Когда соглашеніе съ правительствомъ не оправдало надеждъ, возлагавшихся на него Романчукомъ и другими, столь же наивными политиками, она перешла въ оппозицію и начала требовать реформы избирательнаго права, измѣненія въ системѣ администраціи управленія въ Галиціи, полной равноправности языковъ и нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма умѣренныхъ, демократическихъ реформъ въ пользу крестьянства. Но эта партія, только что заключавшая компромиссъ съ правительствомъ, не могла говорить сколько-нибудь рѣшительнымъ языкомъ и потому была обречена на безсиліе. Вчера еще полонофильская, на выборахъ 1897 г. она заключила союзъ съ москвофилами, но ихъ поддержка не могла обезпечить ей успѣха.

Рядомъ съ двумя осколками старой русинской партіи въ теченіе 1880-хъ и 1890-хъ гг. возникла совершенно новая партія. До сихъ поръ она не имѣла ни одного представителя въ рейхсратѣ и, послѣ выборовъ 1895 г. только трехъ представителей въ ландтагѣ (Новаковскаго, Окуневскаго, Остапчука). Во главѣ ея стоитъ даровитый галицкій беллетристъ и публицистъ, докторъ Иванъ Франко,

нынѣ редакторъ журналовъ «Жите і Слово» и «Громадскій Голос» [1]). Эта партія прежде всего выкинула изъ своей клички какое бы то ни было указаніе на свой національный характеръ и назвала себя просто радикальной. Въ программу ея, кромѣ всеобщей подачи голосовъ, свободы печати и другихъ политическихъ требованій, общихъ ей со всѣми радикальными партіями Европы, включено регулированіе рѣкъ (для предупрежденія наводненій) и нѣсколько другихъ подобныхъ мѣропріятій, необходимыхъ для мѣстнаго населенія и обращающихъ эту партію въ партію крестьянскую. Что касается чисто національныхъ вопросовъ, то радикалы считаютъ ихъ второстепенными, хотя, конечно, требуютъ для малороссійскаго языка такого же положенія въ школѣ, судѣ и др. мѣстахъ, какимъ пользуется языкъ польскій.

Но въ Лембергѣ съ его повѣтомъ (уѣздомъ), куда я прежде всего направился, какъ городѣ по преимуществу польскомъ, вели борьбу не эти, а польскія партіи. Передъ 11 марта (н. ст.), днемъ, когда во всей Галиціи должны были происходить окончательные выборы въ 5-й куріи, различными партіями были выставлены три главныхъ кандидата: правительственный (польскій) — Мохнацкій; соціалдемократъ, — молодой живописецъ вывѣсокъ Козакевичъ, и «польскій»— радикалъ Брайтеръ. Этотъ послѣдній—какая-то странная личность, стоящая внѣ существующихъ партій, съ весьма неясной и непонятной программой, но съ грубымъ языкомъ и не всегда приличными пріемами борьбы. Повидимому, онъ выпущенъ на политическую арену правящими кругами, плохо надѣявшимися иначе провести своего кандидата—съ цѣлью раздѣленія голосовъ противниковъ. Къ нимъ присоединились 5 или 6 совершенно безнадежныхъ кандидатовъ, выставленныхъ по различнымъ соображеніямъ всевозможными группами. Какъ и въ Германіи, наибольшую энергію и страстность въ борьбѣ проявили соціалдемократы, хотя здѣсь совершенное ничтожество личности ихъ вождя стояло имъ на дорогѣ. За нѣсколько дней до выборовъ, по всему городу были расклеены громадныя красныя афиши, въ которыхъ на разные лады на трехъ языкахъ (польскомъ, малорусскомъ и еврейскомъ) избиратели настойчиво приглашались подавать голоса за «Ивана Козакевича, кандидата соціально-демократической партіи, рѣшительнаго, безусловнаго врага польскаго клуба, твердаго защитника гонимыхъ и униженныхъ».

«Не забывайте,—говорилось въ малороссійской прокламаціи,—что основой нашего народа служитъ рабочій людъ. Пусть поэтому каждый изъ васъ подастъ свой голосъ за кандидата партіи, которая одна честно отстаиваетъ интересы рабочаго народа, пусть каждый изъ васъ подастъ свой голосъ за Ивана Козакевича, живописца изъ Лемберга»,

[1]) О немъ см. статью Е. Дегена въ № 6 «Новаго Слова» за 1897 г.

и т. д. Далѣе шло подробное объясненіе, какъ враги народа умѣютъ въ день выборовъ вымапивать избирательные бюллетени изъ рукъ избирателей, какъ они вписываютъ тамъ имена своихъ кандидатовъ, какъ слѣдуетъ защищаться отъ этого.

Соціалдемократы устраивали народныя собранія, на которыхъ разъясняли свои принципы и вызывали противниковъ на споры; на этихъ собраніяхъ, на которыя собирались толпы народа, иногда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, всегда царило восторженное настроеніе, всегда господствовала увѣренность въ близкой побѣдѣ. Нужно отдать справедливость полиціи, — въ Лембергѣ она не мѣшала собираться и ораторствовать на подобныхъ собраніяхъ, и потому языкъ, господствовавшій на нихъ, отличался отъ языка на подобныхъ же собраніяхъ въ Германіи развѣ только вслѣдствіе меньшей талантливости и низшаго уровня образованія ораторовъ.

Но въ то же время изъ деревень приходили вѣсти о разогнанныхъ крестьянскихъ «вѣчахъ», о ничѣмъ не вызванныхъ многочисленныхъ арестахъ избирателей. Дня за три до 11 марта я посѣтилъ доктора Франка.

— Подождите немного,— сказалъ онъ мнѣ, — вы вотъ не вѣрили нашимъ разсказамъ о томъ, что творится въ провинціи. Черезъ полчаса вернется моя жена; она пошла,—я, какъ вы видите, боленъ,—къ намѣстнику Галиціи съ крестьянской депутаціей, явившейся сюда протестовать противъ порядковъ на выборахъ.

Черезъ нѣсколько времени, дѣйствительно, вернулась жена моего собесѣдника и привела съ собой толпу крестьянъ, человѣкъ въ 16, изъ мѣстечка Мостиска (близъ Перемышля). Мѣстечко это со смѣшаннымъ польскимъ и малороссійскимъ населеніемъ, и потому въ депутаціи были представители обѣихъ національностей. Въ своихъ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ свиткахъ, русины своимъ костюмомъ, начинающимъ уже исчезать въ русской Украйнѣ, но сохраняющимся въ Галиціи, и своею наружностью, въ особенности длинными усами, напоминали козаковъ XVII в. Совершенно иной видъ имѣли поляки. Я ясно различалъ, какъ и въ другихъ группахъ крестьянъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, двѣ несмѣшивающіяся струи польскаго и малорусскаго языковъ, но когда я вникъ въ смыслъ ихъ рѣчей, то различіе для меня исчезло. И тѣ, и другіе съ одинаковымъ порицаніемъ относились къ политикѣ галицкихъ властей, съ одинаково горячностью отстаивали одну и ту же кандидатуру: въ Лембергѣ общимъ кандидатомъ былъ полякъ Козакевичъ, плохо говорящій по-малорусски, — и за него охотно подавали голоса тысячи рабочихъ и крестьянъ русиновъ. Въ Перемышльскомъ округѣ такимъ же кандидатомъ былъ чистокровный русинъ И. Франко, и польскіе крестьяне массами подавали за него голоса, агитировали за него и даже, какъ оказалось впослѣдствіи, во множествѣ сидѣли за него въ тюрьмѣ.

— Мы только что хотѣли идти подавать наши голоса, утромъ рано,—разсказывали мнѣ крестьяне,—какъ комиссаръ полиціи, замѣтивъ, что выборы идутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, заявилъ намъ, что выборы кончены. Мы все-таки хотѣли пройти въ комнату, но передъ дверьми стала полиція и жандармы, и насъ не пустили. Нѣсколько сотенъ человѣкъ не могли подать голоса.

Дѣло шло пока о «правыборахъ», состоявшихся въ ихъ городкѣ 6 марта; на это-то и пріѣхали депутаты жаловаться. Но намѣстникъ, разумѣется, ихъ не принялъ.

Не смотря на такую систему «правыборовъ», процѣдившую выборщиковъ черезъ полицейское сито, въ ихъ среду все-таки проникло не мало неблагонамѣренныхъ элементовъ. Въ самый день выборовъ я узналъ, что только въ одной Мостицкѣ было арестовано болѣе 50 выборщиковъ, въ другихъ мѣстахъ были тоже многочисленные аресты. Въ Перемышлѣ, между прочимъ, были арестованы: депутатъ галиційскаго ландтага Новаковскій и радикалъ Виттекъ. Оба они были страшны правительству не столько, какъ способные люди или искусные агитаторы, сколько какъ выборщики, и потому никто не сомнѣвался, что черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ они будутъ освобождены, и, можетъ быть, даже весь инцидентъ будетъ признанъ недоразумѣніемъ. При ограниченномъ числѣ выборщиковъ арестъ 50 легко могъ перетянуть вѣсы на другую сторону.

Наканунѣ дня, назначеннаго для выборовъ, по улицамъ г. Лемберга съ утра до вечера передвигались военные патрули, очевидно, долженствовавшіе служить демонстраціей для избирателей, пока еще мирной. Не вездѣ, однако, на слѣдующее утро движенія войскъ оставались столь же мирными...

Увѣренный, что выборы будутъ гораздо интереснѣе вдали отъ крупныхъ центровъ, гдѣ мѣстной полиціи и жандармеріи предоставляется болѣе свободы отъ назойливаго любопытства газетныхъ корреспондентовъ и политическихъ дѣятелей, я утромъ 11 марта съ первымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Львова въ маленькій городокъ Дрогобычъ. Атмосфера политической борьбы охватила меня уже въ вагонѣ; всѣ разговоры вертѣлись на одной животрепещущей темѣ. Рядомъ со мной сидѣлъ молодой парень лѣтъ 25, съ живымъ, интеллигентнымъ лицомъ.

— Далеко ѣдете?—обратился я къ нему съ вопросомъ по-русски.

— До Миколаева,—отвѣтилъ онъ по-малороссійски, и сейчасъ же прибавилъ:—вѣдь сегодня выборы.

— А вы приписаны тамъ?

— Нѣтъ, я только родомъ изъ тѣхъ мѣстъ, а живу уже давно во Львовѣ, служу у слесаря подмастерьемъ.

— Такъ какъ же вы отъ выборовъ-то и уѣзжаете? Вѣдь, значитъ, вашъ голосъ пропадетъ?

— Не пропадетъ, я устроилъ такъ, что не пропадетъ, хитро под-

мигивая, отвѣтилъ онъ.—А только тамъ я нужнѣе: я ѣду агитировать.

— За кого же агитируете вы?

— Конечно, за Козакевича! Мы всѣ стоимъ теперь за Козакевича. Только въ соціализмѣ для насъ спасеніе. Насъ давятъ; насъ эксплоатируютъ, — и тутъ полилась горячая, но довольно шаблонная тирада въ защиту принциповъ соціализма, мало меня интересовавшая.

— А васъ не смущаетъ, что Казакевичъ полякъ? Вѣдь вы русинъ?— перебилъ я моего собесѣдника.

— Какой Козакевичъ полякъ! Козакевичъ—маляръ, рабочій, а развѣ есть у рабочаго національность? Національная борьба—это все пустое; здѣшніе помѣщики—почти сплошь поляки, и потому польскій клубъ есть помѣщичья партія, но полякъ-рабочій можетъ быть такимъ же защитникомъ рабочихъ, какъ и русинъ или нѣмецъ. Да вотъ читайте.

И онъ вытащилъ изъ-подъ скамьи цѣлый ворохъ различныхъ прокламацій на малороссійскомъ языкѣ, мнѣ уже знакомыхъ, и нѣсколько №№ газеты «Robytnik», издаваемой на малороссійскомъ языкѣ, но латинской (польской) азбукой, какъ лучше знакомой мѣстному населенію. Мой спутникъ былъ однимъ изъ авторовъ прокламаціи и ближайшимъ сотрудникомъ гезеты.

Поѣздъ остановился, и къ намъ подсѣло нѣсколько русскихъ крестьянъ. Мой спутникъ сейчасъ же набросился на нихъ, какъ волкъ на добычу.

— Куда, братцы, ѣдете? Не голосовать ли?

— Голосовать.

— Вы откуда же?

Мужики указали свою деревню; оказалось, что они изъ того же повѣта.

— За кого же вы хотите голосовать?

— Да тамъ видно будетъ,—послышался уклончивый отвѣтъ.

— Да кто у васъ «кандидуетъ»?—спросилъ агитаторъ, очевидно, съ задней цѣлью, потому что прекрасно зналъ, кто выступаетъ кандидатомъ въ этомъ округѣ.

— Тамъ узнаемъ.

— Экіе вы! да скажите, по крайней мѣрѣ, за кого вы хотите подавать ваши голоса: за пана или за работника?

Но мужики были, очевидно, люди опытные, и потому производившему допросъ агитатору не удалось ничего добиться и этимъ путемъ. Онъ сунулъ въ руки каждому по экземпляру прокламаціи, освѣдомившись предварительно, грамотны ли они, и вновь обратился ко мнѣ. Но на слѣдующей остановкѣ нѣсколько пассажировъ вышло изъ вагона, и это неожиданно развязало языки у мужиковъ.

— Да мы и такъ знаемъ, что нужно голосовать за Козакевича,— неожиданно заявили они.

— Ну, то-то же! слава Богу! чего же вы раньше воды въ ротъ набрали?

— Да мы боялись говорить при господинѣ, что въ томъ углу сидѣлъ, въ очкахъ.

Рѣчь шла о высокомъ господинѣ, съ аристократическими, чисто польскими чертами лица.

— Что вы, братцы! да я его хорошо знаю. Онъ нашъ. совсѣмъ нашъ!

Все это дышало страстью борьбы и вѣрой въ побѣду. Совсѣмъ въ другую атмосферу попалъ я, когда высадился въ Дрогобичъ и по грязной улицѣ добрался до магистрата, гдѣ производились выборы. Во дворѣ дома стоялъ въ строю, готовый къ дѣйствію, отрядъ солдатъ, человѣкъ въ 30. Передъ входомъ въ залу голосованія стояли два жандарма, съ перьями на шляпахъ, съ ружьями и австрійскими штыками (въ формѣ ножа) на перевязяхъ за плечами; передъ входомъ толпилась кучка мужиковъ-выборщиковъ, уже избранныхъ на первоначальныхъ выборахъ недѣлю тому назадъ, а среди нихъ расхаживалъ комиссаръ полиціи ина прекрасномъ малороссійскомъ языкѣ убѣждалъ ихъ:

— Эхъ, братцы, чего это вы заладили: Франко, да Франко! Франко— безбожникъ, я вѣрно знаю, что у него дѣти некрещеныя. Какой онъ вамъ заступникъ! Онъ только мутить умѣетъ. Подавайте голоса лучше за Левицкаго.

Это звучало совершенно ясно и опредѣленно. Подобное вмѣшательство полиціи въ избирательную агитацію вызываетъ въ Германіи всегда бурю негодованія, но здѣсь это только цвѣточки: коммиссаръ дѣйствовалъ пока только словомъ, убѣжденіемъ. Я подошелъ къ самой входной двери. Входитъ выборщикъ.

— Легитимація!—грозно окрикиваетъ жандармъ.

Выборщикъ покорно показываетъ легитимацію—удостовѣреніе права голосовать.

— Карта! (т. е. избирательный бюллетень) — вновь окрикиваетъ жандармъ.

— Я опущу ее въ урну,—твердо заявляетъ выборщикъ.

— Карта!—еще грознѣе окрикиваетъ жандармъ.

— Я не обязанъ ее вамъ показывать.

— Пошелъ вонъ!—жандармъ поворотилъ избирателя и тумакомъ въ спину оттолкнулъ на улицу въ толпу.

Тѣ же окрики повторились при входѣ другого избирателя; только этотъ покорно показалъ свою карту (избирательный бюллетень). Жандаромъ на моихъ глазахъ развернулъ ее, прочиталъ и мирно отпустилъ выборщика въ избирательную залу, засмѣявшись непріятнымъ смѣхомъ. Я не знаю, за кого голосовалъ этотъ выборщикъ, но во всякомъ случаѣ тайна голосованія оказалась для него миѳомъ. Мнѣ не пришлось наблюдать особенно энергическаго противодѣйствія подобнымъ пріемамъ воздѣйствія, — но именно они вызвали въ мѣстечкѣ

Давидовѣ сопротивленіе со стороны крестьянъ, стрѣльбу со стороны жандармовъ, и кровавую самозащиту со стороны подвергшихся нападенію крестьянъ.

Я заговорилъ съ однимъ изъ крестьянъ.

— Вы тоже выборщикъ?

— Да, я уже подалъ свой голосъ.

— Что же, вашу карту тоже читалъ жандармъ, какъ карту вонъ этого?

— Нѣтъ, какъ можно!

— Такъ, значитъ, онъ не потребовалъ?

— Нѣтъ, онъ требовалъ, да я не далъ. Дурни даютъ.

— Ну, а мнѣ вы можете сказать, за кого вы голосовали?

— Вамъ скажу: за Франка.

— А много у васъ голосуютъ за Франка?

— Если Перемышль и Самборъ насъ не поддержатъ, то онъ провалится. У насъ дѣло плохо. Вы видите, какъ гоняютъ нашего брата. Не у всякаго хватитъ духа все-таки пройти, не показавъ карты. Да и не показать ее безполезно: жандармы все равно догаются, что коли не показываешь, значитъ дѣло не ладно.

— У васъ арестовали кого-нибудь изъ выборщиковъ?

— У насъ никого, а по сосѣдству—много.

Въ эту минуту комиссаръ полиціи, замѣтивъ незнакомое ему лицо, подошелъ ко мнѣ и вѣжливо освѣдомился о моемъ имени и званіи. Я подалъ ему карточку, на которой значилось то и другое,—и началъ ждать какой-нибудь непріятности; но комиссаръ ограничился тѣмъ, что съ тѣхъ поръ не спускалъ съ меня глазъ. Хорошо помня, съ какою предупредительностью въ Германіи и Болгаріи пускали меня, на правахъ корреспондента, въ избирательныя помѣщенія, я послалъ съ жандармомъ свою карточку предсѣдателю избирательнаго бюро съ просьбою о допущеніи меня внутрь зданія. Но здѣсь, очевидно, слишкомъ много нужно было скрывать отъ посторонняго глаза, и я черезъ того же жандарма получилъ суровый отказъ.

Въ 12 ч. дня выборы кончились; начался подсчетъ голосовъ, котораго я не видѣлъ, такъ какъ онъ производился при закрытыхъ дверяхъ тѣмъ же избирательнымъ бюро, которое покрывало своимъ авторитетомъ всѣ предыдущія нарушенія закона. Зато я видѣлъ, какъ комиссаръ полиціи повелъ толпу выборщиковъ угощать въ сосѣдній трактиръ.

Я спѣшилъ въ Перемышль, находившійся въ предѣлахъ того же избирательнаго округа, куда пріѣхалъ къ концу выборовъ; по дорогѣ я видѣлъ и говорилъ со множествомъ крестьянъ, садившихся въ поѣздъ послѣ голосованія. Вездѣ то же самое въ иныхъ мѣстахъ дѣло было еще грубѣе. Помимо ареста избирателей, помимо недопущенія къ урнѣ крестьянъ, не желавшихъ раскрывать тайны своего голосова-

нія, помимо полицейскаго убѣжденія и угощенія, во многихъ мѣстахъ агенты правительства выманивали изъ рукъ выборщиковъ ихъ бюллетени, вычеркивали тамъ имя Франка и вписывали имя Левицкаго. Среди бюллетеней весьма значительное ихъ количество оказалось перечеркнутыми, даже по 2 раза. Очевидно, что имя оппозиціоннаго кандидата вычеркивалось кѣмъ-либо изъ правительственныхъ агентовъ, которые надписывали взамѣнъ другое имя; крестьянинъ, повидимому, покорно принималъ это, но уже подходя къ урнѣ, можетъ быть, въ прихожей магистрата, потихоньку перечеркивалъ карандашемъ вписанное имя и вновь надписывалъ имя своего кандидата.

Все это покрывалось избирательнымъ бюро. Послѣднее по закону избирается выборщиками до начала выборовъ; но въ Перемышлѣ, напр., коммиссаръ полиціи еще задолго до часа, назначеннаго для открытія избирательнаго помѣщенія, заперся въ немъ съ нѣсколькими подобранными выборщиками, назначилъ бюро, а затѣмъ вышелъ къ толпѣ съ заявленіемъ, что бюро уже готово.

Поэтому я былъ страшно пораженъ, когда узналъ, что за Франка подано 335 голосовъ, тогда какъ за Левицкаго 505. Я ожидалъ, что за Франка будетъ подано не болѣе 50. Откуда набрались эти 335 человѣкъ, которыхъ власти не догадались предварительно арестовать, которые, не смотря на окрики жандарма, не смотря на убѣжденія полиціи, рѣшили явно (по крайней мѣрѣ фактически явно) подать свой голосъ, осуждающій систему австрійскаго управленія? Они рисковали очень многимъ.

Радикальная партія разбита, но на ея сторонѣ блестящая моральная побѣда. Къ вечеру того же и утру слѣдующаго дня приходили въ Перемышль извѣстія изъ другихъ мѣстъ Галиціи и Австріи, и вездѣ оказывалось то же самое. Правительство побѣдило, но вездѣ ничтожнымъ большинствомъ, и трудно сомнѣваться въ томъ, что это—Пиррова побѣда. Противъ роста общественнаго мнѣнія трудно что-нибудь подѣлать. Галиційскіе радикалы сосчитали свои силы, и къ слѣдующимъ выборамъ они явятся лучше вооруженными.

Гораздо болѣе опаснымъ противникомъ для нея, чѣмъ гр. Бадени, чѣмъ все австрійское правительство или польская полиція, явится тогда растущая слѣва отъ нея, равно какъ и отъ союзныхъ съ нею польскихъ радикаловъ и демократовъ, соціалдемократическая партія. Не смотря на господствующую въ Австріи и въ особенности въ Галиціи систему давленія на выборахъ, эта партія уже нынче успѣла провести въ рейхсратъ 14 своихъ сторонниковъ, въ томъ числѣ 2-хъ въ Галиціи (въ Лембергѣ и Краковѣ). Всѣ они избраны въ 5-й куріи, посылающей въ рейхсратъ всего 72-хъ депутатовъ. Итакъ уже цѣлая пятая часть Австріи оказалась соціалистической.

Недалеко то время, когда эти партіи вступятъ въ борьбу между собою; но пока онѣ могутъ дѣйствовать совмѣстно. На прошедшихъ

выборахъ съ соціалдемократами объединились не только галиційскіе радикалы, но даже и нѣмецкіе либералы. Лучшая выразительница ихъ стремленій и желаній, Neue Freie Presse, наканунѣ выборовъ приглашала жителей Вѣны подавать голоса за соціалистовъ. Теперь, говорила газета, вопросъ идетъ не о туманныхъ подробностяхъ «государства будущаго», а о лучшихъ завоеваніяхъ культуры; теперь важно не то, за кого будетъ поданъ голосъ, а противъ кого: всѣ реакціонныя силы объединились; должны объединиться всѣ прогрессивныя,— иначе свободѣ слова и совѣсти, свѣтской школѣ, правамъ личности угрожаетъ страшная опасность.

Таково было положеніе вещей въ Вѣнѣ, гдѣ побѣда увѣнчала антисемитическую партію, располагавшую громадной полицейской силой; такъ обстояли дѣла повсемѣстно въ нижней и верхней Австріи, и спорадически во многихъ изъ остальныхъ коронныхъ земель Австрійской имперіи, но нѣсколько иначе въ Галиціи. Здѣсь между партіями реакціонными (польской и партіей Барвинскаго), съ одной стороны, и прогрессивными, дѣйствовавшими сообща, съ другой, отдѣльно стояла умѣренная группа любителя компромиссовъ Романчука, но, по крайней мѣрѣ, на выборахъ въ V куріи, она оказалась безсильной.

Нѣсколько иначе сгруппировались силы на выборахъ въ IV и остальныхъ куріяхъ, гдѣ отсутствовали низшіе слои какъ городского, такъ и сельскаго населенія. Но говорить здѣсь объ этомъ я не стану, такъ какъ въ мою настоящую задачу входитъ только описаніе личныхъ впечатлѣній; между тѣмъ, по обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ въ V куріи, мнѣ пришлось покинуть Австрію, и выборовъ въ IV и остальныхъ трехъ куріяхъ я не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ дѣлать нѣкоторые общіе выводы, такъ какъ только выборы въ куріи всеобщаго голосованія говорятъ о дѣйствительномъ народномъ настроеніи. Парламентъ сложится изъ иныхъ элементовъ; политика австрійскаго правительства въ ближайшіе годы будетъ направляться не депутатами V куріи, тѣмъ менѣе избирателями этой куріи, не успѣвшими или не сумѣвшими подать своихъ голосовъ, — но только ихъ настроеніе служитъ вѣрнымъ показателемъ того, въ какую сторону пойдетъ развитіе народа.

В. Водовозовъ.

ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Законность и ея отношеніе къ содержанію закона. — Къ вопросу о русско польскихъ отношеніяхъ.—Нѣсколько фактовъ въ лѣтопись періодической печати и современное ея юридическое положеніе.—Историческая справка по этому вопросу.—Пересмотръ акціонернаго законодательства.—Характеристика нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Цитовича. — Расширеніе полномочій главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ.—«Дворянскій вопросъ» и отношеніе реакціонной печати къ дворянству. Статья г. Чичерина.

У насъ въ послѣднее время много говорили о законности. И удивительно: раздавались голоса, въ напоминаніяхъ о законности усматривавшіе какую-то угрозу порядку, который они считаютъ себя признанными защищать. Это, конечно, явленіе чисто-русское: вездѣ, правда, при всякомъ управленіи встрѣчаются нарушенія закона, но нигдѣ, кажется, нѣтъ публицистовъ, которые сомнѣвались бы, что этого быть не должно, что нарушеніе закона со стороны администраціи есть нѣчто опасное и нежелательное столько же для самой государственной власти, сколько и для гражданъ. Все это очень элементарно. Спорить тутъ не о чемъ. Но, при всѣхъ толкахъ о законности, слишкомъ часто отступали на задній планъ нѣкоторыя соображенія, пожалуй, тоже очень элементарныя, но, къ сожалѣнію, рѣдко высказываемыя. А между тѣмъ въ нихъ ключъ къ пониманію и рѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ общимъ вопросомъ о законности. Юридическая азбука учитъ, что законъ есть правовая норма, установленная законодательной властью. Содержаніе этой нормы или велѣнія для всѣхъ—управляющихъ и управляемыхъ—одинаково обязательно. Такимъ образомъ законъ и законность—суть понятія формальныя, и иначе ихъ не можетъ понимать ни судъ, ни органы управленія. Однако, это лишь одна сторона дѣла, правда, единственно существенная съ чисто-юридической точки зрѣнія. но далеко не исчерпывающая всѣхъ отношеній, возникающихъ на почвѣ закона, его примѣненія и нарушенія. Законъ обращается не только къ формальному юридическому мышленію, и даже судьи и администраторы, *примѣняющіе* законъ, являются въ одно и то же время и юристами, и *людьми*. Примѣняя законъ, нельзя отрѣшиться отъ его содержанія. Общимъ мѣстомъ стало уже положеніе, что оправдательные приговоры присяжныхъ — часто при вполнѣ доказанной виновности подсудимыхъ—отчасти объясняются недостатками существующаго матеріальнаго уголовнаго права, т. е. дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ. Можно, конечно, съ высоты формальнаго взгляда на законъ и законность осуждать судъ присяжныхъ за

такое неюридическое пониманіе своей роли. Но хуже гораздо было бы, если бы судъ не являлся органомъ выраженія общественнаго правосознанія, въ особенности тамъ, гдѣ послѣднее не имѣетъ вообще прямыхъ способовъ выраженія. Указаніе наше на судъ присяжныхъ является въ данномъ случаѣ лишь примѣрнымъ. Связь между законностью и содержаніемъ закона проявляется еще иначе — и это иное проявленіе, съ нашей точки зрѣнія, представляется еще болѣе важнымъ. Законность управленія, т. е. соблюденіе закона примѣняющими его органами управленія, стоитъ всегда въ неразрывной связи съ содержаніемъ тѣхъ правовыхъ опредѣленій, которымъ присвоено значеніе закона. Мы отнюдь не можемъ согласиться съ г. Дружининымъ, авторомъ любопытной и поучительной книги «Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе.» Спб. 1897 г., что крѣпостное право или состояніе противорѣчило началу законности. Послѣднее, будучи формальнымъ, можетъ обнимать какое-угодно содержаніе и какія угодно отношенія. Всякое велѣніе можетъ быть сдѣлано закономъ. Но совершенно справедливо, что содержаніе дѣйствующихъ законовъ имѣетъ огромное, прямо рѣшающее вліяніе на степень живости и прочности у управляющихъ и управляемыхъ отвлеченнаго уваженія къ закону, какъ къ безусловно обязательной юридической нормѣ. Тамъ, гдѣ законъ предоставляетъ широкое поле усмотрѣнію, тамъ развивается привычка вообще поступать по усмотрѣнію и произволу и переходитъ за предѣлъ даже тѣхъ широкихъ рамокъ, въ которыя усмотрѣніе ставится даннымъ закономъ. Тамъ, гдѣ законъ недостаточно охраняетъ субъективныя права, права личности (въ особенности публичныя),—тамъ практика обыкновенно еще менѣе считается съ ними. Убѣдительной иллюстраціей этого, можетъ служить практика по примѣненію «Положенія объ усиленной охранѣ», даже поскольку она извѣстна изъ случаевъ, доходившихъ до прав. сената и государственнаго совѣта и опубликованныхъ въ печати... Нечего и говорить, что чувство законности среди управляющихъ находится въ прямой зависимости отъ содержанія закона. Оно высоко развито въ Англіи не по чему иному, какъ потому, что англійскіе законы полнѣе, чѣмъ какіе-либо другіе гарантируютъ и охраняютъ субъективныя права...

Слово «законность» было дважды произнесено въ официальныхъ заявленіяхъ вновь назначенныхъ представителей власти въ Царствѣ Польскомъ. Мы имѣемъ въ виду рѣчи свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго и новаго попечителя варшавскаго округа, т. с. Лигина. Мы не знаемъ, принесутъ ли административныя перемѣны что-нибудь существенно новое нашей западной окраинѣ. Но нельзя не пожелать, чтобы въ русской печати говорилось менѣе несообразностей объ окраинахъ вообще. Такъ корреспондентъ «Новаго Времени», указывая на то, что въ Варшавѣ издается одна русская газета и ни одного (общелитературнаго) журнала на рус-

скомъ языкѣ, замѣчаетъ: «недурно было бы хотя приравнять количество русскихъ органовъ къ количеству польскихъ». Но вѣдь это значило бы ни болѣе, ни менѣе какъ превратить, по крайней мѣрѣ, половину жителей края изъ поляковъ въ русскихъ. Такой задачи никогда, насколько намъ извѣстно, не ставило себѣ русское правительство, такъ какъ вообще правительства, даже преслѣдующія вполнѣ опредѣленную національную политику, тѣмъ отличаются отъ газетныхъ націоналистовъ, что ставятъ себѣ осуществимыя задачи. При обсужденіи этого вопроса необходимо принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что русская печать въ Царствѣ Польскомъ поставлена въ тѣ же самыя условія, въ которыхъ находится вообще русская провинціальная печать. Безцензурныхъ изданій тамъ нѣтъ, и это одно обстоятельство не дало бы возможности русскимъ варшавскимъ изданіямъ конкурировать съ столичными—не говоря уже о недостаткѣ интеллигентныхъ силъ. Мѣстные интересы? Но именно у русскаго населенія Царства Польскаго, являющагося въ значительной мѣрѣ пришлой и текучей интеллигенціей на правительственной службѣ и притомъ въ край, имѣющемъ другую осѣдлую интеллигенцію. нѣтъ крѣпкихъ связей съ мѣстными интересами. А кромѣ того эти послѣдніе чрезвычайно скудны по своему доступному для печати общественному содержанію, гораздо скуднѣе, чѣмъ въ Россіи, гдѣ существуетъ земское и городское самоуправленіе. Совершенно невѣрно также огульное сужденіе того же корреспондента, что «о русской литературѣ поляки имѣютъ крайне смутное представленіе». Мы скорѣе, наоборотъ. склонны даже удивляться тому, съ какимъ вниманіемъ поляки слѣдятъ, напр., за русской въ особенности научной и научно-популярной литературой. Есть польскіе литераторы, совершенно независимые, (т.-е. ни чиновники, ни профессора), которые одновременно дѣйствуютъ и въ русской литературѣ. Для примѣра укажемъ изъ молодыхъ гг. Сѣрошевскаго и Крживицкаго. Связей между русской и польской литературой гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ наши шовинисты, но эти связи развиваются независимо и вопреки націоналистической агитаціи и, конечно. совершенно независимо отъ какихъ-либо принудительныхъ мѣръ. Чѣмъ меньше будетъ того и другого, тѣмъ крѣпче станутъ и связи между двумя родственными литературами.

Въ лѣтопись нашей періодической печати необходимо занести нѣкоторые не вполнѣ безразличные факты. Газета «Лучъ» пріостановилась выходомъ, и ея издатель опубликовалъ нижеслѣдующее обращеніе къ читателямъ (№ 71):

Предпринявъ съ 1-го ноября 1896 года изданіе ежедневной, по цѣнѣ для всѣхъ доступной, газеты «Лучъ», я поставилъ цѣлью создать честный, серьезный, отзывчивый, нелицепріятный органъ печати, посвященный культурному служенію на пользу Россіи.

Газета сразу же пріобрѣла такой значительный успѣхъ, который обыкновенно пріобрѣтается годами. Это обусловливалось, помимо указанныхъ особенностей га-

зеты, еще и тѣмъ, что былъ привлеченъ мною къ дѣлу составъ сотрудниковъ изъ людей талантливыхъ, любящихъ и уважающихъ газетное дѣло и честно относящихся къ нему. Успѣху газеты въ значительной степени способствовали также и затраты крупнаго капитала, вложеннаго въ дѣло для правильной организаціи его, отвѣчающей современнымъ требованіямъ газетнаго дѣла въ культурныхъ странахъ, а равно—и для широкаго ознакомленія на первыхъ же порахъ публики съ газетою.

Въ полной увѣренности, что, строго сообразуясь въ организаціи, развитіи и веденіи начатаго мною предпріятія съ существующими на этотъ предметъ законами и точно исполняя ихъ, помѣщая на столбцахъ газеты лишь то, что призываетъ къ законности, добру и правдѣ и что допускается законами о печати,—я въ правѣ считать это дѣло прочно обезпеченнымъ отъ всякихъ случайныхъ внѣшнихъ колебаній и искусственныхъ препятствій.

Между тѣмъ, на опытѣ оказалось, что, при существующихъ условіяхъ положенія печати, газетное дѣло слишкомъ шатко, подвержено разнаго рода случайностямъ, которыхъ невозможно ни предусмотрѣть, ни предупредить. А потому съ 1-го апрѣля выходъ въ свѣтъ газеты пріостанавливается, при чемъ никто изъ подписчиковъ «Луча» не потерпитъ отъ этого ни малѣйшаго матерьяльнаго ущерба, такъ какъ деньги за время съ 1-го апрѣля до конца срока подписки будутъ сполна возвращены всѣмъ имъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ сердечно поблагодарить сотрудниковъ «Луча» за ихъ искреннее и серьезное отношеніе къ газетѣ. Всѣмъ же подписчикамъ и читателямъ газеты приношу искреннюю благодарность за ихъ сочувствіе, вниманіе и довѣріе къ газетѣ.

Газеты «Минскій Листокъ» и «Самарскій Вѣстникъ» пріостановлены, по распоряженію господина министра внутреннихъ дѣлъ, первая на 8, вторая на 4 мѣсяца. Журналъ «Русское Судоходство» освобожденъ отъ предварительной цензуры, подъ которой онъ состоялъ въ продолженіи 7 лѣтъ. Прощаясь съ цензурной опекой, журналъ помѣстилъ слѣдующее не безынтересное заявленіе:

«Въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ изъ «Русскаго Судоходства» было изъято цензоромъ, — утвердившимъ своею подписью, постранично, болѣе тысячи печатныхъ листовъ журнала,—всего лишь нѣсколько строчекъ, заключавшихъ въ себѣ... нашу искреннюю признательность цензурѣ. Эти строки, невольно вырвавшіяся изъ благодарнаго сердца, конечно, отчасти были наивны.—но ихъ искренность могла бы подкупить достойнаго цензора. И, однако, онъ вычеркнулъ ихъ, не нуждаясь, разумѣется, ни въ нашей оцѣнкѣ служебнаго долга, ни въ нашей признательности за достойное его выполненіе.

Скажемъ еще, что за всѣ семь лѣтъ не только не было никакого безпокойства отъ цензора, но намъ никогда не довелось даже видѣть его; осталась въ памяти только одна его фамилія—Карловъ. О томъ, что не видѣли его, очень сожалѣемъ,—ибо наше уваженіе и признательность къ нему велики и незгладимы. Человѣку сознательному, искреннему и безпредѣльно любящему свое Отечество дороги высказываемыя имъ мысли—хотя бы, на чужой глазъ, эти мысли сдавались далеко не совершенными. Несказанно бываетъ обидно и больно, когда таковыя мысли несмотрительно выбрасываются за бортъ».

Повидимому, окрашенный признательностью лиризмъ «Русскаго Судоходства» не составляетъ общаго правила. По крайней мѣрѣ «Русь» опубликовала цѣлый рядъ курьезовъ изъ цензурной практики одного *университетскаго* провинціальнаго города, а «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщили, что въ редакцію этой газеты доставленъ «обильный

матеріалъ для характеристики провинціальной цензуры, свидѣтельствующій, съ одной стороны, о совершенной неподготовленности нѣкоторыхъ цензоровъ къ исполненію ими своихъ обязанностей, съ другой—о претерпѣваемыхъ авторами, вслѣдствіе этого, весьма значительныхъ затрудненіяхъ, да не только авторами, но и редакціями газетъ и типографіями, лишенными всякой возможности оріентироваться въ вопросахъ, что̀ можно печатать, что̀ цензурно и что̀ нецензурно».

«Юридическая Газета» помѣстила цѣлую статью, посвященную постановкѣ цензурнаго дѣла въ провинціи. По мнѣнію газеты г. Чичинадзе, провинціальная печать очень страдаетъ отъ отсутствія профессіональныхъ цензоровъ. Но гораздо существеннѣе другое условіе, отмѣчаемое «Юридич. Газетой»—это чрезвычайная неопредѣленность цензурныхъ постановленій, широко раскрывающая двери всякому усмотрѣнію. И въ то же время «Лучъ» справедливо указываетъ, что «не взирая на подцензурность, провинціальныя газеты чаще подвергаются разнымъ взысканіямъ».

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но мы думаемъ, что провинціальная печать, въ извѣстной степени, выигрываетъ отъ отсутствія спеціальныхъ органовъ цензуры, не смотря на всѣ безспорныя неудобства такого порядка вещей. Во всякомъ случаѣ *не въ организаціи* этой отрасли управленія, а совсѣмъ въ другомъ тутъ дѣло.

«Новое Время» недавно, въ видѣ слуха, сообщило извѣстіе о пересмотрѣ законовъ о печати. Что они дѣйствительно нуждаются въ пересмотрѣ, это, кажется намъ, явствуетъ уже изъ двухъ фактовъ: 1) что извѣстная часть цензурныхъ постановленій относится—какъ всякій можетъ убѣдиться изъ постатейныхъ ссылокъ—къ 1828 г., и 2) что и основной цензурный законъ, т.-е. коренная реформа законодательства о печати, состоялся въ видѣ *временной* мѣры («Временныя правила о цензурѣ и печати» 6 апрѣля 1865). Легшій отчасти въ основу этихъ временныхъ правилъ «Проектъ устава о книгопечатаніи» (1862 г.) разсматривался своими составителями тоже какъ *временная переходная мѣра*—въ особенности въ виду того, что «Уставъ» долженъ былъ на нѣсколько лѣтъ предупредить судебную реформу. Произошло иначе: судебные уставы, опубликованные въ 1864 г., на полгода приблизительно опередили новый законъ о цензурѣ и печати. Тѣмъ не менѣе послѣдній такъ и остался со своимъ переходнымъ характеромъ. Дальнѣйшія измѣненія произошли не въ томъ направленіи, которое предполагалось комиссіей, выработавшей упомянутый «проектъ устава о книгопечатаніи». Они, какъ извѣстно, послѣдовательно ввели цѣлый рядъ стѣсненій для печати: судебное разбирательство дѣлъ о задержанныхъ цензурой книгахъ было замѣнено административнымъ (1872 г.), прекращеніе періодическихъ изданій изъ вѣдѣнія Перваго Деп. Сената было предоставлено «совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ Внутреннихъ

Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и Оберъ-прокурора Свят. Синода» (1882, прил. къ ст. 148 Уст. о Ценз. и печати) и т. д.

Въ 1828 г., когда былъ изданъ цензурный законъ, изъ котораго въ дѣйствующемъ законодательствѣ сохранился рядъ статей, у насъ почти не было ни національной словесности, ни науки, ни научно-популярной и общественной литературы и печати. Въ 1865 г. содержаніе, значеніе и распространеніе всей литературы въ ея цѣломъ были уже несравненно богаче и обширнѣе, но все-таки гораздо скуднѣе того, чѣмъ мы располагаемъ теперь, на рубежѣ XX вѣка. Этого роста литературы невозможно игнорировать въ настоящее время. Такъ же, какъ въ 60-хъ гг., онъ долженъ быть принятъ за жизненный фактъ, безъ признанія котораго невозможна никакая дѣйствительная реформа законодательства. Составители «проекта устава о книгопечатаніи» прекрасно понимали это. Прежде, указывали они, «литература наша, частію вслѣдствіе искусственныхъ преградъ, а частію отъ собственной незрѣлости, занимала въ общественной жизни второстепенное мѣсто, пока сама эта общественная жизнь относилась совершенно безучастно къ вопросамъ государственнымъ». Но положеніе дѣла измѣнилось, «когда вопросы общественные возбудились силою неотразимыхъ обстоятельствъ; когда прежнее безучастіе общества обратилось въ тревожную заботливость, увлекающую за собою и литературу; когда мнѣнія, убѣжденія и ученія стремятся, наперерывъ другъ передъ другомъ, высказываться съ лихорадочной торопливостью». На основаніи этихъ фактовъ комиссія признала, что «цензурныя установленія сдѣлались *безсильными* (курсивъ комиссіи) и представились анахронизмомъ съ той поры, какъ измѣнилась окружавшая ихъ среда».

Эпоха съ 1870 г. (а, пожалуй, и съ 1866 г.) до нашего времени и оно само, конечно, существенно отличаются отъ начала 60-хъ гг.; «тревожной заботливости» и «лихорадочной торопливости» теперь нѣтъ, но за 70-ые, 80-ые и 90-ые годы происходилъ послѣдовательный органическій ростъ умственныхъ силъ страны. Этотъ стихійный ростъ—на вѣсахъ исторіи—вѣситъ гораздо больше «лихорадочной торопливости», тѣмъ болѣе, что онъ происходилъ и тогда, когда *обществомъ* никакіе вопросы не возбуждались и не могли возбуждаться, когда, наоборотъ, прежняя его «тревожная заботливость», къ огорченію и стыду болѣе активныхъ современниковъ, превратилась въ почти полное «безучастіе». Безучастія въ смыслѣ остановки развитія никогда не было: наоборотъ, общественныя силы росли непрерывно. Этотъ ростъ несомнѣнно рано или поздно подвернется учету.

«Неисправимый и существенный недостатокъ цензурнаго законодательства» комиссія видѣла въ томъ, что «задача цензурныхъ постановленій—предупреждать предполагаемый вредъ отъ мысли, не высказанной еще публично, сама по себѣ такъ трудна, что исключаетъ всякую возможность разрѣшить ее въ формѣ хотя сколько-нибудь опре-

дѣлительнаго правила. Доказательствомъ сему можетъ служить нашъ цензурный уставъ со всѣми сдѣланными и дѣлаемыми къ нему дополненіями: въ нихъ испробованы, такъ сказать, всѣ формы и всѣ обороты рѣчи для уясненія мысли законодателя, которая тѣмъ не менѣе остается неуловимой при примѣненіи ея къ частному случаю. Самый предметъ, по существу своему, не вмѣщается ни въ какія рамки положительнаго закона, какую бы форму ни придумывали для сихъ рамокъ, и мы не имѣемъ даже въ законодательствахъ другихъ народовъ ни одного образца для подражанія; ибо вездѣ мертвая буква закона была признана безсильною начертать руководство для оцѣнки живой и безконечно-измѣнчивой мысли, выражаемой словомъ». (Проектъ устава о книгопечатаніи, введеніе, общія положенія и три первые раздѣла, напечатано по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1862, стр. IV и V введенія).

Сохраняя предварительную цензуру, систему разрѣшенія періодическихъ изданій, ограничивъ печатаніе книгъ и періодическихъ изданій безъ предварительной цензуры столицами (все это вошло во временныя правила 1865 г.), комиссія категорически высказалась, что она имѣла въ виду лишь «проложить, такъ сказать, путь, по которому правительство могло бы, *идя послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ и крайнихъ мѣръ, придти со временемъ, и даже не въ отдаленномъ будущемъ* (курсивъ комиссіи), къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленій печати» (тамъ же, стр. VII).

Путь оказался, однако, не пройденнымъ. Мы все еще остаемся при «Временныхъ правилахъ» 1865 г. и притомъ измѣненныхъ въ репрессивномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе за истекшее тридцатилѣтіе бытовое и общественное значеніе литературы и печати необыкновенно возросло, и въ концѣ концовъ печать неизбѣжно раздвинетъ стѣсняющія ее юридическія рамки... Это утѣшеніе—историческое, съ точки зрѣнія вѣчности. А пока—остается какъ можно больше писать, печатать и читать.

Министерствомъ финансовъ поставленъ на очередь пересмотръ акціонернаго законодательства. Этотъ фактъ является однимъ изъ многихъ характерныхъ симптомовъ нашего промышленнаго развитія. Акціонерная форма предпріятій есть необходимый членъ капиталистическаго хозяйства и отражаетъ на себѣ всѣ сильныя и слабыя стороны этой экономической формаціи. Явившись въ значительной мѣрѣ дѣтищемъ государственной политики въ духѣ *меркантилизма* и представительницей свойственнаго меркантилизму *монопольнаго* начала, она вмѣстѣ съ самимъ капитализмомъ переросла эти первоначальныя легальныя рамки, и на почвѣ свободной конкуренціи оказалась еще болѣе жизнеспособной формой.

Она представляетъ превосходную форму *соединенія* капиталовъ, а такое соединеніе необходимое явленіе, стоящее въ связи съ присущей капитализму тенденціи концентраціи производства и, въ свою очередь, благопріятствующее такой тенденціи.

Отъ эпохи меркантилистической и полицейской регламентаціи капитализма въ нѣкоторыхъ странахъ осталось наслѣдіе—*концессіонная* или *разрѣшительная* система возникновенія акціонерныхъ предпріятій. Эта система, по которой для основанія акціонерной компаніи или товарищества обязательно требуется разрѣшеніе правительства изъ крупныхъ государствъ сохранилась до сихъ поръ только въ Австріи и Россіи. Въ другихъ государствахъ существуетъ система *явочная*, по которой вновь основываемое предпріятіе должно лишь по своему уставу отвѣчать общимъ постановленіямъ акціонернаго законодательства и для своего возникновенія не нуждается въ разрѣшеніи правительства. Предпріятіе должно только въ опредѣленномъ порядкѣ быть *заявлено*, т.-е. внесено въ особый регистръ, который ведется обыкновенно коммерческими судами.

6-го марта начались занятія Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра финансовъ П. П. Цитовича (бывшаго профессора Одесскаго и Кіевскаго университетовъ, извѣстнаго публициста-издателя реакціонной газеты «Берегъ» и едва ли не самаго выдающагося въ Россіи спеціалиста по торговому праву) комиссіи по пересмотру акціонернаго законодательства.

Понятно, что при такомъ пересмотрѣ нельзя было не поставить вопроса, какой системы, разрѣшительной или явочной, должно придерживаться будущее законодательство. Послѣ всего сказаннаго нами выше для читателя должны быть ясны какъ взаимное отношеніе этихъ системъ въ общихъ чертахъ, такъ и наша оцѣнка ихъ. Явочная система настолько выше концессіонной, насколько свобода промышленности выше ея полицейской регламентаціи и опеки. Отъ такой регламентаціи, по крайней мѣрѣ, въ современномъ государствѣ населеніе ничего не выигрываетъ, на ея почвѣ развиваются лишь злоупотребленія и своеобразныя и весьма мало привлекательныя комбинаціи интересовъ промышленныхъ, коммерческихъ и банковыхъ дѣльцовъ съ интересами бюрократіи. Объ этомъ можно прочесть въ любомъ учебникѣ политической экономіи и торговаго права. «Ходатайства передъ правительствомъ—читаемъ мы, напр., въ «Курсѣ торговаго права» казанскаго профессора Шершеневича (2-ое изд. Казань, 1892, стр. 306),—имѣютъ часто неблаговидный характеръ и концессіи выдаются нерѣдко лицамъ, близкимъ къ высшей административной власти, которыя добиваются ихъ для того только, чтобы сейчасъ же сбыть другимъ за приличное вознагражденіе».

По указанному коренному вопросу акціонернаго строя въ комиссіи произошли любопытныя разногласія, заслуживающія вниманія и съ болѣе общей точки зрѣнія.

Такъ предсѣдатель Спб. тульскаго поземельнаго банка г. Масловскій, возражая проф. Моск. унив. Тарасову, высказавшемуся за явочную систему и сославшемуся на примѣръ Англіи, замѣтилъ, что «страна эта—страна свободы и что свобода эта лежитъ въ основѣ, какъ общественной, такъ и частной жизни; въ Россіи же привыкли къ опекѣ правительства и рѣзкій скачокъ къ самостоятельности скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу».

Членъ ученаго комитета Министерства Финансовъ г. Гурьевъ тоже высказался противъ явочной системы, хотя и по другимъ соображеніямъ. Становясь на сторону разрѣшительной системы, г. Гурьевъ считалъ это необходимымъ въ виду принятой у насъ протекціонной системы. Система эта, слишкомъ обременительная для населенія (характерное признаніе!), должна служить не для обогащенія отдѣльныхъ лицъ, а интересамъ государства—развитію отечественной промышленности. А разъ это цѣль промышленной системы, то правительство *должно руководить промышленностью*. Явочная же система отнимаетъ у него къ тому средства. Какъ на наглядное доказательство, г. Гурьевъ указываетъ на то обстоятельство, что въ возникновеніи акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій наблюдается мода: въ данное время въ обществѣ существуетъ стремленіе къ учрежденію, положимъ, чугуноплавильныхъ заводовъ, завтра — свеклосахарныхъ. Явочная система не сдерживаетъ такого стремленія и въ результатѣ можетъ получиться заполненіе рынка данными фабрикатами въ ущербъ самимъ же предпріятіямъ. При разрѣшительной же системѣ *правительство*, разрѣшая или не разрѣшая устройство даннаго предпріятія, *регулируетъ*, такимъ образомъ, промышленность. Подобная система нисколько не затормозитъ развитія акціонернаго дѣла, такъ какъ предприниматели, не получивъ разрѣшенія на устройство даннаго предпріятія, направятъ свои капиталы на учрежденіе другого: имъ нужна не техническая сторона предпріятія, а результаты операцій его. Таковы аргументы г. Гурьева.

Своеобразному аргументу г. Масловскаго г. Петражицкій (если, не ошибаемся, онъ—извѣстный и за предѣлами Россіи спеціалистъ по гражданскому праву) совершенно основательно противопоставилъ такія соображенія: «противники явочной системы говорятъ, что мы, находясь на время подъ опекой правительства, не привыкли къ экономической свободѣ. Неужели такое положеніе желательно сохранить и на будущее время? Такимъ образомъ мы никогда не привыкнемъ къ свободѣ». Противъ г. Гурьева г. Петражицкій правильно возразилъ, что «на почвѣ запрещенія акціонерной дѣятельности явится въ томъ же направленіи, но не подлежащая регламентаціи, дѣятельность единоличная».—На это г. Гурьевъ можетъ, конечно, отвѣчать, что и единоличныя предпріятія могутъ быть «регулированы» въ его духѣ. Дѣйствительно мы имѣемъ здѣсь передъ собой систему воззрѣній, выходящую

далеко за предѣлы акціонернаго дѣла. Это въ новыхъ формахъ—возрожденіе меркантилизма, проектъ буржуазно-бюрократически-соціалистической организаціи отечественной промышленности. Мы не играемъ словами. Здѣсь на лицо одинъ изъ основныхъ признаковъ *научнаго* понятія соціализма—планомѣрное регулированіе общественнаго производства. Но въ то же время это регулированіе не только не уничтожаетъ капиталистическаго присвоенія прибавочной стоимости, но, наоборотъ, направлено къ обезпеченію за предпринимательной прибылью извѣстной, вполнѣ приличной высоты. Наконецъ, механизмъ, на который возлагается регулированіе, чисто бюрократическій... Планъ г. Гурьева, къ сожалѣнію, не является вполнѣ теоретическимъ, отвлеченнымъ отъ дѣйствительности построеніемъ; до извѣстной степени онъ представляетъ собой лишь возведеніе въ теорію тѣхъ началъ, на которыхъ у насъ «упорядочена» сахарная промышленность. Г. Гурьевъ стремится лишь ко *всеобщей нормировкѣ* промышленнаго производства, которая, къ счастью, въ этомъ духѣ и въ этихъ формахъ навсегда останется утопіей. Ея осуществленіе было бы во много разъ хуже современнаго протекціонизма и капитализма на основѣ свободы промышленности.

Неужели г. Гурьевъ не чувствуетъ, что, разрывая связь между протекціонизмомъ и свободой промышленности, онъ отнимаетъ у перваго главнѣйшую raison d'être, у его защитниковъ—важнѣйшій аргументъ. Ибо только «заполненіе рынка фабрикатами» обезпечиваетъ страну (т.-е. потребителей) отъ уплаты тяжелой дани въ карманы немногихъ крупныхъ предпринимателей (или предпріятій). Если такого заполненія нѣтъ въ настоящемъ, то его протекціонисты обѣщаютъ въ будущемъ—и при господствѣ свободы промышленности и при условіи прогрессивнаго хозяйственнаго развитія страны заполненіе *не можетъ* въ концѣ концовъ *не получиться*. Кромѣ того оно есть могущественный факторъ экономическаго прогресса, потому что въ промышленности *пониженіе цѣнъ* есть не только важнѣйшій результатъ, но и одно изъ существенныхъ условій *техническаго совершенствованія производства*. Не даромъ писатели, отстаивавшіе въ экономической литературѣ мысль, что существованіе промысловыхъ синдикатовъ, регулирующихъ производство не является тормазомъ экономическаго и техническаго прогресса страны, всегда настаивали на томъ, что синдикаты—благодаря признанію законодательствомъ принципа свободы промышленности—живутъ подъ вѣчной угрозой конкуренціи, и такимъ образомъ лишены возможности эксплуатировать свое положеніе въ монополистическомъ смыслѣ [1]). Г. Гурьевъ, желая охранить протекціонную систему отъ служенія интересамъ отдѣльныхъ предпріятій, самъ въ сущности

[1]) Ср. *Янжулъ*. «Промысловые синдикаты», и статьи «Картели» и «Монополія» въ «Энциклоп. Словарѣ» Арсеньева и Петрушевскаго.

предлагаетъ планъ, который отдаетъ протекціонизмъ на службу промышленной монополіи, т.-е. совершенно его извращаетъ.

Изъ дальнѣйшихъ сужденій комиссіи нельзя не отмѣтить того, что нѣкоторые засѣдавшіе въ ней представители крупнаго капитала обнаружили довольно презрительное отношеніе къ своимъ болѣе мелкимъ собратьямъ. Такъ, названный уже г. Масловскій развивалъ, что крупный капиталъ создаетъ предпріятіе и направляетъ его дальнѣйшую дѣятельность, потому что въ общихъ собраніяхъ на его сторонѣ большинство голосовъ. Стремиться отнять у него это большинство и сравнять въ правахъ съ меньшинствомъ,—какъ это замѣчается теперь за границей—и несправедливо, и непрактично. Несправедливо, потому что крупный капиталъ несетъ болѣе риска и затратъ и долженъ слѣдовательно пользоваться большими правами въ дѣлѣ управленія предпріятіемъ, но, конечно, при условіи, чтобы не страдали интересы мелкихъ капиталистовъ. Непрактично же по слѣдующимъ причинамъ: обстоятельства могутъ иногда потребовать, чтобы акціонеры въ данный годъ ассигновали часть своихъ прибылей, а, можетъ, быть и всю годовую прибыль на улучшеніе предпріятія. Крупный капиталъ можетъ согласиться на такую временную жертву, мелкій же капиталистъ—никогда, потому что дивидендъ мелкаго капиталиста—его средства къ существованію. Наконецъ, какъ бы правительство ни стремилось ограничить вліяніе крупнаго капитала въ управленіи предпріятіемъ, на практикѣ этого достигнуто быть не можетъ, ибо начнется обходъ закона. Да и ограниченіе вліянія крупнаго капитала, по мнѣнію оратора, излишне, ибо вліяніе это нисколько не нарушаетъ интересовъ мелкихъ капиталистовъ; напротивъ, крупные капиталисты будутъ стараться получить какъ можно больше выгоды, а выгодами этими воспользуются и мелкіе капиталисты. Г. Масловскій категорически высказался противъ допущенія вліянія мелкаго капитала на ходъ дѣла предпріятія, а потому предлагаетъ категорически указать въ законѣ, что *мелкій капиталъ въ акціонерныя общества не приглашается, онъ только допускается, но безъ права вліянія на ходъ дѣла.*

Представитель варшавскаго биржевого комитета г. Ротвандъ, говорившій отъ имени комитета, заявилъ, что допустить образованіе акціонерныхъ предпріятій съ небольшимъ капиталомъ нельзя, потому что доходъ такихъ предпріятій цѣликомъ будутъ идти на расходы по содержанію администраціи. Минимумъ основного капитала долженъ быть 250 т. р. Что же касается стоимости акцій, то комитетъ выражаетъ опасеніе, что низкая стоимость породитъ спекуляцію между бѣднымъ классомъ и поведетъ его къ раззоренію. По этимъ соображеніямъ, варшавскій биржевой комитетъ за мелкими акціонерными предпріятіями признаетъ право существованія лишь въ томъ случаѣ, если они преслѣдуютъ... *общеполезныя* цѣли. Но такія предпріятія должны *возникать съ разрѣшенія правительства.*

Эти заявленія представителей крупнаго капитала очень характерны: они свидѣльствуютъ объ извѣстнаго рода исключительности, господствующей въ нашихъ крупно-капиталистическихъ сферахъ. Этотъ духъ исключительности и монополіи, и отмѣченная раньше нѣжность къ опекѣ—признаки еще большой молодости и незрѣлости нашего капитализма. Онъ еще не вполнѣ вылупился изъ своей дореформенной, полицейско-меркантилистической скорлупы.

Слѣдуетъ отмѣтить, что представители бюрократіи и науки, участвовавшіе въ комиссіи, обнаружили въ общемъ гораздо большую широту взгляда: они отстаивали права и интересы мелкаго капитала. Послѣдній при широкомъ развитіи акціонернаго дѣла вовсе ужъ не играетъ такой мизерной роли, которая оправдывала бы держаніе его въ «черномъ тѣлѣ». Слабое участіе мелкаго капитала въ акціонерныхъ предпріятіяхъ есть тоже признакъ экономической неразвитости страны, и закрѣпленіе этой неразвитости законодательнымъ путемъ было бы весьма ошибочной и близорукой экономической политикой.

Большинство комиссіи, которая окончила свои занятія 28 марта, оказалось стоящимъ на европейскомъ уровнѣ и не послѣдовали за гг. Масловскимъ и Гурьевымъ. *Оно рѣшительно высказалось въ пользу явочнаго порядка* и проявило значительный либерализмъ по отношенію къ мелкому капиталу и мелкимъ акціонернымъ предпріятіямъ. Когда появится въ печати стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ комиссіи, мы еще вернемся къ затронутымъ ею вопросамъ.

Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату, состоявшимся 3-го марта, полномочія главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ чрезвычайно расширены съ цѣлью—какъ сказано въ Указѣ—«снабдить представителя высшей мѣстной власти дѣйствительными способами, съ пользою для края, проявлять присвоенное ему по закону право ревизіи и надзора, возстановлять, гдѣ требуется, силу закона, направлять мѣстные административные органы къ исполненію служебнаго долга и ограждать мирное преуспѣяніе управляемыхъ».

Кромѣ права «въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ» отмѣнять постановленія губернскихъ и областныхъ административныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій, кромѣ права собственной властью устранять отъ должностей, впредь до увольненія въ установленномъ порядкѣ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ и общественныхъ учрежденій (за исключеніемъ управляющихъ отдѣльными частями, предводителей дворянства и нѣкоторыхъ другихъ лицъ), кромѣ правъ по устраненію служащихъ отъ должности, предоставленныхъ ревизующимъ сенаторамъ, кромѣ права требовать отъ управляющихъ въ краѣ отдѣльными частями административныхъ вѣдомствъ представленія на предварительное одобреніе предположеній о назначеніи лицъ на мѣста, замѣщеніе которыхъ по существующему порядку предоставлено управ-

ляющимъ отдѣльными частями,—кромѣ всѣхъ этихъ правъ (отъ дѣйствія которыхъ впрочемъ изъяты учрежденія и должностныя лица Государственнаго Банка и Госуд. Контроля) главноначальствующему предоставлено «право воспрещать жительство въ какой-либо мѣстности Кавказскаго края и вообще въ предѣлахъ края лицамъ, коихъ пребываніе тамъ признано будетъ главноначальствующимъ вреднымъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла въ совѣтѣ главноначальствующаго».

Таковы расширенныя полномочія главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ. Практическое значеніе ихъ для населенія зависитъ оттого, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи чрезвычайно усиленная власть будетъ пользоваться новыми предоставленными ей способами воздѣйствія, но, вообще говоря, не можетъ подлежать сомнѣнію, что населеніе рѣдко выигрываетъ отъ усиленія и безъ того сильной власти.

«Московскія Вѣдомости» вновь подняли «дворянскій вопросъ» и напечатали уже цѣлый рядъ статей на эту тему. Изъ этихъ безконечныхъ и однообразныхъ разсужденій одно, повидимому, выясняется все болѣе и болѣе: московская газета становится все болѣе и болѣе недовольной не только положеніемъ русскаго дворянства, но и самимъ... дворянствомъ. Это, можно сказать, знаменательный поворотъ, свидѣтельствующій о томъ, что жизнь все-таки беретъ свое. Впрочемъ, поворотъ этотъ можно столь же хорошо, если не лучше прослѣдить и на «Гражданинѣ».

Къ дворянству, къ власти, ко всему на свѣтѣ наши реакціонеры относятся по извѣстной формулѣ: «Und der König absolut, wenn er unseren Willen thut». Такъ «Гражданинъ» еще въ прошломъ году отъ одной мысли, что «къ намъ возвращается либерализмъ 60-хъ гг., совѣми его позорными послѣдствіями», и что новымъ гибельнымъ вѣяніямъ поддается и дворянство, пришелъ въ величайшее негодованіе и обрушился обличительной статьей противъ... дворянства. Статья была написана по поводу сужденій дворянскихъ собраній объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Въ возбужденіи этого вопроса газета г. Мещерскаго усмотрѣла зловѣщій признакъ «возвращенія либерализма».

«Какое дѣло,—писала она,—дворянину или всему дворянскому сословію до того, что въ чуждомъ ему крестьянскомъ сословіи, по его же народному суду, подвергаютъ тѣлесному наказанію мелкихъ воришекъ, буйныхъ пьянчужекъ, распущенныхъ и безнравственныхъ ребятъ, не почитающихъ ни родителей, ни старшихъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ негодяевъ, которые не что иное, какъ отбросы общества, негодные члены его? Почему дворянство, не допуская никакого посягательства на свои права, нашло себя вправѣ вмѣшиваться въ общественное, можно сказать, въ семейное дѣло крестьянъ? Потому развѣ, что послѣдніе суть меньшая братія, нуждающаяся въ просвѣщеніи свыше и въ попечи-

тельствѣ надъ ними. Но тогда—что же сдѣлали дворяне для просвѣщенія крестьянъ и какое и въ чемъ проявили попечительство къ нимъ? Орудуя въ теченіе тридцати лѣтъ земскими дѣлами, дворяне такъ мало сдѣлали для народнаго образованія, что правительство вынуждено было привлечь къ распространенію въ народѣ грамотности сельское духовенство, поручивъ ему открывать вездѣ церковно-приходскія школы и школы грамоты. О заботахъ дворянства къ благоустройству быта крестьянъ и улучшенію ихъ положенія *съ матеріальнымъ пожертвованіемъ* на этотъ предметъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, тоже ничего не слышно. Даже, когда возникъ переселенческій вопросъ, вызванный малоземельемъ крестьянскихъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и страшной высокой арендой владѣльческой земли, ни откуда не раздавалось дворянскаго голоса въ пользу бѣдныхъ крестьянъ, вынужденныхъ бросать родныя мѣста и идти за тридевять земель искать себѣ свободной и сколько-нибудь дешевой земли. (Развѣ мыслима у насъ на Руси арендная плата въ 15—20 руб. за десятину для посѣва такого дешеваго хлѣба, какъ рожь и овесъ, а между тѣмъ есть губерніи, въ которыхъ такая арендная плата считается нормальной). Вотъ въ этихъ-то отношеніяхъ, т.-е. въ образованіи крестьянъ и въ матеріальномъ ихъ облегченіи дворяне, если бы были проникнуты истинной любовью къ нимъ, могли оказать имъ попечительство, и тогда послѣдовательно было бы проявлять и заботу объ освобожденіи своего дѣтища отъ позорнаго тѣлеснаго наказанія, такъ какъ тутъ была бы видна связь между этими двумя сословіями, порванная закономъ 1861 г. и могущая возникуть вновь на почвѣ взаимныхъ матеріальныхъ и духовныхъ отношеній. Теперь же этой связи нѣтъ, и потому является страннымъ горячее заявленіе дворянъ о томъ, чтобы отмѣнить тѣлесное наказаніе у крестьянъ. Неужели, оставаясь черствыми и нечувствительными къ матеріальнымъ нуждамъ крестьянъ, дворянскія сердца могли размякнуть подъ вліяніемъ такихъ маловѣроятныхъ картинъ» [1]). Слѣдуетъ разсказъ объ одномъ случаѣ примѣненія тѣлеснаго наказанія, заимствованный изъ провинціальной газеты.

Никогда ни одна «либеральная» газета не писала такихъ рѣзкихъ обличеній противъ дворянства. Оказывается по «Гражданину», что дворянское сословіе «*чуждо*» крестьянскому, что первое не сдѣлало ничего ни для просвѣщенія, ни для матерьяльнаго благосостоянія второго! Какъ ядовито иронизируетъ «Гражданинъ» надъ «просвѣщеніемъ свыше и попечительствомъ надъ крестьянами», когда дѣло идетъ объ... отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія! Очевидно, обличать и иронизировать «Гражданинъ» перестанетъ лишь тогда, когда будетъ возстановлена «связь» между дворянами и крестьянами, «порванная закономъ 1861 г.». О томъ, какая связь была порвана этимъ закономъ, знаетъ всякій русскій че-

[1]) Гражданинъ № 33 за 1896 г., статья: Модный вопросъ.

ловѣкъ, не только грамотный, но и безграмотный, не только дворянинъ, но и крестьянинъ. Цитированная статья «Гражданина» лишь въ рѣзкой, если хотите, наивной и недипломатичной формѣ воспроизводитъ общее отношеніе нашей реакціонной печати къ основнымъ явленіямъ русской жизни. Хорошо то, что творитъ волю этой печати. Дворяне, поступающіе иначе, думающіе и говорящіе не по реакціонному, третируются, какъ измѣнники своему сословію. Къ таковымъ, навѣрное, будетъ отнесенъ г. Чичеринъ, только что опубликовавшій вторую статью «о современномъ положеніи русскаго дворянства» въ отвѣтъ кн. П. Н. Трубецкому («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 86). Онъ подвергаетъ въ ней рѣзкой критикѣ ту политику дворянскаго сословія, которая стремится «обратить дворянство въ благотворительное учрежденіе, выпрашивать себѣ всякаго рода милости, наконецъ, налагать на тѣхъ, которые коекакъ справляются со всѣми своими дѣлами, новыя тяжести въ пользу тѣхъ, которые разоряются». «Когда же вопросъ идетъ не объ утратившихъ смыслъ привилегіяхъ, а о существенныхъ правахъ, которыя дарованы мѣстнымъ помѣщикамъ въ составѣ земства, взамѣнъ того, чего они лишились, и которыми утверждается мѣстное ихъ вліяніе, то въ этомъ отношеніи оказывается поразительное равнодушіе.» Г. Чичеринъ ссылается на то, что онъ въ первой своей статьѣ уже указалъ на «умаленіе правъ дворянскаго элемента, происшедшее вслѣдствіе уничтоженія выборныхъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ». «Какъ же отнеслись къ этому высшіе представители дворянства, собранные на общее совѣщаніе для заявленій о дворянскихъ нуждахъ? Было ли ими указано это больное мѣсто нашего мѣстнаго управленія, пытались ли они разъяснить истинное существо дѣла, которое, повидимому, неясно сознавалось самимъ правительствомъ, или, напротивъ, они стояли горой за умаленіе правъ мѣстнаго землевладѣнія, за господство бюрократіи, за замѣну законнаго порядка административнымъ усмотрѣніемъ, чтобы не употреблять болѣе сильнаго термина? Князю Трубецкому это должно быть хорошо извѣстно. Пусть онъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ, тогда обнаружится истинный характеръ того направленія, которое онъ защищаетъ.» Вопросъ здѣсь поставленъ въ упоръ. И притомъ г. Чичеринъ не «разночинецъ», не «интеллигентъ», а столбовой дворянинъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русскаго и общаго государственнаго права, который почти 40 лѣтъ тому назадъ—какъ онъ самъ указываетъ въ той же статьѣ—противъ Каткова отстаивалъ значеніе и роль дворянства. Но онъ рекомендуетъ дворянству такой путь защиты своихъ интересовъ, ставъ на который, дворянство превратитъ нашу реакціонную печать въ своего злѣйшаго врага. Интересно, что отвѣтятъ «Московскія Вѣдомости» на статью г. Чичерина.

П. Б.

А. Н. Майковъ.

(Некрологъ).

8-го марта умеръ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Онъ не былъ великимъ поэтомъ, какъ это говорили и говорятъ не въ мѣру усердные его почитатели. Великихъ русскихъ поэтовъ нетрудно сосчитать и назвать: ихъ всего двое—Пушкинъ и Лермонтовъ. Но Майковъ безспорно былъ однимъ изъ первыхъ въ ряду тѣхъ, кто непосредственно слѣдуетъ за авторами «Онѣгина» и «Демона». По свойству своего художническаго дарованія и по содержанію своего поэтическаго творчества, Майковъ былъ грекомъ, пѣвцомъ свѣтлой и ясной пластической красоты. Правда, если брать *всю* его личность и всю его литературную дѣятельность, то придется прибавить, что онъ былъ не только грекомъ, но и византійцемъ. Однако, византіецъ Майковъ не далъ ничего русской литературѣ, а грекъ обогатилъ ее чудными произведеніями.

У Майкова есть одинъ дѣйствительно замѣчательный «отзывъ жизни». Это «Поля», гдѣ онъ вывелъ двороваго, скорбящаго о крѣпостномъ правѣ:

«Да, вспомянешь про старину!»
Онъ заключилъ: «былъ складъ да ладъ;
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да, что она? одинъ развратъ!
«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя вспыхнуть, при концѣ...

Нерѣдко и въ лицѣ самого Майкова «отжившій міръ, казалось, силы напрягалъ». Но слава его, конечно, основывается на томъ, что его устами—безъ всякаго напряженія — говорилъ не отжившій, а вѣчно юный міръ поэзіи. Замѣчательны его антологическія пьесы. Кто не знаетъ такихъ стихотвореній, какъ «Октава», «Искусство», «Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты», «Свирѣль», «Анакреонъ», «Аспазія»? Нельзя безъ наслажденія читать картинки, собранныя подъ заголовками «На волѣ» и «Дома». Наконецъ «Три смерти» съ удивительными образами Лукана, Сенеки и Люція — лучшее произведеніе Майкова. Одной этой вещи было бы достаточно для того, чтобы упрочить за нимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской поэзіи.

«Поклоненіе Пушкину ни къ чему не обязываетъ», сказалъ одинъ знаменитый русскій критикъ, и также можно сказать, что наслажденіе поэзіей Майкова ни къ чему не обязываетъ — ничуть не обязываетъ, напр., къ увлеченію его стихотворной реторикой.

И. А. Кейсслеръ (Johannes von Keussler).

(Некрологъ).

1-го марта скончался Иванъ Августовичъ Кейсслеръ. Некрологъ его приходится начать съ выраженія сожалѣнія, что имя, труды и заслуги этого ученаго недостаточно извѣстны русской публикѣ. Мы не раздѣляемъ общественныхъ воззрѣній умершаго экономиста, но нашъ журналъ имѣетъ всѣ основанія отмѣтить его безспорныя заслуги.

Покойному принадлежитъ лучшая въ литературѣ работа о русской общинѣ, вышедшая въ 14-хъ частяхъ подъ заглавіемъ: Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland (1876—1887). Кейсслеръ превосходно выяснилъ исторію нашей общины, онъ показалъ историческую связь «права всѣхъ на землю», т. е. передѣловъ, съ крѣпостнымъ правомъ и податной системой, и доказалъ такимъ образомъ, что современное общинное землевладѣніе есть не первобытное учрежденіе, а довольно поздній продуктъ фискальной и поземельной политики государства.

Свою теорію происхожденія общины Кейсслеръ подкрѣпилъ указаніями на новѣйшую эволюцію общиннаго землевладѣнія, на зависимость передѣловъ отъ превышенія платежей, падающихъ на землю, надъ ея доходностью.

У насъ много переводилось и переводится посредственныхъ иностранныхъ книгъ, но капитальный трудъ Кейсслера по одному изъ основныхъ вопросовъ русскаго народнаго хозяйства не нашелъ себѣ переводчика. Въ русской литературѣ, которая не можетъ назвать ничего равнаго сочиненію нѣмецко-русскаго экономиста, съ этимъ сочиненіемъ очень мало считались [1]). Мы врядъ ли ошибемся, если объяснимъ это обстоятельство тѣмъ, что историческая теорія Кейсслера подрываетъ народническія иллюзіи, которыя такъ долго, можно сказать, господствовали въ русской экономической литературѣ и задавали ей тонъ.

Кромѣ сочиненія объ общинѣ, Кейсслеръ не оставилъ крупныхъ работъ. Между прочимъ, онъ былъ сотрудникомъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» Конрада и Лексиса.

Внѣшнія обстоятельства жизни Кейсслера не представляютъ особаго интереса. Онъ родился въ 1843 г. въ прибалтійскомъ краѣ, кончилъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, въ которомъ получилъ ученыя степени магистра и доктора политической экономіи. Въ 70-хъ гг. онъ былъ доцентомъ рижскаго политехникума и позже главнымъ редакторомъ газеты «St.-Petersburger Herold». Распростившись съ редакторствомъ, онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ, одновременно сотрудничая постоянно въ «St.-Petersburger Zeitung» по экономическому отдѣлу.

---

[1]) Кавелинъ посвятилъ ей цѣлую статью въ «Вѣстникѣ Европы» (1877 г.). Въ этомъ же журналѣ самъ Кейсслеръ напечаталъ (1887 г. № 12) статью объ общинномъ землевладѣніи.

Отъ Комитета Общества вспомоществованія студентамъ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

Въ февралѣ 1896 года Комитетъ обратился къ русскому обществу съ просьбою о пожертвованіяхъ для увеличенія капитала имени покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера,—капитала, предназначеннаго на устройство и содержаніе студенческой столовой. Обращеніе Комитета встрѣтило большое сочувствіе со стороны многихъ лицъ и нѣкоторыхъ учрежденій. Капиталъ имени Ореста Ѳедоровича возросъ къ 1 января 1897 года до суммы въ 12.515 руб. 65 коп. Кромѣ того Правленіе Университета ассигновало на 1897 годъ тысячу рублей на содержаніе столовой.

Итакъ, казалось, задуманное Комитетомъ дѣло вполнѣ можетъ осуществиться, необходимая для студентовъ столовая можетъ быть наконецъ открыта. Оставалось только найти наемное помѣщеніе, такъ какъ въ зданіяхъ Университета нѣтъ ни одной комнаты незанятой.

Здѣсь-то и явилось неопреодолимое препятствіе. Не смотря на всѣ старанія коммиссіи по устройству столовой, не смотря на содѣйствіе газетъ, Комитетъ не могъ отыскать въ мѣстности около Университета ни одной квартиры, которая удовлетворяла бы самымъ скромнымъ размѣрамъ студенческой столовой. Открытіе столовой должно быть отложено, пока не найдется подходящее помѣщеніе.

Вся надежда Комитета на весну и лѣто, когда квартиры освобождаются отъ жильцовъ.

Но положеніе студенческой столовой въ частномъ домѣ не можетъ быть прочно, вмѣстѣ съ тѣмъ и устройство ея не можетъ быть вполнѣ удовлетворительно. **Студенческая столовая должна помѣщаться въ домѣ, принадлежащемъ Обществу вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета.** Только при этомъ условіи столовая не будетъ зависѣть отъ періодически повторяющихся въ Петербургѣ квартирныхъ кризисовъ и только при этомъ условіи она можетъ быть правильно организована.

Поэтому Комитетъ обращается вновь ко всѣмъ, кому дорога университетская молодежь, съ просьбою содѣйствовать притоку дальнѣйшихъ пожертвованій на пріобрѣтеніе дома для столовой. Комитетъ надѣется также, что бывшіе студенты С.-Петербургскаго Университета вспомнятъ свои студенческіе годы, отзовутся на это обращеніе Комитета и тѣмъ помогутъ скорѣйшему осуществленію дѣла, которое значительно улучшитъ положеніе студентовъ.

Всякую помощь, въ какой бы формѣ она ни выразилась, въ личныхъ ли пожертвованіяхъ, хотя бы въ самомъ маломъ размѣрѣ, или устройствѣ публичныхъ лекцій, концертовъ, спектаклей,—Комитетъ приметъ съ глубокою благодарностью.

Посылки по почтѣ просятъ адресовать: *С.-Петербургъ. Университетъ, Комитетъ Общества вспомоществованія студентамъ*, съ означеніемъ, что деньги жертвуются *«на столовую»*.

Въ Петербургѣ пожертвованія принимаютъ слѣдующія лица: Предсѣдатель Общества, сенаторъ **П. П. Семеновъ** (Вас. о-въ, 8 л., 39), Товарищъ Предсѣдателя, проф. **И. И. Боргманъ** (Вас. о-въ, Средн. просп., 17), члены Комитета: **Н. А. Артемьевъ** (Рузовская, 13), **Г. В. Бартольдъ** (Вас. о-въ, Больш. просп., 4), **Д. Д. Гриммъ** (Вас. о-въ, 9 лин., 32), **И. П. Дюковъ** (Полтавская, 3), проф. **В. В. Ефимовъ** (Разстанная, 14), проф. **Н. И. Карѣевъ** (Вас. о-въ, 10 лин., 9), **В. Ф. Огневъ** (Больш. Московская, 6), **Л. Ф. Пантелѣевъ** (Николаевская, 16), **И. С. Ремезовъ** (Больш. Московская, 3) и **А. Д. Соколовъ** (Чернышевъ пер., 20); члены коммиссіи по устройству столовой: **С. К. Буличъ** (Вас. о-въ, Больш. просп., 11), **А. И. Каминна** (Больш. Московская, 8), **А. А. Кауфманъ** (Вас. о-въ, 1 лин., 38), **В. И. Савинъ** (Вас. о-въ, 17 лин., 2), **М. И. Свѣшниковъ** (Гагаринская наб., 20), **М. И. Туганъ-Барановскій** (Литовская, 29) и **Г. А. Фальборнъ** (Перекупной пер., 3—13); далѣе, книжный магазинъ «Новаго Времени» (Невскій, 38) и дѣлопроизводитель Общества **А. Ф. Адамовичъ** въ канцеляріи Университета.

Просятъ распространять среди сочувствующихъ лицъ настоящее обращеніе.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ мартѣ мѣсяцѣ.

Абрамовъ, Я. В. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. «Попул.-юридич. библ.» № 3. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Айзлеръ, Р., д-ръ. Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Перев. съ нѣмецк. Н. Ремезова. «Библ. для всѣхъ» №№ 15—17. Изд. Н. Лейненберга. Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

А. М. Семья Маге. Передѣлано съ франц. М. 1897 г. Ц. 12 к.

Бакуринскій, К. О ремонтѣ шоссе. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Барановъ, А. Въ защиту погибшихъ женщинъ. Изд. ред. «Камско-Волжск. Края». Казань. 1897 г. Ц. 25 к.

Борисовъ, Н. И. Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херс. г. (По результат. выпуски. испытаній въ 1896 г.). Херсонъ. 1897 г

Волховской, А. Некрологъ бывшаго директора новгородскаго реальн. училища К. А. Кошелькова. Тифлисъ. 1896 г.

Г., Арсеній. Особый міръ. Повѣсть. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Глинскій, Б. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Днипровая Чайка. Хрестоносъ. Оповиданне. У Кыиви. 1896 г. Ц. 2 к.

Дружининъ, Н. Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Енько, П. Д. Чему и какъ учить нашихъ дѣтей. Спб. 1897 г.

Желтовъ, Ѳ. Безплатная народная библіотека-читальня въ с. Богородскомъ, Нижег. губ., Горб. у. Нижній-Новгородъ. 1897 г.

Конисський, Ол. Я. У тиснои бабы. У Кыиви. 1896 г. Ц. 2 к.

Коншинъ, В. В. Стихотворенія. Т. I. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Красновъ, А. Н., проф. Формы поверхности суши и дѣятели, ихъ создающіе. Основы землевѣдѣнія. Вып. III. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 30 к.

Крафтъ-Эбингъ, д-ръ. Учебникъ психіатріи на основаніи клинич. наблюденій для практическихъ врачей и студентовъ. Перев. А. Черемшанскаго. 3-е русское изд. съ примѣч. и дополн. переводчика. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Крыловъ, И. А. Басни. Съ прилож. портрета автора, его біографіи, написан. П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составлен. по В. Ѳ. Кеневичу, и пять этюдовъ о баснях Крылова П. Смирновскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Кубасовъ, П. И., д-ръ медиц. Что такое микробы вообще и болѣзнетворные въ частности? Микробіологическія и клиническія изслѣдованія. Спб. 1897 г.

Леббокъ, Джонъ, сэръ. Какъ надо жить. «Библ. Дѣтск. Чт.» (для взросл.). Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А. Въ гостяхъ у турокъ. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Н. И. и Г. С. Ивановыхъ черезъ Славянскія земли въ Константинополь. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Литвинова. Е. Ѳ. Правители и мыслители. Біографическіе очерки. Съ 16 портретами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Любомудровъ, И. Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Самара. 1897 г. Ц. 40 к.

Ляховецкій, Л. Д. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ. Съ прилож. избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Мартыновъ, Н. Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Сборникъ законовъ и разъясненій съ приложеніемъ образцовъ опекунскихъ донесеній и отчетовъ. Изд. II, исправл. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

М. М. Стихотворенія. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Неболсинъ, А. Г. Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Докладъ на торгово-промышлен. съѣздѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изд. ред. ж. «Технич. Образов.». Спб. 1897 г.

Неймайръ, М., проф. Исторія земли. Перев. со 2-го переработан. и дополн. проф. Улигомъ изданія, съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографич. указателемъ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общ. ред. проф. А. А. Иностранцева. Вып. I. Спб. 1897 г. Ц. за всѣ 30 вып. по подп. 11 р. Ц. кажд. вып. 50 к.

Novus Ego. Снѣжинки. Изъ литературнаго увража нѣчто мемуарное. Исторія одной зимней ночи въ сценахъ, картинахъ, аккордахъ и звукахъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Одарченко, К. Ф. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Орловъ, Е. Сократъ, его жизнь и философская дѣятельность. Библіографич. очеркъ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Прэнсъ, Ад. Организація свободы и общественный долгъ. Перев. съ франц. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Псалти, Г. Г. Искусственный выводъ цыплятъ. (Инкубація). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Маріуполь. 1895 г. Ц. 10 к.

Родзевичъ, С. В. Записка по вопросу о введеніи на станціяхъ комиссіонной операціи по отправкѣ грузовъ. Кіевъ. 1896 г.

Сѣрошевскій, Вацлавъ. На краю лѣсовъ. Пов. съ 45 иллюстр. въ текстѣ С. М. Мундина. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трачевскій, А., проф. Средняя исторія. Второе, исправлен. и дополн. изданіе, съ 119 рис. и 10 картами, съ указателями годовъ, именъ и предметовъ. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Тулуповъ, Н. В. Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ К. Тиль и К° въ Москвѣ. Докладъ, читан. въ засѣд. постоян. комиссіи 3-го февр. 1897 г., и замѣчанія по докладу, высказанныя нѣкоторыми членами комиссіи. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Уилльямсъ, Е. Е. Торжество германской промышленности. («Made in Germany»). Перев. съ англійск. В. Ляпидевской, съ предисл. проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Т. I. Съ 377 рис. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Шевелевъ, А. Къ вопросу народномъ театрѣ. М. 1897 г. (Оттискъ изъ № 57 «Русск. Слово»).

Эльснеръ, А., бар. Зеленая книга. Сатана. Тифлисъ. 1897 г.

Энъ, Н. Очерки современной жизни. Спб. 1896 г.

Ящерицынъ, Т. В. Положеніе о видахъ на жительство съ приложеніемъ. Изд. 2-е, неофиціальное, значит. дополн. Саратовъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Годовой отчетъ по русской публичной библіотекѣ въ г. Юрьевѣ. Съ 1-го января 1896 г. по 1-ое января 1897 г. Юрьевъ. 1897 г.

Доклады калужской губернск. земской управы XXXII-му очередному губ. земск. собранію 1896 г.: 1) О книжномъ складѣ. 2) По народному образованію. Прилож. къ докладу: Краткій обзоръ дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. 3) По статистикѣ. Приложеніе: Статистическій обзоръ Калужской губ. за 1896 г. (годъ 1-й). Калуга. 1897 г.

Доклады Тверской губернск. земск. управы по экономическому отдѣлу очередному собранію сессіи 1896 года. Тверь. 1897 г.

Общество вспомоществованія студентамъ Императорск. С.-Петербургскаго Университета. Основано 4-го ноября 1873 г. Отчетъ за 1896 г. Спб. 1897 г.

Оповидання про давне. Максымъ Грымачъ. Въ осены лито. Старый Донда. Проскурка. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2 к.

О прививкѣ деревьевъ. Общедоступн. руководство съ 55 рис. Перев. съ франц. Г. Г. Псалти. Маріуполь. Ц. 30 к.

Отчетъ бывшаго д-та неокл. сбор., а нынѣ главнаго управленія неокл. сбор. и казенной продажи питей. За 1895 г. Съ приложеніемъ. Спб. 1897 г.

Отчетъ отдѣла защиты дѣтей за 1896 г. Спб. 1897 г.

Сборникъ Пермскаго земства, издаваемый Пермскою губ. земскою управою. 1896 г., № 5—6. 25-й годъ. Пермь. 1897 г.

Статистическій сборникъ по С.-Петерб. губ. 1896 г. Вып. II. Спб. 1896 г.

XXXII очередное нижегородское уѣздное земское собраніе 7—12 октября 1896 г. Журналы собранія, доклады комиссіи и управы, отчетность, смѣта и раскладка уѣздныхъ земскихъ повинностей и проч. Нижній-Новгородъ. 1897 г.

Узаконеніе и усыновленіе дѣтей (законъ 12 марта 1891 г.) съ разъясненіями и образцами бумагъ. Изд. 2-е, неофиціальн., существенно измѣненное и дополн. Н. Мартыновымъ. Спб. 1896 г.

Указатель книгъ, допущен. министерств. народн. просвѣщ. для публичн. народн. чтеній. Вып. 1-й и 2-й. Одесса. 1897 г. Ц. каждаго вып. 10 к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЛОДЗИНСКІЙ ЛИСТОКЪ

4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Единственная частная русская газета въ царствѣ Польскомъ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Въ 1897 году «Лодзинскій Листокъ» будетъ издаваться по той же расширенной программѣ, какъ и въ 1896 году, съ политическимъ отдѣломъ и оффиціальными приложеніями. Въ газетѣ печатаются объявленія казенныя и частныя. Въ передовыхъ руководящихъ статьяхъ будутъ подвергаться обсужденію всѣ выдающіяся событія въ области политики, торговли, промышленности и общественной жизни. Замѣчательныя беллетристическія произведенія, оригинальныя и переводы, наполнятъ литературный отдѣлъ. Способствованіе сближенію разнородныхъ элементовъ, безпартійность и безпристрастіе—цѣль и направленіе изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 8 руб.; съ пересылкою 10 руб. — к.
На 3 мѣсяца . . . . . 2 » » » 2 » 50 »

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что хотя «Лодзинскій Листокъ»—газета частная, тѣмъ не менѣе думаемъ, что оффиціальныя объявленія и распоряженія мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей, обязательныя для домовладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ и промышленниковъ и вообще для всѣхъ, живущихъ въ городѣ Лодзи лицъ, дѣлаютъ газету «Лодзинскій Листокъ» необходимою, какъ руководство, въ которомъ они найдутъ для себя не только свѣдѣнія изъ области торговли и промышленности, но и тѣ указанія, кои предупредятъ ихъ отъ отвѣтственности за неисполненіе ими по незнанію обязательныхъ требованій властей.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Лодзи—въ конторѣ редакціи, улица Дѣльная, № 13, и въ книжномъ нашемъ магазинѣ, ул. Петроковская, № 90; въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. Статьи и замѣтки для напечатанія въ «Лодзинскомъ Листкѣ», а равно книги и брошюры для рецензіи редакція проситъ адресовать: М. Е. Терехову, ст. Воломинъ, С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. 3—3

ГОДЪ **1897 годъ** XVI-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ГАЗЕТУ ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ.

Редакція «ТАГАНРОГСКАГО ВѢСТНИКА» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ,

ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго Агентства. ***II. Мѣстный отдѣлъ.*** Оффиціальныя извѣстія, касающіяся пріазовскаго края. Городскія извѣстія. Замѣтки и мелочи. Театральныя рецензіи. Биржевыя и рыночныя свѣдѣнія. ***III. Внутренній отдѣлъ.*** Общія правительственныя распоряженія. Извѣстія изъ области войска Донскаго, пріазовскаго края и разныхъ мѣстностей Россіи. ***IV. Иностранный отдѣлъ.*** Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, въ сжатой формѣ и краткомъ объемѣ разъясняющія политическое положеніе разныхъ странъ и наиболѣе выдающіяся событія иностран. жизни. ***V. Судебный отдѣлъ.*** Сообщенія о важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ. ***VI. Фельетонъ.*** Романы, повѣсти, стихотворенія, разсказы, анекдоты, сценки и т. п. статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. ***VII. Объявленія и рекламы.***

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на 12 мѣс. 6 р., 11 мѣс. 5 р. 50 к., 10 мѣс. 5 р. 25 к., 9 мѣс. 4 р. 75 к., 8 мѣс. 4 р. 50 к., 7 мѣс. 4 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 5 мѣс. 3 р., 4 мѣс. 2 р. 75 к., 3 мѣс. 2 р 25 к., 2 мѣс. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 75 к.

Съ дост. и перес.: на 12 мѣс 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., 10 мѣс. 6 р., 9 мѣс. 5 р 50 к., 8 мѣс. 5 р., 7 мѣс. 4 р. 50 к., 6 мѣс. 4 р., 5 мѣс. 3 р. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс 2 р. 50 к., 2 мѣс. 1 р. 70 к., 1 мѣс. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская улица, домъ № 5-й.

Редакторъ *М. Красновъ.* 3—3 Издатель *М. Мироновъ.*

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КУРСКІЯ губ. ВѢДОМОСТИ

на 1897 годъ.

Согласно предначертаніямъ Его Сіятельства, Господина Курскаго Губернатора, графа А. Д. Милютина, съ 15 декабря 1894 года неоффиціальная часть «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» издается новою редакціею и по новой программѣ, главная задача которой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать «Губернскія Вѣдомости» органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ дѣлъ, потребностей и отраженій.

Согласно съ этою цѣлью «Неоффиціальная часть Губернскихъ Вѣдомостей» издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Ученo-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленій къ №№ «Вѣдомостей» даются телеграммы, получаемыя отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

Годовая цѣна на ежедневную неоффиціальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ оффиціальною частью и приложеніями шесть руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за оффиціальную часть 3 р.,—за неоффиціальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получать одну только неоффиціальную часть, уплачиваютъ съ доставкою и пересылкою: за годъ — **четыре рубля**; за полгода—**два рубля** пятьдесятъ коп.; за три мѣсяца—**одинъ рубль** пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенко, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

3—3 Редакторъ *Т. І. Вержбицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

общественно-литературную и коммерческую

ОДЕССКУЮ ГАЗЕТУ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

«Одесская Газета» — самая дешевая изъ всѣхъ издающихся въ Одессѣ газетъ; несмотря на это, она даетъ читателю массу разнообразныхъ извѣстій изъ жизни Россіи и Европы и въ особенности Юга и Одессы.

Программа «Одесской Газеты» такая-же, какъ и другихъ провинціальныхъ ежедневныхъ изданій.

Жизнь и интересы окраинъ и предмѣстій Одессы найдутъ въ «Одесской Газетѣ» своего постояннаго выразителя. Редакціей уже открыты и принимаются мѣры къ дальнѣйшему открытію отдѣленій во всѣхъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ Южной Россіи.

Подписная цѣна съ доставкою въ Одессѣ:

На годъ . . . . . 5 руб. | На 3 мѣсяца. . . . . 1 руб. 75 коп.
» полгода. . . . . 3 » | » одинъ мѣсяцъ . . . . — » 60 »

Съ доставкою въ другіе города:

На одинъ годъ . . . . . 6 руб. — коп.
» полгода . . . . . 3 » 50 »
» три мѣсяца. . . . . 1 » 80 »

Главная контора «Одесской Газеты».

Уголъ Почтовой и Авчиниковскаго пер., д. Зандлова, № 39. Телефонъ № 440.

Отдѣленіе конторы: Прохоровская улица, домъ № 12.

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ и ея отдѣленіяхъ производится ежедневно, съ 9 утра до 8 час. вечера.

Редакція «Одесской Газеты» помѣщается въ домѣ Кречмара на углу Ришельевской и Полицейской ул., и открыта для личныхъ объясненій отъ 1 до 2 час. дня. Телефонъ редакціи № 405.

3—2 Редакторъ-издатель Г. И. Шеттле.

1897 годъ. Четвертый годъ изданія. 1897 годъ.

«БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!»

ПОПУЛЯРНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№№ выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: 5 руб. въ годъ, 3 руб. полгода, 2 р. четверть года.

АДРЕСЪ: С.-Петербургъ, Невскій, 148.

Въ 1897 году журналъ **«Будьте Здоровы!»** будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ первые три года. Эта программа, равно какъ направленіе и цѣли нашего журнала ясно опредѣляются самымъ его названіемъ **«Будьте Здоровы!»**. Это настоящій популярный журналъ, дающій въ ясныхъ общепонятныхъ статьяхъ все, что нужно знать человѣку для сохраненія его здоровья, и необходимый въ каждой интеллигентной семьѣ. На его страницахъ читатель найдетъ статьи о томъ, какъ надо жить, питаться и одѣваться, работать, отдыхать и развлекаться, какъ предупредить болѣзни и остерегаться всего вреднаго, какъ лѣчить заболѣванія домашними средствами, безъ помощи врача, какъ утолить боль и облегчить припадки, какъ укрѣпить нервы, какъ приготовить себѣ здоровую старость, какъ воспитать здоровыхъ дѣтей и пр. и пр.

Независимо отъ существующихъ отдѣловъ журнала, перечислять которые было-бы слишкомъ долго, редакція **«Будьте Здоровы!»** по просьбѣ своихъ читателей обратитъ особенное вниманіе въ 1897 году на слѣдующіе отдѣлы: Гигіена женщинъ, дѣтская гигіена, гигіена нервныхъ людей; военная гигіена и, главнымъ образомъ, половая гигіена. Только лицемѣрные люди могутъ находить неприличнымъ отдѣлъ популярныхъ статей, толкующихъ о томъ, что необходимо каждому знать, и имѣющихъ цѣлью не возбуждать воображеніе читателя, а принести ему посильную пользу. Въ наше нездоровое время не только масса людей страдаетъ «нервами» и «нервностью», но и, живя исключительно нервами, въ постоянной погонѣ за нервными возбужденіями и самымъ интензивнымъ изъ нихъ, половымъ наслажденіемъ, теряетъ устойчивость и страдаетъ разными аномаліями, неправильностями отправленій и болѣзнями половыхъ органовъ. Въ продолженіе будущаго года мы дадимъ въ нашемъ журналѣ рядъ статей о гигіенѣ брака и новобрачныхъ, о гигіенѣ цѣломудрія, о половыхъ излишествахъ, о половомъ безсиліи и нейрастеніи, объ онанизмѣ, о ихъ послѣдствіяхъ и лѣченіи. Интересующіеся подробностями благоволятъ требовать подробную иллюстрированную программу, которая высылается безплатно. 3—3 Редакторъ-издатель д-ръ *И. И. Зарубинъ*.

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО.

КІЕВСКАЯ

ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

И СЪ ДВУХЪ-НЕДѢЛЬНЫМИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1897 Г. ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р.; безъ доставки: на 1 годъ—6 р., на 6 м.—3 р. 75 к., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судеб., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная улица, № 8—А (Музыкальный пер.).

3—3 Редакторъ-Издатель *М. Е. Кралинскій*.

НОВОЕ СЛОВО.

1897 г. **Годъ V-й.** **1897 г.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КУРЬЕРЪ

ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НА 1897 ГОДЪ.

5 РУБ. ВЪ ГОДЪ

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

НА ПОЛГОДА **3** Р.

3—3 *Издатель Н. А. Пейгинъ.*

Съ 1-го Декабря 1896 г. въ С.-Петербургѣ выходитъ безъ предварительной цензуры

ежедневная политическая и литературная газета

„НАРОДЪ".

Редакція газеты принимаетъ слово „НАРОДЪ" не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единаго цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обѣщаній, нерѣдко втуне остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета „НАРОДЪ" употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе.

Подписка на газету „НАРОДЪ" и объявленія принимаются: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты (Б. Морская, 56) и въ помѣщеніи торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° (Б. Морская, 11); въ Москвѣ тѣмъ же торговымъ домомъ (Мясницкая, д. Сытова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи). Годовая подписка съ разсрочкой платежа принимается исключительно въ главной конторѣ газеты.

Годовые и полугодовые подписчики на 1897 годъ получаютъ безплатно всѣ предшествующіе декабрьскіе нумера газеты, если подпишутся до 1-го декабря текущаго 1896 года.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 12 руб., на полгода 7 р., на три мѣсяца 4 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 50 к.; для иногородныхъ, съ пересылкою, на годъ 14 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 5 р., на одинъ мѣсяцъ 2 р.; за границу: на годъ 22 р., на полгода 12 р., на три мѣсяца 7 р., на одинъ мѣсяцъ 3 р.

Разсрочка взносовъ для годовыхъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: первый взносъ (при подпискѣ) 5 р., второй взносъ (въ мартѣ) 4 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.; для иногородныхъ подписчиковъ: первый взносъ (при подпискѣ) 6 р., второй взносъ (въ мартѣ) 5 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.

Редакторъ Н. Я. Стечькинъ. *Издатель* А. П. Мальшинскій.

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЯ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1897 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ

№ 2-й.

Абрамовъ, Я. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Адреса книгопродавцевъ, издателей и торговцевъ нотами въ алфавитномъ порядкѣ, приблизительно 2.400 готовыхъ для наклейки адресовъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣевъ, А. Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, богослуженіе, праздники, обряды, талмудъ и кагалъ. Изд. третье, исправл. и дополн. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Альбомъ къ сочиненію Дарвина «Выраженіе душевныхъ волненій». Спб. 1897. Ц. 30 к.

Аренсъ, Ф., д-ръ, проф. Ацетиленъ или приготовленіе и употребленіе металлическихъ карбидовъ. Перев. съ нѣм. А. М. Ломоносова, съ пятью рисунками. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Арсеній, Г. Особый міръ. Повѣсть. М. 1897. Ц. 75 к.

Аховъ, М. Россія и армяне. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Богаевскій, Леонидъ. О непрерывности газообразнаго жидкаго состоянія. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Багинскій, А. (проф.). Руководство къ дѣтскимъ болѣзнямъ. Для врачей и студентовъ. Перев. съ 5-го изданія. Т. I. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Базилевскій, М. Соломонъ Ибнъ Габироль и Бахія Бенъ Іосифъ Ибнъ Пакуда. Ихъ жизнь и научная дѣятельность. Одесса. 1897. Ц. 15 к.

Baie, M. Валы и проводы. Современное ихъ устройство для выгодной передачи силы. Пер. съ анг. Л. А. Воровичъ, М. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга одиннадцатая. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Батюшковъ, О. Женскіе типы Расина. Публичная лекція въ пользу О—ва вспомоществованія окончившихъ курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Беренъ, М. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Редакція Н. А. Рубакина. Съ рис. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ 12, часть 1 и 2. Обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ II (1744—1797). Берлинъ. 1896 г. Ц. 10 р.

Богдановъ, М. Н., проф. Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка. Изд. 6-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Богдановъ, М. С., проф. Плодородіе почвы вообще и русскихъ почвъ въ частности. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Боровичъ, Л. А. Индукціонная катушка или спираль Румкорфа и ея изготовленіе. Практическое руководство къ построенію индукціонной катушки, дающей искру длиной отъ 2 до 3 дюймовъ. Брянскъ. 1896 г. Ц. 50 к.

— Работа паровой машины, ея зависимость и опредѣленіе. Элементарное руководство къ теоріи паровыхъ машинъ для лицъ, не знакомыхъ съ высшей математикой. Брянскъ. 1891 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Руководство къ расчету наборныхъ колесъ при нарѣзкѣ винтовъ на токарно-винторѣзныхъ станкахъ различн. системъ, а также и при нарѣзкѣ шестеренъ на зубо-

рѣзныхъ машинахъ, съ 30 табл. Изд. 4-е. Брянскъ. 1896.

— Устройство телефонной станціи съ пріемникомъ и передатчикомъ. Практ. руководство для любителей и практиковъ. Брянскъ. 1897 г. Ц. 30 к.

— (Перев.). Шарошечные станки завода Bromn & Charae. Устройство станковъ и работа на нихъ. Брянскъ. 1893 г. Ц. 1 р.

Булгаковъ, Ѳ. Знаменитые художники XIX вѣка. Л. Кнаусъ и его произведенія. Спб. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Бутми. Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. Перев. съ франц. М. Карова. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Вагнеръ, Г. Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Съ 52 рис. М. 1897. Ц. 30 к.

Вальдо, Ф. Современная метеорологія, очеркъ ея прошлаго и настоящаго. Перев. съ англійск. М. П. Косача, подъ ред. проф. В. И. Срезневскаго, съ 112 рис. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Вахтеровъ, В. Народныя чтенія. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Веберъ, М. Биржа и ея значеніе. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Вегетаріанецъ. Третья недѣля обѣдовъ вегетаріанца. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Везенковъ. Награды и отличія, пенсіи, пособія и призрѣніе нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Веневитиновъ, М. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698. М. 1897. Ц. 3 р.

Вернеръ, Е. У алтаря. Романъ. Перев. съ нѣм. Л. Фидлеръ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Въ гостяхъ у крестьянскихъ сиротъ. Съ предисловіемъ о дѣтской колоніи «Затишье». Спб. 1897. Ц. 1 р. 15 к.

Виньоло. Архитектурные ордера. Памятная книжка для архитекторовъ. Текстъ и рис. Тьери. Перев. съ франц. Техн. П. Федорова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Виссаріонъ (епископъ). Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Висковскій. Справочная книжка для офицеровъ и чиновниковъ, служащихъ въ управленіяхъ, учрежденіяхъ и заведеніяхъ артиллерійскаго вѣдомства. М. 1897 г. Ц. 4 р.

Воздухоплаваніе и изслѣдованіе атмосферы. Подъ ред. М. М. Поморцева. Вып. I. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Воронецкій. Обзоръ учебныхъ пособій по географіи. Часть 2-я. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Гейнце, Н. Коронованный рыцарь. (Тайна Таврическаго сада). Историч. романъ. Съ портретомъ императора Павла I. Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Гейсманъ, П. Графъ Л. Н. Толстой и М. И. Драгомировъ. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Гельмгольцъ. 1) Научное и философское изслѣдованіе зрѣнія. 2) Объ академической свободѣ. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Герасимовъ, Н. Философія души. Разсужденіе. М. 1897. Ц. 1 р.

Геффдингъ, Г. Ученіе о принципахъ нравственности. Лекція. Перев. съ нѣм. В. К. М. 1897. Ц. 40 к.

Гиро, П. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц. съ 70 рис., подъ ред. Л. И. Руднева. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Гомилевскій, В. Выращиваніе сѣмянъ сахарной и кормовой свекловицы и морковныхъ. Кіевъ. 1897. Ц. 50 к.

— Цикорій. Его воздѣлываніе, фабрикація цикорнаго кофе и друг. пользованія растеніями изъ рода «Cichorium». Кіевъ. 1895. Ц. 50 к.

— Грецкій или волошскій орѣхъ. Изслѣдованія природы, техническихъ свойствъ, пользы и культуры этого дерева. Одесса. 1894. Ц. 1 р.

Городцевъ, П. (свящ.). Избранные разсказы изъ книги «Дѣяніе Святыхъ Апостоловъ». Съ 26 рис. Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Гофманъ, Э. Атласъ бабочекъ Европы и отчасти русско-азіатскихъ владѣній. Обработ. и дополн. примѣнительно къ русской фаунѣ Н. А. Холодовскій. Вып. II. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій, митрополитъ спб. День святой жизни или отвѣтъ на вопросъ: Какъ мнѣ жить свято? Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Гуринъ, Евг. (д-ръ). Современныя задачи и рецепты лѣченія бубонной чумы. Кіевъ. 1897. Ц. 20 к.

Гуринъ, Г. Стельная корова. Какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленіи Изд. 3-е. М. 1897. Ц. 10 к.

Гумилевскій, Н. Сущность и цѣли питейной реформы въ Россіи. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Даниловъ, Ф. Волшебный фонарь. Устройство и способъ употребленія. Картины для волшебнаго фонаря. Кинематографъ и его устройство. Съ 75 рис. М. 1897. Ц. 75 к.

Дебольскій, Г. Седьмица говѣнія, исповѣди и причащенія. Спб. 1897. Ц. 20 к.

— Житія святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Съ ихъ изображеніями. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Діатроптовъ, П. О чумѣ. Докладъ. Одесса. 1897. Ц. 20 к.

Дмитріевъ, В. Грезы юности. Стихотворенія. Вып. I. Новочеркаскъ. 1897. Ц. 75 к.

Дмитріевъ, Древесное сѣно и его употребленіе въ кормъ скоту. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Долганевъ. Современная Абиссинія. Очерки быта, культуры, общественной и религіозной жизни эѳіопскаго народа. Спб. 1897. Ц. 35 к.

* **Дрезденская картинная галерея.** Текстъ Германа Люке. Перев. съ нѣмецк. А. И. Сомова. Вып. IV. Ц. по подпискѣ 60 руб. Допускается разсрочка.

Дюмонъ и Филиппонъ. Начало ручнаго труда. a) Построеніе и накленваніе, b) складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги, c) работы изъ картона и бумаги, d) тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги. М. 1897 г. Ц. каждаго выпуска 40 к.

Дрентельнъ, Елизавета. Не слишкомъ ли много лѣчимъ дѣтей? Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи, издаваемый подъ редакц. Н. Криштафовича. Т. II. Вып. I. Варшава. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Еремѣевъ, И. (врачъ). С.-Петербургъ съ точки зрѣнія медицинской полиціи. Составлено по распоряженію Г. С.-Петербургскаго Градоначальника генералъ-майора П. В. Клейгельса врачами Петербургской столичной полиціи. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Евсѣевъ, Ив. Книга Пророка Исаіи въ древне-славянскомъ переводѣ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи. К. В. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Сократъ. Его жизнь и философская дѣятельность. Біографич. очеркъ Е. Орлова. Съ портретомъ и картиной, изображающей смерть Сократа. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Жуковскій, В. (д-ръ). Склерема (затвердѣніе клѣтчатки) новорожденныхъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Журналъ Юридическаго Общества 1897 г. Книга 3-я. Мартъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Закревскій, Игн. Уголовная антропологія на Женевскомъ международномъ конгрессѣ съ приложеніемъ отчета о занятіяхъ четвертаго международного уголовно-антропологическаго конгресса. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Закревскій, Игн. О настоящемъ и будущемъ суда присяжныхъ. Сборникъ статей. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Зелеръ-фонъ, В. Ф. Ученіе о правѣ общей собственности по римскому праву. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ, Г. Morituri (Обреченные смерти). Тэйа. Фрицинька. Настоящій мужчина. Перев. съ нѣмец. Кіевъ 1897 г. Ц. 60 к.

Ибсенъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1897 г. Ц. за 6 т. 4 р.

Ивановскій. Наставленіе къ устройству винокуренныхъ заводовъ сельско-хозяйственнаго типа, съ приложеніемъ проектовъ, чертежей и смѣтъ. Съ атласомъ. Варшава. 1894 г. Ц. 10 р.

Икцилбудъ, А. Новый путь къ самостоятельному и доходному женскому труду. Спб. 1897 г. Ц. 35 к.

Иллюстрированный календарь К. П. Епанчина. Настольная книга для сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства и огородничества на 1897 г. Изд. 6-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Ильинскій, М. Народы земного шара и его раздѣленіе на племена съ обозначеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Таблица просмотрѣна проф. Таренецкимъ. 1897. Спб. Ц. 40 к.

Индійскія повѣсти. Наль и Дамаянти. Изд. 4-е. М 1895 г. Ц. 10 к.

***Кайгородовъ, Дм.** Пятый стѣнной календарь Петербургской весны. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Какъ надо говѣть и исповѣдаться предъ духовникомъ. (Братскій совѣтъ православному христіанину). Спб. 1897 г. Ц. 6 к.

Карбе. Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборота и культуры. Перев. съ нѣмецк. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Кибальчичъ, Т. Древніе драгоцѣнные амулеты, найденные въ южной Россіи, и геммы новаго времени (съ XV до настоящаго вр.). Кіевъ. 1896 г. Ц. 60 к.

— Каталогъ геммъ (драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камней), собранныхъ преимущественно въ южной Россіи. Кіевъ. 1896 г. Ц. 75 к.

Киплингъ и Балестріевъ. Наулака. Романъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Коменскій, Янъ Амосъ. Великая дидактика. Латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ Андрея, Адольфа и Сергѣя Любомудрова. Съ иллюстрац. М. 1896 г. Ц. 8 р.

Коншинъ, В. В. Стихотворенія. Т. I. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Корфъ, Н. (баронъ). Общее введеніе въ стратегію, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Этюды по философіи военныхъ наукъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 10 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Мартъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кохъ, І. Л. А., д-ръ. Нервная жизнь человѣка въ дни здоровья и болѣзни. Свѣдѣнія, совѣты и утѣшенія. Перев. съ нѣм. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Краевскій, А. Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Красновъ, А. (проф.). Формы поверхности суши и дѣятели, ихъ создающіе. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кропоторъ, М. Еще о круговой порукѣ, крестьянскихъ платежахъ и податныхъ порядкахъ въ крестьянскихъ обществахъ. Ярославль. 1896 г. Ц. 25 к.

* **Крыловъ, Ив.** Басни. Полное собраніе съ біографіей и примѣчаніями. Три портрета, виды памятника и могилы Крылова и 27 рисунковъ въ текстѣ. Изданіе третье. На веленевой бумагѣ въ переплетѣ. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Кудрявцевъ, В. Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края. Очеркъ. Вятка. 1897 г. Ц. 30 к.

Кукъ, Жд. П. Новая химія. Перев. съ 10-го англійск. изданія. А. В. Алехина, подъ редакц. М. Н. Коновалова. М. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Куплевскій, Н. О. Русское государственное право. Т. I. Харьковъ. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Курье, Поль-Луи. Сочиненія. Часть 1-я. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Лагузенъ, І. Краткій очеркъ палеонтологіи. Палеозоологія. Вып. II. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Лебедевъ, И. Гигіеническія бесѣды въ защиту мозга. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Лебедевъ, А. Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Лейкинъ, Н. Записки Полкана. Повѣсть изъ собачьей жизни. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Лейкинъ, Н. А. Въ гостяхъ у турокъ. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ чрезъ славянскія земли въ Константинополь. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Наши за границей. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Изд. 13-е. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Ливій, Титъ. Римская исторія отъ основанія города. Т. IV. Книги XXVI—XXX. Перев. съ латинскаго подъ редакціей П. Адріанова. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Линицкій, П., проф. Мышленіе и познаніе. Харьковъ. 1896 г. Ц. 70 к.

Литвинова, Е. Правители и мыслители. Біографическіе очерки. Съ 16 портретами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Ломшаковъ, А. Испытаніе паровыхъ котловъ и машинъ. Подъ ред. адъюнктъ-профессора Г. Ф. Деппа. Ч. I. Паровые котлы. Спб. 1897 г. Цѣна 3 р.

Лященко, А. Указатель къ «Лѣтописямъ русской литературы и древности». Н. С. Тихонравова. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Маэль, П. Робинзонъ и Робинзона. Съ 52 рис. Спб. 1897 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р.

Майнъ-Ридъ. Бѣлый вождь. М. 1897 г. Ц. 35 коп.

— Бѣлая перчатка. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Малютинъ, Д. Нашъ хлѣбный тарифъ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

— Наша хлѣбная торговля. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

— Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ. Дикое счастье. Романъ. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

— Зарница. Второй сборникъ разсказовъ для старшаго возраста. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Марко Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Саратовъ. 1896 г. Ц. 1 р. Тоже т. II. Ц. 1 р. 25 к.

Матченко, И. 100-лѣтіе со дня кончины императрицы Екатерины Великой. Рѣчь. Кіевъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Машины, приборы и снаряды для очистки, сортировки и сушки сѣмянъ. Международная выставка въ мартѣ 1894 г. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Менделѣевъ, Д. Основы фабрично-заводской промышленности. Вып. I. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 80 к.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Часть 2-я. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Миссіонерское движеніе среди американскихъ и западно-европейскихъ студентовъ. И. С. Казань. 1897 г. Ц. 20 к.

Могра, Гастонъ. Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи-Антуанеты. Перев. съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Молчановъ, А. Селамликъ султана (съ 4 рисунк.). Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Мочульскій, В. (проф.). Просвѣщеніе на югѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.

Мурманъ (съ 82-мя рисунками). Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мюллеръ, Евг. Юность знаменитыхъ людей. Перев. съ франц. Съ 18 рис. и 14 портрет. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Нансенъ, Фр. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Перев. подъ ред. Н. Березина. Вып. II. Ц. 30 к.

Неймайръ, М. (професс.). Исторія земли. Вып. II Ц. 50 к., по подпискѣ за 30 вып. 11 р.

Некрасовъ, П. Приложеніе алгебры къ геометріи. Различные систематическіе способы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе (въ связи съ приложеніемъ алгебры къ геометріи). Конкретное истолкованіе геометріи, Лобачевскаго. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Несгораемыя крестьянскія постройки (какъ крестьянамъ улучшить свои жилища). Изд. 3-е. М. 1895 г. Ц. 10 к.

Новикова-Зарина, Кавказскіе разсказы (быль). Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

«Новое Слово». Журналъ научно-литературный и политическій. Февраль. 1897 г. Ц. 1 р.

Новыя мѣропріятія въ области борьбы съ пищенствомъ въ С.-Петербургѣ. Съ 5-ю рисунками. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Образованіе. Педагогическій и научно-популярный журналъ № 3, мартъ, 1897 г. Спб. Ц. 60 к.

Общедоступная техническая энциклопедія. Подъ ред. Н. Песоцкаго. Т. I. Вып. VI и VII. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Оппель, Карлъ, д-ръ. Чудеса древней страны пирамидъ. Перев. съ нѣм. Н. Н. Страхова. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Патфайндеръ и Дельзіеля. Дрессировка подружейныхъ собакъ. Переводъ В. В. де-Конноръ. Тула. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Петри, Э. Ю. Критическій обзоръ иностранныхъ пособій при преподаваніи и изученіи географіи. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Печоринъ, С. «Утро Души». Книга шаржей и парадоксовъ. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Плискій, Н. Басни. Вып. 2-й. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Поданіе помощи при несчастіяхъ на водѣ. Таблица. Ц. 5 к., на папкѣ 50 к.

Потѣхинъ, Л. А. Пчелы и уходъ за ними въ неразборныхъ ульяхъ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Правда о русскихъ раскольникахъ, называющихся старовѣрами и старообрядцами. М. 1897 г. Ц. 15 к.

Прево Марсель. Тайный садъ. Романъ. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Прэнсъ, Ад. Организація свободы и общественный долгъ. Перев. съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Протопоповъ, В. Библейскіе ветхозавѣтные факты по толкованіямъ святыхъ отцевъ и учителей церкви. Казань. 1897 г. Ц. 1 р.

Пушкинъ, А. С. Русалка. Драма. Съ окончаніемъ по современной записи Д. П. Зуева М. 1897 г. Ц. 30 к.

Пюшъ, Э. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Перев. съ франц. А. А. Измайлова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Разсказы Псковича. На разныхъ концахъ. На пятѣ. Обратныя. По теоріи вѣроятностей. Козочка. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Рафаловичъ, Л. Лажъ на золото и хлѣбныя цѣны съ таблицами. Статья. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Ревонъ Мишель. Жозефъ де-Местръ. Философія войны. Перев. К. Роспопова. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Романовъ, Іоакимъ, протоіерей. Краткія поученія о богослуженіи православной церкви. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Рубакинъ, Н. Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Съ 33 рис. М. 1897 г. Ц. 35 к.

— Библіографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Русановъ, Н. (прот.). Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простаго народа. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Подъ редакціею В. А. Гольцева. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Свѣгинъ, Н. По русской и китайской Манчжуріи отъ Хабаровска до Нингуты. Впечатлѣнія и наблюденія. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Святловъ, П. (проф.-свящ.). Мистицизмъ конца XIX вѣка къ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Святый великій постъ, какъ проповѣдникъ покаянія. Спб. 1897 г. Ц. 4 к.

«Сельскій хозяинъ», № 20. Ц. 20 к.

Сементковскій, Р. К. (И. В. Антаровъ). Дѣвичьи сны. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

— Евреи и жиды. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Симондъ де-Сисмонди, Ж. Новыя начала политической экономіи. Перев. В. Эфруси. (Библіотека экономистовъ. Вып. VIII). М. 1897 г. Ц. 1 р.

Скуйе, А. Рай земный. Очерки и разсказы для юношества. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Славянскій, Кр. (д-ръ). Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней. Руководство для врачей и студентовъ. Т. II. Болѣзни Фаллопіевыхъ трубъ и яичниковъ. Съ 91 рис. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Соколовъ, С. Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ съ инструкціей о порядкѣ опредѣленія и взиманія налога и правительств. разъясненіями. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Влад. Право и нравственность. Очерки изъ прикладной этики. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Солонцевъ, К. М., д-ръ. Общедоступное изложеніе новѣйшихъ свѣдѣній о чумѣ и предохранительныя отъ нея мѣры. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Списокъ адресовъ книгопродавцевъ въ Россіи. Составленъ по частнымъ свѣдѣніямъ по 1-е января 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Степановъ, А. (д-ръ). Искусственныя углекислыя ванны. W. Lippert'a. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Стронскій, Р. Развитіе морской метеорологіи. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

— Вопросы мореплаванія въ метеорологическомъ отношеніи. Одесса. 1894 г. Ц. 75 к.

«Сѣверный Вѣстникъ». 1897 г. Мартъ, № 3. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Сѣрошевскій, Вацлавъ. На краю лѣсовъ. Повѣсть съ 45 иллюстраціями въ текстѣ С. М. Дудина. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тавастшерна, К. Мать и сынъ. Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ. Перев. съ шведскаго В. Фирсова. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Тальбергъ, В. Государственный фактическій и предварительный контроль въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Кіевъ. 1896 г. Ц. 50 к.

Тарновскій, В. Борьба съ сифилисомъ. Рѣчь. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Топеліусъ, З. Сказки. Съ рис. Червякъ въ малинѣ и дѣти святой ночи. Перев. съ шведскаго. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Трачевскій, А. (проф.). Средняя исторія. Изд. 2-е дополн. съ 119 рис. и 10 картами. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Трубецкой, Евг. (князь). Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. Идея Божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ—его современниковъ. Вып. I. Кіевъ. 1897 г. Цѣна съ билетомъ на полученіе второго вып.— 2 р. 50 к.

Уилльямсъ, Е. Торжество германской промышленности. Перев. съ англ., подъ ред. проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ. Въ защиту исторической правды. Кіевъ. 1895 г. Ц. 45 к.

Фишеръ, Ф. Сифилисъ, его лѣченіе и условія безопаснаго вступленія больныхъ въ бракъ. Наблюденія и изслѣдованія. Изд. 3-е. Для врачей и публики. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Флексичъ, П. Мозгъ и душа. Перев. съ нѣм. Н. Березина. Съ хромолитографированной таблицей. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Хребтовъ, А. Памятная книжка для собирателей монетъ, чеканенныхъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Вып. I. 1762—1796 гг. Спб. 1897 г. Ц. 25 к., на велен. бум. Ц. 35 к.

Чаннингъ, Эд. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765—1865 гг.). Перев. съ англ., съ 3 картами. Спб. 1897 г. Ц. 1 50 к.

* **Чеховъ, А.** (Сѣдой). Призрѣніе душевнобольныхъ въ С.-Петербургѣ. II. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

* **Чеховъ, Антонъ, Палата № 6.** Изд. 5. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Чиколевъ, В. Таблицы математическія и другія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. и 1 р. 25 к.

— Таблицы математическія и другія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Что такое чума. Способы ея распознаванія, предупрежденіе и лѣченіе. Д-ра Н. В—на. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Чудновскій, Ю. Предохранительныя мѣры отъ чумы. Изд. 4-е, съ предисловіемъ доктора А. Липскаго. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Шереметевскій, В. П. Сочин. съ портр. автора. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юрьевъ и Владимірскій. Свѣтская жизнь

и этикетъ. Хорошій тонъ. Сборникъ правилъ, совѣтовъ и наставленій на разные случаи домашней и общественной жизни. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Яворовскій, П. Геологическія условія образованія нѣкоторыхъ золотыхъ розсыпей. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

— Потеря золота при разработкѣ розсыпей. Спб. Ц. 40 к.

— Горная промышленность Сибири и Сибирская желѣзная дорога. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

А. С. Суворина.

При выпискѣ книгъ «Дешевой Библіотеки», вмѣсто названія книги, можно выставлять нумеръ, подъ которымъ книга эта значится въ каталогѣ. Звѣздочкою (*) обозначены книги, помѣщенныя въ Опытѣ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и въ каталогѣ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

---

*6. **Ломоносовъ, М. В.** Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ переплетѣ 60 к.

56а. **Львова, А. Марина Мнишекъ.** Историч. поэма въ 5 д. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

50. **Лѣсковъ, Н.** Повѣсти и разсказы. Кн. I. Скоморохъ Памфалонъ. — Спасеніе погиб. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ перепл. 35 к.

51. — То же. Кн. II. Очарованн. странникъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 35 к.

57. — То же. Кн. III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 35 к.

— Котинъ Доплецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 35 к.

69. — Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ перепл. 40 к.

73. — Инженеры-безсребренники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ перепл. 35 к.

183. **Маркъ Аврелій Антонинъ.** Къ самому себѣ. Размышленія. Пер. съ греч. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ перепл. 40 к.

*19. **Марлинскій, А.** (А. А. Бестужевъ). Амалатъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ перепл. 40 к.

*21. — Страшное гаданье.—Два вечера на бивуакѣ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 40 к.

*22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

*23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ.—Красное покрывало.—Ночь на кораблѣ.—Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

*25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 40 к.

*26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ перепл. 40 к.

*32. — Пѣзды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

74. — Лейтенантъ Бѣлозоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

*4. **Мерзляковъ и Цыгановъ.** Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 25 к., на вел. бум. 20 к.

120. **Метерлинкъ, Морисъ.** Тайны души. Драма. Переводъ и предисловіе А. С. Суворина. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

117. **Міятовичъ Чедомилъ.** Константинъ, послѣдній Византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками (1453). Ц. 25 к.

104. **Мольеръ.** Школа женъ. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ. В. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*115. — Скупой. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ В. С. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

*224. — Донъ-Жуанъ. Комедія въ пяти ак-

тахъ. Пер. съ франц. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

233. — Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. (Переводъ удостоенъ почетн. отзыва Имп. Академіи Наукъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

Мольеръ. Изящн. изд. на велен. бум. (Напечатано для любителей въ огранич. кол. экз.). Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

247. — Мѣщанинъ во дворянствѣ. Комедія въ 5-ти актахъ. Пер. В. С Лихачева. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

59. Мордовцевъ, Д. Л. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

* 5. Нарѣжный. Бурсакъ. Ром. Изд. 4-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к., въ пер. 60 к., на вел. бум. 65 к.

116. Немировичъ-Данченко, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шипкѣ. 1877—1878. (Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

141. — Въ пустыняхъ. — Затерянные въ океанѣ.—Въ тихой и мирной пристани. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

— То же. Изящное изд. на велен. бум. (Напечатано для любителей въ огранич. колич. экз.). Ц. 75 к., въ переплетѣ 1 р. 15 к.

142. — На безлюдьѣ. Картины полярной зимы. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ перепл. 40 к.

— То же. Изящное изд. на велен. бум. (Напечатано для любителей въ огранич. колич. экз.). Ц. 50 к., въ перепл. 90 к.

143. — Мурманская страда. Очерки изъ борьбы человѣка съ полярною природой у океана. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

— То же. Изящное изд. на велен. бум. (Напечатано для любителей въ огранич. кол. экз.). Ц. 50 к., въ перепл. 90 к.

144. — Приволье. Картины промысловой жизни на сѣверѣ у «океана». Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

— То же. Изящное изд. на велен. бум. (Напечатано для любителей въ огранич. колич. экз.). Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

150. — Полярное лѣто. Очерки невѣдомаго быта. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

— То же. Изящн. изд. на велен. бум. (Напечатано для любителей въ ограничн. колич. экз.). Ц. 50 к., въ переплетѣ 90 к.

258. — Безпросвѣтная глушь (люди и природа южнаго Кавказа). Ц. 20 к.

259. — Дагестанскія захолустья (Магометъ-оглы. — Кай-булакъ. — Израиль воинствующій. — Изгнанники. — Смерть дома. — Жизнь и люди въ горныхъ захолустьяхъ). Ц. 20 к.

*90. Одоевскій, О. В., князь. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Изд. 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*110.—Повѣсти. Кн. I. Бригадиръ.—Балъ.—Насмѣшка мертвеца. — Послѣдній квартетъ Ветховена. — Импровизаторъ. — Себастіанъ Бахъ. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

* 111. — То же. Кн. II. Княжна Мими.—Княжна Зизи. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

* 112. — То же. Кн. III. Саламандра.—Эльза. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

* 49. Озеровъ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ съ хорами.—Дмитрій Донской. Траг. въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

189. Плавтъ, Марцій Т. Хвастливый солдатъ. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Съ латинск. перев. В. Алексѣевъ. Съ дополн. и примѣч. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

253. Плавтъ, М. Т. Трехгрошовый день. Древне-латинская комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ въ прозѣ, со статьей о Плавтѣ. С. Эйгесъ. Спб. 1893 г. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

*158. Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Вып. 1-й. Тезей и Ромулъ. Ц. 15 к.

*159. — То же. Т. I. Вып. 2-й. Ликургъ и Нума Помпилій. Ц. 15 к.

*160. — То же. Т. I. Вып. 3-й. Солонъ и Валерій Попликола. Ц. 15 к. (Весь I томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*161. — То же. Т. II. Вып. 1-й. Ѳемистоклъ и Камиллъ. Ц. 15 к.

*162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Периклъ и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.

*163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алкибіадъ и Коріоланъ. Ц. 15 к. (Весь II томъ въ одной папкѣ 53 к.).

*164. — То же. Т. III. Вып. 1-й. Тимолеонтъ и Павелъ Эмилій. Ц. 15 к.

*165. — То же. Т. III. Вып. 2-й. Пелопидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.

*166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к. (Весь III томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*167.—То же. Томъ IV. Вып. 1-й. Филопэменъ и Титъ Фламининъ. Ц. 15 к.

*168.—То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. Ц. 15 к.

*169.—То же. Томъ IV. Вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к. (Весь IV томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*170.— То же. Томъ V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.

*171.—То же. Томъ V. Вып. 2-й. Никій и Крассъ. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

*172.—То же. Томъ V. Вып. 3-й. Серторій и Евменъ. Ц. 15 к. (Весь V томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.). На велен. бум. по 30 к. выпускъ.

*173.—То же. Томъ VI. Вып. 1-й. Агезилай и Помпей. Ц. 20 к.

*174.—То же. Т. VI. Вып. 2-й. Александръ Великій и Гай Цезарь. Ц. 20 к. (Весь VI томъ въ одной папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.). На велен. бумагѣ по 35 к. за выпускъ.

*175.—То же. Томъ VII. Вып. 1-й. Фокіонъ и Катонъ Младшій. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

*176. — То же. Томъ VII. Вып. 2-й. Агидъ и Клеоменъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*177.—То же. Томъ VII. Вып. 3-й. Тиберій и Гай Гракхи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*178.—То же. Томъ VIII. Вып. I. Демосѳенъ и Цицеронъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*179.—То же. Томъ VIII. Вып. II. Деметрій Поліоркетъ и Антоній. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*180.—То же. Томъ VIII. Вып. III. Діонъ и Брутъ. Ц. 15 к.

*181.—То же. Т. IX. Вып. I. Артаксеркъ. Аратъ. Ц. 15 к.
*182.—То же. Томъ IX. Вып. II. Гальба. Отонъ. Ц. 10 к.
*40. Погорельскій, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.
*64. Погорельскій, А. Черная курица или подземные жители. Волшебная повѣсть для дѣтей. Ц. 5 к., въ пап. 13 к., въ перепл. 20 к.
*27. Полевой, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.
*67. — Дѣдушка русскаго флота.—Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.
*148. — Государевъ кречатникъ. Разск. изъ быта сокольниковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
185. Потапенко, И. Азорка. Повѣсть. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
186. — Простая случайность. Братья. Разсказы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.
86. Походъ Аргонавтовъ. Древ.-греч. сказан. Съ рисунк. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.
*123. Пушкинъ, А. С. Поэмы и сказки. Съ приложеніемъ біограф. А. С. Пушкина, портр. его и рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*124. — Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портр. и рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*125. — Стихотворенія. Съ примѣчан. къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*126. — То же. Съ примѣч. къ нимъ и двумя рис. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35.
*127.—Евгеній Онѣгинъ. Съ дополненіями и варіантами. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*128. —Повѣсти (Повѣсти Бѣлкина.—Дубровскій. — Капитанская дочка. — Пиковая дама.— Кирджали. — Арапъ Петра Великаго. — Исторія Села Горохина. — Рославлевъ.—Египетскія ночи). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*129. —Исторія Пугачевскаго бунта.—Путешествіе въ Эрзерумъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*130. — Письма къ разнымъ лицамъ.— Письма къ женѣ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*131. — Дневникъ. — Записки.—Историч. статьи и разныя замѣтки. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*132. — Лицейскія стихотворенія и отрывки. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
*— Собраніе сочин. въ 10-ти том. болѣе 4,100 стр. Съ біогр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изд. 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.
*152. Разинъ, А. Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ русской исторіи 1638 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
*243. — Разоренный годъ. Повѣсть изъ русской исторіи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
*147. Рылѣевъ, К. Думы и поэмы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ огранич. колич. экз.). Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
250. Сенека, Л. А. Избранныя письма къ Люцилію. Перев. съ латинск. Краснова. Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ пер. 50 к.
— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ огран. кол. экз.). Ц. 60 к.
*41. Соллогубъ, В. А., графъ. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекарша. — Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ калошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
43. — То же. Кн. III. Большой свѣтъ.— Медвѣдь. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ переплетѣ 1 р.
187. Софоклъ. Эдипъ-царь. Съ греч. перев. В. Алексѣева. Съ введен. и примѣчан. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
192. — Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія. Съ греч. перев. В. Алексѣева. Съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 30 к.
193. — Антигона. Трагедія. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 27 к.
216. — Электра. Трагедія. Переводъ съ греч. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
238. Стэрнъ. Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. Перев. съ англ. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.
— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 75 к., въ пер. 1 р. 15 к.
261. Сто великихъ людей. Книга I. Зороастръ, Будда, Конфуцій, Магометъ. Цѣна 20 коп.
262. — Книга II. Солонъ, Периклъ, Александръ Великій. Ц. 20 к.
263. То же. Книга III. Аннибалъ, Юлій Цезарь, Маркъ Аврелій. Ц. 20 к.
264. То же. Книга IV. Вильгельмъ Оранскій. Ц. 20 к.
— То же на веленевой бум. Ц. каждой книгѣ 75 к.

Дозволено цензурою 26 марта, 1897 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

одѣваютъ его приказчикомъ и заставляютъ продавать покупателямъ. «Lyer» (лгунъ) сначала никакъ не можетъ нигдѣ пріютиться; онъ прячется въ темныхъ закоулкахъ, ни одна дверь не отворяется передъ нимъ; его плутни слишкомъ хорошо извѣстны. Наконецъ исповѣдники (торговцы индульгенціями) «сжалились надъ нимъ; они обмываютъ, вытираютъ, одѣваютъ его, и посылаютъ по воскресеньямъ къ церкви съ буллами, скрѣпленными печатями, продавать за деньги отпущенія грѣховъ». Доктора пишутъ ему, что если онъ согласенъ помочь имъ въ осмотрѣ нѣкоторыхъ жидкостей, то можетъ разсчитывать на хорошій пріемъ; бакалейные торговцы устраиваютъ съ нимъ свиданія; менестрели и гонцы держатъ его у себя «шесть мѣсяцевъ и одиннадцать дней». «Братья» одѣваютъ его братомъ, и съ ними у него завязывается самая тѣсная дружба.

Леди «Meed» является на судъ короля; своимъ прекраснымъ лицомъ и кроткимъ видомъ она производитъ большое впечатлѣніе; это Фрина передъ судьями, только въ одеждѣ; всѣ судьи приходятъ въ умиленіе; они ободряютъ ее, и тоже самое дѣлаютъ клерки, братья и всѣ приближающіеся къ ней. Она такъ хороша собой! Она сходится сейчасъ же со всѣми, и никого не смущаетъ; одинъ изъ братьевъ предлагаетъ ей отпущеніе грѣховъ, данное «имъ своей властью», но тогда, она должна сдѣлать что нибудь для братства: «мы строимъ въ настоящее время часовню, которая обойдется намъ очень дорого; если ты согласна заплатить за цвѣтныя стекла, то на нихъ вырѣжется твое имя и твоя душа пойдетъ прямо въ рай». Meed соглашается. Является король и допрашиваетъ ее; онъ рѣшаетъ выдать ее замужъ, но не за Обманщика, а за рыцаря Совѣсть. Meed соглашается, она всегда на все согласна.

Приходитъ рыцарь; онъ отказывается и нападаетъ на Meed, развращающую всѣ классы государства и бывшую причиной смерти «вашего отца» (короля Эдуарда II). Изъ нея не выйдетъ хорошей супруги, она публична «какъ большая дорога» (as comune as the cart-wey). Она «потакаетъ папѣ въ раздачѣ должностей и бенефицій» и «помогаетъ дуракамъ получать епископства...»

Meed плачетъ, и это уже хорошій отвѣтъ; потомъ, получивъ способность говорить, она оправдывается очень искусно: безъ Meed свѣтъ впалъ бы въ оцѣпененіе; рыцари перестали бы думать о корояхъ, священники не стали бы служить обѣденъ, менестрели не пѣли бы своихъ пѣсенъ; купцы не торговали бы, и даже нищіе перестали бы просить милостыню.

Рыцарь строго возражаетъ: есть двоякаго рода Meed. Мы уже знали это; есть награда и есть подкупъ, ихъ всегда смѣшиваютъ между собой. О! если бы вмѣсто Meed на свѣтѣ царствовалъ Ра-

зумъ! Не было бы войнъ, не существовало бы и судовъ различныхъ разрядовъ, гдѣ только запутываютъ правосудіе. Meed становится послѣ этого «бѣшена, какъ вѣтеръ».

— Довольно,—говоритъ король,—Совѣсть, обними ее, я тебѣ приказываю.

— Никогда въ жизни, клянусь въ томъ Христомъ!—отвѣчаетъ Совѣсть, и ссора продолжается; наконецъ идутъ звать Разумъ; онъ рѣшитъ дѣло. Разумъ велитъ сѣдлать своихъ лошадей, называющихся безконечными именами, какъ напримѣръ Терпи-пока-придетъ-мой-часъ. Нашъ мечтатель употребляетъ еще задолго до пуританъ имена, соотвѣтствующія цѣлымъ фразамъ; такъ онъ выводитъ на сцену маленькую дѣвочку, которую зовутъ: Веди себя-хорошенько-иначе-твоя-мать-высѣчетъ-тебя-розгами [1])— имя, не особенно удобное для обыкновенной жизни; имя другого лица состоитъ изъ шести строкъ.

Ко двору является Разумъ, о ссорѣ Meed съ Совѣстью нѣтъ уже и помина, но въ это время разыгралась другая распря: «тогда является Миръ въ видѣ парламента и подаетъ прошеніе на Зло и перечисляетъ всѣ его вины. Оно совратило съ пути Розу и Маргариту; содержитъ разбойничью шайку, помогающую его злодѣйствамъ; нападаетъ на фермы, похищаетъ плоды жатвы, и никто не смѣетъ ни шелохнуться, ни жаловаться на него, до такой степени оно могущественно. Это не плодъ пустого воображенія: въ регистрахъ парламента того времени есть множество подобныхъ прошеній, въ которыхъ зло является подъ своимъ настоящимъ именемъ, и король старается отвѣчать на нихъ какъ и въ поэмѣ, сообразно съ совѣтами Разума.

Разумъ обращается съ рѣчью ко всей націи, собравшейся въ долинѣ, виднѣющейся съ вершины Мальвернскаго холма, на которомъ мы были въ началѣ поэмы.

Вдругъ перемѣна декораціи. Онѣ очень часты, неожиданны и быстры. «Тогда...» говоритъ поэтъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, и долина исчезаетъ; новое лицо, Раскаяніе, слушаетъ теперь исповѣдь Смертныхъ Грѣховъ. Это одно изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ поэмы; Грѣхи эти съ своими отвлеченными именами являются осязаемой дѣйствительностью, авторъ описываетъ ихъ фигуры и костюмы: одни изъ нихъ костлявы, другіе пузаты; очень странныя отвлеченности, имѣющія на носу бородавки. Мы были сейчасъ въ парламентѣ съ жертвами злыхъ и могущественныхъ; теперь же мы слушаемъ общую исповѣдь всей Англіи временъ Плантагенетовъ [2]).

---

[1]) Дочь Piers'a Plowman'a, C. IX. 81.

[2]) C. VII. См. особенно исповѣдь Обжоры (Glouton) съ необычайно

Для того, чтобы превращеніе вышло прочнѣе, нужно присоединить Истину. Является земледѣлецъ Петръ, личность мистическая, эмблематическая, вообще, измѣняющаяся; здѣсь онъ только «честный, полезный человѣкъ» и ничего больше, а въ другихъ мѣстахъ онъ самъ Христосъ. Онъ укажетъ путь, съ нимъ люди пройдутъ подземные ходы, будутъ встрѣчать по дорогѣ замки и пройдутъ черезъ Десять Заповѣдей. Онъ укажетъ каждому его долгъ въ настоящее время и его дѣйствительныя и опредѣленныя обязанности; онъ будетъ возставать противъ безполезной и праздной жизни, противъ тѣхъ, кого начали называть потомъ дилеттантами; ихъ жизнь служитъ только зрѣлищемъ, и они ограничиваютъ свою роль тѣмъ, что веселятся и судятъ другихъ. Каждый живущій на свѣтѣ имѣетъ свои обязанности, «даже вы, прелестныя дамы съ тонкими пальчиками». Всѣ должны защи-

And ye, lovely ladyes-withe youre longe fyngres.

щать, обрабатывать или засѣвать поле жизни. Начинаютъ пахать, но вскорѣ оказывается, что многіе дѣлаютъ только видъ, что работаютъ; они болтливы, лѣнивы и поютъ пѣсни. Пьеру удается нѣсколько исправить ихъ съ помощью Голода. Благодаря Голоду и Истинѣ, предвидится возможность реформы, предполагаемаго золотаго вѣка на Англійскомъ островѣ, какъ на островѣ Утопіи, придуманномъ потомъ другимъ англичаниномъ.

Видѣніе разлетается и гаснетъ; начинаются другія видѣнія; они занимаютъ всю остальную часть поэмы, т.-е. отъ XI до XXIII пѣсни (подлинникъ С.). Поэтъ старается застать по домамъ Dowel, Dobet и Dobest, иначе говоря: Хорошую Жизнь, Лучшую Жизнь и Совершенную Жизнь. Вся эта часть книги наполнена нравоученіями, по большей части энергичными, краснорѣчивыми, пылкими, изобилующими чертами, оставляющими въ сердцѣ или въ памяти неизгладимый знакъ: нравоученіе Уойта, касающееся спеціально брака; нравоученіе Стёди, относительно Библіи, искусствъ и литературы; нравоученіе Клержи, проповѣди Ymagynatyf'a (Воображаемаго), разговоры Hawkyn'a (Дѣятельной Жизни) съ Терпѣніемъ; нравоученіе Вѣры, Надежды и Милосердія. Рѣчи эти прерываются многочисленными видѣніями: видѣніемъ появленія Христа въ Іерусалимѣ и его страстями; видѣніемъ ада, оспариваемаго Христомъ и защищаемаго Сатаной и Люциферомъ съ помощью пушекъ, бронзовыхъ ружей «brasene gonnes», изобрѣтенія въ то время новаго и казавшагося именно адскимъ. Сатана Мильтона, которому будетъ дано въ распоряженіе триста лѣтъ для усовершенствованія своей тактики, не найдетъ ничего

вѣрнымъ описаніемъ англійской таверны. С. VII, 350, и *Epopée mystique*, стр. 171.

лучшаго; его батареи построены правильно, за каждой пушкой стоитъ одинъ изъ вѣрующихъ съ зажженнымъ фитилемъ; при первомъ же залпѣ «ангелы и архангелы падаютъ другъ на друга» въ «смѣшныхъ позахъ».

By thousands, Angel on Archangel rolled.

Черти громко хохочутъ надъ этимъ зрѣлищемъ, и намъ трудно отнестись трагически къ избіенію ангеловъ [1]).

Въ нашихъ *Видѣніяхъ* Христосъ, побѣдитель ада, выводитъ изъ него всѣ души, ожидавшія его пришествія, и поэтъ просыпается въ утро Пасхи при звонѣ колоколовъ. Поэма кончается посреди зловѣщихъ появленій: Антихриста, Старости и Смерти. Прошли годы, приближается смерть; жить остается уже недолго; какъ употребить «лучше всего» (Dobet) это время? Посовѣтуй мнѣ, Природа! восклицаетъ поэтъ.—«Люби!» отвѣчаетъ Природа:

Lerne to love quod Kynde—and leve of alle othre.

III.

Чосеръ съ своей геніальностью и всякаго рода заслугами, со своей веселостью и добродушіемъ, съ даромъ наблюдательности и своей пытливостью, нарисовалъ безсмертную картину средневѣковой Англіи. Въ картинѣ есть, однако, нѣкоторыя неполныя черты, и чтобы закончить ее, приходится заимствовать нѣкоторыя вещи у Ленгленда.

У Чосера каждый общественный классъ занимаетъ свое мѣсто; но, благодаря отвращенію поэта отъ безполезной отвлеченности, типы, служащіе представителями каждаго класса, такъ ярко обрисованы и такъ вѣрны сами себѣ, что, видя ихъ, думаешь только о нихъ и ни о комъ больше; углубляешься до такой степени въ созерцаніе индивидума, что перестаешь думать о классѣ, о цѣломъ, о націи. Мысль же мечтателя видитъ, наоборотъ, постоянно активныя, а не отвлеченныя страсти толпы, подземную лаву, кипящую подъ тонкимъ слоемъ порядка и правильнаго управленія, а также и возможность, вслѣдствіе этого, изверженія внутренняго огня. Слышенъ подземный гулъ, предвѣщающій землетрясеніе. Страстная, пылкая Англія, породившая возмущеніе 1381 года, ересь Виклефа—она породитъ потомъ кавалеровъ и пуританъ—находится въ книгѣ Ленгленда въ видѣ зародыша; ее угадываешь, предчувствуешь. Книга Чосера, конечно, не противорѣчитъ этой Англіи, но она заслоняетъ ее и заставляетъ забывать. Приходя въ негодованіе, дѣйствующія лица

[1]) Paradise lost, пѣснь VI, около 601 г. Пушки были изобрѣтены около 1470 г.

Чосера дерутся на большой дорогѣ кулаками, а толпы Ленгленда разрушаютъ въ своемъ гнѣвѣ Савойскій дворецъ и овладѣютъ Лондонской башней.

Ленгландъ даетъ намъ то, чего нѣтъ ни у одного изъ его современниковъ—живые и обособленные группы, толпы и классы: торговый классъ, духовный міръ и англійскія коммуны. Онъ единственный авторъ, дающій достаточно современную идею о грандіозномъ явленіи, о могуществѣ парламента. Чосеръ, бывшій самъ членомъ собранія, посылаетъ туда своего свободнаго гражданина; онъ упоминаетъ о немъ, и только: роль его въ этой группѣ разнородныхъ существъ не описана, но въ противоположность этого превосходная картина представляетъ намъ его держащимъ открытый столъ и угощающимъ другихъ изобильно каплунами, куропатками и пикантными соусами. Здѣсь личность свободнаго гражданина выступаетъ рельефно. Но тамъ, въ Вестминстерѣ, онъ, вѣроятно, обезличивался въ толпѣ и не интересовалъ Чосера. Только въ двухъ документахъ видно великое, какъ оно было въ дѣйствительности, поразительное могущество англійскихъ коммунъ; документы эти—списки, въ которыя вносились парламентскіе акты, и поэмы Вильяма Ленгленда. Ни у кого ни до него, ни послѣ него не было такого вѣрнаго взгляда. Вся государственная организація Англіи регулируется однимъ замѣчательно энергичнымъ стихомъ, въ которомъ поэтъ изображаетъ короля, окруженнаго своимъ народомъ: «Рыцарство руководило имъ, могущество коммунъ предоставляло царствовать!» [1]). Могущество коммунъ постоянно представляется уму Ленгленда; онъ констатируетъ невозможность обойтись безъ нихъ. Когда король пытается выставить впередъ свои прерогативы и высказываетъ въ своихъ рѣчахъ что-то въ родѣ теоріи божественнаго права, когда онъ говоритъ такъ, какъ поступилъ немного лѣтъ спустя Ричардъ II и какъ поступали позже Стюарты; когда онъ хвалится, что стоитъ выше всѣхъ и что онъ глава законовъ, тогда какъ духовенство и коммуны только члены ихъ, Ленгландъ останавливаетъ его и прибавляетъ устами Совѣсти грозную оговорку: «Съ условіемъ, говоритъ онъ, что ты будешь защищать государство и править имъ по законамъ разсудка, добра и правды» [2]). Показанія Ричарда, обвиненнаго впослѣдствіи за слова, высказанныя въ тѣхъ же выраженіяхъ, именно «что онъ диктуетъ лично законы своему государству», [3]) и паденіе Стюартовъ, заключались въ зародышѣ въ его пророческихъ словахъ.

---

[1]) ...Knyghthod hym ladde,
Might of the communes made hym to regne.
B. Прол. 112.

[2]) B. XIX. 474.

[3]) *Rotuli Parliamentorum*, t. III, p. 419.

Поэтому почти во всѣхъ вопросахъ, смущавшихъ умы четырнадцатаго вѣка, онъ соглашался всегда съ коммунами, и, разсматривая парламентскіе реестры, можно видѣть противное мнѣніе, или подтвержденіе его приговоровъ. Читая его произведенія, иногда можно подумать, что читаешь поэтически изложенный протоколъ засѣданій. Ленгледъ стоитъ заодно съ коммунами за старинное классовое дѣленіе, за сохраненіе крѣпостного состоянія и за установленіе размѣра заработной платы государствомъ; онъ ненавидитъ только ломбардскихъ банкировъ и евреевъ, королевскихъ поставщиковъ и барышниковъ-купцовъ. Такъ же, какъ и коммуны, онъ желаетъ мира съ Францей, и вниманіе его сосредоточено собственно на англійскихъ дѣлахъ; войны, ведущіяся вдали, тревожатъ его; онъ желалъ бы соблюденія мирнаго договора, заключеннаго въ Бретиньи [1]), и не желалъ бы возобновленія крестовыхъ походовъ. Онъ прежде всего *островитянинъ*. Онъ признаетъ такъ же, какъ и коммуны, духовную власть папы, но протестуетъ противъ злоупотребленія ею и противъ вмѣшательства святого отца въ свѣтскія дѣла. Размѣры, принятые папской властью въ Англіи, кажутся ему чрезмѣрными; онъ возстаетъ противъ аппеляцій къ римскому двору въ англійскихъ дѣлахъ; находитъ, что богатства церкви приносятъ ей вредъ, и раздѣляетъ чувства коммунъ къ такъ называемому ими въ парламентѣ «грѣшному Авиньону» [2]). Онъ негодуетъ на лакействующихъ епископовъ, учителей и докторовъ, дѣлающихся «слугами лордовъ и леди и замѣняющихъ имъ управителей» [3]).

Спускаясь со ступени на ступень, Ленгледъ доходитъ до странной, кривляющейся, непростительной толпы лжецовъ, плутовъ и мошенниковъ, которые продаютъ райское блаженство, разрѣшаютъ грѣхи за деньги и обманываютъ дураковъ, точно будто они получили привилегію «лгать въ продолженіе всей жизни» [4]). Поэтъ запираетъ ихъ въ послѣдній кругъ своего ада, гдѣ онъ хлещетъ безпрерывными насмѣшками всѣхъ этихъ, по большей части, упитанныхъ изувѣровъ, живучихъ паразитовъ, расшатывающихъ камни и черепицы святаго зданія, такъ что въ него проникаетъ вѣтеръ и падаетъ дождь: «безстыдныхъ братьевъ», торговцевъ индульгенціями, богомоловъ и отшельниковъ, такъ какъ вся святость этихъ людей заключается только въ платьѣ, и примѣръ ихъ, если не будутъ приняты должныя мѣры, научитъ людей относиться съ презрѣніемъ къ платью, къ носящимъ его и къ религіи, которая терпитъ и кормитъ ихъ.

---

[1]) C. IV. 242.

[2]) «Bon Parlement» 1376.

[3]) B. Прол. 87.

[4]) B. Прол. 49.

На этомъ уровнѣ, въ этой преисподней съ мрачными закоулками, освѣщенными лучами его фонаря, Ленгленд не щадитъ никого; онъ смѣется жестокимъ смѣхомъ, на который откликается эхо и заставляетъ разлетаться испуганныхъ ночныхъ птицъ. Это уже не смѣхъ Чосера, болѣе, однако же, серьезный, чѣмъ французскій смѣхъ, не веселый смѣхъ, встрѣчающій на канторберійской дорогѣ рѣчь показывателя святынь и корыстныхъ увѣщаній брата, обращенныхъ къ больному Ѳомѣ; это страшное и скорбное издѣвательство, предвѣстникъ конечной катастрофы и суда: преданные вѣчной мукѣ услышатъ еще разъ въ долинѣ Іосафата то, что слышали въ Мальвернской долинѣ. Они принуждены выйти изъ своихъ норъ и являются на свѣтъ въ странномъ и отвратительномъ видѣ, пропитанные сыростью своихъ темныхъ погребовъ. Солнечный свѣтъ ослѣпляетъ ихъ, свѣжій воздухъ дурманитъ; лица у всѣхъ кислыя, плачевныя. Въ противоположность канторберійскимъ паломникамъ, они не воспользуются утѣшеніемъ, которымъ наполняетъ сердце веселое небо апрѣльскаго утра. Они научатся познавать разницу между смѣхомъ прощающимъ и смѣхомъ убивающимъ. Ленгленд беретъ ихъ, потомъ бросаетъ, опять поднимаетъ и никогда не устаетъ отъ этого жестокаго удовольствія; онъ показываетъ ихъ намъ то по одиночкѣ, то толпою: множество исповѣдниковъ, «куча отшельниковъ», паломниковъ, бѣгущихъ къ святому Іакову въ Римъ, къ Рокамадуру въ Гіеннъ, обходящихъ всѣхъ святыхъ; но обращаются-ли они когда-нибудь къ святой истинѣ? Нѣтъ, никогда! Догадаются-ли когда-нибудь о томъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы найти святого Іакова? «Святой Іаковъ тамъ, гдѣ страдаютъ больные, въ тюрьмахъ, въ хижинахъ» [1]). Они ищутъ святого Іакова въ Испаніи, а святой Іаковъ у ихъ дверей; они ежедневно сталкиваются съ нимъ и никогда не узнаютъ его.

Какое зрѣлище утѣшитъ насъ въ этихъ печальныхъ явленіяхъ. Видъ человѣка бѣднаго и безкорыстнаго, честнаго и мужественнаго труженика земли. Это одна изъ оригинальностей Ленгленда: выбранный имъ себѣ путеводитель столько же отличается отъ Виргилія Данте, какъ отъ Любовника, за которымъ идетъ слѣдомъ Гильомъ де-Лорри по тропинкамъ сада Розы. Англійскій мечтатель даетъ вести себя Петру Землепашцу, и это большая оригинальность съ его стороны. Петръ является главной рабочей пружиной государства и служитъ воплощеніемъ безкорыстія, совѣсти и разсудка, наполняющаго душу поэта; онъ, настоящій герой этой эпопеи.

Согнувшись надъ землей, терпѣливый и упорный, какъ подго-

[1]) B. Прол. 46; XII. 37; V. 57; C. V. 122.

няемые имъ волы, онъ исполняетъ изо дня въ день свою священную задачу; проходятъ годы, онъ сѣдѣетъ и отъ зари до сумерекъ своей жизни, онъ ходитъ безостановочно по той же безконечной бороздѣ, продолжая свое вѣчное странствованіе за плугомъ. Около него спятъ лѣнивцы, поютъ беззаботные, увѣряя, что одушевляютъ своимъ мурлыканьемъ другихъ; они выдѣлываютъ рулады: «Hoy troly lolly!» Петръ будетъ кормить всѣхъ, кромѣ бездѣльниковъ; онъ не станетъ кормить ни паяца Жака, ни его сумасшедшую дочь Жаннетту, ни игрока въ кости Даніэля, потому что всѣ внесенные «въ легенду жизни» должны смотрѣть на жизнь серьезно [1]). На свѣтѣ нѣтъ мѣста для тѣхъ, кто не серьезенъ; классъ, неисполняющій добросовѣстно своихъ обязанностей и довольствующійся только приблизительнымъ исполненіемъ, или исполняющій ихъ безъ убѣжденія, безъ страсти и удовольствія, не стараясь достигнуть возможно лучшихъ результатовъ и поступать лучше предшествующаго поколѣнія, неминуемо погибнетъ. Тѣмъ болѣе погибнетъ классъ, перестающій отплачивать за свои привилегіи заслугами: это великій законъ, освѣщенный въ наши времена Тэномъ. Поэтъ выпускаетъ на преслѣдованіе нерадивыхъ, безпечныхъ и заискивающихъ, производящихъ много шума и никакого дѣла, врага болѣе страшнаго и болѣе дѣйствительнаго тогда, чѣмъ въ настоящее время—голодъ. Петръ беретъ на себя заботу объ людяхъ чистосердечныхъ, а объ остальныхъ позаботится голодъ. Вся эта часть поэмы есть ничто иное, какъ краснорѣчивое выясненіе обязанностей, и составляетъ прекраснѣйшую страницу этой «Божественной комедіи» бѣдняковъ.

IV.

Ленгландъ говоритъ такъ же пылко, какъ думаетъ; въ немъ происходитъ какое-то раздвоеніе, онъ не господинъ, а жертва своей мысли; и мысль его составляетъ такое отдѣльное цѣлое, съ стремленіями противорѣчащими его волѣ, что она является ему въ мальвернскомъ уединеніи и приводитъ на память стихи, слышанные уже гораздо позже:

Je marchais un jaur à pas lents,
Dans un bois, sur une bruyére;
Au pied d'un arbre vint s'asseoir
Un jeune homme vetu de noir
Qui me ressemblait comme un frére....

«Въ дикомъ одиночествѣ» говорилъ поэтъ четырнадцатаго вѣка», на опушкѣ лѣса... остановившись у липы, на которую я оперся.... мнѣ показалось, что я вижу высокаго мужчину, совер-

[1]) B. VI. 71, 103; C. IX. 122.

шенно схожаго со мной. Онъ подошелъ и назвалъ меня моимъ именемъ. Кто ты, знающій мое имя?—спросилъ я.

— Ты самъ знаешь,—отвѣчалъ онъ,—и знаешь лучше всѣхъ.

— Неужели я дѣйствительно знаю?

— Я твоя Мысль,—сказалъ онъ тогда:—Я уже многіе годы сопутствую тебѣ. Развѣ ты никогда до сихъ поръ не замѣчалъ моего присутствія? [1]).

Мысль Ленгленда дѣлаетъ все, что хочетъ, она царитъ. Поэтому въ его поэмѣ нѣтъ ничего преднамѣреннаго, подготовленнаго и разсчитаннаго; онъ достигаетъ художественныхъ эффектовъ не ища ихъ, онъ никогда не выбираетъ и не сопоставляетъ, а переходитъ отъ одного предмета къ другому неожиданно, безъ всякой послѣдовательности, прямо послѣ какого-нибудь «и затѣмъ» или «и тогда». И тогда сцена измѣняется, мы перенесены за сто лье, въ среду совершенно другихъ лицъ, и часто о первыхъ не будетъ больше и рѣчи. Мало того, первые появляются иногда опять, но они уже не тѣ. Piers Plowman олицетворяетъ то народную честность, то папу, то Христа; Dowel, Dobet и Dobest имѣютъ два или три различныя значенія. Въ произведеніи Ленгленда также мало послѣдовательности, какъ въ оперѣ; свистокъ машиниста, «и тогда» поэта—и небесный дворецъ исчезаетъ, мы сидимъ въ дымной тавернѣ Корнгилля въ Лондонѣ.

Облака движутся по небу и опускаются иногда до земли; плотность ихъ измѣняется, и они принимаютъ различныя формы; иногда это легкіе пары, задержавшіеся въ складкахъ горы, которые поднимутся къ небу, пропитанные ароматомъ цвѣтущей липы; въ другомъ мѣстѣ это грозовыя тучи, несущія бурю и пролетающія съ громомъ. Наступаетъ темнота, и вдругъ мракъ разрывается такимъ яркимъ свѣтомъ, что долина принимаетъ на секунду свою полуденную окраску и вслѣдъ затѣмъ покрывается еще болѣе густымъ мракомъ. Поэтъ двигается иногда посреди дѣйствительностей и отвлеченностей, а иногда первыя разсѣеваются какъ туманъ, а вторыя, напротивъ, сгущаются въ осязаемыя и тяжелыя плотскія существа. Невольно приходятъ въ голову маль-

---

[1]) And thus I went wide-where · walkynge myne one,
By a wide wilderness · and bi a wode-syde...
And under a lynde uppon a launde · lened I a stounde...
A moche man as me thoughte · and lyke to my-selve
Com and called me · by my kynde name.
«What artow», quod I tho · «that thow my name knowest?
«That thow wost wel», quod he · «and no wyghte bettere».
«Wot I what thow art?» · «Thought», seyde he thanne,
«I have suwed the this sevene yere · sey thou me no rather?»
B. VIII. 62.—Musset, *Nuit de Dècembre.*

вернскіе холмы, туманы которыхъ такъ легки, что нельзя сказать: здѣсь они начинаются, а тамъ кончаются.

Въ этомъ мірѣ нравственныхъ идей, также какъ и посреди дѣйствительности матерьяльной жизни, Ленгландъ отличается способностью показать вдругъ въ одномъ блескѣ молніи цѣлую доктрину, заключавшуюся въ туманныхъ поученіяхъ его отвлеченныхъ проповѣдниковъ. Онъ достигаетъ высшихъ степеней краснорѣчія, не давая себѣ труда искать ни малѣйшаго художественнаго эффекта. У всякаго другого это было бы преднамѣреннымъ результатомъ. Здѣсь эффектъ такъ же неожиданъ и для автора, какъ для зрителя. Онъ такъ мало разсчитываетъ на художественный успѣхъ, что не оставляетъ насъ подъ произведеннымъ имъ сильнымъ впечатлѣніемъ; онъ *утилизируетъ* его, зажигая молніей ночники.

Преобладающая черта его характера — страстная искренность значительно способствовала продолжительности впечатлѣнія, производимаго его поэмой. Въ каждомъ стихѣ обнаруживается закоренѣлая ненависть Ленгланда ко всему, имѣющему видъ тщеславія, обмана и безсовѣстности, ко всему, что противно безкорыстію и искренности. Это вызываетъ у него самое сильное негодованіе, и изъ него вытекаетъ все остальное. Онъ проникнутъ идеей о серьезности жизни, а между тѣмъ въ ту эпоху, когда онъ жилъ, средніе вѣка приходили къ концу, и тогда, какъ вообще въ концѣ всѣхъ періодовъ, не относились серьезно ни къ какимъ чувствамъ и вѣрованіямъ, составлявшимъ силу предшествующихъ поколѣній. Онъ видѣлъ, какъ у него на глазахъ рыцари относились къ войнѣ, какъ къ развлеченію; образованные люди смотрѣли на таинства религіи, какъ на отдыхъ для ума и на предметъ послѣобѣденныхъ разговоровъ; пастыри стадъ занимались овцами только для того, чтобы ихъ стричь. леди Meed въ лицѣ Алисы Перрерсъ, раздѣляла королевское ложе.

Всѣхъ этихъ людей и всѣ эти вещи Ленгландъ предаетъ анаѳемѣ. «Недостатокъ искренности», «лживая внѣшность» и «превосходное притворство» внушаютъ ему непримиримую ненависть. Для него это самая главная вещь, пробный камень добра и зла, отличительный признакъ хорошаго и дурного гражданина. Онъ постоянно, безъ устали говоритъ объ этомъ въ нравоученіяхъ, эпиграммахъ, въ портретахъ и карикатурахъ, онъ увеличиваетъ, повторяетъ и умножаетъ свои изображенія и наставленія, стараясь увеличить число и силу опасностей, думая, что ужасъ его передается намъ и мы раздѣлимъ его отвращеніе. Поэтому онъ всегда и вездѣ—посреди тумановъ, на улицахъ, на церковныхъ папертяхъ, подъ звуки своихъ однообразныхъ мелодій и при свистѣ своихъ сатиръ,—онъ заставляетъ вездѣ лживую внѣш-

ность (лицемѣріе) искажаться страшной судорогой. Притворная внѣшность—это король, правящій безъ совѣсти, рыцарь, развращенный леди Meed, безсердечный законникъ, безчестный купецъ, «братъ» исповѣдникъ и пустынникъ и всѣ, скрывающіе подъ священной одеждой окаянныя сердца; это самъ папа, торгующій бенефиціями, фигляры, скоморохи, менестрели, паразиты, разносящіе пустые разсказы и помогающіе забывать серьезныя стороны жизни. Начиная съ нечестиваго папы до лжеца-менестреля, всѣ эти люди воплощаются въ одномъ человѣкѣ—въ Обманщикѣ. Проклятіе ему! Замѣчая притворство гдѣ бы то ни было Ленглендъ ослѣпленъ ужасомъ и гнѣвомъ, можно подумать, что онъ видитъ самого Антихриста.

Легко представить себѣ, что въ такихъ случаяхъ онъ не воленъ въ своихъ словахъ и не способенъ соблюдать мѣру. Въ вопросахъ этого порядка для него не существуетъ ни оттѣнковъ, ни смягченій; можно быть только за притворство или противъ него; входить въ сдѣлки значило бы измѣнить, а что можетъ быть хуже измѣнника? Со ступени на ступень онъ доходитъ до выраженія своей мысли слѣдующимъ предложеніемъ: «Тотъ, кто даетъ деньги забавнику, хуже Іуды!» [1]). Если бы заговорили о преувеличеніи, онъ пожалъ бы плечами; для него сомнѣніе невозможно; это предложеніе—сама очевидность.

Не нужно никакихъ сдѣлокъ! Проходите жизнь на ногахъ, между прямыхъ стѣнъ долга, не уклоняясь отъ его обязанностей и не присваивайте себѣ обязанностей другого. Исполнять неумѣренно свой долгъ и брать на себя долгъ другого, значило бы нарушить порядокъ вещей, что было бы въ своемъ родѣ почти обманомъ; тогда рыцарь будетъ воевать и не будетъ терять времени на постъ и на послушаніе; постящійся рыцарь есть плохой рыцарь.

Многія радости дозволены; онѣ заключены, какъ цвѣточныя клумбы, между неуклонными стѣнами долга; тамъ цвѣтутъ даже цвѣты любви, и ихъ дозволено срывать. Но берегитесь этого неуловимаго и чуднаго Протея женскаго рода, леди Meed, великой развратительницы. Она постоянно появляется подъ различными формами; она точно аспидъ земного рая, обратившійся въ громадное пресмыкающееся, охватившее весь міръ.

Ненависть эта безгранична, но она только одна и есть у него; рядомъ съ ней въ сердцѣ поэта есть мѣсто для сокровищницы жалости и милосердія. Мысль о такомъ множествѣ евреевъ и сарациновъ, осужденныхъ на вѣчную муку, приводитъ его въ ужасъ; онъ вѣритъ въ общее обращеніе: «Христосъ призывалъ насъ

[1]) B. IX. 90.

всѣхъ, всякій кто хочетъ можетъ идти, сарацины, еретики, а также и евреи»! [1]) Есть что то трогательное въ его указаніи бѣднякамъ, страждущимъ и умирающимъ, не дождавшись обѣщанныхъ благъ, на три слова, которыя помогутъ имъ перенести свои невзгоды: «fiat voluntas tua» [2]). Дѣло въ томъ, что у этого страждущаго, страстнаго и негодующаго человѣка было, можетъ быть, подъ твердой корой мягкое сердце; поэтому то онъ могъ вмѣстить свой идеалъ жизни въ этотъ прекрасный девизъ! *Disce*, *Doce*, *Dilige*, обозначавшій для него Dowel, Dobet и Dobest: «Учись, учи и люби» [3]).

Языкъ поэта былъ прежде всего, какъ и онъ самъ, если такъ можно выразиться, *искренній*. Чосеръ хотѣлъ, чтобы слова были «двоюродными братьями фактовъ». Ленгледъ слѣдуетъ тому же правилу. Насколько его языкъ отвлеченъ, текучъ, неопредѣленъ и страдаетъ отсутствіемъ контуровъ въ мѣстахъ мистическихъ, когда онъ разсуждаетъ съ туманными отвлеченностями, настолько же стиль его становится нервнымъ и сжатымъ, когда онъ возвращается къ дѣйствительности, настолько же онъ краснорѣчивъ и великолѣпенъ въ минуты волненія. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, онъ скорѣе сочинитъ новое слово или перевернетъ старое, рискуя его исказить, чѣмъ оставитъ пустоту между мыслью и выраженіемъ; ему необходимо тѣсное соединеніе, оба должны составлять одно. Если бы купцы были честны, они не плотничали бы такъ высоко [4]) (они не строили бы такихъ прекрасныхъ домовъ). Въ другихъ, болѣе реалистическихъ мѣстахъ употребляются самыя низьменныя слова языка, а грубые и приспособленные къ средѣ образы до такой степени размножаются подъ перомъ поэта, что ихъ даже не удобно привести для примѣра.

Его словарь, есть нормальный словарь того періода и почти одинаковъ со словаремъ Чосера. Послѣдняго упрекали въ томъ, что онъ изъ подражанія придворному тону далъ права гражданства въ англійскомъ языкѣ множеству французскихъ словъ. Упрекъ этотъ несправедливъ, потому что Ленгледъ, не подражавшій конечно придворному тону, употребляетъ ихъ, приблизительно, въ такомъ же количествѣ.

Діалектъ мечтателя довольно сложный и представляетъ смѣсь различныхъ формъ, но господствуетъ надъ всѣми нарѣчіе центра («Midland»), то есть почти языкъ Чосера («East Midland»), пережив-

---

[1]) B. XI. 114.
[2]) B. XIV. 47.
[3]) B. XIII. 137.
[4]) «Thei tembreden not so hye» ct. III 76.

шій остальные и сдѣлавшійся впослѣдствіи окончательно англійскимъ языкомъ.

Просодія Ленгленда рѣзко разнится отъ просодіи Чосера, и ею мечтатель сближается съ германскимъ прошлымъ тѣснѣе разскащика. Главное украшеніе французскихъ стиховъ, усвоенная Чосеромъ риѳма, отброшена Ленглендомъ, придающимъ своимъ стихотвореніямъ главное любимое англо-саксонцами, германцами и скандинавами украшеніе—повтореніе одинаковыхъ слоговъ [1]).

Въ то время какъ авторъ продолжалъ жить тихой и безвѣстной жизнью, *Видѣнія* его распространялись въ Англіи и пріобрѣтали въ ней значительную извѣстность. Несмотря на протекшее время и безчисленныя истребленія, сохранилось еще около сорока пяти болѣе или менѣе полныхъ рукописей поэмы. «Piers Plowman» обратился вскорѣ въ символъ, сдѣлался чѣмъ то въ родѣ пароля, олицетвореніемъ самыхъ честныхъ и мужественныхъ сторонъ рабочаго класса. Джонъ Белль ссылается въ своемъ письмѣ къ возмутившимся крестьянамъ графства Эссексъ въ 1381 г. [2]) на его авторитетъ. Имя Piers'a употреблялось какъ приманка на заглавіяхъ многочисленныхъ трактатовъ; въ четырнадцатомъ вѣкѣ были «Credo» Piers'a Plowman'a, «Complaintes» Plowman'a и т. д. Вліяніемъ Piers'a пользовались во времена реформы, и его именемъ просили объ уничтоженіи злоупотребленій и объ измѣненіи стараго порядка вещей. Онъ появлялся даже въ театрѣ. Ленгленду пришлось-бы не разъ удивляться, видя какія задачи возлагались на его героя.

Оба они, Чосеръ и Ленгландъ, два величайшіе поэта того періода, представляютъ собой весь духъ англійской націи и обѣ расы изъ которыхъ образовалась Англія. Одинъ изъ нихъ стоитъ ближе къ разумной, энергичной, рѣшительной, практичной, любящей прямые и правильные пути олатинившейся Кельтской расѣ; другой, къ расѣ познавшей глубже и, главнымъ образомъ, раньше страстныя и мистическія стремленія, и попеременно то убаюкиванія, то скорбь надежды и отчаянія—къ расѣ англосаксонцевъ. И въ то время, когда Чосеръ покоится, какъ ему и подобаетъ, подъ сводами Вестминстера, какой-нибудь безвѣст-

---

[1]) Стихи Ленгленда имѣютъ обыкновенно четыре слога (или стопы) съ ударѳніемъ по два въ каждомъ полустишіи: двѣ стопы перваго и первая второго полустишія повторяются и начинаются одинаковыми риѳмующими буквами (lettres-rimes). Для такого повторенія довольно, чтобы риѳмующія буквы были однозвучными согласными, а если онѣ гласныя, то чтобы всѣ были только гласными, такъ какъ тождественности не требуется. Напримѣръ (начало поэмы):

I shópe me in shroudes. as I a shépe were.

[2]) Walsingham, *Historia Anglicana*, t. II, p. 33. (Rolls).

ный пучокъ Мальвернскаго моха, покрываетъ можетъ быть, какъ и подобаетъ, прахъ мечтателя, героемъ котораго былъ Piers Plowman.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Проза четырнадцатаго вѣка.

Сэръ Джонъ Мандсвиль де-Сентъ-Альбанъ, рыцарь, который «во имя всемогущаго Бога» покинулъ страну въ 1322 году «въ день святого Михаила» и вернулся въ Европу послѣ тридцати-четырехлѣтняго отсутствія, вдвое дольше, чѣмъ Робинсонъ прожилъ на своемъ пустынномъ островѣ, носилъ съ давнихъ поръ и до нашего времени титулъ «отца англійской прозы». Это время прошло. Храбрый рыцарь де-Сентъ-Альбанъ, такъ много видѣвшій на своемъ вѣку и разсказывавшій такъ много, умалился на взглядъ, лишился своей прочности и очертаній и исчезъ, какъ дымъ въ небѣ. Его броня, подвиги, его путешествія и книга—все это дымъ. Сначала у него отняли его качество правдиваго разсказчика, потомъ изъ трехъ версій его книги—французской, англійской и латинской—отняли двѣ, оставивъ только первую. Наконецъ, теперь у него отняли и существованіе, не оставивъ ему рѣшительно ничего. Сэръ Джонъ Мандевиль, рыцарь де-Сентъ-Альбанъ, переплывшій въ 1322 году море, — это никогда несуществовавшій миѳъ. Онъ присоединился въ царствѣ тѣней и въ несуществующей странѣ къ своему современному, знаменитому: «Другу Бога Оберланда», прекратившему также нѣсколько времени тому назадъ свое существованіе.

Одна только вещь остается и не можетъ быть изглажена: это книга путешествій, носящая имя Мандевиля, и переводъ ея есть одинъ изъ лучшихъ и старѣйшихъ образцовъ простой и плавной англійской прозы.

I.

Обычное явленіе, указанное уже въ отношеніи англо-саксонцевъ, повторяется снова у новаго англійскаго народа. Въ теченіе долгаго времени, только одна поэзія кажется достойной памяти; первые литературные памятники новаго языка, на которые тратили пергаментъ, состоятъ всѣ, или почти всѣ, только изъ поэтическихъ произведеній; пишутъ въ стихахъ вещи, для которыхъ именно, кажется, создана проза, какъ, напримѣръ, исторію. Робертъ Глостеръ пишетъ въ стихахъ на англійскомъ языкѣ свои хроники, какъ Уэсъ и Бенуа-де-Сентъ-Моръ писали свои во французскихъ стихахъ. Долго никто не замѣчалъ, что существуетъ

очень тонкое, трудное и достойное старанія искусство писать прозой, и что весьма ошибочно считать ее вульгарнымъ орудіемъ, которымъ каждый можетъ воспользоваться не учившись, и ограчиваться тѣмъ, чтобы писать прозой, какъ дѣлали, не догадываясь о томъ, всѣ.

Въ настоящее время и благодаря вызванной завоеваніемъ необходимости начинать снова, англійская проза отстала отъ французской. Если наши поэты посредственны въ четырнадцатомъ вѣкѣ, зато прозаики превосходны; у насъ было еще въ двѣнадцатомъ и въ тринадцатомъ вѣкѣ, кромѣ Жуэнвиля, много прелестныхъ разсказчиковъ, передававшихъ намъ въ прозѣ множество прелестныхъ вещей, какъ напримѣръ, любовь Окассена и Николетты; затѣмъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ разскащиковъ, мы имѣемъ Фруассара—и назвать его значитъ сказать все, потому что, каждому случалось прочесть хотя бы нѣсколько его страницъ, а одной страницы Фруассара, взятой наудачу изъ любого мѣста его произведенія, достаточно чтобы полюбить его. Ясная и плавная рѣчь течетъ, журча какъ ключевая вода, но въ этомъ свободномъ движеніи чувствуется искусство; Фруассаръ сортируетъ и выбираетъ; званіе «историка», присвояемое имъ себѣ, имѣетъ въ глазахъ его значительное достоинство, онъ старается заслужить его. Родникъ пробивается въ глубинѣ лѣса, и художникъ, не замутивъ воды, умѣетъ разнообразить по временамъ его теченіе, разбить его на струйки и заставить бить снова фонтаномъ.

Въ Англіи нѣтъ ничего соотвѣтствующаго этому едва замѣтному, но уже утонченному искусству и протекло много лѣтъ прежде чѣмъ проза обратилась наравнѣ со стихами въ искусство. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ англійскую прозу продолжаютъ еще употреблять по большей части только за неимѣніемъ лучшаго, по необходимости, чтобы быть понятнѣе, такъ что памятниками ея остаются по большей части переводы, ученые и религіозные трактаты и проповѣди. Появись въ Англіи Фруассаръ, онъ сталъ бы писать въ тѣ времена по латыни. Многія хроники, составленныя въ Сентъ-Албанскомъ и другихъ монастыряхъ, написаны живымъ и пылкимъ языкомъ, воспламеняемымъ то энтузіазмомъ, то негодованіемъ; люди и событія обсуждаются очень свободно, отличительныя подробности стоятъ на своемъ мѣстѣ, люди живутъ, двигаются и говорятъ, такъ что кажется, слышишь звуки ихъ голосовъ. Нужно прочесть у Вальсингхэма разсказъ о крестьянскомъ бунтѣ 1381 года, съ послѣдовавшимъ за нимъ взятіемъ Лондона, занятіемъ башни и савойскаго дворца, убійствомъ архіепископа [1]) и геройскимъ поступкомъ крестьянина Грейндкоба,

[1]) *Historia Anglicana*, т. I, стр. 453 и слѣд. Такъ-же: *Gesta abbatum mo-*

который, будучи освобожденъ съ условіемъ, что онъ убѣдитъ мятежниковъ покориться, идетъ къ нимъ и говоритъ: «Поступайте сегодня такъ, какъ поступили бы, если бы я былъ казненъ вчера въ Хертфордѣ» [1]) и затѣмъ возвращается въ тюрьму, чтобы подвергнуться тамъ смерти. Всѣ, даже самыя мелкія, живописныя подробности сохранены: мятежники вооружаются кто чѣмъ можетъ—палками, заржавленными шпагами, старыми, закоптѣвшими луками и стрѣлами, «на которыхъ не оставалось ничего, кромѣ пера». Разсказъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ о смерти Эдуарда III отличается печальнымъ и трагическимъ величіемъ. Въ *Англійской хроникѣ* [2]) (Chronique d'Angleterre) пылкія страницы внушены анонимному автору ненавистью, которой онъ пылаетъ къ Іоанну Кентскому: всѣ эти страницы могли бы считаться лучшими произведеніями древней англійской литературы, если бы историки не пренебрегали національнымъ языкомъ. Предразсудокъ противъ прозы продолжалъ еще держаться. Для того, чтобы удостоиться попасть на пергаментъ, проза должна была облагородиться: средствомъ къ этому служилъ латинскій языкъ.

Между тѣмъ, начинаютъ дѣлать переводы, и это уже большой прогрессъ. Жанъ-де-Тревизъ, уроженецъ Корнуэля и кюрэ въ Берклеѣ перевелъ, хотя и съ значительнымъ количествомъ погрѣшностей, знаменитую Всемірную Исторію, *Polichronicon*, своего соотечественника Ранульфа Хигдена [3]) и научную энциклопедію *De Proprietatibus Rerum* [4]) другого своего соотечественника Варѳоломея Англійскаго. Первое изъ этихъ произведеній, оконченное въ 1387 году, удостоилось чести быть напечатаннымъ Кекстономъ въ эпоху Возрожденія. Второе было окончено въ 1398 году.

Англійскій переводъ «Путешествій Мандевилля», анонимнаго автора, пользовался еще большей популярностью [5]). Въ настоящее

---

nasterii Sancti Albani, 3 т. Ypodigma Neustriae, 1 т., изд. Рилей (Rolls), 1863, 1876.

[1]) *Ibid.*, т. II, стр. 27, V, *supra*, стр. 207.

[2]) *Chronicon Angliae* 1328—88 (Rolls), изд. Томпсона, 1874 г., 8°. Г. Томпсонъ доказалъ, что, вопреки существующему мнѣнію, хроникеръ этотъ писалъ не по собственному впечатлѣнію а списалъ съ Вальсингхэма. Но книга замѣчательна тѣмъ не менѣе мѣстами, относящимися до Іоанна Кентскаго и невстрѣчающимися больше нигдѣ. Смотри очень живо разсказанную, сцену у Жака д'Ипръ, ст. 123. Ср. *infra*, стр. 437.

[3]) *Polichronicon Ranulphie Higden... with the English translation of John Trevisa*, ed. Babington et Lumby (Rolls), 1865, 8 vol. 8°.

[4]) V. *supra*, p. 207.

[5]) *The buke of john Mandevill, being the travels of sir john Mandeville Knight*, 1322—56, *a hitherto unpublished English version from the unique copy (Ey. ms. 1982) in the British Museum, edited together with the French text*, by G. E. Warner; Wesminster, *Roxburghe Club*, 1889, fol. Въ введеніи можно найти цѣлый рядъ доказательствъ, удостовѣряющихъ въ томъ, что Манде-

время извѣстно, что оригинальный текстъ Путешествій, былъ написанъ на французскомъ языкѣ Жаномъ Бургундскимъ, докторомъ, прозывавшимся «Бородатымъ», написавшимъ нѣсколько различныхъ трактатовъ и, между прочимъ, одинъ о чумѣ, свирѣпствовавшей въ 1365 году; онъ умеръ въ Ліежѣ въ 1372 году и похороненъ въ церкви Гильсменъ, гдѣ его могила существовала еще во время Французской Революціи [1]). Повидимому Жанъ выдумалъ Мандевилля, какъ Свифтъ выдумалъ Гулливера, а Дефо Робинзона. Теперь, когда обманъ его обнаруженъ, остается только отдать справедливость его таланту; въ продолженіе пяти столѣтій Европа вѣрила въ Мандевилля, и заслуга его тѣмъ болѣе велика, что дѣло Жана «съ Бородой», заключалось не въ томъ только, чтобы заставить своего героя поѣхать на пустынный островъ: это было бы слишкомъ просто. Нѣтъ, онъ сливаетъ заранѣе въ одну личность Робинзона и Гулливера; это Робинзонъ на Бробдингнэгѣ; рыцарь пріѣзжаетъ въ страну великановъ, правда, что онъ не видитъ великановъ, но видитъ ихъ барановъ (первобытный баранъ центральной Азіи); въ другомъ мѣстѣ, люди питаются только змѣями и шипятъ какъ онѣ; у другихъ людей собачьи головы; нѣкоторые поднимаютъ свою громадную ногу надъ головой, и она служитъ имъ вмѣсто зонтика. Гулливеру не удавалось видѣть ничего такого интереснаго. Все это было принято читателями среднихъ вѣковъ съ восторгомъ, а критиками нашего времени съ добротой и снисходительностью. Самая очевидная ложь извинялась и даже оправдывалась, и на долю книги выпала такая удача, что сохранилось около трехсотъ ея рукописныхъ экземпляровъ, тогда какъ достовѣрныя путешествія Марко Поло существуютъ только въ семидесяти семи рукописяхъ. «Мандевилль» выдержалъ слишкомъ двадцать пять изданій, а Марко Поло только пять [2]).

Трудно найти способъ, болѣе искусный, какимъ Жанъ Бургундскій изображаетъ своего героя. Это человѣкъ честный, немного наивный и, можетъ быть, нѣсколько легковѣрный, но не имѣющій

вилль никогда не существовалъ; открытіе это установлено различными открытіями, а именно Г. Е. Б. Никольсона де ла Бодлэіенъ (E. B. Nicholson de la Bodleienne); Оксфордъ. (Ср. art d'H. Cordier въ *Revue critique*, 26 окт. 1891) *Société des Anciens Textes* приготовило исправленное изданіе французскаго текста. Англійскій переводъ былъ сдѣланъ позже 1377 г. и пересмотрѣнъ два раза въ началѣ пятнадцатаго вѣка. О заимствованіяхъ сдѣланныхъ изъ «Мандевиля» Христиной Пизанской для ея *Chemin de long Estude*, смотри *Romania*, т. XXI, стр. 229 ст. г. Soynbee.

[1]) Церковь со всѣми пристройками была продана и разрушена въ 1798 г.: «Присуждена 12 нивоза VI года, гражданкѣ женѣ Ж. Ж. Фабри за сумму 46.000 франковъ» Warner, ibid., p. XXXIII.

[2]) Warner Ibid., p. V.

недостатка въ основательныхъ доводахъ, оправдывающихъ въ случаѣ надобности его легковѣріе; онъ много читалъ и не скрываетъ, что пользуется чужими книгами: онъ разсказываетъ о томъ, что видѣлъ самъ, и что видѣли другіе. Потому что у него намѣренія практичныя: онъ хочетъ написать путеводитель и пользуется свѣдѣніями отовсюду. Свѣдѣнія эти, безъ сомнѣнія, очень необычайны; но за достовѣрность ихъ ручается Плиній. Кому же вѣрить, если сомнѣваться въ Плиніѣ? Послѣ перечня чудесъ, рыцарь останавливается и говоритъ: «вы, вѣроятно, не вѣрите мнѣ: я самъ не повѣрилъ бы, еслибы все это мнѣ разсказывали, а не видѣлъ бы самъ». Онъ былъ такъ увѣренъ въ справедливости своихъ словъ, что обращается къ критикѣ съ просьбой поправить его; онъ даже отчасти съ этой цѣлью и пишетъ по французски: «И знайте, что я написалъ бы для краткости эту книгу по латыни, но, такъ какъ многіе понимаютъ лучше романъ (французскій), чѣмъ латынь, то я и придалъ ей форму романа, для того, чтобы вельможи, рыцари и другіе благородные люди, не знающіе или знающіе очень мало латынь и бывшіе за моремъ, знали бы и понимали, правду ли я говорю, или нѣтъ; и если я по забывчивости или по чему другому ошибаюсь, то чтобы они могли остановить и поправить меня, потому что вещи, видѣнныя давно, забываются, и человѣческая память не можетъ все понять и вмѣстить» [1]).

Итакъ, послѣ этого осторожнаго предупрежденія, нашъ воображаемый рыцарь пускается въ свой дальній путь открытій въ книгахъ своего кабинета. Выѣхавъ изъ Сентъ-Альбана въ Іерусалимъ, Китай и въ страну пяти тысячъ острововъ, онъ путешествуетъ и плаваетъ съ Плиніемъ, Марко Поло, Одорикомъ-де-Порденоне [2]), Албертомъ д'Эксъ, Вильгельмомъ де-Бондезеле, Пьеромъ Каместороиъ, Жакомъ де-Витри, черпаетъ изъ бестіаріевъ, разсказовъ путешественниковъ и изъ сборниковъ сказокъ, нанизывая рядъ безчисленныхъ чудесъ и увѣряя, что пропускаетъ ихъ множество, чтобы не утомлять нашей довѣрчивости, «такъ какъ разсказывать все было бы слишкомъ долго». Къ чудесамъ примѣшивалось много дѣйствительности, заставлявшей вѣрить остальному и почерпнутой мимоходомъ у тѣхъ же авторовъ. Громадная популярность Мандевилля способствовала такимъ образомъ распространенію познанія нѣкоторыхъ любопытныхъ и дѣйствительныхъ фактовъ. Такимъ образомъ, онъ описываетъ, напримѣръ, искусственное вылупливаніе цыпленка изъ яйца въ Каирѣ, «де-

[1]) Ms. Fr. 5637, fol. 4, въ національной библіотекѣ (четырнадцатый вѣкъ).

[2]) На счетъ донесеній Одорика и де-Мандевилля см. Анри Кордье, *Odoric de Pordenone*, Парижъ, 1891, Введеніе.

рево, производящее шерсть», изъ которой дѣлаютъ одежду, то-есть хлопчатникъ; одну азіатскую страну, гдѣ признакомъ благородства женщинъ считаются очень маленькія ноги, вслѣдствіе чего, ихъ стягиваютъ въ дѣтствѣ для того, чтобы онѣ оставались на половину меньше своей естественной величины; магнитную стрѣлку, указывающую мореплавателямъ сѣверъ; страну пяти тысячъ острововъ (Океанія) и круглую форму земли, которая такъ кругла, что ноги антиподовъ стоятъ въ направленіи совершенно противоположномъ нашимъ ногамъ, и они между тѣмъ не попадаютъ на небо, точно такъ же; какъ и сама земля не падаетъ туда же, хотя она гораздо тяжелѣе ихъ. Что, если выѣхать изъ своей страны и плыть все прямо въ одномъ и томъ же направленіи, то пріѣдешь наконецъ въ землю, гдѣ говорятъ на твоемъ родномъ языкѣ: то-есть возвращаешься къ пункту отправленія.

Въ средніе вѣка англичане отличались уже страстной любовью къ путешествіямъ; Хигденъ и другіе отмѣчали, какъ мы уже видѣли, эту черту національнаго характера. Можно поэтому представить себѣ, какъ разсказъ объ этихъ приключеніяхъ, приписываемыхъ одному изъ нихъ, долженъ былъ имъ понравиться. Они наслаждались книгой Мандевилля, которая была немедленно переведена [1]) и сдѣлалась однимъ изъ классическихъ произведеній англійскаго языка; въ минуту своего появленія она послужила для распространенія въ Англіи простой и живой прозы и была лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ до тѣхъ поръ образцовъ ея [2]).

Различные научные и богословскіе трактаты, писались такъ же въ прозѣ. Трактаты Ричарда Ролля, хемпольскаго отшельника, считаются одними изъ самыхъ древнихъ и самыхъ замѣ-

---

[1]) Одинъ отрывокъ былъ даже переложенъ въ стихи: *The commonyng of Ser John Mandeville and the gret Souden;* въ *Remains of the early popular Poetry of England* p. p. Hazlitt, Лондонъ, 1864, 8°, т. I, стр. 153.

[2]) Вотъ образецъ этого стиля. Это меланхолическое заключеніе произведенія, въ которомъ усталый путешественникъ рѣшается, наконецъ, по примѣру Робинзона, предаться покою: And I. John Maundeville, knyghte aboveseyd (alle thoughe I ben unworthi) that departed from owre contrees and passed the see the yeer of grace 1322, that have passed many londes and many isles and contrees, and cerched manye fulle straunge places, and have ben in many a fulle gode honourable companye and at many a faire dede of armes (alle be it that I dide none my self, for myn unable insuffisance) now I am comen hom (mawgre my self) to reste: for gowtes artetikes, that me distreynen, tho diffynen the ende of my labour, agenst my wille (God knowethe). And thus takynge solace in my wrecced reste, recordynge the tyme passed, I have fulfilled theise thinges and pntte hem wryten in this boke, as it wolde come in to my mynde, the yeer of grace 1356 in the 34 yeer that I departede from owre contrees-Werfore I preye to alle the rederes and hereres of this bake, yif it plese hem that thei wolde preyen to god for me: and I shalle preye for hem». Ed. Haliwell, p. 315.

чательныхъ [1]). Нѣкоторые изъ нихъ взяты у Чосера; но они остаются, и совершенно справедливо, незамѣтными посреди его остальныхъ блестящихъ произведеній. Чосеръ написалъ въ прозѣ свои сказки кюрэ и Мелибея, заимствованныя изъ французскихъ произведеній, переводъ Боэція и трактатъ объ Астролябіи, предназначавшійся для его сына Луи, «littel Lowys my sone» [2]). Проза Чосера тяжела, утомительна и по временамъ неясна. Привыкнувъ къ поэзіи, онъ путается въ прозѣ и запинается при малѣйшемъ препятствіи; ему нуженъ воздушный путь. Птицы высокаго полета—плохіе ходоки.

II.

Проза достигла, однако, нѣкотораго развитія въ Англіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ, хотя и въ другой формѣ. Форма эта была ораторская.

Англія Чосера и Ленгленда—поэтическая Англія, проза которой формировалась такъ медленно—была уже, какъ мы видѣли, извѣстной намъ парламентской Англіей. Она отстаивала свои интересы, торговалась съ королемъ, выслушивала его часто очень скромныя рѣчи и возражала ему иногда очень смѣлыми предостереженіями. Государственное дѣло было тогда уже общимъ дѣломъ, и каждый свободный гражданинъ обсуждалъ его; общественная жизнь развилась до размѣровъ, которымъ не было равныхъ въ современной Европѣ; даже взбунтовавшіеся крѣпостные были способны намѣтить себѣ цѣль и дѣйствовать по извѣстному плану: они разгромляютъ савойскій дворецъ, выражая этимъ свое порицаніе Іоанну Гентскому и его политикѣ, но не грабятъ его, показывая этимъ, что борются за идею [3]): «Чтобы вся нація знала, что они не дѣлаютъ ничего изъ любви къ наживѣ, они приговариваютъ къ смерти того, у кого достанетъ дерзости присвоить себѣ какую бы то ни было вещь изъ дворца. Несмѣтное количество золотыхъ и серебряныхъ вещей, находящихся тамъ, будутъ разрублены топоромъ на мелкіе кусочки и брошены въ

---

[1]) V. supra, p. 218.

[2]) A treatise on the Astrolabe addressed to his son Lowys by Geoffrey Chaucer, 1391, éd. W. W. Skeat, 1872, 8; смотри supra, p. 346.

[3]) Et ut patesceret totius regni communitati eos non respectu avaritiae quicquam facere, proclamari fecerunt sub poena decollationis, ne quis praesumeret aliquid vel aliqua ibidem reperta ad proprios usus servanda contingere, sed ut vasa aurea et argentea, quae ibi copiosa habebantur, cum securibus minutatim confringerent et in Tamisiam vel in cloacas projicerent, pannos aureos et holosercos dilacerarent... Et factum est ita». Walsingham, *Historia Anglicana*, t. I, p. 457 (Rolls).

Темсу или въ водосточныя трубы; золотыя парчи и шелковыя ткани будутъ изорваны. Такъ и было сдѣлано» [1]).

Много было произнесено въ то время краснорѣчивыхъ рѣчей, улетѣвшихъ, изгладившихся изъ памяти словъ; самыя страстныя изъ нихъ, произнесенныя на полѣ или въ лощинкѣ въ глубинѣ лѣса, извѣстны намъ только по своимъ результатамъ: эти пылкія слова вызвали вооруженныхъ людей какъ бы изъ-подъ земли. Рѣчи эти говорились на аглійскомъ языкѣ; до насъ не сохранилось текста ни одной изъ нихъ; одинъ, самый, замѣчательный, изложенъ вкратцѣ по латыни: это знаменитое воззваніе возмутившагося священника Джона Бэлля въ Блекхисѣ во время взятія Лондона [1]).

Общественные интересы обсуждались въ теченіе этого столѣтія въ Вестминстерскомъ дворцѣ почти всегда на французскомъ языкѣ, но ужъ въ болѣе скромной формѣ, которую можно было назвать почти «парламентской», но часто съ удивительной смѣлостью и поразительнымъ краснорѣчіемъ. Тамъ документы сохранились въ изобиліи: парламентскіе списки—несравненное сокровище—сохранились до нашего времени, и нѣтъ ничего легче, какъ присутствовать на парламентскомъ засѣданіи во времена Плантагенетовъ. Множество образцовъ вопросовъ и отвѣтовъ, рѣчей, правительственныхъ и оппозиціонныхъ, уцѣлѣли до нашего времени. Больше того, часть зданій, служившихъ имъ сценой, существуетъ еще и теперь [2]).

Прежде всего и до открытія періода засѣданій читали «публичное обнародованіе» въ «большой вестминстерской залѣ», въ галереѣ, построенной Вильгельмомъ Рыжимъ (плотничная работа передѣлана Ричардомъ II), когда она была освобождена и отъ стѣснявшихъ ее пристроекъ [3]). Это обнародованіе запре-

[1]) «Ad le Blakeheth, ubi ducenta millia communium fuere simul congregata hujuscemodi sermonem est exorsus:

Whenn Adam dalfe and Eve span
Who was thanne a gentil man?

Continuansque sermonem inceptum, nitebatur, per verba pro verbii quod pro themate sumpserat, introducere et probare, ab initio omnes pares creatos a natura, servitutem per injustam oppressionem nequam hominum introductam, contra voluntatem Dei; quia si Deo placuisset servos creasse utique in principio mundi constituisset quis servus, quisve dominus futures fuisset». Пусть же они истребятъ знать и законниковъ, такъ же какъ хорошій отецъ семьи вырываетъ на своемъ полѣ сорную траву. Такъ будутъ царствовать свобода и равенство. «Sic demum... esset inter eos aequa libertas, par dignitas, similisque potestas.» Chronicon Angliae, ed. Thompson (Rolls) 1874, 8°, p. 321; Walsingham, t. II, p. 32.

[2]) *Rotuli Parliamentorum, ut et petitiones et placita in Parliamento*, Лондонъ, 7 т., въ листъ (одинъ изъ т. оглавленіе).

[3]) Ричардъ произвелъ общія поправки и бралъ для этого англійскихъ мастеровъ, каменьщиковъ «Ричарда Вуашборна» и «Іоханна Свальвъ». Контрактъ (разрѣзанный на двѣ части) заключенъ 18 марта 1395 г.; текстъ у Риммера, 1705, т. VII, стр. 794.

щаетъ всѣмъ и каждому, являющемуся туда, гдѣ засѣдаетъ парламентъ, приходить «въ одѣяніи главнаго префекта, вооруженнымъ воинскими доспѣхами, шпагами, длинными ножами и всякого другого рода оружіемъ», такъ какъ изъ этого выходятъ такія важныя послѣдствія, что дѣла затягиваются, а члены парламента пугаются этихъ длинныхъ ножей. Потомъ, нисходя до самыхъ мелочныхъ подробностей, обнародованіе обращается къ лондонскимъ уличнымъ мальчишкамъ и запрещаетъ имъ бѣгать во дворцѣ взапуски или устраивать проказы надъ прохожими, «какъ, напримѣръ, срывать съ нихъ шляпы», что прокламація называетъ на своемъ парламентскомъ языкѣ «неприличными играми». Но, такъ какъ слѣдуетъ уважать на сколько возможно личную свободу, то запрещеніе относится только къ періоду засѣданій [1]).

Въ день открытія король отправлялся въ залу засѣданій, гдѣ удостовѣряется очень часто, что тамъ никого нѣтъ, такъ какъ многихъ депутатовъ или «важныхъ лицъ» задержали плохія дороги, дурная погода или какія-нибудь другія помѣхи [2]). Тогда для торжественнаго открытія работъ назначается другой день.

Когда всѣ съѣзжаются, король, свѣтскіе и духовные лорды и коммуны собираются въ «разрисованной палатѣ». Канцлеръ излагаетъ программу занятій и подлежащіе обсужденію вопросы. Это даетъ поводъ сказать рѣчь, тексты которыхъ мы имѣемъ въ значительномъ количествѣ. Иногда это простое, ясное и практическое заявленіе, перечисляющее безъ всякой напыщенности подлежащіе обсужденію вопросы; иногда же это надутая, цвѣтистая декламація, испещренная остроуміемъ, цитатами, лестью по адресу короля, какова и была, напримѣръ, рѣчь епископа изъ Святаго-Давида, Адама Хойтона, канцлера Англіи въ 1377 году:

«Вельможи и милостивые государи!

Я имѣю приказаніе моего повелителя и присутствующаго здѣсь принца, да хранитъ его Богъ (молодого Ричарда, наслѣдника престола), изложить причину, по которой созванъ парламентъ. Справедливо, что мудрые страдаютъ и желаютъ слышать рѣчи глупыхъ, что подтверждаетъ и святой Павелъ въ своихъ посланіяхъ и говоритъ: *Libenter suffertis insipientes cum sitis ipsi sapientes.* А такъ какъ вы мудры, а я безуменъ, то я смѣю думать, что вы пожелаете слушать меня. Есть еще причина, которая доставитъ вамъ радость, если вы согласитесь слушать меня. Потому что священное писаніе говоритъ, что каждый вѣстникъ, приносящій добрыя вѣсти, встрѣчаетъ радушный пріемъ; а такъ

---

[1]) Rotuli Parliamentorum, t. II, p. 103, et passim.

[2]) Прим. 13 Эд. III, 17 Эд. III Rotuli Parliamentorum, t. II, стр. 107, 135

какъ я вѣстникъ, несущій вамъ добрыя вѣсти, то поэтому долженъ найти у васъ радушный пріемъ».

Всѣ эти любезности говорятся для того, чтобы объявить, что король Эдуардъ III, стоявшій въ то время на краю могилы, чувствуетъ себя нѣсколько лучше, что́ должно доставить радость его подданнымъ. Второй поводъ къ радости — у достойнаго епископа все служитъ поводомъ къ пей — это сама болѣзнь, потому что въ писаніи сказано: «*Quos diligo castigo*», что и доказываетъ, «что Богъ любитъ и благословляетъ его». Король будетъ избранникомъ Божіимъ, «Богомъ избраннымъ сосудомъ, *vas electionis*» [1]). Канцлеръ говоритъ очень долго въ этомъ тонѣ, ни мало не заботясь о томъ, что всѣ его библейскія ссылки опровергаются возвращеніемъ Алисы Перрерсъ къ старому королю. Симонъ Сюдбюри, архіепископъ канторберійскій, умершій потомъ такой жестокой смертью при восьмомъ ударѣ топора, съ отрубленной рукой, которою онъ дотронулся до первой раны, говорилъ такимъ же слогомъ. Онъ открываетъ первое собраніе парламента Ричарда II, слѣдующими словами:

«*Rex tuus venit tibi.* — Милорды и господа, эти сказанныя мною слова значатъ то-же, что если бы сказать по французски: твой король идетъ къ тебѣ.» И затѣмъ вышеназванный архіепископъ приводитъ нѣсколько доводовъ, подкрѣпляющихъ его тему и раздѣляетъ эту тему, точно проповѣдь, на три части.

И выходитъ дѣйствительно проповѣдь; онъ ежеминутно цитируетъ Евангеліе, притомъ въ самыхъ неожиданныхъ сопоставленіяхъ: молодой Ричардъ пришелъ въ парламентъ совершенно такъ же, какъ Пресвятая Дѣва, посѣтившая святую Елисавету; это такая же радость: «*Et exultavit infans in utero ejus*» [2]).

Къ счастью, не всегда блуждали по такимъ цвѣтистымъ тропинкамъ. Вильямъ Соорпъ, Вильямъ де Шерсхюллъ, Вильямъ Вайкхемъ, Джонъ Нивэтъ и др. говорятъ дѣловыя простыя, краткія и идущія прямо къ цѣли рѣчи: «Милостивые государи и вы представители коммунъ, говоритъ канцлеръ Ниветъ, вамъ извѣстно, какимъ образомъ, послѣ мира, заключеннаго между нашимъ повелителемъ королемъ и его французскими противниками, онъ былъ открыто нарушенъ послѣдними... король послалъ за море солдатъ и дворянъ «защищать насъ», что они и дѣлаютъ; но

[1]) Rotuli Parliamentorum, т. II, стр. 361,

[2]) Ibid. т. III, стр. 3. Такого же рода остроумная рѣчь Ѳомы Эрундель, архіепископа канторберійскаго, при открытіи перваго засѣданія парламента Генриха IV: Благочестивое королевство Англійское, богатѣйшее изъ всѣхъ королевствъ въ мірѣ — долгое время было одурачено, управляясь дѣтьми и вдовьими совѣтами.

они сильно стѣснены непріятелемъ. Если они защищаютъ насъ, то и мы должны помочь имъ».

Разумность такъ же ясно проглядываетъ и въ рѣчахъ Вайкхема, и онъ соединяетъ такъ же искусно парламентъ съ дѣйствіями короля: «Господа, вамъ извѣстно, какимъ образомъ въ послѣднемъ засѣданіи парламента король принялъ снова *съ вашего согласія* титулъ короля Франціи» [1]).

Выслушавъ эти рѣчи и избравъ «пріемщиковъ» и «сортировщиковъ» прошеній [2]), палаты раздѣляются и совѣщаются каждая отдѣльно; лорды удаляются «въ бѣлую комнату», а коммуны остаются «въ разрисованной»; иногда вышеназваннымъ коммунамъ объявляли, чтобы онѣ удалились добровольно на свое прежнее мѣсто, въ помѣщеніе капитула Вестминстерскаго аббатства [3]), въ хорошо знакомый намъ «Chapter house», построенный въ царствованіе Генриха III.

Въ это время начинались настоящія пренія, прерываемыя самыми страстными рѣчами. Парламентскіе реестры не упоминаютъ о нихъ, и мы слышимъ только ихъ слабый отголосокъ; слѣды чувства, волновавшаго коммуны, видны въ составленныхъ ими петиціяхъ, похожихъ на заключаемую ими торговую сдѣлку, потому что онѣ не дозволяли обойти себя красивыми и любовными словами правительственныхъ ораторовъ; онѣ практичны и хладнокровны; онѣ согласны на уступки, если и имъ отплатятъ тѣмъ же, постановляя условіемъ въ случаѣ отказа короля, «что, если ихъ предложенія не будутъ исполнены, то и онѣ не будутъ обязаны оказывать помощь» [4]). Обсужденія въ обѣихъ палатахъ продолжались долго и кропотливо; то были собранія не только для формы; никакія рѣшенія не принимались необдуманно: «О каковыхъ предметахъ», говорится въ протоколахъ засѣданій, «они разсуждали очень долго». Въ другихъ случаяхъ бывало, что представители коммунъ, отъ которыхъ ожидали готоваго отвѣта, объявляли, «что они хотятъ совѣщаться между собой» и совѣщаются съ 24 января до 19-го февраля. Хорошо еще, если депутаты не объявляли, «что они не рѣшаются согласиться, не увѣдомивъ

---

[1]) *Rotuli Parlamentorum.* Рѣчи Нивета, т. II, стр. 316, Вайкхэма, т. II, стр. 303. Тотъ же Ниветъ открываетъ милостивый парламентъ въ 1376 году рѣчью въ такомъ же умѣренномъ стилѣ. Онъ принадлежалъ къ магистратурѣ и пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ умеръ въ 1381 году.

[2]) Напримѣръ: въ тотъ же день, т. е. въ день, когда публичное обращеніе прочитано, объявлялось, что каждый, желающій обратиться съ просьбой къ королю, нашему повелителю, и его совѣту, долженъ представить ихъ между сегодняшнимъ днемъ и будущимъ понедѣльникомъ.... и будутъ назначены принимать прошенія.... нижеприписанные.

[3]) *Ibid*, т. II, стр. 136, 363.

[4]) Т. II, стр. 107, второе засѣданіе парламента въ 1339 г.

своихъ мѣстныхъ коммунъ и не посовѣтовавшись съ ними», то есть не посовѣтовавшись съ своими избирателямя. Такимъ же образомъ Вильямъ де-ла-Пооль и другіе, посланные «нашимъ повелителемъ королемъ заморскимъ (то есть французскимъ) гонцами», объяснили скромно неотложность случая и выставили «причину, почему они долго пребывали въ тѣхъ мѣстахъ, не устремляясь на его враговъ» [1]); причиной этого былъ недостатокъ въ деньгахъ.

Принявъ, наконецъ, рѣшеніе, коммуны объявляли его въ присутствіи лордовъ черезъ посредство своего *speaker'a*, или, какъ говорили на тогдашнемъ французскомъ, «того, кто имѣлъ за нихъ слово». Въ этихъ то отвѣтахъ и представляемыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ петиціяхъ видны слѣды страстности, обнаруженной во время преній въ залѣ капитула. Смѣлость отвѣтовъ и наставленій доходитъ до крайности, и изъ этого видно, какой силы и полноты должно было достигать уже въ ту отдаленную эпоху гражданское краснорѣчіе, образцы котораго мы видѣли съ тѣхъ поръ въ Англіи. Самый замѣчательный случай былъ въ Милостивомъ парламентѣ въ 1376 году, когда коммуны послѣ отдѣльнаго совѣщанія собрались въ парламентъ и при посредствѣ своего speaker'a Пьера де-ла-Моръ высказываютъ обвиненіе противъ королевской власти: «И послѣ того вышеназванныя коммуны вошли въ парламентъ и заявили открыто, что онѣ имѣли твердое желаніе придти на помощь своему благородному повелителю... какъ никогда другіе не приходили въ прежнія времена... Но онѣ считаютъ справедливымъ замѣтить, что если бы ихъ повелитель окружалъ себя всегда честными совѣтниками и хорошими офицерами... то нашъ повелитель король былъ бы богаче казной и, слѣдовательно, не имѣлъ бы никогда нужды обременять свою коммуну требованіемъ субсидій, податей и другихъ поборовъ!..» Противъ главныхъ измѣнниковъ составленъ настоящій обвинительный актъ, въ которомъ названы ихъ имена и преступленія; не забыта была и любовница короля Алиса Перрерсъ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ, всего сто сорокъ прошеній коммунъ, и въ нихъ перечисляются одно за другимъ всѣ злоупотребленія.

Прежде былъ обычай, говорятъ коммуны, что «епископства... и другія бенефиціи святой церкви отдавались съ осмотрительностью и любовью къ ближнему, безъ соображеній алчности или симоніи, самымъ достойнымъ людямъ духовнаго званія, святой жизни и съ прямой рѣчью, которые соглашались жить въ своихъ бенефиціяхъ, говорить проповѣди, посѣщать и исповѣдывать своихъ прихожанъ... И до тѣхъ поръ, пока держались эти хорошіе обычаи, королевство было исполнено всякимъ благоденствіемъ,

[1]) Rotuli Parliamentorum, т. II, первое засѣданіе парламента въ 1339 г.

хорошими людьми, честнымъ духовенствомъ и клерками, такъ какъ оба они идутъ рука объ руку...» [1]). Вмѣшательство римскаго двора въ англійскія дѣла служитъ «поводомъ для большой грусти и слезъ всѣхъ честныхъ людей». Будь проклятъ «грѣшный Авиньонъ, гдѣ до такой степени царитъ симонія, что какой-нибудь жалкій, ничего хорошаго незнающій и ничего нестоящій человѣкъ» получитъ бенефицію въ тысячу марокъ, «тогда какъ признанный докторомъ ученый богословъ получаетъ маленькій приходъ въ двадцать марокъ!» Иностранцы, получающіе бенефиціи въ Англіи, «никогда не будутъ посѣщать своихъ прихожанъ..., такъ что святая церковь будетъ разрушена скорѣе этими дурными христіанами, чѣмъ всѣми жидами и сарацинами... Кромѣ того, нужно думать, что Богъ приставилъ святого отца, папу, пасти своихъ овецъ, а не стричь ихъ» [2]). Коммуны никого не боятся; ни король, ни папа не могутъ имъ зажать рта. Въ умѣ ихъ смутно прозябаетъ мысль, что государство принадлежитъ, также какъ и король, имъ; онѣ требуютъ, чтобы имъ привели наслѣдника престола, Ричарда; онѣ хотятъ его видѣть, и имъ показываютъ его [3]).

Не смотря на успѣхи, сдѣланные англійскимъ языкомъ, въ Вестминстерѣ продолжаютъ еще употреблять французскій. Онъ оставался какъ бы признакомъ силы и эмблемой могущества, все равно какъ въ новѣйшихъ замкахъ строятъ еще башни, не имѣя намѣренія защищать ихъ пушечными выстрѣлами. Это знаменіе, и знаменіе это осталось, также какъ формула ратификаціи законовъ осталась и теперь французская. Тѣмъ не менѣе, англійскій языкъ начиналъ проникать даже въ Вестминстеръ; съ 1363 [4]) года рѣчи при открытіи парламента, произ-

---

[1]) Rotuli Parlamentorum, т. II, стр. 323. Рѣчь эта надѣлала много шума; существуетъ другой текстъ ея, хранящійся въ *Chronicon Angliae* (составленной монахомъ Сентъ-Альбанской обители, аббатъ которой Томасъ де-ла-Маръ засѣдалъ въ парламентѣ: Quae omnia ferret aequanimiter (plebs communis) si dominus rex noster sive regnum isted exinde aliquod commodi vel emolumenti sumpsisse videretur; etiam plebi tolerabile, si in expediendis rebus bellicis, quamvis gestis minus prospere, tanta pecunia puisset expensa. Sed palam est, nec regem commodum, nec regnum ex hac fructum aliquem percepisse... Non enim est credibile regem carere infita thesauri quantitate si fideles fuerint qui ministrant ei» стр. 73. Это, какъ видно, та же самая мысль. Сравнить какъ образецъ энергичнаго краснорѣчія съ замѣчаніемъ, съ которымъ обратился къ графу Стаффорду Джонъ Фильпотъ, лондонскій бакалейщикъ, послѣ его морского подвига въ 1378 г. *Ibid.*, стр. 200.

[2]) Rotuli Parliamentorum, т. II, стр. 337 и слѣд.

[3]) 25 іюня 1376 года.

[4]) Въ этомъ году рѣчь сказалъ «en Engleis» Симонъ, епископъ Эли. Но въ реестрахъ есть только французскій переводъ: «Пророкъ Даніилъ говоритъ, что...» и т. д. Т. II, стр. 283.

носятся иногда на англійскомъ языкѣ; въ 1399 году, во всѣхъ важнѣйшихъ документахъ и рѣчахъ, относившихся къ свержению Ричарда, употреблялся англійскій языкъ. Въ понедѣльникъ, 29-го сентября, король подписалъ свое отреченіе; на другой день торжественное засѣданіе парламента происходило въ большой вестминстерской залѣ въ присутствіи народа; старый тронъ съ камнемъ Іакова, привезенный Эдуардомъ I изъ Шотландіи и хранящійся до сихъ поръ въ аббатствѣ, былъ поставленъ въ залѣ и покрытъ «*cum pannis auri*». Актъ отреченія Ричарда былъ прочитанъ «сначала на латинскомъ, а потомъ на англійскомъ языкѣ», и народъ единодушно утвердилъ его. Генрихъ выступилъ тогда, потребовалъ королевства по-англійски и сѣлъ на тронъ при рукоплесканіи присутствующихъ. Кантерберійскій архіепископъ произнесъ рѣчь, и новый король, заговоривъ снова, благодарилъ по-англійски «*God, and yowe, Spirituel and Temporel and alle the Astates of the lond*» [1]). Употребленіе при подобномъ обстоятельствѣ англійской прозы принцемъ, неимѣвшимъ на престолъ никакого права, кромѣ народной любви, было самымъ замѣчательнымъ знаменіемъ произошедшихъ перемѣнъ.

III.

Всѣмъ этимъ переводчикамъ недостаетъ однако своеобразности (меньше, однако, чѣмъ должно было быть), и всѣ эти ораторы говорятъ большею частью по-французски. Англійская проза не могла усовершенствоваться въ ихъ рукахъ. Она усовершенствовалась, однако, въ теченіе этого столѣтія, благодаря одной замѣчательной личности, благодаря Джону Виклифу, избравшему народный языкъ своимъ боевымъ оружіемъ, и которому долженъ принадлежать титулъ «отца англійской прозы», съ тѣхъ поръ какъ Мандевиль разсѣялся какъ дымъ. Виклифъ, Ленглендъ и Чосеръ были тремя выдающимися личностями средневѣковой англійской литературы.

Виклифъ принадлежалъ къ богатой и уважаемой семьѣ Виклифовъ, владѣльцевъ Виклифа въ Іоркширѣ [2]). Онъ родился около

---

[1]) Sires, I thank God, and yowe Spirituel and Temporel and all the Astates of the lond; and do yowe to wite, it es noght my will that no man thynke yt be waye of conquest I wold disherit any man of his heritage, franches, or other ryghtes that hym aght to have, no put hym out of that he has and has had by the gude lawes and custumes of the Rewme: Except thos persons that has ben agan the gude purpose and the commune profyt of the Rewme». Rotuli Parliamentorum, *t.* III, p. 423. Въ слѣдующемъ вѣкѣ парламентскіе документы пишутся то на французскомъ, то на англійскомъ языкѣ; въ первой половинѣ столѣтія преобладаетъ французскій, а во второй англійскій языкъ

[2]) О семьѣ Виклифа смотри *The birth and parentage of Wyclif* Л. Серд-

1320 года и съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя ученой и духовной карьерѣ. Онъ учился въ Оксфордѣ и былъ тамъ скоро замѣченъ; онъ принадлежалъ къ числу людей съ сильнымъ характеромъ, занимающихъ съ самого начала жизни и безъ всякихъ усилій выдающееся мѣсто посреди безцвѣтныхъ личностей. Направленіе его ума, своеобразность мысли, твердая сила воли и его знанія, выдвигали его изъ ряда вонъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые начинаютъ сейчасъ же считаться «кѣмъ нибудь». Такимъ образомъ, въ продолженіе его жизни университетъ, король и даже страна не разъ обращались къ нему, нуждаясь въ «комъ-нибудь».

Ему было не больше тридцати пяти лѣтъ, когда Бальольская коллегія въ Оксфордѣ лишилась своего начальника, и онъ былъ избранъ на мѣсто покойнаго въ качествѣ ея «master» (старшины). Въ 1366 году парламентъ рѣшилъ, что право папы на дань, обѣщанную ему Іоанномъ Безземельнымъ, не будетъ больше признаваться, и Виклифу было поручено составить то, что въ нынѣшнее время назвали бы официальнымъ сообщеніемъ, объясняющимъ принятое рѣшеніе [1]). Въ 1374 году онъ получаетъ дипломатическую миссію и ѣдетъ въ Брюгге съ нѣсколькими другими «Ambassadores» вести переговоры съ представителями папы [2]). Онъ былъ въ то время докторомъ богословія.

Ему было довѣрено въ провинціи послѣдовательно нѣсколько приходовъ, Филлингхемъ въ 1361 г., Людгарсхоль въ 1368 и Люттеруерсъ въ 1374, сохраненные имъ до смерти. Съ этихъ поръ онъ дѣлилъ свое время между обязанностями ректора, своими научными занятіями, преподаніемъ, которое онъ продолжалъ періодически въ Оксфордѣ, и жизнью въ Лондонѣ, гдѣ онъ проводилъ много разъ нѣсколько времени и сказалъ нѣсколько проповѣдей.

Эти сосредоточенныя занятія прерывались по временамъ бурями, вызываемыми его произведеніями. Но извѣстность его была такъ велика, а личность такъ значительна, что онъ избѣгъ страшныхъ послѣдствій, которыя влекла за собой въ то время ересь. Сначала онъ встревожилъ духовную власть своими политическими

жента, *Athenaeum* 12 и 26 марта 1892 г. Такая орѳографія его имени встрѣчается чаще всего въ современныхъ документахъ: Wiclef же, находится только въ одномъ (замѣтка г. Ф. Д. Матью, *Academy*, 7 іюня 1884 года).

[1]) *Determination quedam magistri Johannts Wyclyff de Dominio contra unum monachum.* Предметомъ этого трактата было показать: «quod Rex potest juste dominari regno Anglie negand tributum Romano pontifici». Текстъ у Джона Левиса: *A History of the life and sufferings of., John Wiclif*, 1720, пзд. въ Оксфордѣ, 1820, 8°, стр. 349.

[2]) «Ambassatores, nuncios et procuratores nostros speciales». Левисъ. Ibid. стр. 304.

теоріями объ отношеніи церкви къ государству, а потомъ и преобразованіемъ самой церкви; подъ конецъ онъ вызвалъ страшный шумъ, когда началъ нападать на догматы и оспаривать таинства. Вызванный въ первый разъ на судъ для отвѣта о своемъ ученіи, онъ явился въ соборъ святого Павла въ Лондонѣ въ 1377 г., окруженный странными защитниками, доставленными ему общей ненавистью къ высшимъ сановникамъ церкви: Іоанномъ Гентскимъ, герцогомъ Ланкастерскимъ и Генрихомъ Перси, сопровождавшими его. Герцогъ, стѣснявшійся очень мало приличіями, объявилъ громко по срединѣ церкви, что вытащитъ епископа за волосы изъ собора. За этими словами послѣдовала невообразимая суматоха; жители Сити выгнали герцога изъ церкви, гнались за нимъ по городу и осадили домъ Жана д'Ипръ, богатаго купца, къ которому герцогъ отправился ужинать. Къ счастью для принца домъ выходилъ на Темзу; онъ поспѣшно всталъ, стукнувшись ногами объ столъ и не успѣвъ даже выпить предлагаемаго ему напитка, бросился въ лодку и бѣжалъ на веслахъ въ Кеннингтонъ [1]), къ своей невѣсткѣ, принцессѣ Валлійской. Вызовъ Виклифа въ судъ, не имѣлъ такимъ образомъ, никакихъ послѣдствій.

Но папа обнародовалъ въ тотъ же годъ буллы противъ англійскаго богослова, указывавшія восемнадцать ложныхъ положеній, находившихся въ его произведеніяхъ, и требовалъ заключенія виновнаго въ тюрьму, если онъ откажется отречься отъ нихъ. Оксфордскій университетъ, бывшій уже въ то время силой, гордившійся своими привиллегіями, старавшійся сохранить узы солидарности между своими членами и пропитанный усиливающимися въ Англіи оппозиціонными идеями въ отношеніи папы, счелъ декретъ превышеніемъ власти. Онъ разсмотрѣлъ указанныя положенія и объявилъ ихъ вполнѣ правильными и только дающими поводъ къ ложному истолкованію, и что на счетъ ихъ Виклифъ самъ объяснится въ Лондонѣ [2]).

Итакъ, въ 1378 году мы застаемъ его опять въ Лондонѣ; епископы собраны въ церкви Ламбетскаго дворца, существующей и по нынѣ. Но по одной изъ странностей, доказывающихъ, что предѣлы власти не были еще ясно разграничены, епископы по-

[1]) Всѣ эти подробности есть въ *Chronicon Angliae, 1328 — 1388*, изд. г. Томсона *(Rolls)*, 1874, 8°, стр. 123, одна изъ рѣдкихъ хроникъ, рукопись которой не была сокращена въ томъ, что относится къ Іоанну Гентскому до восшествія Ланкастеровъ. Смотри *supra*, стр. 418.

[2]) Такая крайняя снисходительность вызвала негодованіе, отголосокъ котораго видѣнъ у Вальсингхема; «Oxoniense studium generale!» восклицаетъ онъ: «quam gravi lapsu a sapientiae culmine decidisti!.. Pudet recordationis tantae impudentiae, et ideo supersedeo in hujusmodi materia immorari, ne materna videar ubera decerpere dentibus, quae dar lac, potum scientiae, consuevere». *Historia Anglicana* (Rolls), т. I, стр. 345, годъ 1378.

лучаютъ запрещеніе осудить Виклифа. Запрещеніе это исходило отъ женщины, принцессы Валлійской, вдовы Чернаго принца. Прелатамъ не пришлось дать себѣ труда колебаться между папой и принцессой; Виклифъ былъ спасенъ второй разъ, благодаря возмущенію: толпа, сочувствовавшая его взглядамъ, наполнила дворецъ, и никакого приговора не состоялось. Всякій другой на его мѣстѣ казался бы еще болѣе виновнымъ, а онъ продолжалъ жить, пользуясь еще большимъ уваженіемъ. Онъ былъ въ то время на верху своей извѣстности; новая данная имъ консультація утвердила его славу, какъ адвоката и защитника Англіи [1]).

Итакъ, онъ принялся спокойно за свое дѣло разрушенія, нападая на догматы. Не довольствуясь тѣмъ, что писалъ и говорилъ, онъ распространяетъ еще свое ученіе черезъ своихъ «простыхъ» или «бѣдныхъ священниковъ», не принадлежавшихъ ни къ какому монашескому ордену, подражающихъ странническій жизни братьевъ, но не ихъ нищенству, и старающихся осуществить идеалъ, отъ котораго братья удалились. Они проповѣдывали по деревнямъ, и гражданская власть тревожилась какъ политическими, такъ, религіозными теоріями, излагаемыми народу этими странниками, ходившими «изъ графства въ графство въ своеобразной одеждѣ, подъ видомъ святости и безъ разрѣшенія святѣйшаго отца папы или мѣстнаго духовнаго начальства». [2]) Виклифъ оправдывалъ эти неразрѣшенныя проповѣди примѣромъ святого Павла, который послѣ своего обращенія «много проповѣдывалъ, не спрашивая разрѣшенія Петра, такъ какъ имѣлъ его отъ Христа». [3]) Съ этой минуты Виклифъ начинаетъ излагать относительно таинствъ и въ особенности таин-

---

[1]) Смотри въ *Fasciculi Zizaniorum magistri Johannis Wyclif cum tritice*, изд. Ширлей (Rolls), 1858, 8°, стр. 258: *Responsio magistri Johannis Wyccliff ad dubium infra scriptum, quaesitum ab eo, per dominum regem Angliae Ricardum secundum et magnum suum consilium anno regni sui primo.* Пунктъ, подлежавшій поясненію, былъ слѣдующій: Dubium est utrum regnum Angliae possit legitime, imminente necessitate suae defensionis, thesaurum regni detinere, ne deferatur ad exteros, etiam domin papa, sub poena censurarum et virtute obedientiae, hoc petente».

[2]) *Statutes of the Realm*, 5 Рич. II, ст. 2, глава 5. Вальсингхэмъ описываетъ ихъ такъ: «Congragavit... comites... talaribus indutos vestibus de russeto insignum perfectionis amplioris, incedentes nudis pedibus, qui suos errores in populo ventilarent, et palam ac publice in suis sermonibus praedicarent. «*Historia Angliana*, sub anno 1377 (Rolls), т. I, стр. 324. Аналогичное описаніе (они являются «sub magnae sanctitatis velemina» и проповѣдуютъ заблужденія «tam in acclesüs quam in platcis et alüs locis profanis»), въ письмѣ Кентерберійскаго архіепископа, отъ 28 мая 1382, *Fasciculi*, стр. 275.

[3]) *Select English Works*, изд. Арнольда, Оксфордъ, 1869, т. I, ст. 176, «He preechide fast, and axide noo leve of Petir herto, for he hadde leve of Jesus Crist».

ства евхаристіи мысли, не допускаемыя даже Оксфордомъ; университетъ осуждаетъ его. Сообразно съ своимъ тезисомъ, клонившемся, также какъ и коммуны, къ главенству королевской власти, Виклифъ подаетъ жалобу не папѣ, а королю, и, въ ожиданіи рѣшенія, отказывается подчиниться суду университета. Но это значило простирать свою смѣлость слишкомъ далеко; Іоаннъ Кентскій отступается отъ своего протеже; лондонскій епископъ Куртенэ сзываетъ соборъ, осуждающій Виклифа и его единомышленниковъ (1382). Единомышленники его, подвергшіеся преслѣдованію, отрекаются или подвергаются изгнанію, а Виклифъ продолжаетъ жить совершенно спокойно. Поселившись въ Люттеруорсѣ и не трогаясь оттуда, онъ продолжаетъ писать больше, чѣмъ когда-либо и все въ болѣе и болѣе рѣзкомъ и смѣломъ духѣ. Папскій расколъ, начавшійся въ 1378 году, уронилъ значеніе папскаго престола, и Виклифъ пользуется этимъ. Наконецъ, Урбанъ VI, одинъ изъ двухъ папъ, признаваемый Англіей, вызываетъ его предстать передъ нимъ, но Виклифъ умираетъ въ своемъ приходѣ въ послѣдній день 1384 года отъ апоплексическаго удара. «*Organum diabolicum, hostis Ecclesie, confusio vulgi, hacreticorum idolum, hypocritarum speculum, schismatis incentor, odii seminator, mendacii fabricator*» [1]), таково было надгробное слово, написанное въ этотъ день въ лѣтописяхъ сентъ-албанскимъ монахомъ Томасомъ Вальсингхэмъ. По повелѣнію констанцкаго собора прахъ его былъ потомъ разсѣянъ по вѣтру, а семья Виклифовъ изъ Виклифа, твердо преданная старинной вѣрѣ, вычеркнула его изъ своего родословнаго дерева. Когда наступила реформа, семья осталась католической, и ея приверженность къ римской вѣрѣ была, повидимому, причиной ея упадка: «Послѣдній изъ Виклифовъ былъ бѣднымъ садовникомъ, который обѣдалъ по воскресеньямъ въ Сорпъ-Холлѣ по приглашенію сэра Мармадьюка Тѣнстоля изъ уваженія къ его предполагаемымъ предкамъ [2]).

IV.

Виклифъ началъ писать рано и употреблялъ сначала только латинскій языкъ [3]). Существуетъ безчисленное множество его

---

[1]) *Historia Anglicana* (*Rolls*), т. II, стр. 119. Въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ рядѣ не похвальныхъ эпитетовъ (старый лицемѣръ, ангелъ сатаны и т. д.), хроникеръ доставилъ себѣ удовольствіе, прибѣгнувъ къ игрѣ словъ: «Non nominandus *Joannes Wicliffe*, vel potius Wykbeleve» (нечестивецъ); годъ 1381, т. I, стр. 450.

[2]) Л. Сэрджэнтъ, *The birth and parentage of Wyclif*, въ Athenaeum 12 марта 1892 г.

[3]) *Wyclif Society*, основанное въ Лондонѣ г. Фурнивалемъ, издало большую часть латинскихъ произведеній Виклифа: *Polemical Works in latin*,

трактатовъ; многіе изъ нихъ еще не изданы и составлены на такомъ неправильномъ языкѣ и съ такимъ рабскимъ подражаніемъ англійскому языку, что «часто лучшимъ средствомъ, чтобы понять неясное мѣсто, будетъ перевести его по-англійски [1]). Очевидно, что онъ привлекалъ вниманіе современниковъ не изяществомъ слога, а силой своей мысли.

И дѣйствительно, мысль его заслуживала вниманія. Умъ его былъ прежде всего умомъ критическимъ, врагомъ формулъ, бездоказательныхъ словъ и неоправдываемыхъ разсудкомъ традицій. Прецеденты нимало не смущали его, таинственная власть далекихъ силъ не производила ни малѣйшаго впечатлѣнія на его сердце. Онъ любилъ смотрѣть людямъ и вещамъ въ лицо, прямымъ взглядомъ, и чѣмъ серьезнѣе былъ предметъ, чѣмъ больше требовалось вниманія, тѣмъ меньше у него было охоты закрывать глаза.

Вскорѣ у него явилось желаніе научить другихъ открывать глаза и судить самимъ. Подъ словомъ «другихъ» онъ разумѣлъ всѣхъ, а не только клерковъ и значительныхъ лицъ. Онъ усвоилъ поэтому общенародный языкъ и выказалъ себя въ этомъ случаѣ истымъ англичаниномъ, сторонникомъ дорогой этой расѣ доктрины свободнаго изслѣдованія. Самъ онъ примѣнялъ эту доктрину ко всему, что было тогда предметомъ вѣры, и, переходя постепенно отъ абстрактнаго къ конкретному, кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что потребовалъ преобразованій, очень сходныхъ съ пре-

---

изд. Буддензига, 1883, 8°, *Ioannis Wyclif, de compositione Hominis*, изд. Бэера. 1884; *Tractatus de civili Dominio... from the unique ms. at Vienna*, изд. Р. Лэнъ Пооль, 1885 и слѣд. *Tractatus de Ecclesia*, изд. Лозерса 1886, *Dialogus, sive speculum Ecclesie militantis*, изд. А. В. Полларда, 1886; *Tractatus de benedicta Incarnatione*, изд. Херрисъ, 1886; *Sermones*, изд. Лозерсъ и Матью 1887; *Tractatus de officio Regis*, изд. Полларда и Сэлѣ 1887; *De dominio divino libri tres, to which are added the first pour books of the treatise «De pauperie Salvatoris», by Richard Fityralph, archbishop of Armagh*, изд. Р. Л. Пооль, 1890; *De Ente praedicamentali*, изд. Бэера, 1891; *De Eucharistia tractatus maior; accedit tractatus de Eucharistia et Poenitentia*; изд. Лозерса и Матью, 1892. Многія другія готовятся къ печати.

Между другими латинскими произведеніями, изданными помимо общества, справиться въ *Tractatus de officio pastorali*, изд. Лехлеръ, Лейпцигъ, 1863, 8°, *Trialogus cum snpplemento Trialogi* изд. Лехлеръ, Оксфордъ 1869, 8°, *De Cristo et suo adversario Ahtichristo*, изд. Буддензига, Готъ, 1880, 4°. Многіе документы исходящіе отъ Уайклифа, или относящіеся до него, находятся въ *Fasciculi Zizaniorum magistri Jannis Wyclif cum tritico*, изд. Ширлэй (*Rolls*) 1858, 8°, (компиляція Томаса Неттера, XV вѣка).

Справиться еще: Ширлэй *a Catalogue of the original Works of John Wyclif*, Оксфордъ, 1865, 8°, и у М. Томсона, *Wucliffe exhyibition in the King's Library*, Лондонъ, 1884, 8°.

[1]) Р. Л. Поль. *Wycliffe and movements for Reform*, Лондонъ, 1889, 8°, стр. 85.

Исторія религій. А. Мензиса. Перев. съ англ. М. Чепинской.—Антропологія. Л. Крживицкаго. Перев. съ польск. С. Д. Романовскаго-Романько, подъ ред. Р. И. Сементковскаго . . . . . 93—115

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. ЛИЧНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ. Н. Дружинина. . . . . 116—143

II. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ КАРТИНКИ. (Изъ наблюденій счетчиковъ). С. Г—ина. . . . . 143—168

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Чернигова. (Къ характеристикѣ экономической дѣятельности черниговскаго земства). **Петра Черепанина.**—Изъ Ряжска, Рязанской губерніи. (На земскомъ собраніи). **Отставного учителя.**—Псковъ. (Вопросъ о народномъ образованіи въ псковскомъ губернскомъ земствѣ). **Б—вой.** . . . . . 169—194

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Война между Вассосомъ и Европой.—Протестъ Вассоса.—Греко-турецкій конфликтъ съ точки зрѣнія международнаго права.—Проектъ бомбардировки аѳинскаго парламента и голоданіе русскихъ офицеровъ.—Новыя избіенія армянъ.—Желтая книга.—Морскія пренія въ рейхстагѣ.—Юбилей Вильгельма «Великаго».—«Нѣмецкая душа».—Мрачное настроеніе Бисмарка.—Покровители рабочихъ.—Французскіе соціалисты.—Возобновленіе «Панамы».—Прусскіе комментаріи къ французскому военному законопроекту.—Положеніе нетитулованнаго русскаго за границей.—Составъ новаго рейхсрата.—Затруднительное положеніе графа Бадени.—Помолвка младочеховъ съ правительствомъ.—Составъ новой итальянской палаты.—Полное пораженіе Криспи.—Рѣчь Цанарделли. **В. П.** . . . . . 195—216

Политическіе выборы въ Галиціи. (Впечатлѣнія туриста). **В. Водовозова.** . . . . . 217—228

16. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Законность и ея отношеніе къ содержанію закона.—Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ.—Нѣсколько фактовъ въ лѣтопись періодической печати и современное ея юридическое положеніе.—Историческая справка по этому вопросу.—Пересмотръ акціоернаго законодательства. Характеристика нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Цитовича.—Расширеніе полномочій главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ.—«Дворянскій вопросъ» и отношеніе реакціонной печати къ дворянству. Статья г. Чичерина. **П. Б.** . . . . . 229—243

17. А. Н. МАЙКОВЪ. (Некрологъ). 244

18. И. А. КЕЙССЛЕРЪ. (Некрологъ). 245

19. ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ СТУДЕНТАМЪ ИМП. С.-ПЕТЕРБ. УНИВ. 246

20. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ мартѣ.

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

22. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана.** . . . . . 257—288

При этой книжкѣ разсылается отдѣльное объявленіе «Базаръ марокъ».

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ГОДОВАЯ И ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которою желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще **«письма изъ провинціи»**.

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе и на европейскую литературу, науку и жизнь.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западноевропейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода	5 » — »
» » » » на три мѣсяца	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи**: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородныхъ въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ.** Издатель **М. Н. Семеновъ.**